

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ



REVUE
D'HISTOIRE
ANCIENNE

1

ОГИЗ ГОСПОЛИТИЗДАТ 1941

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ АКАДЕМИИ НАУК СССР

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

REVUE D'HISTOIRE ANCIENNE



1 (14)

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

Ан.
—
548.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
А. В. МИШУЛИН



КРИТИКУ И БИБЛИОГРАФИЮ НА СЛУЖБУ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ СССР

После выхода «Краткого курса истории ВКП(б)» историческая наука в СССР, оплодотворенная великими идеями этой сокровищницы марксистской мысли, быстрыми шагами пошла вперед. Успешно разрешается ряд теоретических вопросов и практических задач. Вышла серия учебников для средней школы, учебников и учебных пособий для вузов, ускоренными темпами идет подготовка капитальных трудов, подготовляемых Институтом истории АН СССР: «История СССР», «Всемирная история», «История общественной мысли», «История Москвы». Вышло выдающееся произведение «История дипломатии», т. I, из серии «Библиотека внешней политики». Институт философии АН подготовил семитомную «Историю философии», первый том которой уже вышел в свет. Институт этнографии, Институт востоковедения и др. готовят крупные исторические труды. Одновременно выходят монографические работы, из которых многие имеют большое значение для исторической науки. Таковы исследования акад. Б. Д. Грекова «Киевская Русь», акад. Я. А. Манандяна «Тигран II и Рим», акад. Е. В. Тарле «Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год».

В Украинской, Белорусской и Грузинской АН, в филиалах и отделениях АН СССР, в университетах и институтах, в музеях и библиотеках развертывается обширная исследовательская работа.

Большого размаха достигли археологические исследования, давшие за последние годы открытия мирового значения (находка неандертальца в Тешик-таше в Узбекистане, памятники из цалкинских курганов в Грузии).

Возродились заглохшие было исторические дисциплины—византиноведение и славяноведение. Многочисленные диссертации на исторические темы свидетельствуют о росте научных кадров и дают уверенность, что темп роста советской исторической науки будет соответствовать общему культурному росту нашей социалистической родины.

Все эти достижения советской исторической науки стали возможны благодаря тому вниманию, которое оказывают исторической науке, историческому образованию партия и правительство, благодаря руководству и указаниям товарища Сталина, благодаря ясному и четким методологическим указаниям гениальной работы товарища Сталина «О диалектическом и историческом материализме».

Успехи советской исторической науки отражают общий подъем социалистической культуры, грандиозный по охвату и глубине процесс коммунистического воспитания и просвещения масс трудящихся. Культурный горизонт трудящихся быстро расширяется, их культурные потребности

растут. К литературе, к печатному слову предъявляются все более широкие и серьезные требования. В частности, вырос интерес к историческому знанию, к изучению закономерностей исторического развития; ведь познание движущих сил исторического процесса помогает понять прошлое, осмыслить настоящее, сознательно бороться за будущее, строить коммунистическое общество. Необходимо помочь читателю разобраться в выходящей исторической литературе, отобрать то ценное, что накопилось в старой литературе.

Центральный Комитет ВКП(б) обратил самое серьезное внимание на постановку литературной критики и библиографии. В специально принятом по этому поводу постановлении ЦК ВКП(б) отметил, что литературная критика и библиография находятся в крайне запущенном состоянии, и принял ряд конкретных решений, направленных к коренному улучшению этой работы, очень важной для коммунистического воспитания, для пропаганды марксистско-ленинского мировоззрения.

Правильная постановка критики и библиографии имеет немалое значение и для самих историков.

Источники и литература по истории, в частности древней истории, стали совершенно необозримы, и одна из трудностей при исследовании исторических проблем состоит именно в том, чтобы найти и подобрать нужные источники и литературу. Незнание или сознательное игнорирование литературы вопроса приводит обычно к тому, что время и труд тратятся на исследование вещей, уже известных. Даже ученый такого ранга, как У. Виламовиц-Мёллендорф, оказывался иной раз жертвой пренебрежения к текущей литературе.

В изучении истории древности русская наука имеет немалые заслуги. Такие имена, как В. В. Латышев, В. С. Голенищев, В. Г. Васильевский, Б. А. Тураев и многие другие, прочно вошли в историю науки. Молодая советская историческая наука имеет ряд крупных достижений. Достаточно назвать Н. Я. Марра, открывшего новые пути исследования не только языка, но и архаического периода истории общества. Но и старая русская наука и новая советская марксистская наука, естественно, используют наследие прошлого, все лучшее, что достигнуто буржуазными исследователями всего мира, от Вико до наших дней. Вся эта литература содержит часто исключительной научной ценности сводки материалов, публикации находок, документов различного рода, надписей, монет и т. п. На этих трудах ученых воспитывалось не одно поколение специалистов. Надо лишь уметь эту литературу и эти исследования правильно использовать.

Историк-марксист должен помнить, что труды самых выдающихся ученых необходимо осваивать критически, ибо старые ученые давали в большинстве случаев неверные обобщения.

«Ни единому из этих профессоров,—писал Ленин,—способных давать самые ценные работы в специальных областях химии, истории, физики, нельзя верить ни в едином слове, раз речь заходит о философии. Почему? По той же причине, по которой ни единому профессору политической экономии, способному давать самые ценные работы в области фактических, специальных исследований, нельзя верить ни в одном слове, раз речь заходит об общей теории политической экономии. Ибо эта последняя—такая же партийная наука в современном обществе, как и гносеология. В общем и целом профессора-экономисты не что иное, как ученые приказчики класса капиталистов, и профессора философии—ученые приказчики теологов.

Задача марксистов и тут и там суметь усвоить себе и переработать те завоевания, которые делаются этими «приказчиками» (вы не сделаете, например, ни шагу в области изучения новых экономических явлений,

не пользуясь трудами этих приказчиков), — и уметь отсеять их реакционную тенденцию, уметь вести *свою* линию и бороться со *всею* линией враждебных нам сил и классов»¹.

Надо уметь, подчеркивает Ленин, отсеять реакционную тенденцию буржуазных научных трудов. Практически же бывает так, что историк иной раз лишь заменяет марксистской фразеологией реакционные *рассуждения* того или иного буржуазного историка, незаметно для себя усваивая по существу реакционное *содержание* его труда. Задача состоит в том, чтобы вскрывать реакционную тенденцию не только в общих формулировках, но и в самом изложении, в подборе, освещении и толковании фактов. Поэтому использованию источников и литературы должна предшествовать критика их. *Критика* — совершенно необходимый элемент всякого серьезного исследования.

К сожалению, историки до сих пор недостаточно внимания уделяют вопросам критики. У нас нет специальных трудов по историографии древности. До сих пор историки не написали еще курса по историографии античности. Вышедшая в 1915 г. третьим изданием книга В. Бузескула «Введение в историю Греции» явно устарела. Сейчас ее можно использовать для некоторых справок, но учить молодежь по ней нельзя. По истории древнего Востока и древнего Рима нет даже и таких работ, как книга Бузескула. Историкам-марксистам приходится каждому в отдельности самостоятельно проделывать критическую работу над буржуазной исторической литературой, которой они пользуются в своих исследованиях, в учебной и популярной научной работе. Между тем, имеются все условия для правильной постановки дела.

Наши специалисты по истории древности, работая над составлением и редактированием учебников, над соответствующими томами «Всемирной истории», над монографиями, проделали огромную критическую работу при использовании источников и литературы. Некоторое, хотя бы только слабое, отражение эта работа нашла в ряде статей, помещенных в качестве особого приложения в № 3(4) «Вестника древней истории». Необходимо историографические исследования систематизировать и положить в основу большого сводного историографического труда. Было бы правильно, чтобы Институт истории АН СССР включил составление такого труда в план работы Института в ближайшие годы. Показать развитие исторической науки — одна из существенных задач марксистской критики.

В развитии марксистско-ленинской критики особенно важно составление критическо-библиографических обзоров и специальных этюдов по наиболее сложным и спорным проблемам истории древности. Некоторые такие проблемы, как характеристика древневосточных обществ, социально-экономический строй критского общества, возникновение греческих государств, роль славян в формировании Византийского государства, — были поставлены на обсуждение в Отделении истории и философии АН и вызвали живейший интерес в широких кругах научной общественности. Критико-библиографическая работа должна содействовать успешному разрешению этих и многих других исторических проблем. Вместе с тем она наталкивает на постановку новых задач, будит исследовательскую мысль, в известной мере предохраняет от самоуспокоенности и самодовольства.

Но прежде всего критика и библиография должны обслуживать все возрастающие интересы массового читателя и широкие кадры советской интеллигенции. Критика выходящей новой литературы должна быть поставлена на такую высоту, чтобы она поднимала и автора и читателя, двигала науку вперед, выдвигая новые задачи и указывая вместе с тем

¹ Ленин, Соч., т. XIII, стр. 280.

возможные пути для их решения. Критика поэтому не должна рассматриваться как второстепенное, побочное, «несерьезное» дело; напротив, она — один из самых серьезных и ответственных видов научной работы.

Основоположники марксизма-ленинизма придавали и придают огромное значение критике и сами дают примеры и непревзойденные образцы критической мысли. Все произведения Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина проникнуты боевым духом; идеи революционного марксизма выковывались в неустанной борьбе с враждебными пролетариату течениями. Многие из основных трудов марксизма-ленинизма — «К критике политической экономии», «Нищета философии» Маркса, «Анти-Дюринг», «Л. Фейербах» Энгельса, «Материализм и эмпириокритицизм» Ленина, «Марксизм и национально-колониальный вопрос» Сталина — и по существу и по форме представляют собой критические произведения. И каждый советский ученый должен считать за честь, следуя примеру основоположников марксизма-ленинизма, не только давать систематизацию и обобщение добытых его исследованиями результатов, но и учить читателя критически преодолевать старое, косное, все, что тормозит движение подлинно-научной мысли.

Громадное значение для пропаганды и коммунистического воспитания имеет *рецензирование* новых книг, составление библиографии и рекомендательных списков книг по различным отраслям знания. В ближайшую очередь это — задача журналов.

Исторические журналы кое-что в этом направлении делают. Много места уделяет критике и библиографии «Историк-марксист». В «Историческом журнале» отдел критики и библиографии занимает, примерно, четверть всего номера (№ 1 за 1941 г.). «Вестник древней истории» с самого начала имеет отдел критики и библиографии. В двенадцати номерах журнала за 1938—1940 гг. в этом разделе помещено 38 рецензий на новые советские издания, 23 рецензии на иностранные книги, 4 аннотированных списка советских изданий, 4 обзора журналов («Историк-марксист», «Исторический журнал», «Советская этнография», «Известия Академии наук»), 9 обширных обзоров иностранных журналов по древней истории и смежным дисциплинам (печатаются систематически), 2 подробных списка иностранных книг, поступивших в библиотеки нашего Союза, с указанием, в какой из наших библиотек данную книгу можно получить, и, наконец, 13 весьма обширных обзоров литературы по отдельным проблемам древней истории (этруски, тохарская проблема, происхождение иберов и др.). Некоторые из этих обзоров (например, Н. И. Н о в о с а д с к и й, Античная эпиграфика в СССР за 20 лет; Н. А. М а ш к и н, Эдикты Августа из Киренаики) представляют самостоятельные научные исследования.

Всего в отделе критики и библиографии помещено в 12 номерах 95 статей объемом в 65 авторских листов. Но критико-библиографические статьи помещались и в других разделах: С. А. Ж е б е л е в, Русское византиноведение, его прошлое, его задачи в советской науке; В. В. С т р у в е, Изучение истории древнего Востока в СССР за период 1917—1937 гг.; А. В. М и ш у л и н, О наследстве русской науки по древней истории; Б. Д. Г р е к о в, История древних славян и Руси в работах акад. В. Г. Васильевского. Специальное приложение к № 3(4) 1938 г.: «Материалы к обсуждению схемы издания «История древнего мира» АН СССР» — содержит, как уже упоминалось, статьи по историографии. Ряд передовых статей журнала посвящен трудам основоположников марксизма-ленинизма.

Приходится, однако, признать критико-библиографическую работу «Вестника древней истории» недостаточной. Рецензирование книг не имеет систематического характера; не вся выходящая литература по древ-

ней истории—особенно литература, печатающаяся на местах,—освещается или даже только отмечается на страницах журнала. До сих пор еще журнал не ознакомил читателей с исторической литературой и научными работами во вновь присоединенных к СССР союзных республиках.

Журнал ставит своей задачей впредь систематически освещать всю выходящую литературу по древней истории, выше поднять качество рецензий, чтобы они помогали читателям овладеть историческими знаниями, учили вскрывать и отсекал враждебные, реакционные, антинаучные тенденции.

Само собою разумеется, «Вестник древней истории», имея свою специальную тематику, не должен, даже в части древней истории, подменять другие исторические журналы, в частности «Историк-марксист» и «Исторический журнал».

Большая задача стоит перед периодической печатью. Осуществление решений ЦК ВКП(б) о литературной критике и библиографии потребует коренной перестройки критико-библиографической работы, поднятия ее на уровень, требуемый расцветшей культурой многомиллионных народов Советского Союза. Оживление этой работы уже заметно сказывается. В нее активно включились крупнейшие библиотеки нашей страны. В частности, большую подготовительную работу проделывает Фундаментальная библиотека АН СССР в связи с капитальными изданиями АН по истории СССР и всеобщей истории. Работа еще только началась, и Фундаментальная библиотека пока еще не поспевает за темпом научной работы институтов АН. В частности, надо отметить, что, хотя библиотека объявила о подготовке библиографии для многотомника по истории философии, составляемого Институтом философии АН, первый том «Истории философии» вышел в свет без библиографии.

Живой интерес вызвал у историков новый библиографический бюллетень «Историческая литература». «Бюллетень» еще не окончательно определил свою структуру. Расположение материала внутри разделов несистематично, подбор иностранной, особенно журнальной, литературы случаен, характер аннотаций пестрый. Но со временем «Бюллетень», надо надеяться, устранил эти недочеты.

Задуманное Академией наук монументальное издание «Книга о книге» подведет итоги прошлого и будет незаменимым пособием для научных работников, советской интеллигенции, для самообразования. Но понятно, что текущая литература должна освещаться в периодической печати, а историографическая критика должна быть предметом специальных исследований. Перед историческими журналами стоит задача сделать историческую науку достоянием народа, помочь трудящимся овладеть мировоззрением марксизма-ленинизма, содействовать превращению всех трудящихся в сознательных строителей коммунистического общества. Задача почетная и ко многому обязывающая.

Исторические решения XVIII партконференции ставят перед работниками во всех областях хозяйства и культуры большие и ответственные задачи.

Задача историков заключается в том, чтобы, идя нога в ногу с развитием социалистического строительства, готовить исторические труды, исследовать прошлое человечества с марксистско-ленинской точки зрения, пропагандировать историческую науку в широких кругах советского народа. И в этом большом и почетном деле громадным рычагом являются хорошо поставленные критика и библиография.



ТИРСЕНЫ В ИСПАНИИ

(Новые данные об иберийском языке)

Адольф Шультен

1. Надпись Зосима

Во время своего путешествия по Испании осенью 1939 г. я увидел в маленьком местном музее в Италике, близ Севильи, надпись, найденную в Италике (см. рис. 1 и 2). Она высечена на камне из белого мрамора величиной 31×31 см; под надписью находится изображение двух пар ног, из которых левая пара обращена вниз, а правая вверх.

Каменные изображения одной пары ног (ἵχλος, βῆμα) или двух пар (βῆματα) встречаются очень часто как дар посвящения, начиная с эллинистической эпохи, как в греческом, так и римском мире, особенно в храмах¹.

Эти изображения ног означают, что посвяtitель некоторым образом оставил отпечаток своих ног, следовательно, лично был на месте посвящения и выполнил свой обет. Две пары—символ счастливого путешествия туда и обратно. В Италике нашлось не менее трех изображений пар ног; два изображения с двумя парами: одно—здесь рассматриваемое, другое—на посвящении карфагенской богине Целесте² (рис. 3), и третье—только с одной парой—в музее в Севилье, которое также происходит из Италики³.

Далее, одну пару ног я видел на мозаике с изображением Приапа в «Villa de Arcos» в Кордове.

Несмотря на то, что эта надпись, благодаря своему необычному письму, должна была броситься в глаза, она до сих пор, хотя найдена 15 лет назад, не исследована и не опубликована. Я обязан г. Ф. Коллантес де Теран, руководителю раскопок в Италике, тем, что располагаю фотографией надписи в размере оригинала (рис. 1) и небольшой фотографией всего камня (рис. 2).

Первый шаг к расшифровке надписи сделал д-р Боуда (Bouda), приват-доцент в Берлине, заметив, что надпись, несмотря на то, что часть букв ее направлена вправо, следует читать не, как обычно, слева направо, но

¹ Ср. Hiller v. Gärtringen, Thera, I, 275; Conze, Reise auf Lesbos, стр. 31 сл. и табл. XIII с 10 изображениями таких ног; Lanckoroſsky, Reisen in Pamphylien, II, 76 и к надписи № 176; Amelung в «Arch. f. Religionsgeschichte», 1905, 158 и «Skulpturen d. Vatik. Mus.», I, 305; Roscher, Lex. d. Mythol., II, 527.

² Надпись этого камня гласит: Caelesti Piae Aug(ustae) C. S(uil)lius Africanus cum liberis a(nimo) l(ibens) v(otum) s(olvit). Две пары ступней ног имеются также на одном посвящении Целесте Урании в Ватикане (Amelung, «Skulpt. d. Vat. Mus.», I, 305).

³ CIL, II, 1112: C. Flavius Firmus voto s(uscepto) l(ibens) r(eddidit) pro Flavio Successo.

справа налево. Таким образом, он распознал слова: 'Ιταλι... и Ζώσιμος... Он прочел, начиная с конца первой строки

1. Italian. s. s. [on]. maj(o)s
2. Iulous tle. emesi Zosimos,

что, однако, не имеет смысла. Вслед за этим я расшифровал всю надпись. Ее следует начинать со второй строки и читать:

2. Αὐγούσταε. Νέμεσι. Ζώσιμος
1. π. 'Ιταλικήνσιουμ. Δύκιος¹.

По-латыни:

2. Augustae. Nemesi. Zosimos
1. p(ublicus). Italicensium. Lykios.

Если же начинать читать, как нормально, с начала первой строки и слева направо:

1. Δύκιος. 'Ιταλικήνσιουμ. π.
2. Ζώσιμος. Νέμεσι. Αὐγούσταε,

то Δύκιος может быть только = Lucius (так как этническое название λύκιος не может стоять впереди), следовательно, человек назывался бы Л. Зосим. Но в таком случае он был бы свободным, а этому противоречит

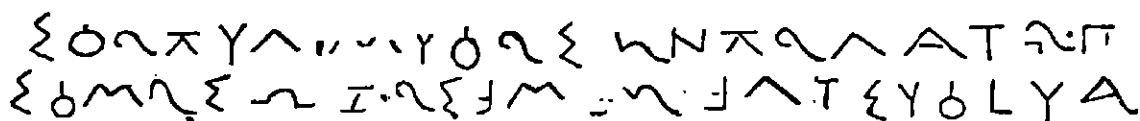


Рис. 1. Надпись Зосима (1:3).

«р.» в конце строки, что может читаться лишь как p(ublicus), т. е. servus (стр. 10). Кроме того, такое чтение создавало бы весьма своеобразное противоречие внутри самой надписи, так как надпись следовало бы читать слева направо, в то время как отдельные слова читались бы справа налево.

Наконец, publicus стоит всегда перед относящимся к нему родительным падежом (ср. D e s s a u, ILS, 4980—4989).

Наше посвящение и другое—Целесте (рис. 3)—были найдены во время раскопок амфитеатра в Италике при его входе и оказались вделанными в облицовку пола: камень, посвященный Немезиде,—у самого входа (рис. 4, у цифры 2), посвященный Целесте—в прилегающем помещении (рис. 4, у цифры 1).

Коллантес де Теран по этому поводу пишет мне²:

«Надпись с неизвестным алфавитом находилась у среднего входа в амфитеатр, на месте, обозначенном на рисунке цифрой 2. Камень находился там не случайно³, но был установлен намеренно и соединен с одной из плит пола, в которой до сих пор отчетливо видно отверстие, где был вделан камень. Такова форма, в которой такого рода посвящательные камни встречаются в амфитеатре, однако я не знаю, что является причиной обычая устанавливать камни на таком месте».

¹ Слова на камне отделены друг от друга точками.

² «La inscripción con el alfabeto desconocido estaba colocada en la galeria central de acceso al anfiteatro en el lugar marcado con 2 en el croquis, que le remito. No estaba allí casualmente, sino colocada de proposito, fijada a una de las losas del pavimento, en la que se conserva perfectamente visible el hueco en que estaba incrustada. Esta es la forma en que aparecen estas lapidas votivas en el anfiteatro, sin que yo sepa, cual fué la causa de esta costumbre de fijar tales lapidas en tal sitio».

³ Как строительный материал.

Что оба камня находились на своем первоначальном месте, можно узнать также и потому, что они стояли симметрично. Камень, посвященный Целесте,—в середине между продольных стен помещения, смежного с входом; камень, посвященный Немезиде,—перед серединой выступа внешней части этого помещения.

Одинаковое явление—посвящение Немезиде при входе в амфитеатр—встречается на арене в Карнунте, где по обе стороны входа находились святилища Немезиды¹. Такое же изображение имели арены в Аквинке и Сармизегетусе², в Риме—цирк³, в других местах—театр⁴. Арену в Италике, перед которой стояло посвящение Немезиде, а внутри—посвящение Целесте, следует равным образом рассматривать как святилище Немезиды. Немезида—богиня, наказывающая дерзких,—особенно призывалась гладиаторами, возницами и другими агонистами для защиты от заносчивых врагов⁵.

Богиня Немезида встречается также и в других местах южной Испании: в Кордове (С. II, 2195) и Эборе (С. II, 5191). *Nemesis Augusta* встречается часто (RE, см. «Nemesis», стр. 2363). И для перестановки слов *Augusta Nemesis* также имеется ряд других примеров: *Augustis Laribus* (Dessau, 4847), *Augusto Vintio* (ibid., 4848), *Augusta Venus* (С. III, 7254); по-гречески: Ἀφροδίτῃ Ἀφροδίτῃ (Strabo, XVII, II, 16) и т. п., так что грек Зосим мог следовать и греческому обычаю.

Так как Немезида была почитаема в особенности гладиаторами (см. выше), следует предположить, что Зосим выступал в качестве гладиатора, и таковым, возможно, был также и Г. Суиллий Африкан, автор посвящения Целесте, потому что и свободные иногда позволяли вербовать себя в гладиаторы⁶. Двойная пара ног могла в этом случае обозначать, что оба посвятителя даровали их в честь счастливого выступления и ухода с арены Италики. Но это могло относиться и к путешествию. Изображение имеет раму, однако верхняя часть рамы сколота, для того чтобы поместить надпись Зосима. Таким образом, первоначально камень не имел надписи, для которой на нем не было места; она, должно быть, находилась вне камня, например на стене, к которой изображение было приделано. Зосим использовал этот, каким-то образом оказавшийся без владельца, посвятельный камень, сделал на изображении свою надпись и, тем самым присвоив себе это изображение, вновь его посвятил.

Итак, перед нами посвятельная надпись, при посредстве которой Зосим из Ликии, общественный раб⁷ города Италики, посвящает изображение пары ног богине Августе Немезиде. Имя *Augusta* показывает, что надпись относится к эпохе империи. Вначале это почетное имя было присвоено Ливии, жене Августа, после его смерти в 14 г. н. э., позднее этим именем называли всех императриц.

¹ Dessau, ILS, 3743.

² Dessau, 3742. С. III, 13 777.

³ Roscher, Lexicon d. Myth. s.v. «Nemesis», стр. 138.

⁴ RA, 1939, стр. 148.

⁵ Ср. RE, s.v. «Nemesis», стр. 2372 и Premerslein, *Nemesis und ihre Bedeutung für die Agone*. «Philologus», 1894, стр. 400.

⁶ RE, Suppl. III, стр. 774.

⁷ «Р.» может обозначать только *p(ublicus)*. «Р.», правда, встречается как сокращение от *patronus* (Dessau, ILS, 6263, 6268, а также 7322), но Ζῶσιμος Λύκιος—имя раба, а не патрона, который всегда принадлежит к высшим общественным слоям. Сокращение «р»=*publicus* известно, и *s(ervus) p(ublicus)* стоит, например, у Dessau, ILS, 6480. Обычно, однако, общественный раб называется просто *publicus*, в пользу чего Dessau (4980—4993a) приводит более 12 примеров. В *Successus, publicus municipium Asisinatum ser(vus)*, *Amoenianus* (Dessau, 3039) мы видим такую же перестановку слов, как в *Zosimos, publicus Italicensium, Lykios*.

Так как распространенное среди рабов имя Зосим большей частью встречается в эпоху поздней Империи, камень, по всей вероятности, относится также к поздней Империи.

Зосим пользуется для своего посвящения латинским языком, за исключением своего имени и своей народности, которые он пишет по-гречески.

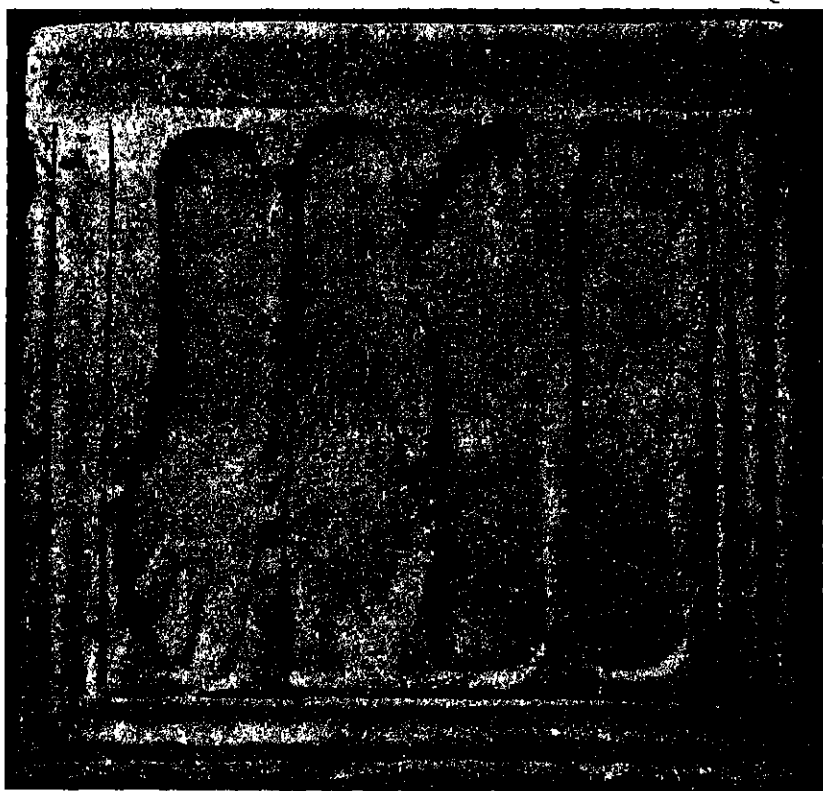


Рис. 2. Посвяtitельный камень Зосима.

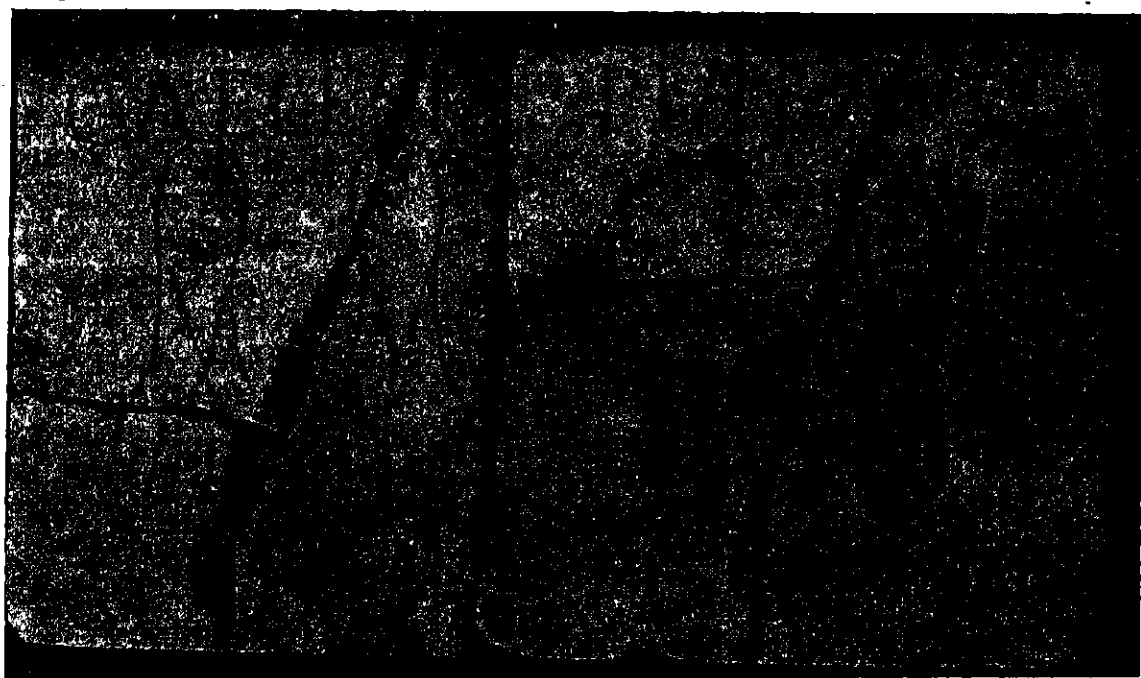


Рис. 3. Посвящение Целесте.

Но письмо, которое он применил для своего латинского посвящения, не является, как можно было бы ожидать, латинским, которым Зосим, как раб города Италики, конечно, владел; это также и не нормальное греческое письмо эпохи Империи, которое он знал, как грек, а совсем древнее и необычное. В этом характере письма—большое значение короткой над-

писи из Италики¹. Прежде всего бросается в глаза в надписи эпохи Империи старинный характер письма: еще сохранившиеся финикийские формы букв α, ζ, ι, ο (ср. стр. 14) и направление письма справа налево. Гиллер фон Гертринген относит это письмо к VII—VI вв. до н. э. Возможно, что оно еще древнее (см. стр. 27).

Если мы, однако, попытаемся определить происхождение этой странной надписи, то мы найдем совсем похожую на нее там, где она была найдена: в Андалузии, а именно на монетах из Обулкона близ Кордовы (Vives, *Moneda Hispanica* [Madrid, 1924], III, 54) и из двух других городов Бетики: из Абры (Vives, III, 63) и из неизвестного города (Vives, III, 64), затем из Кастуллона (Vives, II, 166), который относится, правда, к Ближней Испании, но лежит непосредственно на границе Даль-

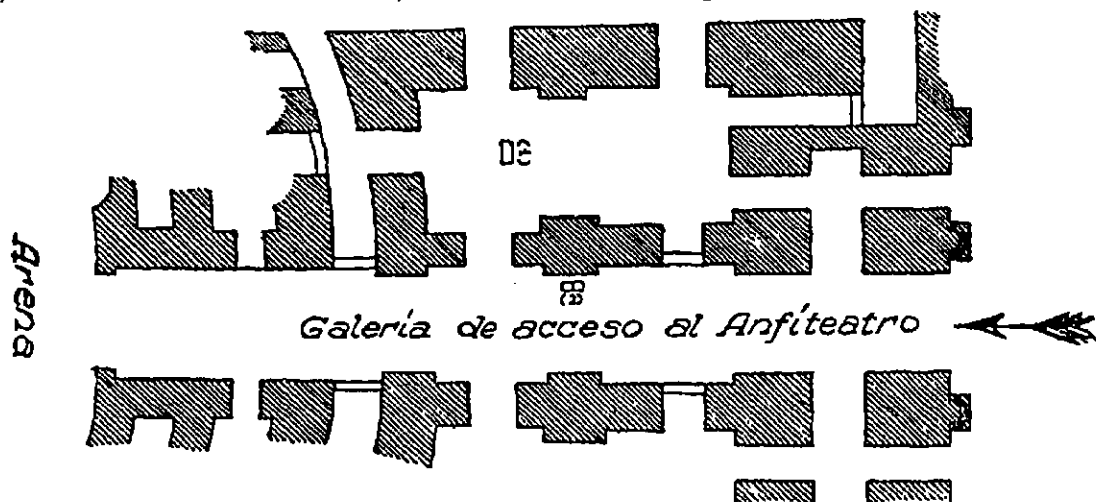


Рис. 4. Вход на арену Италики.

ней Испании, и из Саласии в южной Лузитании (Vives, III, 24). Это же самое письмо встречается в надписях Бетики, особенно в окрестностях Эстепы, древней Астапы, южнее Кордовы («Revista de Archivos», 1897, стр. 482), а также в Илипе у Севильи (Hübner, MLI [1893], стр. 188), на западе Бетики и в Гадоре близ Альмерии—на востоке (Hübner, стр. 187), значит, в округе всей Бетики, и в особенности на 16 камнях, найденных в Южной Лузитании, граничащей с Бетикой, севернее и южнее Сиерры де Альгарве².

Рисунок 5 показывает алфавиты Италики, Эстепы, Илипы, Гадора, Обулкона и Лузитании и рядом с ними для сравнения похожие на них финикийский, лемнийский и ионийский алфавиты. Правда, алфавиты из Обулкона и т. д. и Италики мы знаем не полностью, а только 16—17 букв. Напротив, алфавит из Лузитании из 18 знаков мы знаем полностью. При множестве надписей и иногда большом размере их исключена возможность того, что некоторых знаков нехватает³. Алфавит, встречающийся на монетах, я составил по описаниям монет из Обулкона и т. д.⁴—Vives,

¹ Пользуюсь случаем принести благодарность всем тем, кто переписывался со мной по поводу надписи: Коллантес де Теран, Боуда, Гиллер фон Гертринген, Инстинский, Кречмер, Литтманн, Мильтнер, Рем, Шеллер, Феттер, Виккерт. Особенную благодарность заслуживает Гиллер, который, несмотря на свое требующее покоя зрение и срочную работу над «Inscriptiones Graecae», занялся камнем из Италики.

² Hübner, MLI, стр. 192—201 и «Archeologo Portuguez», 1897, стр. 185; 1900, стр. 40; 1929, стр. 205 сл.

³ Бросается в глаза отсутствие ρ.

⁴ Появляющиеся около 150 г. до н. э. монеты из Обулкона, кажется, изображают название OBULCO латинскими буквами с добавлением при этом иногда двух имен (то римских, то туземных) латинским шрифтом с обозначением AID(iles), иногда двух туземных имен иберийским шрифтом, например: Urcailu (=Urchaíl на надписи из Илипы, С. II, 1087), Ilmsa (Himilso?). Монеты из Обулкона и т. д.—единственные монеты с иберийским письмом в Дальней Испании. Почему только на монетах нашло отражение туземное письмо, мы не знаем. То, что в Ближней Испании имеется около

ITALICA	OBULCO	ILIPA	GADOR	LUSITANIEN	LEMNOS	PHON ¹⁾	GRIECH	GRIECH	
Α Α	Α, Λ	Α	·	Α. Α. Α	Α Α	α	Α	α	1
- ²⁾	-	-	-	-	-	9	Β	β	2
-	-	-	-	-	-	∧	Γ, Γ	γ	3
-	-	-	-	-	-	Δ	Δ	δ	4
Ј	Τ, Τ ³⁾	†	ξ	† 1.	†	ξ	Ε, Ε	ε	5
-	-	-	-	-	7	Υ	Φ	φ	6
Ι	-	-	-	Ζ	Ζ	Ι	Ι	ι	7
Ν	Ϸ	Η	И, Ν	Η, Η, Η, Ε, Χ, Η	Θ, Η	Η	Θ, Η	η	8
-	(1)	Θ	Θ	Θ	⊗	⊗	⊗	ο	9
~	Λ, Χ	Μ, Ι	И	Υ, Ι, Χ	Ι	Υ	Σ, Ι	ι	10
κ	κ	ΙC	ΙC	ΙC	κ	Υ	Κ	κ	11
Λ	Γ, Γ	Λ, Γ	Γ	Γ, Γ, Λ	Γ, Γ	Λ	Λ	λ	12
· Μ	Ι, Ι, Μ	-	Ϸ	-	Υ	Υ	Μ	μ	13
~	Υ	Ν	Η	Υ	Υ	Υ	Ν	ν	14
-	Ξ ⁴⁾	ξ	ξ	ξ = ζ	-	Ξ, Ξ	Ξ	ξ	15
ο	⊙, ⊙, ⊙	ο	⊙	ο, φ, ο	ο ο	ο, φ	ο	ο	16
Γ	-	Γ, Π	-	Γ	Γ	Γ	Γ	π	17
-	Μ, Μ	Μ	Μ	Μ	-	Μ	Μ	μ	18
-	Ϸ	Ϸ	Ϸ	Ϸ, Ϸ, Ϸ*	-	ρ	ρ	ρ	19
-	ρ, ρ	ρ, ο	ρ	ρ, ρ	ρ	ρ	ρ	ρ	20
ξ	ζ, ζ ⁵⁾	ξ, ζ	ξ	ξ, ζ, ζ, ξ	ξ	ω	ξ	ο=ι	21
Τ	Χ	Χ	Χ	Χ	Τ	Χ	Τ	τ	22
Υ·α	Υ, Γ	Η, Γ	Υ, Γ	Υ, Υ	-	-	Υ	υ	23
-	-	-	-	-	φ	-	φ	φ	24
-	-	-	-	-	ψ	-	χ	χ	25
-	-	-	-	-	-	-	ω	ω	26
~	-	-	-	-	-	-	Ω	ω	27
	Λ·Κα	Δ = τα		Δ = τα					

Рис. 5. Сравнительная таблица алфавитов.

1. На основании надписи Меши, относящейся приблизительно к 850 г. до н. э. Для формы букв, стоящих на втором месте, примеры приведены в таблице алфавитов у Schröder, Phönizische Sprache. 1a. Черта означает, что данная буква в памятниках не засвидетельствована. 2. Так в Кастулоне. 3. Так в Проконнесе. 4. Так в древнейшем аттическом письме. 5. Так на монетах неизвестного города. 6. Гюбиер (стр. XXXIV) идентифицирует знак с тремя поперечными чертами $\ddagger$ и знаки, подобные ему, с двумя чертами $\ddot{\tau}$ и с ε. Однако их значение различно, так как в Гадоре они стоят рядом, и $\ddagger$ не есть ε, так как в Обулконе он стоит между двумя гласными, следовательно, не есть гласная, но самех = š. 7. Срвн. Schröder, Phöniz. Sprache в конце строки ξ. 8. По Шредеру, ук. соч., в конце строки ο. 9. Так в Абре. 10. Знак $\mathbb{L}$ = γ следовало бы добавить в столбце Италики.

100 монет с иберийским письмом, показывает на ее меньшую романизацию в противоположность рано романизированной Бетике.

Moneda Hispanica, III, 24; 54—64, и оттискам их в атласе, в таблице 94—98; алфавиты надписей—по факсимиле надписей из Андалузии и южной Португалии у Hübner, MLI, стр. 187—201; алфавит найденных Гюбнером камней—по публикации в «*Archeologo Portuguez*». Алфавит Дальней Испании у Гюбнера (стр. LVI) содержит много ошибок, так как монеты из Обулкона он использовал не по оригиналам, как Вивес, а по мало надежным рисункам в старинных испанских сочинениях по нумизматике. Его чтение надписей также не всегда правильно.

Надпись из Италики, так же как и надписи и монеты юга, прежде всего имеет одинаковое старинное направление письма влево, в отличие от письма Ближней Испании, более позднего, направленного вправо¹. Алфавит Италики совпадает с другими алфавитами юга больше всего в начертании α , λ и υ и σ , имеющих редкую и характерную форму, в особенности в знаке $\sim = \nu$, встречающемся еще только в Обулконе. Для α и υ в Обулконе имеется угловатая форма, в Италике—частью угловатая, частью круглая; для σ в Италике круглая форма, а в Обулконе и т. д.—как круглая, так и угловатая. Круглая форма, преобладающая в Италике, кажется, является более поздним, отшлифованным вариантом угловатой, так же как $\sim (= \iota)$ из Италики явственно закруглено из финикийского $\aleph$. Далее, Италика согласуется с письмом юга в буквах ϵ (которое встречается иногда в Обулконе, Гадоре, Илипе, Лузитании только с двумя поперечными штрихами), χ (Обулкон), τ (Гадор), μ (неизвестный город), π (Илипа), *schin* (Лузитания), υ (Лузитания). Только три знака Италики из 14, которые, как засвидетельствованные и другими алфавитами, могут быть сравниваемы, показывают более сильное отклонение: γ , ι и τ . Сходство алфавита Италики с другими алфавитами заставляет сделать вывод, что все они основываются на одном общем алфавите. Незначительные отклонения объясняются большим промежутком времени, который отделяет письмо Италики от других письменностей.

Надпись из Италики датируется эпохой поздней Империи, в то время как монеты из Обулкона—только еще эпохой Республики, что видно из слов *aidilis* (вместо *aedilis*) и *Aimilius* (Hübner, стр. 110); надписи же из Лузитании еще на столетия древнее (см. ниже, стр. 26).

Вытекающий, повидимому, из круглой, отшлифованной формы многих букв Италики вывод о том, что письмо Италики гораздо позднее, чем письмо других надписей, подтверждается прежде всего тем, что знаки π , τ , υ из Италики имеют форму более позднюю (греческую), чем другие алфавиты, стоящие ближе к финикийскому; далее, тем, что буквы Италики отчасти направлены вправо, между тем как буквы всех других алфавитов—влево, и в особенности тем, что только Италика имеет ω , позднейшее добавление из греческого алфавита. Три группы надписей из Илипы, Гадора, Лузитании почти полностью совпадают. Обулкон большей частью согласуется с ними и лишь в некоторых знаках—с Италикой, а именно в буквах: α , χ , μ , ν . Видно, что лежащий в основе всех пяти групп алфавит подвергся местным изменениям, так же как мы это находим и в греческих алфавитах.

Письмо Зосима, следовательно, действительно существовало и употреблялось в ту эпоху в Андалузии, а вовсе не является произвольным

¹ Иберийские надписи и монеты Ближней Испании можно найти у Гюбнера (стр. 14 сл.), но легенды монет следует уточнять по Vives, том 2 и 3. Превосходна книга Hill, *Notes on the ancient coinage of Hispania citerior* (New York, 1931). Письмо иберийских монет лучше всего исследовано Gomez-Mageno в «*Revista de Filologia española*», 1922 и *Homenaje para Menendez Pidal*, 1925.

искажением тогдашнего греческого письма греком («Graeculus») Зосимом посредством изобретенных им знаков. Если спросить, почему Зосим прибег к этому письму, то здесь могли бы оказаться верными предположения Кречмера и Феттера, что он сделал это для того, чтобы путем «колдовства» («Tarnung») предохранить свое посвящение от враждебного воздействия, подобно тому как заклятия на гробницах римского Карфагена написаны по-гречески. Равным образом Зосим мог использовать древнее письмо для того, чтобы придать достойный вид и большее значение своему посвящению.

2. Тартесское письмо

Обычно алфавит монет и надписей Бетики называют «турдетанским». Однако лучше называть его т а р т е с с к и м¹, так как достоверно известно, что он происходил не от турдетанов, туземных иберийских жителей тартесского государства, но из господствующего в этом государстве, в устье реки Гвадалквивира, города Тартесса, относительно которого доказано, что он имел свое особое письмо. О том, что тартессцы имели свою собственную письменность, свидетельствует Страбон (III, 1, 6), когда он говорит, что они были наиболее культурными среди иберов и будто бы имели письменность и написанные на ней приблизительно за 6000 лет до того «летописи в прозе, стихи (эпос?) и законы в метрической (ритмической) форме»².

Из распространения надписей и монет видно, что их письменность была известна во всем Тартесском государстве, которое простиралось от океана на Западе до Восточного побережья³, и что она, следовательно, является тартесской.

Установив, что наша письменность является тартесской, следует попытаться ответить на дальнейший вопрос: как тартессцы пришли к этой письменности? Гюбнер (стр. LIV) полагает, что эта письменность происходит прямо от финикийцев, которые около 1100 г. основали в Андалузии Гадес и позднее еще другие колонии (Малаку, Секси, Абдеру) и поездки которых в Таршиш-Тартесс засвидетельствованы начиная с 1000 г.⁴ Действительно, тартесское письмо во многом сходно с финикийским алфавитом, и ₪ в нем еще означает š, финикийское самех. Но буквы θ, х, λ, ρ, q, sade, schin—совсем иные, и здесь тартесская письменность более похожа на ионийский алфавит. Главное же—тартесское письмо имеет не только 22 финикийские буквы, но и древнегреческое прибавление гласной u⁵, а в Италике мы находим

¹ Напротив, мы должны избегать обозначения письма как «иберийского». «Иберийское» правильно лишь постольку, поскольку надписи найдены в Иберии. Некультурные иберы Ближней Испании заимствовали это письмо из соседнего государства, старого культурного центра Тартесса, где оно обнаружено уже очень рано, около 800 г. до н. э. (см. ниже, стр. 27).

² Это свидетельство в свою очередь основывается на туземном, записанном на месте Посидонием или Асклепиадом из Мирлии предании, следовательно, безусловно полноценно. Я указывал на значение этого места (ценность которого признал уже Niebuhr, *Vorträge über Länder und Völkerkunde der alten Welt*, стр. 611) для старой и развитой культуры Тартесса. Эдуард Мейер («*Geschichte des Altertums*», 2. Aufl. II², 104), правда, полагает, что «в то же время следует остерегаться переоценивать значение этого развития». Я полагаю, что древнюю культуру Тартесса, которая на Западе в столь древние времена стоит совершенно одиноко, никак нельзя переоценить. Скепсис—хорош, слишком много скепсиса—вредно!

³ По Авениу, *Ora mar.*, 223 и 462; ср. мою книгу «Tartessos», стр. 71.

⁴ Ср. «Tartessos», стр. 2.

⁵ Ч = v, например, в слове *Urcailu* из Обулкона (= *Urchail*, CIL, II, 1087).

даже позднейшее греческое добавление ω . Тартесский алфавит, следовательно, стоит ближе к греческому, чем к финикийскому¹. Ведь ионийцы также ездили в Тартесс, особенно фокейцы, которые долго (с 650—500 гг. до н. э.) поддерживали с Тартессом близкие связи, имели возможность основать на тартесском берегу свою факторию Майнаку² и принести свою письменность в Испанию, о чем мы можем заключить на основании свинцовой таблички из Алкой VI в. до н. э., написанной ионийским письмом³.

Тартесская письменность относится к очень древней фазе ионийской письменности, так как, во-первых, в ней, как и в письменности Ближней Испании, недостает добавочных букв ϕ , χ , ψ , как и на Крите, Фере, Мелосе; во-вторых, она сохраняет финикийские формы, и, наконец, она еще имеет наклон влево. Единственное исключение—буква ω Италики является модернизированной прибавкой Зосима, который так же наклоняет все буквы влево, как это делают другие надписи юга, но буквы σ и γ наклоняет вправо, как это было обычно в его время. Т а р т е с с к о е п и с ь м о, следовательно, о т н о с и т с я н е к ф и н и к и й с к и м, а к и о н и й с к и м а л ф а в и т а м.

3. Тирсенское письмо

Итак, поиски происхождения тартесской письменности мы должны продолжать внутри ионийского алфавита. И тогда тотчас же можно увидеть, что она не совпадает с обыкновенной письменностью Эллады и колоний, которую мы находим в Испании на свинцовой таблице из Алкой, но частично от нее отклоняется (в буквах ϵ , δ , ζ , ν , q , τ). Зато бросается в глаза сходство с так наз. «малоазиатскими алфавитами» (лидийским, ликийским, карийским, памфилийским, фригийским, лемнийским), собранными в статье Гардтгаузена «Kleinasiatische Alphabet» в RE⁴.

Если сравнить эту малоазиатскую письменность с тартесской, то тотчас же станет видно, что она в своей греческой основе похожа на тартесскую, что и она имеет 23 буквы древнейшего ионийского алфавита с и, в то время как из позднейших добавлений только χ встречается во всех алфавитах, между тем как ψ и ω совсем отсутствуют, а ϕ встречается только в памфилийском и лемнийском. Малоазиатская письменность также направлена частично влево. Кроме этих общих совпадений, имеется еще одно особое и особо важное—сходство некоторых знаков: знака $\perp$ (Италика) = γ с памфилийским $\perp$ = γ , знака $\sqsubset$ (Италика и Ближняя Испания) = ϵ с лидийским $\mathfrak{J}$ = ϵ , знака k = x с лидийским k = x , $\mathfrak{I}$ = ν с лидийским $\mathfrak{I}$ = ν , знаков $\circ$, $\circ$, $\circ$ с карийским $\circ$, $\circ$, что одинаково означает звук o , знака $\mathfrak{S}$ = σ с ликийским $\mathfrak{S}$ = σ , знаков $\bowtie$, $\bowtie$, $\mathfrak{K}$ = q с памфилийским знаком $\mathfrak{X}$ для ks , с карийским $\mathfrak{X}$ для go и ликийским $\mathfrak{K}$ = q и кипрским $\mathfrak{X}$ = qu . Далее, бросается в глаза сходство многих параллельных штрихов

¹ Участие греческой письменности в формировании иберийской признал уже Rehm (Walter Otto, Handbuch der Archäologie, стр. 213), когда он писал: «Мы, далее, не сомневаемся, что греческая письменность, которая была перенесена на Запад, с самого начала участвовала также в развитии письменности иберов, наряду с северосемитской».

² Ср. «Tartessos», 26, 46; FF, 1939, стр. 17.

³ «Arch. Anz.» 1933, стр. 519.

⁴ Ср. также статью Miltner в FF, «Die entwicklungsgeschichtliche Stellung des kleinasiatischen Alphabets», 1938, стр. 407.

в знаке $\star = \xi$ с такими же в знаках $\blacktriangle$, η в Карии, с Ψ , ∇ в Ликии и Ξ в кипрском слоговом письме¹. Таким образом, похоже на то, что тартесская письменность имеет близкое отношение к малоазиатской. И это поддается объяснению. Название Тарт-ησσός с малоазиатским, в частности карийским, суффиксом -ησσος указывает на сношения между Тартессом и Малой Азией, а путешествия тирсенов, карийцев, мисийцев за Геракловы Столпы (т. е. Гибралтарский пролив) подтверждены для тирсенов свидетельствами Диодора 5, 20, 4 (ниже, стр. 18), для карийцев—основанными ими колониями *Καριχὸν τῆχος*, *Μυσο-χάρης*, *Μαύσωλοι* на побережье Марокко² и свидетельствами Павсания, 1, 23, 5, для мисийцев—смешанными мисийско-карийскими колониями *Μυσο-χάρης*³. Следовательно, вполне возможно, что тартесская письменность происходит из Малой Азии.

Если мы теперь будем искать тот малоазиатский народ, у которого тартессцы могли заимствовать письменность, то это не могли быть карийцы, о которых прежде всего можно было бы подумать на основании вышеприведенных свидетельств, так как карийский алфавит, кроме общей ионийской основы и знака для σ , не имеет более близкого отношения к тартесскому письму. То же самое относится и к прочим малоазиатским письменностям, с которыми наше письмо совпадает лишь в отдельных знаках. Таким образом, тартесское письмо, повидимому, основывается на неизвестной до сих пор малоазиатской письменности. Есть только один народ в Малой Азии, от которого могла произойти тартесская письменность: это тирсены⁴.

Малоазиатское происхождение тирсенов, как известно, подтверждается литературными свидетельствами, в особенности Геродота (I, 94), и, кроме того, подкрепляется вещественными доказательствами⁵. Никто, однако, не будет оспаривать, что и тирсены имели письменность, как и другие малоазиатские племена, тем более, что их культура должна была быть выше, чем у карийцев и пр.⁶

В пользу происхождения тартесского письма из тирсенского можно привести следующие аргументы:

1. На связь с тирсенами, происходящими из Лидии (по Геродоту) и названными по имени лидийского города *Τύρσα* (*Τύρρα*)⁷, указывает то, что тартесская письменность, как и тирсенская (Лемнос), не имеет звонких согласных, содержит лидийское $\varphi = \varphi$ и что происходящие от тирсенов этруски имеют лидийское $\theta = f$.

2. Также подходит к тирсенам и то, что тартесское письмо имеет карийское ϕ и $\varphi = \sigma$; поскольку тирсены и карийцы были морскими народами, они во время своих поездок тесно соприкасались.

3. Далее, на связь с тирсенами указывает то, что их путешествие «за Столпы», где лежал Тартесс, подтверждено литературными памятниками: Тимеем (у Диодора, 5, 20, 4), который является превосходным источником для Запада и сообщает, что тирсены доезжали до Мадейры⁸, но обосно-

¹ Знаки кипрского слогового письма даны лучше всего у De e s k e, *Der Ursprung der kyprischen Silbenschrift*, 1877.

² «Klio», 1930, стр. 395.

³ Ср. *Καρμερρίται* в Мемфисе: RE, «*Καριχὸν*».

⁴ Было бы правильно различать малоазиатских «тирсенов» от итальянских «этрусков».

⁵ Ср. Sch a c h e r m e y r, *Etruskische Frühgeschichte*, стр. 87 сл., 281 сл.

⁶ Ср. RE, VI, стр. 768.

⁷ Sch a c h e r m e y r, *op. cit.*, стр. 222 сл.

⁸ Что здесь под счастливым островом подразумевается Мадейра, я показал в моей книге «Серторий».

ваться здесь им воспрепятствовали карфагеняне¹. Путешествия тирсенов в Испанию подтверждаются этрусскими названиями местностей в Испании («Klio», 1930). Целью этих путешествий была эксплуатация богатой всякими металлами Андалузии, так как тирсены-этруски—народ, близко знакомый с горным делом и металлургией и их рудники находятся не только в Этрурии, но и в Сардинии, где в области рудников, у Иглесия, река Тирсос названа по их имени («Klio», 1930, стр. 420), а также и в Испании (ibid., стр. 375).

4. Далее, на тирсенов указывает и то, что за Столпами лежал Тартесс и его приходится считать тирсенской колонией, основанной за 1100 лет до н. э.² Имя тартесского царя Arganth-onios встречается в Малой Азии, именно в Мисии, где многое напоминает об этрусках³, и есть не что иное, как этрусское имя *argnti* с греческим суффиксом⁴.

Имя Тарт-есс, по-финикийски Тарш-иш, в котором суффикс *-essos* говорит о малоазиатском происхождении и которое, следовательно, подходит к тирсенам, может быть также производным от тирсенов, *turs*⁵, и означать, как и *Τούρσα*, «город тирсенов», ибо тирсенское *turs-* в финикийском могло превратиться в *tarsch-*, как ассирийское *turt-an* (генерал) по-еврейски превратилось в *tart-an*⁶. Первоначальное и сохранилось в названии города *Turta*, подтверждаемом Катоном в 195 г. до н. э. (у Харизия в *Grammatici lat. ed. Keil*, I, 213, 4: *itaque porro in Turtam proficiscor, servatum illos*).

Turta, по крайней мере по названию, была преемницей разрушенного около 500 г. до н. э. Тартесса, и это название этимологически идентично с *Tursa*. По имени города Турта иберийское население тартесского государства носит название *Τούρτ-οι*, *Τούρτ-οτανοί*⁷ или с *d* *Τουρδῆτανοί*. То, что из *Tursa* с *s* появилась *Turta* с *t*, объяснил мне Литтманн посредством допущения первоначального *Tur ḫ*⁸. Это предположение могло бы получить подтверждение в склонности этрусков к придыханию, о чем пишет Шульце («*Lat. Eigennamen*», стр. 576): «Аспирация твердых принадлежит к наиболее известным особенностям этого языка».

5. Тартесская письменность, следовательно, могла через тирсенов проникнуть в Андалузию, и она до л ж н а была через них туда проникнуть, так как через финикийцев, также ездивших туда, эта письменность,

¹ Это важное место пропустили этрускологи, да и вообще все исследователи. И все же 5-ю книгу Диодора нужно читать и перечитывать, так как найденные в ней выдержки из Тимея (гл. 2—23) и Посидония (гл. 24—40) содержат чрезвычайно ценный этнографический материал (ср. Geffken, *Timaio's Geographie des Westens*, стр. 62—71).

² Ср. RE, статью «Tartessos».

³ Schachermeyr, op. cit, стр. 287.

⁴ «Klio», 1930, стр. 399. В свое время Вильгельм Шульце мне писал: «На настоящее этрусское звучание Ἀργανθώνιος я при случае уже обратил внимание. Следовало бы подчеркнуть придыхательную ḫ».

⁵ По-гречески *Τούρσ-ηνοί*, по-умбрски *turs-cim nimen*, по-латыни с приставкой *E-* и метатезисом [перестановкой букв]—*E-trus-ci*.

⁶ Сообщения Proksch и Bruno Meissner.

⁷ Так говорит Артемидор у Steph. Byz. s. v. *Τουρδῆτανοί*.

⁸ Он пишет: «То, что Вы произвели название Tarschisch из *Turs-*, весьма заманчиво. Таким образом была бы разом блестяще разрешена старая загадка, над разрешением которой многие потрудились. Чередование *a* и *u* не представляет особых трудностей... Если Таршиш и Тартесс следует производить от *Turs-*, то в качестве первоначальной формы следовало бы взять *Tur ḫ*. Знак *ḫ* неприятен для многих языков, и они заменяют его тогда *t* или *d*, или *s*, или *sch*. Первоначальное *Tarḫi ḫ* должно было в древнееврейском языке, по законам фонетики, превратиться в Tarschisch. Формы *Τάρτ-ηροός* и *Τάρτ-ῆρον* (Polyb., 3, 24) прямо указывают на то, что после *r* стояло *ḫ*, которое, с одной стороны, превратилось в *t*, с другой — в *s*».

во многом отклоняющаяся от финикийской, не могла попасть. Равным образом не могли ее завезти ездившие туда ионийцы, так как она во многом отклоняется и от их письма. То же самое можно сказать относительно карийцев и носителей других известных нам малоазиатских письменностей, а также о тех малоазийцах, письменность которых нам неизвестна,—писидийцах, ликаонцах, каппадокийцах, пафлагонцах и т. д., никогда не ездивших в Испанию.

6. Подходит также к тирсенам-этрускам упоминание Страбона о древней литературе Тартесса, так как существование у них какой-то древней литературы засвидетельствовано источниками¹, в то время как карийцы, мисийцы и т. п. никогда ее не имели.

7. Глубокая древность тартесской письменности также подходит к тирсенам, так как существование их колонии Тартесса засвидетельствовано уже для 1000 г. до н. э.²

8. На поселение тирсенов в Андалузии указывает также встречающееся лидийское имя реки Кильбос и Кильбианской равнины (RE, см. Kilbos) у южного берега Андалузии, где перипл (Avien., 303, 320, 422) указывает местонахождение реки Cilbus (= Саладо де Кониль, вост. Трафальгара) и племени Cilbiseni, и монеты с названием города Cilpe (ML I, стр. 134).

Следовательно, можно с полным основанием предположить, что тартесское письмо—тирсенского происхождения, что Тартесс получил свою письменность не от финикийцев и не от ионийцев, но от тирсенов. Вполне вероятно, что Тартесс, который существовал уже в 1000 г., сначала заимствовал финикийскую письменность от совершавших путешествие в Таршиш тирцев, а затем переменил ее на тирсенское письмо.

4. Язык лузитанских надписей

На основании характера письма на надписях, найденных в южной Испании и Португалии на камнях и монетах, я мог доказать, что это письмо является тирсенским. Доказательством является тот факт, что в особенно многочисленных лузитанских надписях встречаются не только созвучия с этрусскими собственными именами и этрусскими формами речи, но прежде всего одно слово, которое в том же значении повторяется на знаменитой тирсенской стеле с Лемноса, что позволяет предполагать, что язык лузитанских камней является тирсенским. Я перехожу к разбору этих столь важных лузитанских надписей и надписей и монет Бетики, написанных подобным же письмом. Камни № 71—74 (Hübner, ML I, стр. 192 сл.) были найдены на кладбище в Альгарве, на саркофагах, в которых мертвец лежал головой к востоку (стр. 197). Камни № 62—70 также, как мы сейчас увидим, могильные камни. Они происходят из Кампо де Урике, к северу от Альгарве, к югу от Бехи. Камни № 62—70 воспроизведены Гюбнером по точным зарисовкам, которые сделал или поручил сделать Эмануэль де Сенакуло (ум. 1802), епископ Бехи, имеющий заслуги по изучению португальской культуры³, № 71—74—по более новым, также надежным копиям или оттискам, большей частью сделанным самим

¹ «Jlio», 1930, стр. 397; см. выше, стр. 15.

² Древнейшими свидетельствами, основывающимися на летописи Соломона («Tartessos», стр. 6). Находка в гавани Уэльвы около 200 бронзовых вещей относится к этой эпохе, датируемой 1000 г. до н. э., так как вещи, как кажется, находились на корабле, предназначенном для отправления в Тартесс (Hübner-Schmidt, «Arch. Anz.», 1923-1924).

³ Ср. Hübner, CIL, II, стр. 8 и 24.

Гюбнером. Камни № 1—5, найденные после издания MLI. т. е. после 1893 г. (1, 2, 5 из Альгарве, 3—4 из Урике), опубликованы Лейте де Васконсельосом, Нестором исследования португальских древностей, в «Archeologo Portuguez» (см. выше, стр. 12). Благодаря большому числу надписей нам хорошо известен алфавит, и мы в состоянии читать эти надписи, лишь иногда то там, то здесь буквы неясны или разрушены. Чтение Гюбнера содержит очень много ошибок, потому что он неправильно определяет значение некоторых букв. Об алфавите этих надписей (рис. 5, столбец 5) говорилось выше, на стр. 12, 14. Все или большая часть этих надписей—надгробные. Это следует из нахождения их у могил и их повторяющегося почти 9 раз в каждой надписи слова *saronah* = *hic situs est* (см. ниже). Надписи написаны справа налево, но таким образом, что они в то же время образуют спираль, направляясь сначала влево, затем вправо, затем опять влево, как в № 72, 74, 1, 3. Встречается также *βοοστροφῆδον* (№ 62). Понимание затрудняется отсутствием правильной расстановки знаков препинания. Но иногда, как в № 74, 1, чертами отделены разделы, а в № 1 знак , а также являются, как кажется, знаками препинания. В надписи № 63 в конце стоит знак . Далее, мы иногда в состоянии разделить слова там, где этрусский родительный падеж на-*isa* (№ 62, 65) или -*ai* (в № 71, 1, 72) обозначает, как кажется, конец слова, или где так часто встречаемое *saronah* разделяет слова, или где мы узнаем этрусские имена, как в № 62, 65, 69, 71, 1, 3, 5. На собственные же имена в этих надгробных надписях мы должны рассчитывать в первую очередь, в особенности в начале надписи, где называется имя покойного и, вероятно, имена его отца и деда. Я отсылаю для нижецитируемых этрусских имен к индексу у W. Schulze, Zur Geschichte lat. Eigennamen, стр. 632. Буквы недостоверные обозначены точкой внизу строки (!), недостающие—точкой в строке. Так как я—не этрусколог, следующие замечания я делаю с осторожностью. Но я пользовался указаниями знатока, такого осторожного исследователя, как Феттер в Вене. Во всяком случае, я счел уместным опубликовать эти важные и до сих пор оставленные без внимания надписи.

№ 62. *aileleier*¹ *ainisa anen* . . *ainatisa lusoauen saronnah konii alisio*.

Слово *saronah* (здесь с двумя *n*: *saronnah*) встречается в надписях в той или иной форме девять раз, почти всегда с последующим *konii* (62, 69, 3), *koi* (1), *koii* (72), *konḃi* (64), которое в надписи в Илипе выступает отдельно, три раза после *sarunḃoa* (2, 3, 4), которое в № 1 в форме *sarḃo* встречается и отдельно, и дважды с *alisio* (62) или *aoisii* (1):

saronnah konii alisio № 62

saronah konii № 69

saronah koi aoisii и *sarḃo* № 1

saronah koii № 72

zaronah konḃi № 64

[*sar*]onah ko[nii] № 66

śarunḃoa [s] aronah konii № 3

śarunḃoa śar[onah konii] № 4

[śarunḃ]oa saron[ah ko]nii № 2.

Слово *saronah* обычно пишется через *ś*, *ś* = *s*, но в № 64 с *z* = *z* (буква, встречаемая и в других словах в № 65 и № 72) и в № 3, так же как *śarunḃoa* с *ḡ*, которая здесь имеет значение финикийского *samesh*, в то время как в греческом алфавите она имеет значение только *ξ*. Я передаю эту букву через *ś*. Буква *ḡ* = *ś* встречается и в других словах № 65, 5 и в надписях из Илипы, Гадора, Обулкона.

¹ Последняя буква может быть также *q*.

Слово *saronañ*, или *zagonañ*, сохранившееся девять раз и первоначально содержащееся в каждой надписи, должно быть именем нарицательным и, так как здесь идет речь о надгробиях, означать «hic situs est», как *agede* на могильных камнях Ближней Испании¹.

Это значение подтверждается тем, что то же слово в форме *zagonai* трижды встречается в обеих надписях с Лемноса и имеет там такое же значение. Феттер пишет мне: «Здесь трижды появляется слово *zagonai*, дважды в форме *zagonaiθ*, в окружении, подтверждающем, что это слово имеет то же значение, что и *zagonañ* (*saronañ*) южно-лузитанских надписей. Фонетические различия (здесь *-ai*, там *-añ*, здесь *er*, там *ar*) незначительны. Следовательно, весьма возможно, что перед нами один и тот же язык». Так как язык надписей с Лемноса, вне всякого сомнения, язык тирсенов², следует предположить, что и л у з и т а н с к и е н а д п и с и я в л я ю т с я т и р с е н с к и м и. Мы сейчас увидим, что это может быть подтверждено еще и другими основаниями. Относительно *saronañ-konii* Феттер между прочим пишет: «Разделение *saronañ-kon-* правильно, так как *kon-* встречается и отдельно (а именно в форме *konθi* в надписи из Илипы). Слово *konii* или *konθi* должно означать «здесь». Чередование двух суффиксов для обозначения места — *i* и *θi* напоминает этрусский язык. То же самое *kon* мы имеем также в № 63, в начале, в форме *ikon*?» Слово *šarunθoa*, которое в трех случаях связано с *saronañ-konii*, также должно относиться к могиле. Феттер замечает к этому слову: «Очень важно для понимания формы языка слово *šarooo* в № 1, которое следует читать как *šarooθ*, с буквой *θ*. Оно появляется в № 3 и 4 как *šarunθoa*. Слабая твердость *N* перед звуками *T* существует во многих языках, это явление свойственно также и этрусскому языку. Смысл (трех слов: *saronañ*, *konii*, *šarunθoa*) приблизительно таков: «sepultura hic sepultus». Равным образом *alisio* или *aoisii*, дважды соединенное (№ 62, 1) с *saronañ-konii*, также, должно быть, относится к могиле.

Первое слово надписи № 62—*aileleier*—похоже на *aleleil* № 73. С окончанием *-er* можно, пожалуй, сравнить *aker* с острова Лемноса, которое как будто является собственным именем. Второе слово—*ain-isa*, может быть, относится к этрусскому собственному имени *ein*. Совсем этрусский суффикс *-isa-*, встречающийся как в этой надписи, так и дважды в № 65, весьма характерен для этрусских собственных имен. Феттер замечает: «Форма *-isa-* не является патронимикой, но указывает на родительный падеж или притяжательное прилагательное. За это говорит № 65, где окончание *-sa* или *-ša* появляется уже в первом имени. Здесь отсутствует обычное *saronañ-konii*, потому что попросту вместо этого употреблен родительный принадлежности. В этрусском языке можно найти очень много образований на *-sa* (*-isa*, *-usa*), в особенности для обозначения жены именем мужа. Я считаю эти образования притяжательными прилагательными, происходящими из родительного принадлежности на *-as*, *-is*, *-us*».

Суффикс *-isa-* в № 62 пишется через *ξ*, в № 65 через *ξ* или через *самех*. Слово *anep-* принадлежит, может быть, к этрусскому *praenomen ane* или

¹ S c h u c h a r d t, Iberische Deklination, стр. 57.

² Это теперь доказал Бранденштейн в статье «Tyrrhener», которую я имел в гранках, указав на множество слов, одинаковых с этрусскими: по-лемноски *siwai awis sialkh-wis* ~ по-этрасски *zivas awils* и *awils sealkhls*. Однако Бранденштейн в своей прекрасной статье ошибся в одном важном пункте, когда он *zagonai* считает за собственное имя, в то время как *zagonañ* является именем нарицательным, в смысле «hic situs est». Идентичность *zagonañ* и *zagonai* бесспорна, а *zagonañ*, встречаясь почти в каждой лузитанской надписи,—относящееся к могиле нарицательное имя. Следовательно, и *zagonai* должно быть именем нарицательным, тем более, что оно в первой надписи встречается дважды, а в надгробной надписи это для собственного имени почти немыслимо.

к *aninies*, *aneinei*. Мы имеем, следовательно, три имени, которые начинаются с *ai-*: *aileleier*, *ain-isa*, *ainat-isa*; два из них—*ain-isa* и *ainat-isa*—родственны, так как последнее, кажется, является расширением первого. Собственных имен, начинающихся на *ai-*, в Этрурии много. Также и в надписях Ближней Испании *ai-* встречается часто (MLI, стр. 217). С *ain-atisa* ср. этрусское *vesn-atisa* (наряду с *vesni*). Так как имена на *-isa* обозначают родственника, по большей части отца названного перед тем лица, то, повидимому, в этой могиле были погребены два человека: «*aileleier*, сын *aini*» и «*anep-*, сын *ainati*». При слове *lusoaven* вспоминаются лузитаны, в области которых лежали эти могильные камни, но, конечно, созвучие может быть случайно.

№ 63. *ikonilaipnin*

io . . qonði ilio

ikon можно было бы с первого взгляда принять за *konii*, так часто встречаемое на этих камнях и стоящее в надписи Илипы также отдельно. Но в надписи стоит не *konii*, а *ikon*, и на лузитанских надгробиях *konii*, *konði* стоит всегда после *saronah-*. Кроме того, в начале надгробной надписи следует ожидать имя покойного. На самом деле *qonði* стоит в конце надписи, куда оно больше подходит и где оно стоит в № 64, 69, 3. Последнее слово *ilio* имеет окончание *-io*, часто встречаемое как на Лемносе (*tavarsio*, *haralio*, *eptesio*), так и в этрусском языке (*-iu*); оно имеется и в № 73.

№ 64. *ehiarai rqlqo zaronah konði.*

Первое слово *ehiar* (ср. этр. *ankar*) или *ehiarai* (с часто встречающимся этрусским окончанием *-ai*; см. ниже, стр. 26) я считаю именем умершего, следующее, правда, не вполне отчетливо читаемое,—именем отца. Затем следует обычная формула—*zaronah-konði*.

№ 65. *hunpaiša sahkri [nuztes] a.*

Слово *sahkri* соответствует, надо полагать, этрусскому *sacri-al*, а *nuztesisa*—этр. *pustesa*. *hunpaisa*, судя по суффиксу *-isa*, также, должно быть, собственное имя, причем бросается в глаза, что здесь имя отца в родительном падеже стоит на первом месте (выше, стр. 21). Также и на Лемносе одна надгробная надпись начинается, повидимому, с родительного падежа¹. По поводу *-isa* см. замечания к № 62. Первое слово, таким образом, кажется, обозначает имя отца умершего, второе—имя умершего, третье—другое родственное ему лицо (дед?).

№ 66. . . [sar]onah ko[nii] . .

№ 67. Не поддается чтению.

№ 68. *soqasoq* и . . *asoq* .

№ 69. *ukosaon saronah konii soo* .

Итак, опять *saronah-konii*. Имя *ukos-aon* соответствует, может быть, этрусскому *ucumz-na* или *ucus-na*². В форме *ucas-unin* с суффиксом *unin*³ мы, повидимому, находим его в надписи Гюбнера, стр. 163. Суффикс *-aon* повторяется в *ilθgaon* на монетах Обулкона.

¹ Бранденштейн говорит: «В том, что надпись начинается с родительного падежа, нет ничего особенного, так как к этому мы имеем параллели, как, например, показывает CIE 446—надпись, начинающаяся с родительного падежа *veliaś*».

² Феттер замечает: «*ucus-na*—позднейшая форма для более древнего *ucumzna*. Столь позднюю форму нельзя ожидать на лузитанских камнях».

³ Как в *Galduriaunin*, CIL, II, 5922, *Bastogaunini*, *ibid.*, 6144: ср. этр. *utauni*.

№ 70. tuēot?

№ 71. oeruiuuul коеаор|ауааl . оаго . . оаала . .

Может быть, в слове oeruiuuul (=veruiuuul?) скрыто имя, похожее на этрусское veru, а двоекратное -al—известное этрусское окончание (ср. № 1, 72).

№ 72. oae urse saronah koiī azi anenal.

Опять saronah koiī. Оае следует сравнить с оае № 1, urse, может быть, с этрусским собственным именем urste, anenal,—может быть, родительный падеж на -al от слова anen, которое мы нашли в № 62. Для -al ср. № 71, 1, для azi—asii, ср. № 1.

№ 73. alsiiio aleleil al . n . . .

alsiiio—имя и отличается от нарицательного alisio в № 62. Можно сравнить с этр. alsina. Для -io ср. № 63. aleleil похоже на aileleier в № 62. Три имени, как кажется, начинаются с al- (как три имени № 62 с ai-), как и многие этрусские имена¹.

№ 74. qeroliil . eθoiqn piraparsa

θirtueelo . niro . n .

В θirtu.. мы находим также знак Δ, встречающийся в надписи из Илипы и Эстепы, обозначающий в Ближней Испании tu.

№ 75. . . iros . . оаи . . . о а .

№ 1 (рис. 6) ieqeoenii raoe | eahaiuilal | oleqe || saronah koi aoisii || nqeleo || eii | oae sarodo | asiieenii.

Простым штрихом | я обозначаю знак □, являющийся как будто знаком препинания, и знак ∞ после raoe, о котором с уверенностью можно сказать, что это знак препинания; двойной чертой || —конец строки. оае повторяется в № 72. Здесь мы находим снова saronah koi-aoisii (ср. № 62) и далее sarodo. Слово raoe, может быть, относится к этр. ravia, а asiieenii—к этр. asi, asia. Следует обратить внимание на двукратное -enii в конце слова. К слову на -al ср. № 71, 72, к -оае — № 72. В 1 и 4 словах — -eqe.

№ 2². [sarunθ]oa saron[ahko]nii .

№ 3. uarešiir sarunθoa [s]aronah konii .

На основании этого следует дополнить в № 2 varešiir—имя умершего, напоминающее этрусское vahr-iś, var-i, var-na.

№ 4³. sarunθoa sar[onah konii].

Опять, как и в № 2 и 3, sarunθoa перед saronah konii.

№ 5. . . oelesar

aalainorieniro

Oelesar соответствует, может быть, этр. velesial (относительно -oe ср. № 71, 1).

Из идентичности слова zaronah, часто встречаемого в лузитанских надписях, с zeronai т и р с е н с к и х надписей с Лемноса следует, что лузитанские эпитафии написаны на том же языке, что и надписи на Лемносе. Это подтверждается наличием таких слов, которые на этих надгробиях

¹ Ср. S c h u l z e, op. cit., стр. 632.

² Фотография № 2 и 3 в «Archeologo Portug.», 1900, стр. 40 и 1929, стр. 206; 20.

³ Ваконсельос для № 4 и 5, к сожалению, не дает фотографии.

должны быть признаны личными именами и которые очень созвучны этрусским личным именам, как ain-isa (№ 62) ~ этр. eini; sahkri (65) ~ этр. sacri-al; nuztesisa (65) ~ nustesa; ukosaon (69) ~ ucu-na; oeruiiul₁ (71) ~ veru; alsio (73) ~ alsina; raoe (rave?) (1) ~ ravia; asii (1) ~ asi, asia; uarešii (3) ~ vahriš. Кроме этого сходства с этрусскими именами, мы находим этрусские родит. падежи на -isa и -al; в слове sarol₁ вместо sarun₁ oa — выпадение *n* перед *t*, как и в этрусском языке (см. выше стр. 21), в konii и kon₁i — то же чередование суффиксов места -i и -i₁, что и в этрусском (см. выше, стр. 21). Такую же согласованность с этрусским языком находим в тирсенской надписи с Лемноса. Наравне с этрусским языком и с надписью Лемноса на лузитанских камнях¹ отсутствуют три звонких согласных — очень важное совпадение! — и имеется несколько знаков для *S*. Общим с Лемносом и древнеэтрuskим языком является богатство гласных на лузитанских камнях². Таким образом, бесспорно, что лузитанские камни

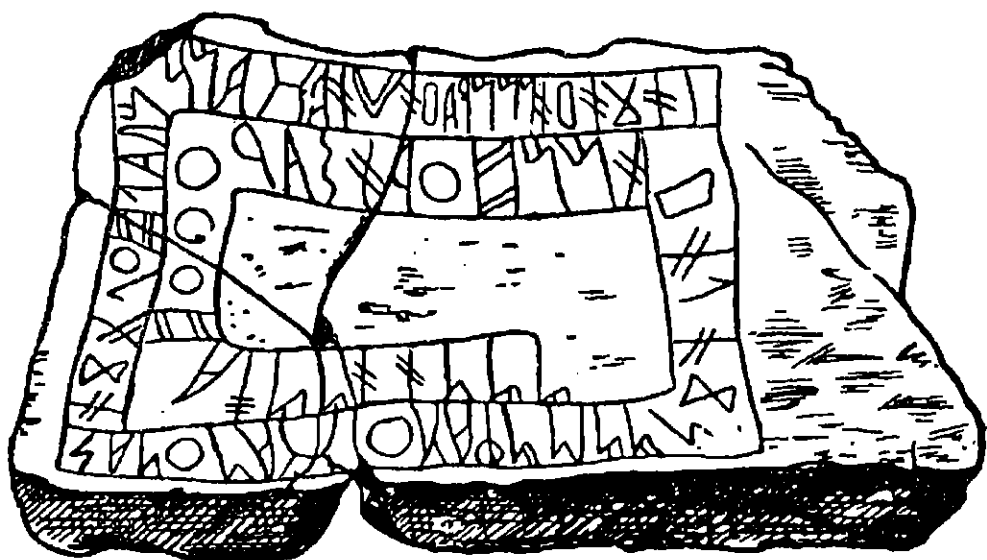


Рис. 6. Могильный камень № 1 из Португалии.

написаны на одном и том же языке, близком к этрусскому. Благодаря этрусским словам в Лузитании и на Лемносе можно было бы этот язык с первого взгляда признать за этрусский. Но он — не этрусский, так как *zagonai* или *zagonai* не встречаются в надписях Этрурии; напротив, понятие «*Hic situs est*» выражено в них через *šui cesu*². Кроме того, маловероятно, чтобы этруски пришли на остров Лемнос из Италии. Напротив, на Лемносе жили, как свидетельствует Фукидид (4, 109), тирсены, предки итальянских этрусков. Пребывание тирсенов на юге Испании, как мы видели выше (стр. 17, 18), также засвидетельствовано. Показано далее, что тамошнее письмо имеет близкое отношение к малоазиатским алфавитам, в особенности к алфавитам Лемноса и Лидии, где пребывание тирсенов доказано. Отсюда следует вывод: как лузитанские надписи, так и стела на Лемносе написаны на тирсенском языке, и письмо обоих памятников — тирсенское.

Теперь нужно рассмотреть, как другие надписи с тирсенским письмом относятся к лузитанским в отношении языка, можно ли в них также найти следы тирсенского языка.

Надпись из Илипы (см. выше, стр. 12).

qtuuara eotunuięs sanersašotala konđi rašalasotana
prqetrepale.

¹ Бранденштейн: «Прежде всего ясно, что тирренский язык обнаруживает еще обилие гласных, которыми обладает также древнеэтрuskий язык».

² Сообщение Феттера.

qtuara на основании другой, рассматриваемой ниже надписи из Эсте́пы, является самостоятельным словом, так что после qtuara должно следовать разделение. В qtuara и eotunies стоит знак $\Delta = tu$ (ср. № 74 и надпись из Эсте́пы). eotunies—вероятно, личное имя, так как оно имеет такое же окончание -ies, как личные имена holaies на Лемносе и этрусские anasnies, culsnies и т. д. Оно напоминает этрусское uñ- . В konñi мы снова находим слово, уже знакомое нам из лузитанских надгробий, относящееся к могиле, нарицательное konñi или konñi, и можем на основании этого сделать вывод, 1) что надпись в Илипе составлена на тирсенском языке; 2) что и она является надгробием. В словах .sasotala и rašala встречается дважды -ala; -la—этрусский суффикс (taryisla, pricesla). Слово sotana можно было бы сравнить с этр. suñanei, prqet. с prci и precati, так как и в этой надписи мы в первую очередь должны рассчитывать на собственные имена. Надпись в Илипе сходна с другими надписями юга Испании и Португалии. Особенно надо обратить внимание на то, что и здесь отсутствуют три звонкие согласные, как и в других тартесских надписях, на Лемносе и в этрусском языке. В двух знаках наша надпись согласуется с Ближней Испанией: в обоих знаках для и: ч, ↑, , встречающихся также в надписи из Гадора и на монетах из Обулкона, и в $\Delta = tu$, который имеется также в № 74 и в надписи из Эсте́пы.

Надпись из Эсте́пы (см. выше, стр. 12).
tuuraaie.

Очевидно, это то же слово, что и qtuara из Илипы. Это слово, выступающее на двух разных камнях и в Илипе стоящее в начале надписи, можно считать за нарицательное имя. Оно может обозначать «могила», так как камень из Илипы достоверно, а камень из Эсте́пы вероятно является надгробием. В слове стоит $\Delta = tu$, как и в № 74 и в Илипе. Окончание -ie в этрусском языке встречается часто (aulie, cisie, freie и т. д.). Другие знаки, стоящие в этой надписи, недостоверны.

Надпись из Гадора (см. выше, стр. 12)

.mogumim oss triemsi iiiiii
esouleś oss triemsi iiiii
equleś oss triemsi iii
eēuleś oss triemsi iii

Сразу видно, что на этой свинцовой табличке перед нами такой же отчет, как на таких же табличках из Моргенты¹ и Алкой (см. выше, стр. 16), и поскольку надпись найдена в свинцовом руднике,—о вещах, относящихся к руднику. Первое слово каждой строки, так как оно различно в каждой строке, должно означать имя человека, который изготовлял или принимал определенные вещи. При трех именах на -leś (esouleś, equleś, eēuleś) вспоминаются иберийские имена на -belex в аквитанско-иберийских надписях (MLI, стр. 261) или -beles в дипломе для иберийской Turma Salluitana², а ведь и в Гадоре нужно считаться с иберийцами. Повторяющиеся во всех четырех строчках слова oss triemsi должны быть нарицательными именами, а стоящие после них цифры 9, 6, 4, 3 означают количество сделанного или принятого. triemsi звучит сходно с этрусским личным именем pemsi.

Монеты из Обулкона.

На монетах из Обулкона стоят нижеследующие надписи, сделанные тартесским письмом, содержащие почти всегда два имени, очевидно—

¹ Фотография у Pericot. Hist. de España. Barcelona, 1936, стр. 406.

² Dessau, ILS, 8888.

имена обоих производящих чеканку чиновников, как и в латинских надписях, где они обозначены как эдилы (см. выше, стр. 14):

1. ilmca
2. šiūqlai ucail
3. ilorður caisurica
4. iskraon caicaqlai
5. caicaigrōn . rnaqi (?)
6. urcailu nošolqaq
7. .eqos qolqs.
8. .ilðraon qlen
9. śicaai etoiş.

Имена ucail (2) и urcailu (6) соответствуют имени Urchail в надписи из Илипы (С. II, 1087). urcail напоминает этр. ucalui; iskraon (4) и ilðraon (8) имеют окончание *-aon*, как и ucosaon в № 69. ilðr-aon имеет иберийский корень, как iltrd на монетах из Илерды. Далее следует отметить *cai-* в caisurica (3), caica-qlai (4), caicaigrōn (5), часто встречаемое по-этруски (cainei, caisias и др.), и трижды встречаемое окончание *-ai* в šiūqlai, caicaqlai, sicaai, которое мы находим также в надписях с Лемноса и в Этрурии (см. выше, стр. 22).

М о н е т ы и з А б р ы.

uokos -tseniş

uokos -nqs

М о н е т ы и з н е и з в е с т н о г о г о р о д а.

cansnai-esmlqs (?)

Ср. этр. canz-na! Относительно *-ai* см. выше.

Из повторения в надписи из Илипы слова konði, засвидетельствованного на основании лузитанских надписей как тирсенское слово и созвучного с этрусскими именами, следует, что и надпись из Илипы является тирсенской. А так как встречающееся в Илипе слово qtiuaqa появляется в Эстепе, так же как tiuqaaie, то и камень из Эстепы следует считать тирсенским. Далее, имя cansnai на одной монете из Бетики соответствует этрусскому canz-na, и к именам на монетах из Обулкона также имеются этрусские параллели. Если эти выводы верны, тогда и для многих мест Бетики мы имели бы доказательство наличия тирсенского языка. Это соответствовало бы распространению тирсенского письма во всей Бетике (см. выше, стр. 15). Я предоставляю этрусологам искать в этих надписях дальнейшие созвучия, будь то с этрусским языком, будь то с тирсенским с Лемноса и т. д.

5. Письмо лузитанских надписей

После того как установлено, что лузитанские камни содержат тот же самый тирсенский язык, как и надпись с острова Лемноса, мы вправе сравнить п и с ь м о Лузитании с письмом Лемноса.

Письмо лузитанских камней—весьма древнее, более древнее, чем письменность Лемноса, которую приурочивают к VII в. до н. э.¹ Это письмо похоже на древнейшие надписи VII в. на острове Фере. Так как в некотором отношении это письмо еще близко к финикийскому, его нужно отнести

¹ Ср. RE, «Tyrrhener».

«древнейшим памятникам греческой письменности. Так как оно содержит гласную *и*, общую для всех греческих алфавитов, но не имеет позднейших добавочных букв *φ*, *χ*, *ψ* и *ω*, его происхождение следует датировать IX в., когда появляются добавочные буквы¹. Следовательно, происхождение тирсенского письма, древнейшими памятниками которого являются лузитанские камни, нужно было бы отнести к 800 г.² Но дошедшие до нас надписи могут быть гораздо более поздними, так как мы видели, что это древнее письмо сохранилось вплоть до императорской эпохи. Тирсены, пришедшие в Испанию еще около 1100 г. до н. э.³ и основавшие Турсу-Тартесс, не могли это письмо принести с собой, а могли получить его лишь позднее, около 850 г., когда азиатские тирсены выработали свою письменность. Можно возразить, что тирсены покинули свою малоазиатскую родину, как кажется, уже в 1200 г. Но народ выселился не полностью, остатки населения, согласно туземной традиции⁴, сохранились, и пребывание тирсенов засвидетельствовано еще позднее на Лемносе (Thukyd., 4, 109) и на других островах северной Эгеиды⁵. С этими остатками населения тирсенская колония Тартесс могла продолжать сношения и, когда около 850 г. до н. э. тирсены приняли ионийское письмо, получить его через них.

Если сравнить лузитанские надписи со стелой с Лемноса, то они сходны в письме, направленном справа налево, или βοοστροφῆδον, в отсутствии звонких согласных и в начертании большинства букв. Однако Лемнос имеет *φ*, *χ*, которые еще отсутствуют в Лузитании. Тирсены на Лемносе восприняли, таким образом, дальнейшее развитие греческого алфавита, так как они находились с греками в постоянном соприкосновении. Напротив, письмо испанских тирсенов остановилось в своем развитии, потому что им недоставало сношений с греками. Когда Тартесс вступил в сношения с греками, около 650 г., тартесско-тирсенское письмо уже давно сложилось. Особенно появление греческих добавочных букв *φ*, *χ* показывает, что письмо с Лемноса более позднее, чем лузитанское. Это видно также из более поздней формы *t* и *i*, от которых лузитаны сохранили еще древнюю форму *τ* рядом с более поздним *l*. Лемнос также имеет лишь зету и сигму, а не самех и саде, а для *q* он имеет вместо лузитанского *ϕ* нормальное позднее *q* и передает *k* через *K*, в то время как в Лузитании пишут *k*. Кроме того, Лемнос имеет знаки препинания, Лузитания почти их не имеет. Важное различие заключается в том, что Лемнос не имеет *и* (Этрурия не имеет *o*), в то время как Лузитания имеет как *o*, так и *и*.

Кроме ближайшего объекта для сравнения—тирсенской стелы с Лемноса, лузитанские камни следует сравнивать с этрусскими, так как этруски являются итальянской ветвью тирсенов, а этрусский алфавит

¹ R e h n пишет мне: «Если греки в X в. заимствовали письменность в ее примитивнейшей форме (зеленый алфавит), если далее расщепление алфавита, которое, как я предполагаю, совершалось по этапам и которое в древнейших надписях с добавочными буквами—я отношу их к 800 г. до н. э.—выступает уже как нечто завершенное, то из этого следует, что столетие, в котором были изобретены добавочные буквы, было IX. Это несколько раньше, чем по Гиллеру».

² M i l t n e r относит происхождение малоазиатского письма даже к 1000 г. до н. э. (ср. выше, стр. 16).

³ После 1200 г. (в это время *turscha*=тирсены были отражены Египтом) и, конечно, до 1100—даты основания Гадеса, так как он был основан, как кажется, лишь после Тартесса (ср. «Tartessos», стр. 16).

⁴ H e r o d., 1, 94; T a c i t u s, Ann., 4, 55: Sardiani decretum Etruria recitavere ut consanguinei: nam Tyrrhenum Lydumque Atye rege genitos ob multitudinem divisisse gentem: Lydum patriis in terris resedissee, Tyrrheno datum, novas ut conderet sedes.

⁵ R E, VI, 733 и «Tyrrhener».

указывает на соприкосновение с малоазиатским и на некоторое отклонение от греческого алфавита, так что этрускологи склонны признать, что «этруски получили алфавит еще до поселения в Италии—в малоазиатском местожительстве»¹. В самом деле, в этруском алфавите встречаются знаки, напоминающие тартесское письмо, но отклоняющиеся от греческого. Так, образуемое тремя параллельными вертикальными линиями ии = μ этруского алфавита из Нолы и Перузии и письма осков, умбров, фалисков, происходящего от этруского алфавита, похоже на ||| = μ из Обулкона. Своеобразный знак $\mathfrak{Z} = q$ в письме Кьюзи соответствует $\mathfrak{Z} = q$ на монетах надписей из Ближней Испании (H ü b n e r, op. cit., № 53 и XXII). Круглое $\mathfrak{Z} = \sigma$ некоторых этруских алфавитов, которое встречается также и в латинском языке, повторяется на монетах из Абры. Этруское $\mathfrak{X} = t$ встречается и в тартесском письме. $\mathfrak{D} = p$ алфавитов из Бомарсона имеется также и в Ближней Испании. Далее, в тартесском алфавите, как и в этруском, отсутствуют звонкие согласные b, g, d . Важно также и то обстоятельство, что как в этруском письме, так и в тартесском сохранились явственные следы древнего слогового письма. Ева Физель пишет (ук. соч., стр. 62, 40): «Предположение, защищаемое также Гаммарстрёмом, что этруски первоначально имели слоговое письмо, в принципе соответствовавшее эгейско-кипрскому, находит опору в этруских силлабарах в Цере, Формелло и Орбетелло, равно как и в силлабическом начертании сонорных звуков»².

Одинаковое явление мы имеем и в письме Ближней Испании (и отчасти Дальней), где, например, d употребляется также и для du, tu ; t —для da, ta ; p —для pi ; s —для se, ge ; q —для qo, qu ³. Следы слогового письма сохраняет также карийское письмо, знак которого $\mathfrak{M} = \mu$ происходит от кипрского слогового письма и имеет значение mi, me ⁴. Далее, карийское $\mathfrak{V} (=v)$, как кажется, значит vi , $\mathfrak{A}$ обозначает re . С другой стороны, то, что этруское письмо в некотором отношении отклоняется от тартесского, вполне естественно, так как оно гораздо моложе. Этруское имеет много новшеств, еще отсутствующих в тартесском письме: $\mathfrak{8} = f$; φ, χ ; $\mathfrak{X} = x$.

Выводы

Мое исследование, исходной точкой которого была надпись Зосима, показало: 1) что туземное письмо надписей из Южной Лузитании и Бетики, к которому относится надпись Зосима, есть тартесское письмо; 2) что тартесское письмо есть тирсенское письмо; 3) что лузитанские надписи, а также некоторые надписи из Бетики, написаны на тирсенском языке. Из этого следует: 4) что Т а р т е с с б ы л к о л о н и е й т и р с е н о в, о чем я высказал предположение уже 10 лет назад в статье «Die Etrusker in Spanien» («Klio», 1930). Ведь тирсенский язык и письмо тех надписей могли исходить только из Тартесса, бывшего примерно в 1100—500 гг. до н. э. культурным центром всего юга Пиренейского полуострова и столицей большого, расположенного от Океана до Восточного побережья, государства, имя которого в туземной форме Tursa или Turta

¹ Eva Fiesel в своем сообщении «Этруский язык», стр. 62 (в «Gesch. der indogerm. Sprachwissenschaft». 2. Teil, 5. B., Lief. 4). Ср. Herbig, Eberts Reallexicon der Vorgeschichte, I, стр. 122.

² Ср. также Fetter в «Glotta», 24, 114; 27, 157.

³ Сопоставление у Hill в указ. выше, на стр. 14, книги об иберийских монетах Ближней Испании.

⁴ Gardthausen, op. cit., стр. 606 и 611 наверху.

означает «город тирсенов» и идентично с лидийским именем *Tursa*, по которому тирсены получили свое название.

Испания отделена от Малой Азии всем протяжением Средиземного моря, но отважные тирсенские моряки мало обращали внимания на отдаленность и основали в далекой Иберии, притягивавшей их богатством металлов, не только город Тартесс, но и большое государство и развили богатую материальную и духовную культуру—единственную на всем Западе того времени.

Спрашивается, принадлежали ли к Тартессу тирсены на юге Португалии, лежавшем уже вне тартесского государства (которое доходило до Гвадианы), или они были самостоятельным отрядом, который, минуя Тартесс, отправился дальше на Запад (о чем говорит Диодор, 5, 20; см. выше стр. 17) и поселился на берегу очень благоприятной по почве и климату Альгарве. Оттуда через Сьерра Альгарве они могли распространиться к северу, в *Camro de Ourique*. Бросается в глаза, что тирсенское письмо, встречаемое только на монетах из Обулкона и Кастуллона, находится также на монетах из далеко расположенной от них Саласии (ю.-в. Лиссабона), или, может быть, Саласия, благодаря благоприятному расположению бухты, о которой уже упоминает перипл (*Avien* 199), привлекла тирсенов, и они здесь основали торговый пункт.

Но не только тирсены, но и этруски, внуки тирсенов, ездили в столь близкую от них Испанию. Около 10 названий мест, встречающихся в Испании и в Этрурии, как Тарракон, Кортон, Вульчи, Цере, Арн и т. д. (*Klio*, 1930, стр. 367), могли попасть в Испанию только через итальянских этрусков.

О пребывании в Испании этрусков свидетельствует, кроме названий местностей, этруское влияние в иберийском искусстве. Так например, в иберийских святилищах в Сьерра Морена были найдены бронзовые фигуры этруского стиля, которые не были импортированы, но изготовлены в Испании¹.

Тирсенское письмо и язык в надписях южной Испании и Португалии открывают важные перспективы в древней этнографии как малоазиатского Востока, так и испанского Запада и их взаимоотношений, ибо эти надписи являются свидетельством первоисточника:

- 1) для языка и письма тирсенов;
- 2) для подвергавшегося многократным спорам вопроса о происхождении тирсенов-этрусков с Востока;
- 3) для засвидетельствованных в литературе поездок тирсенов в Испанию;
- 4) для Тартесса как тирсенской колонии;
- 5) для упоминаемой Страбоном письменности тартессов;
- 6) для древнейшего этруского письма и языка;
- 7) для факта сохранения этого древнего письма в поздне-императорскую эпоху.

То, что столь древнее письмо сохранилось в императорскую эпоху, не так поразительно, как это кажется на первый взгляд. Не менее древнее ливийско-финикийское письмо на монетах 9 городов у Кадикса² сохранялось так же долго. Более поразительно то, что столь древнее письмо сохранилось в Бетике, которая, по Страбону (III, 2, 15), уже в его эпоху была полностью романизирована. Это свидетельство следует, однако, принять *сиграно салис*. Романизация, как и всюду в провинциях, ограничивалась верхушкой общества, в то время как в народе иберийский язык сохранялся

¹ Lantier, RA, 1939, стр. 153 и IPEK, 1930, стр. 40.

² Ср. мою статью «Ein unbekanntes Alphabet aus Spanien» в ZDMG, 1924.

до императорской эпохи, а галльский—и после 400 г. н. э. Поразительнее всего, что Зосим, хотя грек по происхождению и римский раб, воспользовался этим древним туземным письмом, и то, что оно продолжало еще существовать на монетах. Наше письмо было, следовательно, в тогдашней Андалузии довольно известным, так как надписи на монетах должны быть понятными. Может быть, старое тартесское письмо сохранялось главным образом в культе—хранителе старины (ср. выше, стр. 15). Необычным является то, каким способом Зосима пользуется этим письмом: он пишет так, что письмо следует читать справа налево, как в финикийском и древнейшем греческом письме, но отдельные буквы частично обращает вправо, как они писались в императорскую эпоху. Он присоединил также ω и γ , которых нет в тартесском письме. То, что письмо начинается с конца второй строки, также следует приписать Зосиму.

Аналогию к тому, что Зосим пишет древним тартесским письмом, но на латинском языке, дает слоговая надпись из Кипра, где греческий текст написан древнейшим догреческим письмом, в то время как, наоборот, свинцовая табличка из Алкой (см. выше, стр. 16) составлена на иберийском языке, но греческими буквами. Надпись Зосима, следовательно, является странным смешением старого и нового. У нас есть основания быть благодарными рабу Зосиму за его странную прихоть написать свое посвящение Немезиде древним письмом. Так мало значивший при жизни, в качестве раба, он приобрел таким путем 2000 лет спустя посмертную славу.

Можно надеяться, что Андалузия, которая, несмотря на богатство в ней остатков древности, еще так мало исследована, даст новые памятники тирсено-тартесского письма. Мы можем рассчитывать также найти памятники этого письма и в южной Португалии, так как с 1893 г., после выхода «*Monumenta Linguae Ibericae*», там найдено уже пять новых надписей. Эти надписи, после того как тирсенский язык их доказан, теперь в особенности интересны и, надо полагать, будут, наконец, рассмотрены этрускологами, до сих пор не имевшими достаточного побуждения ими заниматься.

В заключение я хотел бы выразить желание, чтобы в Испании надписи и другие находки публиковали быстрее, чем это практиковалось раньше. Непостижимо, как такая важная надпись Зосима более 15 лет не была издана, и лишь мне пришлось ее открыть!



ИЗ ИСТОРИИ V ДИНАСТИИ В ДРЕВНЕМ ЕГИПТЕ

М. А. Коростовцев

Вопрос о приходе к власти V династии до сих пор решался преимущественно на основе литературных данных папируса Westcar¹. Папирус датируется эпохой гиксосов. Таким образом, папирус Westcar отделен от времени V династии, сказку о которой он содержит, огромным периодом времени приблизительно в 1000 лет. Уже сам по себе этот факт заставляет проявлять крайнюю осторожность в использовании данных папируса Westcar, как исторического источника по истории V династии, тем более, что по своему содержанию он является сборником сказок.

Слушателем этих сказок является Хуфу (греческий Хеопс), царь IV династии и строитель знаменитой большой пирамиды, которому царевичи один за другим рассказывают сказки. В первой части папируса, начало которого потеряно, сохранился конец какой-то сказки, повествовавшей о временах фараона III династии Джосера. Затем идет сказка, рассказанная царевичем Хафра (греческий Хефрен), из времен фараона III династии Небка. Следующую сказку о царе Снефру рассказывает царевич Дедефхор. Этот царевич объявляет Хуфу, что все, что до сих пор слышал фараон, относилось к минувшим временам, а вот он, Дедефхор, знает живого колдуна Джели, который может воочию показать царю настоящие чудеса. Заинтересованный царь приказывает своему сыну Дедефхору лично доставить колдуна Джели ко двору, что тот и выполняет. Царь выражает Джели удивление, что он до сих пор о нем ничего не слышал, и спрашивает Джели, действительно ли правда, что последний умеет воссоединить с телом отрезанную голову. Получив утвердительный ответ от Джели, Хуфу приказывает привести для демонстрации этого опыта заключенного, но Джели отказывается проделывать свои фокусы на человеке и просит для опыта животное. Ему приносят гуся, и на нем Джели показывает свое умение, воссоединив отрезанную голову гуся с туловищем и оживив гуся. Затем Джели демонстрирует свой опыт еще два раза: на какой-то птице и на быке. Убедившись в могуществе Джели, Хуфу задает ему вопрос о том, действительно ли он знает число *ip.t* Тота. Это же самое слово *ip.t* встречается дважды в том месте сказки, где царевич Дедефхор повествует отцу о достоинствах колдуна Джели: последний, по словам царевича, знает число *ip.t*. Далее сказка поясняет, что Хуфу давно искал это *ip.t* Тота, желая сделать для

¹ Папирус Westcar хранится в Берлинском музее за № 3033. Полное издание иероглифического текста с иероглифической транскрипцией, словарем, палеографическими примечаниями, комментарием и переводом дал E r m a n, *Die Märchen des Papyrus Westcar*, 1890, I—II (V—VI т. серии «Mitteilungen aus den orientalischen Sammlungen»).

своей пирамиды нечто подобное¹. Значение слова *ip.t* вызвало разногласия. Его на основе палеографических данных установил Гардинер², как «комната», «помещение»³, и значение это принято Большим берлинским словарем⁴.

Разговор Хуфу и Джеди относительно *ip.t* сводится к тому, что царь выражает желание узнать, что Джеди знает об *ip.t*. Колдун отвечает, что число *ip.t* ему неизвестно, но он знает, где имеются данные об *ip.t*—в каменном ящике в архиве в Гелиополе⁵.

Царь осведомляется у колдуна о том, кто доставит ему эти сведения⁶: «Сказал его величество: «кто принесет мне это». Сказал Джеди: «старший из трех детей, которые во чреве Реджедет, принесет тебе это». Сказал его величество: «но я хочу, чтобы ты сказал, кто это, Реджедет». Сказал Джеди: «жена это жреца Ра, владыки Сахебу. Беременна она тремя детьми от Ра, владыки Сахебу. Сказал он ей, что они будут облечены в этот превосходный сан во всей этой стране и старший из них будет верховным жрецом в Гелиополе». И огорчилось сердце его величества из-за этого. Сказал Джеди: «что это с сердцем царя, да будет он жив, невредим и здоров, владыки моего. Случилось ли (это) из-за этих трех детей; сказал я: будет твой сын, его сын, один из них». Сказал его величество: «когда она родит, Реджедет». «Она родит в 15-й день первого месяца зимы». Общий смысл ответа Хуфу заключается в том, что он лично собирается посетить храм Ра в Сахебу, причем он в непонятном контексте говорит что-то об отмели канала Летополя, на что Джеди отвечает, что он сделает так, что на отмели канала Летополя будет уровень воды высотой в 4 локтя. Царь повелевает поселить колдуна в доме царевича Дедефхора и щедро обеспечить его.

Далее папирус излагает обстоятельства, при которых осуществилось предсказание Джеди. Реджедет, жена Раусера, жреца бога Ра в Сахебу, почувствовала приближение родов. Тогда сам Ра приказывает четырем богиням—Исиде, Нефтиде, Хекет и Месхенит—и богу Хнуму оказать Реджедет содействие при родах. Богини под видом танцовщиц, сопровождаемых слугой, направляются к дому Реджедет. На пороге их встречает муж Реджедет, Раусер, и спрашивает их, не могут ли они оказать содействие его жене при родах. Богини-танцовщицы отвечают утвердительно, и Раусер проводит их к Реджедет. Последняя в присутствии богинь рождает трех мальчиков, причем богиня Месхенит предсказывает судьбу каждого из них одной и той же фразой:

«царь, который будет царствовать во всей этой стране»⁷. Для облегчения роженицы Исида каждый раз произносила заклинание, содержащее имя младенца. Из этих заклинаний видно, что новорожденные носили следующие имена: Усерреф, Сахура и Кеку. Внешний вид родившихся мальчиков был необычен: члены их тела были покрыты золотом, и на головах их был головной убор из ляпис-лазури. Закончив свои акушерские обязанности, богини поздравили жреца Раусера с рождением трех детей, а Раусер в виде вознаграждения за их труды дал им зерна, которое и было

¹ E r m a n, Die Märchen des Papyrus Westcar, II, VII, 4—8.

² G a r d i n e r, The Secret Chambers of the Sanctuary of Thoth, JEA, XI, 1925, стр. 2—5.

³ E r m a n — G r a p o w, Wörterbuch der ägyptischen Sprache, I, стр. 67.

⁴ E r m a n, Die Märchen des Papyrus Westcar, I, 43 и II, 2, не дает определенного значения этого слова. Green в статье «The Secret Chambers of the Sanctuary of Thoth», JEA, XVI, 1930, стр. 33—34, высказывает предположение, что *ip.t*—это схема, по которой писали тексты в пирамидах.

⁵ См. G a r d i n e r, op. cit.

⁶ E r m a n, op. cit., II, табл. IX, строки 6—15.

⁷ Ibid., II, табл. X, строки 13 и 21, табл. XI, строка 1.

нагружено на бога Хнума, выполнявшего обязанности слуги при богинях-танцовщицах. После того как они покинули дом жреца, богини по инициативе Исиды решили сделать подарок новорожденным и изготовили для них царские короны, которые и спрятали в зерне. Затем они вызвали дождь и под предлогом непогоды вернулись в дом Реджедет и попросили сохранить на время их зерно, а сами ушли, пообещав на обратном пути зайти за своим зерном. Через некоторое время служанка Реджедет сообщила своей госпоже, что из помещения, где хранится зерно, раздаются звуки музыки и пения, которыми восхваляют царей. Вскоре после этого между Реджедет и ее служанкой возникла ссора, и госпожа избивала свою служанку. Последняя решила отомстить и донести царю Хуфу, что Реджедет родила трех царей. Однако служанке не удалось выполнить свой замысел: она встретила с братом своим и рассказала ему, куда она направляется. Рассказ служанки так возмутил ее брата, что он сильно ударил ее. Последняя пошла зачерпнуть воды рукой и в этот момент была утащена крокодилем. Ее брат направился к Реджедет и застал ее в большой тревоге—она боялась доноса служанки, но брат последней успокоил госпожу, рассказав Реджедет об участии служанки.

На этом папирус Westcar обрывается.

Нетрудно заметить, что, согласно сказке, приход к власти первых трех царей V династии—Усеррефа, Сахура и Кеку—ставился в тесную связь с культом бога Ра. Об этом совершенно определенно говорят следующие моменты сказки:

1. Дети рождаются от жены бога Ра.
2. Подлинным их отцом является сам бог Ра. В ответ на вопрос Хуфу, кто такая Реджедет, Джеди отвечает, что она—«жена жреца Ра, владыки Сахебу, которая беременна тремя детьми от Ра, владыки Сахебу».
3. По предназначению самого Ра они должны стать царями—в том же ответе Джеди Хуфу о том, кто такая Реджедет, Джеди говорит, что Ра сообщил ей, что они будут управлять Египтом. Когда Ра посылает богинь и Хнума облегчить роды Реджедет, он также говорит о том, что эти дети—будущие цари.
4. В том же ответе Джеди Хуфу сказано, что старший из этих трех детей будет верховным жрецом в Гелиополе.

Особое внимание обращает на себя то обстоятельство, что действительным отцом детей является не муж Реджедет, жрец бога Ра Раусер, а сам бог Ра.

Затем следует отметить, что наша сказка противопоставляет царей, родившихся от Реджедет, Хуфу и его роду, т. е., выражаясь нашими историческими терминами, противопоставляет V династию IV династии. Это видно из следующих моментов сказки

1. Когда Хуфу узнал от Джеди, что дети Реджедет будут царями, он очень огорчился, и колдун даже утешал его, говоря, что сын и внук Хуфу будут еще царствовать.
2. Угроза служанки донести Хуфу на Реджедет, что последняя родила трех царей, совершенно определенно свидетельствует о том, что Хуфу относился враждебно к новорожденным. Об этом также говорит и тревога Реджедет после ухода служанки и вообще весь инцидент с последней, включая и ее ссору с братом.

Здесь уместно отметить, что о IV династии сохранилось предание, записанное Геродотом и Диодором, в котором мы находим любопытные сведения о фараонах Хуфу и Хафра, строителях больших пирамид. Согласно Геродоту, время царствования этих царей было временем тяжких бедствий для египетского народа, так как они беспощадно эксплуатировали население для строительства своих пирамид.

О Микерине, которого Геродот изображает как полную противоположность Хеопсу и Хефрену, он говорит (II, 129), что последний «деяний отца своего не одобрял, отворил храмы и дозволил народу, угнетенному до крайности, вернуться к своим занятиям и празднествам».

Таким образом, Хеопс и Хефрен, по Геродоту, были царями, с именами которых у египетского народа были связаны самые тяжелые воспоминания.

Геродота дополняет Диодор (I, 64): он говорит, что цари, строители пирамид, не смогли воспользоваться выстроенными для них гробницами: доведенные до отчаяния их насилиями, народные массы восстали и выбросили тела царей-тиранов из пирамид, после чего эти тела были тайно погребены в никому неизвестном месте.

Таким образом, согласно этому преданию, если IV династия и не была насильственно свергнута, то во всяком случае имели место события, для нее неблагоприятные и вызванные отрицательным отношением к ней населения. Однако обо всех этих событиях египетские памятники хранят полное молчание, и еще Масперо указывал, что «рассказы греческих историков несколько не соответствуют сведениям, добытым из египетских памятников». И Масперо объяснял «причину такой разницы между исторической достоверностью и греческими преданиями. Рассказы Геродота являются не чем иным, как записанными сказками египетского народа. Хеопс Геродота и Хеопс исторический носят только одно имя и являются оба строителями большой пирамиды. Во всем остальном они ни в чем не похожи друг на друга. Хеопс и Хефрен греческих традиций не более, как герои романов»¹. Но это были именно народные сказки, так как официальная египетская традиция времен Геродота относилась к Хеопсу и Хафра, как мы увидим дальше, с большим уважением.

Мы не знаем, насколько точно Геродот и Диодор передали слышанные ими предания, но во всяком случае вполне ясно, что основной момент предания—отрицательное отношение к царям-строителям больших пирамид IV династии—правильно отмечен обоими историками. Сказка папируса Westcar одним своим моментом перекликается с этим преданием: в конце сказки довольно явственно выступает сочувствие к Реджедет и ее детям, которые могут подвергнуться преследованиям Хуфу. Таким образом, и сказка папируса Westcar, и предание, сообщаемое Геродотом и Диодором, относятся к IV династии отрицательно. Здесь уместно отметить, что сказки папируса Westcar отличаются от ряда других произведений египетской литературы эпохи Среднего царства: стиль и язык этих сказок указывают на их народное происхождение².

Можно ли отсюда заключить, что IV династия пала в результате вызванного ее деспотизмом взрыва недовольства населения и что пришедшая ей на смену V династия происходила из среды жрецов Ра или пришла к власти при их помощи?

Как уже было сказано, данные Геродота и Диодора о IV династии никакими египетскими памятниками не подтверждаются. Но было бы неправильно сделать отсюда вывод о том, что с начала до конца предание совершенно не соответствует исторической действительности и ни в какой мере не отражает ее.

Как правильно отметил Масперо, строительство больших пирамид не могло быть осуществлено руками одних лишь военнопленных рабов: как бы ни было велико их число, оно все же было недостаточно для такой грандиозной стройки, и поэтому применение труда масс египетского населения в принудительном порядке кажется более чем вероятным. Вполне

¹ Масперо, Древняя история народов Востока, 1911, стр. 62.

² Erman, Die Literatur der Aegypter. Leipzig, 1923, стр. 64.

понятно, что огромное и долголетнее напряжение, вызванное строительством пирамид, не могло не запечатлеться надолго в народной памяти. Поэтому вполне допустимо рассматривать предания о IV династии, которые передают нам Геродот и Диодор, как смутное воспоминание о тяжелых для египетского народа временах строительства пирамид, как отзвук пережитого народом в глубокой древности напряжения. Что же касается всех конкретных фактов в этих преданиях, как, например, закрытие египетских храмов на 106 лет, народное восстание и уничтожение тел Хуфу и Хафра и т. п., то эти данные исторического доверия не заслуживают, так как в египетских памятниках мы не находим ни малейшего намека на них. Верить же сказаниям, отдаленным приблизительно на 2 500 лет от событий, о которых они повествуют, больше, чем памятникам, современным этим событиям, мы не имеем никакого основания.

Таким образом, никаких данных, свидетельствующих о насильственном свержении IV династии, в распоряжении науки не имеется. Наоборот, египетские памятники к Хуфу и Хафра относятся как к образцовым фараонам, заупокойный культ которых поддерживался со времен Древнего царства вплоть до времен персидского владычества в Египте¹. Последующие династии не только не относились враждебно к IV династии, но, наоборот, всячески подчеркивали свое уважение к памяти царей, строителей больших пирамид. Но мы не можем не считаться с тем обстоятельством, что, согласно народной традиции, Хеопс и Хефрен были ненавистными тиранами, доведшими до крайней степени эксплуатацию народных масс: в первую очередь за это говорят размеры больших пирамид.

По вполне понятным причинам мы не находим отражения этой ненависти к фараонам IV династии в официальных египетских памятниках, которые, как было сказано, расценивают Хеопса и Хефрена как мудрых и благочестивых правителей.

Что касается статуй Хефрена, найденных в поврежденном виде на дне колодца, то мы не можем об этом сказать ничего определенного: во всяком случае они не были сброшены туда царями V династии—этому противоречит культ царей IV династии во времена V дин. Масперо допускал, что статуи эти были сброшены во время народного восстания², но это допущение целиком базируется на рассказах Геродота и Диодора, т. е. на поздней народной традиции, и поэтому слишком мало обосновано. Даже если допустить возможность такого восстания, то это никоим образом еще не доказывает враждебности V династии к IV.

Обратимся теперь к папирусу Westcar.

Остановимся прежде всего на именах сыновей Реджедет, т. е. на именах трех будущих царей, которые, согласно сказке, должны сменить на египетском престоле род Хуфу, т. е. IV династию. Эти три имени—Wsr-rf,

¹ Имена Хуфу и Хафра на памятниках времен V и VI династии упоминаются рядом с именами царей этих династий. Из памятников времен Древнего царства мы узнаем, что во времена после IV династии культ этих царей всячески поддерживался. Так, один вельможа времен V династии был заупокойным жрецом при пирамиде Хафра (M a g i e t t e, Mastaba de l'ancien empire, D 11). Таких фактов, свидетельствующих не о враждебном, а о благоговейном отношении V и VI династий к IV, можно бы было привести достаточное количество. Культ этих царей поддерживался после IV династии не только в эпоху Древнего царства, но и гораздо позже. Из одной стелы Аменхотепа II мы узнаем, например, что в Мемфисе в его времена стояли святилища в честь Хуфу и Хафра. См. «Annales du Service des Antiquités de l'Égypte», т. 37, 1937, стр. 134. Имеются данные, свидетельствующие о наличии этого культа и для гораздо более поздних времен. Таким образом, в Египте на протяжении ряда веков существовали одновременно две традиции, совершенно различно относящиеся к Хеопсу и Хефрену: официальная, поддерживавшая культ этих царей, и народная, относившаяся к ним враждебно.

² М а с п е р о, ук. соч., стр. 65.

S3h-Rc и Kkw. Папирус приводит эти имена именно в этой последовательности.

На основании многочисленных памятников твердо установлено, что первыми тремя царями V династии были Wsr-k3f, S3hw-rc и K3k3i.

Как видим, в сущности это одни и те же имена, отличающиеся друг от друга только своим написанием. Только имя первого царя в папирусе несколько искажено—вместо настоящего Wsr-k3f стоит Wsr-rc. Последовательность царей друг за другом и по папирусу и по памятникам одна и та же. Таким образом, в отношении первых трех царей V династии, вернее, в отношении их имен и последовательности, сказка папируса Westcar не исказила исторической действительности.

Обращает на себя внимание то место сказки, где говорится о том, что первые цари V династии родились во времена Хуфу, а также то место в пророчестве Джеди, где он говорит, что после Хуфу будут царствовать еще его сын и внук, а потом уже «один из них», т. е. один из детей Реджедет. Эти данные сказки находятся в противоречии с хронологическими данными Манефона, согласно которым с момента смерти Хуфу до начала V династии прошло 192 года. Отсюда ясно, что хронологические данные сказки и Манефона несовместимы. Если мы обратимся к памятникам, то мы убедимся в том, что в действительности первые цари V династии родились не раньше царствования Менкаура, на чем подробнее мы остановимся ниже. Хронология Древнего царства сама по себе предмет очень сложный, и, кроме того, в ряде случаев мы не располагаем памятниками, содержащими данные о продолжительности отдельных царствований вообще, и в частности царей IV династии. Однако это досадное обстоятельство все же не мешает нам установить, что период времени, протекший с момента смерти Хуфу до восшествия на престол первого представителя V династии, был гораздо короче 192 лет, т. е. манефоновской цифры. Уже давно было отмечено, что сын царя Хафра, Сехемкара, жил при ряде царей и пользовался их благорасположением, а именно: сначала своего отца Хафра, затем Менкаура, Шепсескафа, Усеркафа и, наконец, Сахура¹. Таким образом смена всех этих царей произошла на протяжении одной человеческой жизни. Из знаменитой надписи Пташепсеса мы узнаем, что этот вельможа родился в царствование царя IV династии, Менкаура², и был еще современником Ниусерра³, шестого царя V династии. Наконец, следует упомянуть еще один чрезвычайно интересный в этом отношении текст—это надпись в гробнице вельможи Нехерпунесу, которая повествует о том, что он жил и пользовался благорасположением следующих царей: Джедефра, Хафра, Менкаура, Шепсескафа (IV династия), Усеркафа и Сахура (V династия)⁴. Таким образом на египетском престоле сменилось шесть этих царей на протяжении жизни этого вельможи. Все эти данные свидетельствуют о том, что данные сказки о рождении царей V династии во времена Хуфу хоть и не соответствуют, как мы увидим ниже, данным памятников, все же особенно резко с исторической действительностью не расходятся⁵, особенно если принять во внимание слова Джеди о том, что после Хуфу будут еще царствовать его сын и внук: сказка, несомненно, имеет в виду Хафра и Менкаура, наиболее ярких представителей IV династии после Хуфу. При последнем из них или вскоре после его смерти ро-

¹ Sethe, Urkunden, I, стр. 166.

² Ibid., стр. 51, 12.

³ Ibid., стр. 53, 8.

⁴ Ibid., стр. 166.

⁵ Подробности о хронологии IV династии см. в работе Scharff, Ein Beitrag zur Chronologie der 4. ägyptischen Dynastie. OLZ, 31, 1922, стр. 73—81.

дились цари V династии, что устанавливается из памятников. Никакими памятниками, которые бы сообщали нам о насильственном свержении преемников Хуфу V династией, мы не располагаем. Надписи упомянутых выше вельмож Сехемкара и Нехерпунесу состоят лишь из последовательного перечисления царей, вниманием и благосклонностью которых эти лица пользовались. И мы видим, что к ним обоим одинаково благосклонно относились цари и IV и V династии. Автобиографическая надпись упомянутого выше вельможи Пташепсеса, в которой он повествует о своих заслугах перед рядом царей и о их благосклонном к нему отношении, не дает ни малейшего намека на какие-либо бурные события. Если бы они имели место, то близкий к трону Пташепсес наверняка принял бы в них участие и так или иначе упомянул бы их. Пташепсес был женат на дочери самого Шепсескафа—Маатха¹. Сехемкара был сыном Хефрена и, следовательно, был теснейшим образом связан узами родства с IV династией. Тем не менее он процветал и при царях V династии. Пташепсес родился при Менкаура и воспитывался с царскими детьми; причем пользовался особым расположением царя². При Шепсескафе он стал зятем царя, а последующие цари осыпали его милостями, и он пользовался у них полным доверием³. Наконец, Нехерпунесу пользовался милостью повелителей и IV и V династий. Вряд ли к этим вельможам так благосклонно относились бы цари V династии, если бы эта династия была враждебна предшествующей, IV. Конечно, возможно предположить, что все трое были изменниками и поэтому продолжали пользоваться милостью новых династов: но такое предположение является искусственной натяжкой, не подтверждаемой никакими данными памятников. В этом пункте, как мы видим, данные сказки папируса Westcar расходятся с данными памятников: в то время как сказка противопоставляет царей V династии роду Хуфу, в памятниках мы такого противопоставления совершенно не обнаруживаем.

Согласно сказке и в противоположность Манефону, выводившему V династию из Элефантины, родиной этой династии является местечко Сахебу. Последнее известно только из папируса Westcar⁴. Эрман считает⁵, что оно идентично с местечком Shbt в Дельте, известным из текстов птолемеевских времен⁶. Канал, название которого изображалось двумя рыбами, несомненно, находился где-то недалеко от Сахебу, так как он упоминается в связи с желанием Хуфу посетить Сахебу. Это название применялось к нескольким каналам, а именно, в номах Ликополя, Гераклеополя и Летополя⁷. Но несомненно, что Сахебу находилось где-то в Дельте: за это говорит содержание сказки, где Сахебу и Гелиополь выступают как местности, откуда происходит V династия. Следовательно, исключаются Ликополь и Гераклеополь, лежащие вне Дельты, и остается только Летополь в Дельте. Таким образом, согласно сказке, родина царей V династии, Сахебу, находилась в Дельте, недалеко от Гелиополя, в Летопольском номе (второй ном Нижнего Египта).

¹ Ibid., стр. 52, 1—3.

² В. В. Струве высказал предположение, что он был родоначальником V династии, так как структура имен Шепсескафа и Усеркафа одинакова. См. Струве, Манефон и его время. ЗКВ, IV, 1930, стр. 212 и прим. 2.

³ Sethe, Urkunden, I, стр. 51, 12—14.

⁴ Gauthier, Dictionnaire des noms géographiques contenus dans les textes hiéroglyphiques, V, стр. 10. Сахебу находилось где-то вблизи Мемфиса, Гелиополя или Летополя.

⁵ Erman, op. cit., I, стр. 20.

⁶ Gauthier, op. cit., V, стр. 45.

⁷ Erman, op. cit. стр. 56 и Brugsch, Diction. géographique, стр. 620—621.

Не менее важно указание сказки (в пророчестве Джеди) на то, что первый из царей V династии, Усеркаф, будет верховным жрецом Гелиополя, прежде чем сядет на царский трон. Это место сказки давало неоднократно основания полагать, что V династия происходила из жречества бога Ра. Уже Эрман в своем издании папируса Westcar писал по этому поводу следующее:

«Если допустить, что в основе рассказа папируса лежит правда, а именно, что V династия происходила из жреческой среды и что сам Усеркаф до вступления на трон был верховным жрецом в Гелиополе, то обычай этот (Эрман имеет в виду обычай царей V династии строить солнечные храмы.—М. К.) объясняется просто: царский род, уже будучи на троне, не забыл культа солнца, издревле наследственного в роде. Это был публичный жреческий род, и придворные вельможи его хвалятся тем, что были жрецами в царских храмах солнца»¹. Это предположение Эрмана разделялось рядом крупных ученых. Так например, Брэстед в своей истории Египта пишет, что «причина падения четвертой династии, хотя и неясная в деталях, более или менее достоверна в главных чертах. Жрецам Ра в Гелиополе, влияние которых очевидно уже из имен царей, следовавших за Хуфу, удалось организовать свою политическую власть и сделаться достаточно сильной партией, чтобы свергнуть царствующий дом»². Подтверждение своих взглядов на V династию как династию по своему происхождению жреческую названные ученые видят в том, что при V династии был выстроен ряд храмов в честь бога Ра³.

В свете последних открытий, которых мы коснемся ниже, эти взгляды нуждаются в некоторых изменениях и дополнениях.

Если мы обратимся к Палермскому камню, отрывку летописи Древнего царства, то мы без труда убедимся в том, что цари V династии культу бога Ра действительно оказывали большое внимание. До V династии данные Палермского камня ничего не упоминают о культе бога Ра. Впрочем, надо отметить, что данные о временах, предшествующих V династии, весьма фрагментарны, и поэтому нельзя быть вполне уверенным в том, что они не содержали никаких сведений о мероприятиях царей в честь бога Ра. Зато начиная со времен Усеркафа мы находим в Палермском камне ряд сведений о таких мероприятиях царей V династии, которые, несомненно, свидетельствуют об их приверженности богу Ра и другим богам Гелиополя.

Рассмотрим эти данные в порядке последовательности. Об Усеркафе мы узнаем из Палермского камня, что им была проявлена большая забота о культе богов Гелиополя, и в частности о культе бога Ра. Палермский камень повествует об установлении Усеркафом жертвенных даров богам Гелиополя хлебом, пивом, скотом и птицей. Богу Ра Усеркаф даровал пахотные земли⁴. Из другой записи того же Палермского камня мы узнаем, что Усеркаф для богов Гелиополя учредил жертвенные дары хлебом, пивом и пахотными землями. Для бога Ра, в частности, он даровал пахотные земли в номах Нижнего Египта⁵. Однако было бы ошибкой думать, что Усеркаф проявлял такое благочестие только в отношении божеств Гелиополя и бога Ра: из Палермского камня мы узнаем, что его заботы простирались и на других богов, правда, в несколько меньших размерах. Преемник Усеркафа, Сахура, также учредил жертвенные дары для ряда богов,

¹ Erman, op. cit., I, стр. 20.

² Брэстед, История Египта, русский перевод, 1915, I, стр. 127.

³ Там же, стр. 130.

⁴ Sethe, op. cit., I, стр. 240, 12—13.

⁵ Ibid., стр. 241, 9—10.

в том числе и для бога Ра¹. В числе этих даров были и пахотные земли. Другая запись относительно деятельности Сахура говорит о том, что этот царь учредил жертвенные дары для эннеады, а также для бога Ра². Такие же сведения сообщает Палермский камень о третьем царе V династии, Нефериркара: гелиопольская эннеада и сам бог Ра были предметом его благочестивых забот. Но, подобно своим предшественникам, он оказывал серьезное внимание и культу других божеств³.

О деятельности преемников Нефериркара мы ничего не знаем, так как записи Палермского камня прерываются на царствовании этого фараона.

Таким образом, первые три царя V династии, т. е. как раз те цари, которые являются героями сказки папируса Westcar, согласно данным Палермского камня, проявляли несомненную заботу о культе богов Гелиополя и бога Ра. В этом отношении данные Палермского камня вполне согласуются со сказкой папируса Westcar, согласно которой эти цари происходили из среды жрецов бога Ра. Но все же необходимо отметить, что сведения Палермского камня не дают нам еще права говорить об исключительности положения божеств Гелиополя, так как благочестие первых царей V династии проявилось также в заботах о культе ряда других божеств. Правильнее будет сказать, что при первых трех царях V династии культ Ра и других богов Гелиополя пользовался не исключительным, но преимущественным положением.

Обратимся теперь к другим данным, которые помогут нам пролить свет на этот вопрос, а именно к царским теофорным именам, в состав которых входило название бога Ра, и к царской титулатуре. Здесь особенно поучительно сравнить имена и титулатуру царей V династии с именами царей и их титулатурой до V династии. Прежде всего надо отметить, что относительно царей первых трех династий наука располагает далеко не точными данными в отношении их имен и последовательности. Однако на основании тех данных, которыми мы располагаем, мы можем констатировать, что до IV династии царские теофорные имена с именем бога Ра были очень редки.

Из восьми имен царей I династии ни одно не содержит названия бога Ра⁴.

Среди девяти царских имен II династии лишь имя царя Неферкара содержит название бога Ра⁵. Среди десяти имен царей III династии только в имени царя Небкара мы находим как составную часть название Ра⁶.

К царям первых трех династий Готье относит еще 31 имя: это имена царей, не отождествленных с именами Манефона, но которые по разным соображениям относят к первым трем династиям, причем точно не установлено, кто из них именно относится к той или другой династии. Среди этих тридцати одного имени только имя Небра подходит под интересующую нас категорию⁷.

Таким образом, из числа свыше пятидесяти царских имен, относящихся к первым трем династиям, только три теофорных имени содержат имя бога Ра: Неферкара, Небра и Небкара. Этот факт, несомненно, свидетельствует

¹ Ibid., стр. 243, 15 и 244, 7—8.

² Ibid., стр. 245, 5, 12.

³ Ibid., стр. 246, 13—18; 247, 9—11, 17; 249, 6—9.

⁴ Ga u t h i e r, Le Livre des rois d'Egypte, I, 1907, Le Caire. «Mémoires de l'Institut Français», XVII, стр. 14. Царский картуш, содержащий имя Ра и приводимый под № 7, — позднего происхождения.

⁵ Ibid., № 4, стр. 53.

⁶ Ibid., № 8, стр. 38. Что касается царского картуша с именем Ра под № 12, стр. 43, то он — позднего происхождения и поэтому интереса для нас не представляет.

⁷ Ibid., № 3, стр. 83.

о том, что до IV династии культ бога Ра не играл еще значительной роли в политической жизни страны.

Начиная с IV династии мы видим другое положение: из шести царей этой династии три носили теофорные имена с именем бога Ра, а именно Дедефра¹, Хафра² и Менкаура³.

То же самое мы находим и в именах V династии: из девяти⁴ царских имен семь включают в себя имя бога Ра, а именно Сахура, Неферирикара, Шепсескара, Неферефра, Ниусерра, Джедкара и Ханеферра.

Таким образом, мы можем констатировать, что в отношении царских теофорных имен с именем бога Ра IV и V династии количественно не много отличаются друг от друга: в первой из них половина царских имен представлена теофорными именами с именем бога Ра, во второй—больше половины. Обратимся теперь к вопросу о царской титулатуре. Этот вопрос имеет немаловажное значение, так как одна из основных формул в царской титулатуре—это формула «сын Ра».

Как мы видели, согласно сказке папируса Westcar, первые три царя V династии были сыновьями бога Ра. Об отношении сказки к формуле «сын Ра» Брэстед писал следующее: «в этой народной сказке мы имеем популярную форму новой государственной фикции, согласно которой каждый фараон есть сын бога-солнца по плоти. Подобное воззрение удержалось в течение всей истории Египта. Цари V династии, резиденция которых продолжала оставаться вблизи Мемфиса, начали править около 2750 г. до н. э. В них ясно выражены черты происхождения, приписанного им народным преданием. Официальное имя, которое они принимают во время коронации, должно неизменно заключать имя Ра,—традиция, которую гелиопольские жрецы могли прочно утвердить в эпоху IV династии. Впереди этого имени должен стоять теперь новый титул «сын Ра»⁵.

Брэстед правильно указывает на то, что божественное происхождение царей по сказке, с одной стороны, и формула «сын Ра»—с другой, находятся в связи между собой. Весь вопрос заключается в том, является ли эта формула полным новшеством, введенным V династией, или она существовала еще до V династии. По довольно распространенному в научной литературе взгляду, формула «сын Ра» появляется впервые при V династии⁶. Однако это не соответствует действительности.

Формула «сын Ра» в царской титулатуре появляется, правда, еще не систематически, во времена IV династии⁷. Так например, в ряде памятников времен Хафра этот фараон назван «сын Ра»⁸.

¹ Gauthier, op. cit., № 4, стр. 89.

² Ibid., № 5, стр. 95.

³ Здесь уместно отметить, что, согласно сказке папируса Westcar, два сына Хуфу носили теофорные имена с именем Ра: Hcw. f-Rc и Bzwf-Rc. Erman, op. cit., I, стр. 18.

⁴ Ed. Meyer, Geschichte des Altertums, B. I, 2. Hälfte, стр. 203.

⁵ Брэстед, ук. соч., I, стр. 129, 130.

⁶ См., например Moret, Du caractère religieux de la royauté pharaonique, 1902, стр. 24; Gauthier, op. cit., I, стр. 128, прим. 1, говорит, что в первый раз формула «сын Ра» появляется в титулатуре Сахура.

⁷ Формула «сын Ра» в титулатуре Джосера (III династия) имеется лишь на памятнике Среднего царства и поэтому не может ничего доказывать. См. Gauthier, op. cit., I, стр. 51.

⁸ Ibid., стр. 89. Borchardt в статье «Ueber das Alter der Chefrenstatuen» в «Zeitschrift für die ägyptische Sprache und Altertumskunde», 1906, т. 36, стр. 11—18, пытался доказать, что эти памятники—позднего происхождения и относятся ко временам XXV династии. Однако этот взгляд был опровергнут, и сам Борхардт отказался от него. Ed. Meyer, Geschichte des Altertums, I, 2. Hälfte, 1913, стр. 180. В настоящее время установлено, что формула «сын Ра» впервые появляется на памятниках IV династии. Erman—Graw, Wörterbuch der ägyptischen Sprache, III, стр. 410.

При V династии титул «сын Ра» встречается, но далеко не в титулатуре всех ее царей¹.

Если мы обратимся к VI династии, то мы увидим, что среди восьми имен ее царей, приведенных Готье, пять содержат в виде составной части имя бога Ра и при трех из них имеется титул «сын Ра».

Таким образом, если мы подведем итог этим данным, т. е. теофорным именам и титулу «сын Ра», то мы убедимся в спорности положения, будто с приходом к власти V династии началось сращение культа Ра с фараоновской властью: данные памятников противоречат этому взгляду. Это сращение началось до V династии, может быть, уже во времена III династии. Во всяком случае яркие элементы этого сращения мы находим уже при IV династии—при ближайших преемниках Хуфу—Джедефра и Хафра. И в дальнейшем, при V и VI династиях, судя по теофорным именам, мы видим усиление этого сращения, но не видим еще до конца выдержанной системы в этом вопросе: первый царь V династии, Усеркаф, в составе своего имени Ра не имел и титула «сын Ра» не носил², так же как и ряд других царей V и VI династий. Сращение культа Ра с государственной властью происходило, таким образом, постепенно, а не в результате своеобразного *coup d'état* и прихода к власти V династии из среды жрецов бога Ра, как это обычно принято считать.

С другой стороны, мы не имеем права отрицать, что при V династии произошло несомненное усиление культа Ра в государственной жизни. Лучшим свидетельством этому являются так наз. солнечные храмы царей V династии. Развалины некоторых из этих храмов сохранились. Уже первые три царя V династии, герои сказки папируса Westcar—Усеркаф, Сахура и Нефериркара, воздвигли такие храмы, а также цари Неферефра, Ниусерра и Менкаухор³. Самые названия этих храмов свидетельствуют о том, что они имели ближайшее отношение к богу Ра, так как в название каждого из них входит составной частью имя бога Ра. Например, храм Менкаухора назывался «Горизонт Ра»⁴. Храм Нефериркара назывался «любимое место Ра»⁵. Названия трех храмов аналогичны по своей конструкции и содержанию.

Из Палермского камня мы узнаем, что первые три царя V династии проявляли большие заботы об этих храмах: Усеркаф даровал богам выстроенного им храма 24 аруры пахотной земли и учредил ежедневные дары в пользу храма в виде двух жертвенных животных и двух уток⁶. Такого же рода сведения сообщает Палермский камень о Сахуре, преемнике Усеркафа. Интересно отметить, что здесь говорится не о богах храма Сахура, а прямо о боге Ра⁷.

Царь Нефериркара, преемник Сахура, подобно своим предшественникам, окружал выстроенный им храм своими благочестивыми заботами, о чем два раза повествуют записи Палермского камня⁸. Для нас в данном случае интересно следующее: в обеих записях говорится о том, что царь сделал для Ра, находящегося в «Любимом месте Ра», т. е. в храме, выстроенном Нефериркара.

¹ Gauthier, op. cit., I, стр. 100—140. Здесь приведены имена одиннадцати царей V династии, и только при четырех мы находим титулатуру «сын Ра», а именно при именах Сахура (стр. 112), Ниусерра (стр. 124), Джедкара (стр. 133) и Униса (стр. 139).

² Это относится в полной мере и к Шепсескафу, если принять предположение акад. Струве о том, что Шепсескаф, а не Усеркаф, был первым царем V династии.

³ Ed. Meyer, op. cit., B. I, 2. Hälfte, 1913, стр. 205.

⁴ Gauthier, op. cit., I, стр. 131.

⁵ Erman—Grapow, op. cit., IV, стр. 4.

⁶ Sethe, op. cit., I, стр. 241, 6—8. Арура равна 2 735 кв. м.

⁷ Gardiner, Egyptian Grammar, 1927, 244, 7—8.

⁸ Ibid., 248, 9—10 и 249, 1—3.

К сожалению, те места, где должны были быть перечислены благодеяния Нефериркара в пользу храма, в обеих записях испорчены. Но в одной из них сохранились названия культовых барок бога солнца Ра—mskt. t и m'nd. t¹. Таким образом, теснейшая связь этих храмов с культом бога солнца не подлежит ни малейшему сомнению.

Скажем несколько слов о самих храмах. Они были расположены на крае пустынного плоскогорья, к западу от Нильской долины, в области Мемфиса. Важнейшей частью этих храмов было обширное, ничем не крытое пространство, в центре которого на пьедестале возвышался огромный каменный обелиск, перед которым на особом алтаре совершались жертвоприношения и богослужение². Обелиск в этих храмах играл решающую роль и даже в написании храмов служил детерминативом³.

Согласно установившемуся в науке взгляду, эти храмы были храмами солнечного бога Ра, причем символом божества считался обелиск⁴. В самое последнее время были высказаны сомнения относительно правильности этого взгляда. Основанием для этих сомнений послужил детальный анализ рельефов на развалинах храмов: это преимущественно изображения царских юбилейных церемоний.

В новом издании известной работы Ерман'а, переработанной Ранке⁵, Ранке, говоря о храмах V династии, не называет уже их солнечными.

Хороший знаток египетской религии Blackman в рецензии на цитированную книгу Ерман—Ранке говорит по этому поводу, что поскольку сохранившиеся рельефы изображают главным образом юбилейные церемонии, то вероятнее всего, что это были храмы юбилейного характера. Что же касается обелиска, бывшего центральным сооружением в этих храмах, то, как указывает Blackman, он нисколько не противоречит этому предположению, так как в более поздние времена в юбилейных целях часто воздвигались обелиски. Алтарь, расположенный перед обелиском, не был специфическим элементом для этих храмов—он был обычным явлением во всех египетских храмах. Это интересное мнение Blackman'а нуждается, конечно, в доказательстве.

Как бы то ни было—были ли эти храмы выстроены для юбилейных целей, или нет,—отрицать огромную роль культа Ра в этих храмах не приходится. Здесь для нас это—самое главное. Эти храмы, несомненно, свидетельствуют об усилении политического влияния культа Ра в эпоху V династии. Но одно дело—усиление политического влияния Ра, уже имевшегося налицо до V династии, и совершенно другое дело—внезапный переворот, выражающийся в насильственном захвате царской власти жрецами бога Ра. Как мы видели, совокупность рассмотренных нами данных полностью говорит в пользу первого положения. Второе же положение зиждется лишь на сказке папируса Westcar'а и на рассказах Геродота и Диодора.

В значительной степени подтверждают изложенную и аргументированную здесь точку зрения последние открытия, о которых сообщает одна из последних работ Борхардта⁶. Как указывает Борхардт, в результате раскопок Каирского университета под руководством Юнкера в районе Гизе было обнаружено много данных о царице Хенткаус, еще не опубли-

¹ Gardiner, op.cit., 249, 2—3.

² Ed. Meyer, op. cit., стр. 206.

³ Например, в Палермском камне, Sethe, op. cit., стр. 249, 1; в гробнице Ти, см. Bissing, Das Re-Heiligtum des Königs Ne-wasser-Re (Rathures), 1905, стр. 39.

⁴ Например, Брэстед, ук. соч., стр. 130.

⁵ Eрман—Ранке. Aegypten und Aegyptisches Leben in Altertum. Tübingen, 1923, стр. 320. Рецензия Blackman, JEA, IX, 1923, стр. 265.

⁶ Borchardt, Hnt-K'w-s, die Stammutter der 5-ten Dynastie, «Annales du Service des Antiquités de l'Egypte», 1938, т. 38, стр. 209 сл.

кованных. Борхардт указывает, что в одной еще не изданной надписи она названа «Матерью двух царей Верхнего и Нижнего Египта, дочерью бога (т. е. царя), которая говорит о всяких хороших вещах, которые для нее выполняются» (обычное обозначение египетских цариц)¹. Таким образом, Хенткаус была дочерью царя, царицей и матерью двух царей.

Эта царица, как указывает Борхардт, известна еще из отрывков иератических папирусов, давно найденных в Абусире. В этих папирусах имя ее встречается дважды. Папирусы же эти происходят из заупокойного храма третьего царя V династии Нефериркара-Какаи. В одном месте она упоминается в связи с чтением для нее жертвенных формул, причем она названа «царской матерью».

На втором фрагменте, как констатирует Борхардт, имеется только ее имя.

Гораздо важнее тот факт, что после смерти Нефериркара-Какаи в его заупокойном храме отправлялся культ этой самой царицы Хенткаус и в фрагментах одной надписи о ней говорится следующим образом: «постоянно любимая царем Нефериркара Хенткаус, подруга Гора (т. е. царя), царица, мать царя». На другом маленьком фрагменте написано «мать царя». Таким образом, Хенткаус была матерью Нефериркара. Но, кроме того, она была матерью еще одного царя V династии. Естественно, отмечает Борхардт, им мог быть только один из первых царей V династии—Усеркаф или Сахура, так как цари после Нефериркара слишком удалены во времени: ведь сама Хенткаус принадлежала к IV династии, что установлено результатами раскопок Юнкера еще в 1932 г. Борхардт указывает, что она была дочерью Менкаура. Таким образом, линия родства между IV и V династией не прерывалась, и по сути дела V династия является непосредственным продолжением IV династии. Борхардт полагает весьма вероятным, что Шепсескаф, преемник Менкаура, который не был родственником Менкаура, женился на Хенткаус и таким образом легализовал свое положение. Во всяком случае это деталь, не изменяющая сути дела, и в настоящее время в свете этих новых данных мы не можем уже говорить о насильственном свержении IV династии родом жрецов бога Ра.

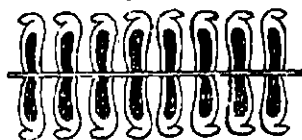
Как мы видели, данные памятников косвенным образом указывали на то, что такой насильственной смены династий не было. Сведения, содержащиеся в статье Борхардта, прямо доказывают то, на что намекала совокупность данных памятников.

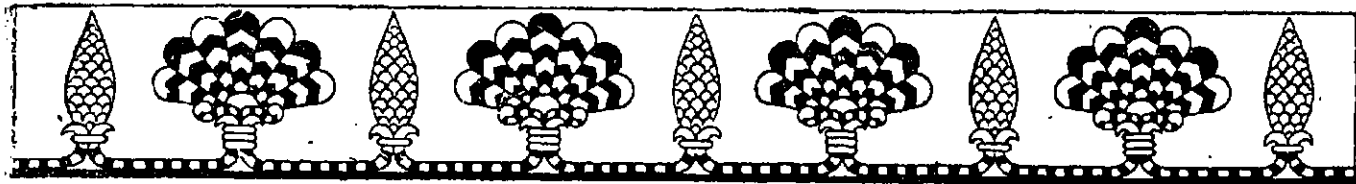
Резюмируем вкратце сделанные выводы.

Если понимать под династией правящий царский род, то по существу IV и V династия являются одной династией. Дочь царя IV династии Менкаура была матерью двух царей V династии—Нефериркара и Сахура или Усеркафа. Таким образом, она была родоначальницей V династии, которая пришла к власти уже в силу этого обстоятельства легальным путем. Никаких данных о борьбе жречества Ра против IV династии мы в памятниках не обнаруживаем. Усиление политического влияния культа Ра и сращение этого культа с государственной властью происходили постепенно, начиная с ближайших преемников Хуфу, царей IV династии, а может быть, даже и во времена III династии. При V династии мы можем лишь констатировать значительное усиление культа бога Ра, свидетельством чему являются так наз. солнечные (или юбилейные?) храмы V династии. Причину этого усиления мы пока установить не можем.

¹ B o r c h a r d t, op. cit., стр. 209. Борхардт приводит эту фразу в переводе. Несомненно, что здесь речь идет о титуле *dd ht nbir n. s.*, заметку о котором Naville-Sethe см. в «Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde», 36, 1898, стр. 143—144. Это—царский титул.

Таким образом, картина смены IV и V династий, основанная на папирусе Westcar и на рассказах Геродота и Диодора, расходится в значительной мере с действительностью. Сказка папируса Westcar отразила действительно имевшие место события в искаженной форме: усиление жречества Ра при V династии она изображает как захват царской власти жреческим родом. Если мы учтем, что сказки папируса Westcar дошли до нас от времени, приблизительно на тысячу лет отдаленного от времен IV—V династий, то мы можем только удивиться тому, насколько мало народная сказка исказила историческое прошлое: вполне понятно, что слабое еще во времена IV династии влияние культа бога Ра было затемнено и совершенно выпало из поля зрения составителей сказки и в народной памяти сохранились более яркие для культа Ра времена царей V династии, строителей солнечных храмов. Вместе с тем папирус Westcar, как и предание у Геродота и Диодора, сохранил воспоминание о народной ненависти к фараонам IV династии, жестоко угнетавшим народ для возвеличения своей власти.





РАБСТВО В ДРЕВНЕМ ДВУРЕЧЬЕ

Акад. Н. М. Никольский

Изучение вопроса о формах и истории рабства в странах древнего Востока является первоочередной задачей советской исторической науки. Буржуазная ориенталистика уделяла вопросу о древневосточном рабстве мало внимания. Советская историческая наука выдвинула правильное общее положение о рабовладельческом характере древневосточных обществ; однако до сих пор конкретные формы, роль и значение рабства в отдельных странах древнего Востока не подверглись систематическому исследованию. Настоящая статья ставит своей задачей дать обзор документального материала о рабстве в государствах древнего Двуречья в свете руководящих указаний Маркса и Энгельса о характере древневосточного рабства.

По определению Маркса и Энгельса, рабство на Востоке существенно отличалось от античной «системы рабства». При последней рабство «представляет господствующую форму производительного труда в земледелии, мануфактуре, судоходстве и т. д., как было в развитых государствах Греции и в Риме»¹. «Иное дело,—говорит Энгельс,—домашнее рабство на Востоке: здесь оно не образует прямым образом основы производства, а является косвенным образом составной частью семьи, переходя в нее незаметным образом (рабыни гарема)»². Изучая это указание Энгельса, мы прежде всего должны определить, в чем заключается сущность домашней формы рабства. Маркс и Энгельс дают для разрешения этого вопроса два указания. Прежде всего, в вышеприведенном высказывании Энгельса отмечается тесная связь домашней формы рабства с восточной патриархальной семьей. Отсюда ясно, что домашняя форма рабства является непосредственным развитием патриархальной системы рабства. Далее, отличительный признак последней, по определению Маркса, заключается в том, что она «направлена на производство непосредственных жизненных средств». Эта система превращается в некоторые высшие формы рабства, в зависимости от влияния торговли и развития купеческого капитала. Именно, как говорит Маркс, в античном мире это влияние «имеет своим результатом рабовладельческое хозяйство», «а иногда» (т. е., надо полагать, в других областях древнего мира) «оно приводит к превращению патриархальной системы рабства... в рабовладельческую систему, напра-

¹ «Капитал», т. II. М. и Э., Соч., т. XVIII, стр. 513.

² «Диалектика природы», изд. 6-е, стр. 49, ср. «Происхождение семьи». М. и Э. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 133.

вленную на производство прибавочной стоимости»¹. Сопоставляя эти слова Маркса с высказыванием Энгельса, мы можем в качестве рабочей гипотезы предложить определение восточной системы домашнего рабства, как системы, сохранявшей, с одной стороны, черты патриархального рабства (производство непосредственных жизненных средств), но, с другой стороны, направляемой также и по линии производства прибавочной стоимости, которая могла быть реализована в виде товаров. Удельный вес рабства при этом может колебаться в зависимости от целого ряда конкретных условий—от степени развития производительных сил, от степени развития частного землевладения, ремесла, торговли, торгово-ростовщического капитала. Анализ конкретного материала о рабстве во всех странах древнего Востока даст возможность проверить правильность нашей рабочей гипотезы.

I. Рабство в Шумере и Вавилоне III и II тысячелетий

Документальный материал о рабстве в странах древнего Двуречья по обилию текстов и по их содержанию занимает первое место в сравнении со скудными документальными данными о рабстве, имеющимися в письменных памятниках Египта и других стран древнего Востока. Поэтому он имеет первостепенное значение для разрешения проблемы древневосточного рабства.

Документы о рабстве в Двуречье называют рабов и рабынь бесспорными терминами (шум. *uru*, *arad*—«раб», *geme*, *gin*—«рабыня», *šinu-gab*—рабы обоого пола, аккад. *wardum*—«раб», *amtum*—«рабыня», *aštapiru*—рабы обоого пола) и содержат весьма значительный и разнообразный материал. Тут имеются и правовые нормы, и договоры о продаже и покупке рабов, и акты о превращении людей в рабов и об освобождении рабов, и судебные дела, связанные с владением рабами, и деловая переписка, так или иначе затрагивающая рабовладение, и, наконец, хозяйственные документы, свидетельствующие о применении рабского труда в отдельных отраслях производства. Этот богатый материал происходит из всех эпох истории древнего Двуречья, начиная с шумерской и кончая персидской.

Прежде всего остановимся на источниках рабства и на вопросе о численности рабов по документальным данным III и начала II тысячелетия (до конца первой вавилонской династии). Рабы и рабыни добывались прежде всего посредством покупки, преимущественно в соседних с Двуречьем странах—Амурру, Гутиу, Сури, Эламе и др. Покупка рабов обычно поручалась дамкарам, т. е. торговым агентам царей, патеси и храмов, причем дамкары обычно покупали рабов попутно, при закупке других товаров. О числе приобретаемых таким способом рабов можно судить по прямым указаниям. Например, из Лагаша, из эпохи 2800—2700 гг. и из эпохи III дин. Ура, есть документы о покупках через дамкаров разного числа рабов; отсюда же имеется документ о покупке 17 рабынь для храма; из царствования Хаммураби имеется документ, говорящий о привозе дамкаром одного раба из Сури². Имеются также данные о числе рабов у отдельных владельцев. Больше всего рабов было у хра-

¹ «Капитал», т. III. М. и Э., Соч., т. XIX, ч. I, стр. 360.

² М. В. Н и к о л ь с к и й, Документы хоз. отчетности древнейшей эпохи Халдеи, т. I, № 293; Delaporte, Inventaire des tablettes de Tello, conservées au Musée Ottoman, т. I, № 1120, 1167; т. II, ч. 2, № 4448, 4551, 5854, 5855 (2800—2600 гг.); II, ч. I, 746, 748, 751, 832, 923; т. IV, № 7066, 7728, 7729 (III дин. Ура); Reissner, Tempelurkunden aus Tello, № 174—12. KB, hrsgg. v. E. Schrader, т. IV, стр. 44—45, 111.

мов и царей. При Урукагине (ок. 2700 г.) богине Бау принадлежало 142 рабыни и 4 раба¹; дочь царя Урукагины дала Бау 8 рабов и трех рабынь². Есть еще несколько документов, свидетельствующих об относительно значительном количестве рабов, принадлежавших храмам и царям. Из эпохи Урукагины есть документ, перечисляющий 96 рабынь, принадлежащих либо дворцу, либо царю, либо храму. Из эпохи III дин. Ура есть из Лагаша очень важный документ, содержащий списки рабынь патеси за 10 лет: первые два года—24 рабыни, следующие три года—43 рабыни, следующие три года—50 рабынь, последние два года—45 рабынь. Весьма интересен один дефектный документ эпохи древневавилонской династии, к сожалению без точной даты и места происхождения. Он, повидимому, говорит о распределении 60 рабов между отдельными лицами, которые, вероятно, являются царскими сановниками и получают рабов в подарок от царя. В документе сохранилось только начало реестра—поименовано 10 лиц, из которых одно получило 9 рабов, одно—3 рабов, два—по 2 раба и остальные шесть—по одному рабу³. Отсюда видно, что даже число царских и храмовых рабов измеряется чаще всего только десятками и значительно лишь в сравнении с числом рабов, находившихся во владении частных лиц, у которых редко бывало больше 10 рабов⁴. О том же свидетельствуют и документы о внутренних сделках на продажу рабов. Нет никаких данных, которые свидетельствовали бы о существовании крупной работорговли внутри страны. Мы не имеем ни одного документа о покупке или продаже партии рабов, дело идет почти всегда о продаже только нескольких рабов в пределах одного десятка, и притом продавцами являются не работорговцы, а частные владельцы рабов. Характерно, что вместе с рабами покупается скот (бык, баран), рабы меняются на ослов, служат придачей к серебру при сделках на землю⁵.

Другой источник рабства—это патриархальное право отца и связанные с этим правом обычаи долгового права. Как известно, в древнем мире это явление было широко распространено. «Полномочие в случае нужды продавать себя и своих близких было правом, которое терпели всюду; это право признавали и в северных странах, и у греков, и в Азии; почти так же повсеместно было распространено право кредитора брать себе в холопы должника, не уплатившего своего долга, и, насколько возможно, обеспечивать себе уплату долга его трудом или продажей его личности»,—говорит Маркс, ссылаясь на Нибура⁶. В Двуречье, уже начиная с эпохи III династии Ура, встречаются документы о продаже в рабство родите-

¹ Н и к о л ь с к и й, цит. соч., № 1 и 5, перевод термина *geme*—«служанки» неверен (стр. 12): термин означает рабыню. Мужчины обозначены общим термином *galu* (т. е. *ka1*—человек); но здесь могут иметься в виду только рабы.

² Н и к о л ь с к и й, цит. соч., № 174. Документ изложен на стр. 36 неполно; ср. о дарении рабов *Genouillac*, *Une consécration d'esclaves aux dieux*, OLZ, 1909, III, стр. 110—111.

³ *Delaporte*, т. II, ч. 2, № 4495; т. II, ч. 1, № 762; Р и ф т и н, Старовавилонские документы, № 144, стр. 156.

⁴ *Schwenzger*, *Zum altbabylonischen Wirtschaftsleben*, сводные данные на стр. 36.

⁵ Шумерская эпоха—*Delaporte* дает цифры от 1 до 10 рабов; в одном документе (II, ч. 2, № 5854) 29 рабов приводятся дамкарот, т. е. из-за рубежа; т. II, ч. 2, № 4576—раб и баран; 5853, 5885—рабы меняются на ослов; Н и к о л ь с к и й, цит. соч., т. I, № 17—8 рабов и № 293—3 раба; *Muhrtan*, *Sumerian administrative documents from Nippur*, стр. 60—61—2 раба; *Genouillac*, *Textes juridiques de l'époque d'Our*, № XII, XIV (по одной рабыне), IV (семья раба), в RAs, 1911, № 1—II; *Morgan*, *Délégation en Perse*, II, стр. 24 (обелнск Манинштусу); Древневавилонское царство—*Schorr*, *Urkunden des altbabylonischen Zivil- und Prozessrechts*, № 79, 80, 81, 82, 84, 85—по одному рабу или рабыне; *Daisch*, *Altbabylonische Rechtsurkunden*, № 21—26—по одному рабу; № 24—рабыня и бык, ср. сводку, стр. 8—10.

⁶ «Пролетарская революция», 1939, № 3, стр. 174.

лями детей, преимущественно дочерей, не упоминающие о долговых обязательствах продавцов, но указывающие только уплаченную цену, натурой и в серебре. Такие документы, несомненно, свидетельствуют о случаях продажи детей родителями (обычно отцом, иногда матерью-вдовой и братом) из-за нужды¹. Но и долговое рабство было также заметным явлением в классовых отношениях Двуречья разбираемой эпохи. О существовании этого права в эпоху III дин. Ура свидетельствуют документы из собрания *Muhrtan'a* (№ VIII, IX). Оно было подтверждено в кодексе Хаммураби (ст. 115—117), который внес в прежние обычаи только точное ограничение срока долговой кабалы тремя годами.

Из § 117 кодекса Хаммураби видно, что обычай долговой кабалы базировался также до известной степени на патриархальной власти отца. Указанный параграф свидетельствует, что неисправные заемщики обычно вместо себя «продавали» в рабство или отдавали в кабалу кредитору членов своей семьи. Общее количество долговых рабов в III и в начале II тысячелетия, вероятно, было довольно значительно, но у каждого отдельного владельца таких рабов было немного. Кодекс Хаммураби также показывает, что долговое рабство сохраняло свой первоначальный характер домашнего рабства, при этом даже смягченного. Ст. 115 и 116 кодекса Хаммураби называют долгового раба не обычным термином *wardum*, обозначающим раба, но *nibutum*, т. е. «задержанным», т. е. взятым в дом (*bitu*) кредитора, своего рода залогом. Эти статьи устанавливают в случае насильственной смерти *nibutum* «от ударов» или «дурного обращения» ответственность кредитора, причем если убитый *nibutum* является сыном свободного, то кредитор платит штраф в $\frac{1}{3}$ мины серебра. Отсюда видно, что кодекс Хаммураби рассматривал долговое рабство как временную потерю личной и хозяйственной свободы, не уничтожавшую для *nibutum* других прав свободных людей. Надо особенно отметить, что долговое право в Вавилонии также не было орудием экспроприации непосредственных производителей. Непосредственный производитель, впавший в долги, лишался на три года одной единицы домашней рабочей силы, но сам не отрывался обязательно от средств производства. Такой характер долгового рабства был обусловлен постоянным существованием общины и общинного обычного права. В силу последнего, например, общинник, взявший ссуду за отработку (обычно на жатве), мог всегда рассчитывать на помощь общины, которая давала ему заместителя, если он не мог отработать долга сам². Этот момент является существенным отличием восточного долгового рабства от античного. От уподобления той и другой формы долгового рабства предупреждает и Маркс, который, отмечая разрушительную и революционную роль ростовщика при докапиталистических способах производства, оговаривается, что «при азиатских формах ростовщичество может существовать очень долго, не вызывая ничего иного, кроме экономического упадка и коррупции»³.

¹ Из III дин. Ура—*G e n o u i l l a s*, *Textes juridiques de l'époque d'Our*, № II, V, XI, XVI (последние два есть в русск. перев. «Древний мир в памятниках его письменности», сост. Ж а р и н о в ы м, Н и к о л ь с к и м и др., ч. I, № 39); *Delaporte*, т. II, ч. I, № 830 (брат продает брата); *Muhrtan*, № 1 (мать и сестра ответственны за побег проданного раба); из эпохи I вавилонской династии—*S c h o r r*, *Urkunden*, № 77, 78 и ссылки у *S u q*, *Etudes sur le droit babylonien*, стр. 317—318.

² См. мою статью «Община в древнем Двуречье», ВДИ, 1938, № 4(5), стр. 88—90. Документ *Muhrtan*, № IV (стр. 56), в котором говорится, что если должник не заплатит в срок долги (зерном), то за него обязуется заплатить другое лицо, названное по имени, является свидетельством о существовании обычая общинной взаимопомощи.

³ «Капитал», т. III, изд. 8-е, стр. 428.

Нормы кодекса Хаммураби в основном подтверждают такой же, преимущественно домашний, характер прямого рабства. Прежде всего надо указать, что рабов, как основных непосредственных производителей на земле, кодекс вообще не знает. Из 282 статей кодекса рабов касаются всего 24 статьи, содержание которых свидетельствует о домашнем характере прямого рабства в эпоху Хаммураби. Закон занимается главным образом следующими вопросами, связанными с рабством: 1) о вознаграждении рабовладельцев за увечье или убийство раба или рабыни, 2) об укрывателях беглых рабов и вознаграждении за поимку последних, 3) о залоге и продаже рабов, 4) о правовых отношениях, возникающих в связи с браками рабов или рабынь со свободными. Яснее всего последняя категория статей, которая, конечно, может иметь в виду только домашних рабов. Из статей первой категории ст. 116 и 231 прямо говорят о рабах в доме кредитора или господина; статьи третьей категории имеют в виду те мелкие сделки на продажу и покупку домашних рабов, о которых сказано выше. Устанавливаемая кодексом тяжелая ответственность за увечье и убийство рабов и высокая оценка рабов как залогового объекта свидетельствуют о том, что рабов немного и ими дорожат. В этом отношении кодекс Хаммураби стоит на том же уровне, как, например, Саксонская Правда конца VIII в., устанавливающая за убийство раба штраф в 36 солидов. О домашнем характере рабства этой эпохи свидетельствуют также обычаи, связанные с освобождением рабов. Раб освобождается либо при условии доставлять своему владельцу средства до его смерти, либо за выкуп, либо через усыновление¹. Эти условия мыслимы также только в рамках домашнего рабства. Только домашний раб мог быть усыновлен; только домашний раб мог скопить средства для выкупа или достать средства для содержания господина после освобождения на этом условии.

В документальном материале о шумерско-вавилонском рабстве также отчетливо выступают черты, унаследованные от эпохи патриархального рабства. Этот момент связан с фактом стойкого существования на Востоке семьи патриархального характера. Бесплодие жены, согласно кодексу Хаммураби, давало мужу право или взять себе вторую или побочную жену (*sugetum*) из свободных или рабынь, или «отвергнуть» бездетную жену, вернув ей при этом ее приданое и подарки², с которыми она пришла в дом мужа (§ 145, 138). Бездетная жена имела право сама дать мужу *sugetum* из числа своих рабынь³; такая *sugetum* оставалась во власти жены и если не рождала детей, то возвращалась в свое первоначальное состояние полной рабыни (§ 146, 147). Так обстояло дело по закону; но на практике при всяких условиях любой господин мог брать себе в наложницы любую рабыню, не предоставляя ей никаких прав. Дети, рожденные рабынями, были ограничены в правах. Наследовать могли только дети от главной жены (*hirtum*); дети рабыни (и соответственно дети *sugetum*) могли наследовать наравне с детьми от *hirtum* только в случае их формального признания (усыновления) отцом посредством формулы «мои дети» (§ 170); дети от рабыни, однако, во всяком случае оставались свободными (§ 171). Таким образом, рабство, внедрившееся внутрь домашней общины, уничтожало прежнее равенство членов семьи и превращало последнюю в соединение взаимно враждебных составных элементов. Это

¹ Meissner, *Babylonien und Assyrien*, т. 1, стр. 379—380; усыновление—Schörr, *op. cit.*, № 23—30; образец освободительной грамоты—Ungnad, *Babylonische Briefe aus der Zeit der Hammurapi-Dynastie*, № 101.

² О материальной стороне брака см. Cuiq, *Etudes sur le droit babylonien*, стр. 25—48.

³ Ср. интересный комментарий с израильскими параллелями у Cruveilhier, *Commentaire du Code d'Hammourabi*, стр. 148—149.

приводило к частым столкновениям внутри семейной общины, «оскверненной рабством». Нравы, господствовавшие в семье вавилонского рабовладельца, во многом напоминают семейные израильские нравы, описанные в преданиях кн. Бытия о патриархах.

Описанные черты семейного быта древневавилонских рабовладельцев говорят о том, что частное право пускало в III—II тысячелетиях только свои первые ростки. При таком положении дела применение труда рабов с целью получения прибавочного продукта для сбыта на рынке могло иметь лишь весьма ограниченные размеры.

В связи с этим необходимо поставить вопрос, какую роль в развитии рабства в Двуречье этой эпохи имели войны, дававшие значительные количества военнопленных. Первые указания на привод рабов из военнопленных в царских надписях III и II тысячелетия мы имеем в надписях царей Аккада, Римуша (Эримуша), сына Шаррукина (Саргона), и Маништусу. Римуш после победы над эламитами подарил Энлилю 30 мин золота, 3 600 мин серебра и 6 рабов; Маништусу также подарил Энлилю раба из военнопленных¹. Кроме этих бесспорных данных, в надписях Римуша имеются еще данные довольно сомнительного характера. Римуш хвалится, будто в его сражении с патеси Ура и Уммы последние потеряли 8 040 убитыми и 5 460 пленными, а в бою против патеси города Казалла последний потерял 12 650 убитыми и 5 864 пленными². Но эти цифры, так же как, например, еще более крупные цифры в надписи египетского фараона Менеса, являются хвастливым преувеличением. Ненадежность этих цифр очевидна из того, что они предполагают армий численностью в несколько десятков тысяч человек. Но на самом деле при тогдашней редкости населения вряд ли возможно допустить, чтобы такие небольшие области, как владения шумерских патеси, могли выставить войско, превышавшее 3—5 тыс. человек³, а тогда военнопленные в лучшем случае могли считаться только сотнями. Надежные данные о значительном числе рабов из военнопленных и покоренных имеются только из эпохи III династии Ура. Царю Шульги (Дунги) удалось подчинить своей власти часть Элама, которая оставалась под властью Ура и при ближайших преемниках Шульги. Походы Шульги дали значительное количество рабов из военнопленных, а после походов, кроме выкачивания дани, цари Ура стали периодически пригонять в Ур партии рабов из Элама⁴. Этот приток рабов, несомненно, дал толчок к временному росту рабской силы в царском хозяйстве, но, как будет показано ниже, главным образом на строительных работах. Однако завоевание Ура Эламом при Ибисине, последнем царе III династии, положило конец этому кратковременному расцвету рабства.

Из этих документальных данных вытекает, что применение рабского труда в основных отраслях производства с целью получения прибавочного продукта в III и II тысячелетиях, конечно, не могло играть важной роли. Рабы и рабыни употребляются в частном хозяйстве по преимуществу для домашних услуг и работ (рабыни-ткачихи, поварики и т. п.), в земледелии изредка для пахоты, а чаще всего для сезонных работ (на жатве) вместе

¹ M e n d e l s s o n, Legal aspects of slavery in Babylonia, Assyria and Palestine, стр. 52—53.

² M e i s s n e r, Babylonien und Assyrien, т. I, стр. 84.

³ О численности войска, какое мог выставить в конце III тысячелетия мелкий шумерский или семитский царек, дает понятие надпись царя Киша, Ашдуни-Эрима, современника первого царя древневавилонского царства, Сумуабу: войско Ашдуни-Эрима насчитывало всего 300 человек. Ср. T h u r e a u - D a n g i n, RAs, 1911, № 1—11, стр. 66.

⁴ K i n g, History of Sumer and Akkad, стр. 287, 292.

с другими рабочими людьми, в скотоводстве—в качестве пастухов¹. Лишь в царском и храмовом хозяйстве этой эпохи встречаются случаи более широкого применения рабов на различных работах не только вспомогательного, но и чисто производственного характера, вместе и наравне с общинниками и наемными людьми. Это наблюдается отчасти в эпоху династии Шаррукина в Аккаде, в середине III тысячелетия, а особенно в эпоху III династии Ура (около 2294—2187 гг.).

Прежде всего следует отметить, что имеются основания говорить о применении рабского труда в царском и храмовом земледельческом хозяйстве. Из царствования Урукагины в Лагаше дошло до нас несколько документов о распределении небольших полей из царской и храмовой земли (от 10 до 24 сар; сар—около 35 кв. м.) для посева зерна и огородных растений. Поля распределяются между «земледельцами» (arín), с выдачей им посевного материала. По всей вероятности, эти arín были рабами. В каждом из пяти типичных документов этого рода общая площадь распределяемой земли не превышает 2 га; другими словами, здесь дело идет о карликовых участках грядковой культуры, которые, принося хороший урожай, все же даже в общей сложности не давали массового количества продуктов. Далее, работники в царских и храмовых садах той же эпохи, называемые iginusar (младшие садовники), duatar (землекопы) и iginudu (подавальщики воды из каналов), вероятно, были также рабами². Бесспорным является применение рабского труда в храмовом и дворцовом хозяйстве—в ремесленном производстве. Особенно важно отметить применение рабского труда в ткацком деле. В эпоху III дин. Ура в Лагаше был специальный «дом тканей» Тигабба, где работали десятки рабынь-ткачих (свыше 68) и рабов-сукновалов (до 30); они, конечно, в первую голову обслуживали нужды дворца и храмов, одевая патеси и его двор, а также богов, богинь и жрецов³. Кроме того, рабыни трудились на кухне, рабы—в столярных мастерских, на постройке речных судов, в качестве каменотесов. Вероятно, рабский труд применялся также в обширных литейных и гончарных и каменных мастерских царского дворца в Мари (конец III—начало II тысячелетия). Акад. В. В. Струве пытается доказать, что в эпоху III династии Ура рабский труд стал господствующим в сельскохозяйственном производстве, которое при этом приобрело якобы характер крупного «латифундиального» хозяйства. Свое положение акад. Струве строит на новом толковании некоторых терминов, встречающихся в хозяйственных документах III тысячелетия. Поэтому документальный материал хозяйственной отчетности из эпохи III династии Ура заслуживает нашего особого внимания.

Царских и храмовых хозяйственных документов всякого рода, в том числе записей прихода натуральных повинностей, нарядов на работу и рас-

¹ Ср. М. В. Никольский, цит. соч., т. II, № 9, 144; о других документах отсюда см. ниже; Genouillac, Tablettes sumeriennes archaïques, № 10—13, ср. сводку у Meissner'a, цит. соч., т. I, стр. 378—379; Delaporte, т. II, ч. I, № 845, 856 (рабы-пастухи). Из древневавилонского царства—Ungnad, Briefe, № 77—4 раба на жатву, № 140—рабыни-ткачихи; рабы-пастухи—ср. шумер. печать Weber, Altorientalische Siegelbilder, II, № 405 (Lenormant, Histoire ancienne de l'Orient, т. IV, стр. 102).

² Об arín на полях см. М. В. Никольский, Документы хозяйственной отчетности, т. I, № 45, 47, 48, 49, 50, 51; сюда же надо относить реестры полей с обозначением земледельцев, но без указания выдачи семян (№ 30, 38, 40, 42, 43, 44 и пр.). О садовых работниках—см. Genouillac, Tablettes sumeriennes archaïques, № 14, 15, 16, 25; usar (садовники) в № 42 и 43 были, вероятно, свободными, служащими храмового хозяйственного аппарата. Delaporte, т. II, ч. I № 790 (садовники, виноградари).

³ Delaporte, т. II, ч. I, № 619, 661, 722, 902, 904, 907, 913. Об одевании богов—см. Meissner, т. I, стр. 256—257, т. II, стр. 42, 85, 120.

четных листов натуральной и денежной оплаты труда и довольствия работающих, имеется из эпох династии Аккада и III династии Ура не менее 15—20 тысяч. Небольшая часть их опубликована полностью с транскрипцией и переводом, главным образом, М. В. Никольским, Женульяком, Легреном и Пинчесом; часть опубликована в клинообразных оригиналах Женульяком, Тюрро-Данженом, Рейснером и в последнее время Меек'ом. Но огромное количество этих документов еще совсем не издано, например около 10 тысяч документов из Телло, находящихся в Оттоманском музее в Стамбуле. Все эти документы имеют первостепенную важность для разрешения вопроса об удельном весе в сельскохозяйственном производстве различных видов труда в III тысячелетии до н. э. Поэтому их исследование должно стать первоочередной задачей историков-марксистов, исследование исчерпывающее и всестороннее, опирающееся прежде всего на совершенно точное и бесспорное толкование терминов. При теперешнем положении дела с изданием документов мы еще не можем сделать окончательных выводов о роли и удельном весе различных видов труда в сельском хозяйстве Двуречья III тысячелетия. Но предварительные и притом вполне надежные наблюдения сделать можно.

Из них первое и самое главное заключается в том, что в документах III тысячелетия одновременно и рядом мы встречаем рабочих людей трех, а возможно, и четырех категорий. Терминология документов—совершенно ясная и не допускающая никаких сомнений. В документах чаще всего встречается термин *kal*—человек, сильный, взрослый, в применении к рабочим людям—рабочий вообще. Эти *kal* дифференцируются. Мы встречаем: 1) *kal-erin*, *kal-erin-adu*—«барщинные» люди (как толкуют французские ассириологи), вернее, общинники, привлеченные на царские принудительные работы¹. 2) *kal-ud*—люди поденные, например, *kal-ud-I-šu*—рабочий на день (Ник. II., № 98 сл.). 3) *kal-sag-dub*—рабочие, нанятые по полному (?) тарифу². 4) *kal-arad*, т. е. люди-рабы³, рядом с которыми упоминаются *gim*—рабыни. Кроме того, встречаются *arin*—пахари, земледельцы. Есть, однако, документы, где термин *kal* стоит без точного определения, и тут открывается поле для толкования и догадок.

Оставляя пока в стороне документы из Уммы, привлекаемые акад. Струве для истолкования термина *kal* в смысле «раб», я остановлюсь сначала на аналогичных документах оттуда же и из той же эпохи, изданных М. В. Никольским (т. II). Прежде всего следует отметить, что здесь в одних и тех же документах *kal* дифференцируются от рабов. Так, в № 1 мы имеем 485 *kal* и 32 *arad patesi-ka* (рабов патеси), в № 5—509 *kal* и 30 *arad patesi-ka*. В других документах *kal* относятся к категории *erin*, но также дифференцируются от рабов, напр. в № 7—586 *kal* и 22 *par (?) erin-adu*, и № 9—576 *kal-erin-maḥ* (576 *kal* под начальством надсмотрщика над «барщинными»), 10 *arad patesi-ka*, 50 *gim-har* (рабынь-поварих), 15 *gim qu-šu-du-maḥ* (рабынь при главном пивоваре). Затем, отметим, что имеется целая серия документов (№ 98—165), где фигурируют *kal-ud*, поденные рабочие, которых акад. Струве вслед за М. В. Никольским (см. т. II, стр. 10) считает наемными рабочими. Уже эта тщательная дифференциация

¹ Ср. *Le grain*, *Le temps des rois d'Ur*, стр. 35, 38—*erin*=*corvéable*; М. В. Никольский, цит. соч., II, № 6 и 8 и др. Этот же термин в применении к людям, привлеченным на работы для дома царя, фигурирует в документах древневавилонского царства—Рифтин, Старовавилонские документы, № 114, 116, 143.

² *Le grain*, *op. cit.*, стр. 135; целый ряд документов о наймитах перечислен в цит. инвентаре *De la porte*, vol. II, part. I, № 617 сл., vol. IV, № 7061, 7068 и др.

³ *arad* (-*uru*)—технический шумерийский термин для обозначения раба.

рабочих в документах показывает, что *kal* и *arad* (рабы)—это две различные категории рабочих людей. Кто же эти *kal* без обозначения их категорий? Бесспорный ответ на это дает документ Ник. II, № 9, где *каль* ставятся под начальство *erīn-maše*, начальника над «барщинными» людьми. К тому же выводу нас приводит и документ Ник. II, № 3, в котором 1 619 *kal*, 21 «строитель» и 11 кузнецов обобщены под термином *erīn-še-adi*, и совершенно аналогичный № 4. Таким образом, надо думать, что *kal* без дифференциации—это то же, что *kal-erīn-adi*, т. е. общинники, привлеченные к работам «на дом царя». К такому же толкованию склоняется и М. В. Никольский. По его мнению, документы говорят о содержании «значительных групп барщинных людей, призываемых к отбыванию тех или других повинностей, по всем признакам, государственного характера»¹. М. В. Никольский, конечно, допустил ошибку, объединяя *kal* с *arad* и *gim*, которых он не считает рабами; но его догадка, что дело здесь идет о работах на дом царя, совершенно правильна. Бесспорное основание для такого толкования дает № 14, который дошел в неполном виде, но все же сохранил самое главное. Документ содержит реестр 2 533 рабочих, находящихся в ведении разных лиц, в числе которых упоминаются *pubanda* (дворецкий), главный писец, надзиратели храмов и другие лица, названные просто по именам. 2 533 рабочих, очевидно, выполняли какую-то работу по одному и тому же наряду, в одном и том же месте и получили содержание по одному и тому же документу, хотя были присланы из разных мест. Если теперь мы обратимся к документам о *kal-ud*, то и эти *kal* окажутся, всего вероятнее, не наемными работниками, но людьми, призванными на царскую работу. Яснее всего следующие документы: № 119—«13 *kal-ud* на 2 дня во двор дома царя рубить деревья и погружать на порожнее судно для починки, на 14 дней во двор царя связывать туши волов и отправлять на судне в Ниппур»; № 115—«13 рабочих на 1 день заделывать крышу в доме царя»; № 129—«72 рабочих на 1 день для оросительных работ, укреплять берег травой и корзинами (фашинами), 42 рабочих на 1 день для заделывания разрыва (в плотине)»; № 136—«18 рабочих на 6 дней—предупредить разлив реки (канала?) Лата засыпкою земли»; № 159—«480 рабочих на 1 день для жатвы хлеба; 15 рабочих на 1 день собирать овощи; 134 рабочих на 1 день молотить зерновой хлеб и убирать в зернохранилище; 702 рабочих на 1 день для проведения воды в поле Гуэддин» (везде—*kal-ud*). В этих документах перечисляются обычные виды работ на дом царя—на ирригационных сооружениях, на сезонных земледельческих работах, на мелких работах во дворе и во дворце царя².

Можно легко объяснить, почему вместе с *kal* упоминаются и *arad*, ибо сановники обязаны были наряжать на работу не только общинников, находившихся в их ведении, но и рабов, как это видно из касситских и ассирийских льготных грамот и из архива ассирийских царей³. Круг наших наблюдений замкнется, если мы укажем еще, что в документах иногда точно указывается и тот срок, на который привлекались для работы

¹ Цит. соч., т. II, стр. 5; ср. также примечание на стр. 4.

² Ср. из этой же категории документов также № 133 (проведение дороги), 118 (работы на ирригации), 123 (сельскохозяйственные работы) и др. Следует отметить, что по царским нарядам подобные же работы производились трудом *kal* также в храмовых хозяйствах—ср., например, № 138 и др.

³ Ср. кудурру Мелишипак, *BzA V. VIII*, 2, стр. 4—7; кудурру Ассурбанипала, *BzA II*, 3, стр. 566 (строки 23—25, где *niše*, несомненно, обозначает рабов—см. об этом ниже, об ассирийских рабах). Прямое указание о наряде 190 царских рабов вместе со свободными людьми имеется в архиве Саргона, см. *W a t e r m a n*, *Royal Correspondence of the Assyrian Empire*, v. I, № 99.

партии *ka1*—на 2 дня, 3 дня, 6, 7, 10, 13, 16, 30 и т. д.¹ Эти документы о *ka1* надо, конечно, сопоставлять с известными распоряжениями Хаммураби о нарядах на царскую работу, в которых упоминаются как партии людей, имеющиеся налицо у начальников над царскими работами, так и отдельные партии, посылаемые из разных областей. Наиболее показателен приказ царя наместнику Юга Синидиннаму о том, чтобы в посылаемой им партии рабочих людей не было «ни одного слабосильного, ни одного старика и ни одного ребенка; пошли только сильных людей». Такой приказ, конечно, не мог относиться к посылке рабов, но вполне понятен по отношению к нарядам на работу общинников. В других документах эпохи древневавилонского царства люди, привлекаемые на царскую работу, названы тем же термином *erin*, *erim*, как и в документах III тысячелетия².

Документы, изданные М. В. Никольским, указывают также, какие работы выполнялись группами *ka1* и *agad*. В документах эпохи династии Аккада упоминаются только строительные работы (Ник. II, № 2 и 4). Из эпохи III династии Ура имеется целая группа документов, точно указывающих характер работ *каль-уд*. Из 68 документов этой группы только 11 говорят о земледельческих работах, полевых и огородных, прочие говорят о рубке тростника и терновника, о погрузке и отправке судов, о перевозке и переноске разных грузов, о ремонте и постройке каналов, плотин и водоемов, об оросительных работах, о постройках зданий и проведении дорог, о ремонтных работах во дворце и о специально женских работах—вязании снопов, разливании вина и приготовлении пищи. Остановимся на земледельческих работах. Первое, что здесь бросается в глаза,—это подавляющее преобладание сезонных работ—покоса, жатвы злаков и уборки овощей—в 8 документах; 1 документ говорит о молотье, 1—о помоле зерна, 1—об окапывании овощей и 1—о наряде рабочих «в поле» без обозначения характера работы. Другими словами, основные земледельческие работы—пахота и посев—трудом *ka1* не обслуживались. Второе—это незначительная численность партий *ka1* на земледельческих работах в сравнении с нарядами на другие работы. 9 документов дают цифры от 12 до 80 человек; и только два говорят о сотнях: № 137—«340 *каль-уд* окапывать овощи» и № 159—«480 и 400 *каль-уд* жать, 333—убирать овощи, 134—молотить». Рабский труд упоминается только в № 144: 75 *gim*—рабынь—посланы вязать снопы.

Таким образом, терминология и содержание документов из Уммы-Гишху, изданных М. В. Никольским, не дают никаких данных в пользу толкования *ka1*, выдвигаемого акад. Струве, в смысле рабов—непосредственных производителей, но, напротив, целиком ему противоречат. Противоречат этому также и точные данные, какие у нас имеются о способе применения той многочисленной рабской силы, которая со времени Шульги стала поступать в царство Ура из Элама. Эти «государственные рабы» ставились на строительные работы—на строительство дворцов, храмов, которое в обширных размерах было начато Шульги и стало резко свертываться при его ближайших преемниках, Пурсине и Гимиль-

¹ М. В. Никольский, II, № 145, 164, 141, 147, 174, 146, 161, 153 и многие другие. Акад. Струве считает формулу «п рабочих на п дней» обозначением не реального числа рабочих, а выработанных партией рабочих человекодней. Это в некоторых случаях правильно, например в итоговых подсчетах, а иногда и в других случаях, но при условии, если говорится о «п рабочих на 1 день». В остальных случаях мы имеем дело с обозначением реального числа рабочих и числа дней их работы.

² U n g n a d, Bab. Briefe, № 42—48; приказ о наряде только сильных людей—в № 48. Ср. также № 65 и 78—приказы преемников Хаммураби. Термин *erin-erim* в документах древневавилонского царства см. у Р и ф т и н а, Старовавилонские документы, № 114, 116, 143.

Сине¹. От Шульги дошло до нас не менее 14 строительных надписей, от Пурсина—уже только 6, от Гимиль-Сина лишь 3; отсюда очевидно, что по мере сокращения притока рабов из военнопленных и покоренных свертывалось и царское строительство².

Однако акад. В. В. Струве, базируясь в основном на табличке из Уммы (Гишху) от 4-го года царя Пурсина, утверждает, что при III династии Ура существовали в Шумере рабовладельческие латифундии³. Разберем этот документ. Табличка содержит годичную сводку заведующего царским хозяйством Лугальгудэ о произведенных за год различных работах трудом нескольких категорий рабочей силы⁴. Были произведены работы по обработке пахотной земли в размере 601 ган, т. е. около 210 га (для латифундии мало), включая пахоту, бороньбу, посев и жатву, затем были произведены работы по рубке и доставке тростника и терновника и работы по осушению полей и ремонту ирригационных сооружений. Работы производились следующими категориями рабочих: 1) 24 арin—«пахарей»,—работавших непрерывно весь год (с тринадцатым вставным месяцем) и выработавших 9 360 человекоднев (24 × 13 × 30); 2) «наймитов», точное число которых не показано, выработавших 393 человекодня; 3) kal, которые были доставлены разными лицами, всего по счету акад. Струве 26 партий, выработавших 2 330⁵/₆ человекоднев; общее число этих kal является предметом спора; 4) «носильщиков», в числе четырех партий,—также от разных лиц,—выработавших 628¹/₂ человекоднев. 24 арin являются, бесспорно, постоянной рабочей силой отчетного царского хозяйства, и, как видно из номенклатуры в сводках отдельных работ, они и были основными работниками на пахоте и посеве⁵. Акад. Струве считает арin рабами; это вполне допустимо, по аналогии с документами из эпохи Урукагины, изданными М. В. Никольским⁶. Что касается kal, то это была категория подсобных рабочих, присылавшихся на время и выработавших всего 2 330⁵/₆ человекоднев, или 20% общего итога в 11 933⁵/₆ человекоднев, т. е. заменивших собою всего 6 человек постоянных рабочих (2 330⁵/₆ при делении на 390 дней дает 5,9). Но акад. Струве считает kal рабами, а число их доводит до 600. Аргументация акад. Струве такая: слагаемые, сумма которых дает 2 330⁵/₆ человекоднев kal, обозначают также человекодни, а не реальную численность партий kal (это возможно); реальную численность каждой партии, на основании «изданных до сих пор сводок», надо якобы считать от 20 до 30 человек; отсюда в 26 партиях kal должно было быть кругло 600 человек; а так как между отдельными хозяйствами патеси (царя?) «имели место взаимные передачи» рабочей силы, то отсюда якобы следует, что эти предполагаемые 600 kal, перебрасываемые с места на место, должны были работать также круглый год,—значит, были оторваны от средств производства, т. е. были рабами.

Совершенно очевидно, что эта аргументация не доказательна. Во-первых, случаи передачи рабочей силы вовсе не доказывают, что передававшаяся рабочая сила состояла из рабов; передаваться могли и партии общин-

¹ King, History of Sumer and Akkad, стр. 291.

² Thureau-Dangin, Les inscriptions de Sumer et Akkad, стр. 268—280 (надписи Шульги), 281—285 (Пурсина), 287—289 (Гимиль-Сина).

³ См. В. В. Струве, Рабовладельческая латифундия в Сумере III династии Ура. Сборн. в честь акад. С. Ф. Ольденбурга; Егоров, Еще раз о рабовладельческой латифундии Сумера III династии Ура. ПИДО (ГАИМК), 1934, № 7—8, стр. 211—222.

⁴ Издана в 1922 г. Genouillac'ом в работе «Textes économiques d'Oumma de l'époque d'Our», за № 5675; кроме этой сводки, изданы здесь же еще шесть: № 5674 и 5676 (работники), 5665, 5668, 5669, 5670 (работницы).

⁵ В отчете сводки о пахоте и посеве рабочие названы не kal, а просто «люди», а в одном месте (столб. III, строка 19)—«пахари», т. е. арin.

⁶ Т. I, № 46—51.

ников. Во-вторых,—и это самое главное—акад. Струве не приводит никаких документальных данных, свидетельствующих о том, что партии ka1, упомянутые в документе № 5675, действительно непрерывно работали в течение остального времени года в других царских хозяйствах. Наши сомнения еще больше усиливаются, когда мы, исходя из цифры 600 ka1, определим, сколько дней работы в среднем пришлось, согласно отчету Лугальгудэ, на каждого «раба» из этих 600 «рабов»—непосредственных производителей. Разделив $2\,330\frac{5}{6}$ человекодней на 600, мы получим только около 3,9 дня на человека. Другими словами, если и в других царских хозяйствах каждый из этих 600 «рабов» работал столько же времени, то его должны были перебрасывать в течение отчетного года, за 390 дней, почти 100 раз! Как ни были восточные деспоты расточительны на рабочую силу, все же трудно себе представить, чтобы такой метод использования рабской силы имел место в действительности¹.

Таким образом, рабство в III тысячелетии и в эпоху древневавилонского царства хотя и обнаруживало тенденцию к развитию, но не выходит за те рамки восточного рабства, какие были указаны Марксом и Энгельсом. В последующую, так наз. касситскую, эпоху по существу положение не могло измениться и не изменилось. Касситская эпоха является периодом упадка, наступившего в результате столетних опустошительных вторжений и войн. Частное хозяйство получило за это время тяжелый удар; напротив, общинный быт получил новое подкрепление в результате образования на территории Вавилонии целого ряда новых касситских родоплеменных общин и общин переходного типа². При таких условиях вполне естественно, что рабство в касситскую эпоху не только не получает дальнейшего развития, но даже снижается в сравнении с эпохой древневавилонского царства. Количество документов о рабстве, дошедших до нас из касситской эпохи, чрезвычайно скудно, и это нельзя считать случайным явлением. Завоевательные войны, которые на древнем Востоке всегда искусственным образом расширяли рабство за пределы домашней формы, в касситскую эпоху не велись, и по этой линии притока рабов не было. А общие условия частного хозяйства были таковы, что сами по себе они не требовали расширенного применения рабского труда. Из документов видно, что крупным рабовладельцем был только царь. Так, Кадашман Харбе I послал «в подарок» Аменхотепу III 25 рабов и 25 рабынь³. Но цари и раньше всегда имели в своих дворцах и в своем хозяйстве значительное количество рабов, которое не вызывалось экономической необходимостью, а было одним из составных элементов царской роскоши. Рабство в хозяйстве сановников и жрецов сохраняло типично выраженный домашний характер. Рабы могли быть доверенными агентами своих господ. Раб мог обзаводиться семьей; один из немногих документов о продаже рабов говорит, что в этом случае раб не отделялся от семьи, но продавалась вместе целая семья (мать, ее сын с женой и дочь). Рабы редки и дороги—они при продаже-покупке ценятся на золото⁴.

Незаметно и какого-либо особого развития долговой кабалы, которая была бы связана с деятельностью торгово-ростовщического капитала. Оживление деятельности последнего имеет место с середины XIV в. и идет параллельно с возобновившимся в эту эпоху ростом частного сельского хозяйства. Но это оживление не приводит к таким успехам, какие наблюдаются в эпоху Хаммураби. Количество документов о ростовщи-

¹ Подробнее см. мою рецензию в ПИДО, 1034, № 7—8, стр. 207—210.

² См. мою статью «Община в древнем Двуречье», ВДИ, 1938, № 4(5), стр. 75—81.

³ Knudzon, Die El-Amarna Tafeln, № 3, строки 30—31.

⁴ Landsberger, Neue Kontrakte aus Babylonien. OLZ, 1926, № 10, Sp. 764 (Chiera, № 162).

ческих операциях и других функциях ростовщического капитала, дошедших до нас из касситской эпохи, начиная с царствования Бурнабуриаша II, довольно скудно по сравнению с эпохой древневавилонского царства и совершенно ничтожно по сравнению с халдейской и персидской эпохами. Главным центром ростовщического капитала был Ниппур, где и раньше орудовали на этом поприще жрецы. Они выдавали ссуды, главным образом зерном, и были особенно безжалостны к неисправным должникам. Задержанных за неуплату долгов заемщиков они эксплуатировали двояким способом—или на кабальной работе, или посредством передачи должников так наз. поручителям. Часть кабальных должников должна была работать на храм и содержалась в особом рабочем доме; других жрецы эксплуатировали в своем личном хозяйстве¹. Эксплоатация при посредстве «поручителей» заключалась в том, что поручитель вносил за задержанного должника условленную сумму в серебре, а ростовщик «освобождал» задержанного, передавая его в распоряжение «поручителя». Но этот акт вовсе не обозначал настоящего освобождения; последнее наступало только тогда, когда освобождаемый раздобывал деньги, обычно посредством займа у другого ростовщика, и вносил их своему первому кредитору. Такие же формы эксплуатации долговых рабов применял и светский ростовщический «дом» Набу-Шарраха². Таким образом, и в касситскую эпоху рабство по сравнению с предшествующим периодом не претерпело существенных изменений.

II. Рабство в Ассирии и халдейском Вавилоне

Если теперь мы обратимся к рассмотрению рабства в Ассирии и в халдейском Вавилоне, то и тут перед нами выступают с некоторыми вариантами те же специфические черты древневосточного рабства.

Историю Ассирии теперь приходится начинать с истории образования ассирийского народа на будущей территории Ассирийского царства. Эта территория в III тысячелетии была заселена разными племенами, отчасти семитскими, в том числе выходцами из области Аккада, отчасти племенами, родственными племенам малоазиатского нагорья. В III тысячелетии на территории будущей Ассирии, на горных склонах к востоку от будущего Ашшура, существовал город Нузи, основанный, повидимому, аккадскими выходцами. Раскопки на месте этого города (около теперешнего Керкука), произведенные после войны, дали очень значительный и чрезвычайно интересный документальный материал, главным образом юридического, а отчасти хозяйственного содержания. Часть этого материала датируется приблизительно эпохой династии Аккада, т. е. серединой III тысячелетия; но большая часть относится к середине II тысячелетия, когда ассирийские области между Евфратом и Загроз подверглись сильнейшему хурритскому влиянию³. В документах из Нузи мы находим значительный материал о рабстве в III и особенно во II тысячелетии. Кроме того, некоторые дан-

¹ Meissner, *Babyl. und Assyri.*, т. I, стр. 376, со ссылкой на Clay, *Documents from the Temple Archives of Nippur*, dated in the Reign of Cassite Rulers.

² См. у Clay, № 135, цитирую по Mendelsson, *Legal Aspects of Slavery in Babylonia, Assyria and Palestine*, стр. 12—13. Об эксплуатации долговых рабов Набу-Шаррахом—см. Peiser, *Urkunden aus der Zeit der dritten babylonischen Dynastie*, AO № 4072, 4067; P. 87, 102, 115, 116, 121.

³ Об образовании ассирийского народа, языка и культуры ср. Contenau, *Les tablettes de Kerkouk*; общие сведения о стране Субару, Нузи, хурритах—см. его же, *La civilisation des Hittites et des Mitanniens*, стр. 77 сл. Публикация документов—см. OLZ, 1936, III, Sp. 149 сл. и цитируемое ниже издание Pfeiffer-Speiser.

ные о рабстве имеются в известных каппадокийских документах конца III тысячелетия, а также в документах из той же эпохи, открытых недавно в Мари. Наконец, к последней четверти II тысячелетия относится сборник ассирийских законов, в котором также есть материал о рабстве. Указанные данные характеризуют начальный период в истории ассирийского рабства.

Ассирийское рабство этого периода не представляет собою какой-либо единой системы. В каждом из указанных выше разрозненных центров оно появляется в своем варианте. Так, в Мари, цари которого во второй половине III тысячелетия совершают много военных походов, рабы, преимущественно женщины, пригоняются в качестве добычи вместе со скотом. Часть рабов цари раздают храмам и сановникам, остальные оставляются в царском дворце. Царские рабы работали в различных мастерских: рабыни—в ткацких мастерских, рабы—в гончарных и литейных мастерских, обслуживая нужды дворцового хозяйства¹. Несомненно, что, кроме того, значительное число рабов и рабынь обслуживали все прочие нужды дворцового быта. Эти отрывочные данные не дают полной картины; у нас нет пока никаких данных о применении рабов в храмовых и частных хозяйствах царства Мари. Гораздо полнее и интереснее документы из Нузи. Они дают возможность проследить до известной степени развитие рабства в этой части Ассирии.

Документы III тысячелетия из Нузи дают сведения, аналогичные тем, какие мы имеем из лагашского фонда той же эпохи. Рабов немного; они приобретаются через дамкаров у лулубеев в горах Загра, где, повидимому, бедные горские племена вынуждены были продавать детей в рабство в обмен на насущный хлеб. Основной рабочей силой в Нузи были, как и в Шумере, общинники, с одной стороны, как поставщики ренты-налога, с другой стороны—как непосредственные работники «на дом царя»². Через тысячу лет, в середине II тысячелетия, дело значительным образом изменяется: начинается частичное разложение общины и в связи с этим рост рабства.

О характере рабства в Ассирии во II тысячелетии говорит сборник ассирийских законов, составленный в XIII—XII вв. Как известно, этот сборник не является полным официальным кодексом ассирийских законов³; его составитель в силу каких-то неясных для нас соображений интересовался исключительно семейным правом и в особенности положением женщины. В сборнике в составе семьи рабовладельца—сановника или жреца—выступают просто рабыни (*amtu*), которые в отличие от прочих женщин семьи не носят покрывала (§ 41), а также некие *esirtu*. *Esirtu*—это либо наложница, либо наложница, формально сделанная женою (§ 41, 42); по смыслу закона она—из рабынь, вероятнее всего, из ранее свободных знатных женщин, взятых в плен при завоевании⁴. Дети *esirtu* наследуют только при отсутствии детей от свободной. Другие рабы и рабыни являются также членами семейной общины, как показывает значение термина *nišutu*=римск. *familia*, ибо в *nišutu* входили, кроме родных, также рабы купленные и рабы из военнопленных⁵. Один из параграфов ассирийских законов

¹ Ср. Д о с с е н, Хозяйственные архивы дворца Мари. ВДИ, 1940, № 1, стр. 38—39; «Syria», 1937, кн. I, стр. 75—80, 68.

² См. OLZ, 1936, III, Sp. 150.

³ Ср. E h e l o l f - K o s c h a k e r, Ein altassyrisches Rechtsbuch, стр. 14—15; правильные поправки сюда и обзор других мнений см. у C r u v e i l h i e r, Recueil des lois assyriennes, II, стр. 339—341, 22—23.

⁴ Эгелольф не понял значения *esirtu*; Эбелинг (в «Altorient. Texte zum Alten Testament», hrsgg. v. Gressmann, II. Aufl., стр. 418) дает осторожный перевод: Haremsfrau; ср. правильный анализ у C r u v e i l h i e r, цит. соч., I, стр. 214—215.

⁵ Ср. цитацию у M u s s - A r n o l t, Assyrisch-englisch-deutsches Wörterbuch, стр. 738.

очень ярко подчеркивает этот домашний характер рабства: бывали случаи, когда госпожа совместно с рабами обкрадывала своего мужа (§ 4).

В половине II тысячелетия появляются признаки, свидетельствующие о расширении рабства за патриархально-домашние рамки в сторону эксплуатации рабского труда для извлечения товарного прибавочного продукта. Из Нузи дошел из этой эпохи небольшой, но чрезвычайно интересный архив некоей Тулпунаи (Tulpuṇai), принадлежавшей к знатной хурритской фамилии. Эта дама, жена некоего Хашуара (Hašuar), самостоятельно вела свои дела и самым энергичным и циничным образом приумножала свои личные владения. Она покупала поля, сады и приобретала всяческими способами рабов и рабынь, очевидно в соответствии с расширением своего хозяйства. Эта стяжательная деятельность Тулпунаи была тесно связана с разорением общинников Нузи. Самый способ, посредством которого производилась продажа, свидетельствует о том, что в продажу шли не частновладельческие участки, а участки из общинного владения, не подлежащие отчуждению посредством продажи. Продажа облакалась в «законную» форму «усыновления» покупателя продавцом, который после «усыновления» имел право «передать» соответствующее поле или сад усыновленному «как наследственную долю», формально не нарушая принципа общинного владения¹.

Но самые интересные акты—это документы о приобретении рабов или о порабощении свободных людей разными способами. Прямой формой покупки, без всяких маскировок, Тулпунаа приобрела всего одного раба (№ 37) и одну рабыню; последняя, Амарша или из Хабиру, вошла в ее дом «как рабыня» (№ 40), подобно целому ряду рабов и рабынь из племени Хабиру, которые в эту эпоху фигурируют в Нузи². Подавляющее большинство вновь приобретенных Тулпунаей рабов принадлежало к числу тех же разоренных общинников. Одна группа состояла из «усыновленных» Тулпунаей людей, которых нужда вынудила продаться в рабство. Повидимому, в Нузи, как и в Израиле, существовал обычай, запрещающий прямую продажу или самопродажу в рабство общинников из местного населения. Но «закон» или, вернее всего, суд, верный блюститель интересов рабовладельцев, пришел последним на помощь и ввел процедуру «усыновления» приобретаемых людей. Так, некая Шитинка отдает самое себя и своего брата в «удочерение» Тулпунае (№ 23), мать отдает дочь «в дочери» (№ 30, 42), отец отдает дочь в «дочери» (№ 34). «Удочерение» здесь является только лицемерной формой; в документах цинично подчеркивается, что дело идет именно о порабощении. Новоиспеченная «мать» оговаривает свое право отдать «дочь» в жены по очереди своим рабам, до одиннадцатого (!) мужа включительно (№ 23) или до третьего-четвертого мужа «и дальше» (№ 30, 42), т. е. до бесконечности; пока это условие не выполнено, «дочь» не может уйти от «матери». За купленных таким образом рабынь и рабов производилась уплата, иногда упоминаемая в документах (№ 30—в серебре, № 42—натурой). Попытки двух закабаленных таким образом девушек вернуть себе свободу посредством возбуждения судебного иска к Тулпунае кончились, как и следовало ожидать, проигрышем дела—суд вернул истиц в рабство (№ 31, 33, 43, 44). Фактически такие «удочеренные» становились рабынями, а их потомство от рабов госпожи уже формально объявлялось рабами (№ 32, 34).

¹ См. Pfeiffer and Speiser, One hundred new selected Nuzi Texts. Annual of the American School of Oriental Research, vol. XVI, стр. 61—63 и документы № 1—14 и 15—22.

² См. о рабах Хабиру, OLZ, 1936, III, стр. 154—155, со ссылкой на тексты из Нузи. изд. Chiera.

Другая группа вновь приобретенных Тулпунаей рабов принадлежала к числу так наз. *ditennu* (*tideppu*), т. е. временных рабов. Эта группа принадлежала к категории долговых рабов. Из документов видно, в какие безвыходные для должников формы выливалось в Нузи долговое рабство, очевидно, вследствие того, что там не было никакой законодательной нормировки срока долговой кабалы. Договоры о *ditennutu* заключаются на самые разные сроки—6, 10, 20, 50 лет (№ 27, 24, 28, 25) и вообще без срока: один должник закабалил сам себя за 11 имеров ячменя, «пока не отдаст» (№ 26). Ясно, что в последнем случае дело обстояло безнадежно; поскольку должник должен был работать уже не на себя, а на заимодавца, и вряд ли мог заработать средства на выкуп. Но и срочные договоры, кроме, может быть, № 27 (закабален сын должника на 6 лет с правом уходить на работу к отцу за уплату господину мины меди в день), также не сулили надежды на освобождение. По условию договора № 24, освобождение сына, отданного отцом в рабство, наступает через 10 лет, но в том случае, если будет возвращен Тулпунае «раб», которого она с и м в о л и ч е с к и передала отцу закабаленного, т. е. при условии замены кабального другим рабом, что вряд ли было выполнимо. Сроки 20 и 50 лет были, несомненно, чисто формальными, обозначая по существу пожизненное рабство. Фактически *ditennu* по окончании срока кабалы силою обстоятельств вынуждался объявить себя окончательно рабом, как, например, об этом свидетельствует № 29¹. О том же говорит и практика продажи *ditennu*; долг, очевидно с надбавкой, уплачивался кредитору третьим лицом, и тогда *ditennu* переходил в рабство выкупавшему его лицу (№ 45). Тулпунаа была только одной из многих других рабовладельцев, подвизавшихся в Нузи этой эпохи на поприщах ростовщичества и «усыновления» рабов². Следует отметить, что способы порабощения, применявшиеся в Нузи, не были только местным обычаем. Со способами порабощения в форме «усыновления» и в форме *ditennutu* до «выплаты» долга мы встречаемся также в каппадокийских документах III тысячелетия³.

Из разобранных документов видно, что классовые взаимоотношения в Нузи в середине II тысячелетия имели известное сходство с классовыми взаимоотношениями в Вавилонии конца III тысячелетия. Однако в Нузи перед нами выступает черта, которая все же существенным образом отличает общество Нузи середины II тысячелетия. Эта черта заключается в том, что в хурритской части общества Нузи еще крепко держатся традиции материнского права. Те права на самостоятельное ведение хозяйства и на самостоятельное владение имуществом, какие в Вавилонии по кодексу Хаммураби сохраняются лишь за определенной категорией жриц, в Нузи сохраняются за любой замужней женщиной. Имеются также некоторые отзвуки древнего братско-сестринского права (например в № 23, 30), восходящие также к эпохе материнских родов. Эта черта заслуживает специального исследования.

О ранних формах рабства в древнейшем центре самой Ассирии, Ашшуре, у нас имеются лишь отрывочные сведения. Мы находим их в каппадокийских документах, в которых, кроме указаний на некоторые способы порабощения, вскрываются также некоторые формы применения рабского труда. Тут в качестве рабовладельцев выступают исключительно дамкары;

¹ Аналогично постановлению о долговых рабах, отбывших шестилетний срок, в кн. «Исход», XXI, 1—6.

² Ср. документы, изд. Chiera, OLZ, 1936, III, стр. 152. Pfeiffer-Spreiser, № 51—59 («усыновление» рабов и рабынь), 60—63 (*ditennutu* на сроки 5, 10 и 20 лет).

³ Ср. Landsberger, Assyrische Handelskolonien in Kleinasien, стр. 33 (об удочерении; удочеренная входит в домашнюю общину—*nišutu*—хозяина) и стр. 29 (кабала на 5 лет и до «выплаты»).

т. е. представители торгово-ростовщической группы. Принадлежащие им рабы применяются для домашних работ и услуг; из среды рабов выделяются доверенные рабы господина, которым поручается управление домашним хозяйством господина в Ашшуре во время отъездов господина в Каниш, а также торговые агенты, или приказчики. Такого рода доверенные рабы, как показывает традиция кн. Бытия, встречаются еще в эпоху патриархального рабства; с такими же рабами—шамаллу—мы встречаемся и в Вавилоне эпохи первой династии. Наконец, из рабов формируются отряды носильщиков, погонщиков и вооруженных людей, сопровождающие господина во время его караванных путешествий из Ашшура в Каппадокию и обратно¹. О формах применения рабского труда в хозяйстве ассирийских сановников и храмов в III и первой половине II тысячелетия у нас определенных сведений пока не имеется.

Рабство в Ассирийском царстве с конца II тысячелетия и до конца существования Ассирийской державы также не может быть охарактеризовано с тою же полнотой, как рабство в Двуречье III—II тысячелетия, вследствие скудости соответствующего документального материала. Мы располагаем для истории Ассирийской державы огромным материалом царских надписей; но эти последние, заключая в себе богатый материал для характеристики ассирийской хищнической завоевательной политики и администрации, довольно скудны данными, касающимися хозяйственных и общественных отношений. Поэтому и о рабах мы находим там сравнительно немного замечаний; однако скудость последних выкупается их недвусмысленной ясностью. Данные надписей дополняются точными данными небольшого количества деловых документов, найденных до сих пор при раскопках ассирийских городов, и данными из переписки ассирийских царей VIII—VII вв. В указанных документах и письмах говорится о сделках на рабов, о применении рабского труда, о взаимоотношениях между господами и рабами.

В эпоху великой Ассирийской державы наблюдается быстрый количественный рост рабов в Ассирии. В рабство тогда обращались целыми тысячами не только военнопленные, но также жители ряда побежденных городов и даже областей. В Ниневии образовался рабский рынок, откуда значительные партии рабов отправлялись и в Вавилонию. Что касается применения рабского труда, то из царских надписей мы узнаем, что ассирийские цари заставляли военнопленных носить *allu* и *dupšikku*, т. е. корзины (мешки) рабской работы и головные повязки (шапки) рабов, и сгоняли военнопленных главным образом на строительные работы. Эту рабскую эксплуатацию военнопленных иллюстрируют куюнджикские рельефы из дворца Санхериба. Массы рабов эксплуатируются на переноске и перевозке тяжестей, на строительных работах, на резке тростника, затем, повидимому, на выделке кирпичей, на проведении дорог и каналов. Некоторые группы рабов изображены закованными в кандалы—это те, которые пытались восставать против поработителей². Значительные партии рабов должны были поступать в ассирийские храмы, поскольку царь из добычи всегда отдавал солидную долю «богам».

В связи с таким притоком рабов должно было увеличиться число рабов также и у частных владельцев. Тут мы точно осведомлены только о числе

¹ Landsberger, *op. cit.*, стр. 17—18, 25, 31. Ср. кн. Бытия, гл. 24—известная новелла о доверенном рабе Авраама, управлявшем «всем домом» последнего, когда Авраам состарился.

² Ср. сводку изобразительного материала у Lepoint, *Histoire ancienne de l'Orient*, т. V, стр. 92—95; в царских надписях—см. KB, I, стр. 68—69, II, 48—49; цитаты у Delitzsch, *Assyrisches Handwörterbuch*, стр. 70, 319; Meissner, *op. cit.*, т. I, стр. 113—114, 139, 245.

царских рабов. Царь вообще был крупнейшим частным рабовладельцем, поэтому цифры, относящиеся к численности царских рабов, должны быть особенно показательными. Из одного адресованного Саргону письма оказывается, что в царском дворце в Экаллате числилось по списку взрослых мужчин-рабов 370 человек¹. Если мы учтем, что дворец в Экаллате был не самым крупным дворцом Саргона и что, кроме рабов, в каждом дворце был еще огромный штат рабынь, то общее число рабов, принадлежавших Саргону, надо определять в 3—4 тыс. «душ» (*paršate*). Рост числа рабов у сановников лучше всего характеризуется документами о продаже рабов. Так, часто встречаются документы о продаже рабов целыми партиями, от 10 до 20 человек, обычно семьями². Но последнее обстоятельство свидетельствует также о том, что частновладельческое ассирийское рабство этой эпохи сохраняло еще черты прежнего домашнего рабства. С этой стороны интересно отметить, что в царской переписке идет речь прежде всего не о рабах, а о рабынях—о доставке рабынь во дворец, о любимых рабынях царя, о доверенных рабынях (вероятно, *esirtu*) сановников³. Другие документы говорят о покупке рабыни, которую покупательница отдает в жены сыну, о покупке рабынь для дворца Санхериба⁴. Рельефы на стенах и воротах царских дворцов преимущественно изображают сцены также из домашнего рабства. Перед нами проходят сцены пригона рабынь и скота в качестве военной добычи, рабы-постельники, мясники, повара, рабы и рабыни на работах во дворе и в садах дворцов⁵. Но одновременно наблюдается известное расширение рабства за пределы домашней формы. Как и раньше, из категории домашних рабов, принадлежащих купцам и ростовщикам, выдвигаются рабы-приказчики и рабы-управляющие господским хозяйством. Но теперь такие рабы имеют своих рабов, покупают и продают земельные участки, выступают на суде в качестве свидетелей⁶. Далее встречается несколько чрезвычайно важных сведений о рабах в сельском хозяйстве. Рабы продаются вместе с землей, в качестве живого рабочего инвентаря⁷; эти факты дают право утверждать, что рабский труд в Ассирии IX—VII вв. проник в основную отрасль производства—земледелие. При этом имеются замечания, что рабы обрабатывают землю или «самостоятельно или под чужим надзором». Отсюда возникает вопрос о разграничении здесь роли долгового рабства, также существовавшего в Ассирии⁸, и рабства военного происхождения.

Расширение рабства в Ассирии VIII—VII вв. не могло не привести к обострению классовой борьбы. У нас нет прямых данных о восстаниях рабов; но, как уже было указано выше, строптивые рабы за неповиновение господам заковывались в кандалы, и отсюда можно заключить, что рабы поднимали открытые бунты против господ. Несомненно также, что рабы участвовали в восстаниях покоренных племен. В этом отношении очень интересно одно донесение Ашшурбанипалу о заговоре людей Саси (в Харране), готовящих восстание против царя: в донесении упоминается в качестве одной из руководительниц рабыня из Бит-Саси, не названная

¹ Waterman, *Royal Correspondence of the Assyrian Empire*, P. I, № 99.

² KB, IV, стр. 120—121, № IX, стр. 122—123, № X1, стр. 124—125, № II, стр. 130—131, № IX, стр. 134—135, № III.

³ Waterman, *op. cit.*, P. I, № 12, 99, 211, 220, 341.

⁴ См. Tiele, *Babylonische-Assyrische Geschichte*, I. Teil, стр. 506 и примеч. 3 (ссылка на документы), изд. Oppert-Ménant и Smith.

⁵ Ср. рельефы из Ниневийского, Калахского и других дворцов и с ворот в Балавате—Leporant, *op. cit.*, IV, стр. 197 и V, стр. 32 (военная добыча), IV, стр. 365, V, стр. 124, 125, 127, 132 (домашние рабы).

⁶ См. сводку у Meissner, *op. cit.*, I, стр. 381—382.

⁷ KB, IV, стр. 134—135, № III и сводка у Мейсснера, стр. 381—382.

⁸ Ср., например, KB, IV, стр. 138—141, № VII.

по имени¹. Отсюда можно думать, что в подготовке крушения Ассирийской державы борьба ассирийских рабов сыграла значительную роль. После уничтожения Ассирийской державы в конце VII в. мидянами и халдеями временный расцвет рабского хозяйства в Ассирии быстро сходит на-нет.

О рабстве в Вавилонии халдейской и персидской эпохи имеются многочисленные документальные данные. В период завоеваний Навуходоносора наблюдается значительный количественный рост рабства.

Главнейшими эксплуататорами рабской силы в халдейскую и персидскую эпоху были вавилонские ростовщики, купцы и особенно жрецы. Так например, халдейский царь Набонид подарил 2.350 военнопленных богам Белу, Небо и Нергалю, т. е. жрецам храмов этих богов². Появились некоторые новые формы эксплуатации рабского труда, из которых наиболее важной является предоставление рабу самостоятельной ремесленной мастерской или земельного участка с обязательством уплаты определенного оброка (*mandattu*) натурой или серебром³.

Рост рабства в халдейском Вавилоне, так же как и в Ассирии, содействовал революционизированию рабов. Эфемерность Халдейской державы чувствовалась и внутри ее и за ее пределами, и это обстоятельство поднимало дух и волю к борьбе всех угнетенных. О боевых настроениях рабов свидетельствует любопытная деталь, часто повторяющаяся в документах на продажу рабов в VI в. Именно, продавец дает гарантию покупателю «против бунта и за повиновение» продаваемого раба⁴. К сожалению, общие замечания о восстаниях, имеющиеся в надписях халдейских царей, не дают возможности учесть степень участия рабов в этих восстаниях.

В итоге наш обзор показывает, что господствующей формой рабства в древнем Двуречье оставалась домашняя форма и лишь в некоторые эпохи рабство выходило за рамки этой формы. Основным тормозом на пути развития древневосточного рабства, как указывает Маркс, была община. Документальные данные целиком подтверждают высказывание Маркса, что «при азиатской форме» (общинной собственности)—«рабство не подрывает здесь условий труда и не видоизменяет существо отношения»⁵. Но вместе с тем и само рабство не имеет здесь возможности для своего полного развития, как это было в Греции и Риме.

¹ Waterman, P. II, № 1217.

² Meissner, op. cit., т. I, стр. 68.

³ Kohler-Ungnad, op. cit., № 3, 56; KB, IV, стр. 266—267, № IV; Meissner, т. I, стр. 231, 385.

⁴ KB, IV, стр. 292—293, № XII, 230—231, № XXVI, 190—193, № XVII, 122—123, № XVIII и др.

⁵ К. Маркс, *Формы, предшествующие капиталистическому производству*, «Пролетарская революция», 1939, № 3, стр. 166—167.





ВОЗНИКНОВЕНИЕ ХРИСТИАНСТВА

Проф. Р. Ю. Виппер

«С религией, которая покоряла Римскую мировую империю и в течение 1 800 лет господствовала над значительнейшей частью цивилизованного человечества, нельзя разделаться, просто объявив ее состряпанной обманщиками бессмыслицей. Чтобы ее понять, необходимо суметь объяснить ее происхождение и ее развитие из тех исторических условий, при которых она возникла и достигла господства». (Ф. Энгельс, Бруно Бауэр и раннее христианство. М. и Э., Соч., т. XV, стр. 602—603).

Введение

Составление канона Нового завета есть работа сравнительно поздняя, результат соглашения между различными классовыми группами. Вера, зародившаяся в среде низших трудовых классов, учение и организация, распространявшиеся сначала в глухой провинциальной тиши переходными, бедными (в буквальном смысле слова) апостолами, секта отверженных или, по крайней мере, не признанных гражданским обществом, презираемых простолюдинов проникают, благодаря разочарованности, меланхолии, отчаянию, охватившим имущие классы, в большие городские центры—Александрию, Антиохию, Эфес, Коринф, Карфаген и, наконец, в самый Рим. Здесь новое учение усваивается средними слоями общества, зажиточным плебейством, вольноотпущенными, классами, практикующими торговлю и ремесло—занятия, не пользовавшиеся почетом. Секта, выросшая в эпоху Антонина Пия и Марка Аврелия в общеимперский союз церквей, некоторое время сохраняла, с точки зрения римлян, привозный, чужестранный характер, но уже весьма рано ее руководящие круги начали проявлять тенденцию к завоеванию высших классов и даже придворных сфер (христианка Марция, близкая к римскому епископу Каллисту,—любовница императора Коммода, 180—192). Этими успехами и претензиями христианства и объясняется примирительная тенденция составителей новозаветных книг и редакторов канона (по мнению передового представителя критической теологии А. Гарнака, первое составление канона относится к 175 г.). Напомню, что в евангелиях есть даже попытка оправдания богатства (мытарь, т. е. откупщик налогов, Закхей получает прощение грехов за то, что отдает половину своего имущества бедным). Организация римской церкви с общеимперской тенденцией и составление канона имели самые губительные последствия для демократического направления раннего христианства: на практике господствующая церковь преследовала все попытки применения первоначальных революционно-демократических принципов, налагая

на них клеймо еретического заблуждения; ревнители догмы старались истребить все документальные следы старого сектантства.

Эти усилия организаторов общеимперской церкви увенчались полным успехом. Официальная версия, выработанная во второй половине II в., водворилась на 18 столетий до нашего времени в качестве единственной традиции. Отсюда идет та фальшивая история христианства, где умалчивается о самых важных явлениях, где факты реальной действительности или закрыты легендой и мифом, или извращены до неузнаваемости.

История христианства должна быть радикально перестроена. Чтобы расчистить путь материалистической концепции истории христианства, необходимо сделать одну существенную предварительную работу, а именно, устранить ту тенденциозно построенную историю, которая навязана редакторами канона Нового завета и которая, как тяжелый блок, загораживает исследователю дорогу к непосредственным источникам. Иными словами, необходимо прежде всего дать историю возникновения христианской литературы.

Необходимо прежде всего опровергнуть теорию либеральной, рационалистической теологии, которая старалась спасти скелет традиционной истории христианства, превращая догматы, символы и мистические тезисы в исторические факты и подставляя к ним хронологические и географические даты. Этот методологический прием в корне неправилен. Рационалисты останавливаются на полдороге: они все еще не отвыкли рассматривать документы раннего христианства как произведения, возникшие под влиянием особого «религиозного» вдохновения. Историк-материалист видит в этих документах только литературное отражение действительной жизни. Поэтому он считает себя вправе поступать с ними, как со всяким другим историческим материалом; для него необязательны те имена, под которыми эти документы переданы, необязателен и тот порядок, в котором они поставлены традицией. Чтобы восстановить их действительное происхождение, их настоящую филиацию, необходимо применить к ним критико-аналитические методы, которыми пользуются история и литературоведение.

Многочисленные сочинения под заглавиями «Жизнь Иисуса» и «Новозаветная современность» («Neutestamentliche Zeitgeschichte») для науки имеют не больше цены, как если бы кто-нибудь вздумал изобразить историю Венеции по шекспировскому «Отелло» или историю Дании по «Гамлету». Историю христианства следует построить таким образом, чтобы не изолировать факт возникновения новой религии от судьбы Римской империи и античной культуры, а, напротив, включить идеологию христианства в умственную и моральную жизнь «языческого» общества. Христианские писатели II в., скрытые под анонимами и псевдонимами составители евангелий и посланий, Маркион и Юстин—не только современники Антонина Пия и Марка Аврелия, Плутарха и Апулея, но и в известной степени единомышленники этих философски и религиозно настроенных «язычников», поскольку те и другие принадлежат к своеобразному «веку просвещения», последнему цветку античной культуры.

ПРЕДШЕСТВЕННИКИ НОВОЗАВЕТНОГО ХРИСТИАНСТВА

1. Ошибки рационалистической школы

Впервые исторический вопрос о возникновении и развитии христианства был поставлен реформаторами XVI в.—Эразмом и его учениками, Лютером, Меланхтоном, Кальвином. Они считали себя самих реставраторами первоначального «чистого христианства», исходя от представления

о том, что церковь соблюдала заветы божественного учителя в течение первых трех веков. Постепенно протестантская критика становилась все смелее, восходила выше и выше вглубь времен; все более и более суживались под ее натиском хронологические рамки периода «чистого», не осложненного «языческими» примесями, христианства. Критика последующего за реформацией рационалистического века в лице деистов (в Англии— в начале XVIII в., в Германии—в первой половине XIX в.) ограничила период первоначального христианства одним I веком, эпохой проповеди самого Христа и его учеников; уже отцы церкви II и III вв. представлялись деистам схоластиками, виновниками нагромождения излишних и неправильных толкований. Но в то же самое время деизм, исходивший из рационалистических принципов, отрицавший начисто все чудесное, устранил догмат божественности Иисуса Христа.

Несмотря на это разрушение догматической системы, те протестанты, которые приняли принципы и методы рационализма, продолжали считать себя христианами. И странно! задача возвращения к идеальному, чистому зерну учения пережила веру в основные догматы христианства: для протестантов-рационалистов эта проблема обратилась в критический анализ новозаветных книг, как исторических источников раннего христианства. Они стараются выскоблить из евангелий все элементы чудесного, выбросить все легендарные черты, внесенные мифотворческой фантазией, выделить в виде прочного остатка только одни «достоверные» сведения об основателе или основателях религии.

Но этот «прочный остаток»—совершенно произвольное построение. Превращение мифологического образа божества Иисуса в «галилейского пророка» диктуется не достоверными историческими данными, а предвзятыми идеями и представлениями «критических» богословов. Искусственно созданный путем рационализации мифов и легенд образ земного Иисуса Христа не только не подтверждается историческими источниками, но прямо им противоречит.

То, что традиционная история приписывает последователям Иисуса, представляет также сплетение происшествий неправдоподобных. Каким образом учение галилейского пророка стало предметом широкой пропаганды? Каким образом он сам сделался предметом культа, возвысился на степень божества? Откуда появилась вера в воскресение из мертвых? Ведь от самого Иисуса не осталось ни единой строчки; при жизни он обращался к простецам, необразованным рыбакам и ремесленникам, которые в свою очередь не были способны что-либо записать. Очень скоро, через 5—6 лет, руководящая роль в распространении христианской религии переходит от апостолов, избранных самим Иисусом, к личности новой, также внезапно появляющейся из тумана времен, апостолу Павлу, человеку, который совершенно чужд палестинскому иудейству, представителю иудейской диаспоры, которая находилась в свою очередь под сильным влиянием эллинистической культуры.

Согласно традиции, ап. Павел—главный, если не единственный, посредник между безвестно погибшим Иисусом и последующей христианской церковью. Что же сообщал он своим ученикам и почитателям? Нельзя не поразиться, что в «Посланиях» об Иисусе, его странствованиях и встречах, его притчах, беседах и проповедях не упоминается ни единым словом. Послания говорят вообще не о земном деятеле, речи которого еще недавно звучали, жгли сердца людей, а о божестве, принесшем себя в жертву за грешное человечество. В «Посланиях» приводится не учение, проповеданное Христом, а учение о Христе, о значении его искупительной жертвы, излагаемое самим автором «Посланий». Единственным фактом, относящимся к земному пребыванию Христа, в «Посла-

ниях» может показаться его смерть на кресте, но и об этом событии говорится в таких выражениях, как будто это—космическое явление, безразличное в смысле географического места и исторического времени происхождения.

Как объяснить это несоответствие евангельского изображения жизни Иисуса с отвлеченным образом божественного Христа в «Посланиях», если принимать апостолов Петра и Павла за исторические лица? Почему спутники и ученики Иисуса ничего не передали Павлу о его земном странствовании? Вместо рассказа о живом общении с простым народом («блаженны нищие духом», «придите ко мне, все труждающиеся и обремененные») мы находим у того апостола, который обращается к язычникам, абстрактную проповедь о небожителе, имеющем в скором времени прийти во славе, причем его недавнее действительное появление на земле совершенно игнорируется. Как мог совершиться такой переворот в умах в столь короткий срок? Кто был автором этого превращения? Сам ли апостол Павел? Но тогда спрашивается, какое же вообще историческое значение имело явление Иисуса в Галилее, его речи, притчи, наконец, сама смерть его, как пророка, в Иерусалиме? Знали об этом лишь немногие, но и то, что они знали, скоро было позабыто.

Нельзя отстранить и другое недоумение. Если ап. Павел ничего не знал и не хотел знать о палестинских событиях, о притчах и поучениях, которыми очаровывал народные массы Иисус, о его спорах с иудейскими учеными, о совершавшихся им исцелениях, то спрашивается, каким образом сохранилась традиция обо всем этом, кто передал предания о речах и беседах составителям евангелий, возникших, как это должны признать все теологи, вне всякой связи с деятельностью ап. Павла?

Этим, однако, не исчерпаны все загадки: чудеса продолжают. Если принять рассказ «Деяний апостолов» за передачу подлинных исторических фактов и отождествить изображенного там Савла-Павла с автором «Посланий», то придется допустить, что деятельность этого пропагандиста христианского учения прошла в таком же нервически поспешном темпе, так же молниеносно, как разыгралась судьба Иисуса. Спустя какие-нибудь 10—15 лет после смерти пророка происходит его обожествление; во имя этого нового бога образуются в городах Сирии, Малой Азии, Македонии, Греции общины его почитателей; главный организатор пробегает огромные расстояния, пользуется морскими сообщениями, но также отхватывает большие концы пешком; он успевает побывать в больших центрах, каковы Дамаск, Антиохия, Эфес, Филиппы, Фессалоника, Коринф, но посещает также множество менее значительных пунктов, проникает в глухие, отдаленные от широкого обмена провинции вроде Ликаонии, Фригии, Галатии. В короткие дни, иногда как будто часы своего пребывания в разных городах и деревнях он успевает разгромить местные языческие культы, объявить всюду благую весть о спасителе, основать «общины святых», которые становятся продолжателями его просветительного дела, создать целую иерархию духовных чинов; с этими своими учениками он потом находится в оживленной переписке.

Теологи заставили служить себе и географию. В историко-географическом атласе Putzger'a можно найти две карты, на которых отмечены маршруты путешествий ап. Павла. В сочинении Ad. Harnack'a «Mission und Ausbreitung des Christenthums» есть другого рода карты, где разными оттенками, различной степенью густоты краски показана большая или меньшая интенсивность распространения христианства. Первая из этих карт, составленная согласно датам «Деяний» и «Посланий», иллюстрирует цветущее положение христианских общин греческого Востока уже в 50-х и 60-х годах I в. Таким образом графически закреплены изумительные дела вели-

кого апостола. Но если все это верно, если ап. Павел в течение 15—20 лет положил основы христианской церкви, то после такого внезапного блестящего подъема непонятно катастрофическое падение христианства, исчезновение всех следов деятельности первых апостолов почти на целое столетие. Правда, некоторым объяснением такого сокрытия христианства под землей могут служить бурные события, заполняющие 70 лет от начала первого иудейского восстания в 66 г. до окончания третьего большого восстания в 135 г.; за это время должны были смолкнуть и спрятаться в подполье все иудейские секты, следовательно и христианство, как ни далеко оно успело отойти от правоверного иудаизма. Но все же остается непонятным, почему так-таки не слышно ни одного голоса из общин, основанных ап. Павлом? И затем, что случилось с документами раннего христианства, куда девались «Послания», где и как сохранялась в это время евангельская традиция?

Эти недоуменные вопросы приходится ставить потому, что, когда завеса приподнимается, когда появляются на сцену исторические деятели с определенными именами и хронологическими датами, в их сознании, в их кругозоре совсем нет тех фактов, которые образуют традиционную историю раннего христианства; и они не знают документов, повествующих об этой истории. В самом деле, около 150 г. выступает в Риме Юстин с обвинениями язычников в невежестве, незнании религиозной истины, а иудеев — в злом искажении и сокрытии ее. Каковы его авторитеты? Перед Юстином довольно значительная литература, он упоминает о сочинениях, как ортодоксальных, так и еретических, излагающих христианское учение, но он не имеет никакого понятия о грандиозной деятельности ап. Павла, не слышал даже имени такого апостола. Опять нельзя не спросить, где же скрывались эти сочинения в течение более чем ста лет (60—170 гг. н. э.)? И не есть ли это отсутствие всяких сведений о них доказательство их позднего происхождения, возникновения их в самом II в.?

Очень близко к такому заключению подводит нас знаменитейший из представителей рационалистической протестантской теологии, Адольф Гарнак, в замечательной работе, написанной им под конец жизни (A. d. Harnack, Marcion: Das Evangelium vom fremden Gotte, 1921). Маркион был уроженцем понтийской Синопы, его деятельность на родине в Малой Азии относится к 30 годам II в., в Риме он действует в 139—55 гг. Гарнак, лучший знаток христианской литературы и великий мастер критического анализа, возвеличивает Маркиона, признавая его крупнейшим предшественником христианской церкви, инициатором идеи составления канона священных писаний Нового завета. В особую заслугу Маркиону Гарнак ставит восстановление имени и учения ап. Павла, который был забыт в христианских кругах; при помощи могучего таланта апостола Павла Маркион, по мнению германского теолога, возбудил заснувшую жизнь христианских общин середины II в., вывел их из оцепенения, можно сказать, спас христианство, готовое поникнуть и разложиться. Маркион своим оригинальным учением, своей горячей, настойчивой проповедью вызвал возражения противников, заставил их сплотиться для борьбы с ним, но именно в этой борьбе церковь закалилась, сложилась в сильную организацию, причем у того же Маркиона она заимствовала его принципы, идеи, а также его средства пропаганды и документы, в том числе драгоценный текст «Посланий» ап. Павла. Не будь Маркиона, «Послания» ап. Павла погибли бы для потомства — вот заключение Гарнака. Нельзя не удивляться тонкой работе критического анализа, которую проделал Гарнак, разбирая деятельность Маркиона, впервые занявшегося составлением канона священных книг для основанной им общины: он обстоятельно показывает, как Маркион старался приспособить «Послания» апостола для оправдания своего оригиналь-

ного толкования христианства, как Маркион поправлял оказавшийся в его руках текст, вычеркивал фразы и отдельные слова, то заменяя их другими выражениями, то делая дополнения. Добившись столь поразительных результатов в своем анализе, Гарнак не делает отсюда ожидаемого заключения. Признавая, что церковь потом получила в свои руки «Послания» исключительно через посредство маркионовой школы, он не задает вопроса о том, каким образом «Послания» ап. Павла очутились в распоряжении Маркиона. Казалось бы, полная неизвестность более раннего существования «Посланий» должна была навести на мысль, что письма ап. Павла зародились в какой-то среде, близкой по духу, по складу идей к мировоззрению Маркиона, и даже недалеко от него по времени своего происхождения. Возникает естественно вопрос: не был ли апостол Павел предшественником или даже учителем Маркиона, и не написаны ли «Послания» всего за 10—20 лет до выступления самого Маркиона в Риме, т. е. не раньше 120—130 гг.? Не есть ли имя ап. Павла литературный псевдоним?

Гарнак только подводит нас к такому заключению, но сам его не делает. Он не решается отринуть историчность ап. Павла, принадлежность апостола к 40-м и 50-м годам I в. Это опрокинуло бы все построение его истории христианской догмы, которое составляло главную работу его жизни. Не мог он решиться на такое заключение и как сторонник рационалистического метода в истолковании новозаветных книг. Рационалист хочет в основе всякого рассказа о чуде видеть непременно какое-то реальное зерно, позади всякой легенды предполагать какой-то исторический факт, который дал толчок мифотворчеству. Но приверженцы этого метода глубоко заблуждаются, думая, что легенда начинается с реальности, весть о которой постепенно обрастает фантастическими добавлениями. Мифы составляют результат теософских построений и работы художественного творчества. В дальнейшем мне придется не раз отметить характерные литературные приемы новозаветных писателей. Они во всяком случае далеки от того, чтобы пересказывать какие-либо реальные события по неясным слухам, по народным преданиям. Поэтому рационалисты ошибочно полагают, что при анализе мифа можно отстранить общую концепцию сказания и воспользоваться отдельными подробностями, из которых оно составлено, что можно поэзию легенды перевести на прозу обыденности.

Я приведу только один пример для иллюстрации своей мысли о непригодности метода прямого реального истолкования исторических и географических дат, встречающихся в евангелиях. Христианская проповедь, по рассказам евангелий, началась в Галилее; Иисус был по происхождению галилеянин. Вплоть до наших дней теологи бьются над выяснением вопроса: почему именно Галилея оказалась колыбелью христианства? Высказывались догадки, что в этой, хотя и незначительной, провинции существовала сильно развитая религиозная оппозиция, имелись сектантские направления, из которых и могла вырасти христианская проповедь. Много говорилось и о том, что евангелисты проявили близкое знакомство с характером галилейской местности, с бытом страны, что они сумели передать *couleur locale* Галилеи. Историк, присматриваясь внимательно к документам, однако, должен обратить внимание на то, что Галилея появляется в евангелиях в силу таких соображений и по таким поводам, которые нельзя не признать случайными. Притом в трактовании мотива происхождения Иисуса из Галилеи можно отметить известную эволюцию: один евангелист заимствует этот мотив у другого, но каждый дает ему свое особое толкование.

Первый евангелист еще ничего не знает о галилейском происхождении родителей Иисуса. Рассказав о рождении в Вифлееме, о бегстве в Египет

и о возвращении Иосифа с Марией и младенцем «в землю Израилеву», он продолжает: «услышав, что Архелай царствует в Иудее вместо Ирода, отца своего, (Иосиф) убоялся туда итти; но, получив во сне откровение, пошел в пределы Галилейские и пришедши поселился в городе, называемом Назарет, да сбудется сказанное через пророков, что он Назореем назовется» (Мтф. II, 22—23). Для второго евангелиста происхождение Иисуса из Назарета Галилейского (I, 9) и даже его профессия—плотничество (VI, 3)—есть несомненный факт (о рождении Иисуса, детстве и жизни, предшествующей выступлению в Капернауме, в евангелии от Марка вообще не упоминается). У второго евангелиста оказалось еще новое основание привести жизнь и деятельность Иисуса в связь с Галилеей и особенно с «Галилейским морем» (т. е. Генисаретским озером): дело идет о призвании апостолов. «Проходя близ моря Галилейского, увидел (Иисус) Симона и Андрея, брата его, закидывающего сети в море, ибо они были рыболовы. И сказал им Иисус: идите за мною, и я сделаю, что вы будете ловцами человеков» (ἀλλεῖς ἀνθρώπων). Таким же образом он привлекает двух других рыболовов, Иоанна и Иакова, сыновей Зеведеевых (Мк. I, 15—20).

Итак, Галилея появляется у первого евангелиста в результате его соображения о созвучности Назорея с Назаретом, а у второго—под влиянием метафоры «рыболовы—ловцы человеков». Этот литературный оборот, который, к слову сказать, встречается у Лукиана, очень понравился второму евангелисту: он развил данный мотив в целом ряде эпизодов: апостолы не покидают своего первоначального ремесла; Иисус проводит большую часть времени в лодке; с лодки (а не с горы, как в первом евангелии) он говорит народу проповеди и притчи (между прочим, притчу о сеятеле); непрерывно переезжает он с одного берега на другой; на «море» совершаются чудеса: Иисус ходит по воде (VI, 48—49), утишает бурю (IV, 38—41). Нельзя не заметить, что из этих «озерных» рассказов, составляющих особенность евангелия от Марка, и получилась та картина странствования Христа по «идиллической» Галилее, которая потом очаровывала всех составителей «Жизни Иисуса». О близком знакомстве автора с Галилеей после рассказа о страшной буре на маленьком озерке, где с одного берега виден другой, говорить не приходится.

Третий евангелист настолько уверен в галилейском происхождении Иисуса, что считает нужным обстоятельно оправдать рождение его в иудейском Вифлееме. Составителю евангелия от Луки, очень заинтересованному определением исторических дат, принадлежит сложная конструкция о том, что назаретянин Иосиф вследствие своего происхождения из рода Давидова должен был с Марией отправиться в Вифлеем, город Давидов, когда вышел приказ римского наместника Квириния о переписи населения (Лк. II, 4).

Что касается четвертого евангелиста, то, как известно, его оригинальностью является рассказ о первом чуде Иисуса, совершенном в Кане г а л и л е й с к о й. Вообще странствование Иисуса по Галилее в евангелии от Иоанна мотивируется тем, что итти в Иудею было опасно, потому что иудеи хотели убить его (Ио. VII, 1). Но у этого евангелиста нет ничего похожего на то увлечение Галилеей, которое мы находим у автора второго евангелия; напротив, он считает уместным вставить в свой рассказ отзыв правоверного иудея Нафанаила: «из Назарета может ли быть что доброе?» (Ио. I, 46).

Тут перед нами проходят ясно приемы литературного творчества и литературного изобретения. Никакими преданиями о Галилее, о Назарете авторы евангелий не располагали: они сами, камень за камнем, возвели все здание той части мистической биографии Иисуса, которую последую-

щая теологическая наука назвала «галилейским периодом» деятельности пророка. Почему и каким образом Галилея вступила в круг зрения составителей мистической биографии, это—другой вопрос, на котором стоит отдельно остановиться; но он уже перестает быть исторической проблемой.

2. Проблема возникновения раннехристианской литературы

Наиболее выдающиеся из новейших критиков, продолжавших дело, начатое Давидом Штраусом, суть следующие: английский публицист Дж. Робертсон, американский пуританин, профессор математики Уильям Бенжамен Смит, польский археолог-коллекционер Андрей Немоевский, голландский ученый, представитель радикальной секты, Абрахам Дирк Ломан, германский историк культуры М. Фридлиндер, германский неохристианский философ Артур Дреус. К ним можно присоединить английского этнолога и фольклориста Джемса Фрэзера и германского ассириолога П. Иензена, которые выяснили аналогичные христианству идеи нисхождения бога на землю, искупительной жертвы и т. п. у языческих народов и во времена, предшествующие христианству.

Названные ученые подвергли новому, более широкому анализу центральные легенды христианства. В то время как их предшественники, рационалисты, занимались толкованием тех дат, которые заключены в новозаветных сочинениях, представители новой школы перенесли центр тяжести исследования на вопрос о составлении самих сочинений; они пришли к тому заключению, что «Евангелия» и «Послания»—происхождения позднего. Они показали всю неправильность представления о моментальном, молниеподобном возникновении христианства, о том, что сразу образовалось какое-то основное зерно чистого христианского учения, которое потом стало обрастать легендарными, «апокрифическими» дополнениями и искажаться под влиянием всякого рода отклонений. Они показали, что христианское учение выросло постепенно в виде наслоений из иудейской реформации и иудейского сектантства, под влиянием греческой, персидской и индийской религиозной философии. Хотя между последователями новой школы наблюдаются большие расхождения во взглядах и толкованиях, они все-таки сходятся в одном общем заключении, что христианство Нового завета не есть народная религия, а, напротив, создание ученого творчества. В частности, Фридлиндер и Дреус считают, что главной лабораторией, где вырабатывалась религиозная философия христианства, были круги иудейского и греческого гностицизма, который дал таких выдающихся мыслителей, как Филон в I в., Василид, Валентин, Маркион во II в. По мнению этих исследователей, на гностицизм надо смотреть не как на отклонение от более раннего чистого христианства, а как на настоящую колыбель христианского учения, где формировалось представление о боге или сыне божием, нисходящем с небес для спасения рода человеческого.

При всем моем уважении к замечательным работам названных исследователей мне приходится отметить у них все же некоторые недостатки, незаконченность их критики: в упрек представителям новой школы можно поставить прежде всего то, что они все еще находятся в кругу теологического способа рассуждения. Им не приходит в голову перенести новозаветные книги в рамки одновременной светской литературы, поставить евангелия и послания в параллель с такими писателями II в., как Плутарх, Арриан, Апулей, Марк Аврелий. Еще по отношению к книгам апокрифическим вроде евангелия Петра или «Деяний Фомы» допускается влияние греческой тератологии, сказаний о фантастических странствах

ниях, чудесных видениях и превращениях. Но к сочинениям, принятым в канон, до сих пор не решались применять методы литературоведения: в такой мере они кажутся отгороженными от внецерковных, светских мотивов, застрахованными от каких-либо романических оборотов. Надо, однако, заметить, что, как ни сурова была цензура составителей канона, как ни много было выброшено красочных эпизодов и деталей, все же остались картины, сравнения и т. п., которые носят характерные черты чисто литературного происхождения. Особенно интересны те места, которые оказываются униками того или другого евангелия: например, сцены с рыбаками у Генисаретского озера (у Марка), встреча воскресшего Иисуса с не узнающими его учениками в Эммаусе (у Луки), брак в Кане Галилейской и беседа у колодца Иисуса и самарянки (у Иоанна). Это ли не признаки тонкого литературного мастерства!

Другой недостаток теологов и философов новой школы состоит в том, что они оперируют слишком общими, иногда абстрактными данными, не обращают внимания на те индивидуальные черты и моменты, которые присущи рассказам евангелия и наставлениям посланий. Теология в этом отношении из одной крайности перекинулась в другую. Старая школа настаивала на единственности, исключительном характере личностей основателей христианской церкви, на независимости их учения, их деятельности от окружающей среды—от предшествующей подготовки. Новая школа стала выдвигать, напротив, общечеловеческие, общезначительные черты и мотивы в христианстве, показав, что идея явления спасителя мира, идея искупительной жертвы, идея приближения конца мира и суда божия на земле очень стары и принадлежат чуть ли не всем народам и эпохам. Мы обязаны ученым новой школы целым рядом открытий, очень важных для понимания эволюции религии. Мы знаем теперь, что религиозная фантазия вращается в пределах немногих, всюду повторяющихся образов и мотивов, мы могли убедиться, что религиозная психология вызывала во все времена одинаковые видения и ожидания, религиозная фантазия оперировала всюду одними и теми же методами и приемами. Не сказано ли этим все для объяснения факта возникновения христианства, как церкви и как системы учения? Новейшие критики объяснили нам, из каких элементов сложилась христианская доктрина и построилась христианская организация; но попрежнему остается неясным, в какой момент и почему эти элементы соединились в одно целое. Исследователи показали, что образ Христа есть символический миф, находящий себе аналогию в сказаниях многих других культурных и некультурных народов и коренящийся в очень старинных представлениях. Но они не решили загадки о том, благодаря чему общераспространенный символ вдруг сделался столь активной силой, вопрос о том, как могло случиться, что религиозный образ, зародившийся в иудейской среде, выйдя из нее и вступив в среду греко-римскую, зажег могущественное религиозное движение. Не решили они, далее, того вопроса, при каких обстоятельствах появилась в обработке неизвестных авторов та своеобразная форма основного мифа, которая обеспечила ему существование почти на два тысячелетия. Для того чтобы не оставалось действительно ничего чудесного в истории, надо проникнуть в туман, окутывающий происхождение новозаветных сочинений, выяснить особенности исторического момента, с которым связано непосредственно их возникновение.

Пусть в новозаветных образах много общечеловеческого, пусть это общее, одинаковое для различных времен и народов, преобладает над местным, преходящим, индивидуальным! Но если для этнолога и социолога важны аналогии, черты сходства, то историк по преимуществу интересуется различиями, конкретностями. Перед нами—три создания

религиозной фантазии азиатско-европейского мира: Будда, Христос и Митра. Как характерны различия в их судьбе! Митра вообще недолго прожил—не более трех—четырех веков. Будда и Христос живы до сих пор, но каждый из них остался в своей области, не смог проникнуть в круг господства другого. Они даже и не соперничали друг с другом; каждый расположился в своем культурно-географическом районе и не пошел за его пределы, потому что каждый отвечал своему народному гению, над образом каждого из них работала своя особая интеллигенция, своя особая литературная и философская школа.

Допустим, что идея божественного посредника, спасителя мира, заступника перед богом за людей, идея бога-страдальца—очень древнего происхождения и охватывает весь земной шар. Но, для того чтобы стать христианской, эта идея должна была фиксироваться в пространстве и времени. Христианство в том виде, как оно выступило во II в., начинается с историзации Христа, с признания его исторической личностью, с фиксации географической и хронологической даты его появления: в Палестине, в правление Тиберия, во время прокуратуры Понтия Пилата. Не даром эти даты поставлены были потом в символ веры. Историзация мифа о Христе стала основой христианства. Но спрашивается: кто совершил этот шаг, кто были авторы историзации?

Ни Смит, ни Немоевский, ни Древис этого вопроса не ставят. Был только один теолог, в моих глазах проницательнейший из всех, теперь почти забытый,—Бруно Бауэр (1804—1882), который поставил вопрос на реальную историческую и историко-литературную почву. Я разумею его последнюю работу «Christus und die Cäsaren», вышедшую в 1877 г. Тогда еще не были известны многие документы переходной эпохи от иудаизма к христианству, которые принадлежат I в. н. э. (как то: апокалипсы Еноха и Моисея, учение 12 апостолов, апокрифические евангелия и деяния апостольские, оды Соломона и т. п.) и косвенно свидетельствуют о позднем происхождении новозаветных сочинений. Поэтому Бруно Бауэр еще не мог решиться оторвать совсем евангелия и послания от I в. н. э. Он искал влияния на составление новозаветных сочинений таких писателей, как Сенека и Лукан, не обращаясь к Плутарху, Апулею. Несмотря на это, он все же сделал чрезвычайно важные открытия и дал методологические указания для изучения раннего христианства.

Бруно Бауэр первый оказал большое внимание вопросу о литературных заимствованиях, произведенных авторами евангелий и посланий, показал, как широко пользовались они сочинениями греческих и римских писателей. Некоторые из его наблюдений прямо поразительны. Так например, слова Христа в обращении к хлопотливой Марфе и в пользу безмолвно внимающей учителю Марии: ἐνός δέ ἐστι χρεία (Лк. X, 42),—буквальное повторение выражения Сенеки. Или еще: слова апостола Петра перед судом иерусалимской иерархии: πειθάρχειν θεῷ μᾶλλον ἢ ἀνθρώποις («Деяния», IV, 19),—заимствование из платоновой «Апологии Сократа». Очень интересно замечание Бр. Бауэра о том, что способ исцеления слепых, применяемый Иисусом, согласно рассказу маркова евангелия, вполне совпадает с приемами чудотворных действий Веспасиана во время его пребывания на Востоке. Далее важно указание Бауэра на то, что выражение σωτήρ τῆς οἰκουμένης (спаситель мира) есть изобретение Нерона, который под этим титулом фигурирует на монетах. Я привожу лишь немногие примеры из многочисленных сближений, сделанных Бауэром, но их достаточно, чтобы показать важность применяемого им метода (в этом направлении работу Бр. Бауэра продолжал Deissmann, Licht vom Osten, 1908, к сожалению, далеко не располагавший широтой кругозора Бауэра).

Общее заключение, к которому приходит Бр. Бауэр, состоит в том, что евангелия и послания не имеют ничего общего с Палестиной, что они возникли в греко-римской среде, что авторами их были лица, вращавшиеся в литературных кругах Рима и Александрии. Новейшие исследователи, Робертсон, Смит, Дреус, как бы забыли об этом важнейшем указании Бауэра. По моему мнению, надо вернуться к его методу, надо отыскать место новозаветных книг в ряду сочинений мировой литературы, рассмотреть их в кругу чтения греко-римского общества.

Надо отказаться от истории современности евангельского Иисуса. Вместо этой призрачной цели следует поставить себе реальную задачу, следует заняться историей того века, когда возникли евангелия, и характеристикой той обстановки, той культурной и литературной среды, где возникли эти произведения; только из исследования этого окружения можно будет понять образы, в них нарисованные. Для такой истории могло бы остаться прежнее название «новозаветная современность». Но это будет характеристика не той эпохи, которая жила в воображении авторов, а той эпохи и того мировоззрения, которые были современными самим авторам.

Критический анализ новозаветных книг с точки зрения исторической достоверности заключенного в них материала показывает, что они не могут дать никаких подлинных известий о религиозном движении I в. Из молчания одних источников (Иосиф Флавий, Филон, античные авторы), из ошибок других («Евангелий», «Деяний») мы вправе заключить, что в I в. не было налицо тех учений, которые впоследствии составляли сущность христианства; в Палестине во всяком случае не происходило подготовки последующей организации христианской церкви. Исторический фон в евангелиях и деяниях—обманчивое видение: это—конструкции авторов, живших во II в. К этой мысли, конечно, очень трудно привыкнуть, трудно освободиться от навождения традиционной истории, но это необходимо сделать с полной решительностью, раз навсегда. Что же мы поставим на место условной палестинской истории христианства? Где мы будем искать корней христианства? И как мы объясним происхождение самой фикции о палестинском возникновении христианства?

Американский исследователь Уильям Бенжамен Смит, пуританин, профессор математики и в то же самое время тонкий, остроумный, критически мыслящий теолог, пытался извлечь из новозаветных книг все, что возможно, для реконструкции раннего периода развития христианства. В первой своей работе, вышедшей с предисловием Р. W. Schmiedel («Der vorchristliche Jesus», 1906), он развил оригинальную теорию, основной тезис которой виден уже из заглавия его книги. Приемы анализа этого писателя, работавшего совершенно независимо от германской и вообще европейской науки, очень интересны.

Смит заметил прежде всего то противоречие, которое у автора «Деяний» постоянно обнаруживается между общей тенденцией и приводимыми им отдельными фактами. Составителю «Деяний апостолов» хочется показать, что пропаганда христианства шла из одного центра—Иерусалима, а между тем у него все время появляются данные, указывающие на то, что эта пропаганда исходила из нескольких фокусов. Апостолы и проповедники—Филипп, Павел, Варнава, куда ни придут—в Самарию, на о. Кипр, в Эфес,—езде встречают или сочувствующих, которые знают уже о Господе Иисусе Христе, или соперников, которые излагают то же самое учение, но в форме, несколько отступающей от апостольской. Среди этих предшественников апостольской проповеди особенно замечателен Аполлос («Деяния», XVIII, 24—28), иудей родом из Александрии, приезжающий в Эфес. Ему дана превосходная аттестация: он красноречив и очень сведущ

в писании, горит одушевлением и рвется к преподаванию и пророчеству; он и учит правильно об Иисусе, но не знает еще всего полного вероучения; его знания в этой области останавливаются на крещении иоанновом. По счастью, в эфесской синагоге находятся два лица, Акилас и Прискилла, которые знакомы с истинным учением во всей его полноте; они сообщают Аполлосу нужные сведения, и он так быстро усваивает правильную доктрину, что эфесская братия находит возможным командировать его для пропаганды в Ахайю. Замечательно заключение этого эпизода. Аполлос, вооруженный новыми решительными аргументами, обличает иудеев, доказывая из писания, что Иисус есть Христос (ἐπιδεικνύς διὰ τῶν γράφων εἶναι τὸν χριστὸν Ἰησοῦν).

Смит делает из этого и подобных ему рассказов и выражений очень важные выводы. Τὰ περὶ Ἰησοῦ или τὰ περὶ χριστοῦ, по его мнению, не что иное, как учение о Иисусе, духовном главе религиозных общин, лице небесном или божественном, учение, которое существовало еще до появления христианской пропаганды (отсюда новый термин, предложенный Смитом, — «дохристианский Иисус»). Иисус и Христос — два разных образа и понятия: вера в Иисуса старше веры в Христа; Христос присоединен к первоначальному Иисусу, отождествлен с ним. Под именем Иисуса, по мнению Смита, с самого начала разумелся не человек, а божество. Подтверждение своей мысли Смит находит в некоторых случайно сохранившихся обрывочных памятниках. Таков, например, гимн наассенов, сирийской секты, приводимый богословом III в. Ипполитом, но относящийся к старинным, дохристианским временам; согласно гимну, Иисус просит своего божественного отца послать его на землю для спасения людей: «Я хочу проложить путь через эоны, открыть все мистерии, открыть все, что было утаено из твоего священного пути, все это я хочу открыть именем познания (γῶσις)». Смит ссылается еще на так наз. парижский папирус, относящийся к IV в. н. э., где содержится формула заклинания именем «бога евреев Иисуса (κατὰ τοῦ θεοῦ τῶν Ἑβραίων Ἰησοῦ)».

Свое общее заключение Смит выражает в следующих словах: «ни одна аргументация, на какой бы высокой философский авторитет она ни опиралась, ни одна конструкция, как бы она ни была продумана и логически обоснована, как бы ни были прекрасны воодушевляющие ее чувства и намерения, раз только это будет попытка вывести христианство из деятельности человека, не выдержит испытания; она неизбежно потерпит поражение». Для Смита, человека верующего, не сходящего с почвы христианства, Иисус есть божество, которое никогда не принимало человеческого образа. Несколько лет спустя после выхода в свет первого своего сочинения Смит, отвечая своим противникам, написал новую работу, которой придал демонстративно заглавие «Ессе Deus» (в противоположность евангелическому «ессе homo»). Смит предполагает, что христианству, религии почитания Христа, предшествовал и с у с и з м, религия почитания Иисуса; это вероучение он в свою очередь возводит к эпохе Хасмонеев (за 100 лет до н. э.). Помимо этой гипотезы, которую можно, конечно, оспаривать, но которая во всяком случае открывает глубокую перспективу в поисках предшественников христианства, важны еще следующие положения, развитые в первом исследовании Смита: 1) что христианство исходит не от одного центра и не от одной определенной личности, жившей в момент, обозначенный евангелиями, что было несколько фокусов, где параллельно развивались христианские идеи; 2) что христианство развивалось постепенно из ряда последовательных наслоений. Для историка очень важна уверенность Смита в том, что никакого п а л е с т и н с к о г о х р и с т и а н с т в а не было, что рассказ первых глав «Деяний» о первоначальной иерусалимской общине и об основании христианских

общин других стран разбежавшимися в разные концы света иерусалимитами есть искусственная конструкция автора «Деяний».

Смит показал себя очень смелым, свободным от предрассудков теологом, но он все-таки не пошел дальше чисто теологического исследования. Он не проявил вовсе исторического интереса к вопросу о времени и обстоятельствах возникновения новозаветных сочинений. То же самое можно сказать об А. Дреусе. Оба они выяснили тот факт в развитии религиозной мысли, что раньше и независимо от представления о Христе-человеке появилось учение о божественности его. Но они не дали объяснения того, как христианство перешло в новую, окончательную стадию своего развития, как возникло представление о земной жизни Иисуса Христа, когда и под влиянием каких обстоятельств абстрактное понятие приняло реальные исторические очертания. Иначе говоря, они оставили нерешенным вопрос о том, когда и почему появился христианский мессианизм, идея воплощения сына божия, его страдания, смерти и воскресения.

Для ответа на этот вопрос постараемся разыскать предшественников новозаветного христианства.

3. «Учение 12 апостолов»

Согласно терминологии, которая выработалась в теологической науке, период от ап. Павла до Юстина (60—150 гг. н. э.) принято называть веком «мужей апостольских», *patrum apostolicorum*. К этой эпохе относят следующие сочинения: «Послание ап. Варнавы», 2 «Послания» Климента римского, «Пастырь» Гермы, «Учение 12 апостолов» и «Письмо к Диогнету» (находящееся среди сочинений Юстина, но явно ему не принадлежащее). Теологи видят в авторах этих работ преемников в тех апостолов, которые были непосредственными учениками Христа (со включением в число последних Павла). Представителей теологической науки, однако, всегда смущало то обстоятельство, что у этих наследников апостольской поры так мало евангельского и апостольского, совершенно отсутствует какое-либо упоминание о земной жизни Иисуса Христа, забыты все догматологические и моралистические уроки Павла. Для историков, относящих послания и евангелия ко II в. н. э., молчание мужей апостольских, их незнакомство с новозаветными книгами вполне понятно, и сами предполагаемые преемники апостолов представляются в совершенно иной перспективе: они — не наследники великих основоположников христианства, не исполнители заветов, изложенных в евангелиях и посланиях, а предшественники, подготовители новозаветного христианства.

Очень характерна судьба, которую испытали сочинения мужей апостольских в последующие периоды церковной истории. После образования канона они были забыты, больше того — подверглись опале. Евсевий, писавший в первой половине IV в. и приводивший в порядок церковную традицию, противопоставляет их каноническим книгам в качестве *ἀντιλεγόμενα βιβλία*, т. е. сочинений, вызывающих возражения, как бы незаконных детей в церковной семье; ортодоксальным историкам они представлялись неудачными, поскольку отражали такую стадию религиозного развития, в которой не было христологии, не было догматов, положенных в основу Нового завета. Сочинения мужей апостольских были признаны «незаконнорожденными детьми», тогда как на самом деле они были законными родителями новозаветного христианства, родителями, все несчастье которых состояло в том, что дети от них отвернулись. Тем большую ценность представляют они для исторического исследования.

В 1883 г. архиепископ никомидийский Вриенний опубликовал найденный им в библиотеке иерусалимитского монастыря в Константинополе текст, носивший заглавие: *Διδαχὴ τῶν ὁδώδεξ ἀποστόλων*. Для теологической науки это было событием первостепенной важности. Об этом небольшом сочинении старинной церковной литературы знали лишь по цитатам Климента александрийского (начала III в.), по кратким замечаниям историка Евсевия и епископа александрийского Афанасия, деятелей IV в.; знали еще то, что «Учение 12 апостолов» применялось в качестве катехизиса в церковных школах восточных, особенно в Египте. Заманчиво и многообещающе звучало само заглавие. Но никто из ученых конца XIX в. не подозревал, каково по-настоящему содержание этого произведения; никто не мог ожидать, что открытие прольет столь яркий свет на бытовые порядки и религиозное настроение ранних христианских общин.

Говоря правду, новооткрытая «Дидахе» была бы способна опрокинуть все здание истории первоначального христианства, возведенное усилиями рационалистической теологии; таким quasi-историческим творениям XIX в., как «Жизнь Иисуса» и «Новозаветная современность», она наносила удар еще более сильный, чем было разоблачение христианской мифологии, произведенное Штраусом и его продолжателями. Ведь «Дидахе» как нельзя более ясно показывает, что учение об Иисусе Христе, сыне божием, о его нисхождении на землю, смерти на кресте и воскресении из мертвых было чуждо ранней церкви, что вначале был период, который можно назвать христианством без Христа. На самом деле, однако, никакой катастрофы в науке не произошло. Традиционные теории, сложившиеся под внушением канонических евангелий и посланий, т. е. конструкций христианства позднейшего, оказались сильнее самых подлинных фактов и свидетельств христианской старины. Вместо того, чтобы поставить «Дидахе» на почетное место в начале эволюции христианских идей и соответственно передвинуть, перегруппировать сочинения, которые до тех пор считались первоначальными документами христианства, теологи втиснули «Учение 12 апостолов» в середину традиционной схемы, поместили где-то между Павлом и Юстином и таким образом осудили его на существование темное и незначительное.

Через три года после опубликования Вриеннием «Дидахе» появилось обработанное Гарнаком издание греческого текста с немецким переводом, обширным введением и подробными комментариями (в «*Texte und Untersuchungen zur Geschichte der altchristlichen Literatur*, II, 1—2, 1886). Это типичная работа необычайно основательного и добросовестного автора, не имевшего себе равного по учености в Германии. Гарнак исследовал документ до последних мелочей, отыскал всевозможные параллели в новозаветных книгах и у отцов церкви, отметил сходство и различия с источниками предшествующими, современными и последующими. Но основной смысл «Учения 12 апостолов» остался ему непонятным. Чутье подсказывало ему все время, что он имеет дело с документом очень старинным; иной обычай, иное выражение молитвы ему кажутся глубоко древними (*uralt*), вызывают в нем восторг и умиление, заставляют ставить восклицательный знак. Но теория отводит его от этих впечатлений, извращает картину, которую он видит собственными глазами. Будучи связан традиционным представлением об Иисусе Христе и ап. Павле, он объясняет все черты сходства «Дидахе» с евангелиями тем, что автор «Учения» сделал заимствования из новозаветных книг; очень серьезно обсуждает он вопрос, взята ли такая-то цитата из Матфея или Луки. Его только удивляет, почему же автор «Дидахе» ни единым словом не обмолвился о крестной смерти Иисуса Христа, почему нет в «Учении» никаких следов проповеди и учения ап. Павла. Не чувствуя себя с силах разрешить

эту загадку, Гарнак колеблется и в определении хронологической даты «Дидахе»: то ему кажется, что, ввиду архаичности упомянутых в ней обычаев, ее надо отнести к I в., к годам 85—100, то он склоняется к датированию значительно более позднему, к эпохе 140—165 гг. И в конце концов, не умея приютить документ, отдавая его на волю ветров, Гарнак обесценивает произведение старины.

Нам надо попытаться взглянуть на «Дидахе» независимо от теологических предпосылок и предвзятостей, как бы мы отнеслись к любому «светскому» произведению, постараться вывести из самого содержания заключение о времени его выхода в свет и о его положении среди других произведений ранне-христианской литературы.

Прежде всего поражает заголовок, где обозначен круг читателей или слушателей, к которым обращается автор: «Учение господне, чрез 12 апостолов преподанное народам (ἐθνέσιν)». Замечательно, что Иисус Христос не упомянут, как установитель или возвеститель правильного учения; оно возвещается от лица господина, а под этим именем (κύριος) разумеется не кто иной, как сам бог всевышний. Отсюда ясно, что под апостолами, служащими в качестве посредников в объявлении воли божией, разумеются не апостолы христовы, Христом нарочито избранные, а апостолы вообще, вестники божии, как бы его ангелы на земле. Двухтысячелетняя традиция приучила нас ставить «апостолов» в зависимость от Христа, который избрал вестников и обозначил их миссию. «Дидахе» показывает нам, что старинной церкви это представление чуждо, что было время, когда апостолами назывались не чьи-либо посланцы или ученики, а самостоятельные пророки и проповедники, сами авторы и инициаторы излагаемого учения. Выражение ἐθνέσιν, стоящее в заголовке, Гарнак объясняет так: автор обращается к верным, истинным христианам (vollbürtige Christen), «народы» же надо понимать в духовном смысле, в значении «племени божия». Мне кажется, что германский ученый заблуждается: нет никакого основания давать такое ухищренное толкование, мы вправе брать слово ἐθνέσιν в прямом, буквальном смысле. По всему дальнейшему изложению видно, что составитель руководства сразу выходит за пределы национальности и государства, как бы объявляет во всеуслышание манифест, обращенный ко всему человечеству.

Автор «Дидахе» остается все время верен идее, выраженной в заглавии. Он излагает наставления и правила, высказанные и предписанные самим господом, небесным властителем; он знает только κυρίου εὐαγγέλιον, κυρίου ἐντολὰς, κυρίου ἐκκλησίαν. Приведя изречение «не давайте святыни псам», он прибавляет: «так сказал сам господь». Последовательно проводит он свою внациональную, космополитическую точку зрения. Нигде не упомянуто о противоположности между иудеями и язычниками. Иудейство, Ветхий завет вообще ни разу не названы, хотя в «Дидахе» воспроизводятся многие учреждения и обычаи староиудейские. Там, где автору приходится отметить отступления от прежнего обычая, он опять не упоминает имени иудейства, а применяет к старообрядцам условный термин—«лицемеры».

Ни по содержанию, ни по форме «Дидахе» не похожа на новозаветные послания: ее темы и способы их изложения гораздо более примитивны. В «Учении» нет никаких догматологических рассуждений, нет толкований старинных пророчеств; автор идет прямо к делу, говорит языком простым и отчетливым, всякому понятным, по временам наивно-практическим; тон его задушевный, он любит обращаться к читателю или слушателю со словами «дитя мое».

«Дидахе» начинается сразу с моралистических предписаний: «I.1. Есть два пути, один путь жизни, другой путь смерти, и разница между

двумя путями велика». Затем, в качестве пути жизни излагаются новые заповеди господни, которые должны заступить место Декалога, скрижалей завета, данных в свое время избранному народу божью. В некоторых выражениях «Дидахе» мы находим большую близость к моральным заветам Иисуса Христа, особенно тем, которые изложены в нагорной проповеди. Я приведу несколько параграфов (I, 2 — 6), подчеркнув те варианты, которых нет в евангелии: Путь жизни состоит в следующем: во-первых, ты должен любить бога, сотворившего тебя, во-вторых, любить ближнего, как самого себя; не делай другому того, что не хотел бы, чтобы делали тебе. А о том, с какою речью обращаться к другим людям, учение (διδάχη) говорит следующее: благословляйте тех, кто обижает вас, молитесь за врагов своих, поститесь за тех, кто преследует вас; ибо что за заслуга любить только тех, кто вас любит, так ведь и язычники поступают, вы же любите тех, кто вас ненавидит, тогда у вас и врагов не будет. Воздерживайся от телесных и плотских вожделений. Если кто ударит тебя по правой щеке, подставь ему другую, и будь совершенен; если кто пригласит тебя пройти с ним одну милю, пройди с ним две; если кто возьмет у тебя что-нибудь твое, не требуй назад, да ведь ты и не сможешь получить. Всякому просящему давай и не требуй назад; ибо всем отец хочет подать из тех благ, что кому приходится. Блажен тот, кто дает согласно завету (ἐντολή); на нем нет вины; если кто берет по нужде, он без вины; но у кого нет нужды, тот должен дать ответ, почему он взял и для какой цели. Взятый под стражу, он должен будет объяснить, что сделал, и не выйдет он на свободу, пока не заплатит до последнего кодранта. Но есть и такое изречение: пусть увлажнится потом милостыня в руке твоей, пока не узнаешь, кому даешь.

Если Гарнак считает изложение заповедей в «Дидахе» заимствованием из евангелия (главным образом матфеева), то для меня, напротив, нет сомнения в том, что евангельская формулировка—позднейшая, что она представляет сокращение и обработку правил и выражений, заимствованных из «Дидахе» или какого-либо источника, одновременного и параллельного с «Дидахе». Нельзя не видеть большей примитивности, непосредственности в моральном мировоззрении автора «Дидахе». Какой, например, житейской наивностью звучит прибавка к заповеди «любить ненавидящих тебя»: «тогда ведь у вас и врагов не будет!»—или еще прибавка к заповеди «не требовать назад то, что у тебя взято»: «потому что ведь все равно не получишь!» В сравнении с такой бытовой откровенностью евангелист показал себя автором более искусным, с более строгим морально-эстетическим вкусом и выбором: он нашел подобного рода соображения недостаточно возвышенными и не поместил их в своем изложении.

В решении вопроса о том, считать ли правила и предписания «Дидахе» заимствованиями из евангелий или наоборот, сталкиваются два метода—теологический и светско-исторический. В евангелиях заветы любви и смирения вложены в уста Иисуса Христа, они составляют то новое слово, ради возвещения которого он воплотился и появился среди людей. Составитель «Дидахе» излагает моральное учение в той уверенности, что он сам правильно усвоил *κρίβο ἐντολή*, завет господина. Теолог заранее считает формулы евангелия, как книги, принятой в канон, более авторитетными, чем объяснения неизвестного автора «Учения 12 апостолов»; поэтому он признает евангелие первоначальным источником, а «Дидахе»—составленным из заимствований. Историк по этому поводу спросит: неужели

мыслимо, чтобы новые заповеди были высказаны великим учителем (в большой ли проповеди перед народом, или в частных беседах с ближайшими учениками) приблизительно в 30—33 гг., затем сохранялись в памяти двух-трех поколений и, наконец, спустя 50—100 лет снова появились в жизни религиозных общин, причем, несмотря на то, что они воспроизводились почти дословно, все же было забыто имя той исключительной личности, которая была их творцом? И далее: каким обходным путем, каким таинственным способом евангелист добрался до подлинника, воспроизвел оригинал в его неиспорченном виде? Не будет ли проще и более естественно принять, что перед нами две литературные обработки одного и того же моралистического сюжета: в одной из них заповеди излагаются как предписания божии, переданные апостолами путем вдохновения (πνεῦμα), в другой является личность великого учителя, посредника между богом и людьми, который излагает божественную премудрость от своего имени, как новое слово, принесенное миру. Для всякого постороннего наблюдателя, не связанного теологической предвзятостью, ясно, какой из двух концепций следует отдать предпочтение в смысле старшинства, большей примитивности.

Продолжим анализ «Дидахе»; мы увидим, что наши впечатления, полученные от первой главы, подтвердятся и в дальнейшем. За теми предписаниями, которые вытекают из первой заповеди—любви к господу, следуют моральные правила, которые исходят от второй заповеди—любви к ближнему. Здесь, помимо старинных запретов—«не убий», «не прелюбодействуй», «не лжесвидетельствуй»,—есть множество новых, более тонких и сложных предписаний, сопровождаемых своеобразной мотивировкой. «II, 4. Не будь двоедушным или двуязычным; двуязычие—ловушка, ведущая к смерти». «III, 1. Дитя мое, избегай всего дурного и всего, что дурному подобно. 2. Не будь гневлив, потому что гнев ведет к убийству: не разгорячайся, не будь спорщиком, не поддавайся раздражению, потому что из всего этого рождаются убийства. 3. Дитя мое, не допускай в себе вожделений, потому что вожделение ведет к разврату; не сквернословь, не поглядывай сверху вниз, потому что из всего этого рождается прелюбодеяние. 4. Дитя мое, не будь птицегадателем, ибо это ведет к идолослужению. Не будь ни заклинателем, ни астрологом (μαθηματικός), не совершай очистительных обрядов и не смотри на подобные действия, потому что из всего этого родится идолослужение. 5. Дитя мое, не будь лжецом; потому что лживость ведет к воровству; не жадничай до денег, не расточайся на гостей, потому что из этого получается похищение чужого имущества. 6. Дитя мое, не ропщи, потому что ропот ведет к богохульству. 9. Не возмни о себе, не сделайся дерзким; твоя душа да будет исполнена не горделивых чувств, а мысли о справедливости и заботы об удрученных. 10. Причиняемые тебе обиды принимай за благо, зная, что без бога ничего не совершается». «IV, 1. Дитя мое, помни о том, кто вещает тебе слово божие, днем и ночью, почитай его, как самого господя; ибо где возвещается господня воля, там и есть господь (ὅθεν γὰρ ἡ κυριότης λαλεῖται, ἐκεῖ κύριος ἐστίν). 2. Каждодневно ищи лицезрения святых, чтобы внимать их речам. 3. Не вноси раздора, но примиряй дерущихся; суди справедливо, не показывая презрения к погрешившим. 5. Протягивай руку не для того, чтобы брать, а для того, чтобы давать».

Последний параграф переносит нас из круга правил, относящихся к индивидуальной нравственности, в область общественной морали; предписания, которые мы здесь находим, открывают нам социальное мировоззрение ранних христианских общин. Верующие приглашаются к широкой благотворительности, щедрым раздачами, причем в мотивации ясно выражены «следы общности имущества». «IV, 7. Не уставай давать, но, подавая,

не возомни о себе и не отстраняй нуждающегося; во всех делах соединяйся в тесное сообщество (συνκοινωνήσεις) с братом твоим и не спрашивай, что кому в отдельности принадлежит. Если вы—сотоварищи (κοινωνοί) в области вечного, то насколько же более вы должны быть таковыми в делах человеческих».

Своеобразно мотивировано внушение быть мягким с младшими домочадцами и рабами. «IV, 2. Не отнимай руки от сына своего, или ты смолоду внушишь ему страх перед богом. 10. Пусть в твоих приказаниях рабу или рабыне, которые возлагают свои упования на того же самого бога, не будет горечи раздражения ради того, чтобы они после не перестали бояться бога, который ведь стоит над вами обоими, ибо он не взирает на личность, а избирает тех, кого приготовил дух (святой)». В свою очередь наставник обращается к подчиненным: «11. Вы же, рабы, повинуйтесь господам своим (τοῖς κυρίοις), как подобию бога (ὡς τῷ θεῷ), в почтительном страхе». Здесь у автора как бы нехватает слов, чтобы выразить воодушевляющую его мысль: он применяет одно и то же слово φόβος в двух разных смыслах; он хочет сказать, что страх перед богом должен быть только выражением благоговейной почтительности, а не ужаса; на небе нет грозного властителя, и старшие в семье должны быть подобием благого бога.

В заключение моральных правил автор говорит: «IV, 12. Ты должен ненавидеть лицемерие и все, что не угодно господу. 13. Ни в чем ты не должен забывать о предписаниях (ἐντολάς) божьих; ты должен их соблюдать, ничего не прибавляя и ничего не опуская. 14. В собрании церкви (ἐν ἐκκλησίᾳ) ты должен исповедываться в грехах своих и к молитве не должен приступать с нечистой совестью».

Затем автор предостерегает в отношении пути смерти. «V, 1. Прежде всего этот путь порочен и исполнен проклятия». Следует перечисление преступлений и пороков: «убийство, прелюбодеяние, вожделение, воровство, идолослужение, волшебство (μαγείαι), отравление (φαρμακία), грабительство, лжесвидетельство, притворство, двоедушие, хитрость, высокомерие, подлость, гордость, корыстолюбие, сквернословие, зависть, дерзость, хвастовство». По сравнению со старыми моисеевыми заповедями мы находим в моральных предписаниях «Дидахе» известного рода новизну: выделена и отмечена своеобразная группа проступков, которых должны по преимуществу избегать верующие: это—гордость, превознесение себя, самоуверенность; этот порок с большой настойчивостью обозначен в списке тремя терминами—ὕπερηφανία, αὐθάδεια, ὕψος. Соответственно этому выдвигается и новая добродетель, которою должны отличаться истинно верующие среди окружающего их мира тьмы и моральной испорченности; в их общественном поведении на первом месте должно стоять с м и р е н и е.

Далее (V, 2) следует перечисление категорий порочных людей, идущих путем смерти. Здесь обращает на себя внимание прежде всего общая манера автора в характеристике порочности. Дурные люди суть те, которые преследуют добрых, ненавидят истину, любят лживость, не понимая цены правды, которых не влечет к себе добро, у которых на уме только зло, суетность, мстительность. В этом списке опять можно отметить социалистический мотив: автор относит к числу порочных людей тех, кто не жалеет бедных, не работает на пользу обремененных трудом; он осуждает адвокатов, защищающих богачей (πλουσίων παράκλητοι), судей несправедливых в отношении к бедным.

У составителя «Дидахе» вовсе нет нетерпимости. Описав оба пути—путь добродетели и путь порока, он заканчивает свою моральную проповедь такими словами: «Если ты можешь нести на себе всю тяжесть ига господня (ὅλον τὸν ζυγὸν τοῦ κυρίου), ты будешь совершенен; если же не можешь, исполняй то, что ты в состоянии сделать» (VI, 2).

В изложенных только что главах «Дидахе», составляющих около одной трети катехизиса, нет ни одного догматологического термина. Имени Иисуса Христа в этой части вовсе нет. В отделе морали автор строго монотеистичен на ветхозаветный иудейский лад: он говорит только о господе боге (*x̄rioc̄ θεός*), о его воле и предписаниях. Лишь во втором отделе «Дидахе», посвященном обрядам и молитвам (VI, 3—X, 6), встречаемся мы с зачатками христологии, впрочем, весьма слабыми и неопределенными. В той же части катехизиса обрисовывается отношение христианской секты к иудейству.

Первое предписание (VI, 3) касается пищи, допущенной для верующих. Здесь мы встречаем только одно ограничение: следует воздерживаться от идоложертвенного мяса, потому что «оно служит почитанию мертвых богов (*λατρεία γάρ ἐστὶ θεῶν νεκρῶν*)». Этот запрет дает понятие о той обстановке, среди которой живет секта: она окружена язычеством. В самом предписании нет, впрочем, ничего нового сравнительно с теми религиозными ограничениями, которые были обязательны для иудеев, поселявшихся среди язычников; ничем не выделяясь от иудейства, секта повторяет одно из прежних условий соблюдения религиозной чистоты. Далее устанавливаются правила для новых обрядов, в иудейском мире до тех пор не применявшихся, — крещения и евхаристии — и новых постных и праздничных дней, определенно отступающих от иудейских обычаев. Здесь все термины, все частности представляют для нас глубокий интерес и значение. Прежде всего мы встречаем здесь молитву господню, столь известную по начальным словам «Отче наш» (VIII, 2). Гарнак в своем комментарии отмечает, что автор «Дидахе» близко держался текста евангелий Матфея и Луки с небольшими только вариантами. Для нас, раз мы переставили порядок следования «Дидахе» и евангелий, дело обстоит как раз наоборот: или текст «Дидахе» послужил источником евангельской передачи молитвы, или, если допустить, что сама «Дидахе» воспроизводит еще более раннюю версию, то во всяком случае ее текст представляет наиболее старинную из дошедших до нас форм молитвы господней.

Молитва господня, правда, строго монотеистична, но в ней есть характерная для сектантства новизна, выраженная в самом обращении к богу как «отцу нашему». Эту перемену сравнительно со старинным иудейством глубоко сознавали сектанты, и автор катехизиса отметил отличие от традиционного обращения к богу, как грозному властелину, в таких словах: «молитесь не так, как лицемеры, но так, как повелел господь в своем евангелии» (здесь термин евангелие нельзя понимать в его позднейшем смысле священной книги, а в первоначальном — «благой вести», «высшей воли»). Выражение «лицемеры» встречается в «Дидахе» еще один раз по поводу определения постных дней (VIII, 1): «да не будут у вас посты в те дни, что у лицемеров, т. е. на второй и на третий день после субботы, а вы поститесь на четвертый день и в канун (т. е. по средам и пятницам)». Отмежевываясь от традиционных обычаев в двух названных случаях, сектанты не хотят заявлять себя новаторами: нет, их обращение к богу, их смирение перед богом правильно; напротив, те формы, которые ими отвергаются, они приписывают ложному благочестию — «лицемерию». Таким образом в «Дидахе» открытой вражды к иудейству нет, в этом отношении «Учение 12 апостолов» сильно отличается от посланий и евангелий. В целом сектанты еще вполне примыкают к иудейским традициям, что видно из следующего места молитвы, которая читается в заключение общей евхаристии: «да близится благодать, да преидет мир сей. Осанна богу Давидову; кто достиг святости, иди вперед; кто не достиг, пусть ищет раскаяния».

Какова христология «Дидахе»? При описании обряда крещения, который является актом вступления в среду истинно верующих, сказано так: «окунайте в текущую воду, холодную или теплую; если нет ни той, ни дру-

гой, выливайте на голову воду трижды, во имя отца и сына и св. духа» (VII, 1—3). Имени Иисуса Христа в связи с крещением нет; оно появляется лишь в молитве, произносимой при совершении евхаристии (IX, 1—4): «при совершении евхаристии благодарите (εὐχαριστήσατε) так: 1) при вкушении чаши—мы благодарим тебя, отец наш, за святую лозу раба твоего (παῖδός σου), которой ты причастил нас через Иисуса, раба твоего; тебе слава вовеки; 2) при преломлении хлеба—мы благодарим тебя, отец наш, за дарование нам жизни и знания, которым ты нас причастил через Иисуса, раба твоего; тебе слава вовеки»; «как эти обрывки хлеба, рассеянные по холмам, будучи собраны вместе, составляют одно целое, так да соединится воедино церковь (ἡ ἐκκλησία) со всех концов земли, чтобы войти в царство твое, ибо тебе слава и сила через Иисуса Христа вовеки». «После принятия евхаристии благодарите так: воздаем тебе благодарность, святой отец, за святое имя твое, которое не замерло в сердцах наших, и за познание и за веру и бессмертие (ἀθάνασις), которою ты нас причастил через Иисуса, раба твоего, тебе слава вовеки».

Вот и все, что мы узнаем из «Дидахе» об Иисусе Христе. Каково его участие в строении церкви, в направлении людей к святой жизни, каково его отношение к богу? Слова молитвы, что через него люди познали бога, что «через него открылась слава божия»,—звучат глухо и неопределенно; во всяком случае его не мыслят как учителя, как заступника за людей. О его страданиях, смерти нет ни звука; чаша евхаристии приводится в связь не с пролитием жертвенной крови, как это будут делать впоследствии, а с «виноградной лозой Давида» (Гарнак отказывается понять этот символ и найти к нему какую-либо параллель). Особенно поразительно то, что Иисус Христос назван в молитве рабом Божиим наравне с Давидом. Теологов это обстоятельство не смущает: они уверены, что в словах «во имя отца и сына и святого духа» под обозначением «сына» разумеется Иисус Христос. По этому поводу надо прежде всего заметить, что подлинность формулы троичности вызывает у исследователя сомнение, не есть ли она—позднейшая вставка в первоначальный текст «Дидахе», которая и гарантировала старинному документу сохранение жизни? Однако даже если принять ее принадлежность первоначальному тексту, все равно не получается желаемой тождественности «сына божия» и Иисуса Христа. Это—два разных лица; если мыслить себе Иисуса, как существо небесное, его ранг несравненно ниже, чем сына божия.

О том, чтобы автор «Дидахе» допускал нисхождение на землю и воплощение сына божия, не может быть и речи. Насколько чуждо ему такое представление, можно видеть из тех догматологических терминов, которые он вводит в изображение конца мира (XVI, 4—7): «когда будет расти беззаконие, люди начнут ненавидеть друг друга, преследовать и предавать один другого; тогда появится всемирный обманщик (κοσμοπλάτης—слово, встречающееся единственно только здесь, в «Дидахе»); он выступит, как сын божий, и будет творить знамения и чудеса, и земля предана будет в его руки, и будет он творить беззакония такие, каких не было от века. Тогда-то для рода человеческого наступит испытание огненное (πύρωσις); и многие опозорятся (σκανδαλισθήσονται) и погибнут; те же, кто останется твердым в своей вере, спасутся от этого проклятия. Тогда появятся знамения: истины первое знамение—разверстое небо, второе—громогласная труба и третье—воскресение мертвых (ἀνάστασις νεκρῶν)». «Не всех, однако,—прибавляет автор «Дидахе»,—но, как сказано, придет господь и все святые с ним; тогда мир увидит господя, грядущего над облаками небесными». В этой картине опять выдержан строгий монотеизм; нет сына божия, как действующего лица, есть только мнимый сын божий, обманная роль, в которой выступает великий демон-искуситель.

В третьей и последней части «Дидахе» (X, 7—XVI) мы находим предписания, касающиеся устройства христианских общин. Главные действующие лица в их среде—странствующие проповедники, апостолы и пророки (ἀπόστολοι, προφῆται). Надо представить себе, что сектанты образуют рассеянные среди язычников колонии; единственной связью между ними служат переходящие с места на место вдохновенные вестники евангелия господня. Их авторитет стоит необычайно высоко; их должно принимать, как самого господя, единственно при условии, если они пророчествуют и проповедают так, как указано в «Учении 12 апостолов». Однако верующие не могут судить о внутренней ценности пророчеств, которые автор «Дидахе» называет μυστήριον κορυμνὸν ἐκκλησίας. Здесь суд принадлежит только богу: «так было и со старыми пророками». «Когда пророк говорит в экстазе (ἐν πνεύματι), не должно подвергать его испытанию; всякий грех может быть прощен, но этот грех не простится» (XI, 7). У паствы, однако, есть другой критерий внешнего характера: это—возможность наблюдать за поведением странствующих учителей, за их образом жизни, который должен согласоваться с волей господней (τὸ πνεῦμα τοῦ κυρίου). «Если пророк, будучи в экстазе, заказывает трапезу (для бедных) и не участвует в ней, он пророк истинный; если же он принимается за еду, он—лжепророк» (XI, 9). «Точно так же, если он попросит, находясь в экстазе, денег или чего-нибудь другого, не слушайте его; но если он попросит того же для других нуждающихся, пусть никто его не судит» (XI, 12).

Между апостолами и пророками есть известное различие. Апостолы—чисто странствующий элемент, апостол может оставаться на месте один день, если нужно—и два; если бы он захотел остаться на третий день, в нем надо признать лжепророка (XI, 5). Пророки могут останавливаться на более продолжительное время и даже могут стать постоянными руководителями общины. «Если появившийся у вас пророк остановился лишь в пути, помогите ему, сколько можете; он не останется у вас дольше двух, трех дней, если ему нужно» (XII, 3). Необходимым условием для поселения пророка на постоянное жительство в общине является трудовая повинность. В параграфах, сюда относящихся, мы встречаем ряд своеобразных выражений, которых потом не найти в канонических посланиях и евангелиях. «Если пророк хочет у вас поселиться в качестве рабочего мастера (τεχνίτης), пусть работает и ест (XII, 3). Если он не знает никакого ремесла, подумайте в уме своем (κατὰ τὴν σύνεσιν ὑμῶν), может ли в вашей среде жить христианин (χριστιανός) в праздности. Если он не хочет подчиниться такому условию, он—христопродавец (χριστέμπορος); отстраняйтесь от таких людей» (4). «Всякий же истинный пророк, который желает у вас поселиться, достоин того, чтобы получать у вас пропитание» (XIII, 1). Из последних слов видно, что учитель, проповедующий истину, приравнен работнику, добывающему себе трудом своим пропитание (ὥσπερ ἐργάτης τῆς τροφῆς αὐτοῦ, XIII, 2). «Для содержания пророков следует отдавать зачатки от сбора хлеба и шерсти, первенцев от быков и овец, ибо они—ваши верховные священники (ἀρχιερεῖς, 3)». «От серебра, одежды и остального имущества отдавай известную часть, сколько найдешь нужным, отдавай согласно заповеди» (5, 6, 7). «Если у вас нет пророка, отдавайте обозначенную долю бедным» (4).

В отделе, где определяется положение в общине апостолов и пророков, отнесено предписание о том, как должно проводить день господний (κυριακὴ κυρίου). «В общем собрании преломляйте хлеб и благодарите после того, как исповедуетесь в грехах, для того чтобы чиста была жертва ваша. Тот, кто состоит во вражде с собратом своим, пусть не приходит в собрание, пока не помирится, для того чтобы не осквернялась жертва ваша. Ибо господь сказал: жертву приносите мне во всяком месте и во всякое время

чистую, я—царь великий,—так сказал господь,—имя мое поражает как чудо (θαυμάσιον) язычников» (XIV, 1—3).

Лишь после того как даны указания относительно почитания апостолов и пророков, переходит автор катехизиса к епископам и диаконам, явно стоящим на втором месте в жизни общин. Это должности местные, и заполняются они посредством выборов. «Выбирайте (χειροτονήσατε) епископов и диаконов, достойных господа, людей кротких и бескорыстных, правдивых и выдержавших испытание. Они вам служат (λειτουργοῦσι) и заботятся о пророках и учителях. Не презирайте их; должно их чтить вместе с пророками и учителями» (XV, 1—2).

Заключительная глава (XVI) говорит о достойном приготовлении верующих к последним дням (ἔσχατος καιρὸς, ἔσχαται ἡμέραι). «Бодрствуйте над жизнью своей; пусть не гаснут (μὴ σβεσθῇτωσαν) светильники ваши, пусть не ослабевают колени ваши, будьте готовы, ибо вы не знаете часа, когда придет господь» (1). Ответственность возрастает по мере приближения конца: «нет вам пользы от всего времени вашей веры, если к последнему сроку вы не достигнете совершенства» (2). Возрастают опасности и страхи: «в последние дни размножаются лжепророки и развратники; овцы обратятся в волков, любовь превратится в ненависть» (3). Последние параграфы XVI главы уже были приведены выше, и я повторю только одно замечательное выражение: «тогда род человеческий (κτίσις τῶν ἀνθρώπων) подвергнется огненному испытанию (πύρωσις τῆς δοκιμασίας), и опозорятся многие и погибнут» (4).

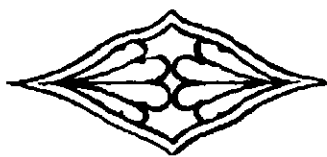
Таково содержание оригинальной книжечки, которая в нынешней печати занимает не более 16 страниц, но в своих классических сжатых параграфах включает так много содержания. Прежде всего необходимо задать себе вопрос о том, где и когда могла существовать секта с таким ритуалом, таким общинным устройством и верованиями, занимающими какую-то середину между иудейством и христианством? Трудно представить себе, чтобы подобного рода общины могли находиться на палестинской почве; в «Дидахе» ничего не говорится о иерусалимском храме, для автора он как бы не существует. С другой стороны, у сектантов остаются в силе иудейские традиции, сохранена суббота, сбор зачатков и первенцев для содержания духовных вождей, строгое единобожие, причем бог назван господом Давида, авторитет новых пророков подкрепляется ссылкой на пример старых иудейских пророков. Но в то же время секта сознательно отделяет себя от иудейства новыми обрядами и праздниками; сектанты не хотят поститься в те дни, когда постятся «лицемеры»; они считают заповеди, данные в свое время на Синае, недостаточными, расширяют и углубляют кодекс морали, вводят практику взаимной исповеди, для совершения которой устанавливается новый праздник—«день господний». Такая реформационная секта могла существовать лишь вдали от Иерусалима, среди иудейства диаспоры. Исследователи по большей части сходятся на том, что «Дидахе» возникла в Египте (иные относят ее к Сирии).

Как определить время возникновения и распространения «Дидахе»? Во всяком случае корней этого произведения следует искать во времена, предшествующие 66 г.—моменту иудейского восстания. С этой эпохи начиная, все направления, все секты, примыкавшие к иудейству, сохранившие связь с ним, не могли не всколыхнуться, не могли остаться равнодушными, не выразить либо сочувствия, либо осуждения восставшим. Между тем обстановка, которая окружает «Дидахе», дышит спокойствием, в этом произведении нет драматических моментов, нет готовности к жертвам, трагического пафоса; сектантские общины отдаются самоуглублению, моральному совершенствованию, слушают мистические пророчества, заботятся о распространении своей веры через посредство вдохновенных

проповедников; не видно, чтобы их пропаганде ставили какие-либо препятствия, чтобы секта подвергалась какому-либо преследованию.

Если для меня совершенно ясно, что «Дидахе» несравненно старше новозаветных книг и гораздо более, чем евангелия и послания, заслуживает название документа первоначального или самого раннего христианства, то я в то же время уверен, что встречу возражения многих, кто занимается вопросом о происхождении христианства. Пока наш спор о хронологическом порядке произведений христианской литературы не будет разрешен в пользу одной из двух сторон, нельзя приступать к социальной истории христианства. Поэтому я в данном исследовании воздержусь от обстоятельной социальной характеристики общин, принимавших «Дидахе» за руководство своей веры и жизни, и ограничусь лишь немногими замечаниями. Перед нами отчетливо выступает та социальная среда, которая держится морали и обрядов, описанных в «Дидахе»: это—организованные группы ремесленников (*τεχνῖται*), по римской терминологии—*collegia tenuiorum*, плебеи, небогатые обыватели деревень и городских предместий, живущие исключительно личным заработком; если у них в хозяйстве имеются рабы, это не избавляет их от необходимости упорного труда для поддержания своей жизни; в их простом быту рабы—скорее домочадцы, отношение к ним более мягкое, чем в больших господских домах. Трудовая повинность здесь подчеркнута как одна из основ общинной жизни; звание учителя и проповедника не избавляет от необходимости знания и практикования того или другого ремесла; только переходящих апостолов, которые представляют высший разряд вестников слова божия, кормят на общественный счет. Если и нельзя предполагать в общинах коллективной организации труда и разделения прибылей, то во всяком случае есть общинный бюджет, состоявшийся из взносов всех членов, есть выдачи на управление, на помощь бедным. В экономике общин сильно сказывается принцип товарищеского общения (*κοινωνία*), причем это тесное общение своеобразно мотивировано: «если вы сотоварищи в области вечного, то насколько же более вы должны быть таковыми в делах человеческих».

По сравнению с «Дидахе», в новозаветных сочинениях, отражающих понятия классов, более высоко стоящих в социальной иерархии, демократические ноты ослаблены. Только что приведенная принципиальная формула там не повторяется. Принцип трудовой повинности, так детально и с такой скрупулезностью разработанный в «Дидахе», в Новом завете не поставлен на видное место. Правда, широкой известностью до сих пор пользуется текст, находящийся во 2-м «Послании к фессалоникийцам» (III, 10),—«кто не хочет трудиться, тот да не ест», но нельзя не заметить, что в данном месте заповедь не вяжется с контекстом и производит слабое впечатление.





ОККУПАЦИЯ ТАВРИКИ РИМОМ В I в. н. э.¹

Проф. В. Н. Дьяков

В надписи Тиб. Плавтия Сильвана после перечисления его военных и дипломатических успехов есть одно особенно ценное для нас сообщение: «также Скифского царя он принудил снять осаду и удалиться от Херсонеса, расположенного за Борисфеном»². В этом кратком выражении в действительности кроется очень большой исторический факт — распространение римского протектората на всю цепь греческих колоний северо-западного побережья Понта и Крыма вплоть до владений Боспора.

Подчинение всего северного Причерноморья являлось уже давно одной из целей римской политики на северо-восточной окраине Римской державы. Овладение северным побережьем Понта, прежде всего, делало римлян полными хозяевами морского пути на восток — на Кавказ, приобретающий для Рима, по мере того как разворачивалась его борьба с Парфией, все большее стратегическое значение в качестве флангового плацдарма, и к устьям Днепра и Дона, откуда уже во времена Геродота ездили к «Рипейским горам» (Уралу), и в Западную Сибирь (Алтай), «где грифы сторожат золото»³. Кроме того, господство Рима над этим побережьем отрезывало весь варварский мир Восточной Европы от выхода к морю и ставило его в полную зависимость от Римской державы.

Поэтому уже первые легаты Мезии большое внимание в своей административной деятельности обращали на отношения к грекам-колонистам северо-западного побережья Понта и *orae Thraciae*, о чем свидетельствуют письма Туллия Гемина и Флавия Сабина к «архонтам, совету и народу» (ἄρχουσιν, βουλῇ, δήμῳ) Истрии⁴ с подтверждением старинных привилегий этого города (τὰ τῶν προγόνων ὑμῶν ὅρια, *secundum veterem legem*). Упоминается в этих письмах и посещение наместниками Мезии прибрежных городов: так, Туллий Гемин пишет, что послы Истрии пришли к нему «в бытность его в городе Томы». Флавий Сабин становится своего рода патроном Истрии, и даже после сложения им полномочий легата Мезии к нему отправляются почетные посольства с дарами и прошениями⁵. Таким

¹ См. ВДИ, 1940, № 3—4 (12—13).

² CIL 3608 = Dessau 986: *Scytharum quoque regem (=rege) a Chersonensi, que est ultra Borustenem obsidione summoto.*

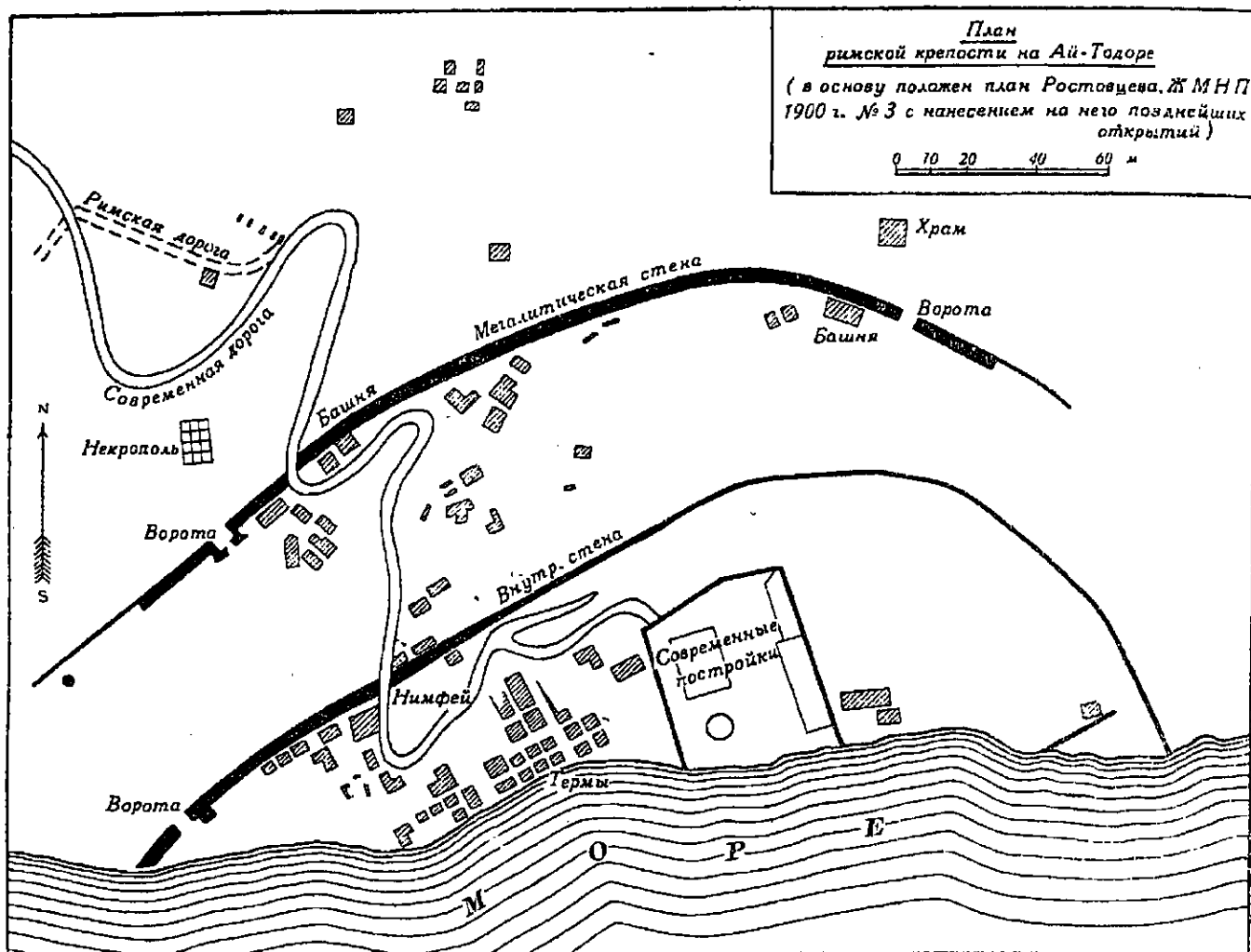
³ Herod., IV, 21—27. См. Daremberg-Saglio, Dictionnaire, статья «Via» (Besnier и Chapot); M. P. Charlesworth, *Trade Routes and Commerce of the Roman Empire*. Cambridge, 1924, стр. 104—107.

⁴ SEG [Hondius], I, Fasc. 2, 1924, № 329.

⁵ Ibidem.

образом, уже к 56-му году, времени оставления должности легата Мезии Флавием Сабинном, вся *oга maritima Thraciae* была полностью освоена Римом.

Сделать это римлянам было тем более легко, что все греческие города Причерноморья находились в это время в полном упадке, в особенности после ужасного погрома со стороны гетов в половине I в. до н. э. Яркое описание этого упадка в период правления Домициана дает Дион Хризостом в своей «Борисфенитской речи» (XXXVI): «Город борисфенитов



(Ольвия) по своей величине не соответствует своей прежней славе вследствие неоднократных разорений и войн... Последнее и самое сильное разорение было не более как за 150 лет: геты взяли его и остальные города по левому берегу Понта вплоть до Аполлонии. Вследствие этого дела тамошних эллинов пришли в крайний упадок: одни города совсем не были восстановлены, другие—в плохом виде, и при этом нахлынула в них масса варваров». Несомненно, ко всем городам северо-западного берега Понта и фракийского побережья может быть отнесено описанное Дионом жалкое состояние, в каком находилась Ольвия в послегетский период: «О бывшем разорении свидетельствуют плохой вид построек и тесное расположение города на небольшом пространстве: он пристроен лишь к небольшой части прежней городской черты, где остается еще несколько башен, не соответствующих ни величине, ни силе нынешнего города; находящееся между ними пространство тесно застроено домишками, почти без промежутков, и обнесено очень низенькою и непрочною стенкою. Некоторые башни стоят так далеко от заселенной ныне местности, что нельзя даже представить себе, чтобы они принадлежали одному городу. Все это служит явным признаком его разорения и затем еще то, что в храмах не осталось ни одной

целой статуи, но все они изуродованы, равно как и бывшие на надгробных памятниках»¹.

Такую же картину упадка города Тома дает и Овидий в своих «Tristia». Это же подтверждают и археологические раскопки Фармаковского, Семенова-Зусера и др. в Ольвии², Pârvan'a в Истрии³, Th. Sauciuc-Sâveanu в Callatis⁴ и др. Письма легатов Мезии к жителям Истрии показывают, что последних больше всего интересует вопрос не о торговых, а о лесных и рыболовных привилегиях, — свидетельство невысокой степени хозяйства. В Ольвии в I в. чеканилась и ходила монета с именами и портретами скифских царей, под властью которых Ольвия некоторое время и находилась. Поэтому следует полагать, что эти греческие колонии фракийского побережья Понта и низовьев Днестра и Днепра не только не отстаивали от римлян своей независимости, а, наоборот, сами тянулись под протекторат Рима, видя в нем своего освободителя от власти варварских царей.

Тиб. Плавтий Сильван сразу же по получении поста легата Мезии стал удачно продолжать эту начатую его предшественниками политику, энергично расширяя пределы своей провинции дальше в сторону задунайского побережья Понта. Надписи дают основание думать, что с 57-го года, т. е. первого года легатства Сильвана в Мезии, Тира, владевшая значительной территорией (Бессарабия), доходившей до низовьев Днепра, тоже подпадает под власть Рима⁵. С этого года Тира начинает и свою новую эру. Возможно, что тогда же зависимой от Рима стала и Ольвия, владения которой непосредственно граничили с областью Тиры и лежали тоже по правому берегу Днепра. Таким образом, римский протекторат над западным побережьем Понта уже с самого начала наместничества Тиб. Плавтия Сильвана и именно благодаря его деятельности протянулся к северо-востоку до самого Днепровского лимана.

Естественно, что римскую администрацию Мезии могли заинтересовать теперь и аналогичные события, происходившие «по ту сторону Днепра», где находились владения последнего независимого от римлян города северного Причерноморья — Херсонеса, и она искала лишь предлога, чтобы и его поставить в положение, подобное положению Ольвии и Тиры.

Херсонес в половине I в. н. э. находится также в очень стесненном состоянии. Это стоит в связи с общей политической обстановкой, сложившейся в 40—50 гг. н. э. в Крыму. На Боспоре в 40-х годах происходило большое национальное антиримское движение. Главой его был царь Митридат III (41—45), сын Аспурга и «потомок великого Ахемена», самое воцарение которого, повидимому, произошло помимо желания римского правительства (Cass. Dio, LX, 8). Римская дипломатия пустила в ход свои обычные средства интриг: она стала покровительствовать претензиям на боспорский престол брата Митридата, Котиса, и в 45 г. провозгласила его боспорским царем. Этот ставленник Рима, принявший в угоду римлянам даже имя Тиберия Юлия Котиса и униженно именовавший императора своим «спасителем и благодетелем» (IPE, II, 32), мог воца-

¹ Перевод в сборнике «Античный мир на юге России» под редакцией Бороздина, Тураева и Фармаковского, стр. 45.

² В. В. Фармаковский, Отчеты о раскопках Ольвии в ИАК; VIII, XIII, XXIII и ОАК, 1896, 1901—1915; Е го же, Раскопування Ольбії, Одесса, 1929; Л. М. Славин, Ольвия, Видання Інституту Академії наук УРСР, Київ, 1938; С. А. Семенов-Зусер, Раскопки в Ольвии в 1920—21 г., ИГАИМК, X, вып. 5, 1931.

³ V. Pârvan, Histria в «Ann. de l'Acad. Roumaine», Sect. hist., II série, t. XXXVIII, 1916, стр. 533—732 и III série, t. II, 1923; S. Lamberino, Histria romaine à la lumière des fouilles в REL, IX, 1931, стр. 77—83.

⁴ Th. Sauciuc-Sâveanu, Callatis в «Dacia», I, 1924, стр. 108 сл., II, 1925, стр. 104 сл.

⁵ CIL, III, стр. 782 и стр. 1009; I3751 a, b; 14214⁹⁴; 14215 3—4.

риться на Боспоре только насильно, с помощью большого отряда римских войск, которым командовал «dux Romanorum» Дидий Галл (Тас., Анн., XII, 15). Тацит подробно рассказывает, как после ухода главных римских сил Митридат пытался свергнуть брата и вновь захватить власть, подступая к самому Пантикапею «с варварскими племенами и перебежчиками», и как войскам Котиса вместе с несколькими когортами римского войска под начальством римского всадника Юлия Аквилы, оставленными на Боспоре Дидием Галлом в виде гарнизона, наконец, после больших усилий удалось отогнать сторонников Митридата к устью Танаиса. Здесь он был окончательно разбит, выдан Риму и по доставке в Рим (49 г.) выставлен как мятежник на форуме напоказ народу (Тас., Анн., XII, 15—20).

Это длительное междоусобие на Боспоре, когда претенденты поднимали за свое дело даже «варварские племена», несомненно повело к значительному усилению в Крыму скифских и таврских элементов. Они держали себя смирно при отце Митридата III и Котиса, царе Аспурге (8—38 гг. н. э.): одна надпись его говорит, что он «властвовал над многими соседними народами и покорил скифов и тавров» (IPE, II, 36). Но теперь положение изменилось. Так, Тацит (Анн., XII, 17) в заключение своего рассказа повествует о катастрофе, которая постигла римские войска при возвращении из похода к Танаису на свои обычные базы. «При возвращении счастье нам изменило: некоторые из судов (войска возвращались морем) были отнесены к берегам тавров и захвачены варварами, причем были убиты начальник когорты и большинство людей вспомогательного отряда». Одновременно с оживлением этой пиратской и разбойничьей деятельности горцев-тавров боспорская смута конца 40-х годов, конечно, вызвала, как это обычно бывало и раньше в подобных случаях, и более активные выступления скифов из степной части Крымского полуострова: скифы усилили нажим и на Боспор и на все побережье Крымского полуострова, пробиться к которому они неуклонно стремились со времени Скилура и Паллака (конец II в. до н. э.). От всего этого особенно должен был страдать изолированный от других греческих городов Херсонес, которому Боспор, занятый собственными неурядицами и опасностями, не мог теперь оказать никакой помощи.

Это опасное положение Херсонеса в половине I в. и выражено в кратком сообщении эпитафии Тиб. Плавтия Сильвана о том, что скифский царь приступил уже к прямой осаде Херсонеса. Несколько херсонесских надписей, хотя и сильно попорченных, но, как все же можно установить, относящихся по форме букв и по содержанию к этому же времени¹ и этим же событиям, позволяют нам несколько подробнее осветить эти обстоятельства. Одна надпись говорит о каком-то βασιλεύς—повидимому, скифском царе: к нему можно отнести слова надписи, что «налетев со множеством войска... скифов, сарматов и союзников... испепелил огнем всю страну»². Под «союзниками», так как сарматы упоминаются отдельно, здесь, несомненно, следует понимать тавров. Таким образом, складывалась та же опасная комбинация враждебных грекам элементов, как во времена Диофанта, их общий блок и совместный поход против греков-колонистов и, в особенности, Херсонеса, который уже не мог защищать своей территории и сам находился под угрозой захвата.

Вторая надпись³, близкая по времени к первой, рисует особенно по-

¹ М. Ростовцев, К истории Херсонеса в эпоху ранней Римской империи. Сборник в честь Уваровой, стр. 15.

² IPE, I², № 369: ἐπιπετών πλοῦν στρατὸν... Σκυθῶν καὶ Σαυροματῶν καὶ συμμάχων ἀποίησεν ὡφραν πυρίφλεχτον (так читает и дополняет М. Ростовцев).

³ IPE, I², № 355; Ростовцев, стр. 15; Латышев (IPE, I², стр. 313), следуя Gagnat, склонен относить эту надпись ко времени Тиберия, так как рядом с императо-

дробно ту же ситуацию, делая в то же время намеки и на какую-то внутреннюю смуту в Херсонесе. Здесь враг именуется «тираном», потому что он стремится уничтожить исконную автономию и суверенитет Херсонеса (τὸν τύραννον Χερσοναίταις ἐλευθερίαν). Его поддерживает херсонесская «чернь» (ὄχλος). Одно время этот «тиран» даже захватил город, и Херсонес страдал под его властью, но городу удалось освободиться от нее без кровопролития. Затем «тиран», опираясь на сторонников переворота (οἱ νεωτερίζοντες), вторично подходил к городу (подобно Митридату III, тоже, вероятно, с «варварскими племенами и перебежчиками») и забирал в плен херсонесских граждан. Херсонес находился в условиях постоянной угрозы вражеского нападения, движения низов и голодовки—очевидно, связанной с опустошением его территории.

Но самое интересное для нас в этой второй надписи—изображение оборонительных мероприятий Херсонеса и поисков внешней помощи. Городские власти и состоятельные граждане озабочены укреплением города и чествуют лицо, которому посвящена надпись,—какого-то своего заслуженного гражданина—за то, что «выбранный эпимелетом городских доходов, он прежде всего заботился об укреплении города и области, строил стены». Особенно же отмечается та его заслуга, что уполномоченный гражданами Херсонеса передать их прошение на благоусмотрение «великого императора и сената... (о помощи) от народа римского и совершив путь в Рим на собственные издержки, снова обрел для херсонесцев исконную свободу». Последнее сообщение надписи определенно свидетельствует о том, что Херсонес сам призывал Рим вмешаться в дела Таврики, ждал римской оккупации, как избавления от скифской опасности, а также и от движения низов населения, и готов был всячески приветствовать вмешательство римлян, несмотря на все свое стремление к «исконной свободе». Подобные же призывы о вмешательстве и помощи направлялись одновременно правящими херсонесскими слоями не только в Рим, но и непосредственно легату Мезии, повидимому Тиб. Плавтию Сильвану. Именно так понимает Латышев свидетельство еще одной херсонесской надписи об участии другого видного херсонесца в «посольстве к наместнику Мезии», относя показания этой надписи к этому же времени и этим же событиям¹.

Все это и являлось для Сильвана подходящим предлогом вмешаться в дела Херсонеса и распространить пределы своей провинции «за Борисфен», ликвидировав тем последний независимый от Рима отрезок на северном побережье Понта, нарушавший полное господство римлян на северо-восточном морском пути.

И вот, в херсонесской надписи IPE I¹, № 369, мы находим прославление херсонесскими властями появившегося, наконец, давножданного избавителя. Поскольку можно понять из крайне фрагментарного текста надписи (сохранилась только средняя ее часть), этот избавитель от опасности, грозившей со стороны скифского царя, опустошавшего всю страну, уже не был херсонесским гражданином, как лицо, чествуемое в надписи № 355. Он извне прибыл на херсонесскую территорию на двенадцатый день, переправился в город и всю страну принял под свою охрану².

Здесь следует обратить особое внимание на слово «переправился» (ὑπερβαίμεν), означающее переправу на кораблях в Херсонес через Севастопольский рейд, т. е., по местоположению Херсонеса, с севера. Нужно

ром упоминается и сенат. Однако на том же основании можно датировать ее и первыми годами правления Нерона, к которым она значительно больше подходит по своему содержанию.

¹ IPE, I¹, № 420: προσβέυσαντι ποτὶ τὸν τὰς Μυσίας ἀγεμόνα. Также *ibid.*, стр. 386.

² παρεγένετο ταῖς δωδεκάταις ἡμέραις... ὑπερβαίμεν εἰς τὴν πόλιν... τὰς χώρας ἀπαντας... ἐφύλαξεν ἀμβάλων.

полагать, что именно с этой стороны, с севера же, т. е. с устья Днепра, из Ольвии прибыла морским путем эта желанная помощь. Пришедшие на выручку Херсонеса иноземные—точнее, римские—военные силы (ни о каких других в это время не могло быть и речи) некоторое время занимали выжидательную позицию на северной стороне Севастопольского залива, в районе теперешних Константиновской и Михайловской батарей или Братского кладбища, видимо, ведя переговоры с осаждавшим Херсонес врагом, затем без боя (о нем в надписи не упоминается), ввиду отступления осаждающих, заняли город и приступили к возведению защитных сооружений по границам «всей страны». Все эти выражения херсонесской надписи вполне подходят к обстановке 50-х годов и притом сходятся со словами эпитафии Тиб. Плавтия Сильвана, что он заставил скифского царя с н я т ь осаду Херсонеса—видимо, без боя, а скорее путем военно-дипломатического вмешательства¹; можно поэтому думать, что и сама эта надпись является почетным декретом Сильвану со стороны херсонесцев, подобным тому, который за 150 лет до этого был составлен в честь Диофанта.

Таким образом, из соединения этих эпиграфических материалов вырисовывается довольно четкая картина херсонесского похода Плавтия Сильвана. Он, несомненно, носил характер комбинированной военно-морской экспедиции, базой которой являлись Ольвия или Тира, откуда легко было морским путем переправить к Херсонесу значительный отряд войска на «двенадцатый день», считая с начала осады. Эскадра военных судов состояла из кораблей равеннского флота, командированных в распоряжение легата Мезии, так как своего военного флота в это время Мезия еще не имела (он появился лишь в эпоху Веспасиана, почему и носил название Flavia); даже в более позднее время в Херсонесе стояли римские военные корабли из Равенны, как о том свидетельствуют херсонесские надписи (IRE, 1^a, № 417). Штемпеля кирпичей древнейших римских построек в Таврике (времени Нерона) тоже носят клеймо «vexillatio classis Raven-natis», т. е. отряда особого назначения равеннского флота (Ай-Тодор). К военным римским кораблям в качестве транспортов были, несомненно, как во времена Диофанта и Дидия Галла, присоединены суда греческих городов побережья—Тиры и Ольвии. Из сухопутных войск Мезии в походе, повидимому, участвовал leg. VIII Augusta. Так, Domaszewski первый обратил внимание на то, что с 60-х годов этот легион носил особо почетное название «bis Augusta»², и связывает это особое отличие с удачным восточным его походом в причерноморские степи и под далекий Херсонес против скифов, и тогда еще внушавших ужас своей непобедимостью. Военными операциями, надо полагать, руководил сам легат Мезии, иначе он не упоминал бы об этом в своей надписи. По времени же эта крымская экспедиция римлян должна была совпадать с походом Сильвана на Тиру (57 г.) и, видимо, служила его продолжением. Мало того, она являлась, несомненно, и звеном в выполнении широко задуманного и хорошо подготовленного Римом большого военного плана. Ведь одновременно с этим, ранней весной 58 г., начала свой восточный поход и малоазиатская армия Корбулона³: северный ее отряд, в котором принял участие другой из стоявших в Мезии легионов—IV Scythica, переброшенный в Малую Азию, одновременно двигался на восток из Каппадокии

¹ Как «дипломатическую победу» рассматривал этот успех Тиберия Плавтия Сильвана и L. Halkin, «L'antiquité classique», III, 1934, стр. 145.

² CIL, VI, 3004, Dessau, 1002; Domaszewski, «Rhein. Mus.», 47, 1892, стр. 211.

³ W. Schür, Die Orientpolitik des Kaisers Nero. «Klio», Beiheft XV. Leipzig, 1923, стр. 9—10.

вдоль южного побережья Понта, продвигаясь к Армении и Колхиде (Т а с., App., XIII, 7—8, 34—41).

В результате этих комбинированных действий Сильвана и Корбулона к 60-м годам I в. н. э. правительство Нерона имело очень крупный общий успех в своей восточной политике. В 59 г., со взятием Артаксаты и Тигранокерты, вся Армения была в руках римлян. Иберия (Грузия) и племена кавказского побережья (мосхи) стали в союзно-вассальные отношения к Риму (Т а с., App., XIII, 37, XIV, 23—26; Cassius Dio, LXII, 20). В 63 г. Понтийское царство было обращено в римскую провинцию, и в этом же году та же участь (временно) постигла, как полагают, и Боспор¹.

Теперь сомкнулись в сплошное кольцо оба фланга римского наступления на восточные и северные берега Понта—из Сирии и Малой Азии через Понтийское царство, Кавказское побережье на Боспор и с Дуная через припонтийские степи и северо-западные греческие колонии на Херсонес. Понт стал к 63 г. своего рода внутренним римским морем. Это отмечено в известной речи царя Агриппы, приводимой Иосифом Флавием в его «Иудейской войне». Речь эта, как показал Domaszewski, опирается на какой-то очень важный римский официальный документ о дислокации римских войск в 66 г., и данные относительно Фракии, германских провинций и Британии вполне подтверждаются современными эпиграфическими данными². Описав римское военное могущество и перечислив римские военные силы в различных провинциях Римской империи, Агриппа переходит к областям Понта: «что же говорить об эниохах, колхах, о племени тавров, о боспорцах и других живущих вокруг Понта и Меотиды народах. Они раньше и собственного не признавали владыки, теперь же подчиняются трем тысячам легионных солдат, и сорок восемь военных кораблей полностью замирили недоступное до сих пор и неприютное море» (Jos. Fl., Bell. iud., 2, 16, 4).

Конечно, только долю этого общего результата следует относить за счет похода Тиб. Плавтия Сильвана. Как можно видеть из его надписи, ни к эниохам, ни к колхам, ни к боспорцам, о чем упоминает Иосиф Флавий, он не имел никакого отношения. Это было делом малоазиатского командования. Но его поход имел следствием начало длительной, двухсотлетней оккупации и эксплуатации римлянами Херсонеса и его области. С этого времени западное побережье Крыма входит в пределы провинции Мезии. Легаты Мезии становятся прямыми начальниками Херсонеса, и им ставятся в городе статуи с почетными надписями, как это было принято в городах римских провинций. Первая дошедшая до нас надпись относится ко времени правления Веспасиана: «Секста Веттулена Цериалиса, легата и пропретора Веспасиана Кесаря Августа, поставил народ» (IPE, I^a, № 421), вторая—уже из эпохи Домициана: «Секста Октавия Фронтонна, легата и пропретора императора Домициана Кесаря бога Августа Германского, поставил народ» (IPE, I^a, № 422). В самом Херсонесе, в качестве его военного коменданта и командира стоявшего на его территории римского гарнизона, надо думать, уже с этого времени, поселяется военный трибун (IPE, I^a, № 417; надпись относится ко второй половине II в.). Гарнизон—*vexillatio Chersonesitana* (IPE, I^a, № 404, 550), судя по надгробным надписям, состоял из солдат первого италийского легиона (IPE, I^a, № 417, 547, 548), который стоял в Мезии с 69 г.,

¹ С 62—63 г. на боспорских монетах исчезают монограммы царя Котиса I и даты боспорской эры и вместо них появляются портреты и монограммы Нерона или надпись *Νέρωνος Καίσαρος*. Л а т ы ш е в, Почты́а, стр. 111.

² Domaszewski, Die Dislokation des römischen Heeres. «Rhein. Mus.», 47, 1892.

и из вспомогательных отрядов: упоминается, например, первая Киликийская когорта, тоже из армии Мезии (IPE, I², № 554, также 553 и 555; все они—более позднего времени). В гавани Херсонеса стояли римские военные корабли под командой триерархов, подчиненные тоже римскому херсонесскому коменданту—военному трибуну (IPE, I², № 417). Римское военное командование взяло на себя защиту всей области Херсонеса—так надо понимать выражение приведенной выше надписи в честь избавителя от скифско-сарматской опасности τὰς ὑώρας ἅπαντας... ἐφύλαξεν ἀμβλῶν. Это значит, что римские военные посты появились и во второстепенных городах Херсонесской области—в Киркинитиде и Симболон Лимене (Балаклава), на Ктенусе (Инкерман), на укреплениях (τείχοι—стены), расположенных по сухопутной границе Гераклейского полуострова, между Балаклавским заливом и Инкерманом. Некоторые следы этой римской военной оккупации уже вскрыты современным археологическим обследованием Гераклейского полуострова, но следует признать, что пока еще в этом отношении сделано очень мало. Херсонесский музей до сих пор еще мало уделяет внимания изучению этой эпохи, и в музее только недавно (в 1938 г.) появился специальный отдел римских памятников.

Однако римское военное командование не ограничилось оккупацией одной исконной Херсонесской территории, т. е. Гераклейского полуострова и части западного побережья Крыма¹. Оно продолжило и завершило то, что за 150 лет до этого при таких же обстоятельствах начал Диофант,—военную оккупацию независимой до сих пор Таврики, т. е. южного горного побережья Крыма. Об этом свидетельствует в вышеприведенном месте Иосиф Флавий, говоря о подчинении римлянам «племени тавров»; об этом еще более определенно говорят и значительные археологические данные, добытые на горном берегу Крыма, на мысе Ай-Тодор, благодаря систематическим раскопкам с участием М. И. Ростовцева в 1900-х годах² и В. Д. Блаватского в 1930-х годах³, а также благодаря разведкам научных сотрудников Алушкинского историко-бытового и Ялтинского краеведческого музеев (в последнем хранится и большинство материалов, найденных при раскопках; часть их также в Моск. Государственном Историческом музее и Моск. Музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина). Опираясь на эти материалы и привлекая в качестве аналогий другие, значительно лучше освещенные источниками, близкие по времени и сходные по обстановке военные операции римлян—например, походы Цезаря в Британию в 55—54 гг. до н. э., поход Калигулы на хаттов в 41 г. и, в особенности, поход Клавдия в 43 г., закончившийся завоеванием Британии,—можно теперь нарисовать довольно определенную картину начального периода римской оккупации независимой до сих пор Таврики.

Как показывают монеты, найденные при раскопках римской военной стоянки на территории ай-тодорского маяка, в 7 километрах от Ялты, непрерывная серия которых начинается с денариев императора Гальбы (68—69 гг.), начало этой оккупации следует относить уже к концу 60-х годов, т. е. ко времени, весьма близкому от появления римских отрядов

¹ М. А. Наливкин, Северо-западное побережье Крыма в эпоху античной колонизации, в «ПИДО», 1934, № 9—10, стр. 164, указывает, что в районе Евпатории есть городища и находки римской эпохи. П. Н. Шульц в 1933 г. обнаружил ряд городищ римской эпохи, например близ дер. Даран-Баба, Терпанчи, Кульчук и Беляус. Материалы по разведке, доложенные на заседании одной из кафедр ГАИМК, хранятся в архиве ГАИМК; см. стр. 164, прим. 3.

² См. IPE, I², стр. 508—515 и указанную здесь литературу.

³ В. Д. Блаватский, Раскопки Харакса в 1931, 1932 и 1935 гг. ВДИ, 1938, № 2 (3), стр. 321—335.

в Херсонесе¹. Другими словами, очень скоро после занятия пограничных оборонительных пунктов Херсонесской области римские войска перешли в наступление и на незамиренные части территории тавров².

Операция эта, в связи с географическими и стратегическими условиями (гористость Таврики, незащищенность тыла и флангов в случае движения с севера, господство римлян на море и наличие достаточного количества перевозочных средств, которые могли дать греческие приморские города), должна была вначале носить характер морской экспедиции с высадкой крупного десанта в заранее намеченном, удобном и стратегически важном пункте на южном берегу Крыма. Что это было именно так—показывают опять те же штемпеля кирпичей наиболее ранних римских построек на южном берегу со знаками отряда (здесь, вернее, эскадры) особого назначения (*vexillatio*) равеннского флота. Как производились римлянами такие десантные операции—подробно описывают Цезарь (*De bello Gall.*, V, 8—11) и Дион Кассий (LX, 19—20)—последний в связи с высадкой Авла Плавтия, главнокомандующего римским экспедиционным корпусом в Британии в 43 г. н. э. Близ современного Richborough английским археологам удалось открыть и место самой высадки и собрать на нем очень интересный материал³ (см. план на стр. 88).

В Таврике наиболее удобным пунктом для высадки римского десанта в 60 г. н. э., несомненно, являлась ялтинская бухта: ведь на всем протяжении от Херсонеса до Алушты нет такого плоского и удобного для причала античных кораблей берега, допускающего выволакивание их на сушу, как то принято было в античные времена. Единственным соперником ей могла бы быть еще бухта Бати-Лимана, но она расположена слишком близко от Херсонеса, на самом крайнем западном конце Таврики, и удар сюда не мог дать большого военного эффекта. Высадка римлян в 60-х годах н. э. именно здесь является наиболее вероятной как вследствие центрального положения ялтинского побережья в Таврике, так и благодаря удобству развертывания высадившихся отрядов в широкой ялтинской долине, с ориентацией и на север—в сторону проходов (богазов) на Яйлу—и на запад и восток—против главных городищ, убежищ (*oppida*) тавров, на Ай-Тодор, и Кошку в одну сторону, Аю-Даг и Кастель—в другую. Делом чести ялтинских научных работников—археологов и краеведов—будет не отстать от своих английских коллег и путем усердных поисков найти материалы, которые бы подтверждали или, наоборот, опровергали эти предварительные предположения.

Можно полагать, что сама высадка произведена была почти беспрепятственно. Разрозненные родовые союзы тавров не могли на первых порах оказывать серьезное сопротивление римским десантным силам. Также и высадка римлян в Британии в 43 г. н. э., по сообщению Диона Кассия, произошла без помехи со стороны бриттов, которые скрылись в лесах и болотах, откуда римские войска, устроив крупное исходное укрепление на месте высадки (ср. *Caes.*, *De bello Gall.*, V, 8), и принялись их после-

¹ Найдено несколько монет и более раннего времени—например, республиканский денарий 81 г. до н. э. В. Д. Б л а в а т с к и й, Раскопки Харакса в 1931, 1932 и 1935 гг. ВДИ, 1938, № 2 (3), стр. 330. Но они совершенно единичны.

² Об этом же свидетельствует и то обстоятельство, что на штемпелях римских кирпичей Харакса с легендой *vex [illatio] c [lassis] Rav [ennatis]* нет слова *praetoriae*—почетного титула, полученного равеннским флотом при Веспасиане (Б л а в а т с к и й, Раскопки Харакса в 1931, 1932 и 1935 гг. ВДИ, 1938, № 2 (3), стр. 323). Сама форма штемпелей типична для I в. н. э. См. *Cagnat et Chappot*, *Manuel d'archéologie romaine*, I, 1917, стр. 14—17.

³ См. I, Р. B u s h e - F o x, в *JRS*, 1926, стр. 239; М. C a r y, *La Grande Bretagne romaine, nouvelles fouilles et recherches* в *RH*, CLIX, 1928, стр. 3—6; A. R. B u r n, *The Romans in Britain*. Oxford, 1932.

довательно выгонять. Они действовали при этом отдельными отрядами по радиальным направлениям: так, сам Авл Плавтий вел военные операции против бриттов преимущественно в северном направлении, в сторону нижней Темзы, а его легат, будущий император Т. Флавий Веспасиан, действовал вдоль южного берега и захватил остров Уайт (Cass. Dio, LX, 20). Ту же стандартную тактику, конечно, римляне применили и при начальной оккупации Таврики. За это говорят следы значительных разрушений в мегалитических (т. е. таврских) стенах Харакса—видимо, результат действия римских осадных машин и след римского штурма, которым ликвидировано было это крупнейшее городище тавров. Это же следует предполагать и относительно таврских refugia на горах Кошке, Аю-Даге и др.: они все были заняты римлянами очень быстро, хотя, вероятно, после отчаянного сопротивления их защитников.

Но как раз после этих первых успехов и должны были начаться главные затруднения для римского командования. Жестокие неожиданные удары и потеря ряда неприступных до сих пор городищ заставили, вероятно, объединиться разрозненные родовые и племенные организации тавров. Поэтому после первых успехов на самом побережье, подойдя к вершинам Яйлы, римские отряды могли встретить уже крупные соединения таврских воинов. Должна была начаться затяжная полевая война, усложнявшаяся очень опасными для римлян партизанскими действиями в захваченных уже районах, что в свою очередь вызывало со стороны римлян обычные приемы систематического истребления непокорного населения. Как раз такую картину и рисуют нам сведения Тацита и Диона Кассия о почти одновременных римских военных операциях в Британии. Тавры, несомненно, тоже были серьезными врагами, которых сломить было очень нелегко,—с ними не сладили даже «воеводы Митридата». Поэтому следует думать, что, в то время как главные военные действия разыгрывались на Яйле или на северных склонах южной гряды Таврических гор, верные своему обычаю римляне, конечно, действовали также путем ударов с флангов—из Херсонеса через Ктенус (Инкерман) и Киркенетиду (Евпатория), возможно также и со стороны Феодосии (Цезареи).

А одновременно с этими полевыми действиями наступательного характера шли освоение и закрепление уже захваченного юго-бережья¹. Памятником этого и является римский кастелл Харакс: в этот период преобладания наступательных операций и полевой войны это старое oppidum тавров, взятое римлянами, обратилось в значительную тыловую римскую крепость. Как показали последние раскопки В. Д. Блаватского (1935 г.), римляне немедленно реставрировали разрушенную ими при штурме часть таврской мегалитической стены (так, в северо-западном ее отрезке найдены черепицы со штемпелями vex. classis ravennatensis, т. е. наиболее раннего гарнизона Ай-Тодора). Повидимому, пока полевые войска действовали на перевалах, а может быть, и на Яйле и дальше, матросы флота готовили им тыловую базу на случай вынужденного отступления. Но в связи с тем, что для постоянного гарнизона территория этого городища (ок. 6 га) была слишком велика, внутри ее было сделано и второе, новое укрепление, как бы цитадель: эти внутренние стены в 5½ метра толщины обнаруживают ту же систему кладки—панцирные стенки, засыпанные бутом из битого щебня, и в них те же черепицы с клеймом равеннской вексилляции. Узкие ворота (всего 2 м)

¹ Этот процесс тоже можно установить по аналогии, например, с походом Калигулы за Рейн на хаттов в 41 г. В то время как основные военные силы римлян продвигались вперед, в тылу их происходило немедленное закрепление кастеллами и фортами только что «замыренной» области маттиаков (Suet., Cal., 43—47; Cass. Dio, LIX, 21—22).

были фланкированы двумя башнями. Рва, повидимому, не было, так как сама местность здесь сильно понижается. Внутри второго кольца стен были сооружены каменные постройки военного и бытового назначения: преторий на вершине маячной горы и при нем, нужно думать, наблюдательная и сигнальная вышка—как в кастелле Friedberg. Все это, впрочем, безвозвратно погибло при постройке маяка в 1830-х годах. Ниже претория возведены были разные постройки военного назначения (склады, караульные помещения и пр.), а также каменная походная солдатская баня—весьма скромная и тесная, но все же с гипocaustом (центральным отоплением)¹. Гарнизон, видимо, вел очень примитивную бивуачную жизнь—в простых дощатых бараках за внутренней стеной, повидимому к востоку от здания претория, где раскопки Блаватского в 1933 г. обнаружили отсутствие монументальных построек. Пространство между внутренней и внешней стенами оставалось пустым: оно было назначено для размещения значительных отрядов в случае их отступления.

Таких больших крепостей, назначенных служить тыловыми базами для полевых действующих войск, на территории южного берега Крыма должно было быть немало, и Харакс является лишь типичным их представителем. На это можно найти намек и у Ростовцева²: «Нет основания думать, что места пребывания римских солдат ограничивались Херсонесом, Хараксом и Ольвией. Если не постоянно, то временно римское войско могло занимать не одно местное поселение». Подобные Ай-Тодору—Хараксу тыловые базы можно предположить и на горе Кошке, на Аю-Даге, на Кастеле. Но и в них в это время полевой войны должна была преобладать та же бивуачная жизнь—в палатках, дощатых бараках и пр. Поэтому от первого периода римской оккупации Таврики и не могло сохраниться крупных монументальных построек.

Памятниками первых десятилетий оккупации Таврики римлянами остались лишь следы разрушений таврских городищ, которые, однако, благодаря их мегалитическому характеру, не в силах была разрушить до основания даже римская техника, и временные, лагерного типа поселения самих захватчиков, которым, однако, как и в других оккупированных римлянами районах, предстояло впоследствии стать исходными точками распространения римской культуры.

¹ Комплекс построек южной части терм. Подробнее см. В. Н. Дьяков, Древности Ай-Тодора, 1930.

² Ростовцев, Скифия и Боспор, стр. 78.



Библиотека внешней политики. ИСТОРИЯ ДИПЛОМАТИИ.
Том первый, под ред. В. П. Потемкина. ОГИЗ. Гос. Соц.-экон. изд-во,
М., 1941. 566 стр.

«История дипломатии» представляет собою совершенно новый по общему замыслу труд в исторической литературе. Задача книги, как она сформулирована в предисловии редакции, заключается в том, чтобы «на основе анализа международных отношений в последовательно сменявшиеся эпохи изложить краткую историю дипломатии от древних времен до нашего времени». Нельзя не признать, что эта задача является в высшей степени увлекательной и в то же время трудной. Трудности заключаются не в одном грандиозном масштабе работы, охватывающей развитие дипломатии в рамках всемирной истории, не только в том, что авторам приходилось выбирать из бесчисленных фактов лишь особенно значительные и интересные, но и в самом освещении этих фактов. «История дипломатии» должна давать не оди лишь описательный материал, как это мы видим в некоторых иностранных пособиях, но и его марксистский анализ. С другой стороны, история дипломатии не должна превращаться, как это нередко бывает, в историю международных отношений. Дипломатия во все времена разрешала внешнеполитические задачи государств, но она не совпадает с этими задачами и обуславливающими их явлениями.

Появившийся первый том «Истории дипломатии» содержит четырнадцать глав, излагающих историю дипломатии от древнейших времен до франко-прусской войны и Франкфуртского мира 1871 г. включительно. Все главы написаны популярно, часто увлекательно и, несомненно, будут прочитаны с интересом и пользой широкими кругами советских читателей.

Несмотря на то, что объем книги невелик, если иметь в виду громадные исторические периоды, охватываемые ею, изложение не носит конспективного характера. Это достигается тем, что составители фиксируют свое внимание на основных проблемах истории дипломатии и, поступаясь менее существенными вопросами, эти проблемы ставят четко, с большим знанием дела. Документация в тексте незначительна, и в конце книги помещен содержательный библиографический список. В целом «История дипломатии» еще раз свидетельствует о том, что новая точка зрения, своеобразное освещение уже известных фактов может содействовать более углубленному пониманию, казалось бы, уже давно изученного материала.

Для читателя ВДИ особый интерес представляют первый раздел книги («Дипломатия в древние века») и первая глава второго раздела («Дипломатия в средние века», гл. 1. «Варварские государства и Византия»). Автором глав первого раздела является покойный В. С. Сергеев, который с увлечением работал над ними в последние месяцы своей жизни. В области истории древнего мира поставленная задача была особенно трудна. Если даже вопросы истории дипломатии средних веков и нового времени не могут считаться достаточно разработанными, то тем более это нужно сказать относительно древнего мира. Здесь перед исследователями открываются широкие перспективы, дальнейшее изучение истории дипломатии и внешней политики может

дать интересные и исторически значительные результаты. Это изучение может объединить в дружной работе специалистов в различных областях древней истории и должно будет содействовать уяснению многих проблем древневосточного и античного общества и государства.

Первый раздел «Истории дипломатии» состоит из трех глав. После краткого введения, намечающего основные линии развития дипломатии в древности, следуют главы, посвященные дипломатии древнего Востока, Греции и Рима; самой обширной является последняя.

В первой главе автор дает характеристику наиболее интересных дипломатических документов стран древнего Востока: Телль-эль-Амарнской переписки, договора Рамзеса II и хеттского царя Хаттушиля III, ассирийских документов VIII—VII вв. до н. э., наконец, данных о древнеиндийской дипломатии, содержащихся в законах Ману. И в этой, как и в последующих главах, ярко проявляются черты, присущие работам В. С. Сергеева: широта постановки вопросов, искусство выбрать наиболее существенное из громадного материала фактов, литературный блеск и доступность изложения. Автор обладает умением сосредоточить внимание на самых интересных документах, выдвинуть в характеристике их содержания наиболее значительные исторические проблемы, наметить основные линии исторического развития. Главы по истории дипломатии древнего мира прекрасно написаны, изложение оживлено характерными цитатами из своеобразных источников древних веков. Особенно подробно в первой главе обрисована ассирийская дипломатия VIII—VII вв. Автор использовал ценное издание корреспонденции ассирийских царей на английском языке, вышедшее в 1930—1936 гг.¹ Действительно, эта корреспонденция представляет собою богатейший источник по социальной, политической, религиозной и культурной истории одного из величайших государств древнего Востока в период наибольшего развития его могущества. Автор живо рисует сложную, хорошо организованную работу, какую вели ассирийские дипломаты в VIII—VII вв. Международная обстановка на Востоке в это время была тревожная. Крупные события быстро следовали одно за другим. Передняя Азия и Северная Африка представляли собою арену военной и дипломатической борьбы разнообразных политических образований: Ассирии и Египта, Вавилона и Элама, царства Урарту, Лидии, небольших сирийских государств и т. д. Враги Ассирии подстерегали удобный случай для выступления против нее, нужны были, помимо военного перевеса, большое дипломатическое искусство и выдержка, чтобы одержать верх в этой борьбе. Главным полем деятельности ассирийской дипломатии являлись юг—Вавилония и Элам и север—царство Урарту, которому Саргон II нанес решительный удар своим знаменитым походом 714 г., но которое продолжало играть существенную роль еще и в VII в. Автор останавливается на драматической истории Вавилона во времена Сенахериба и Ашурбанипала, на борьбе последнего с Шамаш-Шумукином. Он удачно показал, как события в одной стране отражаются на положении другой, как в военно-дипломатической истории стран древнего Востока в это время все больше сказывается их взаимная связь. Борьба в Вавилонии, например, имеет свое продолжение в Эламе. При чтении соответствующих страниц «Истории дипломатии» у читателя создается представление, что государства древнего Востока в социальном и политическом отношении не являлись чересчур примитивными и совершенно однородными организациями, что отношения носили уже сравнительно сложный характер, что перед нами политические образования, не всегда еще вполне оформившиеся, включающие разнородные элементы, но уже со сложной внутренней структурой, с развитым административным аппаратом, с разнообразными приемами политики.

Автор правильно указывает (стр. 18), что «из многочисленных памятников древневосточной дипломатии наибольший интерес по объему и богатству содержания представляют Телль-Амарнская переписка и договор египетского фараона Рамзеса II с царем хеттов Хаттушилем III ...», но недостаточно, нам кажется, использует первую: жела-

¹ «Royal Correspondence of the Assyrian Empire». Translated into English with a transliteration of the text and a Commentary by L. Waterman, p. I—IV, Ann Arbor, 1930—1936.

тельна была бы более обстоятельная характеристика дипломатических отношений по Телль-Амарнскому архиву, а также гораздо более обильные цитаты из писем, содержащихся в нем. Для древней Индии, помимо законов Ману, следовало привлечь такой первоклассный исторический источник, как Артхашастра Каутильи.

Вторая глава первого раздела открывается характеристикой международных связей в древней Греции. Автор рассматривает самые характерные виды этих связей, получивших широкое развитие в классическую эпоху: читатель знакомится со своеобразным институтом проксении, с амфиктиониями, договорами, союзами, посольствами и пр. В несколько преувеличенных чертах рисуется влияние дельфийского жречества, положение которого, в изображении автора, скорее напоминает положение жречества в каком-нибудь восточном государстве. Далее дается характеристика греческой дипломатии в классический период (VIII—IV вв. до н. э.). Автор отмечает зачатки международных связей уже в гомеровскую эпоху и подробнее останавливается на греческой дипломатии второй половины V и начала IV вв.: на проекте панэллинского мирного конгресса, выдвинутом Периклом, на дипломатической борьбе в период Пелопоннесской войны, на «царском мире» (387 г.). Центральное место в изложении занимают подробные данные Фукидида о переговорах между греческими государствами, предшествовавших открытию военных действий в 431 г., и это является правильным: эти переговоры, действительно, прекрасно рисуют дипломатическую теорию и практику этого времени. Заметим кстати, что материал Фукидида по истории греческой дипломатии настолько интересен, что заслуживал бы специальной разработки. Очень живо, хотя и не вполне точно в рассматриваемой главе изображаются бурные дебаты на собрании в Спарте в 432 г. Можно согласиться с общим выводом автора, что усилия дипломатов не предотвратили Пелопоннесской войны, но оказали существенное влияние как на ее подготовку, так и на последующий ход событий. Из договоров, заключенных позднее, уже во время войны, говорится о договоре 421 г. (Никиев мир) и об очень характерном соглашении между Афинами и Спартой в том же году, предусматривавшем вмешательство обоих государств в случае нападения третьего государства и помощь Афин Спарте в случае восстания рабов лакедемонян.

В конце V и в начале IV вв., после Сицилийской экспедиции, Персия принимает более активное участие в борьбе греческих государств, и картина дипломатических сношений делается еще более сложной. Персидские сатрапы и центральная власть развивают энергичную дипломатическую деятельность, в Греции создаются и распадаются различные политические комбинации, Персия поддерживает то Спарту, то Афины, то опять Спарту и т. д. Автор говорит о главных моментах в этой сложной борьбе противоречивых интересов и показывает, как Персия добивается своих целей на время в Анталкидовом («царском») мире 387 г., который установил ее преобладание над политически раздробленным греческим миром.

Большой интерес в истории древней дипломатии представляет и следующий период развития Македонской монархии при Филиппе II, гениальном дипломате своего времени. В изложении автора тесно связаны, как это было и в действительности, военные столкновения, искусные дипломатические шаги, борьба партийных группировок, лозунги и программы современной греческой публицистики. Конечно, в виду сжатости изложения автор имел возможность указать лишь некоторые главные моменты длительной и сложной дипломатической игры IV в. Такими моментами являются Филократов мир (346 г.) и Коринфский конгресс (337 г.).

Из богатого материала эллинистической эпохи разработан замечательный по своему историческому значению манифест Полисперхона, показавшего путь другим диадохам в их политике по отношению к Элладе. Можно пожалеть, что не привлечены другие памятники, такие, например, как переписка эллинистических царей с греческими полисами, и не освещена подробнее дипломатия крупных восточных эллинистических государств (царств Селевкидов и Птолемеев). Разработка этих документов и вопросов в работе В. С. Сергеева могла бы быть очень интересной. Игра на социальных противоречиях, о которой автор говорит в связи с манифестом Полисперхона, являвшаяся одним из обычных приемов античной дипломатии, обнаруживается не менее ярко и в поли-

тике Антигона Одноглазого, Птолемея I и других эллинистических царей. Впрочем, отчасти дипломатия позднеэллинистического периода затронута в связи с историей римской дипломатии в третьей главе.

В начале этой главы характеризуются формы международных связей и дипломатические органы древнего Рима. Материал по собственно истории римской дипломатии дан в следующих частях этой главы: «Римская дипломатия в период Республики», «Организация дипломатического аппарата в эпоху Империи», «Внутренняя дипломатия», «Союзные договоры с варварами». В обзоре республиканского периода главное внимание уделено римской дипломатии II в. до н. э., т. е. того времени, когда Рим после войны с Ганнибалом превращается в могучую державу, распространившую свою власть и влияние на все страны Средиземноморья, когда находит себе особенно широкое применение принцип римской дипломатии: «разделяй и властвуй». В противоположность Моммзену, который характеризовал македонского царя Филиппа V как человека «вялого и недалёковидного», автор очень высоко ставит этого деятеля, указывая на его энергию и властолюбие (стр. 63), способность к отчаянному сопротивлению (стр. 65). Он идет в этом направлении даже чересчур далеко, полагая, что Филипп V по характеру напоминал основателя македонского могущества, Филиппа II. Следовало бы указать, что в борьбе, развернувшейся в Элладе, приняли участие, кроме Спарты и Этолийского союза, Ахейский союз, остров Родос, Пергам и др.

Очень рельефно предстает перед читателем образ неутомимого Ганнибала, его дипломатическое искусство, его широкие планы сплочения сил восточного Средиземья с целью окружения ненавистного ему Рима.

Благодарным материалом служат известия Тита Ливия о переговорах римлян с Персеем. Здесь, как верно замечает автор, дипломатические ошибки особенно отчетливо сказались на исходе военного столкновения: поражение Персея при Пидне в 168 г. было в значительной мере подготовлено его близорукостью и медлительностью в переговорах, предшествовавших войне.

Излагая основные черты римской дипломатии, автор с большим вниманием останавливается на индивидуальных носителях государственных идей древнего Рима. Он убедительно показывает, какое влияние имели личные качества дипломатов Ганнибала, Квинта Марция Филиппа, Юлия Цезаря и др. на успех их деятельности.

В истории дипломатии императорского периода в изложении выдвинут вопрос о восточной политике Рима—его отношения к Парфии и Армении. Эти страницы читаются с захватывающим интересом. Своеобразная структура римского государства времени Принципата и Домината обусловила так наз. «внутреннюю дипломатию», нашедшую себе выражение прежде всего в «праве посольства». В заключение дается краткая характеристика договоров римских императоров с варварскими народностями в IV—V вв. н. э.

Таково в основном богатое содержание первого раздела. К сожалению, в изложении встречаются все же неточности и ошибки. Неточно изложение событий и переговоров, которые привели к открытию военных действий между Афинским и Пелопоннесским союзами в 431 г. до н. э. (стр. 43—45). Потидея была взята афинянами в 430 г., а не перед упомянутыми переговорами, как может подумать читатель на основании изложения автора (стр. 43). Неправильно передан ход битвы при Пидне (стр. 70). Фараоны Эфиопской династии не могли выйти из среды начальников ливийских отрядов (стр. 26) и др. Следует пожелать, чтобы эти погрешности были исправлены при новом издании.

В первой главе второго раздела («Дипломатия в средние века») для читателей ВДИ особенно интересны страницы, где говорится о дипломатии Византии и Руси (авторы: проф. С. В. Бахрушин и проф. Е. А. Косминский). Правильно подчеркивается огромное влияние византийской дипломатии на всю дипломатию средневековья. Особенно существенной в этом отношении явилась дипломатическая деятельность императора Юстиниана. Источники дают обильный и красочный материал по истории византийской дипломатии, и этот материал широко и удачно использован в работе. Читатель получает очень ясное представление о приемах этой дипломатии. Труднее, повидимому,

было наметить главные моменты ее исторического развития. Значение сношений с Византией особенно отчетливо выявляется в очерке «Дипломатия Киевской Руси». Другой характерный момент, выступающий в этом очерке, — наличие широких международных связей Киевской Руси не только с Византией, но и с западными и северными странами. Помимо Византии и Киевской Руси, в этой главе охарактеризована дипломатия арабов, папы и франкского государства.

Из сказанного видно, какой обширный материал содержат рассмотренные главы «Истории дипломатии». В очень доступной форме в них изложены главные факты по истории дипломатии древних и средних веков. Дипломатия нового времени имеет необходимые предпосылки в дипломатии этих отдаленных периодов. Изучая развитие дипломатических сношений, читатель получает отчетливое представление об их формах и истории в связи с историей всего общества и о закономерности и преемственности исторического процесса.

К. Зельин

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ. Под редакцией Г. Ф. Александрова, Б. Э. Быховского, М. Б. Митина, П. Ф. Юдина. Том I. *Философия античного и феодального общества.* Политиздат, 1940.

Издание истории философии в семи томах, предпринятое Институтом философии АН СССР, — один из показателей роста марксистской науки, вдохновляемой и направляемой гениальными работами товарища Сталина, неустанной заботой партии и правительства, расцветом социалистической культуры. Вышедший пока первый том «Истории философии» свидетельствует о зрелости марксистской философской мысли, об уверенности авторов в своих силах, о способности поднять и решить задачи большой важности.

История философии имеет огромное воспитательное и познавательное значение. Нельзя овладеть диалектическим материализмом без знания истории философии, так как философия марксизма-ленинизма создавалась и развивается исторически в неустанной борьбе с враждебными идейными течениями. Говоря о современном материализме, Энгельс писал, что он «представляет собой не простое воскрешение старого материализма, а к прочным основам последнего присоединяет еще все идейное содержание двухтысячелетнего развития философии и естествознания, как и самой этой двухтысячелетней истории»¹. Учение Маркса «возникло как прямое и непосредственное продолжение учения величайших представителей философии, политической экономии и социализма»². Понятно поэтому, что основоположники марксизма-ленинизма постоянно изучали историю философии. «Философские тетради» Ленина показывают нам, какие глубокие и гениальные идеи возникали у Ленина в процессе его работы над историей философии.

История философии до сих пор была монополией буржуазных философов идеалистического лагеря. Они не только неспособны были дать правильное, подлинно научное изложение истории философии, но и сознательно ее искажали. Ведь философия — партийна; буржуазные историки философии стремятся исказить, принизить материализм и пропагандируют идеализм. Так, «История материализма» Ф. А. Ланге представляет собою в сущности критику материализма с позиций неокантианства. В этом отношении не составляет исключения и Гегель, о котором Ленин пишет: «Мистик-идеалист-спиритуалист Гегель (как и вся казенная, поповско-идеалистическая философия нашего времени) превозносит и жует мистику-идеализм в истории философии, игнорируя и небрежно третируя материализм. Ср. Гегель о Демокрите — ничего!! О Платоне тьма размазни мистической»³.

¹ Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, 1938, стр. 144.

² Ленин, Соч., т. XVI, стр. 349.

³ Ленин, Философские тетради, стр. 287.

Перед авторами I тома «Истории философии» стояла трудная задача—дать не простое описание античных философских систем и школ, не классификацию их по формальным признакам, а марксистскую историю античной философии, ее возникновения, развития и упадка в конкретных исторических условиях, на базе рабовладельческой экономики, показать борьбу материализма и идеализма, «тенденций или линий Платона и Демокрита в философии» (Ленин). Эта задача определила характер, содержание и построение I тома «Истории философии».

Первая греческая философская школа—милетская—появилась в VI в. Это был бурный период истории Греции, когда в результате ряда революций были ликвидированы остатки первобытно-общинного строя общества. Религиозное мифологическое мировоззрение уступает место наивному, но трезвому материализму. «Основной предпосылкой, из которой исходили милетцы в своем учении о природе, было признание объективного существования реального мира—материи, находящейся в вечном движении» (стр. 28). В «Истории» подчеркиваются прогрессивные черты философии милетцев—материализм, зародыши диалектики. Понятно, ионийцы не могли выйти за те пределы, которые ставила им эпоха, и Фалес, например, по свидетельству Аристотеля, утверждал, что «все полно богов» (πάντα πλήρη θεῶν), но не эти детские болезни определяют историческое значение ионийской школы. Напротив, было бы странно ожидать, чтобы Фалес или Анаксимен давали отчетливые материалистические формулировки своих материалистических воззрений. Вполне естественно, что Анаксимаандр облекает свои мысли о развитии материи в теологическую форму; вещи возникают и разрушаются, по Анаксимандру, потому, что «они за свою нечестивость несут наказание и получают возмездие друг от друга в установленное время». Такая терминология, как εἰσαρρένῃ (рок) у Гераклита или «вражда» и «дружба» у Эмпедокла.—лишь внешние элементы, которые не должны заслонять материалистической сущности их учения. Надо еще принять во внимание, что первые философы излагали свои воззрения большей частью в поэтической форме и писали в стихах.

Последовательно и стройно изложена философская система «одного из основоположников стихийной диалектики» — Гераклита. «Громадное историческое значение Гераклита определяется его концепцией развития материи» (стр. 49). Диалектика Гераклита вскрывается не только в его космологических и физических воззрениях, но и в его гносеологии. «Признание внутренней противоречивости бытия, вечно переходящего из одной противоположности в другую, завершается как своим естественным следствием диалектикой единого и многого, учением о единстве всех космических противоположностей» (стр. 61).

В учении элейской школы также вскрывается материализм, но материализм «абстрактный, рационалистический». Неподвижное, вечно себе равное «бытие» Парменида представляет метафизическую сущность, оторванную от явления, за которым отрицается реальное существование. «Отрыв материи от конкретной материальной действительности заключает в себе опасность идеалистического перерождения учения—превращения «сущности», «бытия» в пустые («чистые») понятия» (стр. 72). Здесь уместно вспомнить глубокое и остроумное замечание Ленина: «Умный идеализм ближе к умному материализму, чем глупый материализм. Диалектический идеализм вместо умный; метафизический, неразвитый, мертвый, грубый, неподвижный вместо глупый»¹. Именно потому элеаты, обнаружив противоречивость явлений природы, не сумели понять ни диалектики природы, ни диалектики понятий.

Ясно и убедительно опровергаются апории Зенона, основанные на непонимании единства непрерывности и прерывности.

Второй раздел тома трактует философию периода расцвета древнегреческой рабовладельческой демократии, характеристике которой посвящен ряд страниц. В начале этого периода стоят Эмпедокл и Анаксагор. Правильно авторы подчеркивают материализм Анаксагора, которого идеалисты всегда пытались приписать к своему лагерю. Но: Анаксагора не есть духовная субстанция, первичная по отношению к материи,

¹ Ленин, «Философские тетради», стр. 282.

«ибо материя существовала вечно и никем не создана; «нус» не есть также телеологический принцип, строящий мир как разумную, планомерную систему... Назначение его в системе Анаксагора—дать первый толчок материи» (стр. 92). В теории познания Анаксагор также исходит из данных чувственного мира.

Подробно, отчетливо и полно представлена атомистическая система Левкиппа и Демокрита. «Принцип движения материи составляет основу всей атомистической системы» (стр. 99); постановка проблемы самодвижения материи «была величайшим достижением материалистической мысли». Историки философии обычно клеветают на Демокрита, обвиняя его в беспомощности в области теории познания, приписывая ему субъективно-идеалистическое понимание восприятия явлений. Клевета на материализм всегда была излюбленным методом борьбы против него. Эпикуру, по свидетельству Диогена Лаэртца, при жизни приходилось немало терпеть от клеветников; о том же имеются сведения в сочинениях самого Эпикура. В книге показано, что в области теории познания у Демокрита имеются ценные идеи. Конечно, ни Демокрит, ни Эпикур не сумели последовательно материалистически объяснить процесс познания—теория «идолов» была слишком наивной попыткой такого объяснения; они не сумели правильно разрешить и проблему качества. Но сама проблема поставлена материалистически. Вместе с тем «эмпиризм атомистов не мешал им понять важную роль разума» (стр. 111).

Конечно, как и все материалисты до Маркса, Демокрит идеалистически объяснял явления общественной жизни. Но ведь к атомистам древности надо подойти с исторической меркой. «Историческое значение атомизма Левкиппа и Демокрита огромно. Материалистическая философия Демокрита оставила глубокий след на всем дальнейшем развитии философии. Атомистическое объяснение природы оказало большое влияние на развитие естествознания, обогатив его ценнейшей гипотезой, которая толкала опытное исследование вперед и позволяла объединять в цельную систему разнообразные наблюдения.

!Всеобщий закон причинности, сформулированный Левкиппом и Демокритом, вошел в железный инвентарь науки.

Учение о бесконечности мирового пространства и механическая теория возникновения небесных тел кладут начало научной космогонии.

Выдающееся значение имел античный атомизм и в истории атеизма» (стр. 115).

Глава о софистах дает в общем правильную оценку философских взглядов наиболее видных представителей старшего поколения, хотя недостаточно освещена просветительская роль софистики, ее общественная функция, связанная с ростом и массовым распространением греческой культуры периода ее расцвета.

Несколько сжато изложена система Платона. Именно потому, что Платон—враг материализма, было бы полезно показать, в чем была сила обаяния Платона, почему он занял столь выдающееся место в истории философии. Дело здесь не только в том, что идеализм Платона соответствовал настроениям и классовым интересам рабовладельцев периода кризиса афинской демократии, но и в том, что Платон сумел отразить эти настроения и интересы наилучшим образом, выдвинув новые идеи и новые общественные идеалы.

Центральное место во втором разделе, да и во всей книге, занимает глава VI—«Аристотель». Это—небольшая монография, в которой с подкупающей методической четкостью охарактеризована многообразная научная и философская деятельность этого корифея греческой философской мысли.

В главе разбираются отдельно учение Аристотеля о бытии, о движении, о душе, о познании, логика и диалектика, учение о природе, о государстве, о нравственности, обществе. Показаны все колебания Аристотеля между идеализмом и материализмом, вместе с тем подчеркивается все прогрессивное, материалистическое в учении Аристотеля, который вплотную подошел к материализму, особенно в теории познания. Особенно ценна проделанная Аристотелем критическая работа. «Когда один идеалист критикует основы идеализма другого идеалиста, от этого всегда выигрывает материализм. Ср. Аристотель *versus* Платон etc., Гегель *versus*

Кант etc.»¹. В критике идеализма обнаруживаются сильные черты гения Аристотеля, в критике материализма—слабость и эклектизм.

Философия периода упадка Греции составляет тему раздела третьего. Здесь рассмотрены школы академиков, перипатетиков, стоиков, скептиков, эклектикон. Отдельная глава посвящена Эпикуру. В главе об Академии особо стоит отметить ясное изложение аргументов Карнеада против религии. Эти аргументы во многом не потеряли силы и убедительности до сих пор.

Изложение системы стоической философии представляет особые трудности, так как на протяжении веков изменялись и методы, и принципы, и даже самый предмет философии стоиков. Более или менее стойкой была физика стоиков, поэтому она легче поддается концентрическому изложению. Гораздо труднее гносеология стоиков, которые не выработали по этому вопросу единого учения и колебались от материализма к идеализму. Позднее стоики выдвинули на первое место вопросы морали, которые подробно разбираются в книге, в разделе римской философии, при анализе философии Сенеки и Эпиктета.

История римской философии занимает в «Истории философии» сравнительно мало места, что объясняется характером философии римского периода. Время великих достижений прошло. Эклектизм, мистика, морализующие тенденции характеризуют в основном философию этого периода, которая в конце концов сливается с христианским богословием. Единственным светлым явлением на этом сером фоне была гениальная поэма материалиста и атеиста Лукреция.

Возникновением и первыми шагами христианской философии, вернее богословия, заканчивается изложение античной философии.

Первый том «Истории философии» отвечает давно назревшей потребности и требует, несомненно, ряда переизданий. Уместно, поэтому, теперь же высказать несколько пожеланий о дальнейшей работе над томом.

Было бы желательно не ограничиваться изложением *античной* философии, а дать и некоторые сведения о философии других народов древности. В частности, большой интерес представляет древнеиндийская философия, выдвинувшая ряд материалистических систем, в том числе атомистическую. В Китае также наряду с религиозно-философскими учениями была и светская философия, проводившая материалистические идеи.

К сожалению, старая схема изложения материала не дала места ни древнеиндийской, ни древнекитайской философии.

Полное отсутствие библиографии в «Истории философии» явится препятствием для читателя, который захочет углубленно изучать античную философию. В книге имеются ссылки на греческие и римские источники, но не на литературу. Не упоминаются такие основоположные работы, как Н. Diels, Doxographi graeci; его же, Fragmente der Vorsokratiker (на русск. яз. А. Маковельский, Досократики); Н. Usener, Epicurea; Ed. Zeller, Philosophie der Griechen и другие, без которых этот том не мог бы быть написан. Нет также перечисления и характеристики дошедших до нас произведений античных философов, хотя они иной раз называются в тексте и цитируются в сносках. В некоторых случаях названы произведения, но не все. Так, в главе об Эпикуре указаны лишь три письма (теперь их известно четыре), но не названы *κύρια δόξα*; последнее тем более досадно, что некоторые из них найдены на территории СССР, в Пантикапее.

Во введении было бы желательно найти характеристику и критику буржуазных «историй философии», что помогло бы читателю понять и усвоить марксистский метод изучения истории философии.

В изложении истории философии римского периода следовало бы уделить место также Апулею, Лукиану и, особенно, Плутарху, который много раз цитируется в тексте. Большого внимания заслуживает Порфирий, который сыграл в истории неоплатонизма во всяком случае не меньшую роль, чем Прокл.

¹ Ленин, «Философские тетради», стр. 289.

В дальнейших изданиях было бы желательно сделать изложение более историчным, связав философию со всей культурой (литературой, искусством) и давая более развернутую характеристику развития как внутри отдельных школ, так и в смене школ и направлений. Энгельс писал в статье «Бруно Бауэр и первоначальное христианство»: «Если классическая греческая философия в ее последних формах (особенно в эпикурейской школе) привела в атеистическому материализму, то греческая вульгарная философия вела к учению о едином боге и бессмертной человеческой душе» (т. XV, стр. 604). О «позднейшей греческой вульгарной философии» пишет Энгельс и в «Анти-Дюринге» (т. XIV, стр. 323). Читатель вправе ожидать, что в «Истории философии» эта «позднейшая вульгарная философия» будет показана в ее характерных чертах.

Авторы подходят к изучаемым ими явлениям исторически, оценивая их в соответствии с условиями, местом и временем. Так, об элеатах мы читаем: «Постановка гносеологической проблемы элейской школой была шагом вперед в истории философии, хотя элейцы подошли к этой проблеме метафизически и не смогли дать ее правильного разрешения» (стр. 68). «Апории Зенона, вопреки их метафизическим выводам, поставили эту проблему перед философией. В этом их выдающееся историческое значение» (стр. 76) и т. п. Поэтому, пожалуй, лишней является такая схематизмом отдающая фраза, как «господствующий класс рабовладельческого общества выдвинул в качестве своего идеолога Гераклита Эфесского» (стр. 50).

В книге имеются неточности и фактические ошибки; особенно много их в главе «Исторические предпосылки римской философии». «В 133 г. восстали рабы в Иллирии под предводительством Аристониды» (стр. 312); в действительности восстание произошло в Пергаме (в Малой Азии) под предводительством Аристоника. Восстание рабов в Сицилии датируется по старой работе К. Бюхера, тогда как в науке эта датировка давно отвергнута. Землю в Риме измеряли не «моргенами» (там же), а югерами. «Восстания рабов и ремесленников под предводительством Катилины» (там же) история Рима не знает. Столицу перенес в Византию не Диоклетиан (стр. 314), а Константин. Лукиан несколько раз неправильно назван «александрийским» сатириком; неправильно также указано, что Энгельс назвал Лукиана «римским Вольтером»: он назвал этого греческого писателя «Вольтером классической древности». Ко II в. до н. э. Рим не покорил перечисленных на стр. 310 стран. Умерший в 55 г. до н. э. Лукреций не мог быть «свидетелем диктатуры Цезаря» (стр. 321). Ни знаменитого, ни не знаменитого противника Цезаря по имени Кай Кассий Красс (стр. 370) история не знает. Убийца Цезаря был Децим Юний Брут, а не Марк Децим Брут (стр. 326). Неверно, что, по Филону, «духовное первоначало есть Иегова» (стр. 369); по Филону, бог—*ἀρρητος* (неизреченный), *ἀποιος* (бескачественный) и ничего общего не имеет с антропоморфным иудейским богом; а имя «Иегова»—искажение имени Ягве, впервые появляющееся в XIII в. Нельзя определять богословские взгляды Филона как агностицизм, хотя бы «своеобразный» (стр. 370).

Очевидно, в последующих изданиях подобные досадные ошибки будут устранены.

Неточности имеются и в цитатах и ссылках. На стр. 45 и 47 приводится одна и та же цитата из Аристотеля, но ссылки даны на разные места «Метафизики». На стр. 56 дана цитата из Плутарха со ссылкой на «de esu»; в действительности цитата взята из другого произведения Плутарха—«de ei in Delphis». На стр. 53 приведена непонятная цитата: «Периоды, Солнце их управитель и наблюдатель, устанавливает» и т. д.; здесь слово «периоды» по ошибке попало в начало фразы из конца предыдущей фразы в греческом оригинале. Неправильно даны в сносках на стр. 297 ссылки на Диокла Магнейского. Надо будет тщательно проверить все цитаты и сноски.

Издательство «постеснялось» приложить к книге список опечаток, которых, к сожалению, в книге немало, особенно в иностранном тексте.

Все эти надочеты будут, конечно, устранены в последующих тиражах.

Вышедший первый том «Истории философии»—результат серьезной исследовательской работы ряда крупнейших ученых. Читатели с нетерпением будут ждать выхода

дальнейших томов этого ценного издания, которое должно сыграть немалую роль в марксистско-ленинском воспитании, в расширении культурного горизонта и углублении знаний советской интеллигенции.

А. Ранович

Урартские памятники музея Грузии. Издал Г. В. Церетели. Институт языка, истории и материальной культуры им. Н. Я. Марра Грузинского филиала АН СССР. Тбилиси, 1939. Тираж 500 экз. 77 стр. и 32 табл. Цена 40 руб.

В изданиях Грузинского филиала АН СССР вышел в свет давно ожидаемый и крайне необходимый труд «Урартские памятники музея Грузии». Богатое собрание ценнейшего исторического материала, накопившегося в течение длительного ряда лет и сосредоточенного в названном музее, ждало своего исследователя, который приложил бы кропотливый труд для издания этого собрания полностью и таким образом дал бы возможность пользоваться им не только одиночным посетителям первоклассного музейного хранилища, а также и широким кругам специалистов—историков и лингвистов. Такой исследователь нашелся.

Четкость публикации и прекрасно выполненные фототипии делают настоящую работу настольной книгой для каждого, занимающегося языком древнего Вана, и ставят ее в ряд с другим, равным образом прекрасным изданием—«Corpus inscriptionum Chaldaicarum», которым наука обязана недавно умершему проф. Леманн-Гаупт, крупнейшему авторитету в этой области.

Издание такого рода исторического материала по первоисточнику и исчерпывающее его комментирование являются несомненной заслугой автора данного труда—Г. В. Церетели. Его работа в значительной степени облегчит дальнейшее освоение языка урартских памятников, дающих древнейшие письменные сведения о нашем Закавказье. Эта работа привлечет к себе внимание как всякого, кто интересуется его древнейшими судьбами, так и специалиста, углубляющегося в изучение современных и древних языков Кавказа и Передней Азии. Будем надеяться, что она послужит примером для ряда других и в итоге даст полную, по оригиналам проверенную серию всех наличных в СССР письменных памятников этого исключительно интересного периода истории народов закавказского Двуречья—периода, почти непосредственно предшествующего государственным образованиям в нем.

В этом направлении и первую очередь хотелось бы видеть такие же издания урартских надписей, хранящихся в музеях Армении, затем, крайне желательна присоединенная к ним новая публикация таких же надписей, сохранившихся *in situ* в различных местностях ССР Армении, и, наконец, сводное издание всех остальных текстов того же периода, найденных и сохраняемых вне границ СССР, но повествующих о походах древнего Вана в бассейны Аракса и Куры. Научные круги лингвистов, а также историки-кавказоведы давно мечтают о подобного рода публикациях, начало которым ныне уже заложено трудом Г. В. Церетели.

Едва ли кто-либо будет оспаривать положительные стороны этого труда. Они ясны каждому, кто будет им пользоваться. Автор не ограничивается одним только воспроизведением текстов. Он в исчерпывающем виде приводит имеющуюся по ним довольно обширную литературу, он полностью овладел ею в тех заданиях, которые он перед собою ставит, подвергает ее критической проверке и, в итоге, не скрывает своих собственных выводов. Таким путем критического просмотра ряда высказываний по отдельным вопросам лексики и грамматики Г. В. Церетели выработал свою основную линию, иногда примыкая к тем или иным заключениям других исследователей, иногда не соглашаясь с ними и оставляя их как спорные, иногда же выдвигая свои собственные новые взгляды, но всегда выступая с вполне обоснованной аргументацией. Принять их или не принять—это дело других ученых, но факт остается фактом: автор последователен, выдержан во всем ходе своей работы. Он знает свой материал, так же как

прекрасно осознает, что изучение урартского языка находится еще в далеко незавершенной своей стадии, что многое в нем продолжает оставаться неясным и что вследствие этого чтение многих мест не поддается еще бесспорному толкованию.

Придерживаясь такой оценки знания и понимания наличного материала, автор в то же время ищет путей к борьбе с этими затруднениями и находит их без колебаний и вполне правильно. Он утверждает, что структура языка древнего Вана не может быть понята без дальнейшего ее изучения с опорой на строй речи кавказских яфетических языков, в том числе, конечно, картвельских, а не на одну только ассирийскую клинопись. Поэтому Г. В. Церетели везде широко использует параллели из картвельских языков.

Основная ошибка западных урартоведов заключается, как это указывает автор, в незнании картвельских, я бы сказал шире—в незнании вообще кавказских яфетических языков, в неучете особенностей их структуры, весьма близкой к строю урартской речи, и в неверном вследствие этого толковании некоторых достаточно ясных форм последней.

Правильность позиций автора нетрудно подкрепить примерами. Я остановлюсь лишь на одном, достаточно ярком и не возбуждающем сомнений. «Западноевропейские лингвисты (да и не только они),—говорит Г. В. Церетели,—считают вернейшим признаком пассивной конструкции картвельских и кавказских языков случаи оформления прямого объекта в именительном падеже. Привыкшие орудовать индоевропейским материалом, они пытаются навязать кавказским языкам грамматические понятия, возникшие на почве изучения языков индоевропейской системы, в корне своем отличных от языков Кавказа» (стр. 15). Действительно, только благодаря знакомству с наличным во многих яфетических языках эргативным построением предложения может быть понято отсутствие в урартском языке винительного падежа¹, что само по себе вовсе еще не обуславливает наличия пассивной конструкции.

Г. В. Церетели стал на совершенно правильный путь интерпретирования урартских текстов. Он с полным основанием утверждает, что только таким способом можно глубже уйти в понимание строя речи древневанских письменных памятников и яснее осветить многие, пока еще не поддающиеся истолкованию, спорные места. А таких мест имеется еще большое количество, и для лингвиста вскрывается в этой области обширное поле деятельности. Даже и с применением норм речи кавказских языков к анализу строя урартского (против чего я никоим образом, конечно, не возражаю,—наоборот, я нахожу именно этот путь закономерным и необходимым) все еще далеко не все места читаются ясно, и далеко еще не все формы безупречно поняты даже и сейчас, даже и после работы самого Г. В. Церетели.

Я остановлюсь на одном примере, который представляется Г. В. Церетели вполне объяснимым. Я имею в виду приводимое им толкование падежного окончания на *-nī*. Автор исходит из того, что в предложении, в котором подлежащее ставится в особом активном падеже, прямое дополнение всегда стоит в именительном, и утверждает, что урартский падеж на *-nī* вполне отвечает именно этим требованиям. Достаточно, по словам Г. В. Церетели, перевести подлежащее в активный падеж, как прямое дополнение окажется уже в именительном. «Это,—говорит автор,—является общим законом для известных нам языков с двумя формами субъекта» (стр. 19)².

Я начну с того, что отмеченное автором правило оформления прямого дополнения представляется и мне настолько точно соблюдаемым в урартском языке, что я еще в 1936 г. полностью применил его к построению урартского предложения с переходным глаголом. Тогда, в 1936 г., я пришел к следующим выводам: в урартском языке «имеется различие строя спряжения в непереходных и переходных глаголах. Первые идут активным строем, последние сохраняют эргативность, причем эргативность сохранилась в халдском во всех временах. Имеется особый эргативный падеж (*-šē*), закрепившийся

¹ Ср. также И. И. Мещанинов, *Общее языкознание* (к проблеме стадийности в развитии слова и предложения), 1940, стр. 253, прим. 2.

² Автор, очевидно, упустил из виду удинский язык, который противоречит этим правилам, о чем см. ниже.

за специальным обозначением действующего лица при эргативном строе. В ином падежном значении этот суффикс не употребляется вовсе. Абсолютный падеж—неоформленный или с суффиксом *-li*, объективный при переходном глаголе (употребляется в значении нашего винительного и дательного), но он же выражает действующее лицо при глаголе непереходном. Объективное значение абсолютного падежа (*-li*) подтверждается наличием того же суффикса (*-li*) в 3-м лице глагола, где он передает объект... В халдском (урартском) языке упомянутая пассивная частица *-li*, используемая и как падежное окончание, выступает в последнем в двух значениях в зависимости от переходности или непереходности глагола. При первых (переходных) она выражает объект, а при вторых (непереходных) оформляет действующее лицо, то-есть в точности удовлетворяет требованиям абсолютного падежа»¹. То же самое установлено и Иог. Фридрихом еще в 1933 г. По его словам, «прямой объект (Akkusativobjekt) по форме совпадает с интранзитивным субъектом и в большинстве случаев не имеет никаких особых падежных окончаний, тогда как наш транзитивный субъект обозначается особым суффиксом»².

Эти выводы совпадают с выводами Г. В. Церетели. Они указывают лишь на то, что безусловно правильная мысль Г. В. Церетели в ее основной концепции вовсе не является новостью, тем более что и Иог. Фридрих вовсе не чуждается параллелей из баскского и современных кавказских языков. Между тем автор обвиняет западных урартоведов и меня в незнании этого языкового явления. Как видно из приведенных цитат, оно было констатировано по меньшей мере еще в 1933 г.

Г. В. Церетели тоже признает, что «аналогия с картвельскими языками должна была бы убедить нас, что эта частица (*-li*) имеет ту же функцию, что и именительный падеж грузинского. Она обслуживает, с одной стороны, субъект непереходного глагола, а с другой—прямой объект переходного глагола» (стр. 19).

Таким образом, пока приходится признать, что в данном случае расхождение между И. Фридрихом, мною и Г. В. Церетели заключается только в том, что Фридрих именует этот падеж «Stammkasus» или «*ni-Kasus*»³, я же называю его «абсолютным», тогда как Г. В. Церетели—«именительным». Но и в этом не будет коренного расхождения, поскольку сам же Г. В. Церетели совершенно правильно отмечает, что во второй группе времен «именительный падеж грузинского языка принципиально отличается от именительного же падежа индоевропейских языков» (стр. 17). Поэтому он и ставит наименование именительного падежа в кавычки. Следовательно, «именительный» падеж эргативного предложения не соответствует именительному падежу номинативного. А если это действительно так и обстоит, то не нужно ли данному падежу дать другое наименование? Так и сделали исследователи тех североазиатских (палеоазиатских) языков, в которых имеется эргативный строй предложения, например в чукотском. В нем В. Г. Богораз выделяет абсолютный падеж, являющийся «подлежащим (субъектом) для глаголов непереходящих и дополнением (объектом) для глаголов переходящих. В последнем случае подлежащее ставится в творительном падеже»⁴.

Существенное расхождение между мною и автором настоящей весьма ценной работы будет не в этом, а в его утверждении, будто бы «такое назначение частицы *-li* выяснено в настоящее время с достаточною убедительностью». Г. В. Церетели находит, что если бы в этом еще существовали какие-либо сомнения, то аналогии с картвельскими языками должны были бы убедить нас, что эта частица имеет ту же функцию, как и именительный падеж грузинского (стр. 19).

Аналогии именно с картвельскими языками, по существу своему совершенно верные, все же наводят меня на некоторые сомнения относительно наличия тут полной аналогии, доходящей до тождества. Дело представляется мне вовсе не столь простым, чтобы, исходя из правильно понятого синтаксического построения, сразу же считать окончательно разрешенным и вопрос о падежном оформлении. Мне кажется, что по-

¹ И. И. Мещанинов, Новое учение о языке, 1936, стр. 215.

² J. Friedrich, Einführung ins Urartäische, 1933, стр. 19.

³ J. Friedrich, op. cit., стр. 14—16.

⁴ В. Г. Богораз, Луораветланский (чукотский) язык. Сборник «Языки и письменность народов Севера», III, 1934, стр. 18.

сколько не подлежит оспариванию постройка в абсолютном («именительном») падеже прямого дополнения при переходном глаголе и субъекта при непереходном, постольку же многофункциональность самой приставки *-li* вовсе еще окончательно не разъяснена. Как будто и у самого Г. В. Церетели возникают по этому поводу некоторые колебания. Эти колебания выявляются у него не в предисловии, где высказываемые им положения слишком категоричны, а в даваемых им же переводах, то есть там, где он непосредственно соприкасается с самим материалом.

Возьмем несколько таких переводов: № 8—¹² *Haldini-ni ušmaši-ni* ^m *Menua-še* ^m *Ispuiniḡini še...* «могуществом бога Халда Менуа сын Ишпуини (дворец построил)». Тут слова, оформленные падежом на *-li*, передаются в русском переводе не именительным падежом, а творительным. Ими не оформляется ни субъект при непереходном глаголе, ни объект при переходном; № 9—¹² *Haldini-ni ušmaši-ni uštabi* ^m *Menua-ni* ^m *Ispuiniḡi* «могуществом бога Халда отправился Менуа, сын Ишпуини». Здесь оба имени, бога и царя, стоят в одном и том же падеже, но переводятся в первом случае творительным падежом, а во втором именительным. Последний оказывается субъектом при непереходном глаголе, первый же не является ни субъектом, ни прямым объектом. Правильность его перевода творительным падежом может возбуждать сомнение, но, во всяком случае, это—косвенное дополнение; № 10, 11—¹² *Haldini-ni alšuši-ni* ^m *Menua-ni* ^m *Ispuiniḡi*... «Величием бога Халда, Менуа, сын Ишпуини». Тут уже оба имени следуют одно за другим и тем не менее переводятся различными падежами, и т. д. Число подобных примеров с различным использованием падежа на *-li* в различных его значениях, устанавливаемых контекстом фразы, можно привести громадное количество. Думается мне, что во всех этих случаях и других, им подобных, встречающихся к тому же чуть ли не в каждой надписи, нет полной аналогии с грузинским именительным падежом.

Независимо от всего сказанного о функциональных разновидностях падежа на *-li*, полной его аналогии с именительным падежом грузинского языка не может быть также и потому, что в грузинском в первой группе времен (настоящее и производные от него) именительный падеж приобретает все свойства этого падежа номинативного предложения, то-есть вполне соответствует именительному падежу индоевропейских языков. Это—именительный падеж без кавычек, и его свойствами не обладает его эквивалент урартского языка ни в одном времени. В этом отношении урартский язык ближе стоит к чанскому (лазскому). На это указывает и сам Г. В. Церетели, когда говорит об активном падеже (стр. 18), но то же самое нужно сказать и о разбираемом нами «именительном» (абсолютном) падеже в его неоформленном виде и с падежным окончанием *-li*. Таким образом, нельзя согласиться с тем, что «эта частица имеет ту же функцию, что и именительный падеж грузинского» (стр. 19).

В итоге всего сказанного приходится прийти к другому выводу, признав, что вопрос о падеже на *-li* вовсе еще не получил окончательного разрешения. Что это именно так, видно хотя бы из того, что сам же Г. В. Церетели устанавливает за падежом на *-li* также и значение аблативного падежа, который, подобно грузинскому *-it*, может иметь в урартском значение собственно аблатива, отвечающего на вопрос «откуда?», а также инструментального, отвечающего на вопрос «чем?» (стр. 60, прим. 3). На этот раз оказалось, что частица *-li* имеет ту же функцию, что и творительный-аблативный грузинского языка.

Возможно, что окончание *-li* представляет собою совпадение по форме генетически различных падежей, но это требует еще своих специальных доказательств и, видимо, специальных исследований. Более того, до настоящего времени продолжают еще оставаться невыясненными причины использования урартским языком в одном и том же значении субъекта при непереходном глаголе и объекта при переходном двух различных форм, а именно неоформленного падежа и падежа на *-li*, образуемых нередко от одних и тех же основ при их одинаковом использовании в одном и том же предложении (например в Калишинской надписи, строки 26—27).

Вся эта сложность грамматического построения позволила мне сказать, что падеж на *-li* используется также и в значении нашего дательного (для бога Халда, в честь

бога Халда, богу Халду и т. д.). Так ли это, или нет—это и для меня самого еще окончательно далеко не выяснено, но у меня нет сомнения в том, что вопрос об этом падежном окончании продолжает оставаться еще открытым вопреки тому, что утверждает Г. В. Церетели в своем предисловии, но не в своих переводах.

Не следует также забывать того, что один из кавказских языков, удинский, который ни в коем случае не следует оставлять в стороне при сопоставлениях урартского языка с другими, имеет тот же тип эргативного предложения с активным (в данном случае творительным) падежом действующего лица при переходном глаголе и в то же время имеет специальную форму для винительного падежа. Это было установлено еще А. М. Дирром и недавно подтверждено В. Н. Панчвидзе¹.

Некоторые сомнения вызывают у меня и те места уже упомянутого выше предисловия, где говорится о пассивной конструкции урартского предложения. На позициях пассивной конструкции стоит, как известно, и Иог. Фридрих². Г. В. Церетели хотя и правильно возражает против такого определения строя речи по тем данным, которые обычно приводятся, но подходит здесь несколько односторонне, поскольку речь идет вообще о пассивной конструкции урартского предложения, а не о тех доводах, на которые опираются некоторые исследователи, в том числе и Фридрих. Свои доказательства Г. В. Церетели строит на грузинских примерах (стр. 17 сл.), причем не учитывает в достаточной мере того, что в обоих названных языках, при их несомненной близости, все же имеются и свои особенности. Если в грузинском языке эргативный строй активен и если в урартском языке тоже имеется эргативный строй, то из одного этого вовсе еще не следует, что и эргативный строй урартского предложения активен.

По мнению Г. В. Церетели, постановка прямого дополнения в именительном падеже вовсе не свидетельствует о наличии пассивного строя, так как эргативное предложение, в котором прямой объект ставится именно в этом падеже, вовсе не обязательно является пассивным. Я думаю, что с этим согласится каждый кавказовед. Но если Фридрих, только по аналогии со страдательным залогом индоевропейских языков, определял пассивность, исходя из оформления прямого объекта именительным падежом, то и Г. В. Церетели, отрицая пассивность, опирается равным образом исключительно на роль того же падежа в структуре предложения, на этот раз уже эргативного. Он доказывает отличия этого падежа от обычных функций именительного и отмечает особенности эргативного предложения, не являющегося страдательным залогом. Между тем здесь дело не ограничивается только этим.

Не падеж, а структура всего предложения определяет его активность или пассивность. И если Г. В. Церетели с полным основанием возражает против перенесения норм индоевропейских языков на кавказские и доказывает, что именительного падежа, свойственного индоевропейским языкам, нет в языке древнего Вана, то он все же в конце концов исходит из тех же норм индоевропейской речи, делая ударение на страдательный залог. Между ним и пассивным строем проводится знак равенства, откуда и делается вывод: если в эргативном предложении нет страдательного залога, то нет и пассивности. С таким заключением мне крайне трудно согласиться.

Пассивность строя предложения устанавливается не падежами в их внешнем оформлении, а взаимоотношением субъекта, объекта и предиката, их смысловым значением во фразе, внешние выражаемым различными видами грамматических отношений. В частности, абсолютный («именительный») падеж, выражающий при непереходном глаголе субъект состояния (испытывающий на себе действие) и выражающий при переходном глаголе объект действия (тоже испытывающий на себе действие), является, тем самым, падежом пассивным по своему содержанию³. Эргативный же падеж, выражающий

¹ А. М. Дирр, Грамматика удинского языка, 1903 (перепечатана из XXXIII вып. СМОМПК; Н. В. Панчвидзе, К вопросу о склонении имен в удинском языке, ИЯИМК Груз. ФАН СССР, 1937, стр. 123 сл.

² J. F r i e d r i c h, op. cit., стр. 19.

³ См. С. Л. Быховская, Пассивная конструкция в яфетических языках. Сборник «Язык и мышление», II, 1934, стр. 67.

действующее лицо при переходном глаголе, в том случае, когда он имеет свое специально ему присущее оформление (как в картвельских языках и урартском), оказывается явно активным (активный падеж). Но наличие их обоих в одном и том же предложении все же не решает вопроса об активности или пассивности всего строя предложения. Решающим тут является связь их с глаголом.

В картвельских языках глагол эргативного строя предложения согласуется личным окончанием с именем, стоящим в активном падеже, объект же, поставленный в «имеительном» (абсолютном) падеже, с глаголом в лице не согласуется и занимает в предложении позицию прямого дополнения, а не подлежащего. Следовательно, в грузинском языке мы имеем активное построение предложения с глаголом в аористной группе времен, а в лазском (чанском) также и в первой группе времен (настоящее и прошедшее несовершенное). Зная эту особенность картвельских языков, Г. В. Церетели, по аналогии, перенес ее и на язык древнего Вана.

Здесь нельзя ограничиваться одной только аналогией. Требуется, кроме того, и специальный анализ строя самого урартского языка. Я не беру на себя смелости категорического опровержения выводов автора данной работы. Я призываю лишь к некоторой осторожности. Дело в том, что утверждения Гёце об особом своеобразии урартского переходного глагола, который своими личными окончаниями *-bi*, *-ni*, *-li* выражает объект, а не субъект действия, вовсе нельзя считать, во всем их объеме, абсолютно неправильными. Во всяком случае нет сомнения в том, что при третьем действующем лице глагол своими окончаниями *ni* и *li* вовсе его не выражает, а согласуется исключительно с объектом.

Согласование в 3-м лице совершенно ясно:

1. ^m Menuaše ^m Išpuiniḫiniše ini EKALLU šidištu-ni «Менца, сын Ишпуини, этот дворец соорудил» (Corpus 59, строки 2—3). Действующее лицо стоит в единств. числе, объект в единств., глагол оканчивается на *-ni*;

2. ^m Menuaše ^m Išpuiniḫiniše... ^{lu} Ḫaldini-li BABU šidištu-ali EKALLU šidištu-ni... «Менуа сын Ишпуини... халдовы ворота воздвиг, дворец соорудил» (Corpus 56, строки 3—4, 6—8). Действующее лицо одно, объект же в первом случае стоит во множественном числе, и при нем глагол оканчивается на *-ali*, а во втором — стоит в единственном числе при глаголе с окончанием на *-ni*;

3. ^m Išpuiniše ^{milu} Sardurieḫiniše ^m Menuaše ^m Išpuiniḫiniše ^{lu} Ḫaldiei susi šidištu-ni... «Ишпуин, сын Сардури, (и) Менуа, сын Ишпуини, бога Халда *susi* соорудили» (Corpus 16, строки 1—2). Два действующих лица соорудили один объект, глагол оканчивается на *-ni*.

Здесь отражение в предикате объекта, и только его, не дает активного построения. Положение не столь ясно в 1-м лице субъекта того же переходного глагола. Прежде всего бросается в глаза совпадение его показателя *-bi* с показателем 3-го лица непереходного глагола, то-есть пассивного показателя глаголов состояния¹. Едва ли это совпадение случайно, тем более, что во множественном числе 3-го лица непереходного глагола мы имеем то же окончание *-li* (*-ali*), что и в глаголах переходных при множественном числе объекта, следовательно равным образом пассивное:

1. ^m Menuaše ale nuna-bi ^m Erikuahḫi MATU-ni... «Менуа говорит: пришла Ерикуахи страна» (Corpus 21, строки 7—8). Один субъект, непереходный глагол оканчивается на *-bi*.

2. ^{alu} Ardinidi nuna-ali ^m Išpuinini ^{milu} Sardureḫe ^m Menua ^m Išpuiniḫe... «в город Ардин (Мусасир) пришли Ишпуин, сын Сардури, (и) Менуа, сын Ишпуини» (Corpus 12, строки 26—27). Два субъекта, непереходный глагол оканчивается на *-ali*.

3. Ср. то же положение в 1-м лице переходного глагола в части отражения в нем объекта: *šidištu-bi* «я выстроил его»; *šidištu -(a)li* «я выстроил их», если последний пример правильно приводится Фридрихом².

¹ Чтобы не загружать изложения настоящей статьи, я предлагаю более детальную проработку этого вопроса перенести в другое исследование, специально посвященное данной, весьма сложной проблеме.

² J. Friedrich, op. cit. стр. 7.

Учитывая приведенные выше сопоставления внутри урартского материала, можно прийти к предположению о том, что построение урартского предложения с переходным глаголом не будет полностью соответствовать всем особенностям картвельских языков, несмотря на весьма близкие к ним аналогии и несмотря на несомненно наличный в последних активный строй переходного глагола.

В том случае, если подтвердится пока лишь в общих чертах проведенный анализ урартских непереходных и переходных глаголов в 1-м и 3-м лицах един. и множ. чисел, то окажется вполне возможным, что имеющиеся в переходном глаголе урартского языка личные окончания будут выразителями объекта, а в таком случае все построение предложения, рассматриваемое со стороны взаимоотношений субъекта, объекта и предиката, окажется на этот раз пассивным. Все это еще окончательно не проработано, поэтому я не спешу с выводами в ту или иную сторону, но в то же время считаю себя вправе полагать, что и Г. В. Церетели высказал свое мнение слишком решительно.

Впрочем, должен оговориться: автор прекрасно учитывает наличие многих еще темных мест, остающихся до сих пор в интерпретации урартских текстов. Его приведенные выше высказывания, которые я позволил себе признать в известной степени преждевременными, касаются только общих структурных определений. Я имею здесь в виду лишь те суждения Г. В. Церетели, в которых он с полным к тому основанием уверенно идет по пути сближения урартского языка с кавказскими, в том числе с картвельскими, но в то же время, как кажется мне, доводит это необходимое сближение до отождествления. Тем самым ослабляется внимание к специфике урартской речи в ущерб не только ее пониманию, но и правильности применения весьма убедительных аналогий.

Автор настоящей работы подходит к чтению текстов во всеоружии. Он подвергает детальному разбору все, что представляется ему сомнительным, и проявляет в данном случае достаточную осторожность, высказывая мнения, с которыми другим исследователям придется считаться. Так например, не могу не согласиться с возникшими у Г. В. Церетели сомнениями в правильности перевода слова *baduse* (стр. 37, прим. 2 и стр. 41, прим. 2). Обычно оно понимается как выражение обветшалости или разрушенности. Автор с полным основанием усматривает в этом слове другое значение и условно останавливается на переводе «предназначенный для обитания, для жительства», связывая его с глаголом *šidištuni*, которому придается значение «вновь выстроил» а не «возобновил»¹. Подобного же рода сомнения возникли и у меня, когда я в 1932 г. задержался на анализе данного термина при чтении колагранской надписи. Я полагал тогда, что «в этом слове (*baduse*) можно установить наличие вспомогательной частицы *si*, наличной в *alu-si*, *pulu-si* и т. д. Остающаяся часть можно понять как сочетание префикса превосходной степени *ba-* (ср. *ba-ušini*—величайший) и основы глагола *-di* „класть, полагать, строить“». Впрочем, я тогда же оговаривался, что «на такой этимологии данного термина я вовсе не настаиваю, хотя все же перевод „величественный“, „обширный“ мне представляется более обоснованным, чем обычный „разрушенный“»².

При чтении урартских надписей остается еще много неясного не только в установлении синтаксических особенностей. Значительные затруднения представляет также и лексический состав. Эти затруднения полностью учитывает и Г. В. Церетели, не без основания признающий этимологию за «самую деликатную область в языкознании вообще» (стр. 14). Поэтому я не могу не приветствовать значительной осмотрительности автора в даваемых им переводах. Некоторые спорные места ему пришлось даже оставить без всякой интерпретации. Тем самым автор повышает доверие к себе, и те надписи, которым дается перевод, могут быть без всяких колебаний использованы лингвистом и историком, интересующимся стилем надписей, строем излагаемой в них речи и содержащимися в них историческими сведениями.

¹ Ср. J. Friedrich, op. cit., стр. 33; Его же статья в «Archiv Orientalni», IV, 1932, стр. 61; A. Goetze, Indefinites and Negations, Prohibitive and Imperative in the Urartean Language, RHA, 1936, стр. 183 и др.

² И. И. Мещанинов, Колагранская надпись, ИАН, 1932, стр. 85.

Такое внимательное отношение к публикуемому материалу вовсе не помешало дать перевод даже и там, где правильное понимание текста несколько колеблется. В этих случаях Г. В. Церетели приводит исчерпывающее объяснение причин, вынуждающих его примкнуть к тому или иному толкованию сложного повествования. Местами даются автором также и новые попытки чтения. В их числе следует упомянуть анализ названия страны Удуритини в Атамханской надписи (№ 21). Автор допускает возможность выделения конечного *-tini* в самостоятельное слово и чтение названия страны «Удурие» (Удури или Удуре); *tini*, в этом случае, может быть понято как существительное «имя, название», входящее в состав более сложного построения, означающего «страна Удуре имя (ее)». Основанием к этому служат нередко встречающиеся в надписях достаточно ясные сочетания типа *Menuai pili tini* «Менуи канал имя (его)»: «Менуа, сын Ишпуии, этот канал провел, Менуи канал имя (его)» (Согрус 34—52).

Я позволю себе несколько подробнее остановиться на этом новом чтении данного топонимического термина, так как им затрагивается одно из древнейших имен страны, достаточно ясно локализуемой районами Севанского озера. Тут мы имеем древнее название области, лежавшей в нынешних пределах Армении и, повидимому, Азербайджана. Тем самым новое чтение приобретает для нас немаловажное историческое значение.

Атамханская надпись, в которой упоминается только что названная страна, была найдена на скале около селения Атамхан на юго-западном берегу Севанского озера. Восточнее ее, на южном берегу того же озера, сохранилась колагранская надпись, в которой на строках 4—5 говорится о покорении четырех царей приозерных стран Аркукини, Луерихи, Великухи и Адахуии. Можно предполагать, что о них же упоминается на правой узкой стороне Сардуровской стелы (Согрус 132 А, строки 47—53), где повествуется о покорении четырех царей страны Уедури-Этиуни, в числе которых значатся цари стран Аркукини и Луеруни. Отсюда можно было бы прийти не столько к выводу, сколько к предположению, что в упомянутых двух надписях (колагранской и сардуровской) говорится об одних и тех же четырех царствах, объединенных общим именем приозерной страны Удурие-Этиуни или Уедури-Этиуни, граничащей с берегами Севанского озера, в частности и с теми, где расположено селение Атамхан.

В числе четырех царств, обозначенных в колагранской надписи, имеется страна Великухи. Сама колагранская надпись находится на юге Севанского озера, местонахождение же страны Великухи точно фиксируется районом Норбаязета, где найдена надпись с этим именем (Норбаязетская надпись). Следовательно, эти четыре царства Уедури-Этиуни тянулись по крайней мере с середины западного берега озера, где расположен Норбаязет, и на юг до Колагран. Как раз между ними и расположено селение Атамхан, что и дает основание к сопоставлению начертанного на его надписи имени Удуритини с обозначенным в сардуровских летописях Уедуриэтиуни, как конгломерата тех же четырех царств со страной Аркукини включительно¹.

Отсюда и делалось мною сличение обоих названий с выводами о том, что атамханское Удуритини является разиотчением сардуровского Уедури-Этиуни. Под именем Этиуни обычно, и не без основания, понимается громадная область центральной части Армении от Арпачая до Севанских гор. Примыкающий к ней приозерный район Гокчи (Севанского озера) и местности далее на восток, судя по только что упомянутым надписям, носили наименование Уедури-Этиуни, в котором легко усмотреть Удинские районы, причисляемые урартскими завоевателями к тем же обширным Этиунским областям.

Все только что сказанное отнюдь не устраняет допустимости и другого толкования в чтении имени Удуритини Атамханской надписи, согласно которому последнее не является разиотчением наличного в сардуровских летописях названия стран Уедури-Этиуни. Высказанное Г. В. Церетели в примечании на стр. 60 предположение о выделе-

¹ О покорении страны Аркукини говорится в надписи у селения Захалу, расположенного на южном берегу Севанского озера, еще дальше на восток от селения Колагран. Поэтому я и предполагал, что страны Уедури-Этиуни, огибая западное побережье озера, простирались на восток в районы Азербайджана. См. мою статью «Восточное Закавказье времен халдских завоеваний», ВДИ, 1937, № 1, стр. 73—77.

нии слова *tini* на самостоятельную позицию уточняет наименование самой страны, а именно «Удури», что ничуть не противоречит всему сказанному выше относительно связи названных четырех царств с Удинскими областями страны Этиуни. Наоборот, намечаемый вариант чтения идет по той же линии.

Страна могла носить имя «Удуре»: *ma^u Udurie tini* «страна Удуре имя (ее)». Эту же страну завоеватели с юга могли считать частью обширной области Этиуни: *ma^u Ueduri-Etiuni*. Таким образом, приведенный анализ Г. В. Церетели представляется мне заслуживающим полного внимания настолько, что его следовало бы перенести из примечания в текст, тем более, что страна Этиуни была слишком хорошо известна урартам и потому едва ли писец, находившийся к тому же на месте, в ее районах, мог дать ей такое необычное начертание, какое мы видим в Атамханской надписи.

Не могу не отметить равным образом очень остроумных и весьма убедительных выводов о необходимости объединения в единый текст отдельных фрагментов надписей № 15, 16, 17 (ст. 49—52, табл. XXV). Эти надписи, возбуждавшие у меня большие сомнения особенностью написания всего текста и некоторых знаков, в настоящее время, после весьма детального исследования Г. В. Церетели, получают свое более точное место в общем собрании урартских памятников. Во-первых, что наиболее важно, теперь уже ослабляются сомнения в подлинности данных фрагментов, каковые, в связи со значительным своеобразием текста, как в манере его написания, так и в сочетании и начертании знаков, могли невольно возникнуть (ср. надпись № 23 табл. XXIX и XXX, которая признается подложной, см. стр. 61). Во-вторых, самый текст, все же местами очень дефектный, дает тем не менее плавное изложение. И наконец, что мне лично представляется наиболее существенным, указанные надписи № 15, 16, 17, так же как и надпись № 14, вовсе не поддаются переводу (ср. табл. XVI и XXV).

После их сопоставления, что стало возможным лишь в результате проведенной Г. В. Церетели работы, ясно выступает хотя и близкое, но все же необычное для урартского языка построение грамматических форм и слов. Благодаря всему сказанному, еще более убедительным выступает предположение о том, что в данном тексте указанных четырех фрагментов мы имеем не обычный урартский язык повествовательных царских текстов, а какой-либо иной племенной язык или диалект, отступающий от обычно принятого урартского стандарта и в манере письма, и в оборотах речи, и в построении фраз и слов. Здесь как будто бы и сам писец принадлежит к другой школе. Это—не письмо, характерное для придворного графиста, выработавшего свою манеру начертания клинописных знаков, манеру, державшуюся веками и выработавшую свой специфический отпечаток, наложенный на заимствованное ассирийское письмо¹.

В параллель к надписям № 15, 16, 17 можно было бы, с известными оговорками, привести опубликованную М. В. Никольским эриванскую надпись², начертанную обычной урартской клинописью, но не поддающуюся точному переводу благодаря необычным грамматическим оборотам, до некоторой степени напоминающим те, о которых говорится в публикациях Г. В. Церетели. Если эти надписи и не представляют собою тождества по строю речи, то все же, как мне кажется, они в равной степени отходят от шаблона общепринятого образца, давая новый материал для постановки нового вопроса о диалектальных разновидностях языка древнего Вана. Вопрос весьма существенный и интересный.

В заключение позволю себе сделать несколько более частных замечаний. Так, автор, обследовав памятники Музея Грузии, устанавливает, что опубликованные в 1931 г. в Докладах АН надписи на базах колонн из собрания фотографий и эстампов Б. Н. Шаховского далеко не все представляют собою свежий материал и были частично уже воспроизведены в других изданиях (стр. 34, прим. 1). Констатация этого

¹ Все же тут не тот тип двуязычия, который прослеживается по надписи Мхер Капуси (Corpus 18, строки 1—31 и 32—94), см. И. И. Мещанинов, Два языка древнего Вана, в сборнике в честь акад. С. Ф. Ольденбурга, 1934, стр. 359—366; Ег о ж е, Язык ванской клинописи, II, 1935, стр. 106 сл.

² М. В. Никольский, Новооткрытая в Эриванской губернии клинообразная надпись, ИАН, 37, 1910, стр. 1—XIII, табл. 1.

факта ничего нового для меня не представляет. Об этом было известно еще в 1931 г., когда я приступил к публикации не одиночных экземпляров, а всех этих надписей, преследуя цель «полностью использовать собрание Б. Н. Шаховского в этой части содержимого в нем материала, состоящего из прекрасно выполненных эстампажей»¹.

Собрание урартских памятников Музея Грузии лишь недавно приведено в полный порядок и сделалось доступным для научного изучения. В связи с этим в 1931 г. у меня возникла мысль издать собрание Б. Н. Шаховского полностью, поскольку в нем имелись эстампажи еще не опубликованных или дефектно опубликованных текстов, что и подтвердилось впоследствии (надписи 3, 9, 10—11). Для начала я выделил базы колонн. То, что имело смысл в 1931 г., в настоящее время, конечно, уже утрачивает актуальное значение.

Кстати, не могу не заметить, что перевод идеограммы BITU словом «дом», как это предлагает также и Йог. Фридрих², не вполне отвечает стилю строительных надписей, в которых имеются в виду не просто «дома» со слишком широким значением данного термина, а более сложные и видные здания с колоннами, во всяком случае сооружения дворцового или культового назначения, скорее всего последние (BITU-aši). Несколько смущает меня также предположение Г. В. Церетели о том, что базы колонн впоследствии были использованы в качестве посуды (стр. 40). Я не думаю, чтобы таковою могли служить каменные глыбы диаметром чуть ли не в один метр. Некоторые из этих баз, весьма вероятно, получили позже и хозяйственное назначение, но все же не посуды.

К большому сожалению, придется сделать несколько замечаний о системе копирования надписей. Не могу сказать, что все соответствующие таблицы выполнены безукоризненно. При воспроизведении текста от руки принято по возможности точно копировать знаки. Это не только не соблюдено, но местами знаки начертаны в такой форме, которая режет глаза всякому, кто привык работать над подлинником. Например, знак i неоднократно написан со спущенными вниз первыми двумя клиньями, что не соответствует обычной, достаточно четкой урартской графике, в которой первые два клина обычно приурочиваются к промежуточным местам между тремя следующими (см. табл. IV, VII). Знак še на строке 7 надписи № 13 (таблица VIII) недописан, хотя в подлиннике (см. табл. XXIV) он вычерчен полностью. У знака ši в надписи 14 (табл. VI, строка 1) первый клин представлен удлинено, чего нет в подлиннике (табл. XVI). Знак lu на строке 18 таблицы V (надписи 10—11) начертан крайне небрежно (ср. верхний горизонтальный клин). На таблице V (надпись 12) нумерация строк спутана (опущен номер шестой строки). На странице 62 знак še, совершенно правильный в оригинале надписи, считающейся подложной (табл. XXIX), повторен в воспроизведении в совершенно искаженном виде, к тому же и все клише выполнено крайне небрежно, вопреки четкому начертанию в самой надписи. На таблице IX, где повторена та же надпись № 23, во второй строке детерминатив лица представлен в виде знака те, повидимому благодаря наличию в оригинале выемки, и т. д.

Не могу не пожалеть и о том, что Г. В. Церетели не отмечает у каждой издаваемой им надписи соответствий по Corpus inscriptionum Chaldaicarum, что значительно облегчило бы пользование обоими трудами.

Все эти досадные недочеты, которых не хотелось бы видеть в таком хорошем издании, ничуть не умаляют других его положительных сторон, в особенности самого факта полного издания богатейшей урартской коллекции Музея Грузии, издания, которым с успехом воспользуются лингвист и историк.

Акад. И. Мещанинов

¹ И. И. Мещанинов, Халдские надписи на базах колонн собрания Б. Н. Шаховского, ДАН, 1931, стр. 30.

² J. Friedrich, Zum urartäischen Lexikon, «Archiv Orientalni», IV, № 1, 1932, стр. 56.

Государственный Эрмитаж. «Труды Отдела истории культуры и искусства Востока». Том I. Ленинград, 1939. 325 стр., 101 табл. Цена 35 руб.

Вышедший недавно I том «Трудов Отдела Востока» Государственного Эрмитажа посвящен, за исключением двух статей, истории культуры и искусства древнего и доисламского Востока. Как и следовало ожидать, труды такого большого научного коллектива, каким является Государственный Эрмитаж, представляют большой интерес. Всего сборник содержит 17 статей.

Проф. Н. Д. Флитнер, в статье «Земледельческие культы древней Месопотамии в свете последних раскопок» пользуется результатами раскопок Вулли (Woolley) в Уре (Южное Двуречье), главным образом так наз. «царских» гробниц с человеческими жертвоприношениями. Автор присоединяется к точке зрения Бёля (Böhl), который считает их могилами жриц, представлявших в храмовых мистериях супругу умирающего бога плодородия (в данном случае Наннара-Сина) и потому принужденных, подобно Иштар, низойти в «преисподнюю» за своим супругом. В подтверждение этой точки зрения автор приводит сравнительный материал из представлений различных народов, видя в некоторых из них не только аналогии шумерским представлениям, но и элементы косвенного влияния вавилонской культуры. Толкование значения урских гробниц, предложение Бёлем, несомненно, заслуживает внимания (дополнительным доводом в пользу его является между прочим титул «супруги бога Наниара», принадлежавший верховной жрице Ура еще при Саргоне Древнем)¹. Весьма интересен и материал, приводимый автором статьи. Однако опубликованные после написания этой статьи отчеты экспедиции Вулли вынуждают пересмотреть в значительной мере положения Бёля. Следует отметить, что переводы Витцеля (Witzel), которыми частично пользуется автор, не всегда вполне безупречно обоснованы. Употребление устаревшего «Ширпурла» вместо «Лагаш» объясняется, вероятно, просто привычкой автора.

Во второй статье того же автора «Сиро-хеттские памятники Эрмитажа» дается издание трех вещей: курильницы, маленького грифона и цилиндрической печати—памятников искусства, условно (без должной дифференциации, как указывает автор) называемого «сиро-хеттским». Наиболее интересна печать,—по мнению автора, образец северномесопотамского (поздне-«хурритского») искусства самого начала I тысячелетия². Она была найдена в могильнике Кумбулта в Северной Осетии. Как замечает автор, это указывает на раиние связи между Кавказом и странами древнего Востока. Надо думать, что печать попала на Северный Кавказ через посредство Урарту, самое раннее в конце IX в. до н. э., скорее несколько позже. Случаи употребления цилиндрических печатей на периферии древневосточного мира много позже времени их изготовления нам известны³. В связи с изображениями на данных вещах автор касается ряда важных проблем культуры древнего Востока—культа дерева, богини-матери и т. д. Предположение автора, что мотив «переплетения ног» нагой богини имеет происхождение чисто композиционное в качестве попытки заменить «плетенку», символ богини, кажется мне менее вероятным, чем другое, приводимое там же предположение, что мы имеем здесь указание на связь этого божества со змеей. Упомянутая автором нагая фигура, изображаемая на вавилонских цилиндрах рядом с фигурой Энкиду, возможно, представляет собой богиню Ишхару, перед святилищем которой происходил бой Энкиду с Гильгамешем⁴. Ишхара почиталась в северной Сирии, и это, как и мотив кедра,

¹ Надпись на диске Эихедуанны, дочери Саргона, жрицы Наниара (из раскопок Вулли). *Ur Excavations, Texts I*, 1, 23.

² Впрочем, не исключена возможность датировки этого памятника концом II тысячелетия.

³ Так, печать с упоминанием имени Ибисина, царя Ура (XXIII в. до н. э.), была оттиснута на «каппадокийской» табличке из Кюль-тепе (Малая Азия), около 2000 г. до н. э.

⁴ См. J a s t r o w and C l a y, *An Old Babylonian Version of the Gilgamesh Epic*.

указывает, быть может, на сирийское влияние в аккадской версии эпоса Гильгамеша как результат связей династий Аккада с северо-западом¹.

Б. Б. П и о т р о в с к и й в статье «Урартские бронзовые статуэтки собрания Эрмитажа» издает несколько бронзовых статуэток из Вана, стилистически близких ассирийскому искусству и составлявших, вероятно, часть трона. Автор останавливается подробно на технике их изготовления. Принципиальное значение имеет вывод о причинах стилистической близости урартских, ассирийских и других памятников искусства: «Передняя Азия X—V вв. до х. э. представляла собой конгломерат не всегда прочных классовых общественных объединений военного характера, постоянно менявших границы своих территорий... В этой обстановке металл и металлические изделия являлись основным предметом торговли и междубщинного обмена, и военной добычи, что и объясняет нахождение тождественных бронзовых изделий в разных частях Передней Азии и за ее пределами. Это же обстоятельство привело к образованию скрещенных стилистических элементов в искусстве Передней Азии, которые мы не можем определенно приписать никакой этнической группе. Эти художественные элементы являются, в собственном смысле слова, переднеазиатскими, и они только получили развитие в отдельных центрах» (стр. 59).

Проф. И. М. Л у р ь е в статье «Элементы животного эпоса в древнеегипетских изображениях» дает обзор и анализ так наз. «юмористических сцен» с животными в египетском искусстве. Автор разделяет их на две основные группы: к одной он относит жанровые сцены, к другой, наибольшей, — изображения, являющиеся, по его мнению, «отображением религиозно-мифологических действий» (стр. 74), в которых принимают участие животные, а также люди, переодетые животными, разыгрывающие сцены из мифов о богах. Аналогичным образом автор толкует изображения на арфе с золотой головой быка из Ура. Автор подкрепляет свою точку зрения чрезвычайно интересным материалом, стремясь показать также и пути создания из этих мифов животного эпоса и басен. Автор отбрасывает толкование данных изображений как карикатур, так как «для древнеегипетского мышления эти же животные (обезьяна, шакал, осел и т. д. — И. Д.), являясь священными, были самым неразрывным образом связаны с представлениями о богах Тоте, Анубисе и Сете» (стр. 76). «Поэтому глубоко ошибочно, антиисторично усматривать в интересующих нас изображениях карикатуры, ибо это значит навязывать древнему Египту наши современные представления» (стр. 77).

В статье того же автора «Иммунитетные грамоты Древнего царства» затрогивается ряд исторических вопросов принципиальной важности. В статье даны переводы 11 иммунитетных грамот Древнего царства — одних из наиболее интересных памятников, раскрывающих характер хозяйства древнего Египта.

Автор приходит к заключению, что *mr.t* — непосредственные производители на землях храмов, получающих иммунитеты, — могли располагать «своими руками и продуктами своего труда» (стр. 121) и, следовательно, не являлись рабами. «Ведь в самом деле, если мы допустим, что *mr.t* являются рабами, то как можно объяснить то, что целый ряд управлений, в том случае если *mr.t* не находятся под охраной иммунитетной грамоты, могут претендовать на их физическую силу или на продукты их труда?» (стр. 122). Довод этот был бы убедителен, если бы от привлечения к повинностям освобождались сами *mr.t*. Однако под охраной иммунитетной грамоты находились вовсе не *mr.t*, а их хозяин — храм, как замечает в другом месте сам автор: «...иммунитетные грамоты, дававшиеся храмам, действительно имели целью изъять храмовые владения из ведения царских и номовых властей, ибо доходы с них служили оплатой жречества, естественно, не желавшего ни с кем делиться ими» (стр. 129). И далее: «Ведь „освобождения“ и „защиты“, которые даруют указы, отнюдь не следует понимать как отмену тех повинностей, которые до того выполнялись производителями; менялся лишь получатель этих повинностей: вместо прежнего владельца — фараона — их получают теперь жрецы храмов» (стр. 125). Другими словами, это была как бы сделка о распределении доли в эксплуатации *mr.t*. Храм освобождался от обязанности уплачивать подати,

¹ Ср. дворец Нарам-Сина, обнаруженный раскопками в Телль-Ачане (сев. Сирия).

кормить царских гонцов и предоставлять каких бы то ни было людей на государственные повинности, что, конечно, свободно могло иметь место и в том случае, если *mr.t* были рабами¹. Мне кажется, что в данном случае нельзя видеть указания на право производителей располагать своей рабочей силой и продуктами своего труда. То обстоятельство, что обычный термин для раба—*ḥm*—почти никогда не употреблялся в эпоху Древнего царства², делает еще более вероятным, что под *mr.t* иммунитетных грамот могут иметься в виду и рабы³. Вопрос о *mr.t*, повидимому, должен быть рассмотрен египтологами, но во всяком случае нельзя согласиться с автором, когда он видит в иммунитетных грамотах «некоторые элементы феодальных отношений».

Статья проф. И. М. Лурье содержит интересные данные о египетском храмовом хозяйстве и жречестве и заслуживает серьезного внимания всякого, кто занимается вопросами истории древнего мира и истории Востока, в частности приводятся веские доказательства против предположения, что храмовое хозяйство совпадало с хозяйством нома.

В статье «Беседа разочарованного со своим духом» проф. И. М. Лурье поднимает существенный для истории Египта вопрос о датировке известного восстания (по мнению автора, крестьянского), о котором идет речь в «Поучении Ипувера» (Лейденский папирус) и в «Поучении Ноферреху» (эрмитажный папирус). На основании ряда данных литературно-филологического анализа и анализа внутренних свидетельств «Беседы» и обоих «Поучений» автор присоединяется к мнению Гардинера и Эрмана, согласно которому восстание произошло в период между Древним и Средним царством; автор находит указание на это же восстание также в ряде автобиографических надписей времени IX—X династий. В азиатах, упоминаемых «Поучением Ипувера», автор отказывается видеть гиксосов, как это делают К. Зете и акад. В. В. Струве.

Н. А. Шолпо в статье «Два фрагмента египетских водяных часов» впервые дает полную публикацию частей двух клепсидр раннеэллинистического времени из собрания Эрмитажа, описывает их устройство и устанавливает их датировку временем Александра для одной и временем Птолемея I для другой. Наличие на клепсидре Александра тронного имени, совпадающего с тронным именем Нектанеба II, является косвенным указанием на создание еще при жизни македонского завоевателя легенды о его происхождении от Нектанеба, отразившейся в романе Псевдо-Каллисфена.

Проф. М. Э. Матее в статье «Коптские и египетские магические женские статуэтки» разбирает группу памятников, часто понимаемых как «куклы», и показывает, что эти фигурки служили «магическим средством для получения потомства». Автор привлек интересный материал из области египетского мировоззрения, а также из области представлений первобытных народов.

Т. Н. Ушакова, разбирая один из видов орнамента на античных канделябрах, в статье «Пережитки египетских религиозных изображений в орнаментации античных канделябров» доказывает, что данный орнамент восходит к египетскому изображению уреев и проник в античное искусство из областей восточного Средиземноморья, находившихся под египетским влиянием.

Вторая статья проф. М. Э. Матее «Коптская расписная керамика Эрмитажа» дает публикацию 24 предметов керамики, хранящихся в Государственном Эрмитаже,

¹ Так именно обстоит дело в ассирийских и вавилонских иммунитетных грамотах (впрочем, значительно более поздних—в ранних царь говорит лишь, что «повинностей (храма) я не пожелал»—L. W. King, RA, IX, стр. 92). В них говорится совершенно ясно, что «поля, сады и люди» владельца освобождаются от податей и повинностей, т. е. «люди» приравниваются к прочему имуществу.

² «Труды», стр. 136².

³ Так трактует термин *mr.t* и М. А. Коростовцев в своей статье о декрете Сети I в Наури, на который ссылается автор. «Исторический архив», т. II, 1939, стр. 279—280. Но, может быть, *mr.t* означают «земледельцев» без определения их социального положения? На это как будто указывает контекст указов I, 15—25, V, 1—5 и VI, 1—5. Ср. шумерское слово *guruš* или *kala(g)* (идеогр. KAL), которое имеет значение просто «муж», «сильный», «работник», но на практике в известную эпоху (III дин. Ура) означает, возможно, раба.

и характеристику этой наименее исследованной области коптской археологии. В противоположность предыдущему исследователю коптской керамики Мэррей (Miss M. Miggau), автор приходит к выводу, что эта керамика теснейшим образом связана со всем коптским искусством и при этом стоит в определенной связи—сюжетно, а также технически—с древнеегипетским искусством и древнеегипетской керамикой.

Статья К. С. Ляпуновой «Коптская ткань с мифом о Геракле» посвящена анализу одной из тканей Эрмитажа и вопросу об отражении мифа о Геракле в коптском искусстве.

«Эпиграфические заметки» проф. А. Я. Борисова содержат издание 26 пальмирских тессер Государственного Эрмитажа, одной мандейской магической чаши и нескольких сасанидских резных камней. Публикация магической чаши является, повидимому, началом издания эрмитажной коллекции этих весьма трудных памятников семитской эпиграфики. По поводу магических чаш, под которыми «погребался» злой дух (стр. 235), укажем на возможную органическую связь, существующую между ними и распространенным в Вавилонии обычаем погребений в виде большого глиняного сосуда, прикрытого чашей¹. По поводу употребления термина *gelalā* вместо *abnā* «камень» вавилонскими арамеями заметим, что оно засвидетельствовано уже для ахеменидской эпохи². В примечании к этому исследованию автор касается очень важного для истории культуры Передней Азии и Ирана вопроса об образовании среднеперсидской письменности. Это примечание основывается на неизданной работе А. Я. Борисова, которую было бы чрезвычайно желательно видеть опубликованной.

Весьма интересно исследование А. Я. Борисова, посвященное группе сасанидских резных камней, происходящих из христианской среды Ирана.

Статья проф. К. В. Тревер «Отражение в искусстве дуалистической концепции зороастризма» посвящена по существу иконографии иранского божества Зрвана. Согласно точке зрения автора, первоначально верховным божеством иранцев был Зрван, «Вечность». Это абстрактное божество отошло на задний план с созданием в Иране классового общества, «... к ахеменидскому периоду, т. е. к периоду развития первого государственного образования в Иране». «...Это свержение отца сыном (т. е. верховным божеством ахеменидского и зороастрийского Ирана Ахурамаздой.—И. Д.) могло произойти в результате реформ Заратуштры, учение которого, сохраняя дуалистическое мировоззрение и культ стихий, провозгласило верховным божеством Ахура-Мазду». Происшедшее в иранском пантеоне перемещение «выразилось в появлении рельефов со сценой единоборства бога в образе царя со своим чудовищным противником» (стр. 246 сл.). Таким образом, автор толкует персепольский рельеф, изображающий бой царя с чудовищем, не как борьбу светлого и темного начала, Ахурамазды и Ангромайю (Ахримана), а как борьбу Ахурамазды со своим отцом, богом старшего поколения, творцом Зрваном. Доказательством того, что данное чудовище действительно Зрван, автор считает то обстоятельство, что в образе чудовища совмещены лев, орел и скорпион—представители всех стихий, создание которых приписывалось Зрвану. Во II—III вв. до н. э. Зрван, как спутник бога Митры, изображался в виде «старца с головой льва и с четырьмя крыльями, тело которого обвито и как бы сковано кольцом змеи, что, повидимому, вызывает крик его, судя по открытому рту» (стр. 244)³.

Более вероятным кажется мне другое разрешение поставленной автором проблемы, путь к которому указан самим автором. Автор сопоставляет изображение чудовища на персепольском рельефе с нововавилоиской бронзовой плакеткой, найденной в Пальмире (так наз. *Lamaštu-Amulett*). Но изображение на ней, по мнению большинства исследо-

¹ Ср., например, K o l d e w e y, *Das wiedererstehende Babylon*, 4. Aufl., стр. 54, 267 и рис. 195; его же, *Die Tempel Babylons und Borsippas*, стр. 59.

² (*aban*) *ga-la-la* в вавилонской версии большой строительной надписи Дария из Суз (V. S c h e i l, *Inscriptions des Achéménides à Suse*, 1929, № I). Арамеизмы вообще крайне часты в вавилонских версиях царских надписей Ахеменидов.

³ Крик этот—крик гнева, ср. J e r e m i a s, *Handbuch der altorientalischen Geisteskultur*, 2. Aufl., стр. 221—222.

вателей, толкуется иначе, чем у автора¹. В верхнем регистре, после символов богов, обычных для нововавилонских изображений религиозного характера, идет ряд известных семи вавилонских демонов, ниже—изгнание из больного злых духов жрецами в одежде бога Эа, наконец, внизу—злой дух в ладье мертвых, Ламашту. Эта плакетка употреблялась, вероятно, в ритуале изгнания злого духа. На обороте изображена фигура с человеческим телом, орлиными когтями, хвостом скорпиона, четырьмя крыльями и со львиной или собачьей мордой. Данная фигура—хорошо известный в вавилонской иконографии злой демон ветра и «поветрий»—«Пазузу». Сопоставление «Пазузу» с чудовищем персепольского рельефа следует признать правильным. Вообще говоря, для многих изображений на ахеменидских рельефах можно найти нововавилонские прототипы, и данное чудовище, очевидно, не является исключением. Но месопотамские «смешанные существа» могут изображать только демонов². Поэтому я думаю, что более правильно предположение, согласно которому персепольский рельеф изображает Ахримана, главу демонов.

Правильной следует признать высказанную в статье мысль, что сцены борьбы и охоты в раннем иранском изобразительном искусстве являются не чисто бытовыми, а связаны с определенными культовыми представлениями.

Во второй, чрезвычайно интересной статье проф. К. В. Т р е в е р «Художественное значение сасанидских монет» исследуется этот еще почти неиспользованный материал по истории сасанидского искусства. Автор связывает искусствоведческую и историческую периодизации сасанидского времени, подробно анализируя материал по периодам, и указывает на огромное значение монет для истории искусства и культуры Ирана и соседних с ним стран.

А. В. Б а н к в статье «К вопросу о клеймении серебра в Византии» разбирает вопросы терминологии и приходит к выводу, что византийский термин *ἀργύρεον* может иногда толковаться не как «серебро», а как «неклеяемый металл».

Статьи Т. А. И з м а й л о в о й «Архитектурные фрагменты из Анберда» и М. М. Д љ я к о н о в а «Фаянсовый сосуд с иллюстрациями из Шах-Намэ» касаются отдельных вопросов истории культуры средневекового Востока. Роспись сосуда, описываемого в статье М. М. Дьяконова, дает целую серию весьма близких к тексту иллюстраций к эпизоду из Шах-Намэ «Бижан и Манижэ» и дает представление об иранской миниатюрной живописи XII—XIII вв.

Книга издана красиво, на хорошей бумаге и с большим количеством таблиц. Статьи снабжены французскими резюме. К сожалению, первый том «Трудов» носит следы слишком продолжительного пребывания в издательском портфеле. Раскопки Вулли в Уре уже не являются «последними» (статья Н. Д. Флиттнер); ссылка в статье М. Э. Матье о магических статуэтках на работу И. Л. Снегирева 1929 г. как на «недавнюю» (стр. 173) звучит странно. Трактровка древнеегипетского общества И. М. Лурье как «феодализирующегося» или неразвитого феодального (стр. 136) также явно устарела.

И. Дьяконов

«Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры». Вып. IV, V, VI, VII. Л., 1940. 68, 86, 98 и 106 стр.

Четыре новых выпуска «Кратких сообщений ИИМК» составляют вместе объемистый том. Многообразие материала, заключенного в этих выпусках, иллюстрирует обширную работу, которую провели советские археологи и которая до сих пор не получила еще возможности публикации.

¹ В. Meissner, *Babylonien und Assyrien*, B. I, Abb. 213, B. II, стр. 204, 223; А. Jeremias, *op. cit.*, § 164, 415 и др. Аналогичных плакеток нам известно несколько, и не на всех распределение изображений—одно и то же.

² Е. Unger, *Babylon*, стр. 214.

Каждый выпуск открывается изложением докладов сотрудников Института, затрагивающих узловые проблемы древней истории.

В IV выпуске к таким работам принадлежит доклад Е. Ю. Кричевского «Мезолит и неолит Европы». Автор в связи с подготовкой большого раздела первого тома «Всемирной истории» в итоге занятий по мезолиту и неолиту Европы предлагает свою периодизацию. Он считает, что примерно за 3000 лет до н. э. заканчивается процесс разделения населения Европы на «земледельческое» и попрежнему «охотничье-рыболовческое». В период 3000—1800 гг. до н. э. происходят усложнение и дифференциация культуры отдельных районов, а также постепенное распространение скотоводства и у охотников и у скотоводов. Е. Ю. Кричевский дает краткую характеристику многочисленных локальных культур Европы этой стадии, выделенных как и последующие, главным образом по Г. Чайльду. Затем рисуется процесс выделения скотоводческих племен, образующих большие группы: «западно-европейскую» на основе племен Шассей, Уиндмил-хил и михельсбергских; «центрально-европейскую» на основе племен познетрипольских, ленггильско-иосвицтерских, «свайных построек», вальтерниенбургских «мегалитических» и «керамики шнуровых амфор»; «восточно-европейскую» на основе племен с «ямочно-гребенчатой» керамикой, которые дают на севере «фатьяновский», а на юге «ямно-катакомбный» скотоводческий вариант. Все три этапа Кричевский иллюстрирует ясно составленными картами. При общей убедительности доклада нельзя не пожалеть, что Е. Ю. Кричевский продолжает в неолит включать культуры, характеризующиеся уже устойчивой бронзовой индустрией. Это, как и у Г. Чайльда, схематизирует изложение, смазывая вопрос о неравномерности развития различных районов, имеющей огромное значение для их последующей истории.

Статья С. А. Семенова посвящена изучению следов работы на каменных орудиях. Автор предлагает микрофотографический метод определения функций палеолитических орудий и демонстрирует убедительные примеры его применения. В частности, он опровергает общераспространенное мнение о назначении остроконечников с выемкой, считая их не острием дротика или копья, но специальным ножом для вспарывания туш.

Попытку подытожить исследования по неолиту Крыма содержит статья Бибикова.

Две другие статьи посвящены материалам античного Юга. Академик С. А. Жебелев остроумно доказывает, что 'Αρμένιοι ольвийских надписей являются переселенцами из города Армены (около Синопа), а не армянами, якобы переселенными в Ольвию Митридатом Евпатором. В статье А. К. Тахтая издается очень редкая у нас на юге черепица из эллинистического Жерсонеса, имеющая специальное отверстие с покрытием—кровельное окно.

Раздел отчетов о полевых исследованиях в IV выпуске очень велик. Мы узнаем, что в области палеолита с успехом продолжала работать Деснинская экспедиция (сообщение М. В. Воеводского), обнаружившая мустьерскую индустрию и фауну не только в Чулатове III, но и еще в трех пунктах. Особенно важна находка в овраге Язви, где пески, содержавшие мустьерское скребло, были перекрыты рисской мореиой. Стоянка Костенки IV (сообщение А. Н. Рогачева) дала два жилища, реконструируемые исследователем в виде длинных полуземлянок с двускатным перекрытием. Следует отметить также находки на этой палеолитической стоянке шлифованных изделий из камня. Сообщение М. В. Талицкого о раскопках самой северной в СССР Островской верхнепалеолитической стоянки на Чусовой содержит уточнение геологических условий ее залегания, а также описание материала, найденного около раскопанных кострищ. Особо следует отметить находку на Чусовой орудий раннемустьерского облика.

Как всегда, очень велик материал, добытый работами в Семиречье (сообщение А. Н. Бернштама). В Джамбульской области раскапывались Берккаринские курганы (III в. до н. э.—II в. н. э.). Здесь найдено много бытовых вещей и оружия, местного и китайского изготовления. Особенно интересны предметы скифского облика, в частности пряжка с изображением головы льва, держащего в пасти птицу. Разведки в Алмаатинской области открыли основные культурные центры и пути сношений этого края.

В долине реки Талас продолжались раскопки курганов с катакомбами местных кочевников начала н. э. Прекрасно сохранились органические остатки—деревянные части детской колыбели типа киргизских «пешик-бала», ложе из арчевых досок, а также одежды, имеющие в покрое сходство с одеяниями гуннов Ноин-Улинских курганов СВ Монголии. В Чуйской долине раскопки производились на городище Красная Речка и в замках его окрестностей. Один из замков оказался согдийским. На самом городище обращает внимание находка здания, украшенного внутри резьбой и раскраской в типе известных панелей, открытых в столице аббасидских халифов—Самарре. Раскопки на другом городище Ак-Пешин обнаружили «киданьский» квартал города Беласагуна.

Не менее обширен материал сообщения А. Ю. Якубовского о работах Зеравшанской экспедиции, работавшей на городищах Пейкенд и Тали-барзу. Исследованиями Пейкендского городища установлено его существование еще в Кушанское время. Значительно древнее городище Тали-барзу, где прослежена непрерывность напластований с начала I тысячелетия до н. э. и до VIII в. н. э.

Большой интерес вызывает сообщение М. Е. Массона о результатах археологического надзора на строительстве Большого Ферганского канала им. И. В. Сталина. Перечисление огромного числа находок и наблюдений, освещающих историю Ферганы с каменного века до последнего Кокандского ханства, заставляет с нетерпением ждать публикации развернутого отчета.

Продолжению раскопок древней Тиритаки посвящено сообщение В. Ф. Гайдукевича. Находка архаических терракот подтвердила древность поселения. Исследование развалин римского времени вскрыло новые рыбозасолочные ванны и остатки винодельни. По материалам верхних слоев удалось установить, что Тиритака была покинута населением только в VII—VIII вв. Из отдельных находок большое внимание привлекает амфора IV—V вв., в которой сохранилась нефтяная жидкость, употреблявшаяся, вероятно, для освещения и в медицинской практике. Раскопки белокаменного правобережного городка около ст. Цымлянской (сообщение И. И. Ляпушкина), давшего некогда имя «Белая Вежа» левобережному византийско-хазарскому Саркелу, осветили культуру этого поселения в VIII—X вв.

В 5 в ы п у с к открывается статьей Б. Б. Пиотровского «Припонтийские халдеи и халды», посвященной выяснению неправильности отождествления припонтийских халдеев с урартами и представления о том, что термин «халд» является племенным термином урартов. Касаясь этих специальных вопросов, автор показывает тесную связь неправильного их разрешения с ошибочными построениями в древней истории Закавказья, проникшими даже в учебники.

Вторая статья «Некоторые вопросы этногонии восточного славянства» П. Н. Третьякова стремится прежде всего, подытоживая результаты археологических исследований, представить картину этнического состояния Восточной Европы накануне образования славянских и финских племен. Рассматривая Поднепровье, Верхнее и Среднее Поволжье и Волгоокское междуречье около начала нашей эры, П. Н. Третьяков совершенно правильно находит там многочисленные группы населения, различные в культурно-историческом отношении. Это не позволяет считать население перечисленных областей однородным, якобы представляющим собой аморфную массу литовских и финно-угорских племен. Лишь в последующую эпоху на основе этой разнородной массы слагаются восточно-финские, славянские и прибалтийские племена. Следует пожелать скорейшего опубликования работы П. Н. Третьякова с развитой аргументацией.

В следующем разделе V выпуска «Кратких сообщений» спорный вопрос о происхождении лука приближает к разрешению доклад А. П. Окладникова, обращающего внимание исследователей на метательную стрелу долганского типа, как возможную подготовительную ступень к созданию лука.

В докладе «Золотая диадема из шаманского погребения на р. Карагалинке» А. Н. Бернштам рассмотрел находку 1939 г. в Алмаатинской области. Диадема представляет собой изделие степных ювелиров, украшенное ажурным звериным орнамен-

том с инкрустацией камнями и эмалями. По стилю украшений она может быть датирована временем около начала нашей эры. В тематике изображения А. Н. Бернштам видит отражение шаманских представлений.

Другие статьи второго раздела («Жилые кварталы поздне-средневекового Херсонеса» А. Л. Якобсона, «Фрески XI—XIII вв. в Суздальском соборе» А. Д. Варганова и «Об археологическом изучении сельских феодальных поселений в пятинах Великого Новгорода» С. А. Таракановой) содержат также свежий материал большого значения и, вероятно, будут отражены в специальной литературе.

Третий раздел V выпуска содержит мелкие статьи и заметки.

Статья А. А. Иессена и Г. П. Сосновского «К истории использования олова в Приенисейском крае» должна привлечь внимание практических работников, так как указывает на глубокую древность использования местного олова на среднем Енисее.

Статья акад. С. А. Жебелева «Танаидские братья-приемыши», привлекая сравнительный материал, в частности устав афинского общества, группировавшегося вокруг культа Вакха-Диониса, ставит вопрос о возможности считать танаидских «братьев-приемышей» adoptированными со стороны лицами, отцы которых не были членами коллегии.

Статья О. А. Артамоновой «Древнейшее поселение на о. Березани» сообщает об остатках поселения с землянками, открытого на северной оконечности острова. Поселение хорошо датируется ионийской керамикой VI в.

Новые материалы по античной торговле дает заметка А. К. Тахтая «Античные клейменные пифосы из Херсонеса».

Постановка вопроса о надземных погребениях в среднем Поволжье в статье В. В. Гольмстен имеет не только местное значение. Статья заставит задуматься многих археологов, иногда много лет тщетно разыскивающих в той или иной местности древние погребения.

Четвертый раздел V выпуска знакомит с результатами новых исследований на палеолитической стоянке Буреть в Прибайкалье, где найдены новые статуэтки (сообщение А. П. Окладникова), и на стоянке позднего лесного неолита у Вой-Наволока на Онежском озере (сообщение Н. Н. Гуриной), с разнообразными исследованиями Северокавказской экспедиции 1939 г. (сообщение А. П. Круглова), с подземными жилищами на скифском поселении около Николаева (сообщение П. Н. Шульц), с результатами работ на савроматском городище Чудаки в Челябинской области (сообщение К. В. Сальникова). Особенно интересны выясненные Сальниковым в Чудаках остатки столбовых домов, до недавнего времени считавшихся исключительно западным явлением (ср. Лужицкие дома из Бискупинского городища, опубликованные М. В. Воёводским, ВДИ, 1938, № 2 (3)). V выпуск «Кратких сообщений» отмечает также 80-летний юбилей В. А. Городцова специальной статьей и списком трудов юбиляра, вышедших после 1929 г.

VI выпуск «Кратких сообщений» открывается изложением доклада М. И. Артамонова на сессии Отделения истории и философии АН СССР «Спорные вопросы древнейшей истории славян и Руси». Доклад этот подводит итог обсуждению макета двух первых томов «Истории СССР» и особо подробно излагает проблему этногонии славянства. М. И. Артамонов большое значение в консолидации славян, даже восточных, придает борьбе их с Восточно-Римской империей, когда в VI—VII вв. громадные массы славянства передвигались на юг, за Дунай. Что касается вопроса о «Руси», то на основании нового анализа источников М. И. Артамонов считает этот термин древним этническим, связанным с поднепровскими племенами, ставшим у них обозначением политического образования с центром в Киеве.

Итогам археологического изучения Средней Азии за двадцать лет посвящен доклад А. Ю. Якубовского «ГАИМК-ИИМК и археологическое изучение Средней Азии за двадцать лет».

Раздел статей открывается работой Г. В. Григорьева «Поселения древнего Согда», посвященной главным образом исследованиям автора на Тали-Барзу. Признавая боль-

щую ценность сделанных автором наблюдений, не можем не отметить опасность, тающую в его раскопчиом приеме—вскрытии разрезов по склонам городищ. Этот прием, некогда применявшийся А. А. Спицыным, дает большое количество находок, но всегда в путаной стратиграфии. В статье «Согдийская колонизация Семиречья» А. Н. Бернштам различает два колонизационных периода: III—IV в. и VI—IX вв. Вторая колонизационная волна кончается ассимиляцией согдийцев с кочевниками-тюрками. Из других статей: «Освоение огня»—П. И. Борисковского; заметка о скелетах из неолитического могильника Южного Оленьего острова—Е. В. Жирова; «Писаница на горе Кизех-Тах» в Хакаснии—Г. П. Сосновского; «Тиритакский клад»—А. Н. Зографы и «К вопросу о Киеве VIII—IX вв.»—М. К. Каргера,—каждая в своей области представляет оригинальное исследование новых памятников. Особое внимание привлечет последняя статья М. К. Каргера, где опубликованы данные о вновь открытом рве и вале, отграничивавшем некогда древнейший (до-владимировский) Киев,—небольшое городище на западной оконечности Андреевской горы. Для характеристики быта этого города большое значение имеют раскопки там же землянки VIII—IX вв.

В разделе полевых исследований прежде всего отметим сообщение А. П. Окладникова о новой мустьерской стоянке «Амир-Темир» в Узбекистане, недалеко от грота Тешик-Таш, знаменитого своим погребением мальчика-неандертальца. Сообщение С. П. Толстова «Хорезмская экспедиция 1939 г.» кратко излагает материалы, публикуемые в настоящем номере ВДИ. Из следующей заметки Т. Н. Книпович мы узнаем о результатах возобновленного исследования архаического некрополя Ольвии, для которого, как и для позднейших ольвийских кладбищ, оказывается характерным наличие двух связанных друг с другом групп—греческой и туземной. Нельзя не отметить и последнего сообщения А. П. Смирнова об открытой им бане в Булгаре на Волге. Прекрасная сохранность развалин знакомит нас с многокомнатной баней золотоордынского города снабженной водопроводом, ваннами и фонтаном с изящным водоемом. Упомянем также заканчивающую VI выпуск информацию о находке на Яве остатков четвертого питекантропа.

В VII в ы п у с к е «Кратких сообщений ИИМК» мы прежде всего находим материалы пленума Института, посвященного археологическому изучению Карело-Финской республики. Доклад В. И. Равдоникаса «Археологические памятники западной части Карело-Финской ССР» подводит итог последним исследованиям и показывает на ряде примеров, что западное и северное Приладожье и в неолите и даже в VIII—XI вв. оказывается в большей степени связанным с восточными районами, чем с областями современной Финляндии. Что же касается карельской культуры, известной нам по памятникам XII—XIV вв., то В. И. Равдоникас доказывает, что корни ее нужно искать в древнерусских курганах IX—XI вв. в южном и восточном Приладожье. Два других доклада—Б. Ф. Землякова и Н. Н. Гуриной—существенно дополняют В. И. Равдоникаса, первый—рассмотрением геологической истории Карело-Финской республики в четвертичное время в связи с проблемой заселения человеком севера Европы, второй—сообщением новых материалов по неолитическим поселениям на северо-восточном берегу Онежского озера.

Особое место занимает статья В. А. Петрова «Некоторые приемы исследования растительных остатков с мест археологических раскопок». Автор прежде всего обращает внимание археологов на возможность интереснейших выводов из исследования растительных остатков, позволяющих судить о разных сторонах быта, о хозяйстве и пищевом режиме. Затем автор предлагает вполне реальный в условиях нашей археологической практики путь создания определителя времени по шкале древесных колец. Если советские археологи горячо возьмутся за собиранье находимых при раскопках древесных остатков, мы получим определители не менее надежные, чем американские. Среди других статей и заметок отметим сообщение П. Н. Борисковского о жилище первой Пушкаревской палеолитической стоянки на Десне, близком к описанным Рогачевым на стоянке Костенки IV; сообщение Г. П. Сосновского о новых верхне-палеолитических местонахождениях на Енисее и в том числе о находках около г. Кызыл-Хото в Тувин-

ской Народной Республике; сообщение А. П. Окладникова о совместном погребении мужчины и женщины у с. Буреть на Аигаре, относящемся к Глазковской стадии, а также сообщение Б. Е. Дегена «О загадочных предметах из скифских погребений», которые определяются автором по аналогии с находками проф. Филова как часть портупей.

В заключение нельзя не упомянуть опубликованных в VII выпуске материалов обследования останков Ярослава Мудрого. Рентгенологу-анатому проф. Д. Г. Рохлину удалось не только доказать принадлежность доставленных из Киева останков Ярославу, но воссоздать его характеристику и историю его болезни, превратившей удалого предводителя дружин в усидчивого администратора, любителя книг и знатока языков. Не менее интересны результаты исследования антропологом В. В. Гинзбургом останков женщины, найденной в гробнице Ярослава в Киевской Софии. Северный тип черепа, а также соответствующий ему высокий рост заставляют вспомнить о жене Ярослава Ирине-Ингигерд, дочери шведского короля Олафа. Она умерла после Ярослава в возрасте 56 лет, что также соответствует возрастным особенностям женщины из гробницы Ярослава. В этой же связи были подвергнуты исследованию так наз. «мощи» Анны, другой жены Ярослава, хранящиеся в Новгородском Софийском соборе. Это оказались останки молодой женщины, что вполне согласуется с предположением о наличии у Ярослава до Ингигерд первой жены, повидимому скоро умершей еще во время пребывания Ярослава в Новгороде. Особо следует отметить опубликование научной реконструкции физического облика Ярослава Мудрого, выполненной М. М. Герасимовым. Это уже не первая работа талантливого художника-антрополога. Однако она особенно ценна тем, что издание ее сопровождается статьей автора, излагающей принципы и методику его реконструкций. Статья убеждает в их продуманности и строгой научности.

Просмотренные четыре выпуска «Кратких сообщений ИИМК» выгодно отличаются от первых трех большим числом иллюстраций и при этом не плохого качества. Это также говорит в пользу издания, дальнейших выпусков которого будем ждать с нетерпением.

С. Киселев

А. Я. БРЮСОВ. *История древней Карелии.* «Труды Госуд. Исторического музея». Выпуск IX. Изд. ГИМ. М., 1940. 320 стр. с рис. и картами. Тираж 1150 экз. Цена 28 р. 50 к.

Героическими действиями Красная армия ликвидировала попытки создания в Финляндии военного плацдарма против СССР. На присоединенных территориях строится новая жизнь Карело-Финской Советской Социалистической Республики.

Естественно, вырос интерес и к прошлому новой братской республики. Поэтому работа А. Я. Брюсова «История древней Карелии», несомненно, привлечет к себе внимание не одних только специалистов. Книга А. Я. Брюсова выгодно отличается доступностью изложения и литературностью языка. Несмотря на то, что она построена почти исключительно на археологическом материале, последний не перегружает текст, который воспринимается легко. Основные положения и выводы сформулированы автором ясно и просто.

Заслуживает быть отмеченным и широкое использование А. Я. Брюсовым этнографического материала. Это позволило автору доказать наличие у древнего населения Карелии ряда особенностей, которые по одним археологическим памятникам не были бы обнаружены.

Рецензируемая книга рассматривает древнейшие периоды Карелии, начиная с III по I тысячелетие до н. э. Изучая археологические памятники, значительная часть которых была исследована им самим, А. Я. Брюсов приходит к следующим положениям.

В конце III—начале II тысячелетия до н. э. Карелия заселялась племенами, главным образом, южного, волго-окского происхождения. Гораздо менее значительной является другая, западная, прибалтийская струя. В процессе заселения новая территория, повидимому, осваивалась слабо; существовала большая раздробленность и разрозненность между отдельными группами поселенцев. Лишь к половине II тысячелетия «или несколько ранее естественное смешение новых поселенцев привело, повидимому, к относительно устойчивому образованию отчасти новых родовых организаций, что можно установить... по определившимся вариантам карельской культуры в археологическом значении этого термина». Замечается прогресс «в способах использования естественных богатств области, животного и рыбного мира, залежей сланца, применяемого для выделки всевозможных орудий взамен других пород камня, или шифера, получающего особеино широкое применение к середине II тысячелетия». Завязываются более или менее тесные отношения с соседними племенами. Двум охарактеризованным стадиям древней истории Карелии соответствуют и две стадии в области духовной культуры, отраженные двумя группами наскальных изображений. Древнейшая представлена петроглифами «Бесовы следки» на реке Выг. Для них характерно наличие центрального, очень крупного изображения человека, окруженного животными. Автор вместе с А. Линевским видит в человеческой фигуре изображение фантастического «хозяина» охотничьего района, которому подчинены населяющие этот район животные. Охотники вынуждены вступать в «соглашение» с «хозяином», так как только это обеспечит им успех в охоте на подчиненных «хозяину» животных. Очевидно, перед нами объекты магическо-религиозных обрядов, которые, несмотря на еще сильные пережитки тотемизма, отражают уже новую стадию антропоморфизации божеств.

Дальнейшее усложнение идеологии иллюстрируют онежские петроглифы. Анализируя некоторые изображения, автор находит возможным видеть в их композиции первоначальные зародыши мифов, впоследствии сохранившихся в Калевале и Эдде (сказания о Локи-Лоухи, волчице Фенрис, о подвигах Леммикайнена и т. д.).

Нельзя не отметить убедительности доводов А. Я. Брюсова против взглядов, высказанных по поводу карельских петроглифов В. И. Равдоникасом. Последний, интерпретируя полулунные и дисковые фигуры, а также многочисленные изображения лодок, склонен был видеть в них чисто религиозные символы лунарного и солярного культа. А. Я. Брюсов доказал реалистический характер этих изображений. Особенно убедительно сопоставление полулунных знаков с ловушками на зверей (оно предложено еще А. Линевским). Вместе с тем А. Я. Брюсов, опираясь на работы С. Hentze, выделил совершенно иные изображения, которые действительно являются атрибутом лунарного культа (например, рисунки трехпалых людей).

Однако работа А. Я. Брюсова не свободна и от ряда недостатков. Автор местами идет в своих выводах дальше, чем позволяет имеющийся материал. В этом отношении типичны хотя бы следующие примеры. Показав сезонный характер охоты племен Карелии на Беломорском берегу, автор хочет реальнее представить различные виды и объекты этой охоты. В связи с этим он приводит и современное описание охоты на ленных гусей при помощи больших сетей, куда их загоняют. Затем, только на основании того, что загнанным в сети гусям отвертывают головы, а два человека на петроглифе Перий Нос держат в руках птицу, А. Я. Брюсов находит возможным современную охоту с сетями на гусей допускать и в начале II тысячелетия до н. э.!! Того же стиля построение относительно применения стрел в Карелии почти исключительно для лова рыбы (стр. 58). Автор сам сознает недостаточность своей аргументации, однако сейчас же делает из слабо обоснованной гипотезы дальнейшие выводы о приемах охоты у древних охотников.

Было ли исследуемое поселение оставлено жителями по собственной воле или по какой-либо посторонней причине (нападение врагов, стихийное бедствие и т. п.)—выяснить это очень важно для археолога. А. Я. Брюсов при раскопках 1 Сунской стоянки заметил в двух местах заготовки и орудия, положенные в порядке, на видном месте. Они могли быть забыты уходившими спокойно жителями; они могли быть затоптаны в схватке с врагом; их могли оставить жители, временно покидавшие стоянку,

но почему-либо не возвратившиеся на нее, — предположений можно делать очень много. А. Я. Брюсов находит возможным сделать категорический вывод о поголовном заболевании и вымирании древних сунцев!

Подобные промахи в первых четырех главах книги представляют второстепенное явление. К сожалению, этого нельзя сказать о следующей главе.

В конце II — начале I тысячелетия на стоянках Карелии появляются новые формы вещей и керамики, бронзовые изделия и принадлежности бронзолитейного мастерства. Автор правильно заключает о дальнейшем росте производства в древней Карелии. Однако, интерпретируя немногочисленные имеющиеся в его распоряжении факты, он допускает более чем спорные утверждения. Так, отрицается всякая возможность наличия металлургии у охотников. При слабом развитии производительности труда они не могли выделить рабочую силу для производства металла и металлических изделий. Это еще можно бы было принять в плане выяснения возможности самостоятельного возникновения у охотников металлургии. Но ведь здесь речь идет о времени, когда металлургия в большинстве отсталых районов уже просто заимствовалась. Чтобы оправдать свою спорную посылку, автор вынужден искать «объяснение» древнекарельской металлургии в том, что в то время уже существовали скотоводство и земледелие. На черепках в это время появляются отпечатки ткани. Их нитка — сильно скрученная... следовательно, по мнению А. Я. Брюсова, она или шерстяная, или льняная. Если нитка шерстяная, можно говорить о скотоводстве. Но чья шерсть? Не решаясь скоиструировать на пустом месте овцеводство, А. Я. Брюсов допускает оленеводство. Однако, к сожалению, из оленьей шерсти прясть невозможно. Она для этого менее пригодна, чем шерсть коровы, из которой еще с трудом можно свалить плохой войлок. Что же касается льна, то употребление его остается допущением автора. Хорошо скрученную нитку можно получить и из крапивного волокна. Впрочем, о земледелии в дальнейшем не упоминает и сам автор. Зато столь же сомнительное скотоводство, иногда с вопросительным знаком (стр. 140), а иногда и совсем в категорической форме (стр. 134), не только допускается автором, но и считается специфической чертой нового этапа в истории древней Карелии (в I тысячелетии до н. э.).

Непонятно, почему А. Я. Брюсов в своей характеристике древней металлургии железа и бронзы следует за А. Бруггером, который, повидимому, был очень плохо ориентирован в технологии. Совершенно неправильно его утверждение, что для кричного железа нужно всего 600—700° Ц. При 900—1000° Ц может быть получена лишь черновая крица. Но дело даже не в том, что медь получается при несколько большем нагревании (до 1100° Ц), а в том, что из медной руды при этой вполне достижимой для древнего металлурга температуре получается продукт, а при таком же нагревании железной руды получается лишь полуфабрикат — крица, в которой еще нужно узнать будущий металл. При большом проценте железа, остающегося в шлаке, остывший шлак и крица часто на-глаз даже неразличимы. Только повторной обработкой крица превращается в железо, пригодное для изделий. Поэтому именно сложность древней металлургии железа обусловила более позднее применение этого металла. Если бы А. Я. Брюсов обратился к технологии сыродутного, т. е. кричного, способа производства железа, научно объясненной Перси, он не последовал бы за недоумениями А. Бруггера (стр. 136).

Безусловно прав А. Я. Брюсов в своих возражениях сторонникам так наз. перерыва в заселении северо-запада СССР и Скандинавии в латенское время. Жаль только, что в посвященной этому вопросу заключительной главе книги больше приведено мнений сторонников реальности будто бы существовавшей в I тысячелетии до н. э. суровой, мертвящей зимы Фимбул северной мифологии, чем новых данных, прежде всего советской археологии, опровергающих это фантастическое построение.

Достоинством книги является богатая документация. Ее составляет прежде всего большой подстрочный аппарат, исчерпывающая аннотированная библиография и множество иллюстраций. Не менее важно описание исследованных автором стоянок на Машозере, на озере Лососином, около петроглифа Бесовы Следки и Сунской 1. Особое значение имеет аннотированное перечисление археологических памятников

Севера СССР (до 450 местонахождений). Все это делает работу А. Я. Брюсова не только интересным этюдом по древней истории Карелии, но и необходимым пособием, без которого не обойтись в практической работе археологам Советского Севера.

С. Киселев

F. CUMONT, L'Egypte des astrologues. Edité par la Fondation Egyptologique Reine Elisabeth. Bruxelles, 1937. 254 + 2 стр.

В основу новой работы выдающегося исследователя положены совершенно своеобразные по характеру источники: астрологические сочинения древности. Кюмон взглянул на эти источники с новой точки зрения, решив использовать их как исторический материал для характеристики общества эллинистического Египта.

Труды древних астрологов много изучались и в древности и в средние века. Это изучение обуславливалось практическим интересом к астрологии, стремлением познакомиться с тайнами этой науки из первоисточников. В новое время работами астрологов интересовались мало и даже видели в них иногда лишь «живое доказательство слабостей, наиболее позорящих человеческий ум» (Letronne). Только в конце XIX в. меняется взгляд на значение этих работ, их начинают изучать, как исторические документы.

Решающий шаг вперед в деле изучения греческой астрологии был сделан в обстоятельных и интересных работах Буше-Леклерка. В 1879 г. появился его труд об искусстве предсказаний у древних¹, в котором автор вкратце останавливался и на астрологии. Его же «Греческая астрология»² сохраняет свое значение до настоящего времени для ознакомления с астрологической наукой древних, несмотря на огромный рост материала и соответствующей литературы за последние 40 лет. В 1898 г. началось издание свода древних астрологических сочинений—*Catalogus Codicum astrologorum*. До настоящего времени вышло 17 томов (последний—в 1936 г.). Помимо этого, переиздавались отдельные авторы: так наз. Манефон, Манилий, Фирмик Матерн, Веттий Валент и др. Важный материал дали египетские папирусы: отрывки из астрологических сочинений, гороскопы и пр. (см., например, P. Mich., III, № 148—153). Работы греческих и римских астрологов были выведены из забвения и стали рассматриваться как ценный исторический материал. В связи с этим следует отметить, что стал яснее и вопрос об источниках позднейших обширных сводок сведений по астрологии римского времени: в основном можно считать, что их содержание восходит к гораздо более древней эпохе и что они передают систему взглядов, практические приемы, понятия и быт общества эллинистической эпохи³. Автор рецензируемого труда, исходя из этого представления об источниках астрологических работ, и поставил перед собою задачу: показать эллинистическое общество, его административную организацию, религию и мораль, используя обильные данные астрологических сочинений. Он стремится доказать, что эти сочинения в этом отношении особенно важны ввиду почти полной потери исторических произведений греко-египетских авторов этого времени. Кюмон справедливо полагает, что сопоставление редко читаемых и малодоступных астрологических текстов должно принести большую пользу египтологам и папирологам. Богатство данных, характеризующих социальное и моральное состояние эллинистического Египта, не является единственным достоинством используемого материала. Его значение определяется в значительной мере и другим обстоятельством: тем, что он рисует картину этого общества, выражаясь словами автора, не с фасада, не с точки зрения господствующего слоя (греков), а из глубины, как он представлялся людям из местного населения. Наиболее древние астрологические работы показывают почти полное незнакомство

¹ A. Bouché-Leclercq, *Histoire de la divination dans l'antiquité*. Paris, 1879.

² A. Bouché-Leclercq, *L'astrologie grecque*. Paris, 1899.

³ Kroil, *Kulturhistorisches aus astrologischen Texten*. «Klio», B. XVIII, 1923.

⁹ Вестник древней истории № 1(14)

их авторов с жизнью эллинистических городов, свидетельствуют об ином быте и иных понятиях, чем те, с которыми мы встречаемся обычно в греческих папирусах. Астрологи дают, по мнению Кюмона, живую картину греко-египетского общества, нарисованную представителями покоренного населения. Автор идет дальше и считает возможным установить совершенно определенную социальную среду, из которой выходили труды астрологов. Эти труды, содержащие лишь скудные данные о жизни греческих городов, изобилуют сведениями о храмах, организации жречества, о культах и пр. Местные святилища и были теми центрами, из которых вышли эти работы, эллинизированные египетские жрецы—их авторами¹.

Несмотря на небольшой размер книги Кюмона, в ней сосредоточен огромный материал: в примечаниях даются многочисленные и разнообразные ссылки и цитаты. Среди использованных источников один, по признанию самого автора, занимает совершенно особое место: это—недавно (в 1936 г.) появившаяся работа Гунделя «Новый астрологический трактат Гермеса Трисмегиста»². Гундель признал в одной латинской рукописи эпохи Возрождения перевод греческого астрологического трактата птолемеевского времени. Этот трактат восходит к III в. до н. э., но содержит позднейшие добавления и исправления. Он по-новому освещает уже известный материал. Кюмон называет его «настоящим откровением» в области древнейшей греко-египетской астрологии. Текст, изданный и тщательно прокомментированный Гунделем, подтверждает мысль, высказанную Кроллем, что Вавилон имел сравнительно незначительное влияние на греческую астрологию, что систематизация и развитие астрологических теорий—дело египтян. Трактат Гермеса Трисмегиста явился руководящим источником для Кюмона. Книга Кюмона делится на две части: 1. Правительство и общество и 2. Религия и магия. В первой части автор в отдельных небольших главах рассматривает следующие вопросы: царь и двор, командиры и должностные лица, номы, опасности экспедиций, города, игры, ремесленные объединения. Во второй части следуют главы на темы: жречество, иностранные культы и неверующие, культ мертвых, обитатели храмов, гносис и дивинация, магия, нравы, уголовное право, загробная жизнь. Как видно из этого перечня, изложение не отличается строгой систематичностью: наряду с основными вопросами администрации птолемеевского Египта подробно затрагиваются другие маловажные темы (например, игры); главные стороны общественного строя охарактеризованы далеко не полно (почти отсутствуют, например, данные о сельской жизни). Во второй части наряду с вопросами морально-религиозного порядка дано уголовное право, после чего следует глава о загробной жизни. Но эту пестроту изложения нельзя считать недостатком рассматриваемой работы, так как она, естественно, обусловливается особенностями своеобразных источников, на основании которых написана книга. По намеченным вопросам читатель в книге Кюмона получает, несомненно, богатый материал в прекрасном изложении. Новая работа, так же как и прежние труды того же автора, читается легко и с большим интересом.

Если мы теперь обратимся к вопросу о том, что она дает нового, то придется согласиться с автором, что главная ценность ее—в показе эллинистического Египта с иной стороны, с иной точки зрения, чем обычно. Нельзя найти в астрологических сочинениях достаточно полную и новую характеристику политического и общественного строя птолемеевского Египта. Авторы их упоминают о различных учреждениях и отношениях постольку, поскольку это требуется в их совершенно своеобразных целях, и нередко то, что устанавливает на основании высказываний астрологов Кюмон, является очень общим и уже известным. Так, и сам автор замечает (стр. 53): «астрологи мало сообщают нам об аренде и обработке земли». Тексты говорят об этом, продолжает он, в таких общих терминах, которые могли бы быть применены к крестьянам любых стран и времен. Таким же характером отличаются сведения о царской администрации. Указания астрологов относительно хозяйственного управления в египетских храмах слишком смутны и недостаточны, чтобы можно было проследить изменение политики

¹ Ср. несколько иной взгляд Кролля в указ. соч., стр. 213.

² W. G u n d e l, Neue astrologische Texte des Hermes Trismegistus (ABAW, N. F., XII, 1936).

государства в этом отношении (стр. 116). Даже о жречестве астрологические источники не дают достаточно точных сведений и т. д. И все же, несмотря на эту общность и неполноту известий, эти источники сообщают много интересного для характеристики птолемеевского общества. Они очень живо рисуют социальные противоречия: с одной стороны, «великих» (μεγιστῶν) царского двора, составлявших истинную опору Птолемея (стр. 34), и, с другой стороны, печальную судьбу крестьян, положение которых сравнивается с положением рабов, занятых уборкой нечистот или очисткой улиц от мусора (стр. 54); сообщают о ремесленниках разнообразных профессий и очень подробно о различных категориях храмового персонала. Особенно красочен материал о жречестве. Эпистаты храмов—это те же царские чиновники, использующие свое административное положение в целях личного обогащения. Фирмик Матерн отмечает, что жрецы имеют великие возможности, располагая богатствами храмов. Ему вторит Манефон, утверждая, что они собирают себе великое богатство (πολὸν ὄλβον) (стр. 115). Астрологи говорят о пышных пурпурных одеяниях главных жрецов, о венках, которые они носили, о непосредственной близости их к царю. Астрологические тексты постоянно говорят о столистах, иерограмматевсах (храмовых писцах), неокорах, пастофорах, гадателях, низших храмовых служителях и пр. Эти тексты рисуют внутренние противоречия птолемеевского Египта с точки зрения представителей той социальной среды, из которой вышли авторы трактатов. Из папирусов известно, что храмы и жрецы не раз подвергались нападениям во время народных движений: мятежники, выступавшие против царя, являлись в то же время и нечестивцами (ἀσεβεῖς), действовавшими против храмов. У астрологов мы находим многочисленные инвективы против этих нечестивцев: это, по выражению авторов трактатов, безбожники (ἄθεοι), богоборцы, презирающие богов; они стоят наряду с богохульниками, нарушителями клятвы, святотатцами. Кюмон в главе 9-й второй части своей работы («Иностранные культы и неверующие») сопоставляет соответствующие данные по этому вопросу, но, к сожалению, не в достаточно широких рамках социальной истории птолемеевского Египта. Папирусы позднего птолемеевского времени и Розеттский камень свидетельствуют, что жречество было враждебно так наз. «национальному» движению в Египте, т. е. движению широких масс населения, и поддерживало господствующий класс, «эллинов». В этом отношении очень характерно выражение Маиефона: «ненавистник эллинов, не воздающий чести богам» (стр. 135). Нечестивец оказывается и врагом «эллинов», что вполне согласуется с данными о характере борьбы в греко-римском обществе II и I вв. до н. э. Папирусы не раз сообщают о вымогательствах в храмах со стороны царских чиновников, а также о насилиях по отношению к жрецам со стороны египтян. Понятно, что для астрологов, вышедших из жреческих кругов, нарушители прав храмов стоят наряду со взломщиками, ворами, святотатцами, разбойниками и убийцами. Наихудшим преступником с их точки зрения является ἱερόκτολος, похититель священного имущества.

Интересны также известия астрологов о населении, жившем внутри храмовой ограды. Среди этого населения довольно часто встречаются рабы. Кюмон затрагивает также сложную, все еще не окончательно разрешенную проблему κῆτοροι. В них Кюмон видит людей, посвятивших себя божеству, отдавших в храм свое имущество и проводивших свою жизнь в пределах священного округа. Κῆτοροι не могли переступить через порог святилища, связанные своим обетом. Кюмон не согласен принять ни то определение κῆτοροι, которое мы находим у Вилькена (κῆτορῆ=Gotteshaft), ни определение Вёсс (κῆτοροι=ἱεταί). Он стремится объяснить положение κῆτοροι взаимным проникновением в Египте государства и религии, тем, что светская администрация признавала юридическую значимость за религиозным обетом и уход κῆτοροι из храма приравнивался к дезертирству воинов. Их положение, по его мнению, равнозначно положению монахов при старом порядке. В настоящей рецензии нет возможности рассматривать проблему κῆτοροι. Заметим только, что, несмотря на правильность общего взгляда Кюмона и Кролля на использование позднеимперскими авторами в основном источников эллинистической эпохи, этот взгляд нуждается в отдельных случаях в некоторых ограничениях. Когда Кюмон рисует на основании высказываний астрологов κῆτοροι как

полуголых, одетых в рубище людей, с шевелюрой, похожей на лошадиный хвост, с веригами на истощенном теле, то эта характеристика все же больше подходит к аскетам и «одержимым богом» конца Римской империи, чем к хитроуми эллинистической эпохи, как они знакомы нам из серапейских папирусов. И в этом вопросе можно ожидать уточнения, очевидно, по мере дальнейшего изучения источников отдельных работ астрологов.

Помимо часто интересных данных о социальных отношениях и администрации эллинистического Египта, материал, сосредоточенный в работе Кюмона, наводит на размышления и относительно развития научных и религиозных идей. Астрологи, например, отмечают культ великой богини, широко распространившийся в эллинистическую эпоху и проникший в Египет. *Terminus a quo* для этого устанавливается в последней большой работе W. Otto, *Zur Geschichte des Niederganges des Ptolemäischen Reiches*, 1938. Распространение культа фригийской матери в Египте связано с политикой Птолемея Еввергета II и Клеопатры III, т. е. со второй половиной II в. до н. э. Сочинения астрологов указывают во многих случаях на взаимодействие египетских и греческих или римских взглядов, например в вопросе о культе мертвых, о браках между братом и сестрой и пр. В общем вторая часть, как этого и можно было ожидать по характеру материала, содержательнее и интереснее первой.

Специальный экскурс в «Приложении» посвящен вопросу об указаниях на определенные исторические факты у одного из авторов, а именно у Фирмика Матерна. Несмотря на сглаживание конкретных подробностей у позднейших астрологов, все же у них сохранились некоторые намеки на первоначальные события, послужившие основой для гороскопов. В изложении теории *monarchia* можно найти, например, указания на правление временщиков после смерти Птолемея IV Филопатора.

В целом книга Кюмона заслуживает полного внимания. Она дает много ценных наблюдений по истории египетского общества птолемеивской эпохи, широко использует в этих целях новую, обширную и своеобразную категорию исторических источников, сопоставляет данные этих источников с сообщениями других авторов. Сопоставление это, сделанное на основе глубокого знания истории общества и религии эллинистической и римской эпохи, является необходимым для каждого, интересующегося историей античного мира. Можно только пожелать, чтобы за работой Кюмона последовали другие труды, более специального характера, которые могли бы более полно осветить значение исторического материала, имеющегося у астрологов, и на основании анализа их источников уточнить датировки отдельных явлений.

К. Зельин

JULIUS JUNGE, Saka-Studien. Der ferne Nordosten im Weltbild der Antike. «Klio», Beiheft XLI («Neue Folge», H. 28). Leipzig, 1939. VIII+115 стр., 2 табл.

Небольшая, но содержательная работа Юнге посвящена сакам, древнейшему из кочевых народов, населявших степи и горы Средней Азии и Казахстана, имя которого сохраниено историей. Сведения о древнем населении этих районов исключительно бедны. Они состоят из двух главных частей: немногочисленных и смутных упоминаний у античных писателей, дошедших до нас большей частью только в позднейших извлечениях и пересказах, и еще менее многочисленных, но более ясных упоминаний в надписях древнеперсидских царей и изображений на их барельефах и печатях. Для более позднего времени—начиная со II в. до н. э.—мы имеем еще относительно подробные и точные китайские известия. Весь этот материал чрезвычайно скуден, и, по откровенному замечанию Юнге, на многие важные вопросы он вообще не дает ответа. На некоторые из таких вопросов ответ может дать только начатое в последнее время археологическое изучение мест, где жили когда-то саки; на некоторые же вопросы ответов мы, может быть, не получим никогда.

Первая часть работы Юнге—главы II—V—посвящена детальному анализу античных представлений о дальнем северо-востоке. Он разбирает все сохранившиеся сообщения об этих странах и населявших их народах, начиная с упоминания киммерийцев в «Одиссее» и кончая сравнительно детальными и точными сведениями об аорсах-аланах у Марина—Птолемея. Такой анализ позволяет отбросить целый ряд сообщений, как вообще не имеющих реальной основы и относящихся к области мифологии. Остальные сведения доалександровской эпохи делятся на две основные группы: принадлежащие кругу представлений понтийских греков и принадлежащие кругу представлений, которые греки получили через посредство персов. В меру возможного Юнге—продолжая, конечно, работу своих предшественников—определяет, к какому времени и кругу относится то или иное сообщение. Хорошо известно, что как античная, так и средневековая—и восточная и западная—география отличалась книжным характером и что в позднейшие сочинения включались, без всяких оговорок, сведения, относящиеся к прошедшим временам. Так, сведения Гекатея Милетского (около 500 г. до н. э.) не только составили значительную часть сведений о дальнем северо-востоке, которыми располагал Геродот, но повторяются, рядом с новыми данными, до Птолемея¹. В частности, можно вполне согласиться с Юнге, что название массагетов для эллинистической эпохи является только пережитком старых представлений и что никакого народа «массагетов» в эту эпоху уже не существовало. В этих главах Юнге задевает целый ряд других вопросов—между прочим, важных и интересных для истории европейских скифов; изложение всех их сделало бы настоящую рецензию слишком длинной.

В остальных главах—VI, VII и примыкающей к ним по содержанию главе I—Юнге делает попытку дать общий очерк истории саков. В главе I, вводной, он старается показать, что термин древнеперсидских подписей «саки», охватывавший кочевое (или полукочевое) население степей от Украины до Узбекистана, соответствовал действительному этнографическому единству. По Юнге, название «саки» относилось к племенам, говорившим на языках иранской группы, для материальной культуры их характерен «звериный стиль»; в антропологическом отношении они являются «носителями нордического элемента». Все это, однако, весьма сомнительно. Что язык восточной группы саков «сака хаумаварга» был иранским, можно считать, по видимому, доказанным. Относительно европейских скифов это подлежит большому сомнению; по крайней мере часть их говорила на языке не иранском и вообще не индоевропейском². Что касается средней группы, «сака тиграхауда» надписей, то об их языке мы не знаем ровно ничего. Из несомненного факта, что аланы, первоначально жившие на территории, к которой мы относим «сака тиграхауда», издавна говорили на языке иранском, можно предполагать, что какая-то часть «сака тиграхауда» также говорила на языках иранской группы, но распространять это предположение на всю группу нет никаких оснований. На зверином стиле я останавливаться не буду. Навряд ли можно подтвердить какими-нибудь фактами утверждение о принадлежности всех памятников этого стиля народам иранского происхождения или даже народам, говорившим на индоевропейских языках. Что касается расового типа, то автор возвращается к этому вопросу три раза: на стр. 9 сл., 37 и 72. Во всех случаях автор опирается на изображения ахеменидских памятников, которые он собирается специально рассмотреть с этой точки зрения в особой работе. И здесь, однако, автор вынужден признать наличие признаков других рас, помимо «нордической», в том числе признаков монголоидности. Он объясняет это весьма простым, но мало убедительным способом, помогающим обойти любое затруднение такого рода: смешением пришлой «нордической» расы с первоначальным населением. Все это достаточно говорит против тезиса об этническом единстве саков.

¹ Этот книжный характер античной географической литературы является причиной многих ошибок исследователей, особенно неантичников, недостаточно знакомых с огромной источниковедческой работой, проделанной за последний век. Подобные же ошибки нередко делают историки древней Руси, пользующиеся арабскими источниками и забывающие о том, что сведения, например, автора XII в. могут относиться—и большей частью относятся—не к XII, а к IX в.

² Ср. статью акад. Джавахишвили. ВДИ, 1939, № 4 (9), стр. 30 сл.

Можно привести еще факт, отмеченный самим Юнге: в одежде, судя по изображениям, согдийцы, хорезмийцы и «сака хаумаварга» не отличались друг от друга, тогда как «сака тиграхауда», не говоря уже о европейских скифах, имели совсем другой тип одежды. И а priori можно сомневаться в возможности того, чтобы персы VI—IV вв. до н. э. могли иметь сколько-нибудь точные сведения об этническом составе народов, так далеко от них находившихся. Своей работой Юнге, пожалуй, лучше всего показал, что саки единым народом не были никогда.

Центральной частью работы являются главы V и VI, в которых автор дает очерк истории обеих групп саков—«сака тиграхауда» и «сака хаумаварга» ахеменидских надписей. «Сака тиграхауда»—«саков в остроконечных шапках»¹—Юнге отождествляет с массагетами греческих авторов и помещает к северу и востоку от Каспийского моря. Повидимому, эта группа саков занимала приблизительно территорию современных казахов, включая восточный берег Каспийского моря и нижнюю часть бассейна Сыр-Дарьи; эту же территорию в VIII—X вв. н. э. занимали огузы, а позднее—кипчаки-половцы. Если в испорченном месте Бехистунской надписи Дария I, в котором говорится о походе против саков (Юнге его помещает между 518 и 508 гг. до н. э.), действительно речь идет о переходе через большую реку, а не море²—речь может, конечно, идти только об Аму-Дарье,—то этот проход был направлен именно на низовья Сыр-Дарьи. Юнге, опираясь на изображения, убедительно показывает, что он был направлен против «сака тиграхауда». Вопреки мнению Юнге, мне кажется, что слова недавно найденной в Хамадане надписи о «саках за Согдом» могут относиться скорее к «сака тиграхауда», чем к «сака хаумаварга».

Анализом надписей и изображений Юнге убедительно показывает, что «сака тиграхауда» были в зависимости от Ахеменидской державы и платили дань. Однако степень этой зависимости была весьма незначительна. Саки и после поражения их Дарием имели предводителя из своей собственной среды, хотя и назначенного персидским царем; сатрапа из персов или мидян, как у оседлых народов, покоренных Ахеменидами, у них не было. Дань, которую они платили, носила скорее характер даров; реальное значение имела, вероятно, не эта дань, а отряды, которые саки должны были посылать в войска персидского царя. Хотя письменные источники не сохранили нам известий о военных столкновениях персов с саками после Дария, но анализ изображений на ахеменидских победных печатях и цилиндрах позволяет сказать, что такие столкновения и с «сака тиграхауда» и «сака хаумаварга» происходили неоднократно, очевидно в результате восстаний саков против персидского владычества.

На стр. 71—82 Юнге разбирает судьбы народов, сменивших «сака тиграхауда» на той же территории,—дахов или даев в восточной части, сарматов, позднее аорсов и аланов и других в западной. Об аланах мы можем более или менее определенно сказать, что они, как и их потомки—осетины, говорили на языке иранской группы, о языке других племен мы таких сведений не имеем, и заключение Юнге об этнической общности «сарматских племен» вряд ли может быть достаточно обосновано. Самая множественность народов, сменивших прежних «сака тиграхауда», указывает на неоднородность последних.

Весьма любопытны замечания Юнге о наличии у саков, а затем у сарматов, следов «материнского права» (стр. 74, ср. стр. 8—9). Это приписывается влиянию «организованного на материнском праве субстрата»; исчезновение этого явления объясняется побе-

¹ Как доказывает Юнге, их остроконечные шапки сильно отличались от головных уборов европейских скифов.

² Если не ошибаюсь, это мнение впервые высказано В. В. Григорьевым («О скифском народе саках», СПб., 1871, стр. 13—14), работа которого Юнге неизвестна. К такому же выводу пришел последний исследователь этого места Бехистунской надписи—W. Hinz (ZDMG, 93, 1939, стр. 364—372). По чтению и толкованию Гинца, поход был направлен против «сака тиграхауда» и происходил в 518/17 гг.; в надписи идет речь о переправе через Аму-Дарью на плотях. Ср. теперь также работу F. Weissbach'a, посвященную пятому столбцу Бехистунской надписи, ZAs, N. F., B. 12, 1940, стр. 53—82. По чтению и толкованию Вейсбаха в надписи говорится о походе через Согдиану и переправе через Сыр-Дарью.

дой «патриархальной организации восточных индогерманцев». Юнге известно, что такие же следы матриархата имеются и у других народов, в том числе и у древних германцев; но единственный возможный вывод—об аналогичном пути развития этих народов—он сделать не может. Вообще строго критическое отношение к показаниям источников, осторожность в гипотезах, ясность и отчетливость доказательств, которые мы находим у Юнге при изложении фактов политической истории, исчезают сейчас же, как только он затрогивает факты истории социальной. Здесь у него, как, впрочем, у многих других современных западноевропейских историков, оказываются возможными любые необоснованные гипотезы, которые при этом излагаются как доказанные и бесспорные факты. Сравни, например, голословное утверждение (стр. 89—90 и 94), что в Согдиане «сидело много западноиранских феодалов», к которым причисляется Спитамен; это противоречит всему ходу событий во время македонского завоевания. Не приходится говорить уже о широко распространенной в новейшей западноевропейской научной литературе трактовке ахеменидского Ирана как феодального: этого не считают даже нужным доказывать.

Вторую группу саков—«сака хаумаварга» ахеменидских надписей, «амиргиевских саков» греческих авторов,—Юнге, повидимому справедливо, помещает к юго-востоку от «сака тиграхауда», в Фергане и смежных с ней горных областях; судя по относящимся к более позднему времени китайским данным, они занимали также часть восточного Туркестана. Эта группа саков, включенная в состав ахеменидских владений очень рано—вероятно, еще при Кире Старшем,—всегда была на правах скорее союзников, чем подданных персидского царя: «сака хаумаварга» не платили дани, а только должны были поставлять вспомогательные отряды.

Разбирая дальнейшую судьбу этой группы саков, Юнге весьма убедительно доказывает тождественность названий «сака хаумаварга»—«амиргиевских саков», с одной стороны, «сакарауков» позднейших греческих авторов и «сай-юань» китайских источников—с другой. Юнге считает «хаумаварга»—«изготавливающие хаому (напиток)»—только этимологизацией какого-то этнического самоназвания саков, которое греки позднее передавали как «раук». И самое название «саков»—в китайской передаче «сэ»,—повидимому, первоначально принадлежало именно этой группе, с которой персы ознакомились ранее других. То же название эта группа принесла с собой в Индию.

Новую¹ точку зрения высказывает Юнге по поводу участия саков (сакарауков) в тохарском завоевании Греко-бактрийского царства. Он считает², что переселение саков в Индию, как это и показывают китайские источники, шло через горные проходы Тянь-Шаня и восточный Туркестан непосредственно в Кашмир. Это подтверждается остроумным анализом хронологии монет первых сакских царей в Индии, позволяющим установить одновременность появления там саков и ухода их из Ферганы. Эта точка зрения, повидимому, может быть принята. Но вряд ли можно согласиться с отрицанием вообще участия саков в движении тохаров. Прежде всего, совершенно невозможно допустить уход сколько-нибудь значительного народа через горы Тянь-Шаня. Далее, в рассказе Чжан-цзя, приводимом самим Юнге, говорится об остатках саков, продолжавших жить на старых местах уже под властью юэ-чжи. Тем более вероятно, что юэ-чжи=тохары должны были увлечь с собой часть саков, как это прямо и говорят греческие авторы. Остроумные конъектуры Юнге навряд ли могут это опровергнуть. Кроме того, если принять его точку зрения, окажется совершенно неразрешимым вопрос: почему древняя Дрангиана принимает, по крайней мере с I в. до н. э., название «страны саков» (Сакастана, совр. Сеистан).

В целом работа Юнге заслуживает внимания со стороны всех интересующихся древней историей Средней Азии и смежных стран.

С. Волин

¹ Однако довольно близко к ней подходил уже В. В. Григорьев.

² Опираясь в значительной мере на исследование Галуна о тохарах—юэ-чжи (ZDMG, 91, 1937, стр. 243—318), которое заслуживает особого рассмотрения в связи со всей новой литературой вопроса о тохарах. Относящиеся к переселению саков в Индию китайские тексты приведены в работе Юнге (стр. 96) также в переводе Галуна.

«Хрестоматия по античной литературе для высших учебных заведений». Т. I. Греческая литература. Составители: Н. Ф. Дератани, Н. А. Тимофеева, А. П. Эльман. Учпедгиз. 1939. Изд. 4-е. 586 стр.

В этом новом, четвертом издании «Хрестоматия» значительно отличается от предыдущих прежде всего по объему: 37¹/₂ печ. листов против 23 прежнего издания (586 стр. вместо 358). Такое крупное объемное приращение позволило коллективу составителей перестроить план издания и дало им возможность пополнить содержание хрестоматии новым материалом. При этом, по словам «Предисловия», хотя «новый материал иногда вводился за счет сокращения старого, но в общем материал прежних изданий *пострадал мало*» (курсив наш.—Л. Т.).

Как введение в «Хрестоматию» даны наиболее общие установки классиков марксизма-ленинизма по вопросам античного искусства, мифологии и общества; они предпосланы ее тексту как «основные ориентирующие нас высказывания». Этот методический прием безусловно заслуживает приветствия, так как сразу дает читателю правильный угол зрения на сообщаемые ему литературные факты и памятники. Таким предисловием снабжены, например, хрестоматия Пуришева по эпохе Возрождения и хрестоматия Эйхенгольца по XVIII в.

Материал «Хрестоматии» разделен на 4 отдела: 1) древнейшей литературы, 2) литературы VIII—VI вв. до н. э., 3) литературы V—IV вв. до н. э. и 4) литературы эллинистической и римской эпохи.

Такое чисто внешнее хронологическое деление греческой литературы на отдельные периоды является шагом назад сравнительно, например, с вышедшей в том же году в издании «Советского писателя» греческой хрестоматией, составленной В. Нилендером, где те же периоды охарактеризованы со стороны их социально-политического уклада, как «литература гомеровской эпохи, литература эпохи образования греческой государственности, литература эпохи расцвета афинской демократии и литература эпохи кризиса афинской демократии и начала эллинизма». Несомненно, такое деление гораздо более правильно, чем данное в «Хрестоматии» Дератани—Тимофеевой—Эльман, которая и по материалу, кроме 20 строк Павла Силенциария (VI в. н. э.), нигде не выходит за пределы III в. н. э.

Что касается самого текста, то даже при беглом просмотре «Хрестоматии» видно сохранение от прежних ее изданий стремление авторов делать в отдельных, помещаемых ими, давно известных переводах свои коррективы. Переводы эти у них представлены то «с некоторыми изменениями» (например, Гомер, Геродот, Эврипид), то просто «с изменениями» (например, Вакхиллд), то «с исправлениями» (например, Ксенофонт), то даже «с большими исправлениями» (особенно Демосфен). Принципиально, казалось бы, против исправления ошибок, имеющих в использованных составителями чужих переводах, возражать нечего. Но на практике такие «изменения и исправления», особенно в текстах поэтов, — например, в тексте гнедичевского перевода Илиады, — производят тяжелое впечатление необоснованной модернизации и снижения поэтического достоинства перевода.

Возьмем для примера знаменитое место VI рапсодии, ст. 390 сл. (прощание Гектора с Андромахой) и сравним текст Гнедича с его модернизацией составителями:

у Гнедича:

у Дератани:

ст. 391. «по прекрасно устроенным столбам»

«по красивым улицам града»

ст. 392. «протекая обширную Трою»

«перейдя всю обширную Трою»

ст. 398. «оного дочь сочеталася...»

«дочь его и сочеталася»

ст. 400. «сына у персей держала»

«сына у груди держала»

ст. 402. «единый бо Гектор защитой был Трои»

«ведь Гектор один»

Как видно из простого сличения обоих переводов, составители стремились к замене славянских слов и оборотов гнедичевского перевода, казавшихся им устарелыми и непонятными для современного читателя. Но так ли это?

В случае законной неудовлетворенности переводами Гнедича и Минского составители могли обратиться к неопубликованному еще переводу В. В. Вересаева, стремящемуся заменить собою перевод Гнедича. К сожалению, вместо этого правильного пути—выбора лучшего перевода—составители пошли по пути компромисса: они дали перевод Гнедича, изъяв и изменив в нем славянизмы. Получилось нехорошо: замена вышла неадекватной и в смысловом и особенно в художественном отношении. Невольно—да простят нам составители—вспоминаешь начало пушкинского «Возрождения»:

«Художник-варвар кистью сонной
Картину гения чертит».

В отделе лирики неверно указано время жизни Тиртея—«VI в. до н. э.», хотя буквально строчкой ниже дана верная дата. Недоумение вызывает там же указание: «переводы см. в тех же изданиях, где переводы Архилоха», а из этих изданий, кроме Вересаева, ни одно не указано. А между тем, помимо старых переводов (см. хрестоматию Мизко), Тиртея переводил В. В. Латышев и др. Например, в ближайшем по времени выхода в свет однородном пособии—уже упомянутой «Греческой хрестоматии» Нилендера—даны и другие переводы.

В разделе басни (стр. 106—108) удивляет приверженность составителей к старому переводу басен Эзопа (Суворин, «Дешевая библиотека», перев. Алексеева) при наличии в той же «Хрестоматии» Нилендера нового перевода С. И. Соболевского. Ведь нашли же составители правильным заменить в «Войне лягушек с мышами» старый перевод Христофорова (1886) новым, советским переводом Альтмаи (1936). Методическая последовательность требовала бы того же и для Эзопа: везде, где можно, надо давать наиболее современные переводы. Исключение можно допускать лишь для таких художественных перлов поэзии прошлого, как, например, пушкинские переводы Анакреонта. К сожалению, ими-то как раз и не воспользовались составители!

В разделе торжественной хоровой лирики вызывает решительное возражение необоснованное и чисто голословное утверждение составителей (на стр. 576), будто перевод первой пифийской оды Пиндара, сделанный Вяч. Ивановым, «чрезвычайно неудачен». Лучшего перевода этой пиндаровской оды до сих пор в русской литературе нет, и никому так не удалось передать более или менее адекватно торжественную возвышенность стиля, слога и словаря Пиндара, как именно Вяч. Иванову. В сравнении с его переводом первой пифийской оды помещенный составителями перевод ее М. Е. Грабарь-Пассек является лишь ритмизированным прозаическим пересказом этой оды; он дает гораздо менее яркое представление о силе и блеске подлинника. Пока обаяние сочетания в творчестве Пиндара элементов поэтического и музыкального вследствие утраты последнего остается нам недоступным, близость переводов к подлиннику в отношении ритма, словотворчества, всей изобразительной манеры только и может считаться критерием их сравнительного достоинства.

В разделе трагедии Эсхил (кроме «Прометея») преподнесен почему-то в самом неудачном из существующих русских переводов. Кажущаяся «литературность» этого перевода не должна была бы обмануть такого опытного педагога, как Н. Ф. Дератани, особенно при наличии ряда других переводов (Котелов, Мережковский, Аппельрот и др.).

Не вполне понятно также умолчание составителями имени автора русского перевода, предлагаемого ими, очевидно, в качестве лучшего.

Особенно досадно, когда такой «анонимный» перевод, например Анакреонта, предпочитается составителями пушкинским переводам его («Кобылица молодая», 1828 и «Поредели, побелели», 1835). О них даже в примечаниях не упомянуто! Несправедливо и ничем оправдано быть не может...

В разделе комедии составители несут ответственность за неудачный выбор русского перевода Аристофана, принадлежащий, кстати сказать, тому же лицу, в чьем переводе

они дали нам Эсхила (кроме «Прометей»). Им не могло быть неизвестным, что уже при своем появлении в издании «Academia» (1934) упомянутый перевод Аристофана подвергся основательным порицаниям (особенно в обстоятельной рецензии Новосельского). Переводчика справедливо упрекали за всю «отсебятину», которую он позволил и сознательно проводил в переводе. Можно ли, например, преподносить читателям (см. стр. 328 «Хрестоматии») под именем Аристофана следующее место «Всадников» (ст. 356—358):

А я натрескаюсь рубцов, налопаюсь печонки,
Похлебки выдую горшок, а там, не умываясь,
Взьерошу всех говорунов и Никия взлохмачу.

И как иа грех, весь Аристофан дан составителями только в этом «анонимном» переводе! Странное пристрастие! Вот где, рассуждая без пристрастия, составителям пригодились бы «исправления и измеиения» в предлагаемом ими тексте! В тех же «Всадниках» ст. 899 и 901 приписаны Демосфену вряд ли основательно. Это—реплики народа (Демоса), а не «первого домочадца», как обозначен Демосфен в лучших рукописях.

Относительно Аристотеля непонятно, зачем составители лучший и наиболее новый русский перевод его «Поэтики» (Н. И. Новосадский, 1927) заменили более старым переводом В. Аппельрота (1893). Если в случае с баснями Эзопа сделанную составителями замену можно извинить тем обстоятельством, что новый перевод Эзопа С. И. Соболевского не был еще опубликован отдельной книгой, то замена современного перевода более старым может быть обусловлена только высшим достоинством последнего, чего о переводе В. Аппельрота сравнительно с переводом Н. И. Новосадского, разумеется, сказать нельзя. В «Предисловии» же эта замена вовсе не объяснена.

В четвертом разделе отметим неприятный разнобой в написании терминов. Составители пишут то «элленистическая» эпоха (стр. 441), то «эллинистическая» (в предисловии и оглавлении); то «элленизм», то «эллинизм».

Таковы основные замечания, которыми мы можем поделиться с коллективом составителей, издателей и читателей «Хрестоматии» Н. Ф. Дератани в новом, 4-м издании. Полгода применения нового пособия в стенах вузов—еще слишком краткий срок для основательного суждения о его практической ценности. Поэтому предоставим дальнейшему опыту специалистов-преподавателей античной литературы оценить по достоинству «Хрестоматию» Дератани, Тимофеевой и Эльмаи. Но, во всяком случае, уже теперь можем сказать, что это 4-е издание «Хрестоматии» является шагом вперед сравнительно с предыдущими изданиями ее для греческой части (т. I). Статьи, предпосланные отдельным авторам, значительно расширены и производят впечатление умелого и добросовестного труда; добавление нового материала расширит кругозор изучающих. Подбор и качество художественных иллюстраций (кроме неудачной стилизации Алкея и Сапфо внутри обложки), как и прежде,—на высоте требований, которые должно предъявить к вузовскому пособию по истории литературы.

Проф. Л. Тарасов

«Mélanges Maspero. I. Orient Ancien». Вып. I. Le Caire, 1934, стр. 1—400, 25 табл. Вып. II. Le Caire, 1935—1938, стр. 401—950, 35 табл.

Французский археологический институт в Каире посвятил несколько томов своего монументального издания «Mémoires publiés par les membres de l'Institut Français d'Archéologie Orientale du Caire» памяти крупнейшего французского египтолога Г. Масперо, умершего 1 июля 1916 г.

Многочисленные ученые ряда стран пожелали принять участие в этом издании, которое было разделено на три части: древний Восток, Восток греко-римский и византийский и Восток мусульманский (томы 66—68 названной серии).

Том, посвященный древнему Востоку, обзор которого и дается ниже, составляет два хорошо иллюстрированных выпуска, содержащих статьи по самым разнообразным

вопросам истории, филологии, истории искусства и материальной культуры древнего Востока, преимущественно древнего Египта.

Всему изданию предпослано большое введение Р. Jouguet, посвященное обзору деятельности французской археологической миссии в Египте, основанной Г. Масперо.

ДРЕВНИЙ ЕГИПЕТ

История науки

W. R. Dawson («Louis Poinsinet de Sivry on hieroglyphs», стр. 367—371) сообщает о сделанной в 1778 г. попытке прочесть, правда самым фантастическим образом, иероглифы на фальшивом бюсте.

Ives de la Brière («La mémoire de Champollion», стр. 443—445) описывает, с каким исключительным вниманием Масперо относился к памяти Шамполлиона.

Раскопки

Mesnil du Buisson («Le site de Qadesh [Tell Nebi Mend]», стр. 909—927) подводит итоги двухлетних раскопок, чрезвычайно важных для уяснения ряда вопросов истории XVIII—XIX династий.

История

E. Vignard («Le paléolithique en Egypte», стр. 165—175) дает обзор палеолитических культур, найденных в Египте.

M. Pieper («Zum Staate des Mittleren Reiches in Aegypten», стр. 177—175) разбирает ряд терминов, проливающих свет на государственную организацию общества времени Ср. Ц.

E. Savignac («L'Egypte et le Hatti vers 1302», стр. 357—360) касается отношений Египта и хеттов при предшественниках Рамсеса II и, в частности, мирного договора, заключенного, по мнению автора, между Сети II и хеттским царем Муватталу.

A. Lods («Le rôle des oracles dans la nomination des rois, des prêtres et des magistrats chez les Israélites, les Egyptiens et les Grecs», стр. 91—100) показывает значение оракула при избрании царя в Египте, в Израиле и у греков.

Хронология

W. B. Emery («The order of succession at the close of the nineteenth Dynasty», стр. 353—356) приводит данные, подтверждающие следующую последовательность правления царей XIX дин.: Сети-Мернепта, Амонмес, Рамсес-Сипта.

E. Bickermann («Notes sur la chronologie de la XXX dyn.», стр. 77—84) устанавливает на основании сравнения египетских и греческих источников даты правления фараонов XXX дин.

E. Chassinat («Deux bas-reliefs historiques du temple d'Edfu», стр. 513—523) выясняет родственников Птолемеев IX и X.

Историческая география

Mahmud Hamga («The identification of «Khent Nefer» with Qantir», стр. 647—655) устанавливает, что древнеегипетское поселение Хентнефер находилось в том месте, где ныне расположен Кантур.

F. M. Abel («A travers les listes hiéroglyphiques des villes Palestiniennes», стр. 27—34) определяет для ряда пунктов Палестины, известных под их древними именами из египетских текстов, современные названия.

Язык

Вопросам языка и грамматики посвящены статьи:

- A. Cuny, La famille linguistique indo-européenne considérée dans ses rapports avec le groupe chamito-sémitique, стр. 257—266;
 C. Brockelmann, Zur semito-ägyptischen Etymologie, стр. 379—383;
 M. Cohen, Sur l'affixe *n* dans des verbes expressifs de diverses langues chamito-sémitiques, стр. 705—719;
 J. J. Clère, Le fonctionnement grammatical de l'expression *prî hrw* en ancien égyptien, стр. 753—797;
 F. Lexa, Le genre des substantifs démotiques, стр. 401—411;
 E. Drioton, Un rébus de l'Ancien Empire, стр. 697—704;
 P. Laca, Le nom propre *p³ ω. tm ḥ. 't*, стр. 929—937;
 G. Thausing, Die Ausdrücke für «ewig» im Aegyptischen, стр. 35—42;
 H. Grapow, Ueber den Schluss des Buches von den Augen in Pap. Ebers, стр. 309—312;
 R. Cottevieille-Giraudet, Le nom de Candace (Κανδάκη), стр. 739—751 (автор показывает, что изучаемое им имя, изредка встречающееся в греческих текстах и в нескольких иероглифических надписях из Мероэ, есть мероитский перевод египетского титула *pr^{cs}*—«фараон»);
 W. Vycichl, Das ägyptische Vocalisationsproblem, стр. 385—392;
 W. Golénisčev, Le rôle de l'intonation dans quelques textes égyptiens, стр. 637—646.

Издание текстов

- J. A. Wilson («School writings of the Middle Kingdom and Empire», стр. 901—905). Остраки, содержащие письмо-пропись времени Ср. Ц. и гимн Нилу времени Н. Ц., являющиеся упражнениями школьников.
 A. Gardiner («The Earliest Manuscripts of the Instruction of Amenemmes I», стр. 479—496) — надпись на дощечке, представляющая древнейшую запись части поучения Аменемхета I; автор сопоставляет надпись с известными ранее списками.
 A. de Buck («The Instruction of Amenemmes», стр. 847—852). Об авторстве поучения и о связи текста с другими поучениями.
 P. Rosener («Papyrus Anastasi I. Restitution d'après les ostraca», стр. 327—336) с помощью остраков устанавливает, что были две версии текста: мемфисская (известная по папирусу) и фиванская (дошедшая пока лишь в остраках).
 G. Lefebvre («Fragment d'un «Eloge du Roi» sur une statuette du Louvre», стр. 545—551). Сокращенный текст «восхваления царя», восходящего еще к XII дин., на статуэтке конца XIX дин.
 A. Hermann («Der Prinz, dem drei Geschicke drohen», стр. 313—325) посвятил свою статью известной сказке о зачарованном царевиче. Он высказывает свои соображения о возможном содержании несохранившегося конца сказки.
 A. и J. Baillet («La chanson chez des Egyptiens», стр. 121—135). Разбор сохранившихся древнеегипетских светских и религиозных песен.
 R. O. Faulkner («The lamentation of Isis and Nephtys», стр. 337—348) дает транскрипцию, перевод и комментарий экземпляра текста «Призываний Исида и Нептиды», сохранившегося на папирусе Берлинского музея № 3008.
 V. Loret («Pour transformer un vieillard en jeune homme» [Pap. Smith, XXI, 9—XXII, 10], стр. 853—877). Автор дает перевод чрезвычайно любопытной книги «Превращения старца в юношу», дошедшей в медицинском папирусе Смис, и разбирает термины, которыми названы в тексте лечебные средства.
 M. Malinpe («Nouveaux fragments du Calendrier égyptien des jours fastes et néfastes», стр. 879—899). Автор публикует новые фрагменты календаря «счастливых» и «несчастливых» дней по вновь найденному в Деир-эль Мединэ остраку времени XIX дин., а также по Голенищевской записи 4 фрагментов папируса Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина.

- J. Vandier («La stèle 20001 du Musée du Caire», стр. 137—145). Биографическая надпись времени XI дин., упоминающая годы голода и беспорядка в Фивах.
- A. Varille («La stèle de Sa-Mentou-Ouser [No 6365 du Musée Egyptien de Florence]», стр. 553—566). Биографическая надпись XI дин.
- R. Anthes («Ein bisher unbekanntes Exemplar der Dienstordnung des Wesiers», стр. 155—163). Фрагмент инструкции везиру, обнаруженный в гробнице Пасера, на 130 лет более древней, чем известные ранее гробницы Усера, Рехмира и Аменемхата, из которых уже были известны такие инструкции.
- E. Peet («The unit of value šty in Pap. Bulaq 11», стр. 185—199) дает новую транскрипцию и перевод уже давно известного Булакского папируса № 11, чрезвычайно интересного источника для изучения вопросов экономики и торговли времени XVIII дин.
- J. Černý («Parchemin du Louvre No AF 1577», стр. 233—239) публикует юридический текст XXI дин.
- F. L. Griffith («A stela of Tirhaqua from Kawa Dongola province», Sudan, стр. 423—430)—надпись фараона Тахарки, сообщающая о том, что Нил во время подъема достиг уровня в 21 локоть, 1 пядь и $2\frac{1}{2}$ пальца.
- Ch. Kuentz в небольшой заметке (стр. 430—432) дает фрагменты дубликата надписи, изданной Griffith'ом в этом же сборнике.
- P. Tresson («L'inscription de Chechonq I au Musée du Caire: un frappant exemple d'impôt progressif en matière religieuse», стр. 817—840). Новое издание чрезвычайно важного для изучения экономики позднего Египта текста, содержащего указания о подати быками с различных хозяйств в пользу храма.
- M. Raphaël («Un nouveau décret ptolémaïque», стр. 509—512). Сильно разрушенный двуязычный (египто-греческий) указ времени Птолемея и Береники. Судя по остаткам надписи, текст, так же как Розеттский и Канопский указы, касается храма.

Религия и магия

- S. Schott («Der Gott des Harfenspiels», стр. 457—464), W. Czernak («Ueber den Seth der Hyksoszeit», стр. 721—738) и J. Capart («Le cheval et le dieu Seth», стр. 227—231) посвятили свои статьи вопросам культа отдельных божеств.
- L. Speleers («La signification des Pyramides», стр. 603—621). Автор разбирает взгляды, существующие по вопросу о причинах возникновения формы пирамиды, склоняясь к мнению, что она является результатом эволюции погребального сооружения. Ответом на эту статью является работа А. Moret («L'influence du décor solaire sur la Pyramide», стр. 623—636).
- M. Murray («Ritual masking», стр. 251—255) прослеживает ритуальное применение маски, начиная с древнейших времен.
- K. Sethe («Zur Vorgeschichte der Herzskarabäen», стр. 113—120) выясняет историю сердечного скарабея.
- H. O. Lange («Der Kinderlose», стр. 211—216). Стела раннептолемеевского времени, в которой имеется просьба умершего молиться о нем и приносить ему жертвы, ибо у него нет наследников.
- I. Lourie («Trois pseudo-stèles du Musée de l'Ermitage», стр. 907—908)—публикация трех стел времени XIII дин. из собрания Гос. Эрмитажа, составлявших кеиоты.
- N. de Garis Davies («A high place at Thebes», стр. 241—250). Культ «высоты» в Фиванском некрополе, почитавшейся в Н. Ц. как образ богини Меритсегерт.
- Ch. Autran («Sothis—Sirius et le monde préhellénique», стр. 529—544). Астрономические и религиозные воззрения в Египте и Передней Азии, связанные с Сириусом.
- A. Mallon («Le disque étoilé en Canaan au troisième millénaire avant J. C.», стр. 55—59). Религиозные верования Ханаана и их связь с религиозными представлениями соседних народов.

Архитектура

- G. Reissner («The History of Egyptian Mastaba», стр. 579—584). Общие выводы из подготовлявшейся автором к печати большой работы, посвященной сравнительному изучению магии Др. Ц. (она вышла в 1936 г. под названием «The Development of the Egyptian Tomb down to the Accession of Cheops». Cambridge, 1936).
- J.-R. Lauer («Reconstitution de l'ordre fasciculé de Saqqarah, стр. 413—421)—реконструкция колонн в храме III дин. в Саккара.
- M. Pillet («Structure et décoration architectonique de la nécropole antique de Deir-Rifeh [province d'Assiout]», стр. 61—75). Работа посвящена вопросам архитектуры Н. Ц. на материале некрополя Деир-Рифе.
- H. Chevrier («Etudes sur les colonnes de Кагпак», стр. 665—671). Небольшой этюд.

Искусство

Вопросам искусства посвящены статьи:

- M. Baud, Caractère du dessin égyptien, стр. 13—20;
- H. Balcz, Zur kunstgeschichtlichen Stellung der Gräber von El-Amarna, стр. 147—154;
- G. Foucart, περί_υφωμάτων, стр. 585—601 (о символическом значении красок в гробничных росписях);
- C. Gaillard, Sur une figuration coloriée du Pluvier Armé relevée dans une tombe de Beni-Hassan, стр. 465—478;
- M. Werbroeck, L'oiseau dans les tombes thébaines, стр. 21—25;
- P. Montet, Les statues de Ramsès II à Tanis, стр. 497—508;
- Ch. Breux («Quelques remarques sur les «pseudo-groupes» égyptiens», стр. 805—815) разбирает загадочные скульптурные группы Др. Ц., в которых одно и то же лицо повторяется, совершенно различно, два раза.
- R. Engelbach («The portraits of Ra'nūfer», стр. 101—103) и G. Jequier («A propos d'une statue de la VI dyn.», стр. 105—112)—публикация статуй Др. Ц.
- H. Gauthier («Une nouvelle statue d'Amenemhêt I», стр. 43—53) издает новую статью Амеиенхета I и сравнивает ее с известными ранее.
- G. Roeder («Eine Statue der Säugenden Isis von Scherenpuit im Louvre», стр. 433—442)—стилистический разбор статуи эфиопского времени.

Разное

- L. Borchardt, Die Rahmentrommel im Museum zu Kairo, стр. 1—6—публикация бубна позднего времени, происходящего из Ахмима.
- M. Gauthier-Laurient, Les scènes de coiffure féminine dans l'ancienne Egypte, стр. 673—696.
- K. Appel, Der Vogelfang mit der Klappnetz, стр. 217—226.
- M. Jacquemin, Sur les lotus roses, стр. 799—803.
- L. Keimer («Sur deux fragments de cornes de daim trouvés à Deir-el-Medineh», стр. 273—308) говорит о наличии оленя в древнем Египте, а также и в соседних странах.

Публикации

- C. R. Williams («A Relief from Lisht representing Wep-Wawet in Therianthrope form», стр. 525—527) и G. Steindorff («Zwei Holzbilder des Wolfsgottes Up-Uaut», стр. 841—846). Обе статьи представляют публикации изображений бога Уп-Уат: первая на рельефе Др. Ц., вторая—разных статуэток, вероятно начала птолемеевского времени.

- A. P i a n k o f f («Une statuette du dieu Хека», стр. 349—352)—публикация редкой статуэтки бога Хека.
- M. A l l i o t («Une stèle magique d'Edfou», стр. 201—210)—магическая стела птолемеевского времени.
- Статьи Ch. M a y s t r e («Une statue d'Ousersatet, vice-roi de Nubie sous Amenophis II», стр. 657—663), H. R a n k e («Ein Wesir der 13. Dyn.», стр. 361—365), L. P. K i r w a n («A Sudanese of the Saite period», стр. 373—377), G. D a r e s s y («Remarques sur la statue No 888 du Musée égyptien du Caire», стр. 85—90) и D e m e l v. E l s w e h r («Eine Bronzestatuetten eines ägyptischen Königs», стр. 7—11) представляют публикации статуэток, начиная с XII дин. и кончая XIII—XI вв.
- H. J u n k e r («Zwei Schein-Rollsiegel aus dem Alten Reich», стр. 267—271)—публикация цилиндров Др. Ц.
- S a m i G a b r a («Quelques cannes du Musée du Caire, стр. 573—577) публикует несколько тростей, происходящих из гробницы Сеннеджема из некрополя в Деир-эль-Мединэ.

ПЕРЕДНЯЯ АЗИЯ

- M. D u n a n d («Une nouvelle inscription énigmatique découverte à Byblos», стр. 567—571) издает алфавитную надпись, найденную в Библе, датируемую серединой II тысячелетия до н. э., представляющую новое звено в цепи алфавитов, найденных в Сирии.
- E. P o t t i e r («Les trois niveaux archéologiques Suse I, Suse I bis, Suse II», стр. 939—950) касается трех культурных слоев, обнаруженных при раскопках в Сузах.
- V. S c h e i l («Liste susienne des dynasties de Šumer-Accad», стр. 393—400)—царские списки Шумеро-Аккада.

И. Лурье

Список новых иностранных книг, поступивших в библиотеки Москвы и Ленинграда

БАН—Центр. библиотека АН СССР, ИАЭ—Институт антропологии и этнографии, ИВ—Институт Востоковедения, ИИМК—Институт истории материальной культуры, ИЯМ—Институт языка и мышления им. Н. Я Марра, ЛОИИ—Лен. отделение Института истории, МИР—Музей истории религии, ЛБ—Ленинская библиотека, МГУ—Кабинет древней истории Моск. Гос. университета.

РАБОТЫ ОБЩЕГО ХАРАКТЕРА

- «Archives d'histoire du droit oriental». Publiés sous la direction de J. Pirenne, I—II. Bruxelles, 1937. ЛБ.
- A. E. B o a k, A. H y m a, P. S l o s s o n, The growth of european civilization. Vol. I. From ancient times to the reformation. New York, 1938, XV, 505 p., ill., maps. ЛОИИ.
- J. H. B r e a s t e d, The conquest of civilization. New edition fully revised and reset. New York, London, 1938, XII, 669 p., ill. БАН, ЛБ.
- H. A. C l e m e n t, The story of Britain. Vol. I. From the earliest times to 1485. London, 1939, 280 p., ill. БАН.
- Ch. D i e h l, Le monde oriental de 395 à 1081. Paris, 1936, XXIII, 627 p. («Histoire générale» publ. sous la dir. de G. Glotz. «Histoire du Moyen Age». Tome 3). ЛБ.

- «European civilization. Its origin and development. Vol. II. The relations of Europe with non-european peoples». Oxford, 1939, 1209 p., maps. (Статьи: Н. А. А t t e r i d g e, I. European contacts with Africa. II. European geographical discovery and expansion). БАН, ЛБ.
- B. F a r r i n g t o n, Science in antiquity. London, 1936, 255 p. (The home university libr. of modern knowledge). Red. H. Fischer, 179). ЛБ, МГУ.
- B. F a r r i n g t o n, Science and politics in the ancient world. London, 1939, 243 p. БАН.
- R. G r o u s s e t, L'empire des steppes. Attila. Gengis-Khan. Tamerlan. Paris, 1939, 639 p., ill., carte. БАН.
- R. H e n n i g, Terrae incognitae. Eine Zusammenstellung und kritische Bewertung der wichtigsten vorkolumbischen Entdeckungsreisen an Hand der darüber vorliegenden Originalberichte. Bd. I. Altertum bis Ptolemäus. Bd. II. 200—1200 n. Chr. Leiden, 1937, 384, 399 S. БАН.
- R. H e n n i g, Terrae incognitae. Eine Zusammenstellung und kritische Bewertung der wichtigsten vorkolumbischen Entdeckungsreisen an Hand der darüber vorliegenden Originalberichte. Bd. III. 1200—1415 n. Chr. Leiden, 1938, X, 389 S., ill., par., tab., kart. Bd. III. 1200—1415. Beginn des Entdeckungszeitalters. ЛБ.
- N. I o r g a, Histoire des roumains et de la Romanité orientale. Bucarest, 1937. Vol. I, p. 1. Les ancêtres avant les romains. 316 p., ill. Vol. I, p. 2. Le Sceau de Rome. 410 p., ill. Vol. II. Les maîtres de la terre. 426 p., ill. БАН.
- «La tenure». Bruxelles, 1938. 333 p. («Recueils de la Société Jean Bodin», III). (Сборник, см. ст. J. P i r e n n e, La tenure dans l'ancienne Egypte. C. P r é a u x, L'évolution de la tenure clérouchique sous les Lagides. J. C a r c o p i n o, La tenure romaine, и др.). БАН.
- H. W. v a n L o o n, Histoire de l'humanité. Trad. de l'anglais par M. Soulié. Paris, 1937. 374 p., ill. ЛБ.
- «Manuel de la technique des fouilles archéologiques». Paris, 1939, 232 p. ИИМК.
- G. E. M o o r e, History of religions. Vol. II. China. Japan. Egypt. Babylonia. Assyria. India. Persia. Greece. Rome. New York, 1937. МИР.
- J. E. P e a r c e, Tales that dead men tell. Austin, 1935, 118 p., ill. («The Univer. of Texas Bulletin», No 3357, Oct. 1, 1935. «Bureau Research in the social sciences». Study No 14. «Anthropological papers», vol. 1, No 1). ЛБ.
- P i s c i c u l i, Studien zur Religion und Kultur des Altertums. Münster in Westfalen, 1939, 350 S., Taf. БАН.
- H. P i r e n n e, A history of Europe from the Invasions to the XVI century. London, 1939, 624 p. БАН, МГУ.
- E. M. S a n f o r d, The mediterranean world in ancient times. New York, 1938, XXI, 618 p., ill., maps. БАН.
- J. T. S h o t w e l l, The history of history. Vol. I. An introduction to the history of history. New York, 1939, XII, 407 p., ill. БАН, ЛБ.
- P. T ä g e r, Das Altertum. Geschichte und Gestalt. Bd. 1—2. Stuttgart, 1939. БАН.
- J. W. T h o m p s o n and E. N. J o h n s o n, An introduction to medieval Europe. 300—1500. New York, 1937, XII, 1092 p., ill., maps. (Главы I—VI). БАН.
- J. M. T o d d, The ancient world. London, 1938, 416 p., ill. БАН.
- E. G. T u r n e r, Catalogue of greek and latin papyri and ostraca in the possession of the University of Aberdeen. Aberdeen, 1939, 116 p., ill. БАН.
- W. B. W r i g h t, Tools and the man. London, 1939, XVI, 236 p., ill. БАН.

БРОНЗОВЫЙ И ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

- J. A n d r e e, Der eiszeitliche Mensch in Deutschland und seine Kulturen. Stuttgart, 1939, 758 S., Taf. ИИМК.
- A. B j ø r n, Nogen halsringer av bronse fra eldre jernalder. Bergen, 1937, 10 p., ill. (Berg. Mus. Årbok, No 2). БАН.

- J. Bøe og P. Fett, Bergens Museums tilvekst av oldsaker 1937. Bergen, 1938, 38 p., ill. (Berg. Mus. Årbok, Hist.-antik. rekke, No 6). БАН.
- I. Brøndsted, Danmarks oldtid, v. I-III. København, 1938—1940. V. I. Stenalderen, 375 p., ill.; v. II. Bronzealderen, 304 p., ill., 3 maps; v. III. Jernalderen, 388 p., ill., map. ИИМК.
- E. Bull, Nogen vestnorske verksteds—og boplassfund fra steinanderen. Bergen, 1937, 43 p., ill. (Berg. Mus. Årbok, No 4). БАН.
- H. Butschkow, Die ältere Bandkeramik in Mitteldeutschland. Ihre Ausbreitung, Stilarten und Beziehungen zu benachbarten verwandten Kulturen. Halle (Saale), 1935, IV, 36 S. ЛБ.
- D. P. Capper, The vikings of Britain. London, 1937, 220 p., ill. БАН.
- V. G. Childe, The prehistory of Scotland. London, 1935, XV, 285 p., ill. БАН.
- H. B. Collins, Archaeology of St. Lawrence Island, Alaska. City of Washington, 1937, XI, 431 p., ill. (Smithsonian miscellaneous collections, Vol. 96, No 1, Publ. 3411). ЛБ.
- G. Ekholm, Några romerska glasbägare i norska fynd. Bergen, 1937, 15 p., ill. (Berg. Mus. Årbok, 3). БАН.
- E. E. Evans, Excavations at Carnabane, county Londonderry, a double borned cairn. Dublin, 1939, 12 p., ill., plane. (Proc. R. Irish Acad., vol. XLV, C, 1). БАН.
- P. Fett, Beltet fra Hove og nogen andre belter fra folkevandringstiden i Bergens Museum. Bergen, 1938, 14 p., ill. (Berg. Mus. Årbok, Hist.-antik. rekke, No 5). БАН.
- P. Fett, Bergens Museums tilvekst av oldsaker 1936. Bergen, 1937, 48 p., ill. (Berg. Mus. Årbok, No 5). БАН.
- P. Fett, Setrangelbillet og andre belter fra den eldre jernalder. Bergen 1938, 21 p., ill. (Berg. Mus. Årbok, Hist.-antik. rekke, No 7). БАН.
- H. Field, Archaeologic investigations in Central Asia, 1917—1937 (Reprin. from vol. V, p. 2 of «Ars Islamica», 1938, p. 233—271, ill.). ЛБ.
- A. Geijer, Die Textilfunde aus den Gräbern Uppsala. 1938. 191 p., ill. (Birka. III. Kungl. v. Herhets historie och antiquitets akademien). ЛБ.
- B. Hougén, Snartemofunnene. Studier i folkevandringstidens ornamentik og tekstil-historie. Oslo, 1935, 122 p., ill., map. БАН.
- W. Krause, Was man in Runen ritzte. Halle (Saale), 1935, 53 S., 8 Ill. (Schriften der Königsberger Gelehr. Gesellschaft. Geisteswissenschaftliche Kl. Jahr. 12, Heft. I). ЛБ.
- E. Th. Leeds, Early Anglo-Saxon art and archaeology. Oxford, 1936, XII, 130 p., ill. ЛБ.
- C. P. Martin, Prehistoric man in Ireland. London, 1935, X, 184 p., ill. БАН.
- F. Messerschmidt, Bronzezeit und frühe Eisenzeit in Italien. Pfahlbau, Terramare, Villanova. Berlin, 1935, 77 S., Taf., ИИМК.
- E. Nickel, Die Steinwerkzeuge der jüngeren Steinzeit, Bronze- und Eisenzeit östlich der Elba. Würzburg, 1938, 60 S., Ill., Kart. ЛБ.
- M. Olsen, Runestenen på Barmen i Nordfjord. Bergen, 1937, 40 p., ill., carte (Berg. Mus. Årbok. I). БАН.
- S. P. O'Riordan, Excavations at Cush., co. Limerick. Dublin, 1940, 83—181 p., ill. (Proc. R. Irish Acad., vol. XLV, sect. C, No 7). БАН.
- L. Post, A. Oldeberg und I. Fröman, Ein eisenzeitliches Rad aus dem Filaren-See in Södermanland Schweden. Stockholm, 1939, 98 S., ill. БАН.
- P. Power, A decorated quern-stone, and its symbolism. Dublin, 1939, 6 p., ill. (Proc. R. Irish Ac., vol. XLV, sec. C, № 4). БАН.
- K. Reichardt, Runenkunde. Jena, 1936. 126 S., Taf. ИЯМ.
- A. Rust, Das altsteinzeitliche Renntierjägerlager Meiendorf. Neumünster in Holstein, 1937, XVI, 146 S., Taf. ИИМК.
- E. Šturm, Die ältere Bronzezeit im Ostbaltikum. Berlin, 1936, 155 S., Taf., Karte. ИИМК.

- N. Valmin, Das Adriatische Gebiet in Vor- und Frühbronzezeit. Lund, Leipzig, 1939, 244 S., Taf., 1 Karte. БАН.
- K. Willvonseder, Die mittlere Bronzezeit in Oesterreich. Wien, 1937, vol. 1—2, ИИМК.
- H. Zeiss, Studien zu den Grabfunden aus dem Burgundenreich an der Rhone. München, 1938, 120 S., Taf. (SBAW, Phil.-hist. Abt., H. 7). БАН.

ЕГИПЕТ

- «Abd el Monem Joussef Abubakr. Untersuchungen über die ägyptischen Kronen». Glückstadt, 1937, 73 S., ill. ЛБ.
- H. Brunner, Die Texte aus den Gräbern der Herakleopolitenzeit von Siut, mit Uebersetzung und Erläuterungen. Glückstadt, Hamburg, New York, 1937, 69 S. ЛОИИ.
- E. Drioton, J. Vandier, L'Egypte. 1938, XLIV, 640 p. МГУ.
- G. Dykmans, Histoire économique et sociale de l'ancienne Egypte. II—III. Paris, 1936—1937 (Bibliothèque de l'école supér. de sciences commerc. et économiques de l'Université de Liège, XV). Том III не вошел в серию. Т. II. La vie économique sous l'Ancien Empire, 1936, 301 p. Т. III. L'organisation sociale sous l'Ancien Empire, 1937, 281 p. ЛБ, МГУ.
- F. Edgerton, ed. Medinet Hâbu graffiti fascimiles. Chicago, 1937, XI, 6 p., ill. (The University of Chicago, Orient. Institut publications No 36). ЛБ.
- W. Erichsen, Ein demotischer Ehevertrag aus Elephantine. Berlin, 1939, 18 S., Taf. (APAW, No 8). БАН.
- A. H. Gardiner, The attitude of the ancient Egyptians to death and the dead. Cambridge, 1935, 45 p. ЛОИИ.
- H. Grapow, Wie die alten Ägypter sich anredeten, wie sie sich grüssten und wie sie miteinander sprachen. Berlin, 1939, 51 S. (APAW, No 11). БАН.
- E. Iversen, Papyrus Carlsberg No VIII with some remarks on the Egyptian origin of some popular birth prognoses. København, 1939, 31 p., ill. (Danske vidensk. selskab. Hist.-fil. meddel. XXIV, 5). БАН, ЛБ.
- H. Junker, Die Götterlehre von Memphis (Schabaka-Inschrift). Berlin, 1940. 77 S. (APAW № 23).
- B. Porter, and R. Moss, Topographical bibliography of ancient Egyptian hieroglyphic texts, reliefs and paintings. Vol. V. Upper Egypt: sites. Oxford, 1937. ИЯМ, ИВ.
- A. Rosenwasser, Un ex voto dedicado a Osiris. Buenos Aires, 1939, 509—515 p. ИАЭ.
- C. E. Sander-Hansen, Das Gottesweib des Amun. København, 1940. 57 S. БАН.
- A. Schaff, Der historische Abschnitt der Lehre für König Merikare. München, 1936, 64 S. SBAW, Philosoph.-histor. Abt., 1936, H. 8). БАН, ЛБ.
- C. K. Seele, The tomb of Canefer at Thebes (No 158). Chicago, Illinois, 1939, II, 8 p., ill. ЛБ.
- J. J. Simons, Handbook for the study of Egyptian topographical lists relating to Western Asia. Leiden, 1937, 224 p. ЛОИИ, ИВ, ЛБ.
- G. A. Wainwright, The skyreligion in Egypt, its antiquity and effects. Cambridge, 1938, 121 p., ill. МИР.
- U. Wilcken, Die Bremer papyri. Berlin, 1936, 178 S. (APAW, Philosoph.-hist. Klasse, 1936, No 2). ЛБ.
- H. E. Winlock, The temple of Ramses I at Abydos. New York, 1937, 20 p., ill. (Metrop. Mus. Art, No 5). ЛОИИ.
- H. C. Youtie and O. M. Pearl, Tax rolls from Karanis. Part II. Text and indexes. London, Ann Arbor, 1939, XV, 266 p., ill. («Michigan papyri», vol. IV, p. II). БАН.

ПЕРЕДНЯЯ АЗИЯ

- W. Andrae, Die jüngeren Ishtar-Tempel in Assur. Leipzig, 1935, 132 S. (Wissenschaft. Veröffent. Deutsch. Orient-Gesellschaft, 58). ЛБ.
- A. R. Belling er, Coins from Ierasch, 1928—1934. New York, 1938, 141 p. («Numism. notes and monogr.» No 81). ИИМК.
- P. Cruveilhier, Introduction au code d'Hammurabi. Paris, 1937, 177 p. ЛБ.
- A. Deimel, Die altbabylonische Königsliste und ihre Bedeutung für die Chronologie. Rom, 1935, 66 S. (Sacra Scriptura antiquitatibus orientalibus illustrata, 6). ИВ, ЛБ.
- L. Delaporte, Les peuples de l'Orient Méditerranéen, I. Paris, 1938. МГУ.
- W. H. Dubberstein, Comparative prices in later Babylonia (625—400 b. C.). Chicago-Illinois. 1938. 24 p. БАН, ЛБ.
- M. Ehrenkranz, Beiträge zur Geschichte der Bodenpacht in Neubabylonischer Zeit. München, 1936, 50 S. ЛБ.
- J. S. Emmanuel, Histoire des Israélites de Salonique. Vol. I. (140 av. J.-C. à 1640). Histoire sociale, économique et littéraire de la Ville Mère en Israël. Paris, 1936, 304+64 p., ill. БАН.
- «Fouilles de Telloch». Sous la direction de H. de Génouillac, II. Paris, 1936. 167 p., ill. ЛБ.
- D. A. Garr od, The stone age of mount Carmel. Excavations at the Wady el-Mughara. Vol. I. Oxford, 1937 («Report of the Joint Expedition of the British school of archaeology in Jerusalem and American school of prehist. researches», 1929—1934). БАН, ЛБ.
- G. G. Hackmann, Temple documents of the third dynasty of Ur from Umma. New Haven, London, 1937, XI, 36 p., ill. ИВ.
- B. Hrozný, Les inscriptions hittites hiéroglyphiques. Essai de déchiffrement. Livre 3. Praha, 1937, 510 p., ill. ЛБ.
- W. Ingen, Figurines from Seleucia on the Tigris. Discovered by the Expeditions conducted by the University of Michigan with the cooperation of the Toledo Museum of art and the Cleveland Museum of art. 1927—1932. London, Ann Arbor, 1939, XXI, 374 p. 93 plates, 2 plans. БАН.
- R. Jestin, Textes économiques sumériens de la II-e dynastie d'Ur. Paris, 1935, 277 p. ИЯМ, МГУ.
- Fr. R. Kraus, Die physiognomischen Omina der Babylonier. Leipzig, 1935, 106 S. (MVAG, Bd. 40, H. 2). ИВ, ЛБ.
- L. Legrain, Archaic seal impressions. Oxford, 1936, VIII, 49 p., ill. (Ur-excavations, v. 3). ЛБ.
- B. Meissner und D. Opitz, Studien zum Bit Hilâni im Nordpalast Assurbana-palis zu Ninive. Berlin, 1940, 102 S., Taf., Plane. (APAW N 18). БАН.
- H. J. Milne, Scribes and correctors of the Codex Sinaiticus. London, British Museum, 1938, VI, 112 p., ill. ИВ, ЛБ.
- A. Moorgat, Frühe Bildkunst in Sumer. Leipzig, 1935, 98 S., ill. (MVAG, Bd. 40, H. 3). ЛБ.
- A. Nöldke, E. Heinrich und H. Lenz en, Zehnter vorläufiger Bericht über die von der Deutschen Forschungsgemeinschaft in Uruk-Warke unternommenen Ausgrabungen. Berlin, 1939, 34 S., Taf., Karte (APAW, No 2). БАН.
- C. F. A. Schaeffer, La sixième campagne de fouilles à Ras Shamra (Ugarit). (Printemps 1934). Rapport sommaire. Paris, 1935, 204 p., ill. БАН.
- C. F. A. Schaeffer, La septième campagne de fouilles à Ras Shamra (Ugarit). (Printemps 1935). Rapport sommaire. Paris, 1936, 295 p., ill. БАН.
- C. F. A. Schaeffer, The cuneiform texts of Ras Shamra (Ugarit). London, 1939, XVI, 100 p., ill. БАН.
- M. Seif, Ueber die altbabylonischen Rechts- und Wirtschaftsurkunden aus Iščâlî. Berlin, 1938, 56 p. БАН, ЛБ.
- F. Sommer, und A. Falkenstein, Die hethitisch-akkadische Bilingue des Hattušili I. (Labarna II). München, 1938, XII, 288 S., Taf. (ABAW, N. F., H. 16). БАН, ЛБ.

- R. C. Thompson, A dictionary of Assyrian chemistry and geology. Oxford, 1936, XLVIII, 266 p. ЛБ.
- C. C. Torrey, Aramaic graffiti on coins of Demanhur. New York, 1937, 13 p. («Numism. notes and monogr.» No 77). ИИМК.
- C. Virolleaud, La légende de Keret, roi des sidoniens. Publiée d'après une tablette de Ras Shamra. Paris, 1936, 102 p., ill. (Mission de Ras Shamra, T. 2). БАН.
- C. Virolleaud, La légende phénicienne de Danel. Paris, 1936. (Mission de Ras Shamra, T. 1). БАН.
- H. Waschow, Babylonische Briefe aus der Kassitenzeit. Gräfenhainischen, 1936, 49 S. III. ИВ, ЛБ.

ИРАН

- G. G. Cameron, A pre'Achaemenid history of Persia: the land and its people. Chicago, 1936, 21 p. ЛБ.
- G. Contenau, La civilisation de l'Iran au IV-e millénaire av. n. ère. Paris, 1936, 49 p., ill. (Publ. de la Soc. des études iraniennes et d'art persan, No 13). ЛБ.
- B. Furon, La Perse. Géographie. Préhistoire et protohistoire... La Perse actuelle. Paris, 1938, 238 p., cart., ill. ЛБ.
- O. Hansen, Die mitteleuropäischen Papyri der Papyrussammlung d. staatlichen Museen zu Berlin. Berlin, 1938, 102 S., Ill. (APAW, 1937. Phil.-hist. Klasse, No 9). БАН, ЛБ.
- G. Widengren, Hochgottglaube im alten Iran. Uppsala, 1938, 419 S. (Uppsala universit. årskrift. 1938, 6). ЛБ.

ИНДИЯ

- R. Bhattacharya, History of ancient India. Jessore, 1935, II, 52 p., 1 cart. ЛБ.
- «The Cambridge History of India», vol. I. Cambridge, 1935. МГУ.
- M. Falk, Il mito psicologico nell'India antica. Roma, 1939, 289—738 p. («Mem. Acad. naz. dei Lincei». Ser. 6, vol. 8, f. 5). БАН.
- L. La Vallée Poussin, Dynasties et histoire de l'Inde depuis Kanishka jusqu'aux invasions musulmanes. Paris, 1935. XX, 396 p. (Histoire du monde. Publ. s. la dir. de M. E. Cavaignac. Tome 6^e). ЛБ.
- L. La Vallée Poussin, Indo-européens et indo-iraniens. L'Inde jusque vers 300 av. J. C. Paris, 1936, 407 p. (Histoire du monde publ. s. la dir. de M. E. Cavaignac. Tome 3). ЛБ.
- «The legacy of India». Ed. by G. T. Garratt. 1937. London, Oxford, XVIII, 428 p. ИВ, ЛБ.
- R. Mackay, The Indus civilization. London, 1935, VIII, 210 p., ill. ИВ, ЛБ.
- M. J. Seth, Armenians in India. Calcutta, 1937, XV, 629 p. ЛБ.
- Stankevič, Der Stern vom Morgenlande. Kaunas u. Leipzig, 1937, 84 p. ЛБ.

КИТАЙ

- D. Bodde, China's first unifier; a study of the Ch'in dynasty as seen in the life of Li Ssü (280?—208 b. C.). Leiden, 1938, VIII, 270 p. ИВ.
- H. C. Creel, Studies in early Chinese Culture. London, 1937, p. 266. ИВ, МГУ.
- M. G. Creel, The birth of China; a study of the formative period of chinese civilization. New York, 1937, 402 p. ИАЭ.
- W. Durant, Histoire de la civilisation. Vol. III. La Chine, le Japon. Paris, 1937, 382 p. БАН.
- Ch. S. Gardner, Chinese traditional historiography. London, 1938 («Harvard histor. monogr.» XI), XI, 120 p. ЛБ.
- O. Siren, Histoire de la peinture chinoise. II. L'époque Song et l'époque Yuan. Paris, 1935, 170 p., ill. ЛБ.

КРИТО-МИКЕНСКАЯ КУЛЬТУРА

- C. W. Blegen, *Prosymna; the helladic settlement preceding the Argive Heraeum*. Cambridge, 1937, vol. 1—2. ИИМК.
- F. Chappouhier, *Deux épées d'apparat découvertes en 1936 au palais de Mallia au cours des fouilles exécutées au nom de l'Ecole française d'Athènes*. Paris, 1938, 62 p., ill. БАН.
- A. Furumark, *Studies in aegean decorative art. Antecedents and sources of the Mycenaean ceramic decoration*. Stockholm, 1939, 139 p. БАН.
- J. Sundwall, *Altkretische Urkundenstudien*. Abo, 1936, 45 p. (Acta Acad. Aboensis. Humaniora X, 2). ЛБ.

ГРЕЦИЯ И ЕЕ КОЛОНИИ

- J. Benediktsson, *Chronologie de deux listes de prêtres Kamiréens*. Kopenhagen, 1940, 64 p. БАН.
- H. Bengtson, *Einzelpersönlichkeit und athenischer Staat zur Zeit des Peisistratos und des Miltiades*. München, 1939, 67 S. (SBAW, H. I). БАН.
- C. Blinkenberg, *Deux documents chronologiques rhodiens*. Kopenhagen, 1938, 32 p. (Det Kgl. Danske Vidensk. Selsk. Arch. Kunsthist. meddel. II, 4). БАН, ЛБ.
- R. J. Bonner, and G. Smith, *The administration of justice from Homer to Aristotle*, vol. I. Chicago, 1930, VIII, 390 p.; vol. II, Chicago, 1938. БАН.
- Th. A. Brady, *The reception of the Egyptian cults by the Greeks (330—30 b. C.)*. Columbia, 1935, 88 p. БАН, ЛОИИ, МИР.
- A. B. Brett, *Victory issues of Syracuse after 413 b. C.* New York, 1936, 6 p. («Numism. notes and monogr.» No 75). ИИМК.
- C. S. Blinkenberg, *Triemolia. Etude sur un type de navire rhodien*. Kopenhagen, 1938, 59 p., ill; (Det Kgl. Danze Videnskab. Selsk. Archæolog. Kunsthist. meddelelser, II, 3). БАН, ЛБ.
- H. Berve, *Miltiades Studien zur Geschichte des Mannes und seiner Zeit*. Berlin, 1937, VI, 101 S. («Hermes», «Zeitschrift f. klass. Philologie», Einzelschriften, H. 2). БАН, ЛБ, МГУ.
- R. Carpenter, and A. Bon, *The defenses of Acrocorinth and the lower town*. Cambridge, Mass., 1936, 315 p., ill., planes, map. («Corinth. Results of excavations». Vol. III, p. 2). БАН, ЛБ.
- Ro. Cohen, *Nouvelle histoire grecque*. Paris, 1935, 397 p., carte. ЛБ.
- C. W. Cox, and A. Cameron, *Monuments from Dorylaeum and Nacolea*. Manchester, 1937, XLVI, 200 p., ill., map. («Monum. Asiae Minor. antiq.», vol. V). БАН.
- J. F. Cronin, *The Athenian juror and his oath*. Chicago, 1936, 50 p. ЛБ.
- M. Crosby, *An Achaean league hoard*. New York, 1936, 44 p. («Numism. notes and monogr.» No 74). ИИМК.
- V. Ehrenberg, *Alexander and the Greeks*. Oxford, 1938, 110 p. ЛОИИ.
- B. English, *The problem of freedom in Greece from Homer to Pindar*. Toronto, 1938, 106 p. БАН.
- H. Gaebler, *Fälschungen makedonischer Münzen*, VI. Berlin, 1940, 9 S., Taf. (APAW, № 17). БАН.
- E. Gjeerstad, J. Lindros, E. Sjöqvist, A. Westholm, *The Swedish Cyprus expedition. Finds and results of the excavations in Cyprus 1927—1931*. Stockholm, vol. I, 1934, L, 578 p., ill., map; vol. II, 1935, XLV, 861 p., ill., planes; vol. III, 1937, XXVII, 675 p., ill., planes. БАН.
- M. Guarducci, *L'Instituzione della fratria nella Grecia antica e nelle colonie greche d'Italia*. P. II. Roma, 1938, 135 p. («Atti della Acad. nazion. dei Lincei». Ser. VI, vol. VIII, f. 2). БАН.
- M. Guarducci, *Inscriptiones creticae. Opera et consilio Fr. Helbherr collectae*. II. Tituli Cretae occidentalis. Roma, 1939, XII, 350, ill., 1 carte. БАН.

- F. H a m p l, Die griechischen Staatsverträge des 4. Jahrhunderts v. Christi Geb. Lpz., 1938, 144 S., III. БАН.
- W. A. H e u r t l e y, Prehistoric Macedonia; an archeological reconnaissance of Greek Macedonia in the neolithic, bronze and early iron ages. Cambridge, 1939, 276 p., III. ИИМК.
- E. J. H o l m b e r g, Excavations at Asea in Arcadia 1936—1938. Preliminary report. Göteborg, 1938, 30 p., III. БАН.
- E. H o w a l d, Kultur der Antike. Potsdam, 1935, 46 S., III. (Handbuch der Kulturgeschichte. Fg. 15. Abt. II, 2). ЛБ.
- W. J a e g e r, Vergessene Fragmente des Peripatetikers Diokles von Karystos. Nebst zwei Anhängen zur Chronologie der dogmatischen Ärzteschule. Berlin, 1938, 465 S. (APAW, No 3). БАН.
- W. J a e g e r, Paideia. Die Formung der griechischen Menschen. 2. Aufl., Bd. 1, Berlin, 1936. ЛБ.
- C. J e n s e n, Die Parabase in den Demeen des Eupolis. Berlin, 1940, 14 S. (APAW, No 4). БАН.
- U. K a h r s t e d t, Untersuchungen zur Magistratur in Athen. Studien zum öffentlichen Recht Athens. T. II. Stuttgart, 1936, 330 S. БАН, ЛБ.
- E. K u n z e, II. Bericht über die Ausgrabungen in Olympia. Berlin, 1938, 132 S. ИИМК.
- «L'Acropole». Photographies de W. Hege. Introduction de G. Rodenwaldt. 2 éd. Paris, 1937, 59 p., III. ЛОИИ.
- W. L a m b, Excavations at Thermi in Lesbos. Cambridge, 1936, XII, 226 p., III., map., planes. БАН.
- H. L e h m a n n, Argolis. Bd. I. Landeskunde der Ebene von Argos und ihrer Randgebiete. Athen, 1937, XVI, 150 S., Taf., Karte. БАН.
- S. M a c k e n z i e, Pericles. London, 1937, 351 p., map. ЛБ.
- B. D. M e r i t t, Documents on athenian tribute. Cambridge, Mass. 1937. VI, 135 p., III. ЛОИИ.
- B. D. M e r i t t, H. T. W a d e - G e r y, M. F. M c G r e g o r, The athenian tribute lists, vol. I. Cambridge, Mass., 1939, XXXII, 605 p., III., map. БАН.
- E. M e y e r, Geschichte der Altertums. 3. verb. Aufl., Bd. 4. Das Perserreich und die Griechen. Abt. I. Bis zum Vorabend des Peloponnesischen Krieges. Stuttgart, 1939. БАН.
- K. M o s i n g, Prawo starożytnej Grecji a zagadnienie usiłowania przestępstwa. Lwów, 1939, 39 p. БАН.
- A. M ü h s a m, Die attischen Grabreliefs in römischer Zeit. Berlin, 1936, 69 S. ЛБ.
- M. P. N i l s s o n, The age of the early Greek tyrants. Belfast, 1936, 24 p. БАН, ЛБ.
- S. P. N o e, A bibliography of Greek coin hoards (2d ed.). New York, 1937, 362 p. («Numism. notes and monogr.» No 78). ИИМК.
- L. P e a r s o n, Early ionian historians. Oxford, 1939, VIII, 240 p. БАН, ЛБ.
- M. P o h l e n z, Herodot, der erste Geschichtschreiber des Abendlandes. Leipzig, 1937, 222 S. БАН.
- J. E. P o w e l l, The history of Herodotus. Cambridge, 1939, VIII, 96 p. БАН.
- A. R e y, Les mathématiques en Grèce au milieu du V-e siècle. Paris, 1935 («Actualités scientifiques et industrielles», 217 p.). БАН, ЛБ.
- L. R o b e r t, Etudes anatoliennes. Recherches sur les inscriptions grecques de l'Asie Mineure. Paris, 1937, 620 p., III. («Etudes orientales». Publ. par l'Institut franç. d'archéologie de Stamboul, V). ЛБ.
- D. M. R o b i n s o n and J. W. G r a h a m, The hellenic house. A study of the houses found at Olynthus with a detailed account of those excavated in 1931 and 1934. Baltimore, 1938, XIX, 370 p., III. («Excavations at Olynthus», VIII). БАН.
- G. S a n c t i s, Storia dei Greci dalle origini alla fine del secolo V. 2 vol. Firenze, 1940, v. I, 595 p.; v. II, 580 p. БАН, ЛОИИ.
- E. S j ö q u i s t, Problems of the late Cypriote bronze age, Stockholm, 1940, XI, 226 p., III. БАН.

- L. A. S t e l l a, Importanza di Alcmeone nella storia del pensiero greco. Roma, 1939, 233—287 p. («Mem. Acad. nazion. dei Lincei». Ser. VI, vol. VIII, f. 4). БАН.
- H. S w o b o d a, J. K e i l, und F. K n o l l, Denkmäler aus Lykaonien, Pamphylien und Isaurien. Brünn, Prag, 1935, 147 S., Abb., Karte. БАН.
- H. T i e r s c h, Artemis Ephesia. Eine archäologische Untersuchung. T. I. Berlin, 1935, 150 S., Ill. ЛБ.
- F. O. W a a g e, Greek bronze coins from a well at Megara. New York, 1935, 42 p., ill. («Numism. notes and monogr.» No 70). ИИМК.
- A. W i l h e l m, Zwei Beschlüsse aus Epidauros. Berlin, 1940, 10 S. (APAW, № 21). БАН.
- A. W i l h e l m, Diener des Rates der Athener. Berlin, 1940, 8 S. (APAW, № 20). БАН.
- A. W i l h e l m, Vier Beschlüsse der Athener. Berlin, 1940, 29 S. (APAW, № 22). БАН.
- W. J. W o o d h o u s e, Solon the liberator. A study of the agrarian problem in Attika in the seventh century. London, 1938, XVI, 218 p. БАН.

ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЕ ГОСУДАРСТВА

- E. N. A d l e r, J. G. T a i t, F. M. H e i c h e l h e i m, and F. L. G r i f f i t h, The Adler papyri. Oxford, 1939, VIII, 118 p., ill. БАН.
- P. G. E l g o o d, The Ptolemies of Egypt. Bristol, 1938, XVI, 240 p., ill. БАН.
- E. N e w e l l, The Pergamene mint under Philetaerus. New York, 1936, 34 p., ill. («Numism. notes and monogr.» No 76). ИИМК.
- E. N e w e l l, The Seleucid coinages of Tyre. New York, 1936, 34 p., ill. («Numism. notes and monogr.» No 73). ИИМК.
- W. O t t o, Ptolemaica. München, 1939, 34 S. (SBAW, 3). БАН.
- W. O t t o, und H. B e n g s t s o n, Zur Geschichte des Niederganges des Ptolemäerreiches. Ein Beitrag zur Regierungszeit des 8. und des 9. Ptolemäers. München, 1938, 244 p. (ABAW, Phil.-Hist. Abt., H. 17). БАН, ЛБ.
- «Urkunden der Ptolemäerzeit» (Ältere Funde), hrsg. von U. Wilcken. Bd. II—Papyri aus Oberägypten. 1. Lief. Berlin, 1935, S. 1—90. 2. Lief. Berlin, 1937, S. 91—213. МГУ.
- E. V i s s e r, Götter und Kulte im ptolemäischen Alexandrien. Amsterdam, 1938, 131 S., Taf. МИР.
- S t. W i t k o w s k i, Historia Egiptu w epoce Ptolemeuszów. Historia polityczna. Lwów, 1938, XII, 303 p., ill., maps («Prace naukowe», dz. I, t. XIV). БАН.

РИМ

- F. A l t h e i m, Epochen der römischen Geschichte. Bd. 2. Frankfurt a/M., 1935 («Frankfurter Studien zur Religion und Kultur der Antike». Hrsg. von W. Otto. Bd. 12). ЛБ.
- Alexandrinus A p p i a n u s. Historia romana. Vol. I. Proemium. Iberica. Anniballica. Libyca. Illyrica. Syriaca. Mithridatica. Fragmenta. Index. Ed. P. Viereck et A. G. Roos. Lipsiae, 1939. БАН.
- L. B a n t i, Luni. Firenze, 1937, 202 p., ill. БАН.
- V. B a s a n o f f, Pomerium Palatinum. Roma, 1939, 109 p., ill. («Mem. Acad. naz. dei Lincei». Ser. VI, vol. IX, fasc. 1). БАН.
- H. G. B e y e n, Die pompejanische Wanddekoration. Text. Bd. 1. Haag, 1938. Tafeln. Bd. I. ЛБ.
- H. B o a s, Aeneas' arrival in Latium. Observations on legends, history, religion, topography and related subjects in Vergil, Aeneid., VII, 1—135. Amsterdam, 1938, IX, 250 p., ill. БАН.
- G. B u o n a m i c i, Fonti di Storia etrusca. Tratte dagli autori classici. Firenze—Roma, 1939, XII, 390 p. БАН.
- F. B o s s o w s k i, Die Abgrenzung des mandatum und der negotiorum gesti im klassischen und justinianischen Recht. Lwow, 1937, 156 S. БАН.
- «The Cambridge Ancient History». Vol. XI. The Imperial Peace. A. D. 70—192. Cambridge, 1936. Vol. XII. The Imperial crisis and recovery. Cambridge 1939, ЛОИИ, ИИМК, МГУ.

- J. C a r c o p i n o, *La vie quotidienne à Rome à l'apogée de l'empire*. Paris, 1939, 348 p. БАН.
- P. C h a r a n i s, *Church and state in the later roman empire. The religious policy of Anastasius the first, 491—518*. Madison, 1939, 102 p. БАН.
- E. C i a c e r i, *Le origini di Roma. La monarchia e la prima fase dell'età repubblicana. (Dal sec. VIII alla metà del sec. V a. C.)*. Milano, 1937, VII, 473 p. БАН.
- D e l l a C o r t e, *Pompée. Les nouvelles fouilles*. Trad. par J. Chevalier-la-Vaure. Pompei, 1935, 73 p., 31 ill. ЛБ.
- «*Fontes Hispaniae antiquae*». Publicadas baiv los auspicios y a expensas de la Universidad de Barcelona por A. Schulten y P. Bosch-Gimpera. Fasc. 1, 3. Barcelona, 1922—1935. МГУ.
- M. S. E n s l i n, *Christian beginnings*. New York and London, 1938, IX, 533 p. МИР.
- K.-H. F r i t z, *Studien zur Justinianischen Reformgesetzgebung*. Berlin, 1937, 66 S. ЛБ.
- R. F u h r m a n n, *Ahnengut in römischen Familien*. Halle—Saale, 1938, 182 S. БАН.
- A. E. G l a u n i n g, *Die Anhängerschaft des Antonius und des Octavians*. Leipzig, 1936, V, 55 S. ЛБ.
- F r. H a l l b a u e r, *De numeralibus latinis epigraphicis*. Halis Saxonum, 1936, 134 p. ЛБ.
- R. M. H a y w o o d, *Roman Africa*. Baltimore, 1938, 119 p. («An economic survey of ancient Rome». Ed. by T. Frank, vol. 4). БАН, ЛБ.
- R. H e i n z e, *Vom Geist des Römertums*. Leipzig und Berlin, 1939, 298 S. ЛОИИ.
- V. H o f f i l l e r u n d B. S a r i a, *Antike Inschriften aus Jugoslavien. H. I. Noricum und Pannonia superior*. Zagreb, 1938, 277 S., Taf. БАН.
- L. H o m o, *Auguste*. Paris, 1935. ЛОИИ, МГУ.
- H. W. H o u s e h o l d, *Rome, republic and empire*. Vol. II, London, 1938, X, 316 p. БАН.
- A. E. H u t s o n, *British personal names in the historia regum Britanniae*. Berkeley, 1940, 160 p. БАН.
- A. H. J o n e s, *The cities of the Eastern roman provinces*. Oxford, 1937, XV, 576 p., maps. БАН, ЛБ.
- H. K ä h l e r, *Die römischen Kapitelle des Rheingebietes*. Berlin, 1939, 100 S. ИИМК.
- U l. K n o c h e, *Magnitudo animi. Untersuchungen zur Entstehung und Entwicklung eines römischen Wertgedankens*. Leipzig, 1935 («*Philologus*», Suppl.—Band 27, Heft 3). БАН, ЛБ.
- E. K o r n e m a n n, *Römische Geschichte, Bd. I. Die Zeit der Republik*. Stuttgart, 1938. БАН.
- H. K o r t e n b e u t e l, *Ein Kodizill eines römischen Kaisers*. Berlin, 1940, 15 S., Taf. (АРАУ, No 13). БАН, ИИМК.
- P. L a m b r e c h t s, *La composition du Sénat romain de l'accession au trône d'Hadrien à la mort de Commode (117—192)*. Antwerpen, 1936, 234 p. МГУ.
- N. L e w i s, *A hoard of folles from Seltz (Alsace). With a supplement on «The chemical composition of the follis» by D. Lewis*. New York, 1937, 81 p., ill. («Numism. notes and monogr.» No 79). ИИМК.
- Z. C h. L i e d m e i e r, *Plutarchus biographie van Aemilius Paullus*. Historisch. commentaar. Utrecht, 1935, 312 p. БАН, ЛБ.
- H. L o r e n z, *Untersuchungen zum Prätorium. Katalog der Prätorien und Entwicklungsgeschichte ihrer Typen*. Halle (Saale), 1936, 119 S., 1 Taf. ЛБ.
- F. L o t, *La fin du monde antique et le début du moyen-âge*. Paris, 1938. XXVI, 513 p. МГУ.
- F. M a i n z e r, *Caesar's mantle. The end of the Roman republic*. Trad. by E. & C. Paul. N. Y., 1936, 345 p. ЛБ.
- A. M a i u r i, *Pompei. I nuovi scavi e la villa dei misteri*, Roma 2 ed., 150 p., ill., plan. (Ser. degli itinerari dei Musei e monumenti d'Italia, N 3). ИИМК.
- L. M a ł u n o w i c z, *De ara Victoriae in curia romana quomodo certatum sit*. Wilno, 1937, 122 p. ЛОИИ.

- H. I. M a r r o u, Saint Augustin et la fin de la culture antique. Paris, 1938, XVI, 620 p. («Bibl. des Ecoles franç. d'Athènes et de Rome»). БАН, МИР.
- H. M a t t i n g l y, and W. S t e b b i n g, The Richborough hoard of «radiates», 1931. New York, 1938, 118 p., ill. («Numism. notes and monogr.» No 80). ИИМК.
- M. M a x e y, Occupations of the lower classes in Roman society. Chicago, 1938, VIII, 98 p. БАН.
- G. M i c k w i t z, Die Kartellfunktionen der Zünfte und ihre Bedeutung bei der Entstehung des Zunftwesens. Eine Studie in spätantiker und mittelalterlicher Wirtschaftsgeschichte. Helsingfors, Leipzig, 1936, 250 S. МГУ.
- «Monuments and documents from Phrygia and Caria». Ed. by W. H. Buckler, W. M. Calder. Manchester, 1939, XXII, 166 p., ill. БАН.
- H. N e s s e l h a u f, Die spätrömische Verwaltung der gallisch-germanischen Länder. Berlin, 1938, 105 S. (APAW, No 2). БАН.
- H. N e s s e l h a u f, Diplomata militaria ex constitutionibus imperatorum de civitate et conubio militum veteranorumque expressa. Berlin, 1936, 213 p., ill. (CIL. vol. 16). БАН.
- E. N o r d e n, Aus altrömischen Priesterbüchern. Lund, Leipzig, 1939, XIV, 300 S. БАН, ИИМК.
- E. P a i s. Storia di Roma durante la guerre Puniche. 2 ed., I—II. Torino, 1935. ЛБ.
- K. P a t s c h, Der Kampf um den Donaauraum unter Domitian und Trajan. Wien, 1937. 252 S., Ill. (SAWW, Philos.-hist. Klasse, Bd. 217, Abt. 1). ЛБ.
- A. P i g a n i o l, Histoire de Rome. Paris, 1939. LI, 576 p. МГУ.
- F. P o u l s e n, Römische Privatporträts und Prinzenbildnisse. København, 1939, 46 p., Ill. (Det. Kgl. Danske vidensk. selsk. Arch. kunsth. meddel. 11, 5). БАН, ЛБ.
- A. R e h m, Milesische Chronologie von Sulla bis Tiberius. München, 1939, 44 S. (SBaw, 8). БАН.
- G. R o s e n b e r g e r, Griechische Verwaltungsurkunden von Tebtynis aus dem Anfang des dritten Jahrhunderts n. Chr. Giessen, 1939, 44 S. («Mitteil. a. d. Papyrussammlung d. Giessener Univers.», VI). БАН.
- M. I. R o s t o v t z e f f, A. R. B e l l i n g e r, C. H o p k i n s, and C. B. W e l l e s, The excavations at Dura-Europos. Preliminary report of sixth season of work October 1932—March 1933. New Haven, 1936, XX, 518 p., ill. БАН, ЛБ.
- O. S e e l, Hirtius Untersuchung über die pseudocaesarischen Bella und den Balbus-brief. Leipzig, 1935, 115 S. («Klio», Beihefte 35. N. F., H. 22). БАН, ЛБ, МГУ.
- A. S c h o b e r, Die Römerzeit in Oesterreich an den Bau- und Kunstdenkmälern. Baden bei Wien [1935], 109 S., Taf. БАН.
- H. S c h ö n e b e c k, Beiträge zur Religionspolitik des Maxentius und Constantine. Leipzig, 1939, VIII, 165 S., Taf. («Klio», Beiheft 43, N. F., H. 30). БАН.
- E. S e c k e l, Die Summa Vindocinensis. Berlin, 1939, 67 S. (APAW, No 3). БАН.
- A. N. S h e r w i n - W h i t e, The roman citizenship. Oxford, 1939, VII, 315 p. БАН.
- A. S o l a r i, L'impero Romano. Vol. I. Unità e universalità di Augusto. Genova, 1940, XII, 182 p., cartes. БАН.
- C. H. S u t h e r l a n d, Romano-british imitations of bronze coins of Claudius I. New York, 1935, 35 p. («Numism. notes and monogr.» No 65). ИИМК.
- R. S y m e, The Roman revolution. Oxford, 1939, XII, 568 стр., генеалог. табл. БАН.
- Ulf. T ä c k h o l m, Studien über den Bergbau der römischen Kaiserzeit. Uppsala, 1937, XIII, 186 S., Ill. БАН, ЛБ.
- A. W. V a n B u r e n, Ancient Rome, as revealed by recent discoveries. London, 1936, XVI, 200 p., ill. БАН, ЛБ.
- S. L. W a l l a c e, Taxation in Egypt from Augustus to Diocletian. Princeton, London, 1938. IX, 512 p. БАН.
- E. W. W e b s t e r, Virtus and libertas. The ideals and spirit of the Roman Senatorial aristocracy from the Punic wars through the time of August. Chicago, 1936, 108 p. ЛБ.

- H. N. W e t h e r e d, The mind of the ancient world. A consideration of Pliny's Natural history. London, 1937, XV, 302 p., ill. БАН, ЛБ.
- Z. Z m i g r y d e r - K o n o p k a, Studia nad historią ustroju rzymskiego. Część 1. Warszawa, 1936, 88 p. БАН.

ВИЗАНТИЯ

- A n n a C o m n è n e, Alexiade (Règne de l'empereur Alexis I Comnène 1081—1118). Tome I (Livres I—IV). Texte établi et traduit par B. Leib. Paris, 1937, CLXXXI 178 p. БАН.
- T. B u b e r l, Die byzantinischen Handschriften. I. Der Wiener Dioskurides und die Wiener Genesis. Lpz., 1937, 147 p., III. ЛОИИ, ЛБ.
- N. I o r g a, Byzance après Byzance. Continuation de l'«Histoire de la vie Byzantine». Bucarest, 1935, 272 p., ill. БАН, ЛБ.
- D. K r e n c k e r, R. N a u m a n n, Die Wallfahrtskirche des Simeon Stylites in Kal'at Sim'ân. I. Bericht über Untersuchungen und Grabungen im Frühjahr 1938, ausgeführt im Auftrag des Deutschen Archäol. Inst. Berlin, 1939, 32 S., Taf. (APAW, No 4). БАН.

АМЕРИКА

- E. G r e e n m a n, The Wolf and Furton sites, Macomb county. Michigan, Ann Arbor, 1939, 34 p., ill. ИАЭ.
- A. T. J a c k s o n, Picture-writing of Texas Indians. Austin, 1938, XXV, 490 p. МГУ.
- P. S. M a r t i n, Archaeological work in the Ackmen-Lowry area, south-western Colorado. 1937, Chicago, 1938, 219—304 p., ill. БАН, ИАЭ.
- S. G. M o r l e y, The inscriptions of Peten, vol. 1—5 (P. 1—2). Washington, 1937—1938. МГУ.
- F. R a i n e y, Archaeology in Central Alaska. New York, 1939, 351—405 p., ill. («Anthrop. pap. Amer. mus. natur. history», vol. 36, p. 4). БАН, ИАЭ.
- F. H. R o b e r t s, Archaeological remains in the Whitewater district eastern Arizona. P. I. House types. Washington, 1939, XII, 276 p., ill., map, planes («Bull. Bureau of Amer. ethnology», No 121). БАН.
- J. E. T h o m p s o n, Archaeology of South America. Chicago, 1936, 160 p., map, ill. БАН.
- J. E. T h o m p s o n, The civilization of the Mayas. Chicago, 1936, 104 p., map, ill. БАН.
- W. S. W e b b, An archaeological Survey of the Norris basin in Eastern Tennessee. Washington, 1938, XV, 398 p., map, planes, ill. БАН, ИАЭ, ЛБ.
- W. S. W e b b, An archaeological Survey of Wheeler basin on the Tennessee river in Northern Alabama. Washington, 1939, 214 p., ill. ИИМК, ИАЭ, ЛБ.
- W. R. W e d e l, An introduction to Pawnee archaeology. Washington, 1936, 122 p., ill. (Smithsonian institution. Bureau of American ethnology. «Bulletin», 112). БАН, ЛБ.

АФРИКА

- R. C o u p l a n d, East Africa and its invaders from the earliest times to the death of Seyyid Said in 1856. Oxford, 1938, 584 p. ИАЭ.
- L. S. B. L e a k e y, Stone age Africa. An outline of prehistory in Africa. Oxford, 1936, XII, 218 p., map, ill. БАН, ЛБ.

БИБЛИОГРАФИЯ

- P. G e i s s l e r, Archäologische Bibliographie, 1939. Berlin, 1939, 294 S. ИИМК.

Древности Верхнего Хорезма

(Основные итоги работ Хорезмской экспедиции ИИМК 1939 г.)

1. ОРГАНИЗАЦИЯ ЭКСПЕДИЦИИ

Работы 1939 года, третьего сезона работ Хорезмской экспедиции ИИМК, осуществлялись в значительно более широком масштабе, чем работы предшествующих двух лет¹.

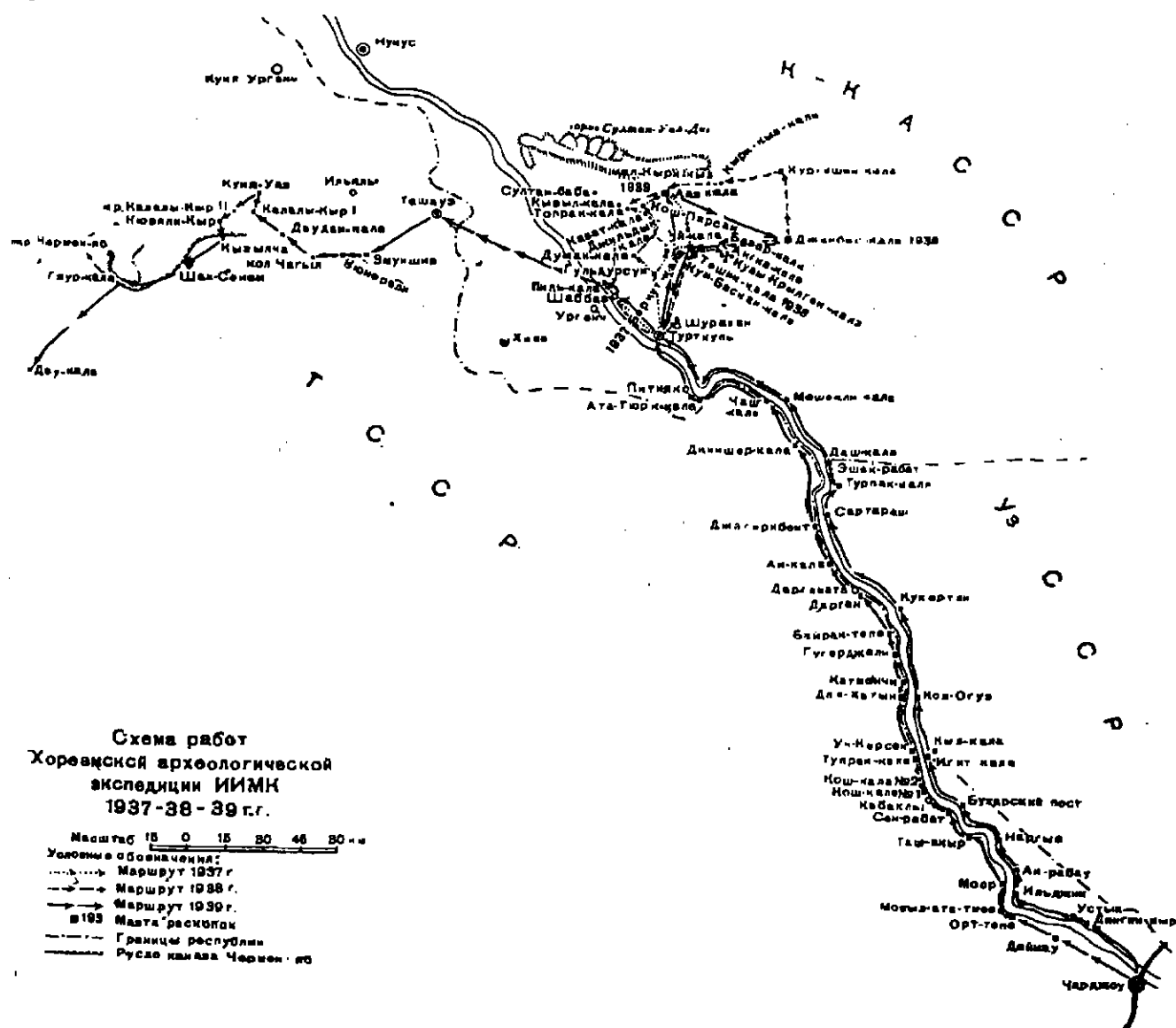


Рис. 1. Схема работ Хорезмской археологической экспедиции ИИМК.

¹ О работах 1937 г. см. А. И. Тереножкин, Археологические разведки в Хорезме. «Советская археология», 1940, VI. О работах 1938 г.—С. П. Толстов, Древнехорезмийские памятники Кара-Калпакии, ВДИ, 1939, № 3.

В работах приняло участие восемь научно-исследовательских учреждений четырех республик и пяти городов: ИИМК АН СССР (Моск. отделение), Гос. Эрмитаж (Ленинград), Гос. Исторический музей (Москва), Всесоюзная Академия архитектуры, Узбекистанский Комитет по охране и изучению памятников материальной культуры (Узкомстарис), Туркменистанский Институт истории, Центральный Краеведческий музей КК АССР, Истфак Моск. Гос. Университета.

В экспедиции принимали участие 16 научных и научно-технических сотрудников¹.

Работа велась около 5 месяцев и заключалась в стационарных работах в зоне земель древнего орошения Кара-Калпакской АССР, а также в разведках вдоль Аму-Дарьи (ниже Чарджоу) и древнего арыка Чермен-Яб.

II. СТОЯНКА ДЖАНБАС-КАЛА № 4 и КЕЛЬТЕМИНАРСКАЯ КУЛЬТУРА

Как мы уже писали в нашем отчете за 1938 г.², нашей экспедицией в 1938 г. впервые были обнаружены в Хорезме стоянки бронзового века (вторая половина II и начало I тысячелетия до н. э.). Эти стоянки на западной окраине древних культурных земель мертвого Беркут-калинского канала очень близки по типу керамики к срубно-хвалынским в Поволжье и, особенно, андроновским Южной Сибири и Казахстана. В 1939 г. мы назвали культуру подобных стоянок тазабагьябской.

В 7—8 километрах к ЗСЗ от развалин Джанбас-кала, на прямой линии между ними и развалинами Аяз-кала, в огромном «уе» — котловине выдува — в 1939 г. обнаружено три стоянки. Из них одна принадлежит к тазабагьябской культуре, вторая, в полукилометре от первой, и третья — к более поздней культуре³.

В 1,5 км к югу от Джанбас-калы также обнаружены местонахождения обеих упомянутых культур. Однако важнейшей из сделанных здесь находок является стоянка неолитической культуры, названной нами по имени ближайшего населенного пункта кельтеминарской, Джанбас-кала № 4, найденная студентами МГУ — А. Я. Абрамовичем и Н. Н. Вактурской.

Стоянка Джанбас-кала № 4 занимает одну из расположенных у подножья Джанбас-калинской возвышенности плоских песчаных котловин выдува, почти сплошь покрытую многочисленными культурными остатками — керамикой, костями рыб, птиц, млекопитающих, раковинами, кремневыми отщепами и орудиями и т. д. Находки лежат прямо на песке и на несколько сантиметров под поверхностью песка. Рядом с окаймляющим котловину с севера такыром находится возвышающаяся на 25—30 см над окружающим песком площадка в 15 кв. м из губчатой песчано-глинистой массы с примесью голубовато-серой золы. На площадке больше всего находок. В средней части площадки обнаружено много небольших песчаниковых плиток, разбросанных по периферии квадрата ок. 4 кв. м.

Заложенный на краю такыра неподалеку от описанной площадки разведочный шурф дал стратиграфию стоянки:

Верхний слой — тонкая (5—26 см) такырная корка, утолщающаяся к центру такыра. Корка состоит из розовато-серого лессовидного суглинка, разделяющегося на слои, между которыми видны отпечатки широколистных болотных растений. Корка подстилается тонким синеватым глинисто-песчаным слоем, под которым лежит серовато-желтый дюнный песок. Уже в верхних слоях песка начинают попадаться культурные остатки — отдельные кремневые пластинки, осколки керамики и, особенно, кости рыб.

¹ Начальник экспедиции С. П. Толстов (ИИМК), научные сотрудники: археологи — гг. С. А. Ершов, С. С. Гасанов (Турк. Ин-т истории), Я. Г. Гулямов, А. И. Тереножкин (Узкомстарис), Л. А. Ельницкий (Гос. Ист. музей), архитекторы — В. И. Пилявский и Г. Али-Задэ (Всес. Акад. архитектуры), художник Н. П. Толстов (ИИМК), коллекторы — Н. А. Сугробов (ИИМК) и М. Г. Мамлеев (Ц. Краев. музей КК АССР), фотограф В. Б. Шапошников, студенты-практиканты — А. Я. Абрамович, Н. Н. Вактурская, И. И. Комлев, И. В. Пташникова (Истфак МГУ).

² ВДИ, 1939, № 3, стр. 174.

³ Первые указания на эту культуру см. ВДИ, 1939, № 3, стр. 177.

Под этим слоем на глубине 45—50 см под поверхностью лежит темный, золистый слой, содержащий наибольшее количество находок. Он достигает мощности 6—10 см и подстилается желтым дюнным песком с многочисленными костями рыб. На глубине ок. 1,5 м находки в песке прекращаются. Замеченные в культурном слое в шурфе две золистые линзы, возможно, являются остатками двух очагов.

На участках 0/10 и 0/11 выступают три расположенных по одной линии углубления, 45 см глубины, выполненные леплистым слоем со следами обугленного дерева. Возможно—это ямы от столбов, поддерживавших кровлю.

Поселение располагалось на вершине и склонах большой песчаной дюны, повидимому (об этом говорит большая роль рыболовства в жизни обитателей стоянки) на берегу болотистого водоема.

Переходим к характеристике находок, учитывая, что стоянка, несомненно, имеет один культурный слой, отложившийся за сравнительно незначительное время.

Анализ орудий и фауны стоянки позволяет видеть в кельтеминарцах охотников и, особенно, рыболовов. Об этом говорит огромное количество рыбьих костей, переполняющих культурный слой на всей площади стоянки. По предварительному определению костей проф. Г. В. Никольским, среди рыб преобладают щука и сом. Это подтверждает наше заключение о стоячем характере водоема. Кости млекопитающих представляют остатки пищи, они сильно фрагментированы. Все определимые кости принадлежат, по определению проф. В. И. Громова, и с к л ю ч и т е л ь н о д и к и м ж и в о т н ы м: дикая свинья (*sus scrofa*), олень (*cervus ex gr. elaphus*), козуля (*cervus capreolus*), черепаха и ряд диких птиц. Кроме того, многочисленны находки раковин пресноводных моллюсков и скорлупы птичьих яиц.

Состав фауны, по заключению В. И. Громова, говорит о резко отличном от современного характере ландшафта, о значительной обводненности местности и о наличии лесных зарослей.

Охотничий и бытовой инвентарь состоит, главным образом, из кремневых и, в меньшем количестве, костяных орудий. Никаких остатков металла среди сотен добытых объектов не обнаружено (важно сопоставить это с тем, что небольшие сборы в районах выдувов тазабагьябских стоянок совсем не дали кремня и, напротив, дали некоторое количество мелких фрагментов меди).

Вся индустрия носит резко выраженный микролитовидный облик. Среди орудий (рис. 2) преобладают удлинённые вкладыши для костяных или деревянных орудий, концевые скребки, проколки, пластинки с полукруглыми ретушированными выемками (скобели), миниатюрные наконечники стрел свидероидного типа, известных также в сибирском неолите. Много длинных ножевидных пластин с ретушью. Есть также небольшие цилиндро-конические костяные наконечники стрел. Многочисленны нуклеусы различных размеров в виде усеченной пирамиды. Отмечу находку овальной каменной колотушки или булавы, со следами опоясывающего ее углубления для прикрепления к рукоятке. Много миниатюрных цилиндрических костяных и раковинных бус.

Стоянка дала многочисленные остатки нескольких типов круглодонных сосудов. Прежде всего, сосуды, покрытые разнообразным штампованным и штриховым орнаментом, расположенным кольцевыми зонами, особенно в верхней части сосуда (табл. 1, рис. 1—4).

Венчики сосудов—прямые, с очень незначительным утолщением изнутри по краю. Характерна идущая по перегибу от корпуса к шейке зона орнамента из отдельных

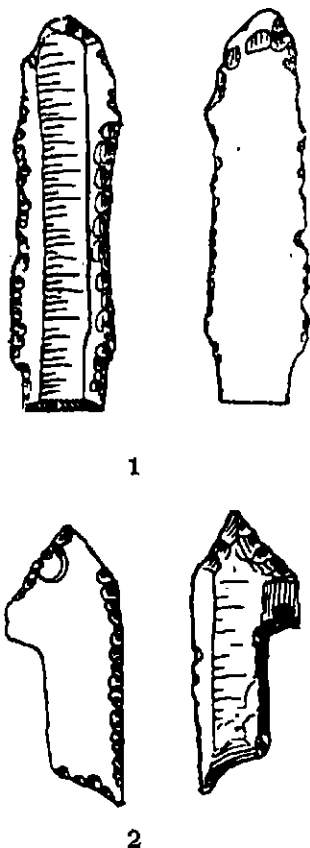


Рис. 2. Кремневые орудия кельтеминарской культуры со стоянки Джанбас-Кала № 4. 1. Ножевидная пластинка с ретушью. 2. Наконечник стрелы. (н. в.)

вытянутых трапеций или прямоугольников, заполненных вертикальными оттисками овального штампа (табл. 1, рис. 5).

Керамика—сравнительно тонкостенная, относительно хорошего обжига, с желто-ваато-коричневой гладкой поверхностью.

Эта керамика не имеет прямых аналогий в окружающих культурах. Однако она входит в комплекс степных культур энеолита восточной Европы и северо-западной

Азии, сближаясь с древне-ямной культурой восточной Европы и, особенно, с афанасьевской культурой южной Сибири¹, отличаясь от них, однако, бóльшим архаизмом.

Близка к кельтеминарской и керамика памятников нижнеобского неолита, исследованных В. Н. Чернецовым².

Фрагмент большого толстостенного сосуда, изображенного на табл. 1, рис. 6, весьма близок к некоторым сосудам позднего неолита южной Сибири, в памятниках которого вообще можно обнаружить много параллелей с керамикой и кремневым инвентарем нашей стоянки³.

Особняком стоят большие остродонные чаши, тонкостенные и лучшего обжига. На внешней поверхности одной из таких чаш заметны слабые следы красной краски (табл. 1, рис. 7).

Эти сосуды, повидимому, отражают влияние Анау, связанного с широким кругом древних переднеазиатских культур с крашеной керамикой.

Весь комплекс материалов позволяет датировать кельтеминарскую культуру временем не

позднее начала II, а скорее—III тысячелетием до н. э. Она, повидимому, старше афанасьевской культуры, знающей уже скотоводство и, вероятно, зачатки земледелия.

¹ Теплоухов, Древние погребения в Минусинском крае. «Материалы по этнографии», III, 2, Л., 1927, стр. 72—76, особенно табл. VI, рис. 7, 10, 4, а также табл. III, рис. 1 и таб. IV, рис. 1—2.

² Приносим благодарность В. Н. Чернецову, давшему нам возможность ознакомиться с его неопубликованными материалами.

³ Ср. Б. Петри, Неолитические находки на Байкале. Сб. МАЭ, III, 1915. Ср. также статью Г. П. Сосновского в ИГАИМК, вып. 100, стр. 210 сл. (табл. I).

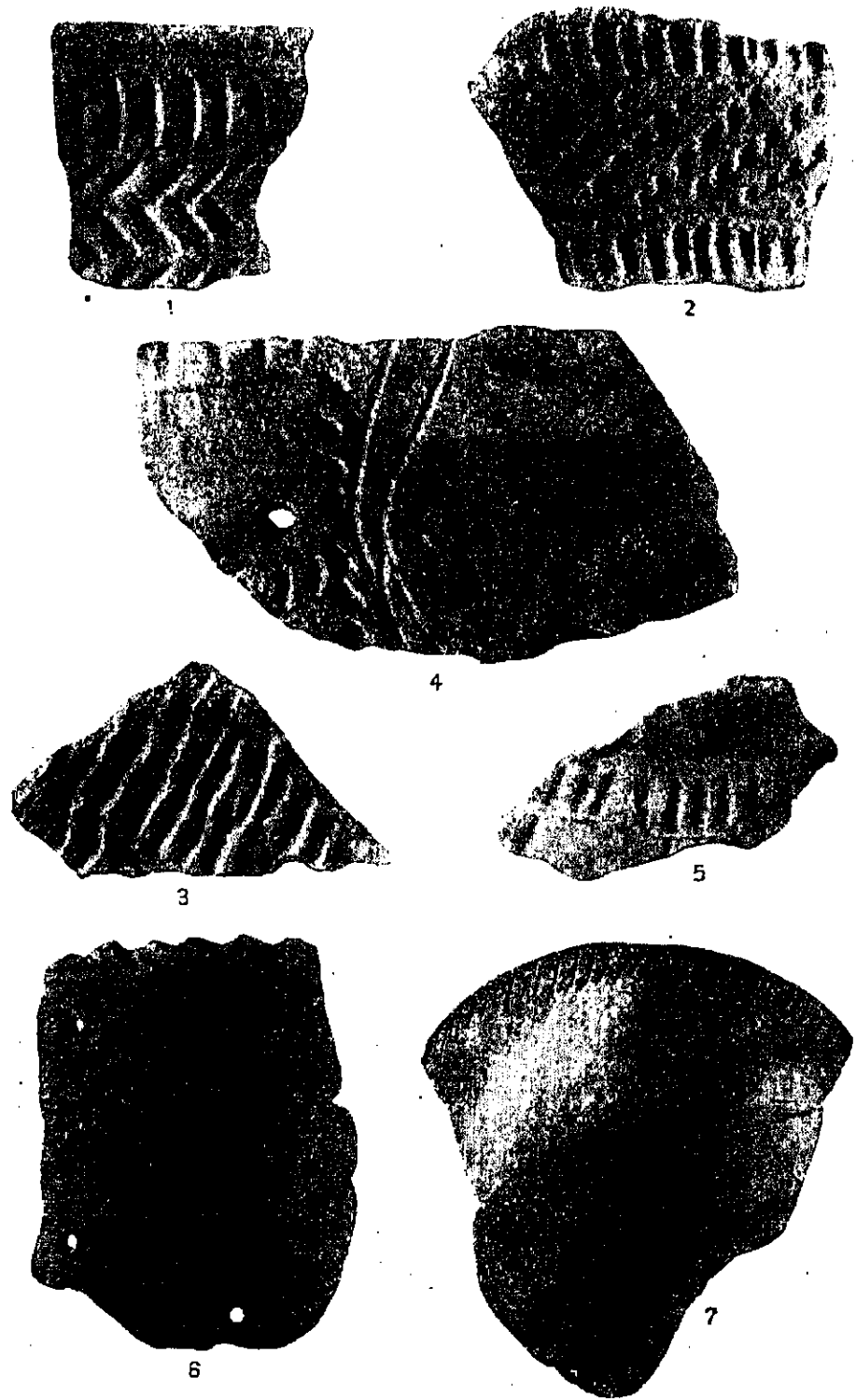


Таблица 1. Керамика кельтеминарской культуры. Стоянка Джанбас-кала № 4. (1/2 н. в., рис. 6 и 7 1/4 н. в.)

Культурное влияние или этнические передвижения, приведшие к возникновению черт общности афанасьевской и кельтеминарской культуры, шли из Приаралья в Сибирь. За это говорит нахождение в погребениях афанасьевской культуры поделок из раковин *Corbicula fluminalis*, встречающихся только в устье Аму-Дарьи¹.

Открытие кельтеминарской культуры позволяет поставить вопрос, не являлась ли обширная, богато обводненная зона соединенных дельт Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи важнейшим культурным очагом неолитической и бронзовой эпох, способствовавшим формированию культурной общности племен от Енисея до Днепра и от зоны Узбоя² до низовьев Оби.

Возможно, что через Приаралье в Сибирь шли те влияния переднеазиатских культур, о которых еще 30 лет назад говорил В. А. Городцов³. Весьма вероятно, что через Приаралье шел также и один из каналов этих влияний в Восточную Европу, что нам удастся проследить для всей позднейшей истории Хорезма.

III. АМИРАБАДСКАЯ КУЛЬТУРА и ИСТОРИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Открытые нами стоянки кельтеминарской и тазабагъябской культуры лежат исключительно в зонах дефляции маломощных такыров на окраинах «земель древнего орошения». Они залегают не на поверхности серого аллювиального песка, а на скрытых под поверхностью такыров древних дюнах.

Повидимому, в период хорезмийского неолита и бронзы местом обитания людей были окраины обширного водоема юго-восточных предгорий Султан-Уиздага и побережья ведущих к нему от реки протоков, покрытые песчаными дюнами, окруженными густыми зарослями тугаев.

Исследования стоянки Джанбас-кала № 4 и стоянок хорезмийской бронзы позволяют судить и о дальнейшей истории среды, окружавшей людей. Повидимому, в конце эпохи бронзы в Хорезме затопляются и заболачиваются стоянки, ранее расположенные на сравнительно высоких точках побережья Южно-Султан-Уиздагского водоема. Над ними отлагаются прослойки такырных сероземов.

Если исходить из датировки конца тазабагъябской культуры, последней «под-такырной» культуры Хорезма X—IX вв. до н. э.⁴, это повышение уровня аму-дарьинских вод падает на VIII—VII вв. до н. э., т. е. будет довольно близко ко времени конца суббореального периода восточноевропейской равнины.

В этой связи важны условия залегания третьей культуры первобытного Хорезма — а м и р а б а д с к о й. Памятники ее обнаружены нами первоначально на западной окраине Беркуткалинских такыров и в зоне дефляции такыров к ЮЗ от Тешик-кала. В 1939 г. значительные местонахождения керамики этого типа оказались на такырах в 10—15 км к ССЗ от Джанбас-кала и рядом со стоянкой Джанбас-кала № 4, но на поверхности такыров.

Для этой эпохи характерны грубые, иногда толстостенные сосуды, часто с сильной примесью дресвы, с черной или черно-серой поверхностью, с плоским дном, округленно-выпуклыми стенками и резко отогнутыми или вертикальными низкими венчиками. Сосуды если орнаментированы, то только по краю. Наиболее часто встречается нарезной «елочный орнамент», идущий кругом по венчику сосуда (рис. 3).

Ближайшую аналогию к керамике этого типа я склонен видеть в некоторых формах керамики «доскифских» стоянок Северного Кавказа, описанных А. А. Миллером, в частности — в керамике Кобякова городища⁵. Характерно, что оба слоя «доскифской»

¹ С. А. Теплоухов, цит. соч., стр. 75—76 и «Мат. по эти.», IV, стр. 42—43.

² Керамика, близкая к комплексам «степной бронзы», найдена на Узбое Б. А. Федоровичем.

³ «Бытовая археология». М., 1910, стр. 193, 196—197.

⁴ ВДИ, 1939, № 3, стр. 174.

⁵ Ср. рис. 36 в отчете А. А. Миллера в «Сообщениях ГАИМК», т. I, Л., 1926, стр. 141 с нашим рис. 6.

культуры Кобякова городища подстилаются илистым отложением, под которым залегают слои намытого лессовидного суглинка¹. Сходство кобяковской и амирабадской культур интересно потому, что есть основания предполагать связь алано-сарматских племен, древнего населения Прикубанья, с массагетскими племенами Приаралья. Китайские источники позволяют говорить, что аорсы-аланы были на рубеже н. э. северными соседями массагетов, занимая территорию к северу от Усть-Урта и Аральского моря². По ал-Бируни, в древности аланы обитали по соседству с Хорезмом³. Мне уже приходилось обращать внимание на следы аланов в Хорезмской топонимике



Рис. 3. Образец сосуда Амирабадской культуры. С такыра близ стоянки Джанбас-кала № 4. (1/2 н. в.)

(развалины Алан-кала на ЮВ окраине Усть-Урта) и, вслед за Г. И. Карповым, на наличие среди средне-амударьинских туркмен племени, до сих пор именующего себя аланами⁴.

В амирабадской керамике можно предполагать памятник культуры массагетов⁵. Тогда ее близость к северокавказским «доскифским» культурам подтвердит древние алано-массагетские связи и цитированное свидетельство ал-Бируни.

Это разъяснит и условия глоттогенеза исторических хорезмийцев⁶, ту этнографическую среду, в которой могли оформиться языковые особенности, сближающие хорезмийский язык с осетинским.

IV. ДЖАНБАС-КАЛА

Следующим по времени памятником земель древнего орошения КК АССР, исследованным экспедицией в 1939 г., является Джанбас-кала. Внешний вид и подъемный материал с этого памятника был нами описан в нашем отчете за 1938 г.⁷ В истекшем году составлено детальное его описание, снят план и произведены раскопки—в большом здании у ЮВ стены и в двух жилых комнатах в СВ части городища.

Добытый материал характеризует общественно-бытовой уклад древнехорезмийского населения от III—I в. до н. э. до I в. н. э. Этот период мы можем назвать *кавгюйско-кушанским*⁸.

¹ «Сообщения ГАИМК», т. I, 1926, стр. 140—141.

² Цянь-хань-шу, цзяюань 96, стр. 28 и др.

³ ZDMG, 1936, В. 90, 3/4, стр. 28.

⁴ ВДИ, 1938, № 1, стр. 197. Ср. А. Бахтиаров (Г. Карпов), Осколки «исчезнувших» аланов. «Туркменоведение», № 8—9, стр. 39—40.

⁵ Ср. Страбон, XI, 8.

⁶ На связь хорезмийского языка с аланским указывает ал-Бируни, ZDMG, В. 90, 3/4, стр. 28. Об осетинско-хорезмийских связях см. там же, стр. 30, где Heping говорит о большей близости хорезмийского языка к осетинскому, чем к согдийскому. Из новейших работ см. также А. А. Фрейман, Хорезмийский язык, ЗИВ АН СССР, VII, 1939, стр. 306; С. Л. Воллин, Новый источник для изучения хорезмийского языка, там же, стр. 79.

⁷ Предварительное описание см. ВДИ, 1939, № 3, стр. 177—180, рис. 3, 4, 5.

⁸ Кангюй—авестийское Каигха—государство, которое, по сведениям Ши-цзи и Цянь-Хань-шу, во второй половине II в. до н. э. объединяло бассейн Сыр-Дарьи (ниже Ферганы), Хорезм и Согд (долину Зеравшана). Хорезм, повидимому, играл в системе Кангюя крупную роль; в пользу этого говорит то, что ал-Бируни и позднейшая хорезмская традиция связывают с Хорезмом места деятельности эпического героя Сиявуша (Бунд. Сиявахш—повидимому, имя, связанное с древним именем Аму-Дарьи), которое Бундахиш и Шах-намэ помещают в Кангдиз (=Кангюй). В пользу этого говорит и связь авестийского Каигха с Урва, в котором Захау справедливо видит Ургенч.

На рубеже I в. до н. э. и I в. н. э. владения Кангюя, в том числе и Хорезм, входят в состав Кушанской империи. Это, кроме показания Китайской хроники, сейчас дока-

Датировку Джанбас-кала кангюйским и раннекушанским временем обосновывают:

1) керамика, близкая к керамике Аяз-кала, датированной монетами кушанского царя Канишки II в. н. э., но все же отличающаяся от последней переживаниями ахеменидских и раннеэллинистических форм;

2) большое количество архаических статуэток, являющихся также переживанием форм ахеменидского времени (табл. II, рис. 1);

3) наличие бронзовых стрел, восходящих к скифским прототипам IV в. до н. э.;

4) архаизм оборонительных сооружений (отсутствие башен);

5) отсутствие находок хорезмийских и кушанских монет.

Однако против чрезмерного углубления датировки Джанбас-калы говорит массовое нахождение статуэток индубуддийского типа (табл. II, рис. 2), восходящих к гандхарским формам. То же надо сказать о миниатюрном изображении буддийской ступы (табл. II, рис. 3) и обезьяны¹ (табл. II, рис. 4), а также нахождение статуэток «нагой богини» с характерным жестом Венеры Медичи (табл. II, рис. 5). Этот жест чужд восточной художественной традиции и идет, несомненно, из греческого искусства конца IV в. до н. э.

Отсутствие в Джанбас-кале признаков коренных перестроек заставляет думать, что период ее существования вряд ли превышал два-три столетия.

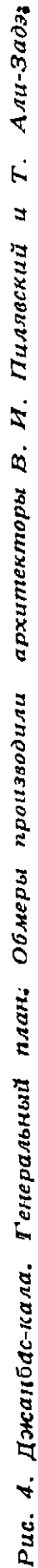
Знаю 1) фактом массового нахождения кушанских монет в Хорезме, 2) связью типов монет хорезмской чеканки с раннекушанскими монетами (монеты «Герая»), 3) связью тамги Хорезмской династии афригидов с кушанской тамгой, 4) выявлением в искусстве древнего Хорезма индубуддийской ступы, несомненно, связанной с господствующими формами кушанского искусства.

¹ Эту обезьяну редакция «Кратких сообщений ИИМК» в моей краткой предварительной заметке в № 6 этого журнала по неизвестным для меня причинам превратила в «неизвестное животное» и в соответствии с этим поставила изображение на четвереньки.



Таблица II. Терракоты Джанбас-калы. (1/2 н. в.)

Р Помещенная расходы в 1939 г



Все вместе взятое позволяет датировать Джанбас-калу II, может быть, III в. до н. э.—I в. н. э., т. е. кангюйским и ранним этапом кушанского времени.

Однако культура Джанбас-калы несет много элементов, входящих к докангюйскому—ахеменидскому времени.

В 1939 г. нам удалось, совместно с архитекторами В. И. Пилявским и Г. Али-Задэ, проследить внутреннюю планировку городища (рис. 4).

Площадь городища, по медиане, с СЗ на ЮВ пересекает идущая от ворот к развалинам большого здания у ЮВ стены широкая (ок. 30 м) улица. Направо и налево от нее располагаются два обширных жилых квартала. Каждый из этих кварталов представляет собой единый массив жилых помещений. Незастроенными в пределах каждого массива оставались лишь несколько небольших внутренних дворики. Каждый массив состоял из большого количества сравнительно небольших, примерно одинаковых комнат. В каждом из массивов более чем по 150 комнат. Если учесть неясные места и места, скрытые под барханами, количество комнат в каждом из массивов превысит 200.

Заложенные на городище два раскопа (по одной комнате каждый) и наблюдения за подъемным материалом показали, что комнаты—жилые, сообщающиеся между собой.

В одном из раскопов обнаружены в углу остатки небольшой вырубленной в стене глиняной печи—«тандыра»—ульевидной формы.

На поверхности городища и в культурном слое найдено много фрагментов продолговатых зернотерок, типичных для всех кангюйско-кушанских памятников Хорезма. Лишь в афригидское время появляются ручные жернова.

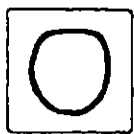
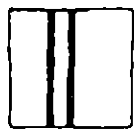
На кирпичах в перекрытии бойниц было обнаружено 9 форм тамг, причем оказалось, что тамги на стенах, примыкающих к ЮЗ жилому массиву, резко отличны от тамг стен СВ массива (рис. 5).

Небольшое количество тамг и связь между отдельными их вариантами (в пределах каждого из комплексов) заставляют видеть здесь родовые тамги строителей крепости. Каждый массив был, видимо, заселен особой группой родственно связанных между собой родов, отличной от группы родов противоположного массива. В этом мы видим отражение дуальной организации. Деление племени на две экзогамные фратрии, или первоначальных рода (по выражению Энгельса¹), — институт универсальный.

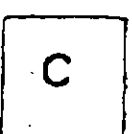
У многих народов каждая фратрия занимает отдельную часть деревни (например, в Австралии, в Меланезии, в Южной Америке).

Пережитки дуальной организации были прослежены нами в структуре туркменских племен². Отметим также сведения (например, ал-Макдиси, X в.) о делении ряда средневековых городов Средней Азии и восточного Ирана на две части, находящиеся в ритуальной вражде между собой³. Это имеет глубокие исторические корни, судя по сообщению Тан-Шу о ритуальной борьбе между двумя половинами населения во время новогоднего праздника в домусульманской Фергане⁴.

Ю-З. стена
Западная часть



Ю-В. стена
Восточная часть



(2 шт.)

(2 шт.)

Рис. 5. Тамги на кирпичах Джанбас-калы.

¹ М. и Э., Соч. т. XVI, ч. I, стр. 69. Ср. также стр. 134.

² ПИДО, 1935, № 9/10, стр. 3 сл.

³ ВГА, III, стр. 358, 37, 336; «Материалы по истории Туркмении и туркмен» (МИТТ), I, стр. 208, 209, 205.

⁴ Тан-Шу, цзюань 221 в., стр. 8 а.

Ритуальная вражда и ритуальные состязания фратрий являются одним из самых характерных признаков первобытной дуальной организации, часто, как у ирокезов¹, значительно переживающим другие признаки.

В пользу связи двух жилых массивов Джанбас-калы с дуальной организацией говорит деление на две части, прослеженное нами и на других городищах (Куня-Уаз). Таким образом, перед нами не случайная планировка, а тип, ставший традиционным.

Не меньший интерес представляют данные, выявленные раскопками большого здания, замыкающего единственную улицу Джанбас-калы.

Сейчас это поднимающийся на 4,5 м бугор площадью 40×25 м, с оплывшими очертаниями, со следами планировки внутренних помещений².

Нами раскопана северо-восточная половина здания, состоящего из четырех неравных по размерам помещений, три из которых сообщались между собой. Два из них—комнаты 2 и 2а—сильно разрушены, и функции их трудно определить. Комната 2а была, повидимому, предвходным коридором и отделялась от комнаты 2 деревянной дверью, пята которой в виде камня с полушаровидным углублением была нами обнаружена.

Зато большой интерес представляет небольшая угловая комната I, размером 4×7,25 м. Ровная поверхность пола № I состояла из глиняной обмазки с заметной примесью белой золы. На полу было обнаружено лишь небольшое количество фрагментов аитичной керамики. Посредине пола оказалось овальное, заполненное песком углубление. Дно углубления состояло из идущих в различных уровнях слоев обмазки и кирпичной кладки.

Пол № I подстилался мощным слоем плотно слежавшейся, минерализованной золы и тонкой (8—9 см), очень темной сажистой прослойкой с небольшим количеством керамики. После сиятия этого слоя обнаружилась планировка пола № 2.

По ЮВ стене комнаты, загибаясь на северо-восточную и юго-западную, шла узкая кирпичная скамья—ок. 40 см высоты. Ее верхнему краю были приданы волнообразные очертания—вероятно, с целью отделить одно сиденье от другого. Середину комнаты занимало правильное овальное возвышение с пологими склонами. Возвышение образовано двумя рядами положенных плашмя больших античных кирпичей (рис. 6).

Тщательность оформления возвышения, фигурная обмазка скамьи, использование золы как строительного материала и странная планировка верхнего пола—все это вместе взятое привело нас к заключению, что перед нами общинное святилище огня. На овальном возвышении, повидимому, на металлическом жертвеннике, горел неугасимый огонь Джанбас-калы.

Зола священного огня не выбрасывалась из помещения. Когда ее накопилось слишком много, она была уплотнена, обмазана сверху глиной, а поверхность возвышения для жертвенника оставлена открытой на дне овального углубления.

В пользу этого говорит и выяснение еще более ранней планировки святилища Джанбас-калы. Оказалось, что первоначально жертвенник поднимался значительно выше и круче над уровнем III пола, расположенного на 14 см глубже II пола, под слоем обмазки и вторым сажистым слоем на III полу.

Скамью пола здесь заменяла узкая (в 1,5 кирпича), низкая (в 1 кирпич высотой) вымостка, шедшая по СЗ, ЮЗ и СВ стене. ЮВ конец комнаты занимал широкий кирпичный помост высотой в 1 кирпич, доходивший почти до жертвенника, а у СВ стены—соединявшийся с описанной выше окаймляющей комнату вымосткой. В целом эта древняя планировка оказывается близкой к планировке предполагаемого храма огня во дворе Тешик-кала и к почти тождественной планировке сасанидского храма огня в Шапуре³.

¹ L. H. Morgan, Ancient Society. Chicago (C.-H. Kerr), стр. 90; «League of the Iroquois», стр. 294.

² См. ВДИ, 1939, № 3.

³ ВДИ, 1939, № 3, стр. 195. О других типах зороастрийских храмов Ирана см. Herzfeld, Archaeological history of Iran. London, 1935, стр. 88—93.

Не меньший интерес представляет расположенная позади описанных трех помещений огромная комната № 4. Размер ее—8×14 м. Пол ее, совершенно гладкий, был покрыт черепками бытовой посуды и разрубленными костями животных. Эта комната, очевидно, была местом многолюдных трапез. Для разъяснения функции этой комнаты и здания в целом большое значение имеет указание ал-Бируни, что во время зороастрийских праздников в Согдиане происходили общественные собрания и коллективные трапезы в «домах огня»¹.

«Дома огня» имелись в каждой деревне, в городе Самарканде их было семь².

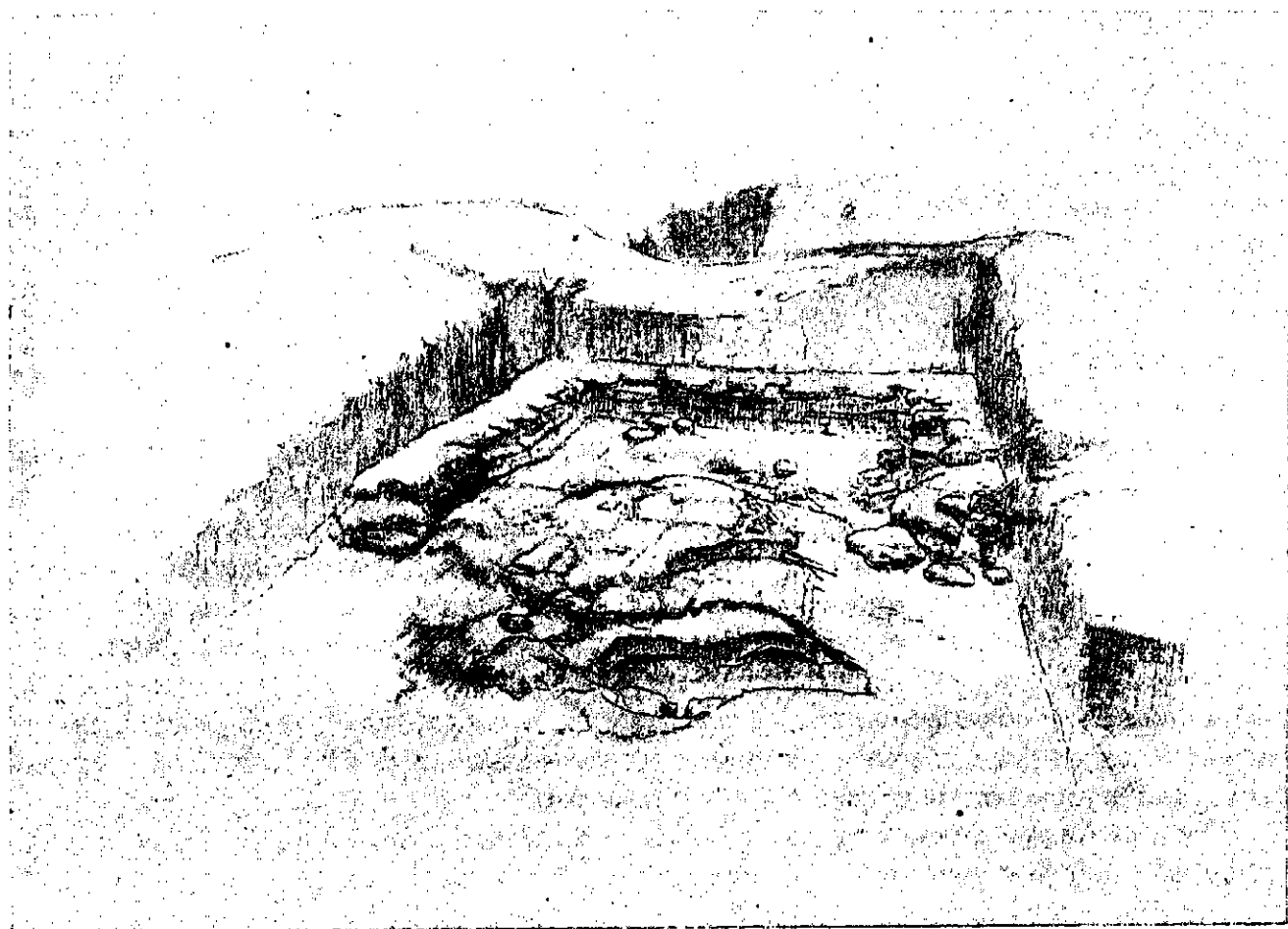


Рис. 6. Святилище «дома огня» Джанбас-калы.
Зарисовка с натуры худ. Н. П. Толстова.

Пережитком «домов огня» ал-Бируни являются «дома огня» (алау-хана) при мечетях у горных таджиков³. Мужчины проводят там свободное время, коллективно доставляя дрова для постоянно горящего большого огня и припасы для совместного питания.

Мы уже сравнивали алау-хана⁴ с так наз. «мужскими домами» первобытных народов⁵.

Эти же «дома мужчин»—они же «общинные дома»—сохранились в «громмах» кафиров Гиндукуша⁶.

Мне думается, Джанбас-кала и описываемые ниже открытые нами на Чермен-ябе

¹ «Chronologie Orientalischer Völker von Alberuni», Herausg. v. Dr. Eduard Sachau. Leipzig, 1923, стр. 234—235.

² К. А. Иностранцев, ЖМНП, 1911, февраль, стр. 290.

³ «Религии народов Средней Азии» в сб. «Религиозные верования народов СССР», I, М., 1931, стр. 258; «Тирания Аброя», ИЗ, III, 1939, стр. 35.

⁴ ИЗ, III, 1939, стр. 35, прим. 3.

⁵ Из большой литературы о «мужских домах» укажу классический труд Г. Шурца «Altersklassen und Männerbünde», Berlin, 1902, и его же «Историю первобытной культуры», перев. Смирнова, под ред. Клеменца, стр. 104 сл.

⁶ G. Robertson, The Kafirs of the Hindu-Kush. London, 1896, стр. 479, 483, 493—497. На связь «громмов» с «мужскими домами» указывал уже Шурц (цит. соч., стр. 284).

более древние городища, восходящие к ахеменидской эпохе, решают вопрос о природе той «тысячи бактрийских городов», о которой говорит нам, сообщая о событиях середины III в. до н. э., Трог Помпей (XII, 4), о тех семи приаксартских «городах», которые брал Александр и в одном из которых обитал «сильный род Мемакенов» (Метасепи, Курций, VII, 10), о тех 70 городах, которые нашел в Фергане в конце II в. до н. э. Чжан-Цянь¹, о тех «многочисленных городах Бактрии», о которых говорит автор V в. до н. э., Ктесий (Диодор, II, 5—6).

Это—укрепленные деревни больших родовых общин, нашедшие свое отражение еще во II фаргарде Вендидада, в описании укрепленной квадратной «Вары», куда спасаются люди от страшной зимы—среднеазиатской заместительницы всемирного потопа.

Расцвет городской жизни, высокое развитие ремесл, искусства, говорящие о далеко зашедшем общественном разделении труда, несомненное существование классов и сильных государств—все это находится в противоречивом единстве с тем косным неподвижным пьедесталом хорезмийского общества ахеменидской и кангюйской эпохи, который представляют собой сохранившие чрезвычайно архаические черты общественной организации сельские общины, обитающие за глиняными стенами больших деревень.

У. АЯЗ-КАЛА

Совершенно иной тип поселения вступает в несколько более позднем комплексе трех крепостей Аяз-Кала.

Развалины комплекса Аяз-Кала (рис. 7) расположены на вершине и у подножия обрывистой к югу возвышенности—одного из холмов, продолжающих Султан-Уиздаг на восток. На север уходит пологий склон, переходящий в занесенную песками равнину. Вершину Аяз-калинской скалы венчают прекрасно сохранившиеся развалины крепости Аяз-кала № 1 с мощной стеной со сводчатым ходом в основании и типичной для античного Хорезма стрелковой галереей с частыми высокими бойницами. Вдоль стен часто расположены полукруглые башни, образующие на углах характерное сочетание двух башен в форме ласточкина хвоста. Полукруглая форма башен, сближающая их с афригидскими укреплениями, заставляет относить Аяз-калу № 1 к середине или к концу кушанского времени (II—IV вв. н. э.).

У склона Аяз-калинской скалы расположена крепость Аяз-кала № 2, представляющая собой памятник двух эпох—кушанской и афригидской (рис. 8). Овальный замок, составляющий ядро крепости, построен, видимо, во время, близкое к постройке Аяз-калы № 1, являясь разнovidностью описанного мной в отчете 1938 г.² домом типа Кызыл-калы и Кузы-Крылган-калы. Однако в афригидское время к основному зданию была присоединена прямоугольная пристройка, и верхняя часть самого здания была перестроена и декорирована полуколоннами, делающими Аяз-калу № 2 одним из наиболее эффектных произведений ранне-афригидской архитектуры.

У подножия холмов расстилаются обширные, сильно занесенные песками, такыры, на которых расположены остатки поселения, представляющего совокупность примыкающих друг к другу обширных дворов, обнесенных кирпичными стенами. Площадь одного из дворов среднего размера—двора № 1, подвергнутого нами раскопкам, составляет около 9 000 кв. м. Внутренность дворов, как правило, совершенно пустая, и в шурфах во дворе № 1 мы напрасно искали признаков культурного слоя. У одной стороны двора обычно располагается значительных размеров многокомнатное здание.

Повидимому, все поселение представляло собой единый, единовременный комплекс, датируемый, на основании обнаруженных в культурном слое дома во дворе № 1 монет Канишки и находок монет на такыре, II в. н. э. Селение существовало, судя по культурному слою дома двора № 1, сравнительно недолго.

Повидимому, Аяз-кала № 1, занимающая важное стратегическое положение на подступах к Хорезму и имеющая вынесенную далеко на восток сторожевую башню, являлась крепостью кушанского правительства.

¹ Цянь-Хань-Шу, цзюань 123, стр. 3а.

² ВДИ, 1939, № 3, стр. 190.

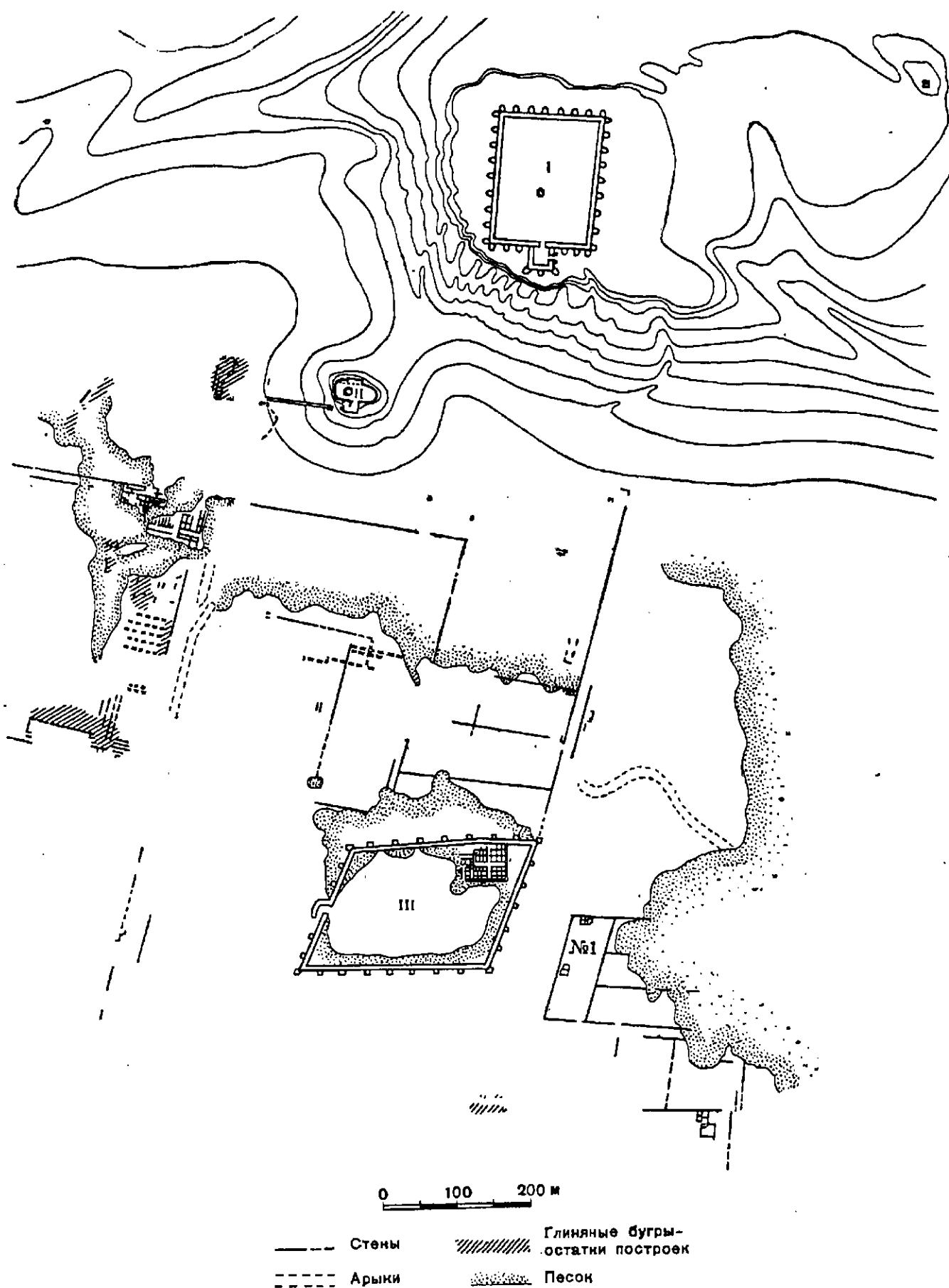


Рис. 7. Комплекс Аяз-кала. Схематический план.
 Глазомерная съемка худ. Н. П. Толстова.

Гарнизон размещался в сводчатых помещениях в основаниях стены. Крепость могла служить убежищем для обитателей окрестных селений.

Находки в крепости, наряду с античной, также керамики XI—XIII вв. убеждают в том, что и во времена «великих хорезмшахов» Аяз-кала была пограничным укреплением Хорезма.

Крепости Аяз-калы № 2, № 3 и безыменные развалины большого здания в западной части селения, повидимому, являлись усадьбами трех наиболее могущественных аристократических фамилий селения.

Остальные усадьбы принадлежали большим патриархальным семейным общинам земледельцев.

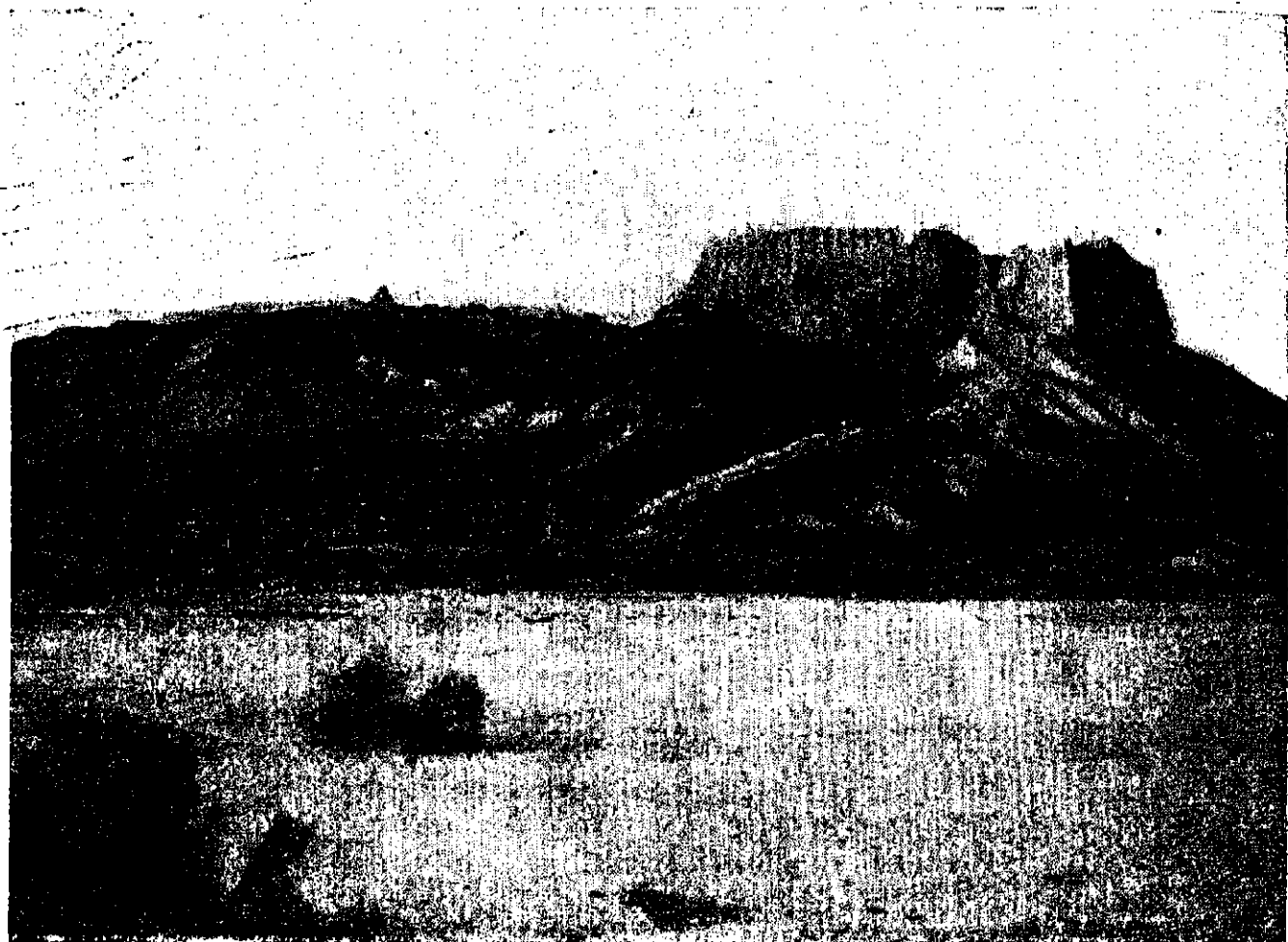


Рис. 8. Общий вид на Аяз-кала № 2 и Аяз-кала № 1.

Таким образом, по сравнению с типом поселения кангюйского времени, отраженным в Джанбас-кала, произошли крупные изменения.

На смену большому общинно-родовому укрепленному поселению типа Джанбас-калы здесь уже пришли отдельные большие семьи—видимо, близкие к типу античной familia, живущие в больших домах отдельными, хотя еще связанными друг с другом усадьбами.

Резко обособился слой аристократических фамилий, усадьбы которых господствуют над поселением.

Я полагаю, что этот процесс выделения сильных фамилий из общинного поселения начинается очень рано. На это указывают укрепленные большие дома около Базар-кала, Кой-Крылган-кала и Кюнерли-кала. Однако ко времени расцвета кушанской империи уже и рядовые общинники расселились большесемейными усадьбами.

Селение Аяз-кала расположено на хвостовой части большого арыка, идущего с юго-запада от развалин Кават-кала.

Раскопки, проведенные нами в Аяз-кала № 3 и в жилом доме двора № 1, дали материалы для истории быта и архитектуры кушанского Хорезма.

Разборка пола и расчистка фундамента дома в Аяз-кала № 3¹ вскрыли весьма интересную картину субструкций этого здания.

Цоколь здания образован лежащим на поверхности такыра большим, возможно естественным, барханом, который был закреплен обсыпкой строительным мусором—комьями глины и обломками кирпичей. Этот мусор был обильно полит водой, и глина, сцементировавшись с песком, образовала чрезвычайно прочный песчаникообразный панцырь, превратив бархан в цоколь здания. На нем возвели стены из крупного античного квадратного кирпича.

На высоте 1,40 м над основанием стен были настланы полы. Структура их не менее любопытна. Образованные нижними частями внешних и внутренних стен клетки до высоты 1,40 м были наполнены песком. Поверх этого песка был насыпан слой строительного мусора, сцементированного водой с песком в песчаникообразную корку толщиной около 45 см. Лишь поверх этой корки была положена глиняная обмазка полов.

В итоге—здание получило исключительно устойчивую и долговечную субструкцию. Этот строительный прием был общераспространенным в античном Хорезме (ср. Кюнёрли-кала, Кюзели-гыр, античные стены Змукшира-Замахшара).

Большой дом в Аяз-кала № 3 с трех сторон—кроме стороны, примыкающей к внешней стене,—имел небольшие квадратные башни, выступающие посредине стен. Одна из этих башен была раскопана.

Выступающие посредине стен большого укрепленного дома-замка квадратные башенки—характерная особенность архитектуры этого времени (ср. ниже Кюнёрли-кала и Кызыл-кала)². Усадьба № 1 в Аяз-кала представляет собой неправильный четырехугольник, длиной 150 м и шириной 60 м, окруженный кирпичной стеной. Северная часть усадьбы занята большим, во всю ширину двора, зданием. С севера на юг оно имеет ок. 20 м.

Посредине двора была небольшая, сильно разрушенная постройка.

В средней части главного здания нами был заложен раскоп 12×18 м, захвативший пять комнат и часть примыкающего к внешней стене усадьбы коридора (рис. 9).

Стены комнат сохранились на высоту до 1,60 м. Они были сложены из сырцового кирпича с сильной примесью самана, размером 40×40×10 см. На многих кирпичах имеется тамга в виде латинского S, тождественная с верхней частью тамги Афригидов и с тамгой надчеканки на кушанских монетах, находимых в окрестностях Аяз-калы.

Возможно, что это тамга ранних представителей Афригидской династии, начавших проявлять себя надчеканкой своей тамги на кушанских монетах.

Здание, как показали раскопки, несколько раз подвергалось перепланировке. Самый старый план пока неясен.

Полы до конца были вскрыты в комнатах № 2 и № 5. Первоначально обе эти комнаты были хозяйственными хранилищами, пол которых был покрыт закромами в форме ванн различных размеров, глубиной от 30 до 60 см. Аналогичная «ванна» была обнаружена в углу комнаты № 4. В последний период жизни дома «ванны» были покрыты двойным слоем плотной глиняной обмазки. В углу комнаты № 5 было устроено глиняное возвышение—своего рода суфа,—повидимому, место для трапез. Характерно, что именно здесь было сделано наибольшее количество находок раздробленных костей животных и фрагментов бытовой посуды.

К бытовым функциям была приспособлена и комната № 2. Лишь в северном углу, в круглой яме был поставлен огромный хум (пифос).

Бытовой была и комната № 1—со следами костра в центре и широкой низкой суфой у ЮВ стены.

Хозяйственным хранилищем являлась комната № 3. Весь пол ее был изрыт частыми сходящимися ямами, в которых сохранились разбитые пифосы. Было найдено большое количество и более мелких хозяйственных и бытовых сосудов.

¹ Внешнее его описание см. ВДИ, 1939, № 3, стр. 185—186.

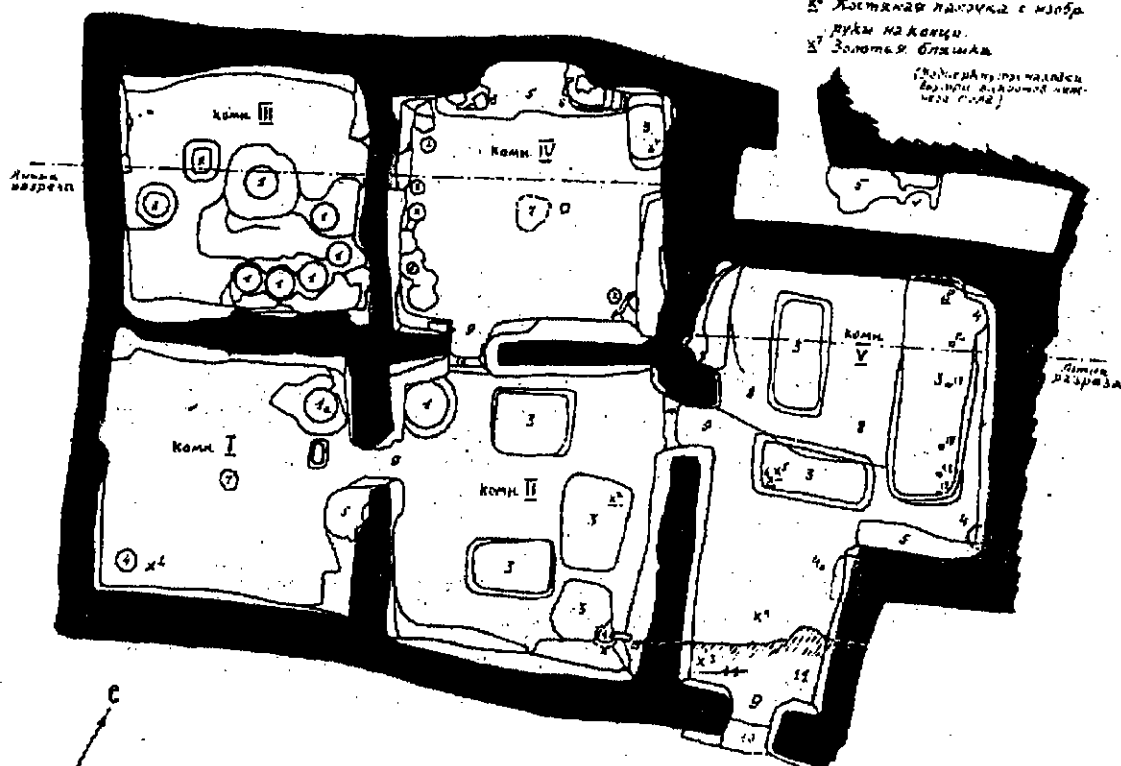
² Там же, стр. 190 и рис. 13 на стр. 187.

Комната № 4 выделяется своей архитектурой. Посредине были следы небольшого очага. Вдоль смежной с комнатой № 3 стены шел ряд небольших углублений для вкапывания маленьких сосудов, Фрагменты некоторых из них оказались на месте. Такие же



Разрез по комнатам 3-5

План.



x Важнейшие находки:

- x¹ Хуманская монета.
- x² Хуманская монета.
- x³ Лазиченный стрелы.
- x⁴ Терракота.
- x⁵ Хостяная палочка.
- x⁶ Хостяная палочка с изображением на кончике.
- x⁷ Золотая бляшка.

(Золотая бляшка найдена в южной комнате)

Аяз-кала. Дом № 1

Раскоп.

Масштаб 1:100

- | | |
|------------------------------|--|
| 1. Яма для хранения. | 6. Лилестры |
| 2. Яма для хранения 24 пола. | 7. Открытые очаги |
| 3. Яма для хранения сосудов. | 8. Возвышение первого пола. |
| 4. Зерома илчига пола | 9. Оверн. 10. Паров. |
| 5. Лилестры. | 11. Уходящая под стены яма под обкладкой |
| 6. Яма для хранения 27 пола | 12. Яма для хранения 1-го пола |
| 7. Сура | |

Сделан в 1939 году

Рис. 9. Аяз-кала. Дом № 1. Раскоп. Обмеры архитектора В. И. Пилявского и научного сотрудника Л. А. Ельницкого.

ямки были в южном углу. СВ стена имела посредине нишу, подчеркнутую с боков двумя выступающими вперед кирпичными пилястрами. Дно ниши было приподнято на 0,5 м над полом. Комната производит парадное впечатление. Ниша являлась, вероятно, «почетным местом», аналогичным нише в парадной комнате № 8 жилой башни Тешик-калы¹.

¹ ВДИ, 1939, № 3, стр. 193, рис. 18 на стр. 192.

Комнаты были некогда перекрыты высокими эллиптическими сводами.

В большинстве комнат были обнаружены тандыры—небольшие ульевидные печи, врубленные в полу или в стене. Наоборот, открытые очаги оказались далеко не во всех жилых комнатах дома. В этом существенное отличие от афригидских домов, где тандыр—сравнительно редкое явление и обычно, как в Тешик-кале, изготовлен из старого хума.

Среди находок в Аяз-кале отмечу кости животных, типичную для кушанского времени керамику, мелкие стеклянные, бронзовые и сердоликовые бусы, бронзовые перстни с овальным глазком (в отличие от афригидских, имеющих круглый глазок), две кушанские медные монеты царя Канишки, время правления которого датируется разными исследователями от 78—123 гг. н. э. до 125—150 гг. н. э.¹

В комнате № 1 монета была найдена на верхней поверхности пола, в комнате № 2—на дне ванны-закрома, перекрытого обмазками двух полов. Это позволяет считать период жизни постройки сравнительно кратковременным—в пределах нескольких десятилетий.

Большой интерес представляет находка в одном из закровов комнаты № 5 двух костяных заостренных палочек (табл. III, рис. 1—2) с резными головками. Вероятно, перед нами стили для письма.

В комнате № 4, также на дне закрома, обнаружена золотая бляшка с овальным, хорошо отшлифованным «индийским альмандином» (табл. III, рис. 3). Она очень близка синхроничным произведениям ювелирного искусства северного Причерноморья.

Найдена также трехгранная бронзовая скифская стрела поздне-эллинистического типа.

Из находок на такырах стоит отметить 3 фрагмента алебастрового сосуда с орнаментом из ритмически повторяющихся схематически трактованных женских фигур (табл. III, рис. 4).

Тематическое и стилистическое сходство этого орнамента с широко известным орнаментом русских и карельских вышивок является важным звеном в цепи культурных параллелей между Восточной Европой и Хорезмом.

VI. БОЛЬШОЙ БЕРКУТ-КАЛИНСКИЙ КАНАЛ И ЗАМОК № 36

Третий год экспедиция продолжает исследование зоны мертвого канала, орошавшего окрестности крепости Беркут-кала, расположенной в центре «земель древнего орошения» Кара-Калпакской АССР.

Работы 1939 г. слагались из: 1) продолжения описания зоны канала и 2) стационарных раскопок (для Турткульского музея) одной из укрепленных усадеб этой зоны—замка № 36, открытого Я. Г. Гулямовым в 1938 г.

Зона канала между развалинами Кум-баскан и Уй-кала была густо заселена в кангюйско-кушанское, а может быть, и более раннее время. Свидетельством этого является большое количество античной—преимущественно красной—керамики, в числе которой в обилии попадаются доньшки конических и пиалообразных чаш, ручки кувшинов, закраины хумов, а также античные статуэтки, печати, бусы и бронзовые стрелы скифского типа. Местами на плоскости такыра выступают

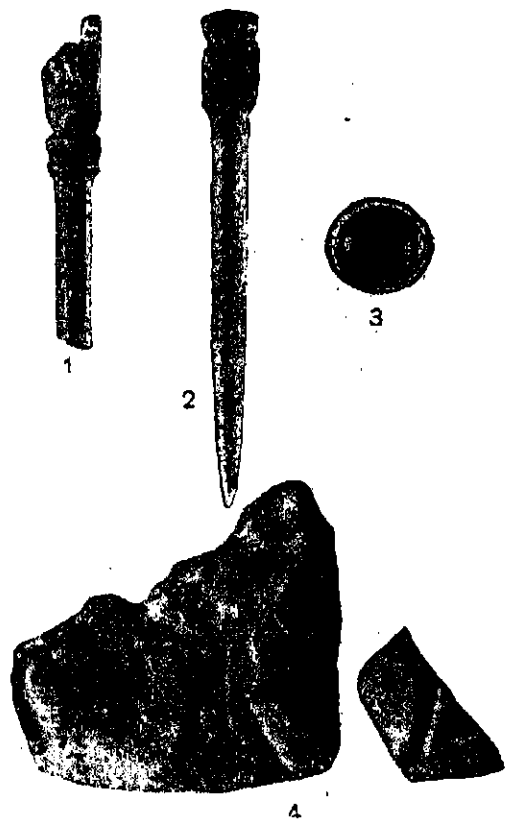


Таблица III. Предметы из Аяз-калы. ($\frac{1}{2}$ н. в.)

¹ L. Vallée-Poussin, *L'Inde aux temps des Mauryas et des barbares, grecs, scythes, parthes et yue-tchi*. Paris, 1930, стр. 343 сл.

и следы стен зданий. Это—поселения, разрушенные и распаханые в афригидскую эпоху.

Некоторые крепости вдоль канала были основаны в кангюйско-кушанскую эпоху (например, Беркут-кала, Уй-кала, Кум-баскан-кала).

Однако все эти крепости перестроены в афригидскую эпоху, и поэтому их вид характерен для памятников этого времени.

Расцвет жизни на Беркут-калинских такырах падает на VII—VIII вв.

В Беркут-калинском оазисе—несколько групп мелких замков, тяготеющих к определенным крупным замкам и определенным крупным ответвлениям большого канала. Большие замки располагаются близ голов этих ответвлений.

Идя с юга на север, мы видим на левом берегу канала группу Кум-баскан-калы, а на правом—группу замка № 41 (сохранились два замка).

Далее следует Тешик-кала, контролирующая крупное правое ответвление большого канала и группу в 16 замков. Повидимому, замок № 32 являлся центром 8 замков, вытянутых в две линии.

Беркут-кала, с прилегающим к ней небольшим посадом, зародышем городка, контролировала, повидимому, 4 ответвления канала (одно—выше крепости и три—ниже) и объединяла группу в 25 замков.

Особую группу представляли 7 левобережных замков, расположенных между № 9 на юге и № 58 и 59 на севере.

Замки № 14 и 57, возможно, принадлежали к левобережной группе 9 замков, центром которой являлся № 84.

На правом берегу, несколько ниже, находится состоящая из 7 замков группа замка № 60, канал которой, повидимому, занесен песками (см. план, рис. 10).

И, наконец, крайняя, северная группа из 14 замков имеет центром Уй-кала. Она расположена по большому левому ответвлению основного арыка и по идущему параллельно ему небольшому каналу.

В целом—мы видим как бы намек на известную иерархию замков. Вероятно, перед нами отражение иерархического расчленения родовых общин, распадающихся на большесемейные домовые общины, впоследствии перерастающего в иерархическое расчленение феодального поселения. Недаром и в самом типе афригидского расселения мы можем видеть переход к типу, господствующему в средневековом Хорезме.

Арабское завоевание положило конец жизни Беркут-калинского комплекса. Об этом говорит почти полное отсутствие керамических и монетных находок мусульманского времени в этом районе при исключительном обилии находок эллинистического и афригидского времени. Лишь немногие замки продолжали жить в XI—XII вв. Полное отсутствие средневековой керамики на такырах вокруг них говорит за то, что только некоторые из наилучше сохранившихся замков были использованы для пограничных постов, наблюдавших за пустыней и прикрывавших Хорезмский оазис со стороны Дженда и Бухары. Аналогичные спорадические находки керамики XII—XIII вв. были сделаны нами в 1938 г. и на ряде развалин эллинистического времени, в результате чего мы можем восстановить направление пограничной линии ранне-средневекового Хорезма. Она начиналась у Ангкакала, далее шла через замок № 8 близ Беркут-калы, на замок № 60, затем—на север, по Беркут-калинскому каналу, к развалинам Кырк-Кыз, далее—на запад, к Аяз-кала № 1. Последняя, воздвигнутая в кушанское время, была прочно обжита в XII—XIII вв., однако никаких признаков культуры этой эпохи на окружающих крепость такырах не найдено.

Сейчас можно поставить вопрос о локализации исторически зарегистрированных каналов аму-дарьинского правобережья, прежде всего главного канала этой части Хорезма—Гаухорэ.

Расстояние 12 фарсахов (=около 70 км) между Кятом и Гаухорэ, несомненно, взято ал-Истахри от города до головы канала по побережью реки, на этом участке мало отличающемуся от современного. Тогда начало Гаухорэ придется на северо-западную часть Питнякской Луки (Тюя-Муюн), примерно против Питняка. Другим указанием для

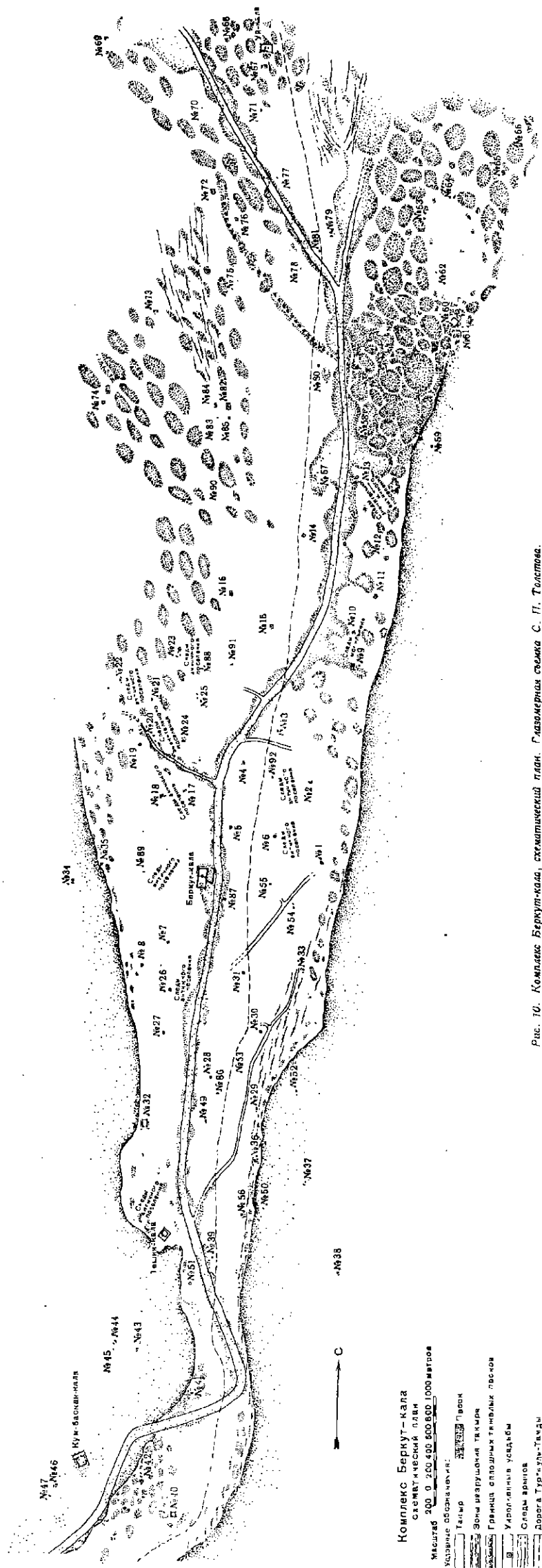


Рис. 10. Комплекс Беркут-када, схематический план. Газетная съемка С. П. Толстова.

локализации головы Гаухорэ является показание того же ал-Истахри¹, помещающего теснину Абукша в 3 фарсах, т. е. в 18 км, от Гаухорэ, вверх по реке.

Нельзя согласиться с В. В. Бартольд², отождествлявшим эту теснину с тесниной Дульдуй-Атлаган, расположенной километрах в 60 выше Питняка. Гораздо вероятнее видеть в Абукша Тюямуюнскую теснину и предполагать, что Гаухорэ отходил от Аму-Дарьи не особенно далеко от места ответвления современных каналов как правого, так и левого берега. Для нашего вопроса представляет интерес другое свидетельство ал-Истахри; «от Гаухорэ отходит, когда он пройдет 5 фарсахов, канал, называющийся Карих³, он оживляет часть рустаков»⁴. Если предположить голову Гаухорэ близ истока Су-Иргана, то точка на расстоянии 5 фарсахов (=30 км) от предполагаемой головы Гаухорэ придется как раз, примерно, на место, где в настоящее время ответвляется от Шураханского канала («Пахта-арна») арык Таза-багъяб, орошающий земли, прилегающие к развалинам Гульдурсун.

В целом все это приводит нас к выводу, что основным отличием от современности была большая длина древних каналов и, в соответствии с этим, некоторая сдвинутость головы системы к югу. Как сейчас мы имеем основной канал Пахта-Арна и три его главных ответвления—Амир-Абад, Таза-багъяб и Кельте-Минар,—так и в древности мы имели основной канал Гаухорэ, соответствующий, видимо, каналу Пахта-Арна-Амир-Абад и орошавший зону памятников Джильдык-кала, Кават-кала, Кызыл-кала, с ответвлением к Аяз-кала, и два ответвления—Карих, соответствующий, видимо, Таза-багъябу и орошавший линию Гульдурсун, Беркут-кала, Кырк-кыз, Кургаши-кала, и остающийся безымянным канал, соответствующий, повидимому, нынешнему Кельте-Минару и орошавший зону развалин Эрес-кала, Ангка-кала, Базар-кала, Джанбас-кала.

Процесс запустения шел не столько с севера на юг, вверх по каналам, сколько с востока на запад. «Древний Кельтеминар» перестал функционировать уже в конце эллинистического времени, в то время как жизнь сохранилась почти на всем протяжении Кариха (древний Багъяб) в течение всего афригидского времени. После арабского завоевания выбывает из строя почти весь Карих за исключением его верхней части—до Гульдурсуна, в то время как Гаухорэ (древний Пахта-Арна-Амир-Абад) продолжал функционировать на всем протяжении вплоть до монгольского завоевания.

Перейдем к результатам раскопок.

Большой интерес представляет структура донжона замка № 36. Жилые его помещения подняты на мощный пахсовый цоколь, высотой ок. 5 м, внутри которого находились два расположенных перпендикулярно друг к другу сводчатых помещения образующих вместе фигуру в виде буквы Т. Коробовый свод № 1 идет параллельно СВ стене донжона и открывается наружу на ЮВ стене у ее восточного угла низкой круглой аркой. Пол свода № 3 образует довольно круто поднимающийся пандус, ведущий через круглую арку, заключенную между двумя массивными кирпичными пилонами, в комнату № 4 верхнего этажа замка.

Верхний этаж состоял из пяти небольших комнат,—судя по характеру находок, бытового назначения. Вопрос о шестой комнате остается неясным. Все пять комнат имеют сходный план. У СВ узкой стены их располагаются невысокие кирпичные лежанки. В комнате № 1, у ЮВ стены, обнаружен небольшой глиняный тандыр. В комнате № 6, посредине,—остатки открытого очага.

Для датировки важны находки фрагмента саманидского фельса на верхнем полу комнаты № 1 и серебряной монеты хорезмшаха конца VIII в. Абдаллаха⁵—в комнате № 6.

¹ BGA, I, 1304; МИТТ, стр. 180.

² «Орошение» стр. 80.

³ Так у С. Волина в МИТТ, стр. 179, у В. В. Бартольда, Гирье («Орошение», стр. 80).

⁴ ал-Истахри, BGA, I, стр. 301.

⁵ ВДИ, 1938, № 4. Пользуемся случаем уточнить датировку. В предварительной заметке в КСИИМК эта монета нами была ошибочно (до расчистки) приписана Шаушафару, правившему несколько раньше (середина VIII в.).

Все в целом дает возможность датировать замок самым концом афригидского времени (VIII—X вв.).

Общие наблюдения над памятниками «земель древнего орошения» Кара-Калпакской АССР заставляют верить указанию, даваемому медной монетой, и считать, что афригидская культура в малоизмененном виде доживает до конца X в., когда начинает складываться комплекс XI—XIII вв.,



*Рис. 11. Усадьба № 36. Жилая башня.
Вид из свода № 1 на входную арку.*

который можно назвать «хорезмшахской культурой». В городах этот процесс мог идти и несколько быстрее, и характерная для хорезмшахского времени черная бытовая керамика со шипковым рельефным орнаментом могла получить распространение и в X в.

Большой интерес представляет перекрытая куполом низкая пристройка с ЮЗ стороны донжона замка № 36.

Это—квадратное помещение, $4,5 \times 4,5$ м, своеобразной кладки, в которой слои кирпича чередуются с прослойками пахсы высотой в 20—30 см. Комната не имеет двери. Вход в нее ведет через узкий, неправильной формы пролом у южного угла ЮВ стены. Комната оказалась совершенно пустой. Вдоль ЮЗ стены ее шла узкая кирпичная лежанка. Середина комнаты была занята овальной ямой, $1,5 \times 1,8$ м, прорубленной сквозь

тонкий в этом месте такыр до подстилающего песка. Над ямой и на полу лежал слой, состоявший из соломы, прутьев, овечьего помета, многочисленных кусков дерева—отрезков бревен и палок различной величины—и комьев глины разного размера. Все это на высоте 0,5 м над нижним полом было перекрыто четырьмя слоями обмазки верхнего горизонта пола, насланного заподлицо с поверхностью описанной выше суфы.

Можно было бы предположить, что пристройка являлась овечьим хлевом. Однако это мало вяжется с ее своеобразной архитектурой. Отсутствие двери, вход через пролом, отсутствие внутреннего архитектурного оформления, кроме ямы и узкой скамьи,

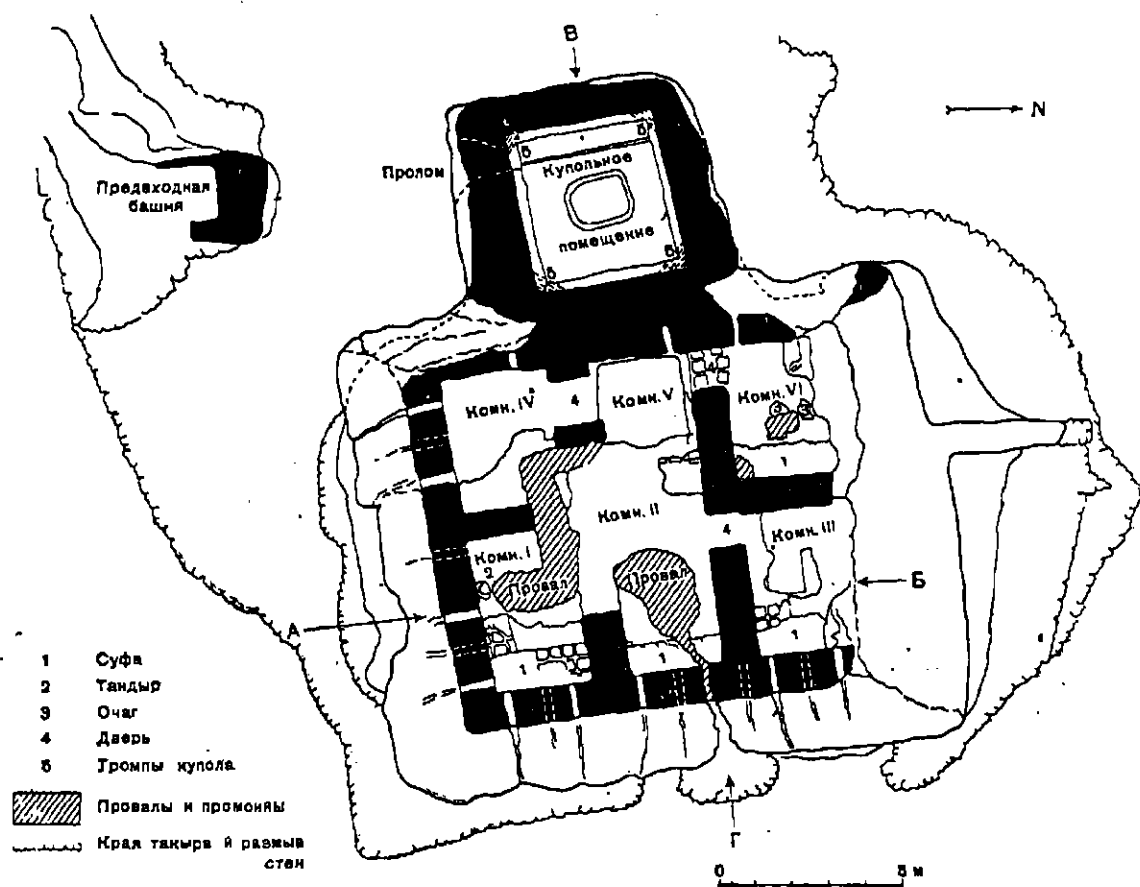


Рис. 12. План II этажа жилой башни, усадьба № 36.

в сочетании с подчеркнуто торжественным оформлением перекрытия комнаты приводят нас к предположению, что здесь мы имеем предусмотренное зороастрийским ритуалом помещение (так наз. «ката») для еще не разложившихся трупов, если в силу каких-либо причин они не могут быть сразу вынесены на открытое место.

В VIII фаргарде Вендидада читаем: «В этом месте верующие пусть выроют ров, глубиной в полфута, если земля тверда, и в половину человеческого роста, если она мягка, и затем положат на это место пепел или коровий навоз, сверху кирпичи, камни или очень сухую землю; там поместят они бездыханное тело на две ночи, на три ночи, на месяц...»¹.

Мне думается, что структура слоя купольной пристройки замка № 36 вполне увязывается с этим. Вход через пролом также связан с известным зороастрийским обычаем выноса трупа из дома через специально сделанный пролом в стене².

В пользу этой гипотезы говорит и другая деталь погребального ритуала—обнаруженное в комнате № 3, в северном углу верхнего этажа донжона, целое кладбище крупных прямоугольных алебастровых оссуариев на высоких ножках. Повидимому,

¹ Цит. по К. Иностранцеву, О древнеиранских погребальных обычаях и постройках, ЖМНП, 1909, март, стр. 99—100.

² Цит. соч., стр. 100.

костики умерших членов обитавшей в замке большесемейной общины складывались в оссуарии, которые ставились внутри замка, в комнате № 3.

Наблюдение, сделанное в замке № 36, подтвердилось наблюдениями на других замках. Фрагменты оссуариев были найдены на территории больших замков Беркут-кала и Уй-кала и малых замков № 57 и 58 (ср. также Топрак-кала и Джанбас-кала).

Из бытовых находок в замке № 36, помимо афригидской керамики, костей домашних животных, косточек плодовых деревьев, разнообразных зерен культурных растений, пополнивших собранную в 1937—1938 гг. коллекцию¹, нужно отметить находку целого кожаного башмака, деревянного веретена и, прежде всего, фрагмент тонкого белого войлока, покрытого сплошной вышивкой цветными шерстяными нитками со спиральным рисунком (рис. 13).



Рис. 13. Фрагмент вышитой кошмы из усадьбы № 36.

VII. ЧЕРМЕН-ЯБ

В 30 км к западу от гор. Ташауза, на границе культурных земель, расположены развалины крепости Змукшир (средневековый хорезмийский город Замахшар), исследованные экспедицией ГАИМК 1934 г.² Этими развалинами открывается зона «земель древнего орошения» Ташаузской обл. ТССР. С севера она скармывается старым руслом Аму-Дарьи—Дауданом. На запад от него

ответвляется система больших каналов, наиболее крупным из которых является большой ЮЗ арык, Чермен-Яб.

Направление Чермен-Яба оставляет пока ряд неясностей.

Русло большого канала начинает прослеживаться в 10 км к СЗ от колодцев Чагыл, откуда оно уходит в западном направлении. Эти данные заставляют нас предполагать, что направление канала наиболее правильно показано на десятиверстке 1905 г.

На меридиане крепости и колодцев Кызылча арык разветвляется, обходя с двух сторон невысокую обрывистую возвышенность Гяур-Кыр, тянущуюся на юг до Гяур-калы.

Нами была прослежена южная, повидимому основная, ветвь канала, орошавшая своей хвостовой частью урочище Хатыб-Кую—земли древнего орошения крепости Гяур-кала, перед которой канал круто поворачивает на запад.

Как и арыки правого берега, Чермен-Яб функционировал, несомненно, уже в середине I тысячелетия н. э.

Кангюйско-кушанской эпохой датируются наиболее удаленная вглубь пустыни крепость Гяур-кала, Калалы-Гыр № 2, Кюнерли-кала, городище Куня-Уаз и большая крепость Шах-Сенем. Керамика этого времени была обнаружена нами и на городище Змукшир, основание которого, судя по кирпичной кладке нижней части стен, относится также к античности. Таким образом, и здесь подтверждается установленное для правобережья³ и прослеживаемое для других районов Средней Азии положение⁴,

¹ ВДИ, 1939, № 3, стр. 193.

² М. V o y e v o d s k y, A Summary Report of a Khvarizm Expedition, «Bulletin of the American Institute for Iranian Art and Archaeology», vol. V, № 3, 1938, стр. 235 сл.

³ С. П. Толстов, ВДИ, 1939, № 3.

⁴ М. Е. М а с с о н, КСИМК, 1940, V.

что максимального развития ирригационная сеть Средней Азии достигает в кангюйско-кушанскую эпоху.

Античные городища Чермен-Яба обнаруживают наряду со сходством с городищами правобережья также и отличия, объясняемые и хронологической разновременностью и локальными особенностями культуры.

Как и в правобережье, античные крепости Чермен-Яба имеют мощные двойные стены из крупного сырцового кирпича, с часто расположенными стреловидными бойницами. В качестве более древнего типа выступают здесь также прямоугольные башни, расположенные на углах парами в форме «ласточкина хвоста» (Калалы-Гыр № 2).

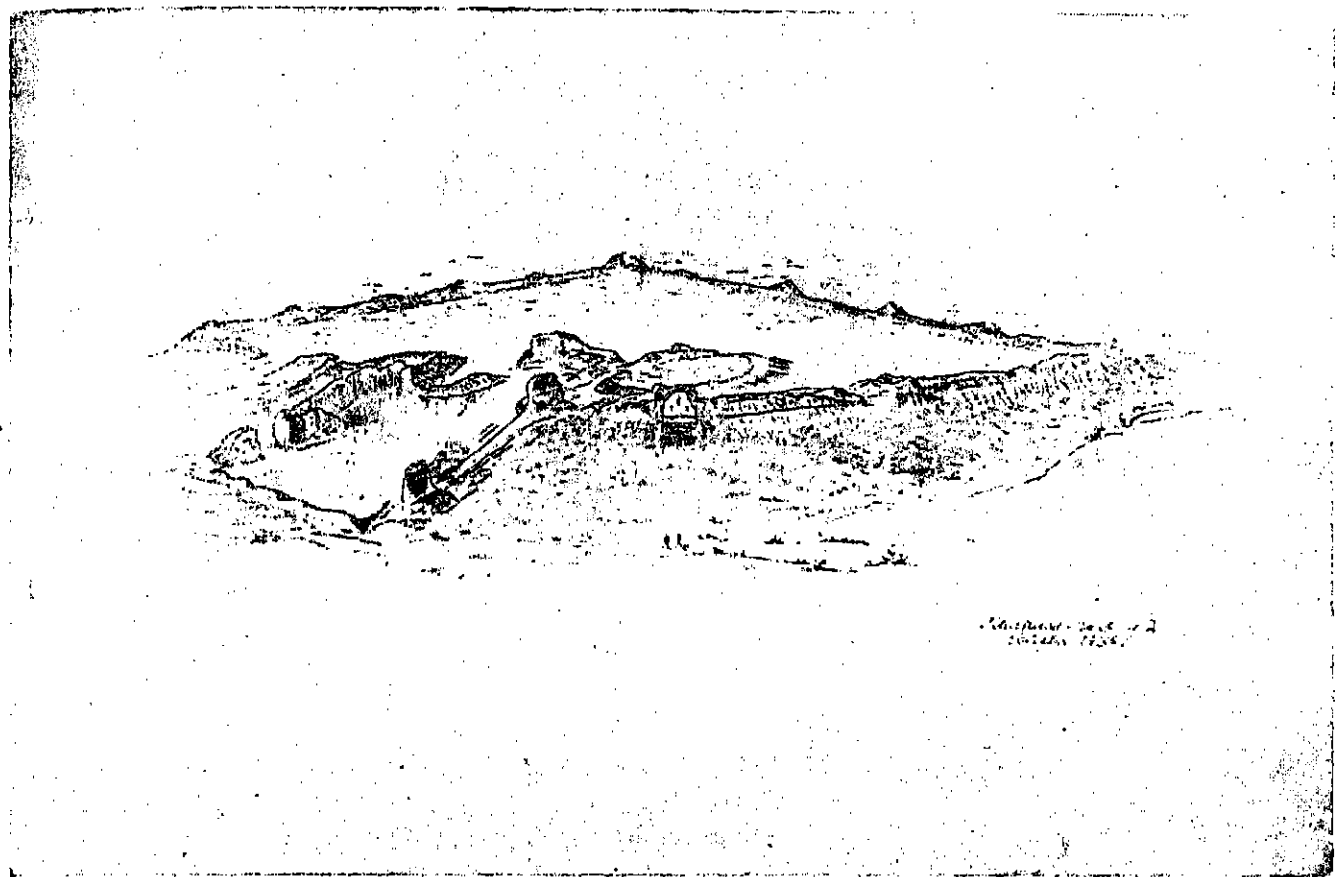


Рис. 14. Калалы-Гыр № 2. Перспектива. Рис. худ. Н. П. Толстова.

Позднее они сменяются полукруглыми башнями и защитой углов при помощи угловых башен. Ворота также защищены сложными предвратными лабиринтами.

Однако кирпич, при общих с правобережьем крупных размерах, характеризуется отсутствием стандартной величины.

Бойницы во всех памятниках значительно ниже, чем в правобережье, и являются переходными к типу бойниц афригидского времени. Отличия в форме бойниц и особенности устройства лабиринтов мы склонны считать отличиями хронологическими и связывать их с последними этапами истории античного Хорезма, относя их к III—IV вв. н. э., ко времени начала перехода от кангюйско-кушанской к афригидской культуре.

Наиболее близкими к правобережным памятникам кангюйско-кушанского времени являются крепости Кюнерли-кала и Калалы-Гыр № 2. Это в одинаковой мере относится и к керамике и к архитектуре. Кюнерли-кала, расположенная километрах в пяти на запад от Змукшира, — это большой квадратный дом-замок типа Кызыл-калы. Как и Аяз-кала № 3, он воздвигнут на вершине укрепленного глиной песчаного бархана, имеет двойную стену, внутри которой шел сводчатый ход, три характерные башенки посередине стен, предвратный лабиринт в форме неправильного четырехугольника. Внутри, как и в домах-замках правобережья, большое количество комнат. Своеобразна увенчивающая крепость четырехметровая [массивная глиняная башня, от которой происходит и название «Кюнерли-кала».

Достаточное представление о Калалы-Гыр № 2 дает рис. 14. Калалы-Гыр № 2 имеет расположенное в СЗ углу крепости большое (24 м в диаметре) круглое здание, которое, по аналогии с Джанбас-кала, вероятнее всего считать культовым.

Две половины разделенного внутренней стеной на две равные части городища Куня-Уаз соответствуют двум жилым массивам Джанбас-калы (рис. 15). Городище это расположено на северном ответвлении Чермен-Яба в сильно обжитом в позднеантичное время районе.

Отметим особо крепость Гяур-кала (рис. 16), господствующую над хвостовой частью Чермен-Яба. Городище расположено на склоне невысокой возвышенности. Вдоль длинных стен с округлыми башнями тянутся в 2—4 ряда примыкающие к стене однотип-

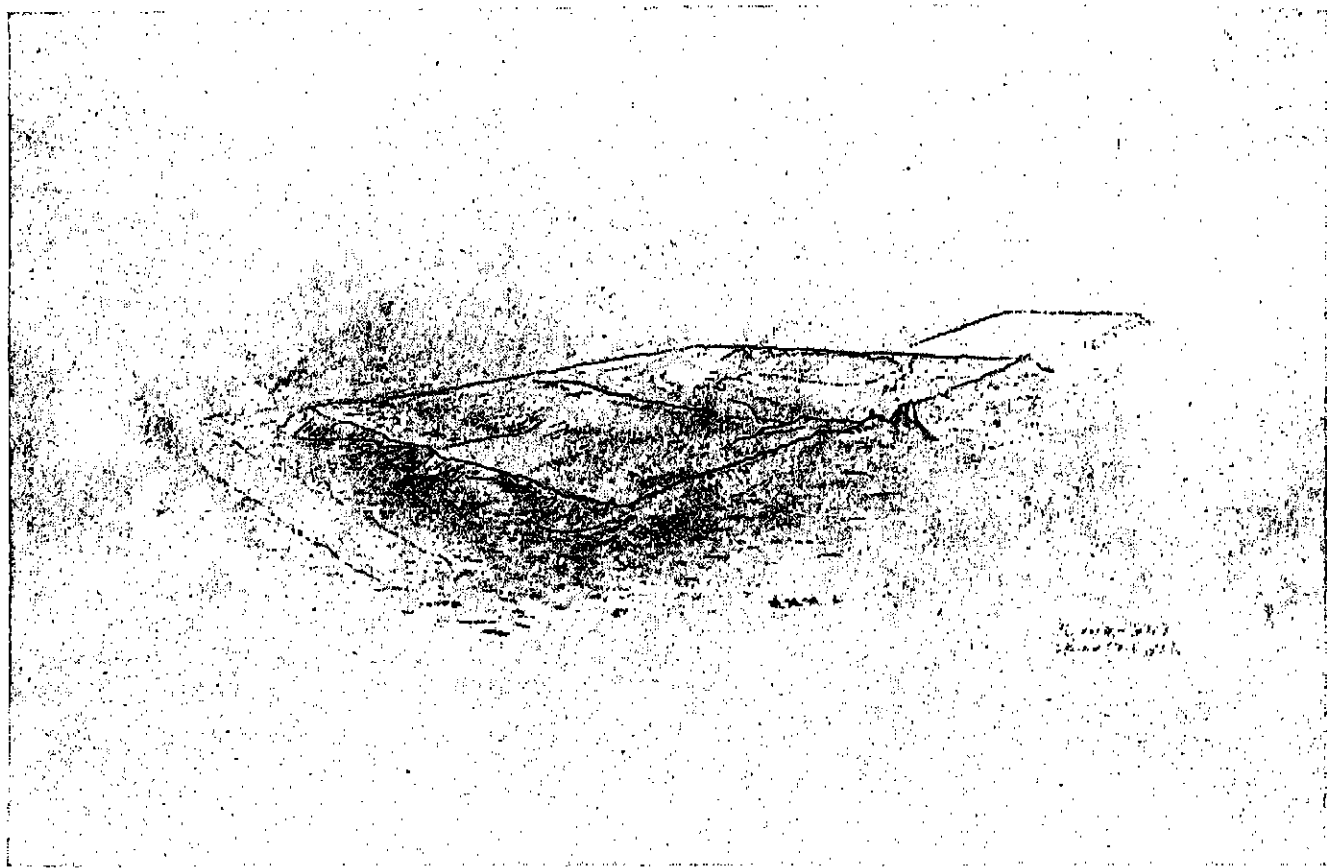


Рис. 15. Куня-Уаз. Перспектива. Рис. худ. Н. П. Толстова.

ные комнаты. Вершину холма занимает небольшая цитадель поздне-кушанского типа, совершенно пустая внутри.

Огромные городища Кюзели-Гыр и Калалы-Гыр № 1 расположены на вершине больших холмов, ограничивающих с севера долину Чермен-Яба. Второе из них—прямоугольное (1000×720 м), первое—неправильной формы, повторяющей очертания холма (наибольшая длина—1 км, ширина—400 м).

Внутренняя площадь городищ почти лишена признаков жилья. К северной стене Калалы-Гыра изнутри примыкают развалины большого многокомнатного кирпичного погребального здания. На его поверхности найдены фрагменты глиняных оссуариев, а в шурфе, заложенном в одной из комнат,—погребения в хуме. Тонкостенные, украшенные лепным орнаментом в виде жгутов с косыми насечками оссуарии сходны с оссуариями Миздахкана¹ и согдийскими оссуариями. Кюзели-Гыр и Калалы-Гыр № 1 резко отличаются от остальных крепостей тем, что стена у них не двойная, а четверная и тройная с трехметровыми проходами между каждым двумя рядами стеной кладки.

В Кюзели-Гыр нижняя часть внутрстенных проходов содержит мощный и богатый насыщенный культурный слой. Проходы в нижней части стены имели не боевое, а жилое

¹ Якубовский, ЗКВ, V, стр. 564.

назначение. Это дало нам основание выделить эти городища в особую группу, названную нами «городищами с жилыми стенами».

Характер керамики Кюзели-Гыра, сделанной на ручном круге и сопровождаемой находками стрел скифского типа, восходящего к V в. до н. э., позволяет считать эти городища наиболее ранними из нашей серии, возможно—восходящими к ахеменидскому времени. В пользу этого положения говорит характерная поверхность сосудов, изборозженная горизонтальными рубцами и близко напоминающая поверхность металлических сосудов ахеменидской эпохи.

Эпоха расцвета афригидской культуры VII—VIII вв. н. э. ни в развалинах, ни в подъемном материале почти не представлена на Чермен-Ябе. Повидимому, сокращение культурной полосы в эпоху раннего средневековья здесь носило значительно более катастрофический характер, чем на правобережье. Не связано ли это с переносом на восток центра политической жизни Хорезма в афригидское время, когда столицей Хорезма становится Кят? Для кангюйского времени китайские источники говорят, что центром Хорезма является Ургенч-Юегянь (Цянь Хань-шу). Если правильна идентификация Захау: Ургенч — Урва Авесты, то Ургенч был центром Хорезма и в докангюйское время.

Нумизматические материалы Хорезма¹ позволили нам уже три года назад поставить вопрос о связи ранне-афригидской и эфталитской чеканки. Может быть, в свете этих данных не столь уже невозможна будет старая гипотеза Лерха—Веселовского о связи с Хорезмом первоначального ядра эфталито-кидаритского государства². Правобережье Аму-Дарьи—«эфталитская сторона» *par excellence* у арабских авторов; левобережье—зона длительных войн между среднеазиатскими «гуннами» и сасанидским Ираном. Не в этом ли ключ и к тому, что на правом берегу, где, очевидно, более быстро и бурно шел процесс смены кушанской культуры афригидско-эфталитской,

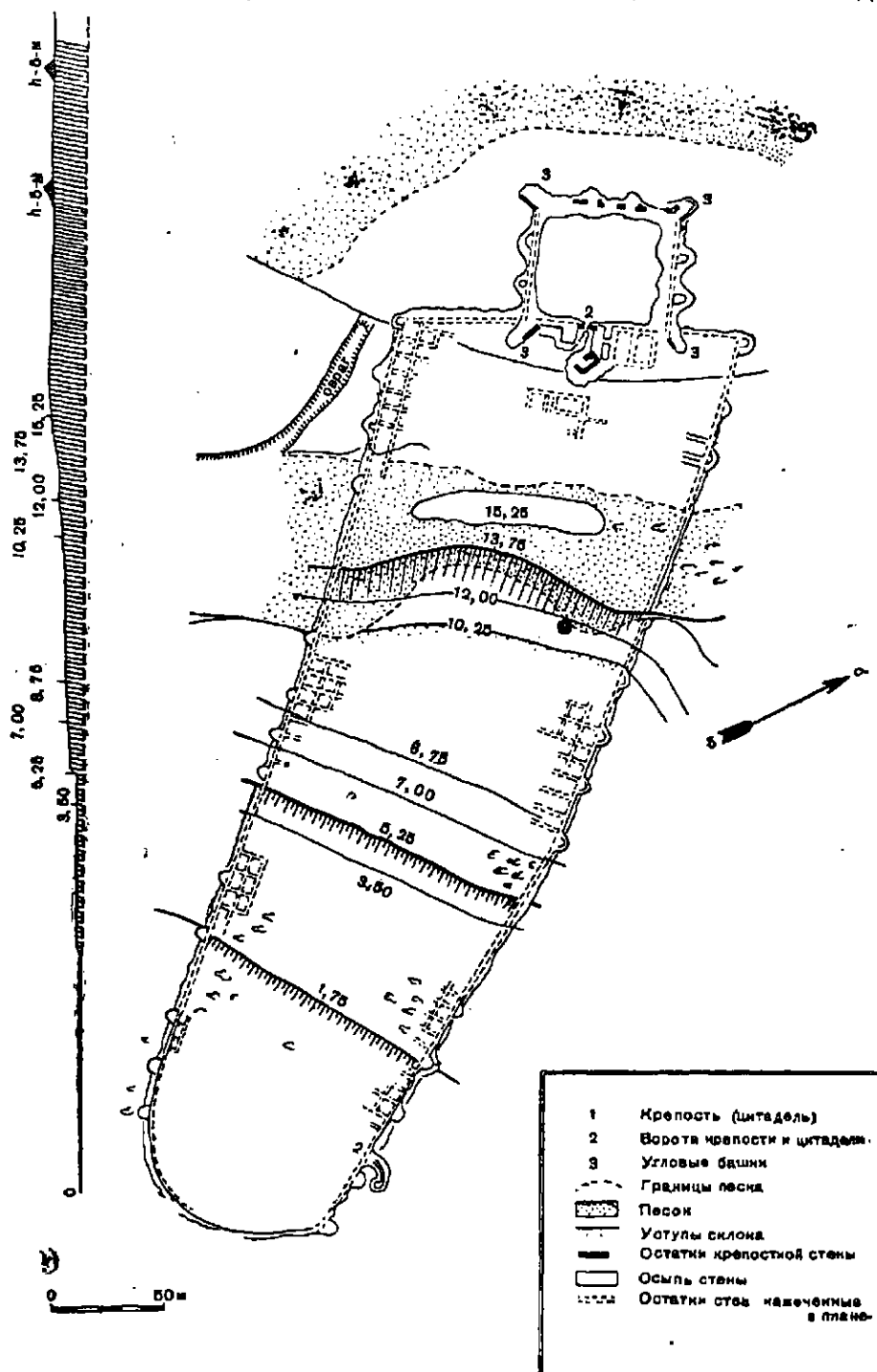


Рис. 16. Гяур-кала. Схематический план. Обмеры С. П. Толстова и С. С. Гасанова.

¹ С. П. Толстов, ВДИ, 1938, № 4, стр. 128.

² Н. Веселовский, Очерки историко-географических сведений о Хивинском ханстве. СПб, 1887.

жизнь античных развалин обрывается на более ранней дате, но зато особенно пышно расцветает афригидская культура? Между тем на левом берегу, дольше сохраняющем традиции античного Хорезма, позднекушанская культура сменяется длительным периодом упадка и катастрофического запустения колоссальных площадей орошенных земель.

Но тем более бурным и мощным оказывается на левобережье подъем средневековой хорезмийской культуры XI—XIV вв. Русло Чермен-Яба вновь наполняется водой. Культурная полоса не достигает, правда, своих античных пределов—крепости Гяуркала,—но включает ближайшие к ней развалины Шах-Сенем. Древняя Шах-Сенемская крепость подвергается перестройке и приспособливается для нужд нового населения. Рядом с ней строится, частью из старого материала, эффектная укрепленная

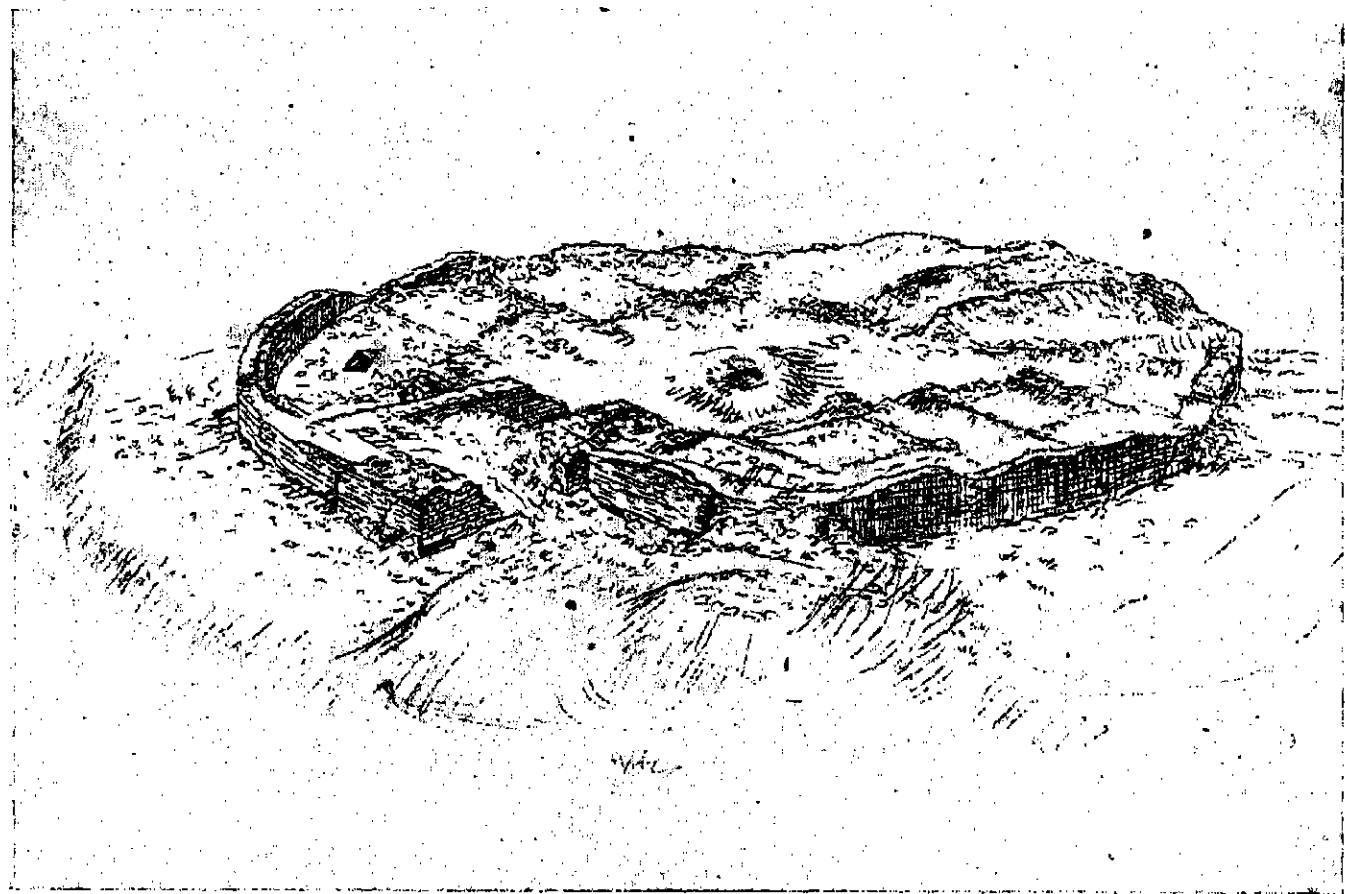


Рис. 17. Дзу-кала. Перспектива. Рис. худ. Н. П. Толстова.

усадьба Шах-Сенем № 2. Заново строятся крепости Кызылча и Даудан, становящиеся, как и Шах-Сенем, центрами густо заселенных рустакв. Коренным образом перестраивается Змуқшир. Жизнь расцветает на его такырах и на такырах Куния-Уаза.

Последний из обследованных нами памятников—Дзу-кала—крепость, датируемая хорезмийской керамикой XII—XIII вв. Он представляет собой небольшой круглый форт (диаметр—51,5 м), окруженный мощной (до 2 м толщины) стеной из огромных (до 96×53, при толщине 16 см) плит тесаного камня. В середине дворик с колодезем, окруженный карре каменных жилых помещений для гарнизона.

Расположение Дзу-кала заставляет видеть в нем форпост военной экспансии поднимающегося Хорезма против центрального и западного Хорасана.

В Кызылча-кала и Шах-Сенем любопытны покрывающие на большую высоту стены близ ворот и внутренность башен многочисленные, часто повторяющиеся тамгообразные знаки. Наиболее частые—тройная развилка, крест с поперечными чертами на концах, круг, полукруг, знаки в виде П и др.

Думаю, что возможны и некоторые топонимические заключения в отношении Чермен-ябской зоны развалин.

Арабские писатели X в. среди каналов левобережной части Хорезма называют—в порядке с Ю на С—каналы Хазарасп, Кардаран-хас, Хива, Мадра и Вадак¹. Наи-

¹ Истахри, 302—303, МИТТ, стр. 179.

большой интерес для нас представляет канал Мадра, который, по Истахри, был «в два раза больше Гаухорэ». Истахри указывает дальше, что по этому каналу «плавают суда до Мадра». Трудно пока локализовать этот последний пункт (может быть, одна из развалин к югу от Тахта)¹, но в системе современных крупных каналов юго-западного Хорезма этому каналу соответствует ближе всего канал Газават, идущий сейчас далее Тахта, почти достигая Эмукшира, и наиболее близко доходящий своими низовьями до прослеживаемых верховьев Чермен-Яба.

Вполне возможно, что функционировавшая в X в. часть Чермен-Яба носила название Мадра по имени города, расположенного тогда в конце его судоходной части.

С несколько большей определенностью мы можем говорить о локализации одного из пунктов, часто называемых средневековыми географами и хронистами, несомненно расположенном в низовьях Чермен-Яба. «При Якуте,—писал В. В. Бартольд,—на пути из Гурганджа в Шахристан и Неса (т. е. в среднюю часть южной Туркмении.—С. Т.) последним местом Хорезма был населенный городок Субурна, находящийся от Гурганджа в 20 фарсах»².

Якут упоминает этот пункт дважды под двумя вариантами названия: Субурна³ и Субарни⁴.

Под именем Субурли (سوبرلي)—явное географическое искажение سوبرلي Якута—мы встречаем этот городок, с указанием расстояния от Гурганджа в 20 фарсах, у Ибн-ал-Асира⁵ под 1172—73 годом.

Последним населенным пунктом между Гурганджем и Шахрастаном на основной караванной-магистральной было в XI—XIII вв., по данным наших разведок, поселение, развалины которого известны ныне под именем Шах-Сенем. Расстояние по прямой от Куны-Ургенча до Шах-Сенем—около 85 км (14 фарсахов). Если мы учтем, что расстояние это должно быть, конечно, увеличено за счет отступлений пути от прямой, что современная кратчайшая караванная дорога от Куны-Ургенча до Шах-Сенем,—вероятно, более короткая, чем средневековая, так как идет по пустынной местности,—насчитывает около 100 км, разница в указанном у Сам'ани-Якута расстоянии Субурна—Гургандж с расстоянием Шах-Сенем—Куны-Ургенч будет уже не столь велика.

VIII. СРЕДНЯЯ АМУ-ДАРЬЯ

Разведки по правому и левому берегу Аму-Дарьи дали значительные результаты для характеристики исторической динамики южных границ Хорезма.

Прежде всего, можно считать установленной южную границу античной хорезмийской культуры. На правом берегу она не поднималась выше развалин Топраккала и небольшого квадратного античного городища Даш-кала № 2.

На левом берегу граница античного Хорезма спускается гораздо южнее. Самым южным памятником кангюйско-кушанской культуры здесь является одна из двух крепостей Коша-кала.

Согласно единогласному свидетельству арабских авторов, культурная полоса Хорезма на левом берегу в ранне-мусульманское время начиналась с города Тахирии. В. В. Бартольд отождествлял этот пункт с развалинами Кетменчи⁶. Но они оказались только укрепленным постом—рабатом или караван-сараям. С. А. Ершов вполне осно-

¹ Никаких сведений о гор. Мадра, кроме приведенного выше упоминания, у арабских авторов нет. См. В. В. Бартольд, *Орошение*, стр. 81. Лишь у Сам'ани (МИТТ, стр. 399) мы встречаем вскользь упомянутый пункт с названием Мадри Кат; причем первое слово ввиду отсутствия огласовки может с одинаковым успехом читаться Мадра. В этом сочетании название ассоциируется с именем селения Батыр-Кент, близ Тахта.

² Бартольд, *Орошение*, стр. 87.

³ Якут, изд. Wüstenfeld, III, 32, МИТТ, I, стр. 423.

⁴ Якут, III, 182, МИТТ I, стр. 424. Ср. Сам'ани у Бартольда, *Туркестан*, стр. 153.

⁵ Ибн-ал-Асир, изд. Tornberg, XI, 247, МИТТ, I, стр. 404.

⁶ «Орошение», стр. 79, «Туркестан», II, стр. 142.

вательно идентифицирует с Тахирией развалины города Дая-Хатын, уже существовавшего в ранне-мусульманское время¹.

Культура правого берега в эту эпоху началась от города Гарабхашна, расположенного ниже верховьев Гаухор². Это положение как будто полностью подтверждается нашими материалами. Выше Тюя-Муяна нам не удалось обнаружить никаких следов поселений периода, отделяющего кангюйско-кушанское время от времени возвышения средневекового Хорезма.

Основная масса памятников как правого, так и левого берега относится ко времени XI—XIII вв., скорее даже к XII—XIII вв., времени «великих хорезмшахов».

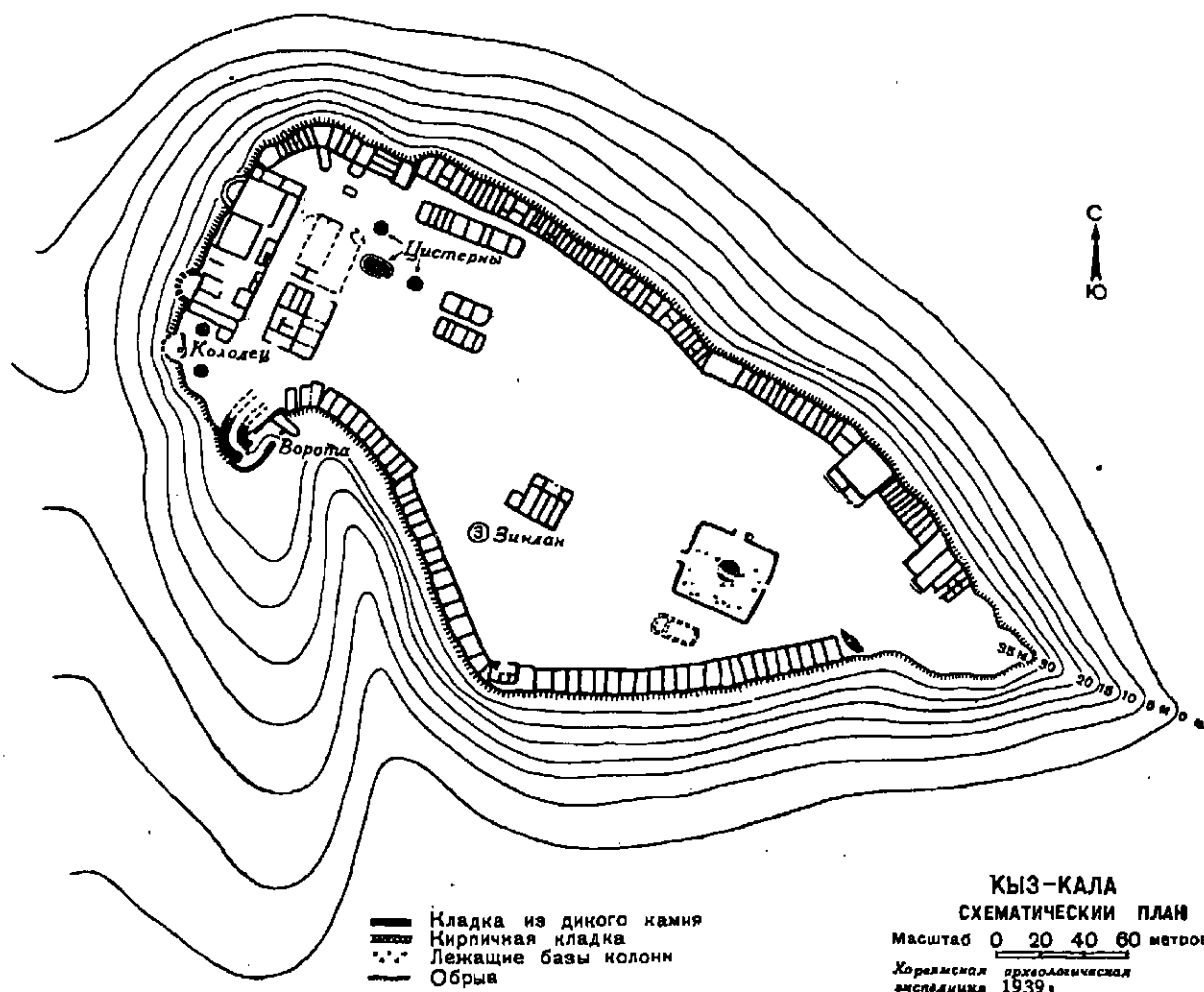


Рис. 18. Кыз-кала. Схематический план. Обмер С. П. Толстова.

Чаще всего это небольшие однотипные, как бы построенные по одному плану четырехугольные пахсовые крепости со слабыми остатками культуры. Таковы: Кок-огуз, Кукертли, Сартараш, Эшек-Рабат.

Наиболее значительным, своеобразным и эффективным из развалин правого берега является комплекс Кыз-кала—Йигит-кала, на границе Узбекской и Туркменской ССР.

Плоскую вершину одной из останцовых возвышенностей, господствующей над прибрежной полосой, занимает громадная крепость Кыз-кала (рис. 18), неправильной подтреугольной формы. Длина 420 м, наибольшая ширина 180 м.

Стены крепости, толщиной 1,5—2 м, сложены из дикого камня, из неправильных глыб песчаника, положенных на глиняный раствор. Сохранившаяся высота стен не превышает 1,5—2 м. Однако, судя по сохранившемуся возле ворот останцу, первоначально стена достигала высоты около 10 м. Ворота защищены закругленным предвратным сооружением. В крепость ведет высокая стрельчатая арка из жженого кирпича,

¹ Еще раньше на возможность такой идентификации указывал А. А. Марушенко, «Туркменоведение», 1930, № 12, стр. 16.

² Бартольд, Туркестан, II, стр. 143; Орошение, стр. 81; МИТТ, I, стр. 179.

наполовину разрушенная. За аркой опять идет изогнутый в виде спирали проход на двор крепости.

Вдоль стен крепости тянутся многочисленные помещения из дикого камня, очевидно для гарнизона. Особенно застроен СВ конец городища. На южном выступе городища расположены развалины мечети.

На площади городища расположено пять цистерн различных размеров, круглой и овальной формы и высеченная в толще скалы, куполообразно расширяющаяся книзу, подземная тюрьма—зиндан.

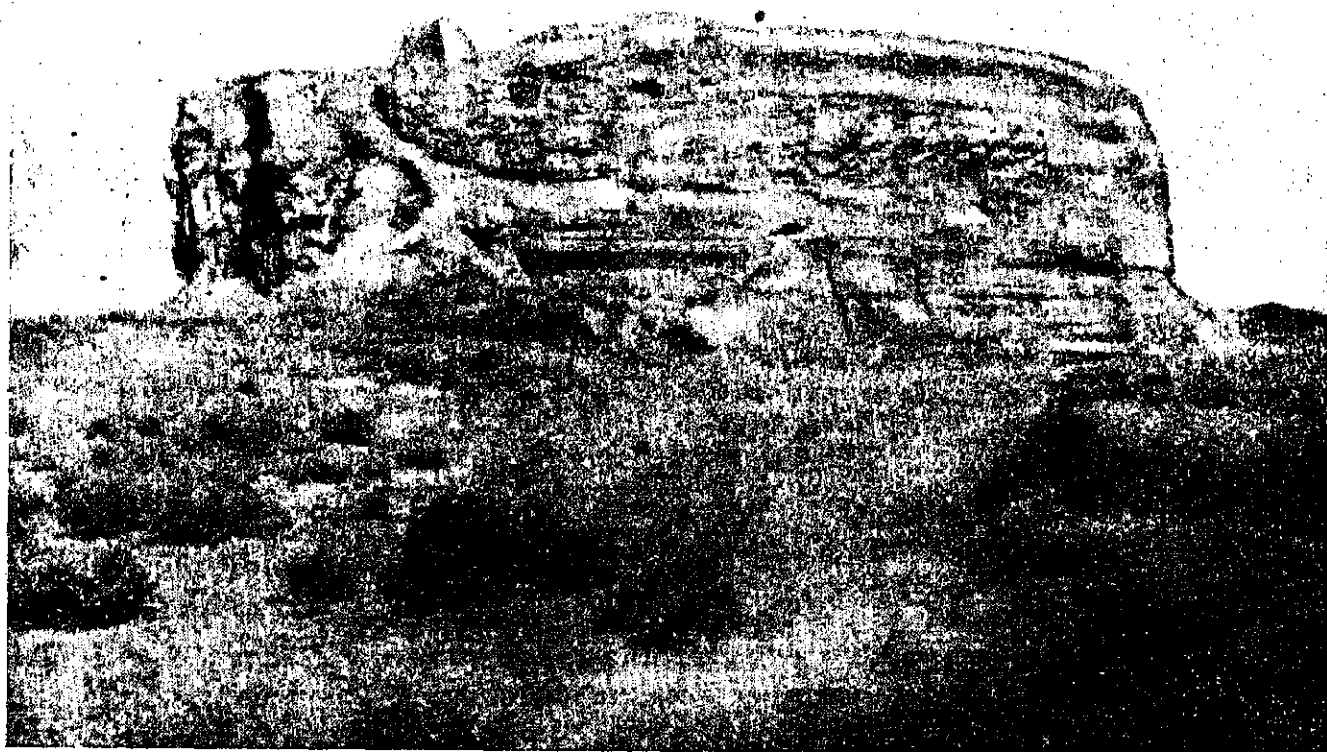


Рис. 19. «Арк» крепости Устык.

Стены крепости не имеют башен, за исключением СЗ стены, где склон более пологий и низкий. Здесь имеются три башни—две из дикого камня и одна из жженого кирпича.

Расположенная посередине стены каменная башня с пятью бойницами имеет характерные для хорезмийской архитектуры этого времени, расположенные между бойницами, полукруглые полуколонны. Это—первый случай гофрировки в каменном материале.

В кирпичной башне обнаружен выложенный из жженого кирпича колодец, засыпанный до глубины 16,25 м. От него к реке тянется полоса глиняных оплывших бугров, расположенных на расстоянии 40—50 м друг от друга. На большинстве бугров найдены фрагменты керамических водопроводных труб. Это позволяет заключить, что колодец Кыз-калы снабжался водой из подведенного от реки водопровода. Голова водопровода была защищена расположенной на берегу реки, сложенной из дикого камня, прямоугольной крепостью. Йигит-кала.

Комплекс Кыз-кала был, повидимому, важным стратегическим пунктом «великих хорезмшахов» в их наступлении на Мавераннагр.

В заключение упомяну о развалинах крепости Устык (рис. 19), расположенных на правом берегу, на расстоянии около 25 км вниз по течению от Чарджоу. Крепость относится уже к древнему оазису Амуля-Фараба.

Центр крепости представляет собой изолированно стоящую песчаниковую скалу, высотой около 20 м. Скале искусственно придана отвесность так, что она представляет собой гигантский высеченный из песчаника цилиндр.

На 4—5 м выше скалы поднимается оплывший глиняный бугор разрушенной крепости с мощным культурным слоем. На вершину скалы ведет изгибающийся в 4 марша глиняный пандус.

Неправильной формы площадка вокруг скалы, площадью 200×200 м, окружена сильно обвалованной стеной с воротами против пандуса и следами рва с противоположной стороны.

Керамические находки свидетельствуют о том, что Устыкский «арк» существовал уже в кангуйско-кушанское время. Помимо этого, налицо керамика афригидского типа, средневековая и современная, свидетельствующая о непрерывной жизни укрепления до времени Бухарского ханства.

Взятые в целом, результаты работ по Средней Аму-Дарье, как и разведка вглубь Кара-Кумов, дают нам в руки важные документы для истории политической экспансии средневекового Хорезма, подготовленной экономическим расцветом, явившимся предпосылкой для превращения Хорезма в центр величайшей из восточных империй XII—начала XIII в.

С. Толстов

Археологические памятники левого берега Аму-Дарьи

(Краткие итоги археологического обследования 1939 г.)

С 1937 г. над изучением археологических памятников древнего Хорезма, расположенных на территории Кара-Калпакской АССР, главным образом в Кызыл-Кумах, большую работу проводит МОИИМК (Моск. отделение Института истории материальной культуры АН СССР) (см. ВДИ № 1 (2) и 4 (5) за 1938 г. и № 3 (8) за 1939 г.).

Аналогичную работу на территории Ташаузской области с 1938 г. начал вести и Институт истории Туркменской ССР.

За короткое время работ в этих районах археологическими экспедициями впервые был открыт ряд весьма ценных памятников, относящихся к II и I тысячелетию до н. э., ряд памятников эллинистической эпохи и целая серия памятников более позднего периода, V—VIII и X—XIII вв. н. э.

Итоги работ первых двух лет—очень большие. Они не только ознакомили нас с обликом археологических памятников древнего Хорезма, но дали нам и большой фактический материал для понимания гражданской истории как самого Хорезма, так и истории Туркменистана на протяжении свыше трех тысяч лет.

Однако, несмотря на большой размах археологических работ по Хорезму, до 1939 г. значительная часть территории оставалась мало исследованной. К таким районам относятся среднее и нижнее течение реки Аму-Дарья, южная часть Хорезмского округа УзССР и ряд других районов, входящих в северную часть Туркменистана. Судя по топографическим картам, а равно и по дошедшим до нас запискам различных путешественников, в упомянутых районах имеется большое количество развалин.

Перед организованной МОИИМК в 1939 г. большой археологической экспедицией, в которой принимали участие и научные учреждения Средней Азии (Узкомстарис и Институт истории ТССР), встал, наряду с основными работами в Кызыл-Кумах, вопрос об исследовании развалин в этих мало обследованных районах.

Для обследования, в первую очередь, был намечен район правого и левого берегов среднего течения Аму-Дарьи от Чарджоу до аула Питняк. Работа в этом районе проводилась двумя группами. Первая группа под руководством С. П. Толстова вела работу на правом берегу, а вторая, в составе археолога С. А. Ершова, младшего научного сотрудника С. С. Гасанова при двух рабочих,—на левом берегу.

Левобережной группой было обследовано до двадцати различных памятников, расположенных главным образом вдоль старой большой торговой караванной дороги, связывавшей в древние времена Хорезм с Хорасаном и Мавенарагром.

Обследованные в 1939 г. по среднему течению Аму-Дарьи памятники могут быть сведены в три основные группы. К первой группе относятся развалины городов и селений—сюда мы включаем город Дарган и крупное селение Джигирбанд; во вторую группу включаются отдельные дома, например Ак-тепе, Таш-акыр, Сен-рабат, Уч-Керсен, Гугурджели и Байрак-тепе; в третью—караван-сарай и укрепленные пункты в виде развалин Орт-тепе, Мовыз-ата-тепе, Моор, Турпак-кала, Кош-кала № 1, Кош-кала № 2, Кетменчи, Чаш-кала и Ата-тюрк-кала.

Значительное большинство памятников относится к феодальному периоду Хорезма, т. е. к X—XIII вв. н. э., и только три памятника (Турпак-кала, Кош-кала № 1 и Ата-тюрк-кала) датируются более ранним периодом—I—III вв. н. э.

Для получения более полного представления об архитектуре обследованных памятников, а равно и о их строительном материале остановимся на некоторых наиболее характерных и лучше сохранившихся памятниках. Начнем с наиболее ранних, относимых к I—III вв. н. э.

Кош-кала № 1. Крепость находится в 8 км на север от большого аула Кабаклы Дейнауасского района. Расположена она в 40—50 м от дороги, с левой ее стороны, на краю естественной возвышенности. С трех сторон (северной, южной и западной) ее окружают песчаные холмы, заросшие мелким кустарником саксаула. С восточной же стороны идут колхозные хлопковые поля.

В плане крепость—прямоугольник со сторонами 70×116 м (внутренний обмер)—ориентирована сторонами по странам света (рис. 1).

Три стены (южная, западная и часть северной) сильно деформированы и имеют вид вала с чередующимися с внешней стороны буграми. Высота вала около 6 м, а толщина 7 м. С восточной стороны у крепости стены нет.

Стены крепости сложены из сырцового кирпича размером 40×40×11, 40×40×14 и 40×40×15 см, уложенного на глиняном растворе.

В северной стене, в северо-восточной ее части, сохранилась одна бойница ромбовидной формы. Высота бойницы по центру 65 см, а ширина 45 см. В этой же части стены имеется и полукруглая башня плохой сохранности. В западной стене намечается неширокий, в 3 м 50 см, вход.

Внутри крепости большой двор с ровной поверхностью, вся площадь двора усеяна многочисленными обломками керамики, преимущественно от больших красноглиняных хумов (корчаг). Среди этих обломков встречаются фрагменты и тонкостенных чаш и сосудов различных форм, хорошего обжига, покрытые красной айгобой. В результате сравнения археологического материала с известным нам материалом правого берега Аму-Дарьи данный памятник может быть датирован I—III вв. н. э.

Следующими памятниками, относящимися к этому же периоду, являются Турпак-кала и Ата-тюрк-кала. Остановимся на последней.

Ата-тюрк-кала находится в 15—16 км от современного аула Садывар, у подножья естественной возвышенности. Крепость, прямоугольная в плане, ориентирована сторонами по странам света (рис. 2). Стены сложены из сырцовых кирпичей размером 43×43×10, 43×43×11, 44×44×12 см, уложенных на глиняном растворе.

В юго-восточной стене, по низу, на протяжении 38 м сохранился ход, перекрытый полуциркульным сводом. Ширина хода 3 м. Юго-западная стена с 6 стрельча-

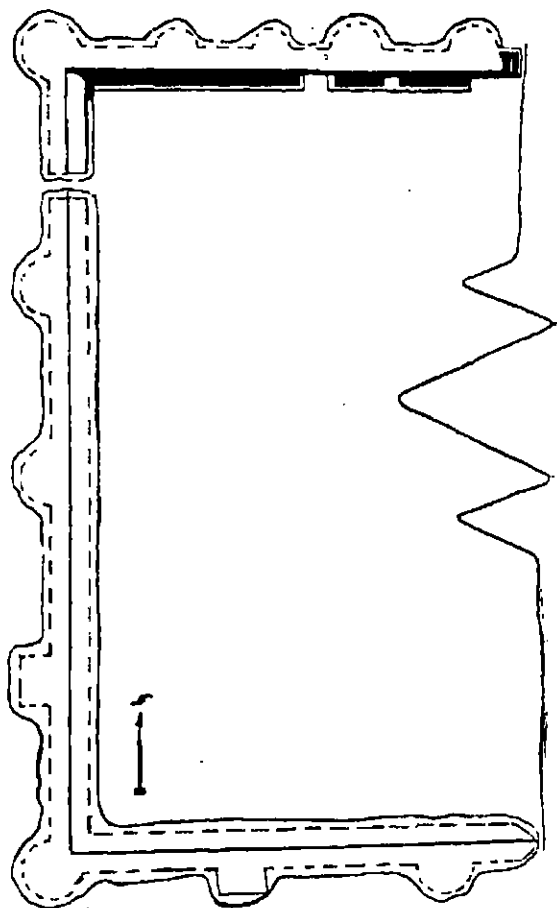


Рис 1. Кош-Кала № 1. Схематический план.

той формы бойницами сохранилась в длину на 17 м. По наружному обмеру высота бойницы по оси 80 см, а ширина 25 см, тогда как по внутреннему обмеру она имеет высоту 40 см. В этой же части стены имеется неширокий сводчатый проход наружу (рис.3).

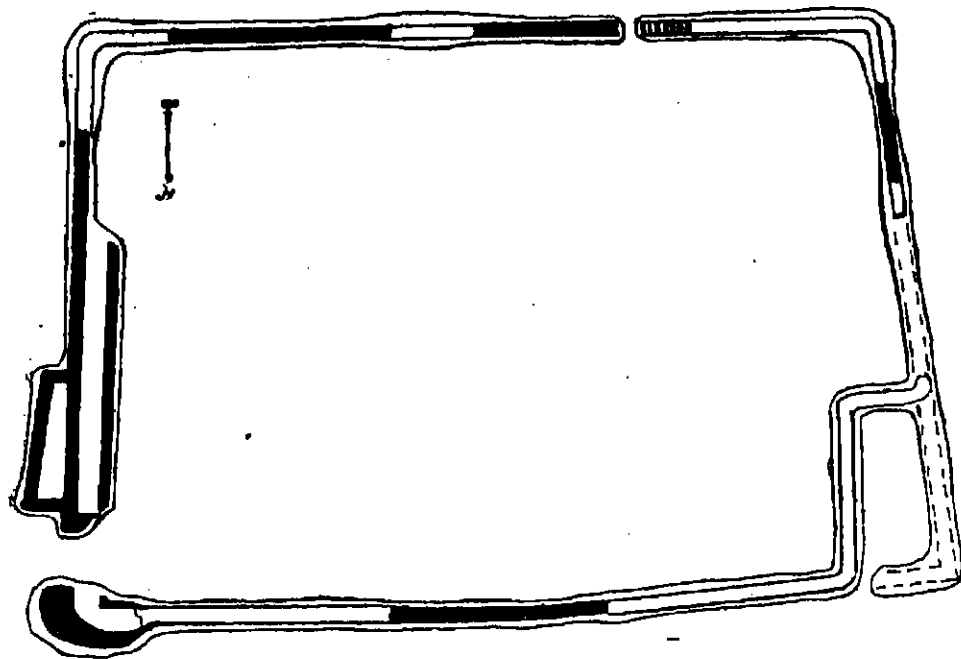


Рис. 2. Ата-Тюрк-кала. Схематический план.

Своды выложены из сырцовых кирпичей на ребро наклонными рядами; размер кирпича $43 \times 24 \times 8$, $43 \times 25 \times 10$ и $43 \times 24 \times 9$ см.

В кладке стен на кирпичах встречаются знаки в виде буквы «О» и отпечатков концов пальцев.

Центральные ворота находятся в юго-восточной стене с массивными прямоуголь-

ными башнями по бокам. Само предвратное сооружение сильно деформировано, и восстановить его почти невозможно.

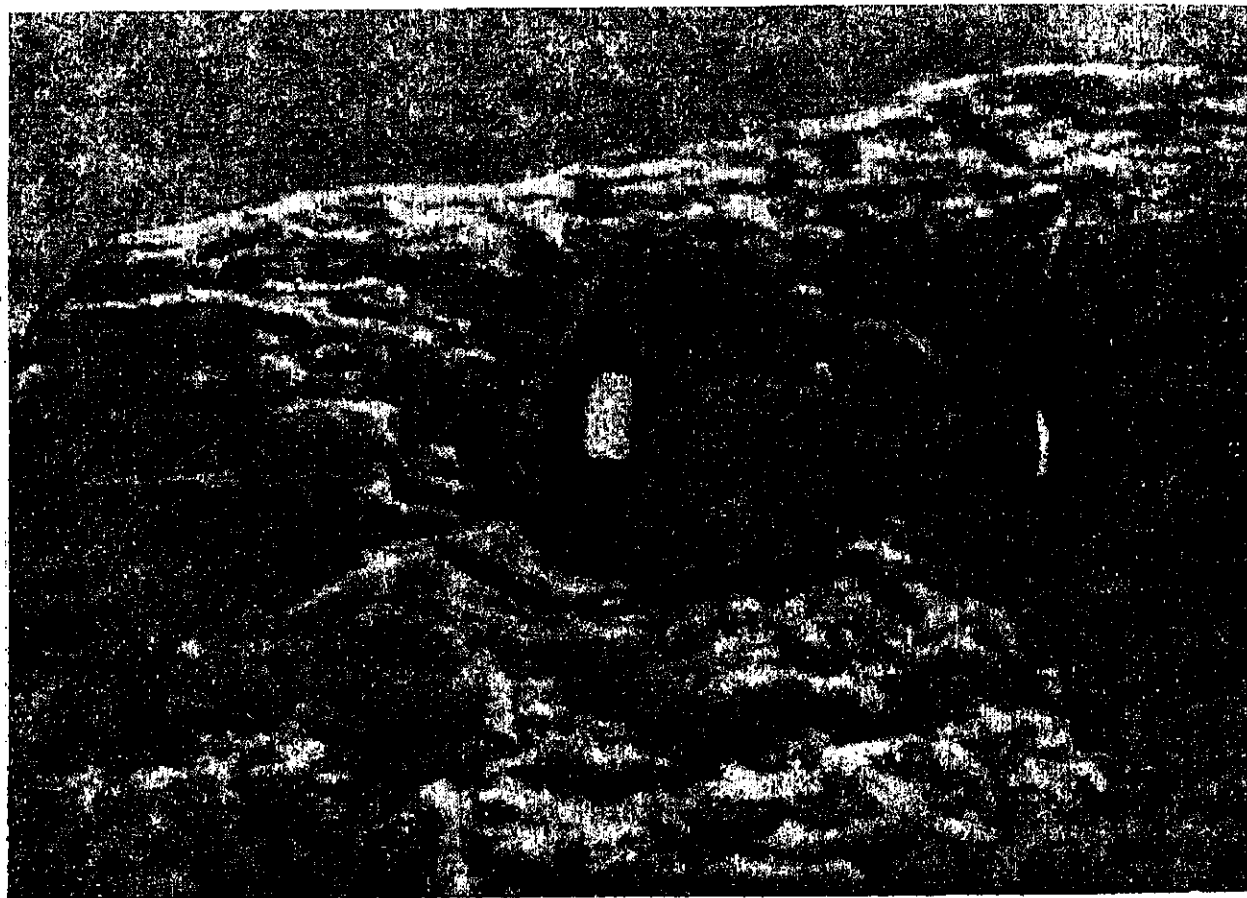


Рис. 3. Ата-Тюрк-кала. Часть юго-западной стены с бойницами.

Внутри крепости территория двора ровная и покрыта такыром. На обследованной территории как внутри крепости, так и вокруг нее керамики встречается очень мало. Из собранной особо выделяется неполированная красноглиняная керамика, покрытая красной ангобой. Она аналогична керамике крепости Кош-кала № 1.

Для памятников X—XIII вв. н. э. наиболее характерными являются развалины Дая-Хатын, Дарган и Чаш-кала.

Д а я - Х а т ы н. Данный памятник представляет большой караван-сарай с двумя дворами и надворными в них сооружениями, обнесенный мощной оборонительной стеной. Из всех обследованных памятников он имеет самую лучшую сохранность.

Расположен он в 167 км от города Чарджоу, на склоне естественной возвышенности, спускающейся к Аму-Дарье.

С восточной стороны по склону холма масса битого, жженого кирпича вперемешку с немногочисленными фрагментами керамики. В плане Дая-Хатын—прямоугольник и занимает общую площадь около 14 000 кв. м. Ориентирован сторонами по странам света (рис. 4).

Внешние стены по своей конструкции являются сложными. Наличие в них различного строительного материала указывает на то, что они перетерпели несколько восстановительных периодов, из которых каждый наложил свой отпечаток:

В основании стены сложены из сырцовых кирпичей, размером $35 \times 35 \times 10$ и $36 \times 37 \times 10$ см, уложенных на глиняном растворе. На высоте 1 м от современной поверхности толщина стен достигает 4 м, а чем выше, их толщина уменьшается, и на высоте 4,5—5 м она доходит до 1 м 20 см. С трех сторон стены имеют по три башни почти квадратной формы, а по углам—полукруглые. В стенах и у башен небольшие прямоугольные бойницы. В западной стене, в 40 см от средней башни, имеется заложенный сырцовым кирпичом узкий вход с полуциркулярной аркой. Ширина этого входа 1 м 70 см. О перестройке в позднее время свидетельствуют, во-первых, применяемый при восстановлении стен более мелких размеров сырцовый кирпич ($28 \times 28 \times 5$ см), во-вторых,—находимая в глиняной обмазке стен поливная керамика, датируемая XI—XII вв. н. э.

В самом центре внутри двора стоит большое здание. В плане это четырехугольник, занимающий общую площадь 3 136 кв. м. Стены здания внутри и снаружи облицованы жженым кирпичом размеров: $27 \times 27 \times 5$; $28 \times 28 \times 5,5$; $29 \times 29 \times 5$ и $29 \times 30 \times 5,5$. Здание фасадной стороной обращено на восток. Вдоль южной и северной стены, а равно и по углам здания имеется по одной полукруглой башне с купольным перекрытием внутри.

Обращает внимание художественно оформленная резным кирпичом и парной фигурной кладкой фасадная сторона здания. По фасаду, с правой и левой стороны входа, выведены довольно разнообразные рисунки с мельчайшими узорами.

Вход внутрь здания оформлен двумя большими пилонами, выступающими за линию стен на 3 м 20 см и вверху сведенными в стрельчатую арку. По бокам этих пилонов, несколько ближе к стене, стоят массивные полуколонны-башни.

В здании имеются 23 комнаты хорошей сохранности, с самостоятельными входами, располагающиеся вдоль стен. Задуманный план расположения комнат, по всей вероятности, имел в виду установить их полную независимость друг от друга. Величина комнат различна, различно и их перекрытие. В четырех комнатах имеется купольное

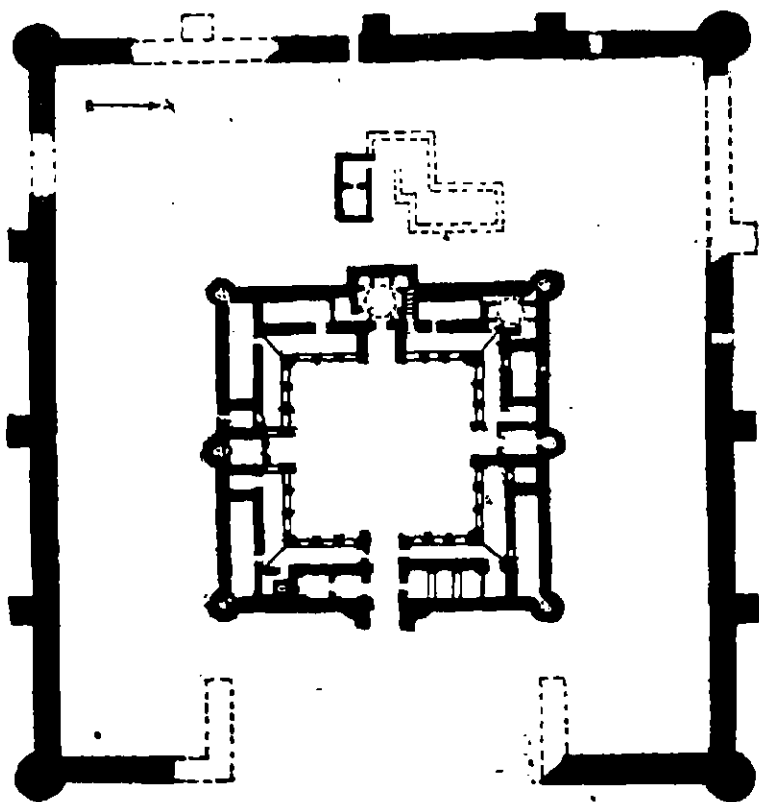


Рис. 4. Дая-Хатын. Схематический план.

перекрытие, а в остальных—сводчатые. Переход к куполу осуществляется через угловые тромпы, отделанные под сталактиты в три яруса из выпущенных углом кирпичей.

Все своды выведены наклонными рядами из жженого кирпича, уложенного на ребро.

Выходы из комнат идут в крытую галерею, которая со стороны двора оформлена стрельчатыми арками, а также богато орнаментирована резным кирпичом.

Комнаты освещались через посредство дверных и арочных проемов в галерее, а также и через имеющиеся в потолке отверстия прямоугольной и круглой формы. Прямоугольные отверстия имеют размеры 40×70 см, а круглые—диаметром 50 см.

Для просушки стен здания и крыши, а равно и для охлаждения комнат под потолком вдоль стен имеются большие отверстия высотой 75—80 см, а шириной 55—60 см (рис. 5).



Рис. 5. Дая-Хатын. Вид воздухопроницаемых отверстий в потолке вдоль стен.

На всей территории развалин Дая-Хатына было собрано незначительное количество фрагментов поливной и неполивной керамики. Поливная керамика имеет преимущественно светложелтый фон (с зеленоватым оттенком) с линейным под поливой орнаментом, а неполивная состоит из светлой, красной и черной керамики с лепным орнаментом.

Наличие в Дая-Хатыне различного строительного материала, а равно и разной строительной техники дает нам право высказать предположение о том, что внешние оборонительные стены по времени относятся к более раннему периоду и принадлежали они какому-то другому памятнику. Центральное же здание было выстроено гораздо позже. Это подтверждается его декоративно-орнаментальной отделкой, имеющей полную аналогию в мазаре Мухаммед Ханапья и частично в мавзолее Султан Санджара и в Талхатан Баба (см. «Альбом архитектурных памятников Туркмении», стр. 31, 39).

Таким образом, центральное здание Дая-Хатына можно датировать XII в., отнеся его сооружение к тому периоду, когда в Хорезме устанавливается более твердое единое государственное управление хорезмшахов.

К какому же памятнику и времени относятся внешние оборонительные стены Дая-Хатына?

Из девяти названий, упоминаемых средневековыми авторами (Амоль, Виза, Мардус, Асбас, Сайфин, Тахирия, Дарган, Джигирбенд и Садывар), последние три пункта сохранили свое прежнее наименование и вполне локализируются наличием одноименных развалин.

Если следовать от известных уже нам памятников вверх по Аму-Дарье, первым неизвестным по местоположению памятником являются развалины Тахирии.

В. В. Бартольд в своих трудах (см. «К истории орошения Туркестана», стр. 79 и «Туркестан в эпоху Монгольского нашествия», стр. 142) пытается отождествить развалины Тахирии с укреплением Кетменчи.

В 1930 г. А. А. Марущенко, на основе сведений, полученных им от Л. Н. Соколова, обследовавшего в 1929 г. Дая-Хатын и Кетменчи, в своей статье «Существенные

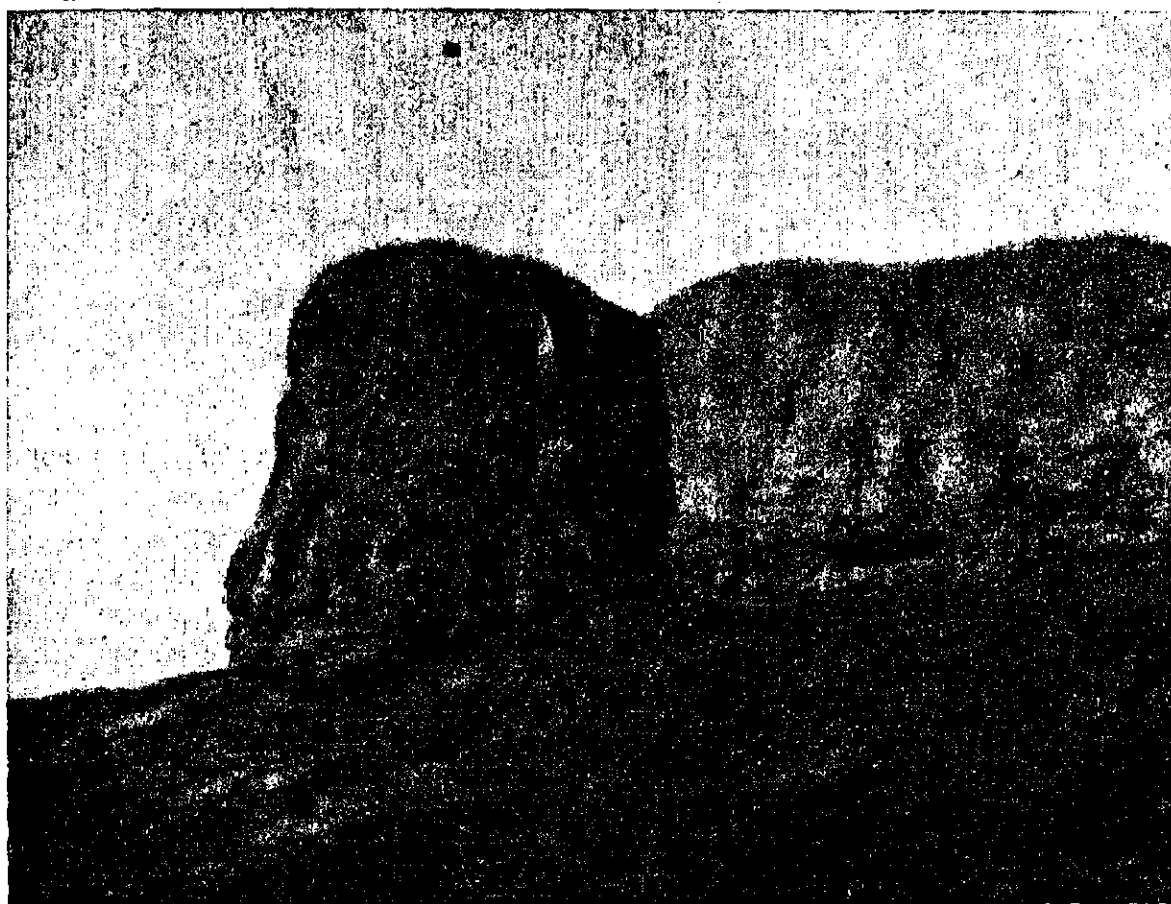


Рис. 6. Дарган. Часть юго-западной стены с угловой башней.

поправки» (см. журнал «Туркменоведение» № 12 за 1930 г., стр. 16) развалины Тахирии отождествляет уже с Дая-Хатыном.

Мы склонны поддерживать последнюю локализацию, так как обследованные нами развалины укрепления Кетменчи ничего похожего на город не дают. Эти развалины имеют вид небольшого сооружения, занимающего общую площадь 27×27 м, стены его сложены из больших глиняных блоков. Судя по собранной с развалин керамике, данный памятник по времени своего возникновения относится к более позднему периоду, чем Дая-Хатын.

Таким образом, мы можем констатировать, что внешние стены, окружающие Дая-Хатын, являются остатками оборонительных стен первого пограничного небольшого хорезмийского городка Тахирии и могут быть датированы концом IX или первой половины X в. н. э.

Вторым, но гораздо больших размеров, хорезмийским городом на Аму-Дарье, как нам известно по древним источникам, был город **Д а р г а н**.

Старый город Дарган находится в 3,5 км на юг от современного поселения городского типа Дарган-Ата. Расположен он на северо-восточных склонах естественной возвышенности и был окружен мощными стенами.

С западной стороны к городским стенам вплотную подходят пески, а с восточной—культурная земледельческая полоса и тугайные заросли.

Само городище сильно разрушено.

Сравнительно хорошо сохранились стены—восточные и южные. В некоторых местах они имеют высоту от 6 до 8 м, по стенам идут прямоугольные и полукруглые

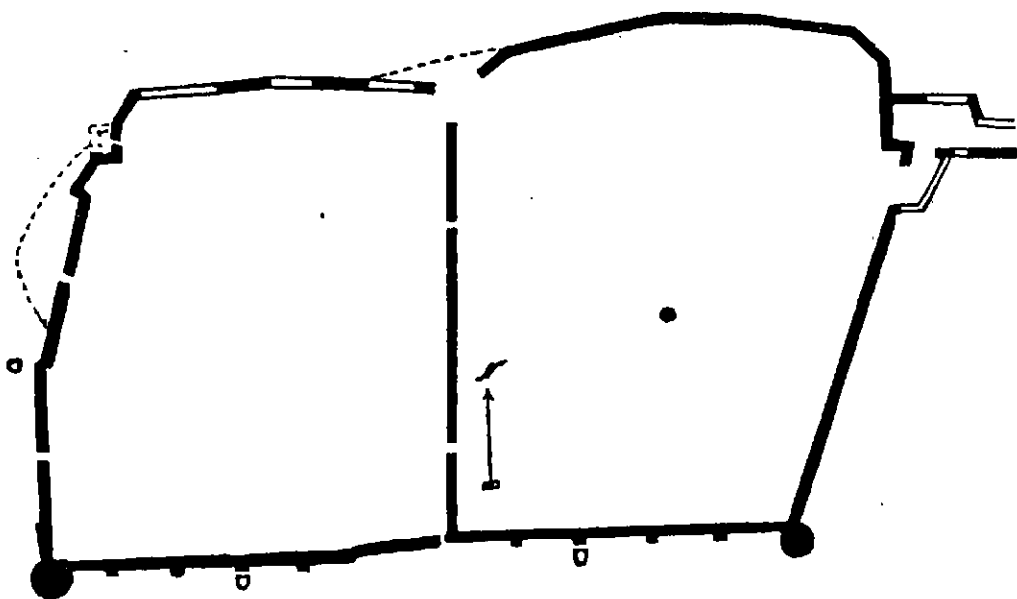


Рис. 7. Дарган. Схематический план.

башни, а по углам—восьмигранные. Кроме упомянутых башен, с трех сторон городища (восточной, южной и западной) имеются 4 полукруглые башни, вынесенные за стены на расстоянии от 2 до 4 м (рис. 6 и 7).

Ниже существующих стен по склону холма местами имеются следы вала, очевидно, более старой городской стены. Толщина стен различна, минимально они имеют 1 м 80 см (в северо-восточной части стены), а максимально—4 м 50 см (юго-западная стена).

Доступ внутрь города был через двое ворот: одни находились в восточной стене, а другие в северо-западной части стены. Ворота имели сложное устройство. Общая территория, занятая под город,—75 000 кв. м.

На всей территории города нет ни одного уцелевшего дома. Наличие большого количества бугров и возвышенностей различных форм и размеров говорит о некогда существовавших постройках.

Внутри город, с севера на юг, был разделен на две половины большой стеной, имеющей в длину 160 м при толщине 2 м 50 см. Обе половины города сообщались между собой через имевшиеся в этой стене два небольших прохода. В центре городища с обеих сторон поперечной стены вплотную примыкают две большие площади.

Наибольшая скученность холмов и возвышений отмечается в западной половине города. Здесь на поверхности попадает много гончарного и железного шлака, множество фрагментов поливной и неполивной керамики, встречаются, правда редко, и обломки жженого кирпича.

Совершенно по-другому выглядит восточная половина. В этой части города, несмотря на одинаковую с западной половиной площадь, имеются два больших расплыв-

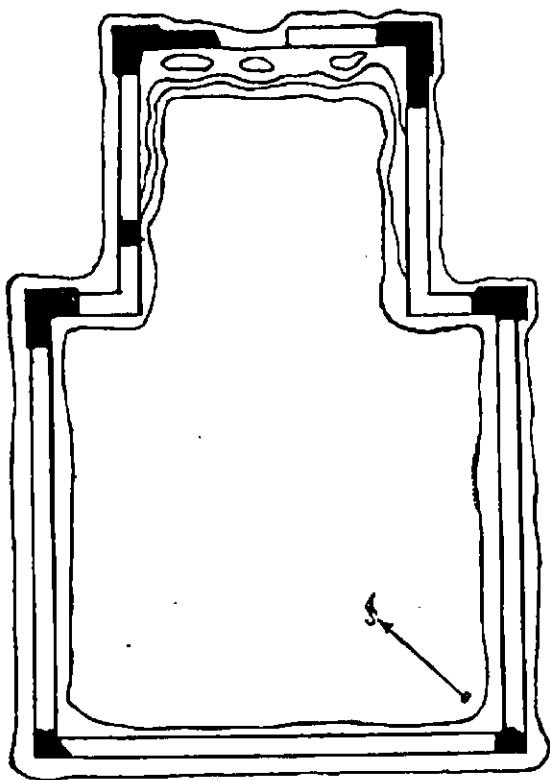


Рис. 8. Чаш-кала. Схематический план.

чатых бугра, сплошь покрытых обломками жженого кирпича, среди которых встречаются отдельные фрагменты плиток с голубой поливой. Среди этих обломков встречается большое количество поливной и неполивной керамики. В этой же половине города вдоль северо-восточной части стены идут неизвестного пока назначения пристройки.

Толщина культурного слоя не превышает двух метров.

Верхний слой городища Даргана датируется поливной керамикой XI—XIII вв. н.э.

Пользуясь письменными источниками средневековых авторов, а равно собранным археологическим материалом и личными наблюдениями, можно наметить следующую топографию города. В западной половине города располагались преимущественно ремесленные мастерские, дома крестьян и прочие постройки, принадлежавшие бедной части населения, тогда как в восточной половине находились дома феодальной знати, их охраны и торговцев. В этой же части города была, вероятно, и соборная мечеть, о которой мы находим упоминания у автора X в. — Макдиси.

Следующий памятник, на котором мы считаем необходимым остановиться, — Чаш-кала (в переводе «развалившаяся крепость»).

Чаш-кала находится в 2,5—3 км от современного населенного пункта Садывара. В окрестностях развалин хорошо видны следы некогда возделывавшейся почвы, ныне заросшей бурьяном. С юго-западной стороны развалин местность покрыта густой сетью арыков, по некоторым из них и сейчас проходит вода.

Памятник — плохой сохранности, стены его уцелели лишь в угловых частях. В плане напоминает букву «Т». Стены выложены из массивных глиняных блоков кубической формы со сторонами 95 см и 1 м (рис. 8). Особый интерес в Чаш-Кале вызывает фасадная сторона внешней стены, где в уцелевшей ее части хорошо сохранилась гофрировка вверху, отделенная перспективными стрельчатыми аромками (рис. 9).

Внутри двора, в северной части, вдоль стены имеется большой бугор, указывающий, что вдоль этой стены располагались комнаты. В промоинах бугра на глубине 1 м 30 см виден слой от пожарища. В остальной части двор имеет ровную поверхность, покрытую такыром.

На территории двора, а также и в окрестностях отмечается незначительное количество керамики, состоящей преимущественно из неполивной красноглиняной посуды.

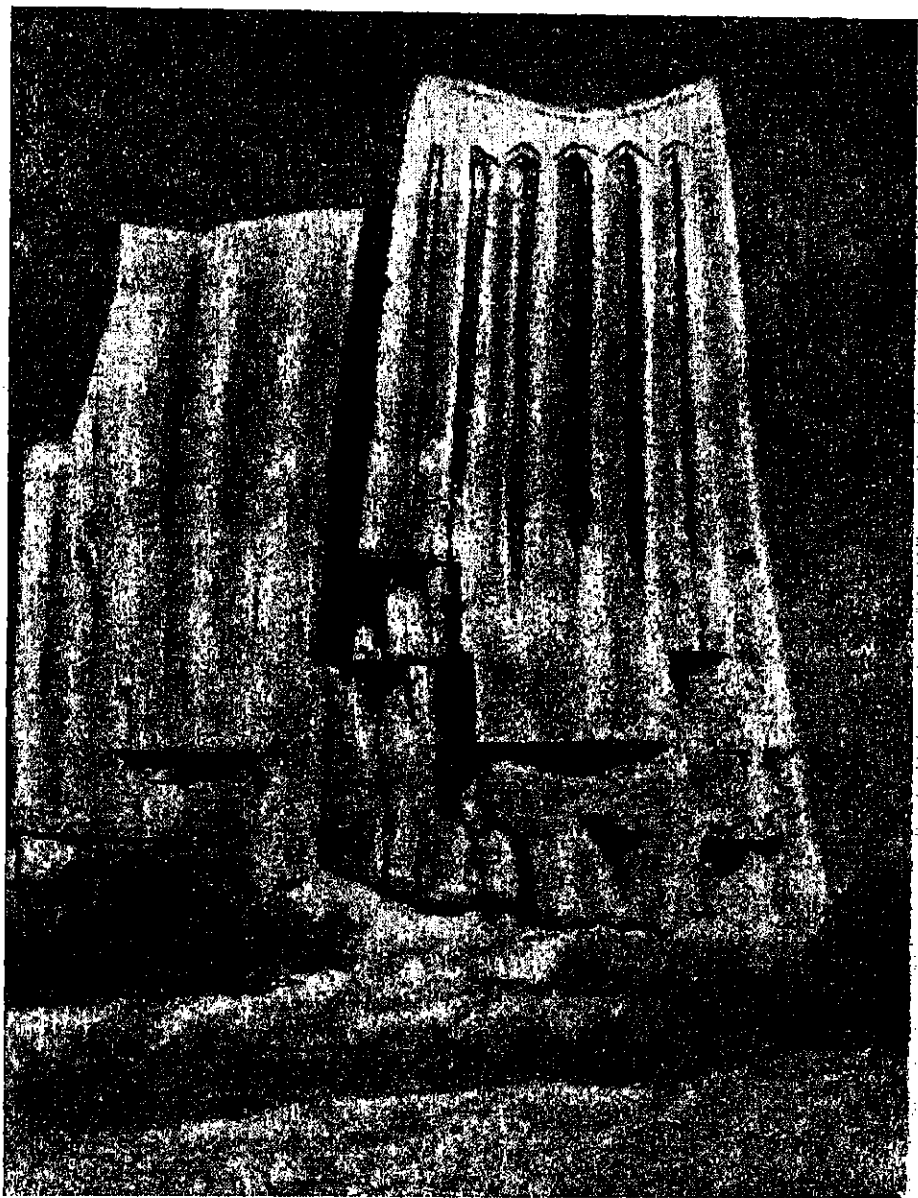


Рис. 9. Чаш-кала. Часть стены с уцелевшей гофрировкой.

На поверхности в юго-западном углу около стены] была найдена одна медная монета.

Остальные памятники в большинстве своем имеют вид небольших укрепленных пунктов, стены которых выложены из глиняных блоков без какой-либо архитектурной отделки и особого интереса не представляют.

С. Ершов

К истории древнего Хорезма

Труды одного из величайших ученых средневековья—математика, астронома, естествоиспытателя, географа и историка Абу-р-Рейхана Мухаммеда ибн Ахмеда ал-Бируни (974—1048)¹ содержат много сведений по древней истории Средней Азии и тех стран, которые с ней так или иначе соприкасались. Почти все, что мы знаем о судьбах его родной страны, Хорезма, мы знаем из его «Хронологии», сочинения, написанного им в молодости, около 1000 г. н. э. Только в последние годы археологические работы А. И. Тереножкина, С. П. Толстова и др. прибавили много новых данных по истории Хорезма, которые опубликованы пока только в незначительной части. Археологические данные нуждаются, однако, в освещении их письменными источниками, которые, в свою очередь, при сравнении их с результатами раскопок часто звучат совсем по-новому. Только при помощи «Хронологии» ал-Бируни могла быть сделана попытка прочтения хорезмийских монет².

«Хронология»—не единственное сочинение ал-Бируни, содержащее сведения по истории Хорезма. Такие же сведения в большем или меньшем количестве имеются во всех известных нам трудах ал-Бируни. К сожалению, до нас дошла только часть написанного им, не дошло, в частности, специальное сочинение по истории Хорезма—«Известия о Хорезме»; не все сохранившиеся сочинения изданы³. Одному отрывку, важному для истории Хорезма и до сих пор не опубликованному (существует только его краткое немецкое изложение)⁴, посвящена настоящая заметка.

Рукопись библиотеки «Султан Фатих» в Стамбуле № 3386 содержит единственный сохранившийся экземпляр сочинения ал-Бируни «Тахйид нихайят ал-амāкин фи тасхях масафāt ал-масāкин» «Определение крайних положений местностей для проверки расстояний поселений»⁵. По счастливой случайности мы имеем в этой рукописи автограф ал-Бируни: рукопись закончена им самим в Газне за семь дней до конца месяца раджаба 416 г. х., т. е. 20 сентября 1025 г. Сочинение до сих пор не издано, хотя с тех пор как рукопись его впервые описана в печати, прошло уже 27 лет. В 1926 г., во время поездки в Турцию, покойный академик В. В. Бартольд сделал из него выписки, которыми я и воспользовался для настоящего сообщения. В докладе о своей поездке осенью того же года он кратко изложил содержание сочинения ал-Бируни и остановился на значении публикуемого ниже отрывка⁶.

¹ Правильнее было бы писать ал-Беруни, но я сохраняю обычную в научной литературе форму.

² С. П. Толстов, Монеты шахов древнего Хорезма и древнехорезмийский алфавит, ВДИ, 1938, № 4(5), стр. 120—145. Чтения С. П. Толстова вызывают много сомнений, и было бы желательно, чтобы о них высказались специалисты по среднеиранским языкам и алфавитам арамейского происхождения.

³ Только недавно опубликована Кренковым «Минералогия» ал-Бируни: Китаб ал-Джумахир фи марифат ал-джавахир. Хайдерабад, 1356. Это сочинение—один из последних трудов ал-Бируни—содержит много интересных исторических данных; для истории Хорезма оно, однако, дает немного и исключительно для X—XI вв.

⁴ ZDMG, V. 90, стр. 28; ср. также V. Minorsky, Hudud-al-Alam, стр. 481.

⁵ См. O. Rescher, «Le Monde Orientale», VII, 1913, стр. 127; H. Ritter, «Der Islam», XIX, 1933, стр. 54; F. Krenkow, «Islamic Culture», VI, 1932, стр. 512—534; «Revue de l'Académie Arabe», XIII, 1935, стр. 283—284; Ahmet Zeki Validi, «Geographische Zeitung», 40, 1934, № 10, стр. 369 сл.; посвященные ал-Бируни работы того же автора, повидимому, до сих пор не вышли в свет, хотя ссылки на них появлялись еще в 1930—1934 гг.

⁶ Архив АН СССР, фонд 68, опись 1, № 221, ср. № 223.

Сочинение ал-Бируни посвящено методам определения координат географических пунктов по их расстояниям друг от друга и, наоборот, расстояний между географическими пунктами по их координатам. Как указал уже Шпренгер¹, таблица широт и долгот ал-Бируни в другом, также еще не изданном, сочинении — «ал-Канун ал-Мас'уди» — является первой у мусульманских авторов таблицей, позволяющей построить соответствующую действительности карту. В самом деле, из настоящего сочинения видно, что ал-Бируни сам производил в нескольких местах инструментальные определения широт и долгот, для ряда же других местностей разработанный им метод позволил получить очень близкие к действительности результаты. На листе 13 и следующих рукописи находится длинный экскурс, посвященный доказательству того, что поверхность земли не остается неизменной. Приведя несколько примеров, ал-Бируни говорит:

و على مثله ينتقل البحر الى البر و البر الى البحر في ازمة ان كانت قبل كون الناس في العالم فغير معلومة و ان كانت بعده فغير محفوظة لان الاخبار تنقطع اذا طال عليها الامد وخاصة في الاشياء الكائنة جزوا بعد جزو و بحيث لا يظن لها الا الخواص فهذه بادية العرب و قد كانت بحرا فانكس حتى ان اثار ذلك ظاهرة عند حفر اليازر و الحياض بها ... و نحن نجد مثل هذه الحجرة التي يتوسطها اذان السمك في المفازة الرملية التي بين جرجان و خوارزم فقد كانت كالبخيرة فيما مضى لان مجرى جيحون اعنى نهر بلخ كان عليها الى بحر الخزر على بلد معروف ببلخان وهكذا يذكر بطليموس مضيه في كتاب جاورغرافيا انه الى بحر ارقانيا اي جرجان و بيننا الان و بين بطليموس قريب من ثمان مائة سنة و قد كان جيحون حينئذ يخترق هذا الموضع التي هي الان مفازة من موضع هو بين زم و بين آمويه فيعمر البلاد و القرى التي بها الى لدن بلخان و ينصب الى البحر بين جرجان و الخزر فاتفق له من الانسداد ما مال له ماوه الى نواحي ارض الغزية و اعترض له جبل يعرف الان بقسم الاسد و عند اهل خوارزم بسكر الشيطان فاجتمع و طما بحيث اثار تلاطم الامواج باقية على علاوته فلما جاوز حد الثقل و الاعتماد على تلك الاحجار المتخلخلة خرقها و اخترقها قريبا من مرحلة ثم مال يمينه نحو قاراب على مجرى يعرف الان بالفحمي فعمر الناس على شطيه اكثر من ثلثمائة مدينة و قرية باقية الاطلال حتى الان و عرض لذلك المجرى بعد بدهه ما عرض الاول فانسد و مال الماء ذات اليسار حتى الى ارض البجناكية في مجرى يعرف بسوادي مزدبست في المفازة التي بين خوارزم و جرجان فعمر بقاعا كثيره زمنا مديدا و خرب¹ ايضا فانتقل سكانها الى ساحل بحر الخزر و هم جنس اللان و الاس و لغتهم الان متركة من الخوارزمية و البجناكية ثم جرى الماء كله نحو خوارزم بعد ان كانت صباباته² تسيل اليها و تنصفي من خلال موضع منسد بالصخور هو الان في اوائل سهل خوارزم و خرقها و غرق البقعة و صيرها بحيرة من لدن هناك و لكثرة المياه و شدة جريها تكدر بما يحمل من الطين فكان يرسب عند الانبساط ما معه من التراب و يغلط الارض من عند المصب اولا فاولا و يظهر يبسا و تبعد البحيرة الى ان ظهرت خوارزم باسرها و بلغت البحيرة في التباعد الى جبل معترض امامها لم يمكنها ان يزاحمه فانحرفت نحو الشمال الى الارض التي ينزلها التركمانية الان و بين هذه البحيرة و التي كانت لسوادي مزدبست مسافة غير بعيدة و قد صارت تلك سبخة و خلة لا تحاض و تعرف بالتركية بخيز تنقزی اي بحر العذرا

«И подобно этому временами море перемещается (на место) суши, а суша (на место) моря. Если это время было до появления людей в мире², то оно неизвестно, а если после

¹ В выписках В. В. Бартольда حرب

² В выписках سيايات

¹ A. Sprenger, Die Post- und Reiserouten des Orients, Leipzig, 1864, стр. XXIV.

² Ал-Бируни, таким образом, не признавал библейского мифа о создании мира в шесть дней!

этого, то не осталось в памяти, потому что известия исчезают, когда над ними проходит долгое время, особенно (известия) о вещах, становящихся постепенно, так что знают об этом только избранные. Такова Аравийская пустыня, она была морем, а (теперь) засыпав так, что следы этого обнаруживаются при рытье колодцев и прудов...¹ И мы находим подобные этим камням, внутри которых плавники рыб, в песчаной пустыне, которая между Джурджаном и Хорезмом. Она была когда-то как бы озером, потому что течение Джейхуна—я подразумеваю реку Балха—было через нее в Хазарское море, мимо города, называющегося Балхан. И так говорит о его течении Птолемей в книге «География», что оно (течение) в море Иркания (Гиркания), то-есть Джурджанское, а между нами и Птолемеем около 800 лет. Джейхун тогда пересекал ту местность, которая теперь является пустыней, от места между Земмом (Керки) и Амуей (Чарджу), орошал города и селения, которые были там вплоть до Балхана, и впадал в море между Джурджаном и Хазаром. Возникли препятствия, из-за которых его вода уклонилась к краям страны гузов. Ему встретила гора, известная теперь под названием Фам ал-асад («Пасть льва») и у жителей Хорезма под названием Сикр аш-шайтан («Плотина шайтана»). Она (вода) собралась и вышла из берегов, так что следы ударов волн сохранились на высотах ее (горы). Когда она (вода) перешла границу тяжести и напора на эти расшатанные камни, то пробила их и прошла через них приблизительно на день пути. Затем она повернула направо по направлению к Фарабу по руслу, известному теперь под именем ал-Фахми², и люди построили на берегах ее более 300 городов и селений, от которых сохранились развалины до сих пор. И встретилось этому руслу, после его начала, то же, что встретилось первому; оно запрудилось, и вода повернула налево, вплоть до земли печенегов, по руслу, известному теперь под названием реки Маздубаст, в пустыне, которая между Хорезмом и Джурджаном. Она затопила много местностей на долгое время³ и разрушила (их) также; жители их переселились на побережье Хазарского моря. Это род аланов и асов, и язык их теперь смешанный из хорезмийского и печенежского. Потом вся вода потекла по направлению к Хорезму, после того как туда текли ее остатки, и просочилась сквозь промежутки места, прегражденного скалами, которое теперь в начале равнины Хорезма. Она пробила их (скалы), затопила местность и сделала ее озером, начиная отсюда. Из-за обилия вод и силы их течения он (Джейхун) был мутным от грязи, которую он нес. При расширении (русла) он осаживал землю, которая была в нем; земля постепенно затвердевала от места впадения и делалась сухой, а озеро удалялось, пока не появился весь Хорезм. Озеро, удаляясь, дошло до гор, шедших перед ним поперек; с ними оно не могло бороться и уклонилось по направлению к северу до земли, в которой теперь живут туркмены. Между этим озером и тем, которое было у реки Маздубаст,—небольшое расстояние, а то (озеро) стало соленым и грязным, по которому нельзя плыть; оно называется по-тюркски Хыз Тенкизи, то-есть «Море девственницы».

Приведенный текст замечателен во многих отношениях. Прежде всего это показатель удивительной глубины и смелости мысли хорезмийского ученого XI в., доходящего здесь до геологических проблем. Геологам и географам надлежит судить о правильности взглядов ал-Бируни на историю Туркменской низменности. Во всяком случае ал-Бируни—первый в длинном ряду ученых, занимавшихся в течение почти тысячи лет аму-дарьинским вопросом⁴.

Рассказ ал-Бируни в целом—рационалистическая гипотеза для объяснения существования русел, которые он сам наблюдал. Во всяком случае за 800 лет, которые, по ал-Бируни, отделяют его от Птолемея (в действительности около 900), такие изменения произойти не могли. Но и местные предания были хорошо известны ал-Бируни, его рассказ учитывает их.

¹ Следуют другие примеры.

² Чтение названия сомнительно.

³ По указанию акад. И. Ю. Крачковского читаю здесь вместо «аммара»—«гамара».

⁴ Последние среди них, повидимому, Тарн и Юнге: W. W. Tarn, *The Greeks in Bactria and India*. Cambridge, 1938, стр. 491—493; J. Junge, *Saka Studien*, «Klio», Beiheft 41, 1939.

Итак, по представлению ал-Бируни, Аму-Дарья первоначально текла на запад от своего теперешнего русла; вероятно, он имеет в виду Унгуз. Впадение ее в Каспийское море было у Балхана, «между Джурджаном (Гюргеном) и Хазаром». Упоминание Балхана указывает на знакомство ал-Бируни с легендой, приведенной ал-Макдиси¹. В другом своем сочинении — «ал-Канун ал-Мас'уди» — он говорит: «Балхан. Он лежит в развалинах, так как прекратилось течение Джейхуна в море Ирканское, то-есть в море Джурджана»². Какая преграда заставила Аму-Дарью повернуть на восток — ал-Бируни ясно не говорит. Во всяком случае после этого Аму-Дарья течет уже по средней части своего современного русла, так как арабское название «Фам ал-асад» («Пасть льва») совершенно точно передает сохранившееся до сих пор персидское название Дахан-и-шир (Данишер)³, теперь развалины на левом берегу реки у теснины Дульдуй-атлаган. Название «Плотина шайтана», насколько известно, нигде не упоминается. Прорыв здесь скалистую преграду, река текла по своему современному руслу еще один день пути, т. е. около 40 километров, и поворачивала на запад по направлению к Фарабу (Отрару у впадения Арыса в Сыр-Дарью); название русла не поддается чтению⁴. Русло, очевидно, уходило в пустыню не особенно далеко — вероятно, до ближайших возвышенностей. Не связана ли с судьбой этого русла судьба так наз. земель древнего орошения Кара-Калпакской АССР? Из слов ал-Бируни можно заключить, что бесчисленные развалины, до сих пор поражающие путешественников, были развалинами уже задолго до него. Мнение обследовавшего эти развалины С. П. Толстова⁵ о том, что запустение этого района связано с общим упадком земледельческого хозяйства Хорезма, упадком, начавшимся в IV в. и прогрессирующим до XVIII, вряд ли может быть принято. Социальные причины могли, конечно, вызвать временный упадок хозяйства, но нет никаких оснований считать, что общая площадь орошаемых земель в Хорезме X в., описанном арабскими географами, или в Хорезме перед монгольским завоеванием была меньше, чем в Хорезме IV—V вв.⁶ Удивительная последовательность и прямолинейность упадка Хорезма в схеме С. П. Толстова, по которому сначала запустели крайние точки оазиса, затем менее отдаленные от реки и т. д., представляется совершенно невероятной: все, что мы знаем об истории орошения Средней Азии, говорит, что упадок системы орошения или происходит сразу — весь канал выходит из строя, или происходит волнообразно: в низовьях канала или реки жизнь то исчезает, то появляется вновь; последовательное в течение сотен лет «усыхание» канала, начиная с низовьев, вещь очень мало вероятная. Слова ал-Бируни подкрепляют предположение, являвшееся, вероятно, у каждого читателя статьи С. П. Толстова: странный характер развалин правобережного Хорезма, однослойность большинства их и удивительная сохранность могут объясняться только изменением направления течения Аму-Дарьи или ее рукавов. С этой точки зрения следует проверить на месте направление каналов.

Встретив на своем пути на восток преграду, река, по ал-Бируни, повернула налево, к Узбою и Сарыкамышу; о впадении в Каспийское море не говорится. Здесь мы впервые узнаем средневековые названия Сарыкамыша и рукава Аму-Дарьи, направлявшегося к нему, — Хыз-Тенгизи⁷ и Маздубаст. Район между Аральским и Каспийским морем

¹ BGA, III, стр. 285—286. Ср. В. В. Бартольд, Сведения об Аральском море и верховьях Аму-Дарьи с древнейших времен до XVII в. Ташкент, 1902, стр. 90; МИТТ, т. I, Л., 1939, стр. 185—186. Этот рассказ находится только во второй, более поздней редакции сочинения ал-Макдиси.

² A. Sprenger, Die Post- und Reiserouten, Karte III.

³ Название известно в источниках, начиная с XIV в. (Хамдаллах Хазвини); более ранние упоминают просто «теснину».

⁴ В своем докладе В. В. Бартольд высказал предположение, что это русло тождественно с упоминаемым географами X в. каналом Гавхоре, начинавшимся на правом берегу Аму-Дарьи в одном переходе ниже теснины. Однако Гавхоре, повидимому, существовал и в XI в. (ср. МИТТ, т. I, стр. 305 и 348), и ал-Бируни вряд ли мог смешать с ним сухое русло.

⁵ ВДИ, 1939, № 3(8), стр. 174, ср. стр. 199.

⁶ Результаты работ 1939 и 1940 гг. уже заставили С. П. Толстова, как видно из его последних докладов и статьи в газете «Известия» за 10 октября 1940 г., внести некоторые поправки в свои заключения.

⁷ Тюркское «қ», как правило, в арабских текстах передается буквой «х».

именуется здесь у ал-Бируни страной печенегов, а район к востоку от Аму-Дарьи — страной гузов; в действительности печенеги ушли из этого района еще в IX в.; очевидно, слова ал-Бируни, очень хорошо представлявшего себе реальное положение вещей, относятся не к его времени, а к древности. Мнение о тесной связи аланов с Хорезмом в литературе уже высказывалось. Теперь мы находим подтверждение этому в легенде, записанной уроженцем Хорезма еще в начале XI в. Хотя манера изложения ал-Бируни и позволяет предположить, что здесь мы имеем не легенду, а рационалистическое объяснение факта сходства языка аланов-асов с языком хорезмийцев¹, но вероятнее, что подобные легенды в Хорезме существовали, так же как сохранилась память о более близком по времени соседстве печенегов с Хорезмом.

Только после всех этих блужданий Аму-Дарья, по ал-Бируни, наконец начинает течь в Аральское море и своими наносами создает основную, равнинную, часть Хорезма. Здесь логическая последовательность изложения заставляет ал-Бируни забыть его собственные слова в «Хронологий» о древности хорезмийской культуры (начало ее он относит к 1292 г. до н. э.), но самая мысль, конечно, чрезвычайно интересна.

Не совсем ясны слова ал-Бируни о передвижении Аральского моря к северу «до земли, в которой теперь живут туркмены». Неясно, какие горы вызвали такое перемещение — повидимому, речь идет об уступе Усть-урта. «Земля, в которой теперь живут туркмены», по положению должна быть около устья Сыр-Дарьи. Однако в других своих сочинениях ал-Бируни помещает туркменов выше по течению этой реки в районе Саурана и Сюткенда, там же, где их помещает ал-Макдиси. Ал-Бируни — второй по времени автор, знающий название туркменов. В «Хронологии» упоминаются еще только гузы, в публикуемом тексте и в последующих сочинениях ал-Бируни — туркмены, причем в «Минералогии» они упоминаются в рассказах о времени, когда ал-Бируни еще находился в Хорезме, т. е. до 1017 г. В «Минералогии» находится самая ранняя попытка объяснения названия «туркмен». Любопытно, что и для ал-Макдиси и для ал-Бируни, как и для писавшего на несколько десятилетий позже Махмуда Кашгарского, страной туркменов является бассейн Сыр-Дарьи, а не территория современной Туркмении. Повидимому, основная масса туркменов еще оставалась тогда на старой территории.

С. Волин

К проблеме домашнего рабства в древнем Египте

В текстах Нового Царства, особенно в царских анналах и надписях, описывающих царские дарения храмам, довольно часто говорится о военнопленных, но из этих документов можно извлечь очень мало сведений о том, как эти пленные использовались. Значительно больше для выяснения характера использования военнопленных дают различного рода хозяйственные и деловые надписи и тексты. Но и они дают лишь отрывочные данные.

Тем большую ценность представляет надпись на недавно обнаруженной статуэтке², датируемой временем Тутмоса III, которая дает нам счастливую возможность судить о судьбе одного военнопленного, ставшего собственностью частного лица. Вот перевод этой надписи:

«Год 27 при величестве царя Верхнего и Нижнего Египтов Тутмосе III, одаренном жизнью и постоянством, подобно Ра, навеки.

Сабастет, царский брадобрей, появился перед *ihms n k³p³* царского дворца, говоря: «Принадлежащий мне исчисленный раб (*hm hsb*)⁴, по имени Аменуа, которого я захватил собственной рукой, когда я сопровождал царя... Баст, владычицы Буба-

¹ Ср. А. А. Фрейман, «Записки Института Востоковедения», т. 7, стр. 313.

² J. de Linage, L'acte d'établissement et le contrat de mariage d'un esclave sous Thoutmès III, BYFAO, т. 38, стр. 217 сл.

³ Это, повидимому, бюро, которое регистрировало подобные акты.

⁴ Судя по термину *hsb*, это раб, внесенный в кадастровую опись имущества своего владельца.

стиса, на место отца моего брадобрея Небсахену. Его не будут бить, [его] не будут задерживать] на какую-либо службу царя¹. Даю я ему в жены Такамент, дочь моей сестры Небета, и я раз[делю]² ее наравне с [моей] женой и сестрой. И выйдет он без бедности. Если он сделает...Если он сделает подсчет службы [hšb wpw. t] моей сестры, не будет ему дурного от какого-либо человека, вовеки».

Сделан документ этот [царским писцом Не]су перед:

стражником Аменемхебом
царским писцом Яхмесом
писцом царского rwd Беки
царским писцом Аменмесом
начальником 'rj.t. Амонпа...»

Таков этот коротенький и пока уникальный текст, который касается характера использования военнопленных³.

Сабастет, выполняя, вероятно, свои профессиональные обязанности брадобрея, сопровождал войска фараона Тутмоса III. Во время похода он собственноручно захватил пленного, в силу чего этот последний стал его собственностью⁴. Вернувшись на родину, Сабастет присвоил своему рабу чисто египетское имя Аменуа⁵ и, обучив своему мастерству⁶, использовал, надо думать, в своей циркульне. Спустя некоторое время Сабастет даровал своему рабу свободу, отдал ему в жены племянницу (дочь сестры) и передал свою наследственную должность брадобрея храма Баст. Помимо того, Сабастет завещает этой своей племяннице часть имущества, равную той, которая перейдет его жене и сестре.

К сожалению, текст не раскрывает нам причин, которыми руководствовался Сабастет, даруя свободу Аменуа, и о них мы можем только догадываться. С большой долей вероятности можно предложить следующее объяснение. У Сабастета, судя по завещанию, не было детей. Желая обеспечить своих близких родственников после своей смерти и закрепить за семьей наследственную должность, Сабастет дал вольную Аменуа и ввел его в состав своей семьи, женив на племяннице.

Однако, независимо от того, правильно ли предлагаемое объяснение поступка Сабастета, из текста совершенно явственно следует, что раб не только получил вольную, но и стал членом семьи своего бывшего хозяина, притом совершенно свободным ее членом, ибо заявление Сабастета оговаривает право Аменуа оставить свою тещу.

Разумеется, делать из этого единичного текста широкие обобщения нельзя. Но он интересен тем, что иллюстрирует древнеегипетским материалом замечание Ф. Энгельса

¹ Издатель текста переводит это место: «при каких-либо вратах царя», что мне кажется неправильным.

² Т. е. оставляю ей, по завещанию. часть, равную той, которая перейдет жене и сестре.

³ Текст сообщает ряд любопытных деталей правового порядка, которых я в данной статье не касаюсь. Чрезвычайно интересно также то обстоятельство, что на правом предплечье статуэтки выгравирован картуш с именем фараона Тутмоса III. Исходя из того, что на рельефе, где изображено клеймение военнопленных (H. Nelson, U. Hölscher, Medinet-Habu, 1924—1928. «Oriental Institute Communications», № 5, стр. 34, рис. 25), видно, что клеймо налагалось именно на правом плече, можно предположить, что оно изображало картуш царствовавшего фараона. Проверка с этой точки зрения биографий тех лиц, на изображении которых имеется картуш на плече, могла бы представить исключительный интерес.

⁴ Человек, захваченный в плен на поле битвы, повидимому, как правило, становился собственностью захватившего его воина. См., например, надпись Яхмоса Sethe, Urk. d. XVIII dyn. 2, 1—13; надпись Аменемхеба, ibid., 890, 14—15; папирус Брит. Музея 10052, 10, 11—20 (P e e t, The great Tomb robberies of the Twentieth egyptian dynasty)-и др.

⁵ Присвоение чужеземцам чисто египетского имени—явление весьма распространенное. См., например, материал, собранный по этому поводу в статье G. P o s e n e r, Une liste de noms propres étrangers sur deux ostraca hiératiques du Nouvel Empire. «Syria», т. XVIII, стр. 183 сл.

⁶ Трудно предположить, чтобы захваченный военнопленный был собратом по профессии Сабастета.

о том, что на Востоке рабство «не образует прямым образом основы производства, а является косвенным образом составной частью семьи, переходя в нее незаметным образом (рабыни гарема)»¹.

И. Лурье

Неопубликованные археологические памятники Керченского Историко-археологического музея им. А. С. Пушкина

Последняя публикация боспорских надписей была произведена Керченским Историко-археологическим музеем в 1935 г. при содействии ГАИМКа в сборнике «Из историн Боспора».

К 1940 г., благодаря раскопкам Боспорской экспедиции в Тиритаке, Мирмекии, на горе Митридате, Юз-Обе и случайным находкам, накопилось до 30 новых археологических памятников из гор. Керчи, ее окрестностей, а также из Тамани.

К этим новейшим находкам необходимо присоединить еще материалы по эпиграфике с 1930 г. С опубликованием нового материала, можно сказать, все эпиграфические памятники, хранящиеся в Керченском музее, будут изданы.

Все эти многочисленные новые памятники вносят в историю Боспорского царства целый ряд новых данных, новых штрихов.

Работа над этими памятниками закончена мною недавно—в 1939 и 1940 гг. Несомненно, что памятники эти представляют огромный интерес с точки зрения историка крупнейшей античной колонии Крыма.

Надписи и скульптурные памятники касаются разных пунктов обширного Боспорского царства и располагаются в топографическом порядке с запада на восток: Кыз-аул, Тобечикское озеро, Тиритака, Пантикапей, Мирмекий. Вне общей связи—две ценнейшие надписи: из Тамани и Юз-Обы, которые начинают и завершают серию публикуемых памятников.

I

Мраморная плита, обрамленная простым карнизом, составляла, повидимому, верхнюю часть колонны, ее капитель. Плита с лицевой и правой стороны (от зрителя) имела надписи, к сожалению, от времени стершиеся и с трудом читаемые на растрескавшемся мраморе. Длина карниза—0,52, ширина—0,35, высота—0,15; высота букв—0,02—0,015.

Плита найдена в 1930 г. в Тамани, в районе турецкой крепости, рабочим Гринько и передана Таманскому Краеведческому музею.

С лицевой стороны от надписи сохранились: одна строка почти полностью и фрагмент второй строки. Еще труднее поддается разбору надпись с правой стороны.

Надпись на колонне, очевидно, связана с культом Афродиты, который широко был распространен на Таманском полуострове. Особенно славился культ Афродиты Апатуры. Сохранилось несколько рельефных мраморных изображений, относящихся к мифу об Афродите Апатуре, о котором сообщает Страбон в своей «Географии». Одно изображение отмечает К. Герц (см. К. К. Герц, Собрание сочинений, вып. 2, стр. 50—51, гл. II, издание АН, СПб., 1898).

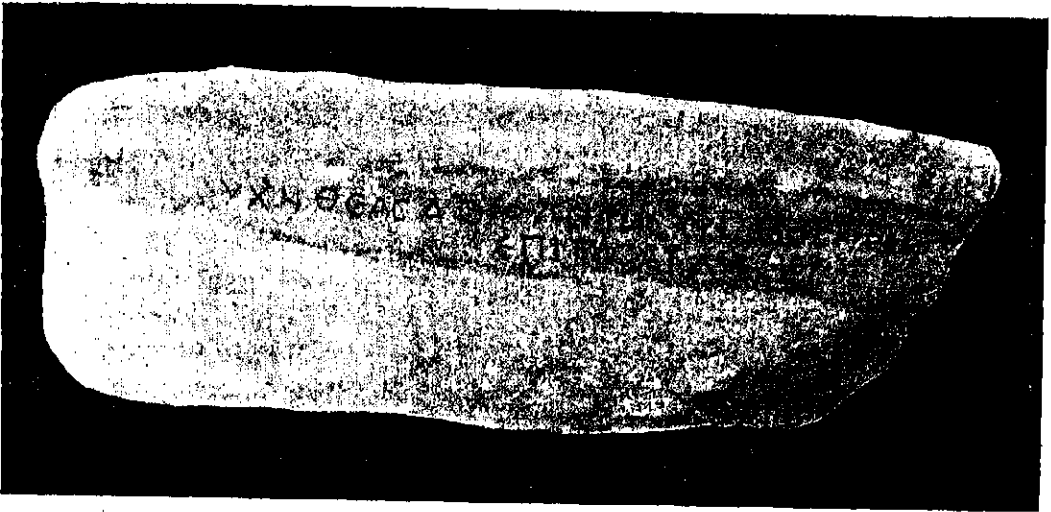
Есть еще другой мраморный рельеф, также связанный с мифом о борьбе Афродиты Апатурской с гигантами, как полагает Ашик в своем сочинении «Боспорское царство», том I, рис. VII, с объяснительным текстом на стр. 29—31, § 28.

Мраморный рельеф хранится в настоящее время в Гос. музее Эрмитажа.

Третье рельефное изображение, открытое в 1727 г. французским путешественником De la Motraue на азиатской стороне Киммерийского Боспора, с древнейшей надписью Афродиты Апатурской (IRE, II, 469), выполненное в стиле художников XVIII в., явно не заслуживает доверия (см. ЖМНП, 1909, май, стр. 216, И. И. Толстой, Апаторо).

¹ «Диалектика природы», М. и Э., Соч., т. XIV, стр. 451.

Помимо мраморных рельефных изображений, доказывающих широкое распространение культа Афродиты во всех крупных приморских городах Боспора: Фанагории, Гермонассе, Пантикапее, мы имеем еще ряд художественных терракот, воспроизводя-



Лицевая сторона:

[Ἀφροδίτῃ τῆς θεᾶς Ἀφροδίτης σύνθετος περί
 ἐπὶ τῆς αὐτῆς ἐσ[τέα]

Боковая сторона:

[Ἰού]λιος Ἑρῶτος

щих образ Афродиты, связанный с морской стихией и мореплаванием (Афродита с дельфином; Афродита, выходящая из раковины). Культ Афродиты издревле существовал на Боспоре и пользовался большой популярностью в греческую, эллинистическую и римскую эпохи. Мы имеем, считая последнюю публикуемую надпись из Тамани, всего 13 надписей, посвященных Афродите: из Гермонассы—4, из Фанагории—3, из Танаиса—1, из Пантикапея—5.

Публикуемая надпись есть надпись религиозного схода, возглавляемого жреческими должностными лицами. Судя по формуле, надпись посвятельная, по стилю букв и собственным именам относится к римскому времени.

II

Верхняя часть обломанного мраморного надгробия—из окрестностей ст. Сенной, найденная во время земляных работ в 1939 г. и перевезенная в Таманский Краеведческий музей.

Указанный обломок из пентеликийского мрамора представляет верхнюю орнаментальную часть надгробия, так наз. анфемий. Выс.—0,60, шир.—0,45, толщ.—0,15. К сожалению, пальмета высокохудожественного памятника несколько изуродована, так как почти все лепестки пальметы, за исключением двух, обломаны.

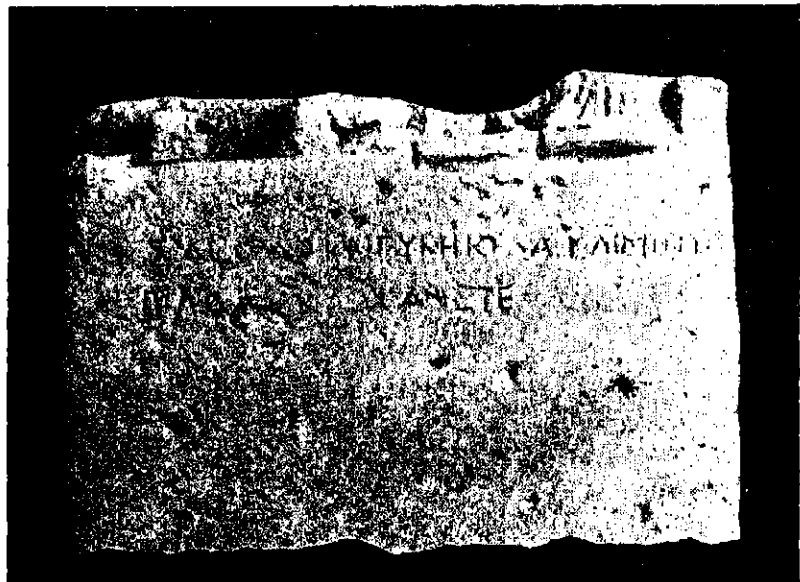
На базе киматия, увенчанного простым карнизом, возвышается стройный, изящный анфемий. Основой анфемиа являются три художественно сработанных аканфовых листа: два крупных, симметрично расположенных по бокам, и меньший посередине; над ними возвышаются два ствола, увенчанные красивыми аканфовыми листьями, с ответвлениями в виде двойных волют и стеблей с цветами. Над волютами поднимается веерообразная пальмета, имеющая по шесть звеньев с каждой стороны; посередине между звеньями на стебле с двумя листиками цветок о шести лепестках.



Надгробие, очевидно, привезено из Афин, относится к IV в. до н. э. В боспорских мастерских выделывали анфемии из местной твердой породы известняка, подражая привозным образцам.

III

Надгробная стела, обломанная сверху, найдена в 1930 г. в районе Кызаульского древнего некрополя в период летних экспедиционных работ Керченского Музея. Высота стелы—1,01, шир.—0,62, толщ.—0,14.



Судя по остаткам почти полностью обломанного рельефа, он состоял из трех фигур. Справа от зрителя—две фигуры: женская и мужская [на постаментах. Далее—женская фигура без постамента, еще далее—вероятно, детская фигурка прислужницы. Под рельефом надпись в две строки, высеченная мелкими буквами по еле заметным линейкам. Высота букв 0,02—0,015.

Ἐαῦδα καὶ γυνὴ Γόδα καὶ μῆτρ
Ἰβάδα, χαίρετε

Внизу стела по углам срезана для укрепления в постаменте. Все три имени—не греческие, встречаются впервые. Надо полагать, что это имена сарматские. Косвенно подтверждается наличие в данной местности сарматского элемента находкой сарматского типа черноглиняного кувшинчика с ручкой в виде зверька (могила № 6 Кызаульского некрополя. Архив Керченского музея за 1930 г.).

IV

Статуя женщины из местного известняка в одежде туземного покроя. Найдена в ноябре 1939 г. недалеко от городища Китэя, в трех километрах от деревни Коп-Такиль, при добыче камня. Выс. 0,58, шир.—0,32—0,30, толщ.—0,12—0,1.

Перед нами несколько грубоватое скульптурное произведение, очевидно местной работы. Женщина одета в хитон с оторочкой на шее, с широкими выпуклыми складками, спадающими вниз, высоко подпоясана широким поясом. На голову и плечи наброшено покрывало из толстой материи, по краям отороченное. Обращает на себя внимание способ застегивания покрывала. Хлястик покрывала, натянутый слева направо, очевидно прикреплялся с правой стороны выше пояса. Левою рукою женщина поддерживает его, повидимому собираясь его закрепить. Отбитая во время раскопок голова приделана, повреждена несколько с правой стороны. Изваяние по покрою одежды должно быть отнесено к римскому времени.

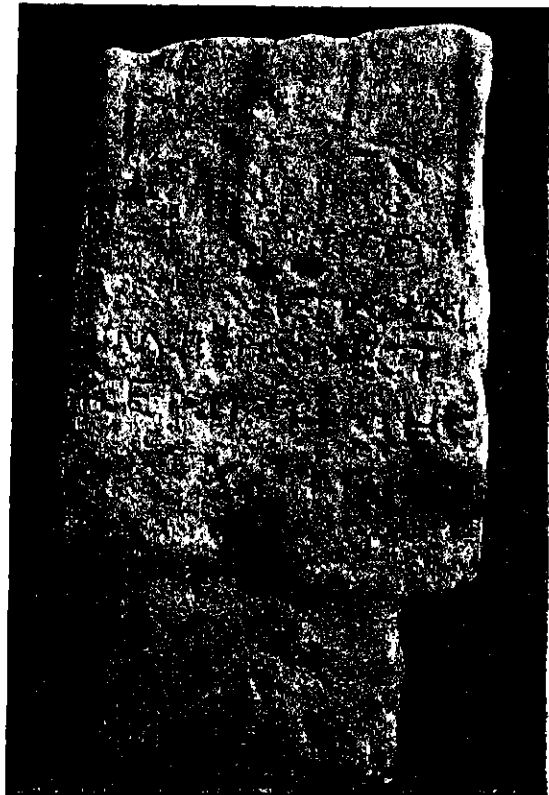


V

Обломанное сверху надгробие с грубо высеченной в виде головы и плеч антропоморфной фигурой, окаймленной по бокам выпуклой рамой. Ниже головы высечена надпись в шесть строк грубой, неуклюжей работы. Выс.—0,75, шир.—0,40, толщ.—0,13; высота букв—0,035. Нижняя часть стелы высоко обрезана по углам для вставки в постамент. Надгробье найдено у Тобечикского озера во время земляных работ 1937 г.

Φαρνάκης (?)
 ...α... ύσου (?)
 Ἄβανι τῷ ἰδίῳ
 ὡ υἱῷ ἀνέστη
 σε μνήμης
 χαρίν

Надпись не поддается целиком разбору. Имя отца, похоронившего своего сына Абана, скорее всего Φαρνάκης (?). Отчество неразборчиво. По начертаниям букв надпись—римского времени II—III вв. н. э. Надгробье своей грубой работой характерно для отдаленной сельской местности у Тобечикского озера.



VI

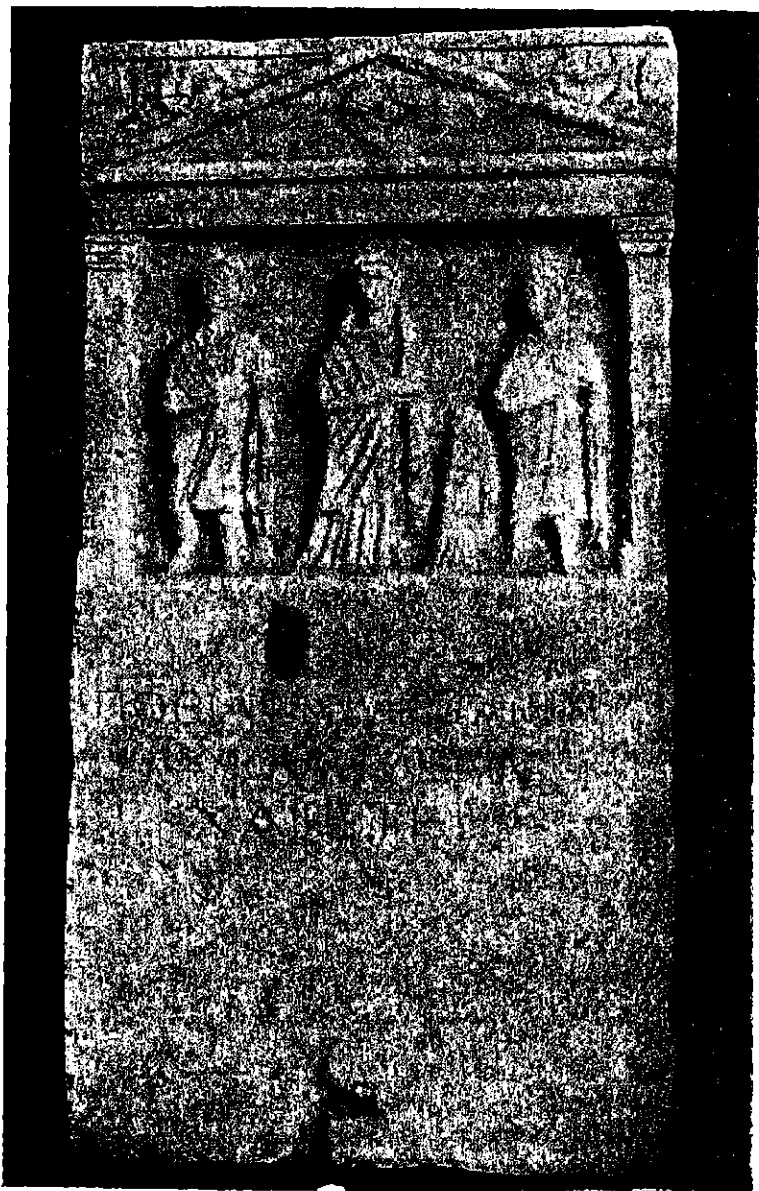
Надгробие из керченского известняка, найдено во время раскопок в Тиритакке. Выс.—1,12, шир.—0,57—0,60, толщ.—0,13.

Сверху рельефное изображение храма с фронтоном, архитрав которого покоится на двух колонках с базами и капителями. Сверху надгробие окаймлено простым карнизом; между колоннами в нише высечены 4 фигуры: по бокам по мужской фигуре в хитоне и плаще, посередине женщина в траурной позе, в опускающемся до пят хитоне и в покрывале, наброшенном на голову и плечи; вправо от зрителя фигурка девочки. Плита срезана внизу по прямой линии.

Под рельефом надпись в три строки; высота букв—0,03, за исключением слова χαίρει(ς), высеченного более крупными буквами — 0,04 — 0,60.

Παθιαίνα καὶ θυγάτηρ Χρύσιν
 καὶ υἱὸς <ὦ> Κλέων,
 χαίρει(ς)

Из надписи видно, что две женские центральные фигуры — это



Пофиэна и дочь ее Хрисиэ (Золотко). Крайняя фигура справа от зрителя—Клеон, сын Пофиэны; в фигуре второго мужчины слева придется признать мужа Пофиэны, отца Клеона и Хрисиэ, поставившего надгробную стелу. Изображение на рельефе вместе с погребенными также и оставшихся в живых отмечается и в других надгробных стелах (см. ИАК, № 45, стр. 16, надпись 7-я).

Надгробие и по стилю надписи и по технике рельефного рисунка должно быть отнесено к середине I в. н. э. Найдено на некрополе Тиритаки в 1933 г.

VII

Надгробная стела из Тиритаки, обломанная сверху и снизу. Выс.—0,68, шир.—0,49, толщ.—0,15—0,14, найдена в 1934 г. Стела сверху не имеет обычного фронтона, его заменяет фриз, обрамленный с нижней стороны двойным карнизом. В центре его дискообразный акротерий на высокой базе. Из боковых акротериев полностью сохранился левый. Под карнизом архитрав, покоящийся на колоннах с базами и капителями;

колонны на особых постаментах-цоколях. Между колоннами арка на консолях, под которой четыре фигуры на общем постаменте с приступкой.

Фигуры построены попарно: слева мужчина в плаще подает руку женщине, справа—двое мужчин, подающих друг другу правые руки. Головы всех фигур отбиты.

Под рельефом по линейкам высечена надпись, от которой сохранились три строки; высота букв—0,03. $\Sigma\sigma\alpha\iota(\sigma\tau\acute{o}\varsigma)$ и Μασταρίων —не греческие имена, а сарматские. Μασταρίων —параллельная форма к Μασταροῦς и Μαστοῦς —иранского происхождения. $\Gamma\text{ΑΝΟ}\Sigma$ можно восстановить, примерно, Πάγανος от именительного Πάγας по образцу Ἄβας , Ἄβανος . По стилю букв и по искаженному орнаменту надгробие должно быть отнесено ко второй половине I в. н. э.

$\Sigma\sigma\alpha\iota<\epsilon>\sigma\tau\acute{o}\varsigma\ \kappa\alpha\iota\ \text{Μασταρίων}\ \kappa\alpha\iota\ \text{Νεῖκ(ή)φρος υἱοῖ}\ (\text{Πά})γανος\ \kappa\alpha\iota\ \theta\upsilon\gamma\acute{\alpha}\tau\eta\rho\ldots$

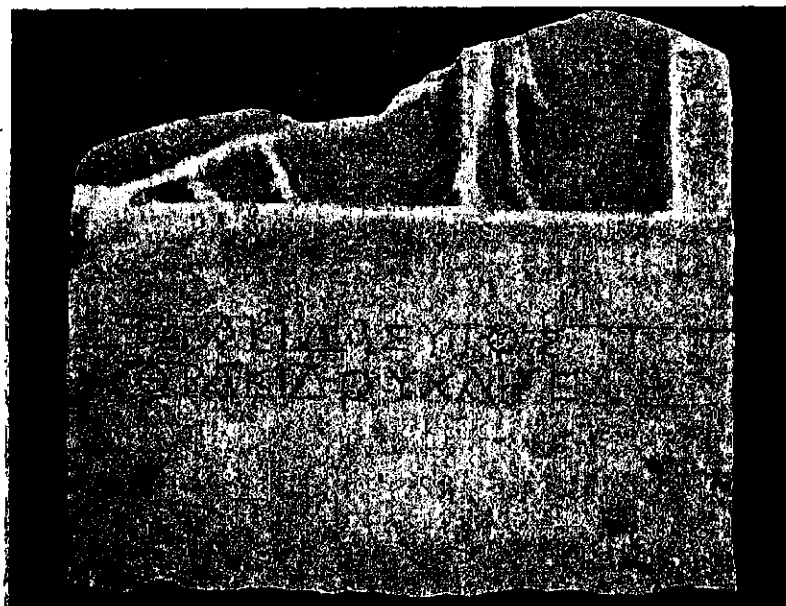
VIII

Высокая стела из Тиритаки. Выс.—1,02; шир.—0,63, толщина—0,15. Плита сверху обломана настолько, что сохранились только ноги стоящей лошади и левая нога всадника.

Рельеф высечен очень тщательно. Под рельефом по линейкам вырезана красивая надпись с мелкими *arises* в две строки (высота букв—0,03).

$\Theta\rho\alpha\kappa\acute{\iota}\delta\alpha\varsigma,\ \upsilon\acute{\iota}\delta\varsigma$
 $\Theta\rho\alpha\kappa\acute{\iota}\delta\omicron\upsilon,\ \gamma\alpha\acute{\iota}\tau\eta\rho$

Внизу плита срезана по прямой линии.



Тщательная работа ваятеля; красивая надпись с буквой «О» небольших размеров (0,015), более древняя форма буквы Σ указывает, что надгробная стела может быть отнесена если не к концу I в. до н. э., то к началу I в. н. э.

Имя *Θραχίδας* встречалось уже в боспорских надписях и указывает на наличие фракийского элемента среди боспорского населения. Ср. надпись XX. Надгробие найдено в районе тиритакского некрополя в 1934 г.

IX

Разбитое на две части надгробие из раскопок в Тиритаке. Надгробие было, очевидно, использовано еще в древности под устройство мостовой. Надпись совершенно исчезла, а рельефное изображение настолько повреждено, что детали рельефа совершенно стерты, сохранились только общие очертания рельефных фигур и архитектурных украшений. По этим остаткам можно примерно определить время изготовления надгробья. Выс.—1,07, шир.—0,47, толщ.—0,12.

Надгробная стела, окаймленная сверху простым карнизом, построена в виде храма, фронтоном которого украшен по углам акротериями дискообразного типа. Над фронтоном по бокам высечены розетки, такая же розетка и посреди фронтона. Под фронтоном—архитрав, покоящийся на колонках с базами и капителями. Между колоннами три фигуры: вправо от зрителя две женщины в обычном одеянии—в хитонах и покрывалах с головными уборами; слева фигура девочки-прислужницы. По всем данным, по форме акротериев, по колоннам,—надгробие не древнее I в. н. э.

X

Тиритакская государственная почетная надпись. Небольшая мраморная плита, со всех сторон обломанная. Выс.—0,13, шир.—0,33, толщ.—0,29; высота букв, кроме «О», —0,04. Найдена в 1937 г.

Фрагмент надписи чрезвычайно интересный; судя по обрывкам стереотипной обычной формулы почетных государственных надписей,—римского времени. Перед нами, несомненно, почетная надпись или в честь римского императора и его жены, поставленная каким-то боспорским царем, или в честь местного царя, поставленная каким-нибудь царедворцем.

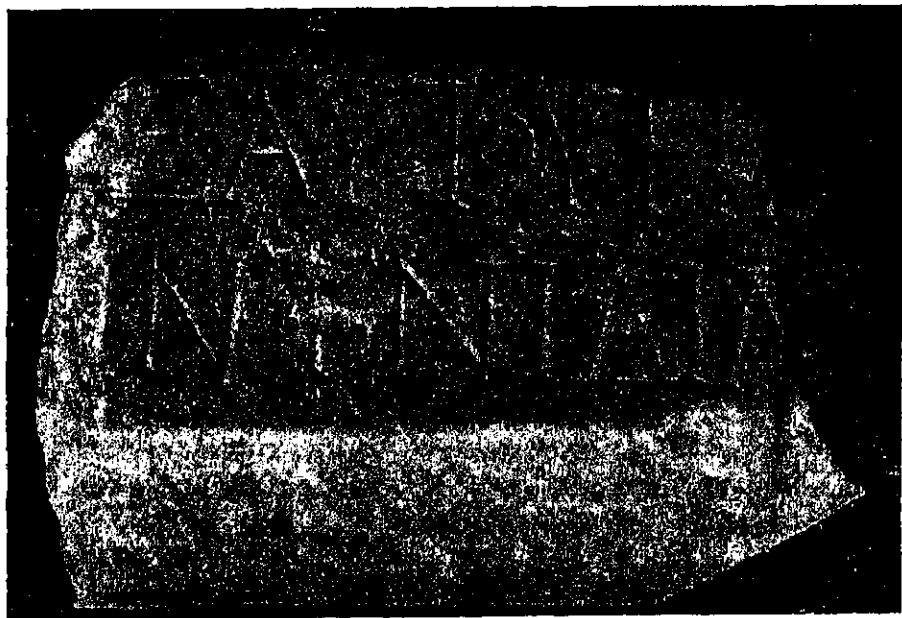
По аналогии с почетными надписями фрагмент тиритакской надписи можно дополнить, примерно, таким образом:

...[τῆς] ἐαυτοῦ πα[τρίδος]
ἐβεργέτην]
—την τὴν ἰδία[ν ἐβεργέτιν]

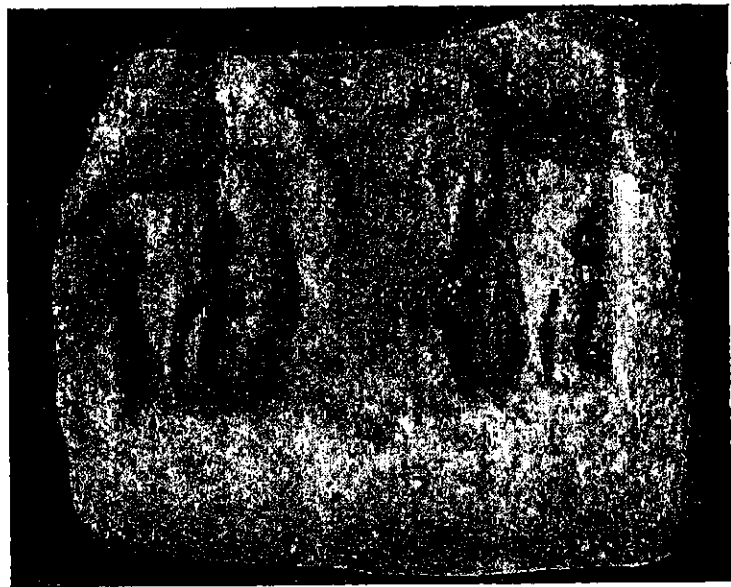
К какому времени относится надпись? По

стилю букв надпись очень близко подходит к горгиппийской надписи № 7, опубликованной В. Латышевым в ИАК, 37 на стр. 70. «А» имеет прямую перекладину; «О»—маленьких размеров; «А» и «Δ» построены несколько небрежно, напоминая рукописные буквы; все буквы слегка апицированы.

Гораздо более сходства с разбираемой надписью по стилю букв представляет надпись № 362 [Ios PE, 1 (2)]. Помимо общего сходства в начертании, буквы имеют значки, полностью совпадающие с характерными, грубовато сделанными *arices* разбираемой



надписи; далее, в привлекаемой к сравнению надписи два раза отмечается вязь, что имеет однажды место и в разбираемой надписи. Таким образом, гораздо больше оснований отнести фрагмент найденной надписи не к концу I в., а скорее к первой половине II в. н. э.: примерно, к царствованию боспорского царя Риметалка. К сожалению, надпись дошла до нас в таком фрагментированном состоянии, что не сохранилось ни одного собственного имени. Окончание HN, возможно, относится к женскому имени. Как бы то ни было, общий смысл надписи понятен. Несомненно, что боспорские богатые граждане придавали большое значение Тиритаке, поставив в этом небольшом поселении статую и почетную надпись боспорскому царю,—возможно, Риметалку.



XI

Посвятительный рельеф Кибеле из местного известняка, наполовину обломанный. Выс.—0,21, шир.—0,25, толщ.—0,08. Найден в Тиритаке в 1937 г.

В обычной нише, окаймленной простой рамой, мы имеем изображение богини Кибелы, восседающей на кресле. Верхняя часть торса отбита. Сохранились постамент и часть кресла. Крайне грубая работа из плохого камня не дает возможности рассмотреть детали изваяния, очевидно, местного производства.

Богиня восседает между двумя львами, стоящими по правую и левую сторону кресла.

XII

Посвятительная плита с рельефным изображением Кибелы. В квадратной нише. Плита из мягкого, пористого камня. Выс.—0,44, шир.—0,36, толщ.—0,10.

Обрамление плиты построено по образцу надгробия с подобием треугольного фронтона, венчающего стелу.

Грубое рельефное изваяние представляет Кибелу сидящей в кресле, стоящем на постаменте. На голове у богини высокий убор. В правой руке у богини, возможно, чаша для возлияний, левая касается какого-то предмета. Две фигуры на постаментах, между которыми восседает богиня, надо полагать, грубые искажения фигур двух львов. Вотивная плита найдена в Тиритаке в 1938 г. и относится к I—II вв. нашего времени.



XIII

Надгробная стела. Выс.—0,93, шир.—0,45, толщ.—0,11. Ныне разломана на две части. Найдена в 1934 г.

Как рельефные фигуры, так и надпись сильно пострадали от выветривания.

В центре фронтона и над скатами его—простые гладкие розетки. Под фронтоном в нише между пилястрами на базах две фигуры: женщины и юноши. Юноша одет в куртку и плащ, перекинутый через левое плечо и поддерживаемый левой рукой. Слева женская фигура в хитоне и покрывале, облокотившаяся на колонку. Детали неясны. Возле женщины слева фигурка девочки с предметом продолговатой формы в руках.

Под рельефом сильно стертая, выветрившаяся надпись в 4 строки, с трудом разбираемая. Наиболее вероятное чтение надписи следующее:

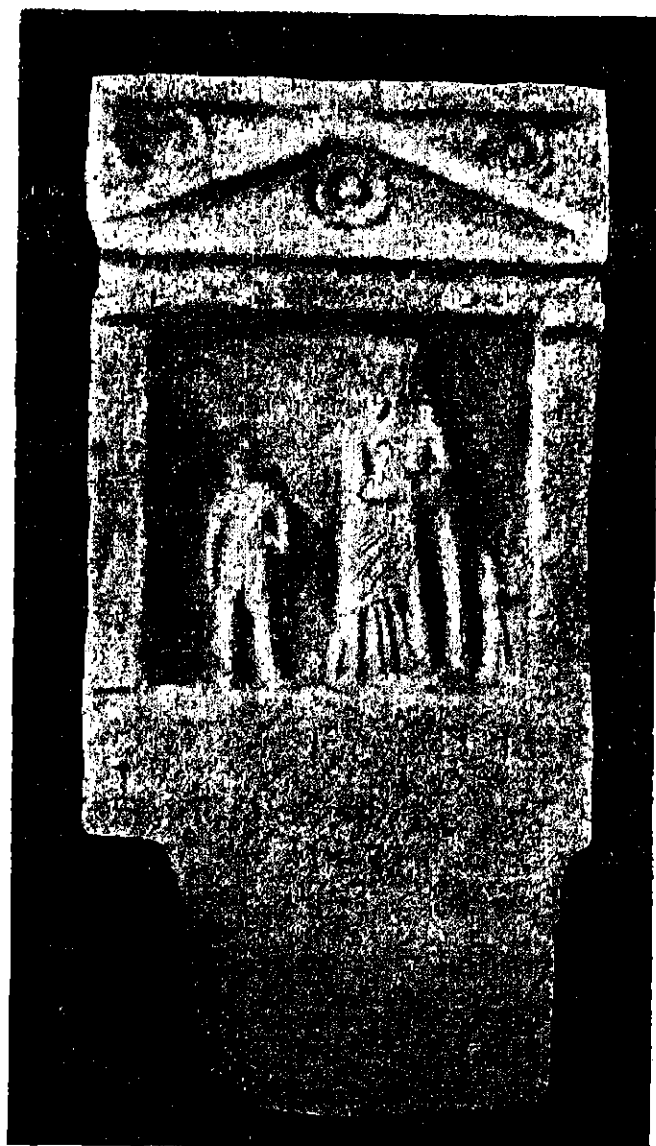
Ψυχῆ <ι> γυνῆ <ι> Μη-
 τραδῶρου
 καὶ οἶος Μαστοῦ,
 χαίρετε

Высота букв—0,02—0,025.

По сравнительно хорошему рельефу и стилю надписи надгробие может быть отнесено к I в. н. э.

XIV

Надгробная стела (разломанная на две части). Выс.—1,0, шир.—0,39, толщ.—0,11. Найдена в Керчи в 1936 г.



Верхняя часть плиты окаймлена карнизом. Рельеф состоит из храма с закругленными колоннами на базах с капителями; фронтоны храма снабжены акротериями на упрощенных базах; над скатами крыши—по розетке о четырех лепестках, посередине фронтона—круглая розетка.

Под фронтоном изваяны три фигуры: одна—женщины в хитоне и покрывале, наброшенном на голову, в обычной траурной позе. Посреди юношеская фигура Гелена в короткой куртке и плаще. Вторая фигура—взрослого мужчины с бородой—Пофа, отца юноши. На одежде юноши и матери его сохранились следы розовой краски. Под рельефом надпись в две строки, высеченная крупными буквами, за исключением «О» и «Θ» (0,03—0,02).

Πόφῃ καὶ ο[ς]τ[ι]
 Ἑλένῃ, χαίρετε



По стилю букв, небольшому размеру «О» и «Θ», по круглым рельефным фигурам надгробие может быть отнесено к промежуточному времени между I в. до н. э. и I в. н. э. Надгробие найдено в гор. Керчи при замощении улиц на горе Митридат.

XV

Плита, обломанная сверху, без всякого рельефа, с углубленной площадью, окаймленной простой рамой. Площадь, повидимому, предназначалась для рисунка в красках вместо обычного рельефа. Выс. — 0,35, шир. — 0,51, толщ. — 0,21. Под углубленной площадью надпись в одну строку, высеченная по линейкам, — 'Απελλώνης Διδυρίου. По стилю букв «Π» и «Ο» (небольшого размера) надпись может быть отнесена к III—II вв. до н. э. Надгробие найдено в Керчи в 1933 г. во время замощения улиц на горе Митридат.

XVI

Надгробная стела. Выс. — 1,28, шир. — 0,48, толщ. — 0,23. Найдена в 1936 г. в Керчи. Украшена сверху треугольным профилированным фронтоном с тремя акротериями,



на которых высечены рельефные пальметы. Посреди фронтона — розетка с четырьмя лепестками. Под фронтоном красивая арка, опирающаяся на колонки с капителями и базами. Под аркой в нише тонкой художественной работы изваяние мужчины, женщины и девочки. Необычайно тщательно обработаны лица, прически, все складки и детали одежды. Высокая фигура женщины одета в складчатый, высоко опоясанный хитон, опускающийся до самых пят. На голову наброшено покрывало, из-под которого виднеются пряди волос. Женщина в траурной позе подает правую руку мужчине. Фигурка девочки в длинной одежде держит в руках небольшую цилиндрическую шкатулку. Левая ступня мужчины слегка повреждена.

Под рельефом тщательно высеченная по линейкам надпись в три строки. Высота букв — 0,025.

Μαστοῦ Ἀρχιφίλου
καὶ γυνῆ Ἠλιάς,
χαίρειτε

По тщательности архитектурной отделки, тонкой обработке одежды, прически, лица, также по стилю букв «Ο», «Μ», «Σ» надгробие должно быть отнесено ко II в. до н. э.

XVII

Плита из твердого известняка. Выс. — 0,86, шир. — 0,85, толщ. — 0,23. Найдена в 1933 г.

Плита, обломанная снизу, закругленная сверху, украшена слева и

справа гербообразно размещенными рельефными изваяниями мужчины и женщины.

Фигуры по замыслу художника сработаны не полностью. Фигуры недоделаны: мужчина без левой ноги, женщина — без правой. Фигуры вполне симметричны и оставляют таким образом между собой правильной формы выемку, напоминающую спинку кресла. Крестообразно расположенные отверстия на плите указывают, что поверхность между фигурами была действительно чем-то прикрыта или обита. По типу мужчины в огромной напяленной на голову шляпе, по головному убору женщины, перед нами типы сарматов, что подтверждается и тамгами, изображенными на груди мужчины.



XVIII

Высокая плита из местного известняка, разбитая на три части. Найдена в Керчи во время замощения улиц на горе Митридат в 1933 г. Выс.—1,47, шир.—0,50—0,51, толщ.—0,13.

Сверху стела украшена широким карнизом (0,26). Под карнизом по линейкам высечено 9 строк греческой надписи позднееримского времени. Высота букв — 0,05.

Ἡ σύνοδος ἡ περὶ συ-
ναγωγῶν Ζωτοῦμας
καὶ φιλάγαθον Παν-
τάγαθον καὶ γραμ-
ματεῖα Δημήτριον
καὶ τῶν λοιπῶν θια-
σιτῶν τὴν ἐτήλ-
ην Σωσία(ι) μνήμης
χάριν

Перед нами надпись религиозного схода, сохранившаяся полностью. Надгробная стела—в честь умершего члена схода—Сосия.

Из должностных лиц схода отмечены: сводитель, добролюб и секретарь. Все три имени: Ζωτοῦμας, Παντάγαθος и Δημήτριος встречаются в танаидских религиозных сходах.

Ζωτοῦμας отмечено в форме Ζωτοῦμας в надписи № 440 IosPE II. Παντάγαθος отмечено в религиозных тиа-сах—однажды в Пантикапейском и дважды в Танаидских (IosPE, II, 442 и 443).

Σωσίας — имя, встречающееся в эллинистическую и римскую эпоху. Публикуемый список тиасотов относится по стилю букв и по сарматским именам к концу II в. или к началу III в. н. э. Отсутствие рельефа на стеле также служит подтверждением этому. Интересно отметить, что под греческой надписью сохранился ряд сарматских знаков.



XIX

Надгробная стела, расколовшаяся на две части. Выс.—0,97, шир.—0,29—0,32, толщ.—0,13. Рельефное изображение имеет форму храма с фронтоном, украшенным двумя боковыми плоскими акротериями и таким же акротерием посередине. Акротерии покоятся на базах правильной формы.

Под фронтоном в простом обрамлении прямоугольное углубление, в котором рельефно изваяны женская и мужская фигуры, подающие друг другу правые руки. Женщина в длинном хитоне, корсаже и покрывале, перекинутом через голову.

Пожилой мужчина с бородой одет в хитон, куртку и плащ. Ноги обуты в полусапожки. Лица повреждены.

Под рельефными фигурами надпись в три строки (выс. букв—0,02—0,015):

Μαστοῦ Ἀνδοττή-
νιδος καὶ μητρὸς
Μασατίς, χαίρει

Надгробная стела найдена в 1936 г., во время земляных работ, за вторым креслом Митридата. Ἀνδοττήνιδος—распространенное на Боспоре туземное мужское имя. Женское имя Μασατίς отмечено в статье «Новые эпиграфические памятники Боспора», ГАИМК, «Из истории Боспора», 1935.

По стилю тщательно высеченных букв «А», «П», «Σ», «Ε», по архитектурным орнаментам и тщательно изваянным круглым фигурам стела может быть отнесена ко II—I вв. до и. э. Эти надгробные стелы периода позднего эллинизма отличаются наибольшей художественностью] исполнения.

XX

Надгробная стела, обломанная снизу и сверху. Выс.—0,47, шир.—0,51, толщ.—0,13.

Рельеф изображает женскую фигуру, одетую в обычный хитон и покрывало; детская фигурка рабыни сильно испорчена.

Под рельефом по линейкам вырезана крупными буквами надпись в две строки (высота букв—0,03):

Χόσα, γυνὴ Σωθίου,
χαίρει

Имя Χόσα впервые отмечается в надписях Причерноморья. Отметим следующие сходные имена Χοσσῶς и Κοσσῶς—имена мужские, очевидно иранские.

Другое имя Σωθίου—фракийское, отмечено в IosPE, II, № 451 и IosPE, IV, № 32. Одна надпись найдена в Танаисе, другая—в Ольвии. Здесь впервые это имя на надписи пантикапейской. Надпись найдена на горе Митридат, за вторым креслом, в 1936 г.

Фракийский элемент среди боспорского населения выявлен многочисленными фракийскими именами: Αὐλοῦζελμῆς, Δαλαζέλμου, Δίζας, Βεΐθουας, Βενζῆς, Χαδαλάς, Διζάζηλμῆς

(см. Указатель собственных имен в сборнике надгробных рельефов Кизерицкого и Вацингера).

По тщательности выполнения рельефа, хорошим буквам надпись может быть отнесена к I в. до н. э.

XXI

Анфемий, служивший верхним украшением надгробной стелы, из местного известняка, без нижнего обрамления в виде карниза. Выс.—0,70, шир.—0,56, толщ.—0,20.

Основой орнамента является часто встречающаяся в аттических стелах IV в. до н. э. композиция из трех аканфовых листьев: центрального высокого, стоящего листа и двух боковых, симметрично склоненных в стороны. Из чаши аканфовых листьев приподнимается кверху и образует сердцевину орнамента большая шишка пинии. От нее веерообразно расходятся лепестки большой пальметы, по пяти с каждой стороны; между ними посреди копьевидное звено, выходящее из пиниевой шишки.

В общем, перед нами не особенно складное подражание аттическому анфемию. В нижней части, в правом углу, аканфовый лист поврежден.

Анфемий найден в 1937 г. во время земляных работ Коммунхоза за вторым креслом на горе Митридат.

XXII

Надгробие из крайне твердого известняка, найденное во дворе, где помещается холодильник Рыбтреста, по ул. Кирова, в 1936 г. Выс.—1,43, шир.—0,55, толщ.—0,21. Сверху надгробие обломано, причем уничтожены туловище всадника и голова лошади; хорошо видны седло и свисающие ремни; хвост лошади перевязан.

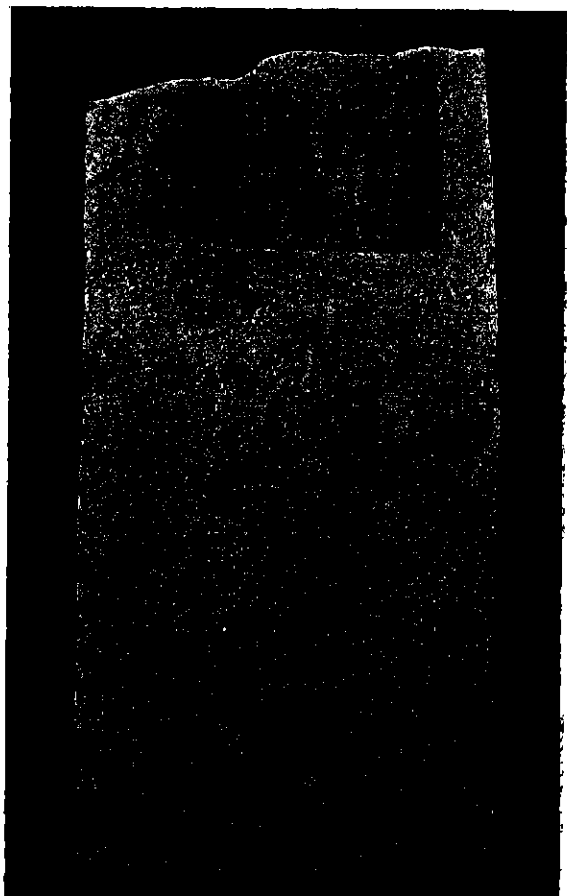
Под рельефом надпись в две строки, тщательно высеченная по линейкам:

Φιλ(ά)ρσευς υἱὲ Θεοδώ-
χαῖρε σορ

Под надписью небрежно вырезанная тамга династии Рискупоридов.

Φιλάρσευς—имя новое, до сих пор не встречавшееся в боспорских надписях. Оно не отмечено ни у Латышева, ни в словаре собственных имен. Буква «А» случайно пропущена резчиком.

По тщательно выработанному рельефу, стоящей лошади и стилю надписи памятник должен быть отнесен к первой половине I в. н. э.



XXIII

Обломок надгробного рельефа—отбиты верхняя и нижняя части. Найдено во дворе, неподалеку от складов Рыбтреста, по улице Кирова, в 1937 г.

На рельефе—два всадника на взнузданных конях: один длинноволосый в коротком камзоле, в плаще, складки которого ниспадают с плеч на грудь и спину. За спиной виден горит с луком; хорошо видны седло и кинжал, прикрепленный к штанам всадника. От седла спускаются три обычных ремня, рядом с ними какой-то круглый предмет, возможно, фляга для воды.

Рельеф в некоторых местах поврежден: отбита морда первой лошади, правое копыто и правая нога всадника. Позади первого всадника—второй с длинным копьём в правой руке. Лица обоих всадников изуродованы.



XXIV

Анфемий из местного известняка, сработанный для украшения надгробной стелы; внизу окаймлен карнизом; выс.—0,66, шир.—0,55, толщ.—0,43.

Из чаши аканфовых листьев (см. нижнюю часть анфемия в сборнике рельефов Вацингера, на стр. 17), в данном рельефе сильно схематизированных, выходит ствол с аканфовыми ответвлениями, нижними и верхними, на обе стороны; над верхними ответвлениями неуклюже и искусственно приделаны волюты. Еще выше ствол переходит в сердцевину, из которой поднимается пальмета о 8 лепестках, из которых 4 направлены вправо, а другие 4—влево. Лепестки разделены цветком на высоком стебле.

Анфемий—местной работы, несомненно подражает аттическим анфемиям. Из местных анфемиев ближе всего подходит к нашему анфемию № 114 в сборнике рельефов, изданных Вацингером, построенный более правильно и естественно.

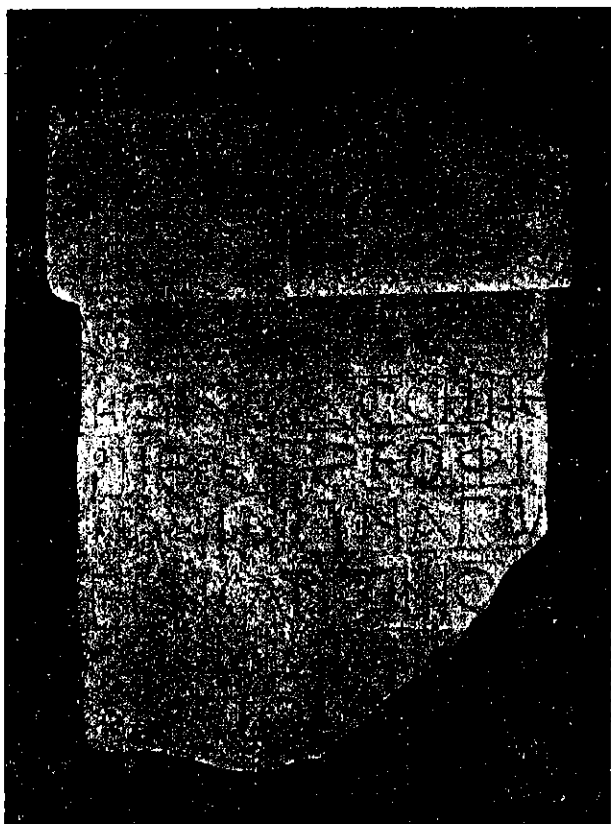
Анфемий найден в 1937 г. на городище Мирмекия.

XXV

Надгробная стела, обломанная снизу. Верхняя часть украшена широким выступающим карнизом. Выс. стелы—0,75, шир.—0,52, толщ.—0,16.

Под выступом сохранилась надпись в 6 строк, высеченная крупными буквами (0,05).

Ἡ σύνοδος ἡ πε-
ρὶ ἱερῆα Θεοφι-
λον καὶ συναγω-
γὸν Σαρρόνιο[ν]
καὶ φιλάγα[θον]
Ἰούλιον...



Перед нами надпись религиозного схода, поставленная памяти умершего члена схода. Отмечены должностные лица религиозного общества: жрец, сводитель и добролюб.

Имена: Феофил, Юлий—обычные, имя Саргоний отмечается впервые.

По большим, крупным буквам, отсутствию рельефа стелу следует отнести к концу II или началу III в.

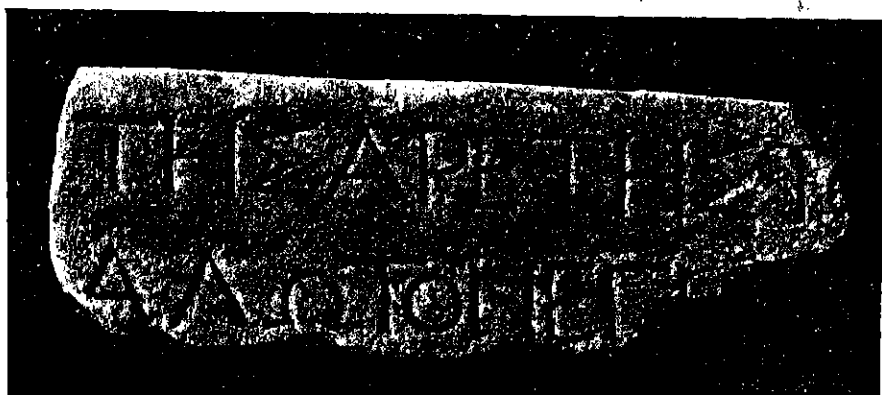
Надгробие извлечено рабочим Божченко в 1936 г. из моря, куда упало, подмытое морской волной. Это кладбище уже отмечено, оно находится между тюрьмой и бойней, вдоль заводского шоссе.

XXVI

Небольшой обломок мраморной плиты. Выс.—0,11, длина—0,29, шир.—0,24. Фрагмент надписи—из двух строк.

Наличие небольшого фрагмента от надписи, вероятно стихотворной, не дает возможности восстановить надпись. Можно только предположительно сделать вывод,

τῆς ἀρετῆς το...
ἀλωτὸν εὐν...

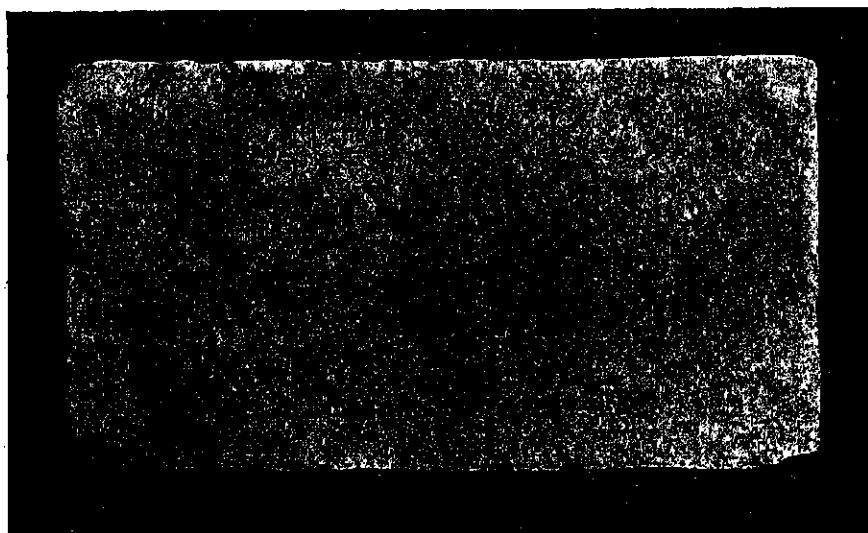


что это—почетная надпись в честь мирмекийского гражданина, отличившегося своей доблестью. Если связывать τῆς ἀρετῆς с ἀλωτὸν, то смысл такой: «плененного доблестью». Надпись была выставлена в городе Мирмекии на видном месте; εὐν от εὐνωῖ или εὐνωσαν. Быть может, слог το можно производить от τόξον (лук). В таком случае речь идет о доблести в области физкультуры. Но наличие данных так незначительно, что необходимо от подобных догадок воздержаться.

XXVII

В 1938 г. на хребте Юз-оба, при обследовании одного из курганов, неподалеку от городских каменоломен научным сотрудником Керченского Историко-археологического музея тов. Кивокурцевым была найдена мраморная плита с высеченной на ней четырехстрочной, тщательно орнаментированной особыми значками (arises) надписи. Размеры плиты следующие: выс.—0,20, длина—0,37, толщ.—0,07; высота букв—0,02—0,023. По стилю букв и по значкам надпись должна быть отнесена к I в. до н. э.

Ἰακίνθου καὶ
Σωκράτους καὶ Μιλησίου
τῶν ἐπὶ τοῦ προσδικοῦ
ἐπιστολογραφίου.



По месту находки и краткому перечислению должностных лиц надпись скорее всего надгробная (с подразумеваемым словом *σῆμα*). Перед нами имена членов коллегии, возглавлявшей приходную часть, очевидно, Боспорского государства и состоявшей из трех членов: Гиацинта, Сократа и Милесия. Первое имя поставлено впереди и написано крупными буквами того же стиля, что и вся надпись. Имена Сократа и Милесия написаны несколько более мелкими буквами. Возможно, что Гиацинт—председатель коллегии, а Сократ и Милесий—его помощники. Характерно, что имена этих граждан без отчества. Возможно, что перед нами имена вольноотпущенников. Чрезвычайно важно упоминание в надписи специального финансового аппарата, ведавшего приходной частью: в Танаисе была специальная должность *προσδοκός*—доходчик, чиновник, ведавший доходами; в Херсонесе упоминается должность *ἐπιμελητής τῶν τὰν κοινῶν πόδεων*, на которую был выбран некий гражданин, выручивший государство в момент угрозы тирании (IosPE, I (2), № 355, 21).

Ю. Марти

Трипольское поселение у Владимировки

(Раскопки 1940 г.)

Исследования трипольской экспедиции, проводившиеся за последние годы в Киевской области, в значительной степени по-новому осветили вопрос о родовых поселениях и жилищах, существовавших в III—II тысячелетиях до н. э. на территории Украины. Особенно интересными оказались результаты раскопок двух трипольских поселений—Коломийщина I и II, близ сел. Халепье, Обуховского района¹.

В результате наметившихся выводов получила предварительное разрешение также и основная проблема периодизации трипольских памятников.

На поселении Коломийщина II, хронологически более раннем, обнаружены грушевидной формы сосуды, поверхность которых покрыта углубленным спиральным орнаментом. Керамика такого типа характерна для ранних трипольских поселений—у сел. Веремья, Щербаневка, Пьянишково и др. («культура А», по В. Хвойко). В более позднем поселении—Коломийщина I—керамический материал оказался иным, близким к сосудам из другой группы Трипольских поселений у сел. Жуковцы, Халепье и др. («культура В», по В. Хвойко). На Коломийщине I наиболее распространенными оказались «кратерообразные» и «двухконусные» сосуды с углубленной ленточной орнаментацией. Кроме того, здесь же встречались сосуды, принадлежащие к так наз. «шаровидным амфорам», характерные для средневропейской *Schnurkeramik*. Обнаружение «амфоры», почти тождественной с тюрингскими и моравскими, в Поднепровье дает твердую хронологическую дату для поселения Коломийщина I, близкую к датировке обширного круга средневропейских памятников эпохи ранней бронзы.

В 1940 г. раскопки Трипольской экспедиции были поставлены в одном из южных районов распространения культуры—в Побужье, на Уманьщине.

Древний поселок у сел. Владимировки (Подвысоцкого р., Кировоградской обл.) расположен на правом высоком берегу реки Синюхи (левый приток Буга) при впадении в него с правой стороны ручья Бондаревки. По обе стороны последнего расположилось современное село Владимировка (Бураковка)².

¹ Т. С. П а с с е к, Исследования Трипольской культуры в УССР за 20 лет, ВДИ, 1938, № I (2), стр. 261; е е ж е, Трипольская археологическая экспедиция в 1938 г., ВДИ, 1939, № 1(6), стр. 268; е е ж е, Новые открытия Трипольской археологической экспедиции в 1939 г., ВДИ, 1939, № 4(9), стр. 186; Е. Ю. К р и ч е в с к и й, К вопросу о климате в эпоху существования трипольской культуры в связи с конструкцией жилищ, «Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода», № 6—7, АН СССР, 1940; е г о ж е, Трипольские площадки, «Советская археология», VI, 1940. Ср. «Отчеты Трипольской экспедиции и новые открытия по трипольской культуре» в сборнике статей «Трипольська культура», Київ, т. 1, 1941.

² Работы экспедиции были организованы Институтом истории материальной культуры им. Н. Я. Марра АН СССР совместно с Институтом археологии АН УССР и Умань-

Поселок у Владимировки является самым большим из известных трипольских поселений. Уже в первый год работы здесь открыто 154 жилища, тогда как на Коломийщине I за несколько лет раскопок стало известно всего 39 жилищ, а на Коломийщине II—15.

Открытые во Владимировке жилища занимали огромную территорию, тянувшуюся от реки Синюхи с севера на юг на 900 м и с запада на восток на 800 м, причем на востоке границы древнего поселения прослеживаются и в пределах современного села. Жилища, как это было отмечено и ранее для трипольских поселений, располагались в пределах круга или несколько вытянутого овала. В текущем году территория поселка могла быть обследована лишь частично. Он был густо заселен в древности, и на некоторых участках, ближе к реке, жилища располагались в пять ярусов. По аналогии с поселениями Киевщины, где жилища размещались концентрическими кругами, можно предположить, что и здесь поселок разрастался в пределах нескольких кругов. Жилища находились друг от друга на чрезвычайно близком расстоянии, в 2—4 м, и были ориентированы по длине к центру поселений. Долгое время было обитаемо древнее поселение. Постепенно разрастался родовой коллектив, увеличивалось число домохозяйств, расширялись границы поселения. Отсюда исключительно интересной представляется задача открыть здесь стратиграфически последовательное чередование культурных слоев и выявить разновременные жилища.

В текущем году работы экспедиции были сосредоточены на поселении в нескольких пунктах. Большой раскоп, заложенный на плато в центральной части, дал остатки трех наземных жилищ (так наз. «площадок»¹). Глинобитные остатки одного из них (№ 3), вскрытые в 1940 г., залегали в черноземе на глубине 0,40—0,50 м и представляли собой прямоугольную в плане постройку. Общая длина—14,30 м, ширина—4,5 м. Ориентировано жилище с юго-востока на северо-запад. По сравнению с киевскими оно должно быть отнесено к категории построек среднего размера. Поперечная перегородка разделяла его на две жилые камеры: юго-восточную в 7,7 м длиной и северо-западную—в 6,6 м. В каждой из них находилось по одной печи (2×2 м в основании), причем к печи в северо-западной камере примыкало прекрасной сохранности четырехугольное возвышение (2,6×2,1 м), вероятно являвшееся лежанкой.

Несмотря на большую общность в приемах трипольского домостроительства, жилища во Владимировке имеют ряд своеобразных черт. В основании их, поперек постройки, укладывались плахи расколотого дерева; поверх них хорошо заровненная «вальковая» обмазка из глины с примесью половы до 0,1 м толщиной образует пол. Весь этот деревянно-глиняный настил обжигался кострами, наложенными сверху. Обратная сторона обмазки сохраняет резкие отпечатки дерева;

Плитчатой обмазкой (из глины без всякой примеси), обычной для трипольских жилищ на Киевщине, оказалось облицованным лишь построенное в основании из «вальков» возвышение—лежанка близ печи. Из плитчатой же обмазки вылеплены и оба жертвенника в доме.

Новым и характерным является и полное отсутствие у краев постройки остатков нижних частей стен, а также следов обугленных столбов внутри дома. Все это затрудняет пока возможность полностью реконструировать новый тип трипольского дома. В связи с этим интересные наблюдения сделаны над современными строительными приемами, существующими в с. Владимировка.

ским краевым музеем и проводились под моим руководством. Кроме раскопок у сел. Владимировка, экспедиция в 1940 г. провела рекогносцировочные раскопки еще на двух поселениях: у сел. Красноставка, Маньковского р., Киевской обл. (отрядом руководил Е. Ю. Кричевский) и у сел. Городск, Коростышевского р., Житомирской обл. (отрядом руководил М. Л. Макаревич).

В работах экспедиции приняли участие научные сотрудники: Н. Л. Кордыш, М. К. Якимович, художник В. В. Селиванов и студенты-практиканты Ленинградского ун-та—Т. Д. Родионова и Н. Г. Венецианова, и Киевского—А. П. Черныш.

¹ В 1936 г. экспедицией здесь было раскопано жилище № 1, в 1939 г.—жилище № 2. Раскопки жилища № 3 были проведены под наблюдением Н. Л. Кордыш.

Здесь, в степной местности, почти совершенно лишенной леса, большинство современных украинских хат выстроены без применения дерева. Отсутствуют обычные деревянные столбы в стенах и опорные центральные столбы внутри дома. Стены хаты от самого основания и на всю высоту выкладываются из крупных саманных кирпичей (глина с примесью соломы), высушенных на солнце и не обожженных¹. Толщина такой стены достигает до 0,40 м. В верхних кирпичах стены делаются округлые выемки—пазы, в которые вкладывают горизонтальные балки наката потолка или укрепляют стропила перекрытия. Печь и дымоход в постройке тоже делают не обычным способом: их возводят из деревянного плетеного каркаса, обмазанного со всех сторон глиной. Довольно легкая крыша покрывается соломой и затем иногда обмазывается слоем глины.

Эти этнографические параллели делают понятным отсутствие опорных столбов в стене и внутри в трипольском доме.

Наиболее характерной чертой владимировского жилища, отличающей его от трипольских жилищ в других районах, является наличие в доме крестообразных жертвенников. Они вылеплены всегда из хорошего сорта глины, без всякой примеси и тщательно заглажены на поверхности. Жертвенник имелся в каждой камере, был построен непосредственно на полу и возвышался над ним на 0,20—0,25 м. Концы—округлые и орнаментированы мелкими углубленными полосками, образующими концентрические круги. Изображения такого же крестообразного возвышения-жертвенника известны и на двух трипольских моделях из Попудни и Сушковки².

Схема креста в спиральном орнаменте трипольской керамики встречается довольно часто, но обычно не как господствующий сюжет, а как дополнительный элемент. В Средиземноморье, в частности на Крите, среди предметов культа хорошо известен серого мрамора крест, который Эванс нашел в тайнике под полом одного из дворцовых помещений, где были также спрятаны и три замечательные фаянсовые статуэтки, известные под именем «Богинь со змеями»³.

Не мало новых материалов было открыто в процессе раскопок остальных жилищ во Владимировке. Так, в жилище № 5 найдены девять больших комков из слабо обожженной глины, представляющих собой заготовки для лепки сосудов. Нахождение этих заготовок в доме еще раз подтверждает предположение, что лепка сосудов в то время производилась каждым домохозяйством. Скорее всего и обжиг сосудов происходил не в специальных гончарных печах, а в печи жилища. В жилищах № 6 и 7 найдены интересные двойные полые сосуды, известные под именем «трипольских биноклей». До последнего времени назначение этих сосудов оставалось непонятным. Среди многих гипотез наиболее вероятным считалось предположение, что они служили подставками под небольшие чаши и употреблялись при совершении культовых обрядов. В связи с этим особенно интересным оказалось открытие такого типа сосудов в жилищах № 6 и 7 во Владимировке среди разнообразного хозяйственного инвентаря. Они находились у стены против печи, где, как и обычно в трипольском доме, располагалось большое число сосудов для хранения припасов, широкие чаши, нижние камни зернотерок. Такое местоположение «биноклей» указывает на то, что назначение этих полых двойных сосудов стояло в связи с общим процессом обработки зерна, производившимся в доме. Не являлись ли «бинокли» своего рода древними воронками, при помощи которых насыпали зерно в большие сосуды для хранения припасов? Конечно, «бинокли» могли быть связаны с магическими действиями, сопровождавшими в древности земледельческие процессы, и тогда, просыпая зерно через воронки «биноклей», совершали одновременно и обряд очищения зерна.

Остается еще непонятной парность таких конусовидных сужающихся воронок.

Если эти гипотезы в дальнейшем и не получают полного подтверждения, то во всяком случае местоположение в доме «биноклей» среди хозяйственного инвентаря заставляет искать объяснение их назначения в практике земледельческого хозяйства.

¹ Размеры кирпичей—0,5×0,3×0,3 м.

² Т. С. П а с с е к, Трипольские модели жилища. ВДИ, 1938, № 4(5), рис. 1, 2 и 5.

³ А. Е v a n s, Palace of Minos, v. I.

Кроме этих находок, в жилищах обнаружено большое количество кремневых орудий (скребки, ножи, проколки), глиняные пряслища, статуэтки, роговые мотыги, сосуды с черной росписью и из грубой массы с примесью толченых раковин и с «полосчатым сглаживанием поверхностей».

На участке ближе к реке, на склоне, в обрезах оврага недавнего образования, была открыта землянка трипольского времени. При зачистке стенок оврага были заметны резкое понижение культурного слоя и очертания углубления значительных размеров, заполненного культурными остатками с мощным скоплением костей животных, фрагментов керамики, с заметным слоем золы и угля на дне. Дальнейший раскоп большой площади выяснил, что землянка была разрушена лишь в небольшой части. Она оказалась вырытой в красноватом лессовидном суглинке, подстилающем здесь черноземную почву. Наибольшая глубина землянки 2—2,20 м от современной поверхности. Наблюдения над культурным слоем на поселении показали, что нижняя граница культурного слоя вблизи землянки и вместе с тем древний уровень трипольского времени проходят на глубине 0,60—0,70 м¹. Таким образом, следует считать, что в древности глубина землянки была значительной и равнялась 1,40—1,50 м. Несмотря на сильное нарушение кротовинами чернозема и подстилающего его суглинка, удалось выяснить в значительной степени форму и размеры землянки. Она состояла как бы из трех сливающихся, округлых по форме, частей, очертания которых сравнительно хорошо прослеживались на фоне подстилающего чернозем красноватого суглинка. Общая наибольшая длина—6,20 м при ширине 3,25 м (на глубине 1,2 м). В северной, южной и центральной частях на дне ее открыты три очага с очажными камнями и большим количеством золы и угля. Удалось уловить входную часть с двумя ступенями. Внутри землянка была заполнена мощными скоплениями отчасти расколотых костей домашних и диких животных, фрагментами керамики с черной росписью и из грубой массы с примесью раковин и «полосчатым сглаживанием»².

Здесь же в землянке найдены каменные зернотерки и верхние растиральные камни, свыше 20 кремневых орудий (ножи и скребки) и несколько мотыг из рога оленя. На дне землянки обнаружена слабо обожженная обмазка с отпечатками прутьев, что дает основание предполагать, что стены землянки были обставлены лозой и обмазаны слабо обожженной глиной.

Чрезвычайно интересными находками в землянке были несколько мотыг из рога оленя. Одна из них из целого рога, с шероховатой, естественной для рога, поверхностью, представляет большое орудие, длиною 0,37 м и шириною 0,10 м, с наискось просверленным отверстием для деревянной рукоятки (рис. 1). Судя по сравнительно небольшому диаметру (0,025 м) сквозного отверстия, рукоятка должна была быть недлинной и из твердого дерева. Предварительное изучение мотыги показывает, что такого типа примитивным земледельческим орудием производился двойной процесс обработки земли: острым концом рога разрыхляли верхний покров почвы, а тупым (обушным)—разбивали комья. В соответствии с этим на найденной в землянке мотыге с одной стороны заметны сильная затупленность и заполированность острого конца рога, с другой—обушная часть сильно стерта и уплощена. Другие мотыги, сделанные также из рога оленя, более короткие,—колодкообразной формы и с прекрасно отполированными поверхностями (рис. 2, 3). У одного из экземпляров обушная часть не только стерта от постоянных ударов, но даже пробита по всей поверхности, что подтверждает высказанное предположение о том, что такого типа мотыгой производили и разрыхление почвы и раздробление комьев (рис. 4).

Во Владимировской землянке была сделана и еще одна замечательная находка—фрагмент (верхняя часть) глиняной, условно трактованной женской статуэтки³. Не-

¹ На этой же глубине лежит и основание соседнего с землянкой жилища № 6.

² По предварительному изучению, керамика землянки аналогична по типу обнаруженной в соседних жилищах № 6 и 7, а также № 3.

³ Размеры: высота фрагмента—0,07 м; ширина в плечах—0,042 м; длина лица—0,03 м; длина волос—0,063 м; толщина фрагмента до 0,02 м.

сколько удлиненное лицо; с хорошо моделированным округлым подбородком; отделено от короткой шеи. Рот обозначен горизонтально вытянутым углублением. Сильно выступающий с горбинкой нос непосредственно переходит в низкий лоб. Двумя правильно округлой формы углублениями обозначены оба глаза. Рельефно вылепленные уши проткнуты поперек сквозными отверстиями. Правое ухо обломано. Короткая

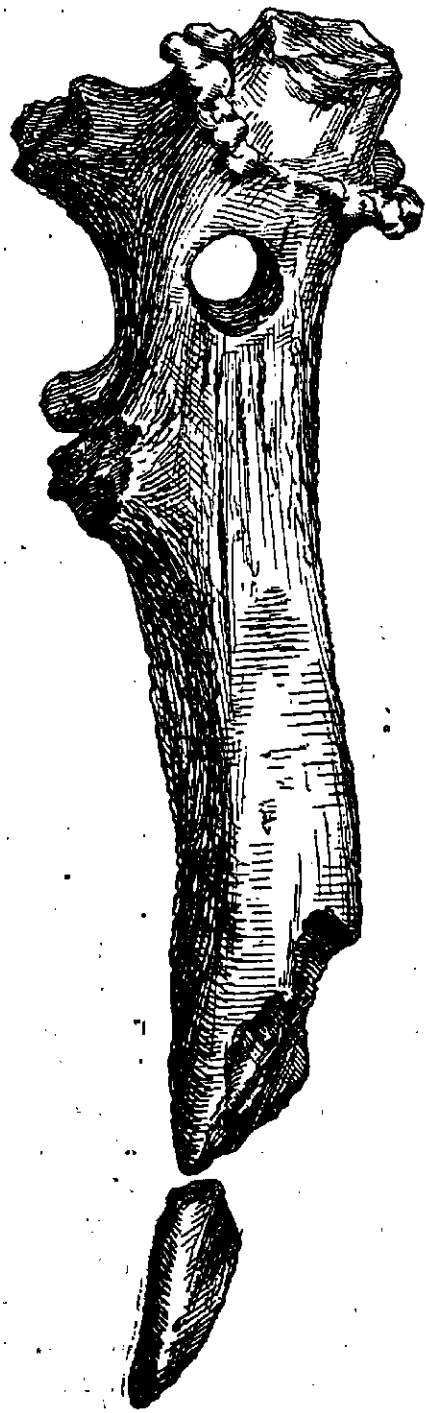


Рис. 1. Мотыга из рога оленя. Владимировка. Землянка. $\frac{1}{3}$ н. в.

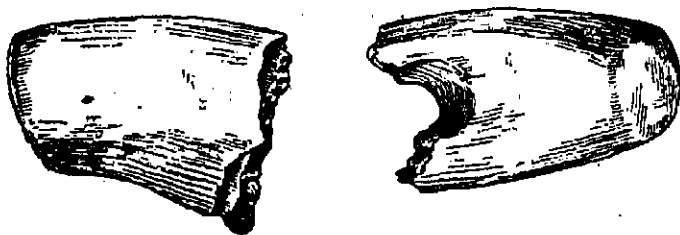


Рис. 2. Фрагмент обушной части мотыги из рога оленя. Вид сбоку и сверху. Владимировка. Землянка. $\frac{1}{3}$ н. в.

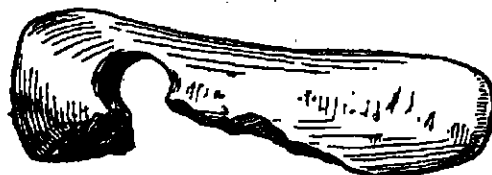
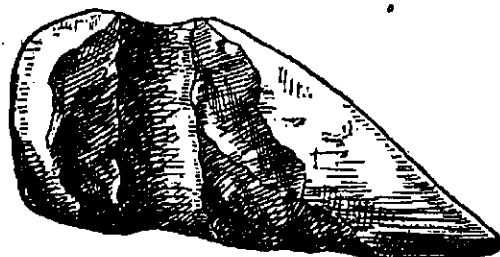


Рис. 3. Мотыга из рога оленя. Вид сбоку и сверху. Владимировка. Землянка. $\frac{1}{3}$ н. в.

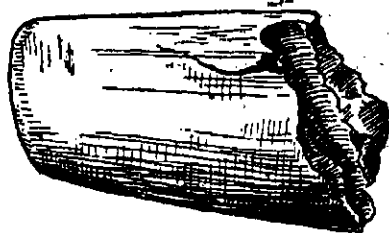


Рис. 4. Фрагмент обушной части мотыги из рога оленя. Вид сбоку и сверху Владимировка. Землянка. $\frac{1}{3}$ н. в.

шея переходит в несколько опущенные плечи. Руки обломаны (по аналогии с другими статуэтками, руки, вероятно, были сложены под грудью). Обнаженная грудь, изображенная двумя рельефными вытянутыми выступами, несколько наклонена вперед и показывает, что статуэтка скорее всего была сидячей. Углубленными полосками обозначены откиннутые назад, распущенные волосы, разделенные посередине пробором. Спереди вокруг лица волосы обрамлены углубленной полосой. Сзади на спине распущенные волосы изображены рельефно, концы их как бы перехвачены узлом (рис. 5, 6, 7). Масса, из которой вылеплена статуэтка, розовато-красная, плотная: глина с примесью мелкозернистого песка. На поверхности статуэтка покрыта слоем красной облицовки и сохраняет следы росписи черной краской. При обнаружении в землянке

статуэтка была покрыта сплошным известковым налетом. Произведенная очистка ее выявила четко, что волосы сплошь расписаны черной краской. На правой щеке лица нанесены две наискось идущие полоски. Правый глаз, в отличие от левого, обведен черной полосой; на плечах также имеется несколько полосок. Двойными полосками на шее обозначено ожерелье. Черной росписью, таким образом, на статуэтке обозначены волосы; ожерелье и, вероятно, татуировка лица¹.

Среди разнообразных трипольских статуэток вышеописанное изображение не единично. Ближе всего к нему стоит статуэтка, случайно найденная (в 1928 г.) здесь же, на Владимировском поселении; однако, в отличие от найденной в текущем году, статуэтка представляет стоячее женское изображение, не имеющее рук. Плечи заканчиваются небольшими выступами. Остальные черты ее чрезвычайно близки. Тот же ильно горбатый нос и рельефно вылепленные уши со сквозными отверстиями, те же

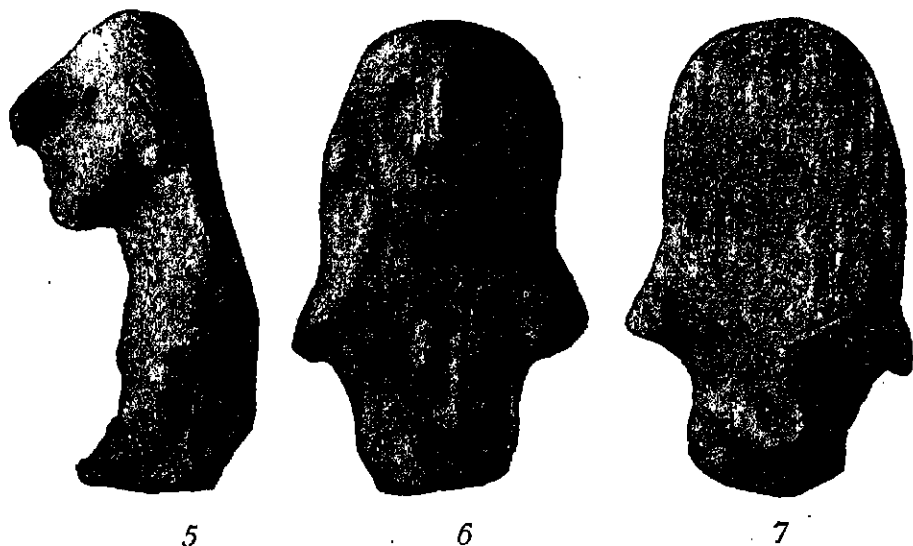


Рис. 5, 6, 7. Женская глиняная статуэтка* (фрагмент). Вид в профиль (5), спереди (6), сзади (7). Владимировка. Землянка. $\frac{1}{2}$ н. в.

распущенные с пробором волосы спускаются на спину, та же обнаженная грудь. Иными приемами в виде узких углублений обозначены глаза и рот, придающие изображению другое выражение лица (рис. 8, 9). Наиболее характерные черты этих обоих изображений—горбатый нос, распущенные волосы, ожерелье, обнаженная грудь—свойственны целому ряду трипольских статуэток, найденных, например, в Сушковке, Чучинках, Криничках², Владимировке, Роскошевке, Колодяжном и других поселениях³.

Аналогичные женские статуэтки встречаются в материалах очень широкого района земледельческих культур на матриархально-родовой стадии развития общества. Они известны во всем Средиземноморье, включая Испанию, северную Африку, Переднюю Азию, Кавказ и прилегающие к ним страны. Именно здесь, в Средиземноморье, следует искать, писал акад. Н. Я. Марр, «корни образа женщины-матери, древней Иштары, домохозяйки, градостроительницы, богини плодородия, покровительницы земледелия»⁴.

Трипольские статуэтки, в большинстве женские, но нередко и мужские, обнаруживаются в каждом трипольском жилище и за границами жилища, а также в так наз. «ракушечных кучах», среди скоплений костей животных, раковин, фрагментов керамики. Вопрос о назначении трипольских статуэток остается до сих пор не решенным, и мнения ученых по этому поводу противоречивы.

¹ Очистка фрагмента статуэтки производилась в химической лаборатории Института археологии АН УССР в Киеве, под руководством О. А. Кульской.

² N. M a k a r e n k o, Sculpture de la civilisation trypollienne en Ukraine, JPEK, 1927, табл. 41, рис. 7, 8; табл. 36, рис. 32; табл. 37, рис. 22, 23.

³ Статуэтки из Роскошевки, Владимировки и Колодяжного не изданы.

⁴ Н. Я. М а р р, Иштарь (От богини матриархальной Афреватии до героини любви феодальной Европы). «Яфетический сборник», т. V, 1927.

В специальной работе, посвященной трипольским статуэткам, А. А. Скрыленко считает их идолами, над которыми производили различные культовые действия для противодействия злым силам¹. По Хвойко и Штерну, они являлись памятниками ритуального характера. Существует и противоположное мнение, сравнивающее трипольские статуэтки с современными украинскими игрушками. В одной из последних работ, посвященных трипольским скульптурным изделиям, Н. Сешак была высказана точка зрения, что изображения, находящиеся в «площадках» (по ее представлению, погребальных сооружениях), являлись заместителями погребенных, остававшимися вместо живых и обеспечивавшими после смерти права покойного обитателя².

Все эти противоположные мнения, обоснованные часто неверными предпосылками (например, о ритуальном характере «площадок»), рассматривают обычно триполь-

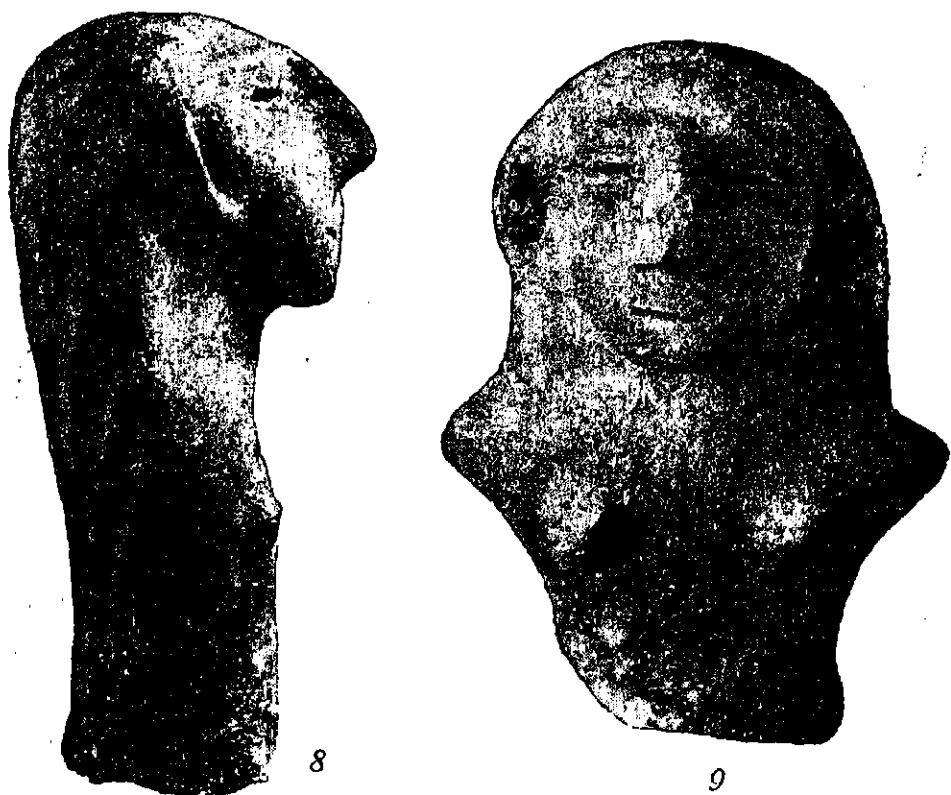


Рис. 8—9. Женская глиняная статуэтка (фрагмент.). Вид в профиль (8), спереди (9). Владимировка. Случайная находка на поселении. $\frac{2}{3}$ н. в.

ские статуэтки вне той конкретной исторической обстановки, в которой они были созданы. Чрезвычайно важно было бы установить (в процессе раскопок этого пока не удалось сделать) местоположение статуэтки в большом трипольском доме и тем самым подойти к пониманию их назначения. Некоторые данные могут быть получены при анализе известной глиняной модели жилища из Попудни, реально передающей все детали трипольского дома внутри.

На модели обращают внимание две категории изображения женских фигурок. Одна—реальное воспроизведение натуры, реальное изображение трипольской женщины, показанной за работой. Она изображена растирающей зерно на ручной зерно-терке. Около нее стоят сосуды с запасами продуктов. Но на той же модели из Попудни имеется и другая фигурка: не реальное изображение женщины, а условно трактованная женская фигура, выполненная теми же приемами, в том же условном стиле, как и большинство трипольских статуэток (рис. 10). Это второе—изображение идола, не реальное, связанное с культом. На возвышении около печи, пишет нашедший модель

¹ А. А. С к р ы л е н к о, Глиняные статуэтки домикенской культуры, открытой в среднем Приднепровье. «Труды XII археологического съезда».

² Н. С е ш а к, L'art plastique dans la culture énéolithique de la céramique peinte en Pologne. «Swiatowit», Warszawa, 1933, vol. XIV.

М. Г и м н е р: «Une idole féminine est assise, les mains jointes sur le ventre»¹. Е. Маевский, первый описавший модель, видит в этом идоле изображение мужчины. Однако М. Гимнер оспаривает это положение, добавляя: «Les rares images d'homme trouvées jusqu'à présent portent un seul trou d'un côté de la tête, tandis que cette idole en a deux: un de chaque côté»².

Четкое определение на модели из Попудни местоположения идола в трипольском доме у печи дает новые материалы для расшифровки если не всех, то некоторых типов трипольских статуэток, причем значение их как «игрушек» или «произведений первобытного искусства» целиком должно отпасть. Наличие двух различных категорий женских изображений на модели еще раз подчеркивает культовое значение трипольского идола, помещавшегося в центральной части в доме, около очага. Наблюдения эти оказались не единичными. На фрагменте модели из случайных находок, сделанных в сел. Чичиркозовка (Уманьск. р.), хранящейся в Музее Умани, около печи, на возвышении

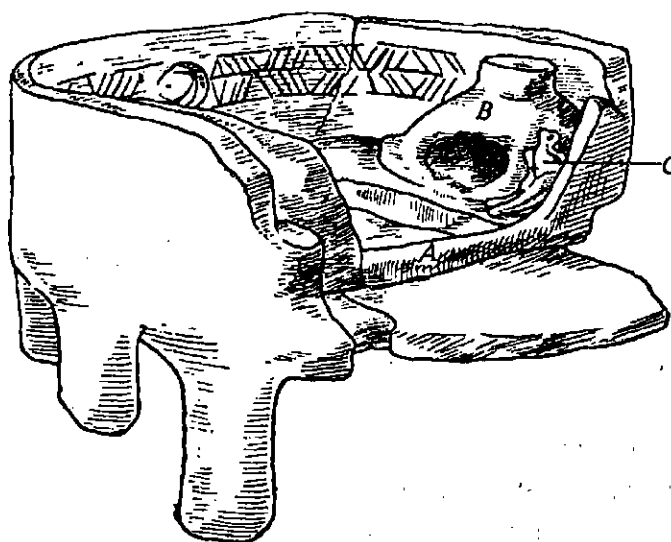


Рис. 10. Модель жилища из Попудни (по Buttler-Haberey). А—вход, В—печь, С—сидячая женская статуэтка-идол. $\frac{1}{4}$ н. в.

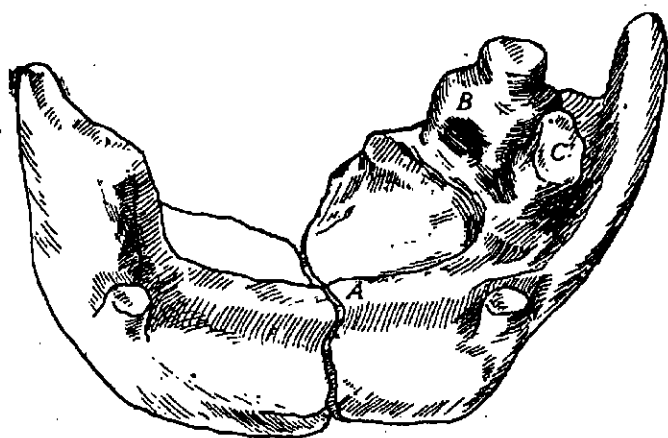


Рис. 11. Фрагмент модели жилища из Чичиркозовки. Случайная находка. А—вход, В—печь, С—основание статуэтки-идола. $\frac{1}{2}$ н. в.

ближе к входу, сохранилась нижняя часть такого же сидячего идола, охранителя очага (рис. 11).

Таким образом, в трипольском доме, кроме крестообразного жертвенника, установлено и место, где помещался идол—женское условное изображение. В Серизлиевке, Усатове, Красногорке в курганах позднего этапа трипольской культуры известны находки аналогичных, но сильно схематизированных статуэток³. Это показывает, что хотя они оставались, как и ранее, предметами культа, в них, однако, на новом этапе развития патриархально-родовых отношений, было вложено и новое содержание.

В итоге раскопок 1940 г. исключительный интерес представляет открытие землянки, поставившей вопрос о существовании наряду с наземными глинобитными постройками (так наз. «площадками») и другого типа жилищ—землянок. Количественно на поселении преобладают наземные постройки, однако имеются и жилища в землянках. Предвари-

¹ М. Н i m n e r, Etude sur la civilisation prémycénienne dans le bassin de la mer Noire, d'après des fouilles personnelles. «Swiatowit». Warszawa, 1933, vol. XIV.

² Е. М а j e w s k i, Habitation humaine (enclos sur pilotis) de la fin du néolithique. «Bulletin et mémoires de la société d'Anthropologie de Paris», 1913.

³ Д. И. Щ е р б а к о в с к и й, Раскопки курганов на пограничье Херсонской и Киевской губернии. «Археологическая летопись Южной России», 1905, рис. 2 (Серизлиевка); В. И. Г о ш к е в и ч, Клады и древности Херсонской губернии, кн. I, Херсон, 1903, табл. XIII, рис. 91, 92 (Красногорка). В. И. Гошкевич две глиняные, сильно схематизированные статуэтки ошибочно описал как «игрушечные сандалии, сделанные из глины» (стр. 127); В. И. С е л и н о в и Е. Ф. Л а г о д о в с к а я, Раскопки Одесского Историко-археологического музея под Одессой в 1936 г. (Усатове), «Советская археология», V, 1940, М.—Л., рис. 23.

тельное изучение комплекса находок показало, что и в землянке и в наземных жилищах встречена керамика аналогичного типа с преобладанием сосудов с черной росписью. Землянки широко известны как в неолитическом периоде в Европе, так и для раннего этапа «Триполья», как, например, у сел. Городницы¹ и Дарабаны в Поднестровье, на Борисовском Городище² близ с. Ильинцы, Киевской обл.

В периоды позднего «Триполья» известны земляночного типа жилища на Киевских высотах и в Городске и в ряде других пунктов³.

Владимировский поселок обитался долгое время и разрастался постепенно. Выявленные здесь, в различных жилищах, разнообразные керамические комплексы находок позволяют говорить о хронологической одновременности владимировского поселка.

Два из этих выявленных комплексов раннего «Триполья» характеризуются: 1) преобладанием керамики с углубленной спиральной орнаментацией и с росписью в две краски (черная и белая) на красном фоне облицовки, 2) преобладанием керамики с черной монохромной росписью. Как в том, так и в другом комплексе встречается керамика грубая, с примесью в массе толченых раковин и с «полосчатым сглаживанием поверхности».

На Владимировском поселении систематические раскопки лишь начаты. В будущем именно здесь, вероятнее всего, удастся окончательно решить важнейший вопрос об основных этапах в развитии Трипольской культуры.

Т. Пассек

Раскопки в Фанагории в 1940 г.

В 1940 г. Государственный Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина продолжал раскопки Фанагории, которые ведутся с 1936 г.³ и имеют целью установление границ города и характера культурных отложений.

Наиболее значительные работы в 1940 г. велись в северной части города, где в 1939 г. было обнаружено 13 культурных напластований (с VI в. до н. э. до приблизительно XII—XIII вв.) общей мощностью шесть метров.

Обнаруженные в 1940 г. шесть средневековых слоев отличались значительно лучшей сохранностью, чем аналогичные слои 1939 г.⁴; это позволило отметить ряд интересных архитектурных деталей, впервые установленных в Фанагории. Найдены фундаменты домов, выложенные «елочкой» из рваного или тесаного камня, и лежавшие на них, аналогичные по конструкции, каменные цоколи, которые поддерживали ныне совершенно разрушившиеся стены из самана. Сохранились дверные проемы с каменными порогами, обрамленные поставленными на ребро плитами; в порогах углубления для штырей. Около развалин стен обнаружены остатки глинобитных печей, вымосток, жернова, большой пифос, обмазанный изнутри известковым раствором, фрагменты различной посуды и пр. Особый интерес представляют изделия из железа, каменный киот, украшенный резным орнаментом, византийская черепица с клеймом⁵ и костяная ручка с резным изображением лошади и птиц.

¹ M. S m i s z k o, Compte rendu provisoire des fouilles dans l'enceinte néolithique de Horodniça, district de Horodenka, Extrait du «Bull. de l'Académie Polonaise des Sciences et des Lettres». Cracovie, 1939.

² Ср. Е. Ю. К р и ч е в с к и й, Древнее население Западной Украины в эпоху неолита и ранней бронзы. «Краткие сообщения ИИМК АН СССР», вып. III, 1940; его же, Из истории Дунайского Понизовья в неолитическую эпоху, КСИИМК АН СССР, вып. VIII, 1940.

³ Об этих работах см. наши заметки в журнале «Искусство», 1937, № 1, стр. 161 сл.; 1938, № 3, стр. 135 сл.; ВДИ, 1940, № 3—4, стр. 287 сл.; М. К о б ы л и н а, К изучению искусства древнегреческого города Фанагории, ВДИ, 1938, № 2 (3), стр. 236 сл. и «Искусство», 1940, № 2, стр. 155 сл.

⁴ В 1939 г. было обнаружено пять средневековых слоев.

⁵ К. Г е р ц, Археологическая топография Таманского полуострова. М., 1870, стр. 78.

Ниже залегали два слоя римского времени, в верхнем из них обнаружены остатки хозяйственного комплекса. Найдены две винодельческие ванны, фрагментированные пифосы и большие амфоры. Винодельческие ванны представляют собой прямоугольные в плане цистерны, имеющие многослойную облицовку из водонепроницаемого известкового раствора с примесью шамота (толченого черепка). В одном из углов ванны значительное углубление для удобства выкачки вина. Видимо, с этим комплексом связаны фрагментированные пифосы и монументальный колодец, открытые в 1939 г.

Еще ниже залегали три слоя эллинистического времени; в верхнем из них (относящемся к II—I вв. до н. э.) обнаружены части богатого дома, открытого в 1939 г. Раскопана стена около 22 м длиной, две поперечные ей стенки, цемянковый пол, а также фундамент довольно мощной стены, может быть, простადы. Обнаружены фрагменты цветной, расписной и профилированной штукатурки—особенно интересны части фриза с лепниной (меандр) и карниза с дантикулом. Над цемянковым полом найден фрагмент мраморной статуи—часть ноги в сандалиии (со следами красной краски). Вполне вероятно, что статуя, к которой относится этот фрагмент, некогда стояла в доме с роскошной штукатурной отделкой.

Наконец, под эллинистическими слоями были обнаружены остатки сооружений классического времени, аналогичные найденным в 1939 г.

Работами в районе Молочно-товарной фермы установлено, что северная часть восточной границы Фанагории в различные периоды существования города подвергалась изменениям. Так, в античную эпоху она проходила, следуя рельефу местности, значительно западнее, чем это было позднее¹; видимо, это было вызвано желанием выбрать наиболее удобное, укрепленное природными условиями место для оборонительной стены. Позднее, в эпоху средневековья, граница города значительно передвинулась на восток, причем территория, ранее находившаяся вне городской черты, оказалась застроенной.

Так показали произведенные в 1940 г. раскопки квадрата, разбитого в 175 м на восток от «Восточного берегового» раскопа 1939 г. (квадр. 5),—эта площадь оказалась уже вне черты даже средневекового города; были обнаружены только остатки дороги и свалка простой посуды средневекового времени.

Далее, было произведено исследование Восточного некрополя имени И. М. Блаватской. При этом были обнаружены тринадцать могил, небольшая черепьяная свалка и продолжение довольно значительной черепьяной свалки, открытой в 1939 г.

Найденные могилы—простые, грунтовые, с трупоположением; обнаруженные костяки лежали на спине. Глубина могил большей частью небольшая (от 0,29 до 1,65 м). В двух могилах (№ 125 и 128), которые датируются временем, предшествующим большой черепьяной свалке (поздне-классического и ранне-эллинистического времени), покойники были ориентированы головой на восток. В других могилах, значительно более поздних по времени, преобладает северная (или близкая северной) ориентация костяков. В большей части погребений могильный инвентарь отсутствовал.

Обнаруженное в 1940 г. продолжение черепьяной свалки 1939 г. имело от 0,10 до 0,45 м в толщину и состояло из фрагментов греческих остродонных амфор, обломки других сосудов попадались в незначительном числе. В северной части раскопа было найдено небольшое скопление черепков простой посуды классического и эллинистического времени, а равным образом чернолаковых и расписных сосудов; заслуживают особого упоминания клейма на плечах тоикостенных сосудов с изображением канфара

¹ Нужно думать, что восточная граница идет в южной части по ложине, отделяющей восточный некрополь имени И. М. Блаватской от верхнего плато города, а в северной части, т. е. по выходе из ложины на нижнее плато,—примерно в северо-западном направлении до берега моря.

Это наблюдение любопытно сопоставить с следующим обстоятельством: примерно против наметившейся границы города находится каменная гряда, обычно считавшаяся остатками мола. Совпадение места этой гряды с предполагаемой восточной границей античной Фанагории заставляет нас поставить под сомнение справедливость принятого истолкования и считать возможным выдвинуть предположение, не имеем ли мы дело с развалинами оборонительной стены.

и легендой «ФА» и фрагмент терракотовой статуэтки-гротеска, по стилю близкой статуэткам Большой Близницы.

Последняя задача, разрешенная раскопками Фанагории в 1940 г.,—вопрос об южной границе города. Топографические условия позволяли предполагать, что эта граница проходила по южному краю верхней террасы Фанагорийского городища, но обилие подъемного материала на северном склоне сопки Блевака делало возможным предположение, что территория города простиралась значительно дальше в южном направлении. Для выяснения этого вопроса был разбит «Южный» раскоп, расположенный в 140 м южнее профилированной дороги Темрюк—Тамань на северном склоне сопки.

На открытой площади было найдено семнадцать могил, вероятно относящихся к средневековому периоду, все они были обнаружены на небольшой глубине (от 0,15 до 1,07 м) и представляли трупоположения; ориентация была головами на север (иногда с незначительными отклонениями). Значительная часть могил (девять)—детские. Инвентаря в могилах не обнаружено.

Кроме могил, еще были открыты на глубине 1,08—1,10 м большой зольник (ожоженная солома или тростник) и несколько глиняных сосудов (три фрагментированные остродонные амфоры классического времени, два простых кувшинчика, одноручная чернотелая чашка и фрагменты других сосудов). Таким образом, мы можем отметить полное отсутствие каких-либо архитектурных остатков на исследованной площади; находки греческого времени заставляют полагать, что на данном месте в то время был пустырь, позднее занятый могильником. Это позволило сделать вывод, что город не заходил на склон Блевака и южная граница его тянулась вдоль южного края верхней террасы. Это окончательно решает вопрос о площади, занятой древней Фанагорией.

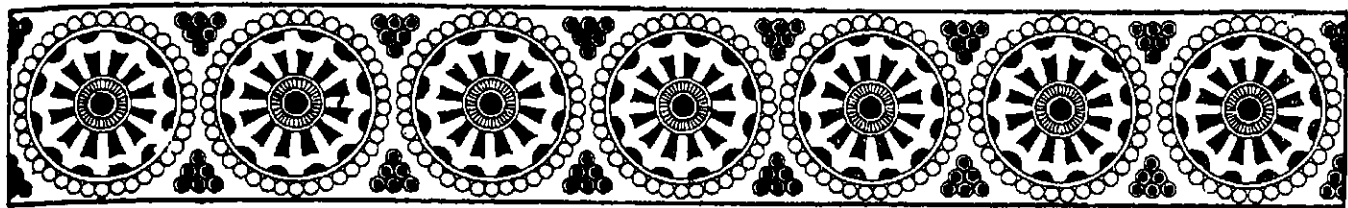
Помимо раскопок в Фанагории, экспедицией были произведены разведки на Фонтановском полуострове. Около Запорожского хлопкового совхоза было обследовано городище (предполагаемый Патрей): небольшой раскоп обнаружил керамику VI—III вв. до н. э., указывающую на время существования городища. Разведки городища около Деевских хуторов (Киммерикон?) дали подъемный материал эллинистического и более позднего времени. Наконец, экспедицией были произведены охранные раскопки некрополя около городища на Пересыпи, причем были обнаружены могилы греческой и римской эпох.

В. Блаватский



ПРИЛОЖЕНИЕ
SUPPLÉMENT

МАТЕРИАЛЫ
К ИСТОРИИ
ДРЕВНИХ СЛАВЯН



Проф. А. В. МИШУЛИН

МАТЕРИАЛЫ К ИСТОРИИ ДРЕВНИХ СЛАВЯН

*Посвящается 50-летию научной и общественно-педагогической работы
заслуженного деятеля науки, акад. С. А. Жебелева*

Введение

В данное собрание сведений о древних славянах вошли самые различные свидетельства древних и византийских по преимуществу авторов, от мелких случайных замечаний античных писателей, как, например, Плиний, Тацит и др., до значительных экскурсов о славянах у Прокопия, Феофилакта, Менандра и др. Мы сознательно в составлении такого собрания наметили в основном хронологические рамки до VII в. включительно. Сведения о славянах за этот исторический отрезок охватывают действительно древних славян, т. е. периода расцвета у них родовых отношений и начала их распада. С этим периодом тесно связывается тот исторический процесс, когда начинается образование славянских государств (Само, Аспаруха, позднее Киевское—у восточных славян). Именно этот период до VII в. для истории древних славян является наиболее интересным, мало изученным и в некоторой степени даже и спорным в оценке социального строя. Советская историческая наука в различных академических заседаниях уже подвергла рассмотрению этот период истории славян, который по праву может быть трактован как период древней истории славянских народов. Выступления в печати, например статья чл.-кор. [АН СССР С. В. Бахрушина (см. ВДИ, 1938, № 2 (3); также приложение, ВДИ, 1938, № 1 и др.), наконец специальная работа акад. Б. Д. Грекова об общественном строе Киевской Руси с изложением и древней истории славян,—все это достаточно актуализирует более обстоятельное и специальное изучение социального строя древних славян, притом не только на материале древних авторов, но и путем исследования археологического материала и проведения лингвистических изысканий.

Правда, славистами в этом отношении уже сделано немало, однако это не может быть признано достаточным. Наука развивается, она не стоит на одном месте, обогащается новым материалом, и поэтому, вполне естественно, ранее достигнутые выводы приходится иногда пересматривать, обновлять новыми данными науки, в особенности археологии и лингвистики.

В изучении истории древних славян материал и литературный, и археологический, и лингвистический столь обширен, что в порядок дня ставится вопрос об его систематизации в самостоятельные разделы с целью отдельных публикаций его по разделам археологии, лингвистики, литературных данных.

Мы ставим своей задачей дать публикацию сведений о древних славянах у античных и, главным образом, византийских писателей. Как было сказано, нас интересует эпоха до образования государственных объединений славян, т. е. периода родового строя и сменившей его эпохи так наз. «военной демократии». Этот выбор определился у нас в связи с тем докладом, который был предложен сессии Отделения истории и философии в апреле 1939 г. (см. ВДИ, 1939, № 1), и той работой, которая потом проделывалась для подготовки главы VI тома «Всемирной истории» («Всемирная история», серия древней истории, том VI. «Римская империя»).

Эту работу нельзя назвать новой. Собираание литературных свидетельств о древних славянах в науке проводилось не один раз. К числу одних из первых славистов надо отнести русских ученых конца XVIII в.—Райча и Штриттера. Райч в своем издании древнеславянской истории. (см. его «Историю разных славянских народов», 1795, СПб.) пытался не только собрать известные ему литературные памятники о славянах, но одновременно первый пытался древнеславянскую историю вставить в общую рамку всеобщей истории. Не только славяне, но и народы Восточной Европы в широком смысле слова включаются в поле зрения Райча; наконец, этот ученый старался установить взаимосвязь в социально-политической эволюции этих племен с племенами Западной Европы (остготами, бастарнами, гепидами, гетами и т. д.). Главным недостатком работы, весьма трудоемкой, весьма обстоятельной и для своего времени весьма ученой, было то, что она, во-первых, не была исчерпывающим сводом данных о славянах и, во-вторых, она являлась довольно несистематическим сводом этих данных. В настоящее время, конечно, наука не прибегает и не может прибегать к этому руководству, ибо оно оказывается теперь определенно устаревшим.

Большей систематичностью отличается труд Штриттера «Известия византийских историков, объясняющие российскую историю древних времен и переселения народов» (СПб., 1770). Штриттер прекрасно понимал, какие затруднения представляет для историка отсутствие систематического свода литературных известий о древних славянах. «Надлежало,—пишет он,—завсегда рыться с трудом в 40 томах, в которых известия не только разбиты, но и часто бывают невидны. Оное беспрестанно продолжающееся затруднение угрожало впредь и российскому историку». Далее Штриттер рассказывает в своем предисловии, как был создан его краткий свод о славянах. Затруднения в работе историков были очевидными, и вот, говорит Штриттер: «Императорская Академия наук, предвидя сие, вознамерилась одним разом рушить оные препятствия и для того приказала мне из всего собрания византийских историков сделать полные выписки, которые бы в себе содержали не только все то, что принадлежит близко к Российской истории, но и собрать также известия о других, особливо переселявшихся и в прочем еще мало известных народов» (см. предисловие к вышеназванному труду, стр. 7—8).

Штриттер собрал, действительно, самый различный материал. В 86 отрывках он собрал сведения о славянах с 495 г. по 1222 г. н. э., причем не пояснив, почему были избраны данные хронологические рамки, которые, несомненно, являются совершенно произвольными и не мотивированными с научной стороны. Правда, составитель в предисловии указывает, что с 1222 г. имя «славяне» уже исчезает у византийских историков и последние называют славянские народы уже установившимися названиями россиян, сербов, поляков, босний, чехов и т. д. Но вряд ли это соображение является столь веским, тем более, что оно и не совсем точно. У мусульманских и у западных историков можно еще встретить термин «славяне» и после 1222 г. Рамки византийских свидетельств также произвольно ограничивают поставленную Штриттером задачу.

Что касается славян, то составитель подобрал всего лишь 86 отрывков, причем на долю именно древних славян, как это предложено было понимать выше, падало всего лишь около 45 свидетельств, собранных Штриттером.

Во второй части сборника Штриттера даются 39 отрывков, посвященных первым в истории сведениям о готах, вандалах, гепидах, герулах, гуннах и аvaraх.

Нечего говорить о том, что при всем старании Штриттера дать систематическую сводку свидетельств в своем сборнике, последний оказался не лишенным недостатков. Главным из них оказалась неполнота собранных материалов. Взять к примеру Прокпия Кесарийского; материал, по истории древних славян не был использован целиком и в сборнике дан только в главных отрывках. Иордан же, готский историк VI в., в сборнике Штриттера не представлен совершенно. Поэтому естественно, что Штриттеру пришлось после составления этого маленького сборника приступить к работе над составлением большого, капитального свода сведений по истории славян.

После Штриттера в работе над славянскими древностями первое место занял чешский ученый Шафарик. В первой половине XIX в. он проделал исключительную работу по собиранию материала и его комментированию. Изданный им в нескольких

томах труд, под заглавием «Славянские древности», был издан в России в 1848—1850 гг., под этим же самым заглавием, под редакцией Бодянского. Несмотря на то, что труд этот, несомненно, устарел, в настоящее время он еще не потерял своего научного значения, и во многих случаях им пользуются еще сейчас.

Выход труда Шафарика имел еще то значение, что он высоко поднял авторитет чешской науки, работу чешских ученых славистов. Именно чешская наука выделила такого слависта конца XIX в. и начала XX в., как Нидерле. Составленный им свод материала по древним славянам включает в себя не только данные литературных, но и археологических памятников и является в известной степени корпусом-фондом материала о славянах, без которого работать в настоящее время славист не может.

Первый том многотомного труда Нидерле выходил по-русски в Киеве, в 1904 г. («Славянские древности», т. I—«Происхождение и начало славянского народа»). Отдельные работы Нидерле издавались на русском языке и в Праге (например, «Славянские древности», главным образом археологическое обозрение) в 1924 г. и хорошо известны советской науке. Значение основного большого труда Нидерле столь велико, что он безусловно нуждается в издании на русском языке, в особенности сейчас, в связи с начавшимся развитием славяноведения в советской науке.

Наше издание собрания литературных свидетельств о древних славянах, печатаемое в приложении к данному номеру «Вестника древней истории», ставит себе более скромную задачу, но и она подчиняется в конечном своем итоге общей задаче развития советской исторической науки. Главное, что нас побуждало в собирании печатаемых материалов,—это дать молодым специалистам по древней истории, студентам исторических факультетов, не являющимся непосредственно славистами, материал древних авторов в собранном, систематическом виде и в русском переводе. В наших курсах по древней истории, в особенности по Римской империи, этот материал почти всегда остается втуне в значительной степени потому, что здесь действует еще до сих пор сила инерции, сознательно отодвигающая материал о древних славянах при одновременном подчеркивании всякого материала о других варварах и их роли в судьбах Римской империи, и, во-вторых, самый-то материал о древних славянах оставался до сих пор не систематизированным и специальных сборников его под рукой обычно у историков не было.

Дать такой свод материала для разработки его в рамках всеобщей истории, в особенности при изучении падения Восточно-Римской империи и образования Византии, наконец, для изучения самой истории древних славян—вот что руководило нашей работой.

Как видит читатель, наш свод начинается от сведений о славянах под именем венодов у Плиния, антов у Прокопия, Иордана, Маврикия и Феофилакта и доводится до включения сведений из Феофана Византийца, хотя он жил уже в VIII в.

Собранные отрывки из писателей с I по VII в. включительно, конечно, не являются еще исчерпывающими и могут быть дополнены. Уже сейчас можно сказать, что в наше собрание сведений о славянах отмеченного периода не вошли мелкие фрагментарные данные сирийских источников. Поэтому дальнейшее собирание материала по этой ранней истории славян, да притом еще из наиболее ранних источников, составляет следующую задачу. Всякие замечания и пожелания в этом направлении будут мною приняты только с удовлетворением.

Теперь необходимо кратко остановиться на характере материала, на тех вопросах, которые вытекают из него для исследователя. Весь приводимый в отрывках материал ставит перед нами в первую очередь следующие неотложные для изучения вопросы. Вопрос первый—о географии расселения славянских племен, о соприкосновении их с племенами Западной Европы, а также и с другими племенами Восточной Европы. Нельзя признать этот вопрос достаточно исследованным, и многое еще тут остается спорным. В изучении этого вопроса особого внимания заслуживает соприкосновение, или, если можно так сказать, социальная диффузия, славянских и других народов, во время борьбы с Римской империей образовывавших целую коалицию варварских племен против рабовладельческого Рима. Кстати сказать, еще Энгельс интересовался

проблемой того, как культурная полоса античности была «разорвана и смята немцами и славянами» (М. и Э., Соч., т. XIV, стр. 440). Особенно Энгельса привлекал вопрос о движении народов в V и VI вв., причем Энгельс тут подчеркивал, что после движения волны германцев продолжалось расселение славян, «которые и после них (германцев.— А. М.) еще долгое время находились в движении» (там же, т. XVI, ч. I, стр. 344).

Отсюда уже возникает и следующий, вытекающий из первого и более конкретный вопрос об истории столкновения славянских «варваров» с Восточно-Римской империей. Социальная значимость изучения этой проблемы стыка славянского мира с романским на Балканах и значение этого факта для судеб Восточно-Римской империи вряд ли нуждаются в особом пояснении. На этой стороне дела нам уже приходилось останавливаться (см. статью «Древние славяне и судьбы Восточно-Римской империи» в ВДИ, 1939, № 1). Здесь бы хотелось только подчеркнуть, что проследить историю борьбы и вообще столкновения Рима и народов восточной Европы, в частности, и в особенности славян, не так-то хорошо разрешимая или, во всяком случае, достаточно еще не разрешенная задача. Уже с эпохи Траяна можно установить наличие борьбы между Римом и Востоком Европы. Тогда еще на Востоке выступали различные прото-славянские племена, как скифы, сарматы, роксоланы и т. д. И тут-то возникает сразу несколько вопросов: кто такие были скифы в эту позднюю эпоху, каков этногенез сарматов, роксолан и на какой этнической основе впоследствии появляются славянские племена, которые, конечно, не с неба упали, а явились результатом какого-то этнического развития племен, населявших восточные, соприкасавшиеся с Римом, районы Европы. Таким образом, тут могут быть вскрыты две стороны этого процесса стыка Рима с восточно-европейскими племенами. Конкретно-историческое исследование этого столкновения должно показать, во-первых, значение этого явления для Римской империи, поскольку, как известно, этот внешний фактор сыграл в единстве с внутренним решающую роль для существования рабовладельческой системы. Во-вторых, изучение столкновений и постоянной борьбы должно показать влияние этого факта на социальный процесс, происходивший внутри восточно-европейских племен, в частности и главным образом у славян, поскольку социальная эволюция последних упиралась уже в образование политических объединений, а потом и первых славянских государств.

Отсюда уже вытекает и третья проблема—о внутреннем строе древних славян, о распаде у них родовых отношений, организации строя «военной демократии» как переходной эпохи от рода к образованию государства. Славянский род, рудименты которого оказались так живучи в существовавшей до самого XIX в. славянской общине, представляет для историков интересную историческую проблему, в особенности если ее рассматривать в сравнительно-историческом плане, наряду с родом греческим, римским и германским. Однако это ни в какой степени не должно скрадывать от нас интереса к другой стороне процесса, именно к изучению зачатков государственности в процессе развития славянского рода и возникновения той «военной демократии», которая явилась как бы переходным мостом к образованию государства. Следует вспомнить, что в «Происхождении семьи...» Энгельса интересует не столько род, как таковой,—это не самоцель исследования у Энгельса,—сколько условия его распада, в результате чего появляются и частная собственность, и классы, и государство. Гениальность Энгельса в изучении этого вопроса заключается именно в том, что он сумел для переходной от рода к государству эпохе уловить общие черты появляющейся политической организации у племен, которые в совокупности и представляют «военную демократию», в появлении и в дальнейшем развитии которой и осуществляется та особая формы революция, которая в конце концов отменяет родовой строй и приводит к образованию государства. «Так же, как у греков в героическую эпоху, у римлян во время так называемых царей была военная демократия» («Происхождение семьи...», стр. 123. Партиздат, 1937). «У объединившихся в народы германских племен существует такое же общественное устройство, как у греков героической эпохи и у римлян эпохи так называемых царей: народное собрание, совет родовых старшин, военачальник, стремящийся к подлинной королевской власти» (там же, стр. 138).

Изучение эволюции славянского рода по материалам, главным образом, Прокопия, Менандра, Маврикия и Феофилакта позволит нам воссоздать такую же картину военной демократии и у славян. Несомненно, у славян были свои исторические своеобразия, однако и некоторые общие черты военной демократии могут быть безусловно отмечены. Так, Прокопий сообщает нам о славянском вожде Андрагасте; Феофилакт— о другом вожде (князе) Ардагасте, который, как говорится в этом источнике, управлял целой страной; далее, тот же Феофилакт называет нам вождя у славян—Пирогаста; наконец, о другом вожде, Мусокии, этот автор даже прибавляет, что этот вождь титуловался царем, причем для ясности подобной характеристики Феофилакт в греческом тексте своего изложения употребляет латинский термин «гех». О славянских князьях сообщает нам и Менандр. О народном собрании весьма пространные сообщения имеются у Прокопия. Недостаточность других данных не позволяет нам воссоздать картину военной демократии у славян, аналогичную той, которая имеется у историка в отношении греков, римлян и германцев. Однако историческое исследование в этом направлении должно работать путем привлечения, кроме литературного материала, также археологического и этнографического.

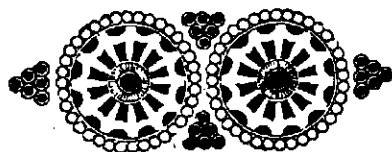
Только с таких позиций эволюции славянского рода удастся нам установить, как сделал это Энгельс применительно к грекам, римлянам и германцам, исторические условия возникновения государственности у славян. Другими словами, последующая история образования славянских государств не может быть понята без изучения славянского рода именно под этим углом зрения. В то же время и изучение славянского рода под каким-либо другим углом зрения теряет весь свой смысл.

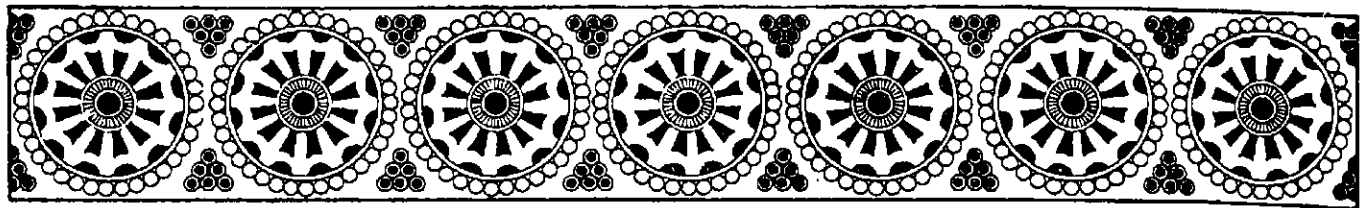
В процессе изучения собранных литературных свидетельств по истории древних славян может возникнуть целый ряд и других проблем, как общих, так и частных. Размеры нашей статьи-предисловия не позволяют поставить другие отдельные вопросы, поэтому и пришлось обратить внимание на проблемы, с нашей точки зрения, главные и ведущие.

В заключение остается сказать, что выборки из древних и византийских авторов сделаны как из имеющихся русских их переводов (например, Менандр в переводе Дестуниса и др.), так и из греческих текстов византийских историков, не существующих в русском переводе. В этом случае все переводы сделаны С. П. Кондратьевым, который любезно взял на себя проверить и подобранные мною сведения о славянах в русском переводе, поскольку такие переводы могли устареть если не по существу, то в стилистическом отношении, как правило.

К каждому автору даются биографические и исторические справки, а также сведения о литературе вопроса.

Для удобства пользования нашим собранием документов-отрывков из древних авторов, всюду в приводимых текстах слова «славяне», «анты», «венеды» даются в разрядку.





ДРЕВНИЕ СЛАВЯНЕ В ОТРЫВКАХ ГРЕКО-РИМСКИХ И ВИЗАНТИЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ по VII в. н. э.

I

ОТРЫВКИ ИЗ АНТИЧНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

ИЗ «ЕСТЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ» ПЛИНИЯ СТАРШЕГО

[Плиний как автор I в. н. э. первым сообщает нам в своей «*Historia Naturalis*» о славянах под именем венедов. Как видно далее из приведенных материалов, под этим именем о славянах сообщают нам также Тацит, Птолемей и Иордан. На это обстоятельство обратил особое внимание в свое время Шафарик, который в много-томном труде «Славянские древности» дает по этому поводу многочисленные и подробные комментарии. Останавливается на этом и славист Нидерле.

Лучшее издание текста Плиния — Jahn-Mayhoffer, 1906. Основная работа по вопросу о географических сведениях Плиния — A. Klotz, *Quaestiones Plinianae Geographicae*. Berl., 1906. О венетах по Плинию см. спец. литературу: Шафарик, «Славянские древности», тт. I и II (русск. перевод под редакцией Бодянского); также Нидерле, «Славянские древности», тт. I и II.]

Отрывок 1

IV, 97. Некоторые писатели передают, что эти местности вплоть до реки Вистулы (Вислы) заселены сарматами, венетами, скифами, гиррами.

ИЗ «ГЕРМАНИИ» ТАЦИТА

[Здесь также говорится о венетах, причем расположение этого племени, по Тациту, совпадает с вышеописанным у Плиния. См. комментарии историко-географические у Шафарика и Нидерле. Новейшей работой о славянах, по Тациту, является исследование польского ученого: D a n k i e w s k y, *Les suèves de Tacite ou les slaves d'ouest à l'époque romaine*. Varsovie, 1933. Лучшее комментированное издание Тацита — во втором издании Norden, «*Germania*», 1923.]

Отрывок 2

XI, 6. Здесь конец страны свевов. Относительно племен певкинов, венетов и финнов я не знаю, причислить ли мне их к германцам, или к сарматам... Более похожи венеты на сарматов по своим нравам и обычаям.

ИЗ «ГЕОГРАФИИ» ПТОЛЕМЕЯ

[Вполне совпадающими с Плинием и Тацитом сведениями о славянах (под именем венедов) являются нижеприводимые немногие строки Птолемея. Об этом см. вышеуказанные своды славянских древностей. Новейшее критическое издание

текста «Географии» Птолемея—Text und Karten des Ptolemäus, hrsg. Paul Schnabel, Lpzg, 1938.

Новейшим исследованием по «Географии» Птолемея является работа О. С u n t z, Die Geographie des Ptolemaius, Ber.-Weid., 1929.

О т р ы в о к 3

III, 5, 19. Сарматию занимают очень большие племена: в е н е д ы вдоль всего Венедского залива; над Дакией господствуют певкины и бастарны; по всей территории, прилегающей к Меотийскому озеру,—языги и роксоланы; вглубь страны от них находятся амаксобии и аланы-скифы.

ИЗ СТИХОВ АЛЬЦИМА ЭКДИЦИЯ АВИТА

[Экдиций Авит происходил из senatorской фамилии в Оверни. Родился он в 460 г. н. э., умер в 525 г. В 490 г. получил епископскую кафедру и занялся литературной деятельностью. Из дошедших до нас произведений известны письма и стихи Авита. Текст этих произведений был опубликован в 1883 г. и включен в Monumenta Germaniae Historica. Auctorum antiquissimorum tomi VI, pars posterior. Alcimi Aviti opera. Recensuit Rudolfus Peiper. Berolini, 1883.

Нижеприведенный отрывок взят нами в переводе А. И. Малеина из известного произведения В. В. Л а т ы ш е в а «Известия древних писателей о Скифии и Кавказе», т. II, вып. 2, стр. 432.

Сам по себе отрывок незначительный, но весьма интересен тем, что в нем встречается имя славян, что для периода до Иордана и Прокопия является довольно редким, а пока почти единственным случаем.]

О т р ы в о к 4

Ты, Мартин, принимаешь под благочестивым союзом Христа огромные и разнообразные племена: Аламанн, Саксонец, Торинг, Паннонец, Руг, Склав (Sclavus), Нара, Сармат, Дан, Острогот, Франк, Бургундион, Дак, Алан радуются, что познали бога под твоим руководством.

II

ОТРЫВКИ ИЗ ПИСАТЕЛЕЙ РАННЕ-ВИЗАНТИЙСКОЙ ЭПОХИ

ИЗ ИОРДАНА («О ГОТАХ»)

[Иордан—готский епископ, жил в VI в. и написал во второй половине этого века два исторических произведения: «О готах» (De rebus Gethicis) и «Краткую хронику мира» (De breviatione chroniconum). Главное из них—«О готах»,—дошедшее до нас полностью, представляет для нас особый интерес. Ценность этого произведения заключается в том, что Иордан, давая первую систематизированную попытку изложения истории готов, одновременно в процессе изложения дает ряд экскурсов из истории древних славян, сталкивавшихся с готами. Значение этого историка для истории славян, несомненно, не мало. Автор сумел, во-первых, использовать не дошедшее до нас сочинение Кассиодора, особенно его «Хронику» (Chronica). Известно, что Кассиодор происходил из знатной римской фамилии, занимал важные государственные должности при Одоакре, потом при Теодорихе и его наследниках—Аталарихе и Витигесе. Располагая государственными материалами, также архивами и книгами, которые ему были доступны как должностному лицу, Кассиодор, несомненно, сумел использовать для своей «Хроники» эти ценные, может быть, ему только доступные материалы. Невознаградимая утрата этого произведения в некоторой степени смягчается тем, что оно так или иначе нашло свое отражение в трактате Иордана «О готах». В этом произ-

ведении весьма немного сведений о древних славянах, но эти данные по причинам, выше отмеченным, приобретают для историка-славяноведа исключительное значение. Сведения о славянах касаются здесь главным образом вопроса о районе обитания древних славян, о взаимоотношениях славян (антов) и готов, о периоде Германариха и судьбе его царства в связи с движениями славян.

Лучшим текстом Иордана является издание его Моммзенем «*Jordanis Romana et Getica*» в «*Monumenta Germaniae Historica*» (Ser. Ant., V. I, 1882).

Важнейшее издание с научным комментарием и аппаратом: «*The Gothic History of Jordanes by Ch. Chr. Mierow*», 1915. Руководящей статьей является работа Kappelmacher'a «О готах» в RE, 18. Halbb. (erste Reihe), стр. 1908—1929.]

Отрывок 5

III, 34—35. От истока реки Вислы на неизмеримых пространствах основалось многолюдное племя вене́дов. Хотя названия их изменяются теперь в зависимости от различных племен и местностей, однако главным образом они именуются склавинами и антами.

Склавинны живут от города Новиетуна и озера, которое именуется Мурсианским, до Данастра, а на севере до Вислы. Место городов занимают у них болота и леса. Анты же, храбрейшие из них, живя на изгибе Понта, простираются от Данастра до Данапра. Реки эти отстоят друг от друга на много дневных походов.

Отрывок 6

XII, 74—75. Эта Готия, которую предки именовали Дакийей и которая теперь, как мы сказали, называется Гепидией, тогда на востоке граничила с роксоланами, на западе—с языгами, на севере—с сарматами и бастарнами, на юге—с Дунаем. Ведь языги отделены от роксоланов только рекой Алютой.

Отрывок 7

XXIII, 119—120. После избиения герулов тот же Германарих поднял оружие против вене́дов. Они хотя и презираемые как воины, но мощные своею численностью, сперва пытались оказать сопротивление. Но ничего не значит толпа трусов, в особенности если и бог соизволяет на это и против них идет многочисленное войско. Они, как мы установили в начале изложения, именно в перечне народов, происходя из одного племени, имеют теперь три имени: т. е. вене́ды, анты и склавинны. Хотя теперь по грехам нашим они свирепствуют повсюду, но тогда все подчинялись приказам Германариха.

Отрывок 8

XXIV, 29, 130. Вождь готов, Германарих, оказался триумфатором над многими народами, но и он задумался по поводу прихода гуннов, а в это время вероломный народ розоманов (как и роксоланы считаются некоторыми учеными—Райч, Иловайский—славянами.—А. М.), который тогда покорствовал ему среди других, улучил возможность обмануть его по такому поводу. В ярости за вероломное бегство мужа одной женщины из упомянутого народа, по имени Сунильды, царь приказал привязать ее к диким лошадям и разорвать ее на части, разогнав лошадей. А братья ее, Сар и Амми́й, мстя за смерть сестры, пронзили Германариху бок мечом.

О т р ы в о к 9

XLVIII, 246—248. Известно, что по смерти вождя своего, Германариха, после отделения и ухода везегов, они (остготы.—А. М.) остались в той же стране, подчиняясь господству гуннов, хотя и тогда Амал Винитар сохранял знаки своей государственной власти. Он хотел подражать доблести деда Вульгульфа и, хотя уступал счастьем Германариху, однако возмущался своим подчинением власти гуннов; желая мало-помалу освободиться от них и стремясь проявить собственную доблесть, он двинул боевую силу в пределы антов и напал на них. В первом столкновении он потерпел поражение, но затем повел дело храбро и ради наводящего ужас примера распял вождя их, по имени Божа, с сыновьями и 70 старшими вельможами, чтобы трупы повешенных как ужасный пример удваивали страх покорившихся. Но не успел он продержаться с такою независимостью и года, как вождь гуннов, Баламбер, не стерпел этого и призвал к себе Гезимунда, сына великого Гунимунда. Гезимунд, помня о своей клятве и верности, со значительной частью готов был подчиниться власти гуннов. Возобновив с ним союз, Баламбер повел войско на Винитара (который и пал в битве.—А. М.).

ПРОКОПИЙ КЕСАРИЙСКИЙ

[Прокопий, живший, как и Иордан, в эпоху Юстиниана, дал ряд произведений. Главными и дошедшими до нас являются «О войнах Юстиниана» в 8 книгах, из которых четыре последних (V—VIII) говорят «О войне с готами» (*De bello Gothico*), «О постройках» (*De Aedificiis*) и «Тайная история» (*Anecdota*); по общему мнению славяноведов, этот автор первым сообщает более подробные сведения о славянах, причем под их собственным именем, давая картину больших военных походов славян на Восточно-Римскую империю, дальнейшая судьба которой в значительной степени связана именно со славянами.

Как и Иордан, Прокопий писал в VI в. Но Прокопий был гораздо ближе к восточным делам. Известно, что он был секретарем Велизария, полководца Юстиниана, сопровождал этого полководца в походах и располагал большим количеством самых различных государственных, военных, географических и этнографических знаний. Свое изложение (это относится главным образом к «Готской войне») он старается строить по старым и любимым им образцам—Геродоту, Фукидиду и Полибию. Обычно любят сопоставлять Прокопия и Полибия, однако такое сопоставление надо признать весьма условным. Им общи лишь некоторые внешние, имеющие лишь формальный характер, моменты. И Прокопий и Полибий стояли на грани поворотных эпох: Полибий—на грани перехода от греческой эпохи к римской, Прокопий—на грани перехода Восточно-Римской империи в византийское средневековье. И тот и другой являлись спутниками и советниками крупнейших полководцев своего времени. Было бы неправильно характеризовать автора эпохи Юстиниана как придворного историка. Всякий, ознакомившийся, кроме «*De bello Gothico*», с другим произведением—«*Anecdota*»,—может легко установить, как выступал Прокопий с прямым обличением деспотического правления Юстиниана и Феодоры. Панегирически написанным произведением можно считать только его «*De Aedificiis*», в остальном же Прокопий старается быть строгим и объективным в изложении событий. Это обстоятельство придает его экскурсам в историю древних славян особую ценность.

Для истории древних славян важна третья часть его работы «О войнах», именно «*De bello Gothico*», при этом и здесь только последние (третья и четвертая) ее книги. Отдельные небольшие сведения о славянах имеются и в «*Anecdota*» и в «*De Aedificiis*».

Лучшим изданием текста произведений Прокопия являются: J a s o b H a u g, Procopii Caesariensis opera omnia, Leipzig, 1905—1916; кроме того, итальянское издание Comparetti (1912—1927) и пятитомное английское издание с переводом Dewing'a (1914—1928).

Литература о Прокопии довольно обширна. Главнейшие произведения: старая, но не потерявшая значения и сейчас работа Дана (F. D a n n, Procopius von Caesarea) и ряд отдельных статей, объединенных J. Haury в его трех выпусках «Procopiana», 1902—1915, и его же статьи в «Byzant. Zeitschr» за 1936—1938 гг. Специально по «Тайной истории» имеется хорошая русская работа П а н ч е н к о, Прокопий и «Тайная история», 1897.]

ИЗ «ГОТСКОЙ ВОЙНЫ»

О т р ы в о к 10

II, 1, 27. Вот что сделали готы на третий день после того, как они были отбиты при штурме стен. Дней 20 спустя как они взяли порт, города гавань, прибыли Мартин и Валериан, приведя с собой 1600 всадников. Большинство из них были гунны, с л а в я н е и а н т ы, которые имеют свои жилища по ту сторону реки Дуная, недалеко от его берега. Велизарий был обрадован их прибытием и считал, что в дальнейшем им нужно перейти в наступление против врагов. И вот на другой день он приказывает одному из своих телохранителей, человеку смелому и деятельному, по имени Траян, взяв из щитоносцев 200 всадников, идти прямо на варваров и, когда они подойдут очень близко к их укреплениям, поднявшись на высокий холм,—он ему указал его—держаться спокойно. Если неприятели двинутся против них, он приказал не позволять своим воинам вступать с ними в рукопашный бой или браться за мечи или дротики, а пользоваться только луками; когда же он увидит у них колчаны пустыми, безо всякого стыда бежать изо всех сил и бегом вернуться в укрепление. Дав такие поручения, он держал наготове метательные машины и специалистов около них. Выйдя с двумястами воинов из Саларийских ворот, Траян двинулся на неприятельский лагерь. Пораженные неожиданной вылазкой, готы двинулись из лагерей, вооружившись, как каждому удалось. Воины, бывшие с Траяном, взойдя на холм, который им указал Велизарий, отражали оттуда варваров, поражая их стрелами. А их стрелы, так как они попадали в большую толпу, всегда поражали или человека или коня. Когда у них уже истощились все стрелы, они изо всех сил помчались назад, а на них наседали преследовавшие их готы. Когда эти последние оказались близко от стен Рима, то приставленные к этому люди стали пускать в них из машин стрелы, и испуганные варвары приостановили свое преследование. Говорят, что в этом деле у готов погибло не меньше тысячи.

О т р ы в о к 11

II, 2, 15. Когда герулы были побеждены в бою лангобардами и должны были уйти из местожительства отцов, то одни из них, как я выше рассказывал, поселились в странах Иллирии, остальные же не пожелали нигде переходить через реку Истр, но обосновались на самом краю обитаемой земли. Предводительствуемые многими вождями царской крови, они прежде всего прошли подряд через все с л а в я н с к и е племена, а затем, пройдя через огромную пустынную область, они достигли страны так называемых варнов. После них они прошли через племена данов, причем живущие здесь варвары не оказывали им никакого сопротивления. Отсюда они прибыли к океану, сели на корабли, пристали к острову Фуле и там остались. Этот остров Фуле очень велик. Полагают, что он вдвое больше Британии. Он лежит от нее далеко на север. На этом острове земля по большей части пустынна, в обитаемой же части живут 13 племен, очень многочисленных, и у каждого племени свой вождь.

О т р ы в о к 12

II, 2, 26. Римляне не в меньшей степени были недовольны, что в опустошенной стране им приходится так долго вести осаду, и недоумевали, видя, что варвары, терпя такие бедствия, не сдаются им. Поэтому Велизарий больше всего старался захватить живым в плен кого-нибудь из знатнейших среди врагов, чтобы узнать, чего ради варвары так терпеливо переносят столь страшные мучения. Валериан обещал ему легко оказать эту услугу. В числе его воинов были люди славянского племени, которые привыкли прятаться даже за маленькими камнями или за первым встречным кустом и ловить неприятелей. Это они не раз проделывали у реки Истра, где их места обитания, как по отношению к римлянам, так и с другими варварами. Велизарий пришел в восторг от его слов и велел возможно скорее позаботиться об этом деле. Выбрав из своих славян одного, огромного и крепкого телом и очень энергичного, он поручил привести живым неприятельского воина, дав твердое обещание ему, что Велизарий наградит его за это большими деньгами. Этот воин сказал, что он легко это сделает там, где находилась трава. Давно уже готы за недостатком продовольствия питались ею. И вот этот славянин, ранним утром пробравшись очень близко к стенам, прикрывшись хворостом и свернувшись в клубочек, спрятался в траве. С наступлением дня пришел туда гот и быстро стал собирать свежую траву, не ожидая себе никакой неприятности со стороны куч хвороста, но часто оглядываясь на неприятельский лагерь, как бы оттуда кто-либо не двинулся против него. Бросившись на него сзади, славянин внезапно схватил его и, сильно сжав обеими руками его посередине, принес в лагерь и, принеся, вручил Валериану. На его вопрос, на что надеются готы и почему они продолжают занимать укрепление и решительно не желают сдать его римлянам, но добровольно переносят жесточайшие страдания, варвар рассказал все о Бурценции, и, когда привели его к готу, последний уличил его (в предательстве). Когда Бурценций увидел, что все уже открыто, он не скрыл ничего из этого дела. Поэтому Велизарий отдал его товарищам, чтобы они поступили с ним, как хотят, и они в скором времени сожгли его живым на глазах у неприятелей.

О т р ы в о к 13

III, 13. Перезимовав там, с наступлением весны они (герулы и Нарзес) собирались отправиться к Велизарию. С ними был и Иоанн, которому дано было прозвище Фага («поглотитель»). На этом пути им было суждено совершенно неожиданно оказать римлянам великое благодеяние. Случилось, что незадолго перед тем большой отряд славян, перейдя реку Истр, стал грабить тамошние места и забрал в рабство большое количество римлян. Герулы неожиданно напали на них и сверх ожидания победили их, хотя славяне намного превосходили их численностью. Они перебили их, а всех пленных римлян отпустили, чтобы они возвратились домой. Захватив тут некоего человека, присвоившего себе имя Хильбудия, человека знатного, некогда бывшего у римлян претором—начальником войска, Нарзес легко уличил его в самозванстве. Как это все было, я сейчас расскажу.

Был некто Хильбудий, близкий к императорскому дому, в военном деле человек исключительно энергичный, и настолько выше жажды стяжательства, что вместо величайших богатств он по существу не приобрел никакого состояния. На четвертом году своей единодержавной власти император, назначив этого Хильбудия начальником Фракии, поставил на охрану реки Истра, приказав ему стеречь, чтобы жившие там варвары

не могли уже переходить реку. Дело в том, что жившие по Истру варвары, гунны, анты и славяне, часто совершая такие переходы, наносили римлянам неисцелимый вред. Хильбудий настолько был страшен варварам, что в течение трех лет, пока он там был, облеченный званием военачальника, не только никто из варваров не осмеливался перейти Истру для войны с римлянами, но сами римляне под начальством Хильбудия, неоднократно переходя в земли по ту сторону реки, избивали и забирали в рабство живших там варваров. Спустя три года после своего прибытия Хильбудий по обычаю перешел реку с небольшим отрядом, славяне же выступили против него все поголовно. Битва была жестокая; пало много римлян, в том числе и их начальник Хильбудий. В дальнейшем река навсегда стала доступной для переходов варваров по их желанию и римская область совершенно открыта для их вторжений. Таким образом, все могущество Римской империи в этом деле оказалось совершенно неравносильным доблести одного человека.

Спустя некоторое время анты и славяне рассорились между собой и вступили в войну. Случилось так, что в этой войне анты были побеждены врагами. В этом столкновении один славянин взял в плен из числа врагов юношу, едва достигшего зрелости, по имени Хильбудий, и отвел его к себе домой. С течением времени этот Хильбудий оказался очень расположенным к своему хозяину и в военном деле очень энергичным. Не раз подвергаясь опасностям за своего господина, он совершил много славных подвигов и смог добиться для себя великой славы. Около этого времени анты сделали набег на Фракийскую область, и многих из бывших там римлян ограбили и обратили в рабство. Гоня их перед собою, они вернулись с ними на родину. Одного из этих пленников судьба привела к человеколюбивому и мягкому хозяину. Сам же этот человек был очень коварен и способен обмануть любого встречного. Так как при всем желании он не находил никаких средств вернуться в римскую землю, он придумал следующее. Придя к хозяину, он рассыпался в похвалах его милосердию и утверждал, что за это ему от бога будет много всяких благ, что сам он ни в коем случае не окажется неблагодарным своему добрейшему господину и что если тот захочет послушать его добрых советов, которые он очень хорошо придумал, то в скором времени он сделает его обладателем большой суммы денег. На его вопросы, как это будет, он сказал, что у одного из славянских племен на положении раба находится Хильбудий, бывший военачальником римлян, скрывающий от всех варваров, кто он такой. Если таким образом ему будет угодно выкупить Хильбудия и доставить его в землю римлян, то вполне естественно, что он получит великую славу и очень много денег от императора. Такими речами римлянин тотчас убедил своего хозяина и вместе с ним отправился к славянам. У этих народов был заключен мирный договор, и они без страха общались друг с другом. И вот, предложив хозяину Хильбудия большую сумму, они купили этого человека и с ним быстро вернулись домой. Когда они вернулись к себе, в свое местожительство, купивший стал его спрашивать, правда ли, что он Хильбудий, римский военачальник. Он не отказался рассказать все, как было, и со всей откровенностью изложил по порядку всю свою жизнь, что и он сам по роду ант, что, сражаясь вместе со своими родичами против славян, бывших тогда их врагами, был кем-то из неприятелей взят в плен, теперь же, придя в родные земли, он в дальнейшем, согласно закону, будет уже свободным. Заплативший за него деньги остолбенел, лишившись речи от изумления, и впал в величайший гнев, лишившись столь великой надежды на выгоду. Но римлянин, желая его утешить и скрыть истину, чтобы не сделать своего возвращения домой более затруднитель-

ным, продолжал настаивать, что этот человек—тот самый (римский) Хильбудий, но что он, находясь в среде варваров, боится и потому меньше всего желает открыть все, когда же он окажется в римской земле, то не только не будет скрывать правды, но, естественно, будет еще гордиться этим именем. И вначале все это делалось тайно от остальных варваров.

Когда этот слух, распространяясь в народе, стал достоянием всех, то по этому поводу собрались почти все анты, считая это дело общим и полагая, что для них всех будет большим благом то, что они—хозяева римского полководца Хильбудия.

О т р ы в о к 14

III, 14, 22. Эти племена, славяне и анты, не управляются одним человеком, но издревле живут в народоправстве (демократии), и поэтому у них счастье и несчастье в жизни считается делом общим. Равным образом и во всем остальном, можно сказать, у обоих этих вышеназванных варварских племен вся жизнь и узаконения одинаковы. Они считают, что один только бог, творец молний, является владыкой над всем, и ему приносят в жертву быков и совершают другие священные обряды. Судьбы они не знают и вообще не признают, что она по отношению к людям имеет какую-либо силу, и когда им вот-вот грозит смерть, охваченным ли болезнью, или на войне попавшим в опасное положение, то они дают обещания, если спасутся, тотчас же принести богу жертву за свою душу, и, избегнув смерти, они приносят в жертву то, что обещали, и думают, что спасение ими куплено ценой этой жертвы. Они почитают и реки, и нимф, и всяких других демонов, приносят жертвы всем им и при помощи этих жертв производят и гадания. Живут они в жалких хижинах, на большом расстоянии друг от друга, и все они по большей части меняют места жительства. Вступая в битву, большинство из них идет на врагов со щитами и дротиками в руках, панцырей же они никогда не надевают; иные не носят ни рубашек (хитонов), ни плащей, а одни только штаны, доходящие до половых органов, и в таком виде идут на сражение с врагами. У тех и других один и тот же язык, довольно варварский, и по внешнему виду они не отличаются друг от друга. Они очень высокого роста и огромной силы. Цвет кожи и волос у них не очень белый или золотистый и не совсем черный, но все же они темно-красные. Образ жизни у них, как и у массагетов, грубый, безо всяких удобств, вечно они покрыты грязью, но по существу они не плохие люди и совсем не злобные, но во всей чистоте сохраняют туннские нравы. И некогда даже имя у славян и антов было одно и то же. В древности оба эти племена называли спорами («рассеянными»)¹, думаю потому, что они жили, занимая страну «спораден», «рассеянно», отдельными поселками. Поэтому-то им и земли приходится занимать много. Они живут на большей части берега Истра, по ту сторону реки. Считаю достаточным сказанное об этом народе.

О т р ы в о к 15

III, 14, 31. Собравшись, как сказано выше, анты заставили этого человека признать, как они хотели, что он—Хильбудий, римский военачальник. Они грозили, что накажут его, если он будет это отрицать. Как

¹ См. L. Niederle, Ueber die Σπόροι bei Procopius, «Archiv für slaw. Philologie», 1901, XXIII, стр. 130 сл. и G. Vernadsky, The Spali of Iordanis and the Spori of Procopius. Byzantion, 1938, 1, стр. 212.

раз тогда, когда все это происходило, в это время император Юстиниан, отправив некоторых лиц послами к этим варварам, предлагал им поселиться в древнем городе, по имени Туррис, расположенном (севернее) за рекой Истром. В прежние времена этот город построил римский император Траян, но уже издавна этот город был покинутым, так как местные варвары его всегда разграбляли. Император Юстиниан соглашался одарить их этим городом и окружающей его областью, так как искони она принадлежала римлянам, обещал, что будет жить с ними, всячески стараясь сохранить мир, и даст им много денег с тем только, чтобы на будущее время они клятвенно обещали соблюдать с ним мир и всегда препятствовали гуннам, когда они захотят сделать набег на Римскую империю. Варвары все это выслушали, одобрили и обещали сделать все это, если он восстановит начальником римского вождя Хильбудия и даст ему жить вместе с ними, утверждая, как они и задумали, что этот человек и есть Хильбудий. Возымев надежды на столь высокое положение, уже и сам этот человек пожелал быть им и утверждал, что он—Хильбудий, римский военачальник. Отправленного с этой целью в Византию Нарзес захватил на этом пути. Встретившись с ним и найдя, что он обманщик (хотя он говорил на латинском языке и искусно притворялся, узнав уже наперед многое из того, чем можно было узнать в нем Хильбудия), он заключил его в тюрьму и принудил рассказать все дело. После этого отступления я возвращаюсь к продолжению своего рассказа.

О т р ы в о к 16

III, 22—23. В то время как эти послы отправляются в Византию и потом назад в Италию, в это время вот что произошло в области луканов. Собрав местных крестьян, Туллиан сторожил дорогу в эту страну, очень узкую, чтобы враги не могли войти в луканскую область и не причинили бы ей разорения. Вместе с ним сторожили 300 а н т о в, которых еще раньше оставил тут Иоанн по просьбе Туллиана; эти варвары лучше всех других умели сражаться в гористых и трудных местах. Когда об этом узнал Тотила, он решил, что посылать готов на это дело бесполезно, но, собрав толпу крестьян и прислав к ним нескольких, очень немногих, готов, он велел им всеми силами попытаться взять теснины. Когда они столкнулись друг с другом и между ними произошел сильный бой, то а н т ы благодаря своей доблести, так как к тому же им помогала трудность места, вместе с крестьянами Туллиана обратили врагов в бегство, произведя большое избиение. Узнав об этом, Тотила решил разрушить Рим до основания и, оставив тут большую часть войска, с остальной итти против Иоанна и луканов. Во многих местах он разрушил стены укреплений, так что эти разрушения составляли почти третью часть. Он собирался сжечь и из зданий самые красивые и самые знаменитые и сделать Рим пастбищем для овец...

Узнав, что Тотила идет на него, Иоанн не счел возможным оставаться в Апулии, но быстро двинулся к Гидрунту. Те из патрициев, которые были отправлены в Кампанию, отправив в Луканию некоторых из своих рабов, согласно желанию Тотилы, велели своим крестьянам отойти от того, что там делается, и возделывать поля, как они привыкли. Они объявили, что за это им будут всякие блага от хозяев. Тогда они ушли из римского войска и спокойно сидели на своих полях. Туллиан бежал, а триста а н т о в решили удалиться к Иоанну. Таким образом, все по Ионийскому заливу, кроме Гидрунта, опять оказалось во власти готов и Тотилы. Варвары осмелели и, уже разбившись на маленькие отряды, кругом обходили все места. Узнав об том, Иоанн послал на них многие из своих войск. Направ

неожиданно на врагов, они многих из них убили. Испугавшись этого, Тотила собрал всех бывших с ним вместе и оставался спокойно, став лагерь у горы Гарганы, находящейся посередине Апулии в бывшем укрепленном лагере Ганнибала.

Отрывок 17

III, 29. Приблизительно в это время войско славян, перейдя реку Истр, произвело ужасающее опустошение всей Иллирии вплоть до Эпидамна, убивая и обращая в рабство всех попадавшихся навстречу, не разбирая пола и возраста и грабя ценности. Даже многие укрепления, бывшие тут и в прежнее время казавшиеся сильными, славяне смогли взять, так как их теперь никто не защищал, и обходили все места, где хотели, производя опустошения. Начальники Иллирии с 15-тысячным войском следовали за ними, но подойти к неприятелям близко они нигде не решались.

Отрывок 18

III, 34. Когда королем лангобардов был Вацес, у него был племянник, по имени Ризнульф, которого в случае смерти Вацеса закон приглашал занять престол. Задумав, чтобы власть перешла к его сыну, Вацес, возведя на Ризнульфа беспричинное обвинение, присудил его к изгнанию. Он, поднявшись из наследственных владений с некоторыми немногими спутниками, тотчас же ушел в изгнание в область варнов, оставив здесь двух сыновей. Вацес подкупил деньгами этих варнов (чтобы они убили Ризнульфа). Из сыновей Ризнульфа один умер от болезни, другой же, по имени Ильдигес, бежал к славянам. Немного времени спустя сам Вацес, захворав, умер, и королевская власть у лангобардов перешла к Вальдару, сыну Вацеса. Так как он был еще совсем мальчиком, то ему был назначен опекун Авдуин; он распоряжался королевством. Вследствие этого, обладая сам большим могуществом, он вскоре стал королем, так как этот мальчик вскоре перестал существовать, погибнув от болезни. Когда же между гепидами и лангобардами, как я рассказывал, возникла война, то Ильдигес с теми из лангобардов, которые последовали за ним, приведя с собой большой отряд славян, тотчас же прибыл на помощь к гепидам, и гепиды надеялись, что они вернут ему королевский трон. Вследствие заключенного в данный момент мира между гепидами и лангобардами Авдуин тотчас же стал просить гепидов, как ставших друзьями, выдать ему Ильдигеса. Но гепиды решили ни в коем случае не выдавать этого человека; поэтому они предложили ему уйти отсюда и спастись, куда он хочет. Ни минуты не колеблясь, он со своими спутниками, несколькими добровольцами из гепидов, вновь ушел к славянам. Поднявшись оттуда, он отправился к Тотиле и готам, имея при себе войско не меньше 6000, и, прибыв в Венецианскую область, он встретился с несколькими отрядами римлян, которыми командовал Лазарь, вступил с ними в бой, обратил в бегство и многих убил. Хотя он не соединился с готами, но, перейдя реку Истр, он вновь удалился в область славян.

Отрывок 19

III, 38. Около этого же времени войско славян, собравшись не больше, чем в 3000 человек, перешло через реку Истр, не встретив ни с чьей стороны противодействия, и затем, без большого труда перейдя реку Гевр, разделилось на две части. В одной части было 1800 человек, вторая

включала всех остальных. Начальники римского войска вступили с этими войсками в открытое сражение, но хотя эти части и были разъединены, однако римляне были разбиты их внезапным нападением, и одни из них были убиты, другие в беспорядке бежали, спасаясь от них. Когда начальники римлян были таким образом прогнаны обоими отрядами варваров, хотя они были намного слабее римлян, то один из неприятельских отрядов вступил в сражение с Асбадом. Это был из отряда телохранителей императора Юстиниана, зачисленный в состав так наз. кандидатов; он командовал регулярной конницей, которая издавна имела пребывание во фракийской крепости Тзуруле и состояла из многочисленных отличных всадников. И их без большого труда славяне обратили в бегство и во время этого позорного бегства очень многих убили. Асбада же в данный момент взяли живым в плен, а потом убили, бросив в горящий костер, предварительно вырезав из кожи на спине этого человека ремни. После этого они стали безбоязненно грабить все эти местности и во Фракии и в Иллирии, и много крепостей. Тот и другой отряд славян взял осадой; прежде же славяне никогда не дерзали подходить к стенам или спускаться на равнины (для открытого боя), так как эти варвары никогда прежде даже не пробовали проходить по земле римлян. Даже через реку Истр, повидимому, за все время они перешли только тогда, когда я выше об этом рассказывал.

О т р ы в о к 20

III, 38. Эти славяне, победители Асбада, опустошив подряд всю страну вплоть до моря, взяли также приступом и приморский город по имени Топер, хотя в нем стоял военный гарнизон. Этот город был на фракийском побережье и от Византии отстоит на 12 дней пути. Взяли же они его следующим образом. Большая часть врагов спряталась перед укреплением в труднопроходимых местах, а немногие, появившись около ворот, которые обращены на восток, беспокоили римлян, бывших на стене. Римские воины, находившиеся в гарнизоне, вообразив, что врагов не больше, чем сколько они видят, взявшись за оружие, тотчас же вышли против них все. Варвары стали отступать, делая вид для нападающих, что, испуганные ими, они обратились в бегство; римляне же, увлеченные преследованием, оказались далеко впереди укреплений. Тогда поднялись находившиеся в засаде и, оказавшись в тылу у преследующих, отрезали им возможность возвратиться назад в город. И те, которые делали вид, что отступают, повернувшись лицом к римлянам, поставили их между двух огней. Варвары всех их уничтожили и тогда бросились к стенам. Городские жители, лишённые поддержки воинов, были в полной беспомощности, но все же стали отражать, насколько они могли в данный момент, нападающих. Прежде всего они лили на штурмующих масло и смолу как только возможно кипящую и всем народом кидали в них камни, но они, правда, не очень долго отражали грозящую им опасность. Но потом варвары, пустив в них тучу стрел, принудили их покинуть стены и, приставив к укреплениям лестницы, силою взяли город. Мужчин до 15 000 они тотчас всех убили и ценности разграбили, детей же и женщин они обратили в рабство. Но сначала они не щадили ни возраста, ни пола, но как этот отряд, так и другие с того момента, как они ворвались в область римлян, они всех, не разбирая лет, убивали, так что вся земля Иллирии и Фракии была покрыта непогребёнными телами. Они убивали попадавшихся им навстречу не мечами и не копьями или какими-нибудь обычными способами, но, вбивши крепко в землю колья и сделав их возможно острыми, они с великой силой наса-

живали на них этих несчастных, делая так, что острие этого кола входило между ягодицами, а затем под давлением (тела?) доходило до внутренностей человека. Вот как они считали нужным обращаться с ними. Иногда эти варвары, вкопав глубоко в землю четыре толстых кола, привязывали к ним руки и ноги пленных и затем непрерывно били их палками по голове, убивая их таким образом, как собак или как змей, или других каких-либо диких животных. Остальных же вместе с быками и мелким скотом, который они не могли гнать в отеческие пределы, заперев в сараях, они сжигали без всякого сожаления. Так сначала славяне уничтожали всех встречающихся им жителей. Теперь же они и из другого отряда, как бы упившись морем крови, стали с этого времени некоторых из попадавшихся им брать в плен, и поэтому все уходили домой, уводя с собой многие десятки тысяч пленных.

О т р ы в о к 21

III, 40. Когда Герман собрал свое войско в Сардике, городе Иллирии, и приводил его в порядок, заготовляя усиленно все, что нужно было для войны, в это время огромная толпа славян, какой никогда раньше не бывало, явилась на римскую территорию. Перейдя реку Истр, они явились у города Наиса. Когда немногие из них, отделившись от войска, стали блуждать в одиночку, проходя по этим местам, то некоторые из римлян захватили их и, связав, стали допытываться, чего ради это войско славян перешло через Истр и что они собирались сделать. Они твердо заявили, что явились сюда, чтобы осадить и взять Фессалонику и города вокруг нее. Когда об этом услышал император, он пришел в большое беспокойство и тотчас же написал Герману приказ отложить в данный момент поход на Италию и защищать Фессалонику и другие города и отразить, поскольку он может, нашествие славян. Из-за этого Герман задержался. Славяне же, узнав точно от пленных, что Герман находится в Сардике, почувствовали страх. Среди этих варваров Герман пользовался большой известностью по следующей причине. Когда Юстиниан, дядя Германа, вступил на престол, анты, ближайшие соседи славян, перейдя Истр, с большим войском вторглись в пределы римлян. Незадолго перед тем император назначил Германа начальником войск всей Фракии. Герман вступил в бой с войском неприятелей и, нанеся им сильное поражение, почти всех их перебил. За это дело Герман получил великую славу среди всех, а особенно среди этих варваров. Боясь его, как я сказал, и полагая, что он ведет с собою весьма значительную силу, как посланный императором против Тотилы и готов, они тотчас прервали свой поход на Фессалонику и не дерзали больше спускаться на равнину, но, повернув назад и пройдя по горам через всю Иллирию, они оказались в Далмации. Избавившись от этой заботы, Герман велел всему войску готовиться, чтобы через два дня начать отсюда поход на Италию. Но какая-то злая судьба, поразив его внезапной болезнью, заставила его окончить свой жизненный путь.

О т р ы в о к 22

III, 40. Иоанн с императорским войском, прибыв в Далмацию, решил провести зиму в Салоне, имея в виду с окончанием зимы двинуться прямо в Равенну. В это время славяне, которые перед тем оказались в пределах владений императора, как я только что рассказывал, и другие, немного позднее перешедшие через Истр и соединившиеся с прежними, получили полную возможность беспрепятственно вторгаться в пределы

империи. И многие подозревали, что Тотила, подкупив этих варваров крупными денежными суммами, наслал их тогда на римлян, с тем чтобы императору было невозможно хорошо организовать войну против готов, будучи связанным борьбой с этими варварами. Я не могу сказать, явились ли эти славяне, делая угодное Тотиле, или сами, никем не призванные. Разделившись на три части, эти варвары причинили по всей Европе неслыханные бедствия, грабя эти местности не просто набегами, но зимую здесь, как бы в собственной земле, не боясь неприятеля. Позднее император послал против них отборное войско, во главе которого между прочим стояли Константиан, Аратий, Назарес, Юстин, другой сын Германа, и Иоанн с прозвищем «Фага» («поглотитель» — обжора). Главным начальником над ними он поставил Схоластика, одного из дворцовых евнухов. Это войско захватило часть варваров около Адрианополя, города, который лежит посередине Фракии, на расстоянии пяти дней пути от Византии. Дальше уже варвары двинуться не могли; ведь они имели с собою бесчисленную добычу из людей, всякого скота и ценностей. Оставаясь там, они готовились вступить с врагами в открытый бой так, чтобы те даже не предчувствовали этого. Славяне стояли лагерем на горе, которая тут возвышалась, римляне — на равнине, немного поодаль. Так как уже прошло много времени, как они сидели так друг против друга, то римские воины стали выражать нетерпение и позволять себе недопустимые поступки, упрекая вождей, что вот они как начальники римского войска имеют себе продовольствия в изобилии, а не обращают внимания на солдат, мучимых недостатком предметов первой необходимости, и не хотят вступать с врагами в бой. Под их давлением военачальники начали сражение. Произошел сильный бой, и римляне были разбиты наголову. Здесь погибло много прекрасных воинов; вожди же, которым грозила близкая опасность попасть с остатками армии в руки врагов, с трудом спаслись бегством, кто куда мог. Варвары захватили знамя Константиана и, не обращая внимания на римское войско, двинулись дальше. Они получили возможность ограбить местность, так наз. Астику, с древнейших времен не подвергавшуюся разграблению, и поэтому им удалось получить отсюда большую добычу. Таким образом, опустошив большую область, варвары подошли к «Длинным стенам», которые отстоят от Византии немного больше одного дня пути. Немного позже римское войско, идя следом за этими варварами, захватило одну часть их и, неожиданно напав на них, обратило их в бегство. Из врагов они многих убили, спасли огромное количество римских пленников и, найдя в числе добычи знамя Константиана, вновь его вернули себе. Остальные варвары со всей другой добычей возвратились домой.

О т р ы в о к 23

IV, 4. За сагинами осели многие племена гуннов. Простирающаяся отсюда страна называется Эвлисия; прибрежную ее часть, равно и внутреннюю, занимают варвары вплоть до так наз. Меотийского озера и до реки Танаиса, который впадает в озеро. Устье этого озера находится на берегу Понта Евксинского. Народы, которые тут живут, в древности назывались киммерийцами, теперь же зовутся утигурами. Дальше на север от них занимают земли бесчисленные племена антов.

О т р ы в о к 24

IV, 25. В это время огромная толпа славян низверглась на Иллирию и произвела там неопишуемые ужасы. Против них император Юстиниан

послал войско, во главе которого, кроме других, стояли сыновья Германа. Так как это войско по численности было много слабее неприятелей, то предводители нигде не решались вступить с ними в открытое сражение, но, держась у них в тылу, они причиняли им значительные потери. Многих из них они убили, других взяли живыми в плен и отправили к императору. Тем не менее эти варвары совершали ужасные опустошения. Во время этого грабительского вторжения, держась в пределах империи долгое время, они заполнили все дороги горами трупов; они взяли в плен и обратили в рабство бесчисленное количество людей и разграбили все; так как никто не выступал против них, они со всей добычей ушли домой. Даже при переправе через Истр римляне не могли устроить против них засады или каким-либо другим способом нанести им удар, так как их приняли к себе гепиды, продавшись им за деньги, и переправили их, взяв за это крупную плату: плата была—статер с головы. Поэтому император был очень огорчен и обеспокоен, не зная, каким образом в дальнейшем он может отразить их, когда они будут переходить Истр, с тем чтобы грабить Римскую империю, или когда они будут уходить отсюда с добычей. По этому поводу он хотел заключить какой-либо договор с племенем гепидов.

В это время гепиды и лангобарды вновь двинулись войной друг против друга. Гепиды, боясь силы римлян (они ведь не остались в неизвестности, что император Юстиниан заключил клятвенный договор с лангобардами о помощи и военный союз), всячески старались стать друзьями и союзниками с римлянами. Поэтому они тотчас отправили послов в Византию, предлагая императору заключить с ними такой же союз. Он немедленно дал согласие на такой союз и подтвердил клятвой. По просьбе послов этот договор скрепили своими клятвами 12 человек из числа сенаторов, этим актом они придали твердость договору. Немного спустя, когда лангобарды на основании союзного договора просили прислать им помощь против гепидов, император Юстиниан отправил войско, обвиняя гепидов, что после заключения договора они переправили через Истр некоторое количество славян во вред римлянам.

ИЗ «ТАЙНОЙ ИСТОРИИ»

Отрывок 25

XI, 11—12. Все то, что пришлось перенести от мидян, сарацин, славян, антов и других варваров, я рассказал в прежних своих книгах; здесь же, как я обещал в начале этого своего произведения, я считаю нужным изложить причины таких бедствий.

Отрывок 26

XVIII, 17. Когда же в Италию пришло войско римлян, то земли галлов и венов в большей своей части были заняты германцами. 18. Сирмий и прилегавшую к нему область заняли гепиды, и вся эта страна, говоря кратко, стала совершенно безлюдной: 19. одних из них погубила война, других же—болезни и моровая язва, что всегда является спутником войны. 20. Что же касается Иллирии и всей Фракии, если считать от Ионийского залива вплоть до предместий Византии, в том числе и Элладу и область Херсонеса, то с того времени, как Юстиниан принял власть над Римской империей, гунны, славяне и анты, делая почти ежедневно набеги, творили над жителями этих областей нестерпимые вещи. 21. Я думаю, что при каждом набеге было убито здесь и взято в плен римлян

по 200 000 человек, так что эта страна повсюду стала подобной скифской пустыне. 22. Вот что случилось в Ливии и в Европе за эту войну. На восточные же границы римлян, начиная от Египта вплоть до персидских границ, все это время непрерывно делали набеги сарацины и так нещадно ее опустошали, что все эти местности оказались наиболее обезлюдившимися, и думаю, что никогда ни один человек, как бы он ни исследовал, не подсчитает количества погибших там таким образом людей. 23. Точно так же и персы под начальством Хозроя четыре раза вторгались в остальную часть Римской империи, брали приступом города и тех людей, которых они забирали во взятых ими городах и в каждой захваченной ими области, одних они убивали, других уводили с собой; таким образом, землю, в которую им приходилось вторгаться, они обращали в безлюдную пустыню. 24. А с той поры, как они один за другим стали совершать походы в Колхиду, все это время вплоть до сегодняшнего дня приходилось погибать там и им самим, и лазам, и римлянам. 25. Однако и персам, и сарацинам, и гуннам, и всему славянскому племени, равно как и иным варварским народам не удавалось уходить из римских пределов без тяжелых потерь. 26. Как во время вторжения, так еще больше во время осад и сражений им приходилось терпеть большие поражения и потери, и гибло их ничуть не меньше, чем римлян. 27. Так что не только римляне, но почти и все варвары утоляли все оскверняющую кровожадность Юстиниана.

О т р ы в о к 27

XXIII, 6—7. ...несмотря на то, что большая часть Азии была опустошена мидянами и сарацинами, а вся Европа разграблена гуннами, славянами и антами, что из городов одни были разрушены до основания, другие дочиста обобраны благодаря денежным контрибуциям, несмотря на то, что варвары увели с собою в плен всех людей со всем их достоянием, что вследствие чуть ли не ежедневных их набегов все области стали безлюдными и необрабатываемыми,—несмотря на все это, он, тем не менее, не снял ни с кого налогов, исключая те города, которые были взяты приступом, да и то на один только год.

«О ПОСТРОЙКАХ»

О т р ы в о к 28

IV, 1, 4—7. Были они (дела Юстиниана.—А. М.) достойны как соседства с рекой Истром, так и необходимости защищаться от нападающих из-за этой реки на империю варваров. 5. Жить по соседству с этой рекой досталось на долю племенам гуннов и готов; поднимаются против нас племена, живущие в пределах Тавриды и Скифии; а затем славяне, равно и другие племена, называть ли их савроматами-кочевниками, или переселенцами, как называли эти племена самые древние писатели-историки, равно как и всякое другое звероподобное племя, которому приходилось тут или пасти свои стада, или поселиться на постоянное жительство. 8. Так как императору Юстиниану предстояло воевать с ними бесконечное время и так как он не привык ничего делать кое-как, то для него было необходимо выстроить неисчислимое количество укреплений и поставить в них несказанное количество военных гарнизонов, а также заготовить и все другое, что могло бы помешать движению врагов, начинающих войну безо всякого сообщения и не признающих общественных законов.

О т р ы в о к 29

IV, 7, 10. Есть три укрепления, идущие подряд вдоль берега Истра,—Сальтупирг, Доростол и Сикидаба. 11. Все их изъязы император поправил с большой тщательностью. 12. Такое же внимание обратил он и на Квестрис, который находился в стороне от берега. Лежащее в ущелье укрепление Пальматис он сделал сильнее и значительно обширнее, хотя оно лежало не у самого берега реки. 13. Близко от него он выстроил вновь крепость Адина, так как варвары—с л а в я н е—постоянно укрывались тут и, устраивая тайно засады против идущих этим путем, делали здешние места совершенно непроходимыми. 14. Он выстроил здесь также крепость Тиликион и налево от него лежащее передовое укрепление.

15. Таковы были укрепления в Мезии по берегу реки Истра и вблизи него. 16. Теперь в дальнейшем я направляюсь в страну скифов. Там первым было укрепление, носящее имя св. Кирилла; пострадавшие от времени его части император Юстиниан отстроил со всей тщательностью. 17. Вслед за ним было старинное укрепление, по имени Ульмитон. Так как варвары—с л а в я н е долгое время устраивали здесь свои засады и очень долго жили в этих местах, то оно стало совершенно безлюдным, и от него не осталось ничего, кроме имени. 18. И вот, выстроив его вновь с самого основания, император сделал эти места свободными от нападений и злоумышлений с л а в я н. 19. За ними идет город Ибида, большая часть укреплений которого сильно пострадала. Император немедленно их восстановил и сделал это укрепление очень сильным. 20. За ним он выстроил вновь укрепление, которое называется Эгисс. И другое укрепление, лежащее на краю Скифии, по имени Альмирис, большая часть стен которого оказалась испорченной, он блестяще отстроил и тем его сохранил.

О т р ы в о к 30

IV, 11, 14. Есть в Родопе древний город, по имени Топер; большую часть его окружала река своими волнами, а над ним отвесно поднимался холм. Незадолго перед тем овладев им, этот город взяли варвары—с л а в я н е. 15. Но император Юстиниан namного увеличил высоту его стен, так что они настолько превосходили высоту холма, насколько прежде они были ниже его. 16. Он выстроил еще галерею на сводах стены, откуда защитники города могли безопасно сражаться с теми, кто шел на приступ стен, а из башен каждую он сделал сильным укреплением. 17. Пространство же от крепостных укреплений до реки он укрепил поперечной стеной. Вот что сделал здесь император Юстиниан.

АГАФИЙ «О ЦАРСТВОВАНИИ ЮСТИНИАНА»

[Агафий жил также в VI в. и является как бы продолжателем истории Прокопия. Литературная карьера Агафия была весьма своеобразной. Сначала он получил юридическое образование в Александрии, потом в Константинополе и поэтому подвизался, главным образом, как адвокат, за что получил прозвище «Схоластика». Раньше он писал только поэтические произведения и лишь после смерти Юстиниана принялся за исторические. Риторика, унаследованная от отца (ритора), поэтическая склонность и фантазия застилают у Агафия объективность изложения, остроту исторического взгляда на события. Это приходится иметь в виду] при чтении] дошедших до нас пяти книг «О царствовании Юстиниана».

В этом описании автор пользовался, главным образом, показаниями очевидцев. Несомненно, что Агафий пользовался и своими собственными наблюдениями событий.

Его несколько маленьких высказываний о славянах ценны тем, что они, во-первых, относятся к VI в., а во-вторых, они—результат событий, которые наблюдал сам Агафий.

Лучшее издание: *Agathiae historiarum libri quinque*, ed. B. G. Niebuhr. Bonnae, 1828.

Новейшие работы: J. F r a n k e, *Quaestiones Agathianae*. Breslau, 1914 и M. I t e s, *Zur Bewertung des Agathias*, «Byz. Zeitschr.», XXVII, 273.]

О т р ы в о к 31 .

III, 6. Все, сознавая свое общее преступление, примыкают к его предложению; одерживает верх план худший и менее всего соответствующий обстоятельствам, конечно, для того, чтобы скорее получить возмездие. Поэтому были посланы против тех персов, которые наступали из Мухиризида, не больше человек 600 всадников. Начальниками их были Дабрагаст (ант.—А. М.) и Узигард, оба варвары по происхождению... напав на персов, шедших безо всякой предосторожности, Дабрагаст и Узигард обратили их в бегство... Но когда персы поняли, что на них напало не все римское войско, а только очень немногие, они сами напали на них и обратили в бегство.

О т р ы в о к 32

III, 27. Чтобы корабли римлян, находящиеся на реке, не подверглись какой-либо неприятности со стороны врагов, Дабрагаст, родом ант, военный трибун, и некий гунн, центурион Эльмингейр, как им было приказано начальниками, взяв десять двухпалубных судов и посадив на них свои войска, поднялись выше по течению, со всей бдительностью охраняли реку и, переплывая с берега на берег, наблюдали за переходом.

О т р ы в о к 33

IV, 20. Варвары, попав в тяжелое положение, были сильно теснимы, но не переставали оказывать сопротивление. И уже некоторые, двигая прикрытия, стали приближаться к римским укреплениям, с тем чтобы все их разрушить. Но прежде чем они приблизились и успели укрыться за прикрытием, некто, по имени Сваруна, родом с л а в я н и н, пустил копье в того, кто все время был впереди, и нанес ему смертельную рану. Когда он пал мертвым, тотчас же прикрытия закачались и, перевернувшись, упало. Этим враги оказались открытыми, и римляне легко перебили их копьями.

МЕНАНДР ВИЗАНТИЕЦ (ПРОТИКТОР)

[Если Агафий продолжил Прокопия, то самого Агафия в дальнейшем изложении событий конца VI в. продолжил Менаандр, получивший кличку «Протиктора». Он также историком стал из юристов и первоначально занимался риторикой. Хотя «История» Менаандра целиком до нас не дошла и уцелела лишь в отрывках Свида и в константиновских фрагментах, тем не менее последние имеют для нас исключительную ценность, поскольку все эти фрагменты касаются истории столкновения древних славян с Восточно-Римской империей. Менаандр, как и все другие историки его эпохи—Прокопий, Агафий,—служит источником для составления хроник и «историй» у сирийских писателей. Перевод Менаандра был дан впервые С. Дестунисом, см. его «Византийские историки», СПб., 1860. Из этого же перевода даны и нижеприводимые отрывки, с небольшими поправками, оказавшимися необходимыми при проверке текста.

Последнее издание—Диндорфа, 1876 г. Из новейших работ: V. V a l d e n b e r g, *Le idee politiche di Menandro Protectore*, 1935.]

О т р ы в о к 34

Властители антские приведены были в бедственное положение и утратили свои надежды. Авары грабили и опустошали их землю. Угнетаемые набегами неприятелей, анты отправили к аварам посланником Мезамира, сына Идаризиева, брата Келагастова, и просили допустить их выкупить некоторых пленников из своего народа. Посланник Мезамир, пустослов и хвастун, по прибытии к аварам закидал их надменными и даже дерзкими речами. Тогда Котрагиг, который был связан родством с аварами и подавал против антов самые неприязненные советы, слыша, что Мезамир говорит надменнее, нежели как прилично посланнику, сказал кагану: «Этот человек имеет великое влияние между антами и может сильно действовать против тех, которые хоть сколько-нибудь являются его врагами. Нужно убить его, а потом без всякого страха напасть на неприятельскую землю». Авары, убежденные словами Котрагига, уклонились от должного к лицу посланника уважения, пренебрегли правами и убили Мезамира. С тех пор больше прежнего стали авары разорять землю антов, не переставая грабить ее и порабощать жителей.

О т р ы в о к 35

Между тем как время проходило в этих переговорах и посланники обоих государств занимались ими, а о войне восточной ничего не было известно, славянский народ, в числе около 100 000 человек, опустошал Фракию и многие другие области. Это было в четвертом году царствования императора Тиверия Константина.

О т р ы в о к 36

Эллада была опустошаема с к л а в и н а м и¹; со всех сторон нависли над нею бедствия. Тиверий не имел достаточных сил противостоять и одной части неприятелей, тем менее всем вместе. Не быв в состоянии выслать к ним навстречу войско, потому что оно было обращено на войну восточную, отправил он посольство к князю аваров Ваяну, который в это время не был неприятелем римлян, но, напротив того, при самом вступлении Тиверия на престол хотел получить какую-нибудь прибыль от нашего государства. Итак, Тиверий склонил его воевать против с к л а в и н о в, для того чтобы разоряющие римские области, отвлеченные собственными бедствиями, вернулись на свою родную землю и, желая помочь ей, перестали грабить римскую. Приняв от императора посольство, Ваян не отказался от сделанного ему предложения. Вследствие чего был отправлен в Пеонию Иоанн, управлению которого были вверены острова и иллирийские города. Прибыв в Пеонию, он перевез в римские области Ваяна и войско аваров на так наз. длинных судах. Говорят, что перевезено было в римскую землю около 60 000 всадников, покрытых латами. Проведя их оттуда через Иллирию, Иоанн прибыл в Скифскую область и опять перевез их через Истр на судах, способных плыть взад и вперед. Как скоро авары переправились на противоположный берег, они начали немедленно жечь селения с к л а в и н о в, разорять их и опустошать поля. Никто из живших там варваров не осмелился вступить с ними в бой: все убежали в чащи, в густые леса. Впрочем, движение аваров против с к л а в и н о в было следствием не только посольства кесаря или желания Ваяна изъявить ему благодарность за оказываемые ему

¹ Так обыкновенно называют славян древнейшие писатели—Прокопий, Менандр и другие.—А. М.

ласки; оно происходило и по собственной вражде Ваяна к славянам. Ведь перед тем вождь аваров отправил посольство к Давриту и к важнейшим князьям славянского народа, требуя, чтобы они покорились аварам и обязались платить дань. Даврит и старейшины славянские отвечали: «Родился ли на свете и согревается ли лучами солнца тот человек, который бы подчинил себе силу нашу? Не другие нашу землю, а мы чужою привыкли обладать. И в этом мы уверены, пока будут на свете война и мечи». Такой дерзкий ответ дали славяны; не менее хвастливо говорили и авары. Затем последовали ругательства и взаимные оскорбления, и, как свойственно варварам, жестокими и напыщенными словами они возжигали взаимный раздор. Славяны, будучи не в силах обуздать свой гнев, умертвили посланников аварских. Об этом поступке узнал Ваян от чужих. Итак, он имел издавна причину жаловаться на славянов и питал тайную к ним вражду, да и досадовал на них за то, что не покорились ему и притом нанесли ему великое оскорбление. Он желал вместе с тем выразить благодарность кесарю и, сверх того, полагал, что славянская земля изобилует деньгами, потому что издавна славяны грабили римлян... их же земля не была разорена никаким другим народом.

Отрывок 37

Ваян, каган аваров, после того как в том году отправил к царю Таргития для получения назначенных денег (они доходили ежегодно до 80 000 золотых) и после того как Таргитий возвратился к нему с грузом, на те деньги купленным, а также и с деньгами,—постыдным и варварским образом нарушил договор, заключенный с Тиверием тотчас по возведении его в кесарское достоинство, хотя не имел никакой причины к начатию войны, не счел нужным даже выдумать какой-нибудь ложный к тому предлог. Двинувшись со всем войском, каган пришел на берег Сая (Савы) между Сирмием и Сингидоном и вознамерился возвести мост. Он замыслил овладеть городом Сирмием. Боясь, чтоб не помешали ему римляне, охранявшие Сингидон, зная их долговременную опытность и умение управлять речными судами и желая выполнить свое предприятие, прежде чем обнаружится его замысел, собрал он в верхней Паннонии, на Истре, множество тяжелых судов и построил (из них?) длинные военные суда, не по правилам кораблестроительного искусства, но как позволяли ему средства. Он посадил на них множество воинов-гребцов, которые нестройно, по-варварски, как ни попало, ударяли по воде веслами, и пустил их разом по реке, сам же со всем войском шел горою по Сирмийскому острову и прибыл на берега Сая. Находящиеся в тех городах римляне были встревожены появлением кагана. Они поняли его замыслы. Полководец Сингидона, по имени Сиф, послал к нему и спрашивал: чего захотел, что пришел к реке Саю в такое время, когда между римлянами и аварами твердый мир и дружба? В то же время объявил он кагану, что не допустит его навести мост, потому что не было на то императорского разрешения. Каган отвечал, что хочет навести мост без дурного намерения против римлян; что он идет на славянов и, переправившись через Сай, пройдет по римской земле, а там переправится через Истр, против них; что от римского императора готовится для перевоза его множество судов; что он и прежде, в угоду римскому императору, сделал то же самое и возвратил свободу многим мириадам римских подданных, бывших в неволе у славянов; что славяны оскорбили его тем, что не хотят платить ему определенной ежегодной дани; что они убили отправленных к ним от аваров посланников и что он затем и пришел к Саю. Он требовал, чтобы Сиф принял посланников, отправляемых

им к императору, чтобы просить о заготовлении на Истре судов для переезда его войска против славянов. Он объявлял притом, что готов произнести те клятвы, которые почитают величайшими как римляне, так и авары, в том, что он нимало не злоумышляет на римлян, ни на город Сирмий и что построит мост единственно для нападения на славянов. Ни Сифу, ни сингидонским римлянам эти речи не показались достойными доверия. Однако они не имели еще надлежащих приготовлений; воинов было немного, равно как и судов-дромад, потому что движение аваров произведено было внезапно и неожиданно. Между тем каган объявил, что хочет сохранить установленный с римлянами договор, но не отстанет от начатой работы наведения моста, желая идти против славянов, неприятелей своих и римских. Он грозился, что если кто из римлян осмелится пустить в ход одну стрелу на наводящих мост, то римляне должны почитать себя первыми виновниками нарушения договора; что, возбудив к войне аварский народ, им не надо будет жаловаться, если римская держава потерпит от этого какое-либо зло. Эти слова устроили бывших в Сингидоне римлян. Они предоставили ему дать клятву в истине своих слов. Он произнес ее, следуя закону аваров; обнажив меч, он произнес на себя и на весь народ аварский следующие проклятия: «Да будет он сам и все племя аварское истреблено мечом; небо и бог, на небе суший, да пустят на них сверху огонь; да падут на них окрестные горы и леса; река Сай, разлившись, да покроет их,—если он строит мост на Сае с каким-либо дурным намерением против римлян». Такие проклятия произнес по варварскому обычаю каган. «Теперь,—сказал он,—хочу клясться и по римскому закону». В то же время спросил, что у римлян считается самым почтенным и священным, таким, чтобы поклявшись не могли избежать гнева божия, если нарушат клятву. Немедленно архиерей города Сингидона послал к кагану чрез вестников священные книги. Каган, коварно затаив свою мысль, встает с седалища и, притворяясь, что принимает их с большим страхом и почетом, повергается пред ними и клянется богом, изрекшим содержащиеся в священных книгах слова, что в речах его нет никакого обмана. После этого Сиф принял его посланников и отправил их в столицу к Тиверию. А пока посланники ехали в Царьград для объявления императору требования аваров, каган, не мешкая нимало, но скоро и при множестве рук, при содействии, так сказать, всего аварского войска, наводил на реке мост, желая его окончить, прежде чем император поймет его намерение и примет меры к удержанию его.

Отрывок 38

Посланники аварские, по прибытии в столицу, просили императора приготовить для кагана и для войска аварского суда на Истре для переезда их против славянов; они представляли, что каган, полагаясь на дружбу с ним, уже наводит мост на Сае и хочет истребить общих его и римских врагов, славянов. После такого объявления император немедленно понял намерение кагана завоевать Сирмий; он знал, что каган строит мост с той целью, чтобы препятствовать ввозу в Сирмий припасов и голодом принудить город к сдаче. Император, полагавшийся на существующий с аварами мир, не сделал заранее нужных приготовлений к защите Сирмий. Не имея войска, не только достаточного противостать аварской силе, но и самого малочисленного, потому что все полки были заняты войною с персами в Армении и в Месопотамии, он притворился, будто не понимает замысла кагана. Он сказал, что сам желает, чтоб они шли на славянов, много грабивших римские области; но что это время—не самое благоприятное для такого предприятия аваров, потому что турки уже поста-

вили стан у Херсонеса, и что если авары перейдут Истр, то это немедленно будет замечено турками; что теперь лучше для них удержаться от похода и отложить его до другого времени; что он вскоре узнает мысли турок, куда они намерены обратиться, и сообщит о том кагану. Не укрылось от варварского посланника, что это было выдуманно царем нарочно и что он, пугая аваров турками, хочет отвлечь их от принятого намерения. Он, казалось, убедился словами царя и обещал удержать кагана; однако это был тот самый человек, который возбуждал более всех кагана и постоянно подстрекал его к войне против римлян. Получив много даров за данное обещание, он выехал из Византии. Проездом через Иллирийскую область, вместе с провожавшими его немногими римлянами, он был убит славянами, делавшими набеги на те места.

ИЗ «ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ» ЕВАГРИЯ

[Евагрий для нас является интересным автором; по происхождению он был из Сирии (родился около 535 г. в гор. Епифании) и в своей «Церковной истории» более касается событий не церковной, а гражданской истории, за что на него со стороны современников, историков церкви, были большие нарекания. В изложении событий военной и гражданской истории Евагрий пользовался записями Приска, Евстафия (как установлено для II и III книг) и Прокопия (источник для IV книги). Сличение свидетельств последнего с тем, что писал Евагрий о нападениях варваров на Восточно-Римскую империю, дает право современной исторической критике утверждать, что в тех случаях, где Евагрий говорит о нападениях готов, аваров, скифов и просто варваров с Меотиды, надо иметь в виду именно славян. И действительно, достаточно обратить внимание на эпоху, на периоды борьбы этих скифов (иногда он говорит просто о варварах) против империи Юстиниана, Юстина, Маврикия, чтобы видеть при сличении с Прокопием, что тут всюду имеются в виду славяне. Нам до сих пор неясно, почему термин «славяне» не употребляется у Евагрия. Для исторической критики тут возникает большая работа. При этом, однако, надо иметь в виду, что другой сирийский автор (писавший по-сирийски в отличие от Евагрия, писавшего по-гречески), именно Иоанн Эфесский, правда, живший несколько позднее, прямо говорит о славянах под их собственным именем.

Евагрий описывает события до императора Маврикия включительно, которому он и посвящает свое произведение в шести книгах. Последнее издание текста Евагрия принадлежит J. Bidez and L. Parmentier (London, 1898) под названием «The ecclesiastical history of Evagrius. Edit. with introduction, critical notes and indices.

Новейшую литературу об Евагрии см. в новом издании «Geschichte der byzantinischen Literatur» Крумбахера. Нижеприведенные отрывки взяты из русского перевода Евагрия, напечатанного в «Христанском чтении» за 1854 г.]

О т р ы в о к 39

III, 38. Тот же император (Феодосий.—А. М.) совершил величайшее и достопамятное дело—построил на выгодном месте во Фракии так наз. «Длинную стену». Она более чем на 280 стадий отстоит от Константинополя, на 420 стадий, будто залив, обхватывает то и другое море и делает город вместо полуострова почти противоположащим Херсонесу островом, представляя собою безопасную переправу из так наз. Понта в Пропонтиду и в море Фракийское, а вместе с тем удерживая как набеги варваров со стороны известного Евксинского Понта, Колхиды, Меотийского озера и Кавказа, так и прилив их со стороны Европы.

О т р ы в о к 40

IV, 23. Тот же писатель (Прокопий) рассказывает, что обитатели Танаиса,—а Танаисом туземцы зовут пролив, идущий от Меотийского болота в Евксинский Понт,—просили Юстиниана, чтобы он прислал к ним епископа. Юстиниан заботливо исполнил их просьбу и с великим удовольствием послал к ним иерея. Прокопий же очень красноречиво повествует, что на римскую землю во времена Юстиниана сделали набег готы со стороны Меотиды, что в Греции происходили страшные землетрясения, что потрясены были Беотия, Ахайя и места, лежащие около залива Крисайского, и бесчисленное множество селений и городов разрушены до основания, что на многих местах земли появились расселины, которых края где снова сходились, а где так и остались.

О т р ы в о к 41

V, 1. Будучи же одержим двумя пороками—наглостию и малодушием, он (Юстин, преемник Юстиниана.—А. М.), во-первых, вызывает к себе своего родственника Юстина, который пользовался у всех великою славою как по своей опытности в делах воинских, так и по другим достоинствам и в то время находился при Истре, удерживая переправу а в а р о в. А авары—племя скифское, жившее в кибитках и кочевавшее на равнинах по ту сторону Кавказа. Убежав от соседей своих—турков, которые напали на них, они пришли к Босфору; потом, оставив берег так наз. Евксинского Понта, где по всему пространству обитают в а р в а р с к и е народы (хотя были здесь города, крепости и гавани, построенные римлянами, когда в этих местах поселялись либо неспособные к службе воины, либо получали оседлость высылаемые государями переселенцы), шли вперед, сражаясь на пути со всеми в а р в а р а м и, пока, наконец, достигли берегов Истра и отправили посольство к Юстиниану. Оттуда-то отозван был Юстин, как бы для получения того, что следовало ему по взаимному договору с Юстином самодержцем...

О т р ы в о к 42

VI, 10. После этого император (Маврикий) наградил войско деньгами, потом, возвратив Германа и других, призвал их к суду. Все они были приговорены к смерти; однакоже император не только не допустил потерпеть им что-либо неприятное, но еще удостоил их почестей. Между тем как это происходило, а в а р ы дважды доходили до так наз. «Длинной стены», опустошили и разграбили Сингидон, Анхиал, всю Грецию и другие города и крепости, все истребляли и предавали огню, потому что войско большею частию находилось на Востоке.

ИЗ «ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ» ИОАННА ЭФЕССКОГО

[Другим источником из сирийских авторов, писавших о славянах, являются для нас сведения из «Церковной истории» Иоанна Эфесского. Этот автор жил в VI в., писал по-сирийски и так же, как и Евагрий, весьма обстоятельно в своем произведении касался событий гражданской истории, в частности внешней истории, борьбы варваров с Восточно-Римской империей. Так, при характеристике царствования императора Тиверия Иоанн Эфесский вынужден был специально остановиться на характеристике «проклятого народа славян», который в глазах автора являлся весьма воинственным, совершал постоянные нападения на Восточно-Римскую империю и являлся источником многих бед для жизни империи на протяжении продолжительного периода. К сожа-

нию, не все дошло до нас от этого интересного автора. Ниже мы приводим фрагмент из VI книги «Церковной истории» Иоанна Эфесского. Невознаградимой потерей для науки является не дошедшая до нас глава 48 этой книги, в которой, судя по сохранившемуся названию этой главы («О завоевании и опустошении страны славян»), давалось обстоятельное описание римских походов против славян, с одной стороны, и борьбы славян с Восточной империей—с другой.

Текст по-сирийски являлся предметом долгой работы немецкого ученого Шёнфельдера, который в 1862 г. перевел Иоанна Эфесского и издал его по-немецки. Более поздней и лучшей работой в европейской литературе об Иоанне Эфесском и его трудах является сочинение русского ученого, ныне здравствующего проф. А. П. Дьяконова: «Иоанн Эфесский и его церковно-исторические труды», СПб. 1908. Следует также отметить другой труд, принадлежащий перу этого автора: «Иоанн Эфесский и хроника, известная под именем Дионисия Телль Махренского». Эта работа проф. А. П. Дьяконова напечатана в «Христианском чтении», ноябрь—декабрь 1903.

Сводку позднее вышедшей литературы см. в «Jahresbericht üb. d. Fortschr. d. klass. Wissenschaft» Burzian-Kroll, 1931.]

О т р ы в о к 43

VI, 25. На третьем году по смерти императора Юстина и правления державного Тиверия двинулся проклятый народ с л а в я н, который прошел через всю Элладу и по стране Фессалонике и по фракийским провинциям, взял много городов и крепостей, сжег, разграбил и подчинил себе страну, сел на ней властно и без страха, как в своей собственной. И вот в продолжение четырех лет и до тех пор, пока император был занят персидской войной и отправил все свои войска на Восток, вся страна была отдана на произвол с л а в я н; последние заняли ее и растеклись по ней на время, какое назначил бог. Они опустошают, жгут и грабят страну даже до внешних стен, так что захватили и все императорские табуны, много тысяч голов скота, и другие. И смотри—вот теперь 895-й год—они живут, сидят и грабят в римских провинциях, без забот и страха, убивая и сжигая; они стали богаты, имеют золото и серебро, табуны коней и много оружия. Они научились вести войну лучше, чем римляне; [и все же они] люди простые, которые не осмеливались показаться из лесов и степей и не знали, что такое оружие, исключая двух или трех дротиков.

ИЗ «СТРАТЕГИКОНА» МАВРИКИЯ

[Маврикий, или Псевдо-Маврикий, известен нам произведением под именем «Стратегикон», которое как-то до сих пор не было в большом ходу у византинистов и славистов. Во всяком случае еще Штриттер не имел этого произведения в поле своего внимания и не выписал из него сведений, касающихся древних славян. Крумбахер в своем обзоре византийских источников тоже обходит «Стратегикон». Несомненно, что репутации этого источника вредит неисследованность его происхождения. Но в настоящее время определенно стали склоняться к тому, чтобы относить «Стратегикон» если не всегда к императору Маврикию, под именем которого он удержался в науке, то во всяком случае к эпохе этого императора. Известно, что такой учиный византилист, как Ф. Успенский, старался в своей «Истории Византийской империи» использовать этот источник весьма обстоятельно, причем Ф. Успенский считал не подлежащей сомнению принадлежность «Стратегикона» императору Маврикию. Этот источник дорог для нас тем, что здесь описываются характерный для древних славян их военный быт, нравы и некоторые обычаи, описание которых отсутствует в других источниках, в частности в таком подробном, как, например, Прокопий или Феофилакт.

Русский перевод трактата Маврикия был сделан с латинского (а не с греческого, который является оригиналом) капитаном Цыбашевым в 1907 г., СПб. Для наших

нижеприводимых эсцерптов перевод был сделан заново, причем именно с оригинала, т. е. с греческого. Перевод этих мест принадлежит акад. Жебелеву (отрывок, печатавшийся в «Историческом архиве», 1938, № 1) и С. П. Кондратьеву.]

О т р ы в о к 44

IX, 3. Пусть даже этих варваров много, но они не имеют военного строя и единого начальника; таковы славяне и анты, равно и другие варварские племена, не умеющие ни подчиняться, ни сражаться в строю.

О т р ы в о к 45

XI, 5. Племена славян и антов сходны по своему образу жизни, по своим нравам, по своей любви к свободе; их никоим образом нельзя склонить к рабству или подчинению в своей стране. Они многочисленны, выносливы, легко переносят жар, холод, дождь, наготу, недостаток в пище. К прибывающим к ним иноземцам они относятся ласково и, оказывая им знаки своего расположения, (при переходе их) из одного места в другое охраняют их в случае надобности, так что, если бы оказалось, что, по нерадению того, кто принимает у себя иноземца, последний потерпел (какой-либо) ущерб, принимавший его раньше начинает войну (против виновного), считая долгом чести отомстить за чужеземца. Находящихся у них в плену они не держат в рабстве, как прочие племена, в течение неограниченного времени, но, ограничивая (срок рабства) определенным временем, предлагают им на выбор: желают ли они за известный выкуп возвратиться во свояси, или остаться там (где они находятся) на положении свободных и друзей?

У них большое количество разнообразного скота и плодов земных, лежащих в кучах, в особенности проса и пшеницы.

Скромность их женщин превышает всякую человеческую природу, так что большинство их считают смерть своего мужа своей смертью и добровольно удушают себя, не считая пребывание во вдовстве за жизнь.

Они селятся в лесах, у неудобопроходимых рек, болот и озер, устраивают в своих жилищах много выходов вследствие случающихся с ними, что и естественно, опасностей. Необходимые для них вещи они зарывают в тайниках, ничем лишним открыто не владеют и ведут жизнь бродячую.

Сражаться со своими врагами они любят в местах, поросших густым лесом, в теснинах, на обрывах; с выгодой для себя пользуются (засадами), внезапными атаками, хитростями, и днем и ночью, изобретая много (разнообразных) способов. Опытны они также и в переправе через реки, превосходя в этом отношении всех людей. Мужественно выдерживают они пребывание в воде, так что часто некоторые из числа остающихся дома, будучи застигнуты внезапным нападением, погружаются в пучину вод. При этом они держат во рту специально изготовленные большие, выдолбленные внутри камыши, доходящие до поверхности воды, а сами, лежа навзничь на дне (реки), дышат с помощью их; и это они могут проделывать в течение многих часов, так что совершенно нельзя догадаться об их (присутствии). А если случится, что камыши бывают видимы снаружи, неопытные люди считают их за растущие в воде, лица же, знакомые (с этою уловкою) и распознающие камыш по его обреза и (занимаемому им) положению, пронзают камышами глотки (лежащих) или вырывают камыши и тем самым заставляют (лежащих) вынырнуть из воды, так как они уже не в состоянии дольше оставаться в воде.

Каждый вооружен двумя небольшими копьями, некоторые имеют также щиты, прочные, но трудно переносимые (с места на место). Они пользуются

также деревянными луками и небольшими стрелами, намоченными особым для стрел ядом, сильно действующим, если раненый не примет раньше противоядия или (не воспользуется) другими вспомогательными средствами, известными опытным врачам, или тотчас же не обрежет кругом место ранения, чтобы яд не распространился по остальной части тела.

Не имея над собою главы и враждуя друг с другом, они не признают военного строя, неспособны сражаться в правильной битве, показываться на открытых и ровных местах. Если и случится, что они отважились идти на бой, то они во время его с криком слегка продвигаются вперед все вместе, и если противники не выдержат их крика и дрогнут, то они сильно наступают; в противном случае обращаются в бегство, не спеша померяться с силами неприятелей в рукопашной схватке. Имея большую помощь в лесах, они направляются к ним, так как среди теснин они умеют отлично сражаться. Часто несомую добычу они бросают <как бы> под влиянием замешательства и бегут в леса, а затем, когда наступающие бросаются на добычу, они без труда поднимаются и наносят неприятелю вред. Все это они мастера делать разнообразными придумываемыми ими способами, с целью заманить противника.

О т р ы в о к 46

В общем они коварны и не держат своего слова относительно договоров; их легче подчинить страхом, чем подарками. Так как между ними нет единомыслия, то они не собираются вместе, а если и соберутся, то решенное ими тотчас же нарушают другие, так как все они враждебны друг другу и при этом никто не хочет уступить другому. В сражениях наибольшую опасность для них представляет метание в них стрел и копий, внезапные нападения из засады и набеги, производимые против них отрядами из разных мест, сражение с пехотой, особенно легковооруженной, в местностях открытых и ровных. Поэтому нужно заготовить против них конницу и пехоту, главным образом легковооруженную, и приготовить большое количество метательного оружия, не только стрел, но и различных видов копий. Надо также по возможности заготавливать материалы для постройки так наз. пловучих (понтонных) мостов, с тем чтобы переход через реки был предварительно обдуман; ведь в их стране много трудно переходимых рек. И по скифскому обычаю, одни должны строить мост, а другие—их защищать и сражаться. Надо иметь мешки из бычьих и козьих шкур, чтобы во время внезапных нападений на врага или при переходе через реки воины летом переплывали на них. Но нападения на (славян) следует производить главным образом в зимнее время; тогда деревья стоят обнаженными и за ними нельзя скрываться с таким удобством (как летом). На снегу тогда остаются заметными следы убегающих; запасов¹ у них мало, сами они, можно сказать, обнаженные, да и реки вследствие <сковывающего их> льда легко проходимы. Большую часть животных и лишний багаж нужно оставить в своей земле, в хорошо укрепленном месте с небольшим гарнизоном, назначив над ним начальника. Легкие быстроходные суда надо поставить в нужных местах². Остальную часть кон-

¹ По-гречески: *φαιλίας*. Едва ли это: «рабы».

² По-гречески *τρωχτοῖς*. Что это слово значит, не удастся установить. Даже специальный словарь византийского языка Софоклеса его не дает. Особенность Маврикия—давать такие, ему лишь свойственные слова. Нет ли тут чего-либо общего с латинским *tractus*—«путь, тракт». По своему корню *τρωχ*—это слово общее с глаголом *τρώω*—«грызу» (есть прилагат. *τρωχτικός*). Тогда его можно осмыслить: 1) «угрызенное место (берега)», т. е. залив,—«в нужных заливах», или 2) то, что грызется, т. е. сухое, и переводить: «для сухих продуктов» (*τὰ ἀναρχαῖα*).

ницы надо оставить в своей стране с хорошим начальником как для охраны страны и чтобы не случилось чего-либо с перешедшим на другую сторону войском, если враги, как обычно, устроят против него засаду, а с другой стороны—для распространения слуха, что готовится переход также и в другом месте. Благодаря такому слуху и предусмотрительности вождей каждый (из врагов) будет ждать, что ему придется сражаться за свое, и таким образом врагам не представится возможности соединиться и нанести (нашему войску) какой-либо удар. Не нужно, чтобы (наши отряды) держались близко от Дуная, для того чтобы, если враги заметят, что они малочисленны, не стали относиться к ним с презрением; но они не должны быть и очень далеко от реки, чтобы не задержаться, если необходимость призовет их на помощь перешедшему на ту сторону войску; одним словом, они должны держаться от Дуная на расстоянии одного дневного перехода. Перешедшее же войско должно тотчас же укрепиться в неприятельской земле и делать переходы по ровным и открытым местам; тотчас же выслать вперед подходящих людей с хорошим начальником, чтобы захватить «языка»¹, благодаря чему можно будет узнать о планах врагов. Больше всего надо остерегаться без предварительной разведки переходить, особенно летом, в места трудные и густо заросшие, особенно если тут собрались отряды врагов, прежде чем они не будут прогнаны конницей или пехотой. Если же, несмотря на то, что это место узкое, надо будет сделать здесь переход против врагов, нужно или вырубить и выровнять это место, как это сказано в соответствующем месте этой книги, или оставить здесь отряд, который мог бы господствовать над этим местом до возвращения (делающего набег) войска, для того чтобы враги внезапно не напали и, сделав засаду, не нанесли поражения во время прохода войску, естественно, обремененному добычей. Когда останавливаются лагерем, надо, сколько возможно, избегать мест, густо поросших лесом, и остерегаться около них разбивать палатки. Ведь из-за этого враги часто делают нападения из лесов и производят грабеж скота. Нужно, чтобы пехота держалась в месте, сильно укрепленном, а конница была вне его. Дозорные же сторожа должны широко кругом охранять пастбища лошадей, исключая случай, если вследствие неожиданных обстоятельств кони не могли быть посланы на пастбища и поэтому днем и ночью должны были находиться внутри укреплений. Если наступает момент сражения, нужно против них выстраивать не очень глубокий строй и не стараться вступать с ними в бой только в лоб, но также и другими способами. Если же они, как иногда бывает, занимают очень крепкую позицию и, охраняя свой тыл, не дают возможности вступить в рукопашный бой, равно и окружить себя или ударить с фланга, или зайти к ним в тыл, то нужно, чтобы некоторые (из наших) были поставлены в засаду, а остальные притворно сделали вид на их глазах, что отступают; это надо сделать с той целью, чтобы они, охваченные надеждой на преследование, ушли со своей укрепленной позиции, и тогда нужно повернуться против них, а находящиеся в засаде тоже должны на них напасть. Если среди них много предводителей (рѣчѣ, лат. гех) и нет между ними согласия, не глупо некоторых из них привлечь на свою сторону речами или подарками, особенно тех, которые находятся поблизости от наших границ, и нападать на других, чтобы не все прониклись (к нам) враждой или не стали бы под власть одного вождя. Нужно, чтобы за теми (из пленных), которые возвращаются к нам или которые заявляют, что хотят перебежать к нам и обещают показать дорогу или сообщить что-либо важное, за ними было наблюдение особенно тщательное, так как ведь есть и

¹ Пленника, от которого можно получить нужные сведения.

римляне, которые, применяясь к обстоятельствам, забывают о своих и свое расположение дарят больше врагам. Если они оказывают нам помощь, надо их наградить, если вредят,—наказывать. Найденное во вражеской стране продовольствие не следует уничтожать на месте и бесполезно, но стараться перевезти его в свою страну на вьючных ли животных, или на кораблях. Так как их реки вливаются в Дунай, то перевозка на судах очень удобна. Пехотинцы нужны не только в узких местах или в укреплениях, но и в труднопроходимых местностях, где при появлении врагов они легко могут построить мосты. Если незаметно ночью или днем переправить несколько тяжеловооруженных и легковооруженных на ту сторону, поставив войско в боевой строй так, чтобы река была у нас в тылу, то с полной безопасностью можно будет навести мосты на реке для перехода. При переходе по узким лощинам или рекам необходимо иметь во всяком случае в зависимости от местоположения в арьергарде хороших легковооруженных солдат. Только тогда происходят удачные нападения, когда войско разделено на части и ушедшие вперед могут помочь арьергарду. Производимые против варваров, как всегда, неожиданные набеги должны производиться в таком порядке, чтобы одни нападали на них с фронта и приводили их в замешательство, другие же скрытно проникали им в тыл, будь то пехота или конница. Если враги задумают бежать, чтобы они попадали на эту естественно скрытую засаду, а убегая от первого натиска, чтобы они непредвиденным для себя образом попадали на этот второй отряд. Необходимо и во время лета не останавливаться от нанесения им ущерба и заниматься в это время ограблением более ровных и безлесных местностей; надо стараться дольше пробыть в их стране, чтобы взятые в плен римляне с большей безопасностью спокойно могли бы вернуться к нам. Ведь тогда леса особенно густо покрыты листьями, поэтому пленным представляется полная возможность безо всякого страха бежать к нам. Все остальное, что касается пути или способа продвижения, а также и ограбления страны, равно как и обо всем другом, что может тут произойти, сказано в той книге, которая трактует о движении по стране врагов. Здесь я скажу об этом в возможно кратких словах. Так как местности, занятые славянами (Σκλάβων) и антами, расположены вдоль рек и они так соприкасаются друг с другом, что между ними нет столь большого расстояния, чтобы о нем стоило упоминать, и так как около них находятся леса, болота или заросли тростника, то при нападениях, предпринимаемых против них, по большей части происходит, что приходится останавливаться у первого их поселка и все войско остается там в бездействии, так как дальнейшие места непроходимы; ведь рядом находятся очень густые леса, откуда видны движения (нашего войска), поэтому враги даже с близкого расстояния легко могут убежать при начале наступления против них. Так как их молодежь, будучи легковооруженной, выбирая удобный момент, из засад нападает на наших воинов, то отсюда ясно, что те, которые предпринимают против них походы, могут причинить им не много вреда. Поэтому нападения на них надо организовать неожиданные, особенно в местах, где меньше всего этого ждут, организовать «банды»¹, или, как иначе их называют, «тагмы»², для того чтобы знать, какой отряд должен идти первым, какой вторым, какой третьим и так далее по порядку; особенно это нужно в местах узких, чтобы не смешиваться, когда с трудом приходится разбираться при разделении войска. Когда переход (через

¹ Банда (βάνδον) собственно значит «знамя»; это отряд пехоты человек в 200—400.

² Тагма (τάγμα) собственно «строй». В византийском войске это слово часто обозначало «легион», но уже очень сокращенный.

реку) сделан внезапно, если вторжение может быть сделано с двух удобных мест, нужно разделить войско на две части и одну часть должен взять себе помощник главнокомандующего (гипостратег), легковооруженную и без багажа, и двинуться на расстояние 15—20 миль с фланга по неизвестным местам, с тем чтобы, двигаясь по более пустынным местностям, приблизиться к поселкам и постараться отсюда овладеть добычей и затем выйти к другой части войска под начальством самого вождя. Вождь же, имея другую часть войска, должен попытаться напасть с другой стороны на эти поселки и заняться грабежом. Затем обе части должны идти навстречу друг другу, истребляя и грабя находящуюся между ними область. Там, где к вечеру они встретятся, они вместе должны разбить лагерь. Таким образом и нападение является безопасным, и те из врагов, которые попытаются напасть на одну часть, неожиданно попадают под удары второй части, и с другими своими соплеменниками они сами не могут соединиться. Если же для нападения есть одна только удобная дорога, по которой можно произвести набег на поселки, нужно и в этом случае разделить войско и одну часть его или даже больше, легковооруженную и крепкую, взять гипостратегу безо всякого багажа. С своим отрядом, в котором он находится сам, он должен идти впереди всех, имея при себе всех начальников отрядов. Как только он подойдет к первому поселку, он должен отделить от своего войска один или два отряда («банды»), так чтобы одни могли грабить, а другие охранять грабящих. Полезно в первых поселках отделять не много отрядов, хотя бы эти поселки и казались большими. Если при этом успеет подойти главнокомандующий, то не задерживаться сопротивлением тех, кто находится в этом поселке, но гипостратег должен тотчас же двинуться к следующему ближайшему поселку. То же самое он должен делать и с последующими поселками, пока у него хватит данных ему отрядов. Сам гипостратег, находясь в передовом отряде, должен иметь около себя 3 или 4 отряда (βαῦλα) до 1000 человек хороших воинов вплоть до конца этого нападения, чтобы быть для других и охраной и стражем, дающим безопасность. Так должен действовать гипостратег, сам же главнокомандующий, идя следом, должен собирать по частям занятых грабежом и с боем двигаться к ушедшим вперед; равно и гипостратег, повернув назад, проходя мимо, забирает воинов, занятых грабежом. И там, где они встретятся друг с другом, они вместе в тот же день разбивают лагерь. Поэтому не следует делать таких неожиданных набегов больше, чем на 15—20 миль, для того чтобы обе части успели и добычу собрать и в тот же день разбить лагерь. При таких нападениях не следует врагов, которые будут сопротивляться, брать в плен, но должно убивать всех встречных и двигаться вперед. Ни в коем случае не следует задерживаться на тех местах, по которым проходишь, и поджидать какого-либо благоприятного момента.

Все это я написал, по возможности, из своего опыта и из указаний древних, приняв все во внимание; написал я на пользу тем, которые попадут в такое положение. Другие наставления, которые, конечно, встречаются и не записаны в этой книге, можно вывести, сообразив самому, как из моих прежних писаний, так и из собственного предшествующего опыта, равно и из самих природных условий, и согласовать их, насколько возможно, с теми, которые были указаны. Ведь как возможно—мне ли, или кому другому—написать все, что где бы то ни было может случиться, для того чтобы предупредить об этом? Ведь не всегда врагов можно покорить так, как кто-либо сообщает, и вождь пользуется не одним только приемом командования. Разнообразны методы начальствования, различны и способы покорения врагов. Поэтому нужно просить помощи у бога, чтобы он помог обмануть врагов. Человеческая природа хитра и непостижима. Много неожиданных планов она может и придумать и совершить.

ИЗ «ПАСХАЛЬНОЙ ХРОНИКИ» (CHRONICON PASCHALE)

[«Пасхальная хроника» относится к числу довольно сложных по своему происхождению источников. Это произведение, во-первых, принадлежит не одному автору и, во-вторых, будучи компилятивным по своему характеру, теряет во многом в смысле и своей достоверности. Этот источник написан в VII в., и в свое время еще Штриттер считал необходимым сделать из него соответствующую выписку. Мы предлагаем другую выписку, более интересную по содержанию и имеющую более непосредственное отношение к истории древних славян, чем та, которую предложил Штриттер, ибо последняя прямо не говорит о славянах и, повидимому, в самом тексте «Пасхальной хроники» является позднейшей интерполяцией.]

Впервые эта хроника была издана в 1615 г. Радером (в Мюнхене). Издание Диндорфа (Bonn, 1832). Из ученых никто не работал специально по этому источнику. Перепечатано в PG, т. 92 (см. Krumbacher², «Byz. Litt», стр. 245 сл.).]

Отрывок 47

395—396. И вот ночью второго дня праздника, совсем (под годом 626) уже на рассвете, их (славян) лодки-однодеревки не смогли обмануть нашу стражу и переправиться к персам и были потоплены. Все славяне, которые были на однодеревках, были сброшены в море или перебиты.

И армяне вышли из-за Влахернской стены и подожгли притвор находившегося там храма св. Николая. Славяне, бежавшие с однодеревек, думая, судя по пожару, что это сделали авары, стоявшие лагерем у моря, пришли сюда и здесь были перебиты. Те же немногие славяне, которые спаслись от потопления, вышли в том месте, где стоял безбожный каган, и, по его приказанию, были вырезаны. Затем по соизволению божию и предстательству владычицы нашей богородицы в короткий момент времени он получил от моря тяжелый удар. Наши вытащили на берег все однодеревки, а проклятый каган вернулся в свой лагерь и велел отвести от стен все военные машины, которые он выстроил, уничтожить ограды, которые он здесь воздвиг, и разрушить все башни; ночью же каган сжег свой укрепленный лагерь и все военные приспособления, сняв предварительно с таранов кожи, которые он убрал.

Некоторые рассказывают, что славяне, увидев происходящее, оставили лагерь, удалились и тем заставили проклятого кагана следовать за собою.

ИЗ ИСИДОРА СЕВИЛЬСКОГО (ХРОНИКА)

[Исидор, епископ Севильский, жил в VII в. и для нас представляет как автор немалый интерес. Живя на исходе античности, в период раннего средневековья, притом в своеобразных исторических условиях Испании, Исидор сумел на древность бросить свой взгляд из далекой Испании и сравнительно из далекого от античности VII в. Жил Исидор в Севилье и там написал немало произведений по самым различным разделам знания. Его перу принадлежат: 1) «Septem artes liberales», 2) энциклопедия «Etymologiarum libri XX» и ряд других произведений, где автор сумел хорошо использовать античные источники. Известно, что Исидор, например, прекрасно знал Светония, пользовался его сведениями из «Биографии 12 цезарей».

Нас интересует его «Хроника», в которой Исидор, описывая внешние события Римской империи, коснулся мимоходом и славян. Даже находясь в Испании, он не мог изучать судьбы Восточно-Римской империи без учета такого, только что выступившего на историческую сцену фактора, как славяне.

При извлечении нижеприведенного отрывка из Исидора Севильского мы пользовались изданием Migne, vol. 83, «S. Isidori Hispanensis episcopi Chronicon», p. 1056].

Отрывок 48

VII, 105. Шел уже пятый год правления Ираклия. В начале его славяне (Sclavini) отняли у римлян Грецию, персы—Сирию и Египет и очень много провинций. В Испании тоже Сисебут, вождь готов, взял несколько городов, бывших под римской властью, а иудеев, бывших в его королевстве, обратил в христианскую веру.

III

ОТРЫВКИ ИЗ ВИЗАНТИЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ VII—VIII вв.

ИЗ ФЕОФИЛАКТА СИМОКАТТА (Ἱστορίαι)

[Феофилакт жил в первой половине VII в. Он был секретарем императора Ираклия (610—641) и так же, как и Агафий, занимался легкими литературными работами. Со временем Феофилакт перешел к серьезному литературному труду и написал «Истории» (Ἱστορίαι) в восьми книгах. Этот свой последний труд автор начал с описания царствования императора Маврикия (582—602). Если Прокопий, Агафий, Менандр писали свои произведения по непосредственным впечатлениям событий VI в., то Феофилакт должен был в части, касающейся VI в., прибегать к различного рода выпискам из хроник, из произведений VI в. и, главным образом, из Менандра, Иоанна Эпифанца и др. Как источник, «Истории» Феофилакта имеют свои недостатки, заключающиеся, главным образом, в не всегда критическом изложении событий, в манерности изложения, в склонности к искусственным аллегориям, к риторике. Эти особые приемы автора снижают достоинства «Историй», лишают объективности изложение описываемых событий.

Что касается сведений о древних славянах, то Феофилакт в этом отношении интересен, ибо он дает не мало материала о походах славян, иногда совместно с аварами, против Восточно-Римской империи. Феофилакт сообщает нам также и о некоторых сторонах быта славян и даже имена славянских вождей. То, что Феофилакт иногда отождествляет славян с готами (или с гетами), обращает на себя внимание в связи с таким же отождествлением славян со скифами, например у Филосторгия, или скифов и аваров со славянами у Евагрия. Повидимому, на данной ступени социального развития скифы, как и геты, представляли собою собирательное имя самых различных племен, куда иногда включались и славяне. С другой стороны, это смешение племен у различных авторов объясняется еще и тем, что все эти племена в то время, когда осуществлялось движение их против Римской империи, представляли собою большую варварскую коалицию самых различных племен.

Предлагаемые нами экскерпты из Феофилакта даны в переводе, сделанном С. П. Кондратьевым. Основой текста служило издание его в 1887 г. De-Boog'ом (Leipzig). К изданию приложены тщательно составленные словарный и предметный указатели. Литература о Феофилакте не многочисленна. Главным образом эти работы касаются отношений императора Маврикия к константинопольским партиям (например, основная работа Манойловича «Le peuple de Constantinople de 400—800, trad. de serbo-croate par H. Grégoire», «Byzantion», 1936, стр. 617 сл. Новейшие работы по этому вопросу Y. Janssens, в «Byzantion», 1936, стр. 499 сл. и K. Goossens, там же, 1938, стр. 395. Ученые больше занимались скандальными по содержанию «письмами» Феофилакта (см. Nissen, «Byz.-Neugriech. Jahrb.», 1937, стр. 17—56). В общем основным руководством по этому автору остаются страницы Krumbacher'a, «Byz. Litter.», стр. 248 сл.].

Отрывок 49

I, 6, 6. Казалось, договор (между аварами и римлянами—А. М.) был вновь заключен, и в войне наступило перемирие. Но через известный короткий период времени благо этого мира было нарушено и вновь нападает на римлян племя аваров, но не открыто, а еще более обманным и преступным образом.

I, 7, 1. Они подослали племя с л а в я н; огромное пространство римских земель было опустошено; сыпясь, как из решета, они напали на все места вплоть до так наз. «Длинных стен» и на глазах у всех произвели огромное избиение. 2. Император в страхе сторожил «Длинные стены» и вывел сюда из города все отряды личной гвардии, приготавливая в спешном порядке как бы самое надежное укрепление вокруг города. 3. Вот тогда-то Коментиол не бесславно выполняет свою обязанность начальника армии: наступая на Фракию, он гонит толпы с л а в я н. Он доходит до так наз. реки Эргинины и, неожиданно напав на с л а в я н, нагнал на них великий страх и сверх их ожидания нанес им огромное избиение. 4. За это опять назначенный императором в качестве главнокомандующего, он вновь был направлен против них. Он показал блестящие примеры римской доблести и получил титул, который римляне называют «защитник», даваемый за военное командование. 5. Затем в конце лета, собрав римские силы, он двинулся к Адрианополю и встретился там с Ардагастом, который вел по этим местам большие отряды с л а в я н и огромные толпы пленных с богатой добычей. Переждав ночь, рано утром он двинулся поблизости к укреплению Ансину и смело вступил с варварами в сражение. 6. Врагам пришлось «отчаливать назад»: они обратились в бегство, и он гнал их до самой Астики. Этот подвиг римлян дал возможность пленным увидеть светлый день. Вождь их воспел пеан—песню победы—и воздвиг трофей.

О т р ы в о к 50

VI, 2, 10. На другой день трое людей из племени с л а в я н, не имеющие никакого железного оружия или каких-либо военных приспособлений, были взяты в плен телохранителями императора; единственным их багажом были гусли, и ничего другого они не несли с собою. 11. Император стал их расспрашивать, какого они племени, где назначено судьбой им жить и по какой причине они возвращаются в римских пределах. 12. Они отвечали, что по племени они—с л а в я н е, что живут на краю западного Океана, что каган разослал послов вплоть до этих племен, с тем чтобы собрать военную силу, и прислал почетные дары их племенным владыкам; 13. что они дары приняли, но в союзной помощи ему отказали, настойчиво указывая ему на то, что их затрудняет длина пути, что они, взятые сейчас в плен, отправлены к кагану, имея следующее основание для такого оправдания: прошло пятнадцать месяцев, как они идут этой дорогой; что каган, забыв все законы по отношению к послам, решил чинить им всякие затруднения при возвращении. 14. Они слышали, говорили они, что римский народ и по богатству и по человеколюбию является, так сказать, наиславнейшим; поэтому они, обманув (кагана), выбрали удобный момент и направились во Фракию. 15. Гусли они носят потому, что не привыкли облекать свои тела в железное оружие: их страна не знает железа, и потому мирно и без мятежей проходит жизнь у них; что они играют на лирах потому, что не обучены трубить в трубы. Для тех, кому война является вещью неведомой, естественно, говорили они, более усиленно предаваться музыкальным упражнениям. 16. Выслушав их рассказы, император пришел в восхищение от их племени и самих этих варваров, попавших в его руки, он удостоил милостивого приема и угощения. Удивляясь величине их тел и красоте членов, он направил их в Гераклею.

О т р ы в о к 51

VI, 3, 9. Каган стал требовать от кесаря увеличения договорной суммы взносов. Так как император пропустил все эти речи варвара мимо края

уха, то каган тотчас решился предпринять против него войну. Поэтому он приказывает славянам построить большое число легких судов, чтобы тем при переходе через Истр как бы накинуть на него узду.

VI, 4, 1. Жители Сингидона частыми набегами разрушали работы славян, предавая огню все, что было ими заготовлено для устройства переправы. 2. Вследствие этого варвары осаждают Сингидон. Город был уже доведен до крайне тяжелого положения и имел весьма слабые надежды на спасение. 3. как вдруг на седьмой день каган приказал варварам прекратить осаду и явиться к нему. Послушавшись его приказа, варвары снимают осаду с города, взяв с него в качестве выкупа две тысячи золотых дарейков (червонцев), выложенный золотом стол и отделанную золотом верхнюю одежду (столу). 4. Каган, пройдя пять парасангов, стал лагерем под городом Сирмием, а толпы славян стали готовить из дерева челноки, чтобы каган мог на них переправиться через реку, называемую Саоном. 5. Он торопился с этим походом, они же согласно с его приказом из всех сил старались доставить ему возможность переправы: страх перед поставленными над ними начальниками умел заставить их это сделать. Когда эти легкие суда были сделаны и переданы кагану, варварское войско переходит через соседнюю реку. 6. Каган, приведя в порядок свои военные силы, части их велит быстро двинуться вперед и навести на римлян ужас стремительностью своего нашествия. 7. На пятый день он направляется к Бононии. Император назначает главнокомандующим над войсками в Европе Приска, дав ему под начальство новонабранные войска. Приск, выбрав себе помощником Сальвиана и вооружив тысячу всадников, приказал занять раньше горные теснины, ведущие к укреплениям. 8. Он, заняв горные проходы Проклианы и устроив укрепленный лагерь, оставался тут. На пятый день, находясь вне укреплений, он сталкивается с передовыми отрядами варваров. Заметив, что он имеет при себе отряд, не равносильный для сражения с врагами, он отступил, вновь ища себе безопасности за стенами укреплений. 9. Варвары, появившись у горных проходов, задержались в своем дальнейшем движении, так как стоявшее против них у самого входа в теснины римское войско являлось помехой в их дальнейшем продвижении. Поэтому здесь между римлянами и варварами произошло сильное столкновение. 10. Битва шла целый день; много варваров было убито, и римский гипостратег (помощник главнокомандующего) одержал верх. Наступила первая ночная стража: варварское войско возвращается к кагану и передает ему результат столкновения. 11. Утром каган посылает туда Самура, дав ему под начальство 8 000 человек. Римляне не пришли в изумление от наступающего на них количества, но непоколебимо, сжав зубы, держались в своих рядах. Варвары были побеждены, и каган, забрав свои войска, удалился с поля битвы. 12. Но и Сальвиан, пораженный бесконечным числом неприятельских сил, во вторую стражу ночи, покинув горные проходы, вернулся к Приску.

О т р ы в о к 52

VI, 6, 1. С наступлением поздней осени главнокомандующий (Приск) распустил свой лагерь и вернулся в Византию. Римляне, не занятые военной службой, рассеялись по Фракии, добывая себе продовольствие по деревням. 2. С наступлением весны главнокомандующий был отправлен императором к Истру, чтобы племена славян, встретив с его стороны помеху в переправе через Истр, волей-неволей оставили Фракию в покое. Император не раз говорил Приску, что варвары не будут держаться спокойно, если римское войско не будет со всей тщательностью сторожить Истр. 3. Приск взял на себя командование конными силами, а во главе пеших войск импе-

ратор ставит Гентзона. Таким образом, в середине весны римское войско собирается около Гераклеи. 4. На седьмой день главнокомандующий велит сняться с лагеря, и, подвергнув тщательному исследованию союзные войска и произведя счет силам, он произвел им раздачу годового жалования. 5. Снявшись оттуда, после четырех остановок в укрепленных лагерьях он приходит к Дризиперам. Промедлив в этом месте 15 дней, он через 20 остановок приходит в Доростол. 6. Каган по слухам узнал о походе римлян и поэтому отправил послов к Приску. Когда эти послы прибыли к Приску, то Кох (это был один из варваров) от имени всех послов выступил с такими словами: 7. «Что это значит, о бессмертные боги! Для тех, которым было так свойственно говорить о своем благочестии, выполнение нечестивых дел для них стало столь легким. Мир нарушили римляне, святость договоров нарушили; смыта соль договорная, уничтожено уважение к слову верности, пропала клятва, посредник между людьми. 8. Истр видит военное зрелище, укрепленный лагерь и железом опоясанного Приска, незадолго перед тем, как невесту, приведшего мир аварам и римлянам. Грешешь ты, о Кесарь, тайно замышляя незаконную войну. Не царское это предприятие, неприличное для императора намерение: разбойничий это план, явно народом проклятое действие. 9. Или сложи украшение—твой царский венец, или не порти достоинства твоего высокого звания. Вы научили варваров быть негодаями. Мы не знали бы нарушения клятв, если бы в вас не нашли учителей лжи. Никогда война не знала вас желавшими покоя, никогда очи мира не видели вас отказавшимися от битв. 10. Воюя, ты нарушаешь правду; заключая договор, ты готовишь несчастья; и может ли остаться к тебе доверие, будто любишь ты спокойствие от военных бурь. Почувствуй, о вождь, уважение к тому человеколюбию, которое мы, можно сказать, вчера к тебе проявили. Мы сохранили вас невредимыми как будущих друзей, а не врагов. О человеколюбие, чреватое печалью и опасностью! 11. Те, которые почерпнули от нас спасение, те теперь отмеряют для нас безбожное возмещение. Идут на нас войной, равно и на богов: сокрушается крепость клятв, более сильный совершает насилие над более слабым, хитрость получила свободу действия, лжи доверено руководство, и преступление явно ведет войну. 12. Если ты, вождь, уважая (наши силы), переменишь свои точки зрения, ты получишь ущерб только в виде стыда; иначе же ты получишь возмездие, приводящее, как некий учитель, раскаяние вместе с несчастьями». 13. Такую речь произнесли варвары; все войско находилось под тяжелым впечатлением этих слов, но Приск отнесся с сочувствием к этой дерзкой речи и допустил варваров высказать эти слова. 14. Поэтому, не допустив возражений на их дерзость, он сказал, что война предпринята против славян и что этим не нарушены клятвы и договоры с аварами, равно и война с гетами.

О т р ы в о к 53

VI, 7, 1. Наступил после этого двенадцатый день, и главнокомандующий, построив суда, переправился через реку. Услыхав, что Ардагаст собрал толпы пришлых славян, желавших поживиться добычей, Приск среди ночи начинает поход. 2. Ардагаст, распростившись со всеми своими сновидениями вследствие все увеличивающегося шума, быстро проснувшись, вскочил на неоседланного коня и устремился в бегство. Затем варвар внезапно нападает на римлян и, соскочив с коня, испытывает счастье в пешей битве. 3. Но, не имея сил выдержать ответное нападение, он обращается в бегство, спасаясь по какому-то непроходимому месту. В этих передвижениях Ардагаст обогнал своих противников, приобретя себе в этом привычку. 4. Но тут ему не повезло: по какому-то несчастному

случаю варвар налетел на ствол огромного дерева и упал. Здесь он стал бы весьма желанной добычей для преследователей, если бы река не послужила ему спасением: переплыв ее, он избегает опасности. 5. Римляне, огромные толпы славян сделав пищей мечей, опустошили страну, бывшую под властью Ардагаста, а пленных, взятых живыми, они, отягчив деревянными колодками, стали посылать в Византию.

Отрывок 54

VI, 8, 3. Приск, одержав верх своими речами, стал отправлять плоды трудов войска; он, поручив охрану добычи 300 воинам, поставил во главе их Татимера. 4. И вот Татимер стал двигаться в Византию; на шестой день, наткнувшись на славян, он попал в неожиданно опасное положение: когда римляне в полдень стояли лагерем беззаботно, безо всяких предосторожностей, а (разнузданные) кони щипали траву, внезапно нападает на них отряд варваров. 5. Поднялся крик, и так как римляне были без коней, то Татимер с немногими бросается вперед и, оказавшись лицом к лицу с варварами, он подвергся большой опасности. Не имея сил выдержать битву грудь с грудью, он обратился в бегство; получив несколько несмертельных ран, он с трудом избежал опасности. 6. Тут появилась римская пехота и спасла Татимера; затем она вступила в рукопашный бой со славянами. 7. Бой был сильный; римляне одолели славян и произвели огромное избиение, а пятьдесят человек взяли живыми в плен, отвели в лагерь и спасли римскую добычу от славян. 8. Татимер, кое-как подлечив свои раны, прибыл в Византию, привезя с собой замечательную добычу. Император был обрадован всем происшедшим; он велел совершить в величайшем храме города всеночное бдение, а затем вместе со всем народом совершив молебствие, просил бога дать еще более славные трофеи.

Отрывок 55

VI, 8, 9. Главнокомандующий Приск велел (нескольким) воинам пойти вперед на разведки. На следующий день он узнал, что вражеского войска на том месте нет. Поэтому он поручил Александру, двинувшись дальше, утром совершить переход через реку Геликабию. 10. Александр, перейдя через соседнюю реку, встретил славян. Варвары, увидев военный строй римлян, бежали в ближайшие болота и в топи¹ лесов. Римляне попытались захватить их там. 11. Но когда они попали в эти топи, они подверглись непреодолимому бедствию. И весь отряд погиб бы целиком, если бы Александр возможно скорее не вывел римлян из этого болота. 12. Окружив это место, начальник отряда Александр попытался предать славян огню; но пламя, не имея сил разгореться вследствие влажности, слабело и тухло. Эта попытка нападения не принесла Александру никакой славы. 13. Однако среди варваров был один гепид, бывший некогда христианского вероисповедания. Перебежав к римлянам, он римлянам пальцем указал место, где они могут войти. Овладев этим проходом, римляне одолели варваров. Александр, допытываясь, хотел узнать, какого племени взятые в плен варвары. 14. Но варвары, впав в отчаяние и ожидая смерти, не обращали внимания на мучения, как будто бы эти страдания и удары бича относились к чужому телу.

VI, 9, 1. Но этот гепид рассказал все и самым точным образом передал все. Он сказал, что пленные являются подданными Мусокия, которого

¹ По конъектуре De-Boog'a; обычное чтение: «варварские (дикие?) леса».

варвары на своем языке называют «рексом» (вождем), что этот Мусокий находится в 30 парасангах от этого места, что взятых в плен он послал в качестве разведчиков, для того чтобы высмотреть римские силы; что он слышал, какое поражение недавно понес Ардагаст. 2. Он советовал римлянам сделать немедленно нападение и благодаря неожиданности этого нападения захватить варвара. Александр, явившись к Приску, доставил и этих варваров, а военачальник предал их смерти. 3. Явился к главнокомандующему и этот варвар-гепид, изложил Приску все, что думают варвары, советовал Приску напасть на варвара, причем этот гепид давал честное слово в успехе, обещая обмануть варвара. 4. С радостью услышал Приск эти речи; он щедро наградил перебежчика прекрасными дарами, он подкрепил это блестящими обещаниями и отправил его, чтобы он обманул варвара. 5. И вот гепид является к Мусокию и просит, чтобы он дал ему большое число лодок-однодеревок, чтобы переправить на них тех из числа людей Ардагаста, которые потерпели поражение. 6. Мусокий, считая для себя счастливой находкой то, что затевалось против него обманым образом, дал ему однодеревки, с тем чтобы гепид спас бывших с Ардагастом. Получив 150 судов и 30 гребцов, он переправляется на противоположный берег реки, которую местные жители называют Паспирием. 7. Приск, как было условлено, ранним утром двинулся в поход. Гепид, обманув бдительность прибывших с ним (славян), в полночь пришел к римскому военачальнику и просил дать ему 100 тяжеловооруженных воинов, чтобы остриями их мечей он мог погубить варваров, бывших на берегу. 8. Главнокомандующий, дав ему 200 тяжеловооруженных, поставил их под начальство таксиарха Александра. Когда римский отряд приблизился к реке Паспирию, то гепид поставил в засаду Александра. 9. Была ночь, варвары очень склонные ко сну и будучи пьяными, спали крепким сном, гепид, обманывая, делает вид, что губит варваров¹. 10. В третью стражу, немного отойдя от берега и подойдя к засаде, он тайно выводит Александра из его убежища. Затем, направив римлян к реке Паспирию и уговорившись о взаимных сигналах, он ушел к варварам. Варвары были еще охвачены сном, как гепид дал знак Александру при помощи аварских напевов. 11. Тогда Александр, напав на варваров, наказал их и за сон и за их образ жизни. Овладев легкими судами, он послал к военачальнику вестников, настойчиво побуждая его к стремительному нападению. 12. Приск, отобрав 3 000 человек и посадив их на эти легкие суда, переправился через реку Паспирий; этот поход он начал в полночь. Варвар, будучи пьяным от попойки, потерял всякое соображение; дело в том, что у него в этот день были поминки по умершему брату, как это у них в обычае. 13. Великий страх охватил всех. Вождь варваров живым был взят в плен. Всю ночь римляне провели за этим кровавым делом. Когда же рассвело и начался день, римский полководец велел прекратить избиение. На третий день после этого вождь вывез оттуда добычу и войска. 14. После этого римляне, возгордившись такими удачными набегами, предавались излишествам, а затем все время пьянствовали; вследствие пьянства у них разрушилась дисциплина, и они перестали обращать внимание на несение сторожевой службы, которую они привычным образом для их родного языка называли и у римлян «скулька». 15. Побежденные славяне, собравшись вместе, в свою очередь отплатили римлянам за это нападение. И эта отплата была бы тяжелее, чем бывшее нападение римлян, если бы Гентзон, собрав вокруг себя пешие войска, не победил их в сражении. Утром Приск нескольких из начальников отрядов посадил на кол, да и иных из тяжеловооруженных солдат подверг жестокому бичеванию.

¹ У De-Boog'a здесь знак вопроса: «римлян?». Фраза неясная.

О т р ы в о к 56

VI, 10, 1. В это время император посылает к главнокомандующему Татимера, который имел при себе императорское послание; в нем было требование, чтобы римляне зимовали в этих местах. Когда прибыл Татимер и стали известны императорские предписания, шум и смятение охватывают войско. 2. Не обращая внимания на императорские слова, масса римских воинов подняла мятеж, желая провести время холодов дома; они отказываются поселиться в этой варварской земле. Они говорили, что холода здесь невыносимы, а бесчисленные толпы варваров—непобедимы. 3. Главнокомандующий сумел смягчить необузданность войск тактичными словами убеждения. Когда войска стали послушными, он снимает укрепленный лагерь на неприятельской земле.

О т р ы в о к 57

VI, 11, 4—6. Приск, насколько можно было убедить словами, обошел и обманул кагана. Дня через три Приску было дано знать, что каган хочет попытаться напасть на римские земли и что он приказал толпам с л а в я н переправиться через Истр; и действительно, он (каган) с трудом переносил (римскую победу.—А. М.) и был исполнен великого гнева на то, что римские войска покрыли себя столь великой славой. Таргитий и знатнейшие из варваров советовали кагану не затевать войны с римлянами: они говорили, что он несправедливо сердится на римлян.

О т р ы в о к 58

VII, 2, 1. На четвертый день он (военачальник Петр.—А. М.) дал знать императору о мятеже в войсках. Затем, оставив Одесс, он, Петр, пошел в левую часть этой страны и, прибыв в Маркианополь, приказал 1000 воинов двинуться впереди войска (в качестве разведывательного отряда). 2. Они сталкиваются с 600 с л а в я н, гнавшими большую добычу, захваченную у римлян. Еще недавно были опустошены Залдапы, Акис и Скопис; и теперь они вновь ограбили несчастных. Они везли добычу на огромном числе повозок. 3. Когда варвары увидели приближающихся римлян и в свою очередь были ими замечены, они тотчас же бросились убивать пленных. Из пленников мужского пола были убиты все, бывшие в цветущем возрасте. 4. Так как это столкновение для варваров было неизбежным (и не предвещало успеха), то они, составив повозки, устроили из них как бы укрепление лагеря и в середину этого лагеря поместили женщин и детей. 5. Когда римляне приблизились к гетам—так в старину называли этих варваров,—они не решились вступить с ними в рукопашный бой: они боялись копий, которые бросали варвары в их коней с высоты этого укрепления. 6. Тогда начальник этого отряда (имя ему было Александр) на родном для римлян языке велел римлянам сойти с коней и пешими схватиться с врагами в опасном бою. 7. И вот римляне, сойдя с коней, подошли к укреплению и взаимно (и римляне и с л а в я н е—А. М.) поражали друг друга копьями, (прикрываясь щитами). 8. Таким образом битва стала затягиваться и для той и для другой стороны. Тут какой-то римлянин, с разбегу подскочив и напрягши все силы, взлез на одну повозку, связанную в одно целое с укреплением и охранявшую варварское войско; а затем, став на ней, он мечом стал поражать всех приближавшихся. 9. Тут для варваров наступила неизбежная погибель: начиная отсюда, римляне разрушили укрепление варваров. Варвары, отчаявшись в спасении, убивают оставшуюся часть пленных.

Римляне, сильно наступая, ворвавшись—к сожалению, поздно и с трудом—в середину укрепления, избивают находящихся там варваров. 10. На другой день победители, вернувшись, передают военачальнику об этом происшествии. Главнокомандующий оставался в этих местах пять дней и, видя подвиги передового отряда, в свою очередь за их доблесть наградил их дарами. 11. На другой день, собираясь поохотиться, Петр углубился в густой лес.

О т р ы в о к 59

VII, 2, 11. В этой горной долине скрывался огромный вепрь, и когда поднялся сильный лай собак, зверь поднялся из своего логова и бросился на Петра. 12. Военачальник, повернув своего коня, собираясь бежать, раздробил себе левую ногу, ударившись ею о высокое дерево. Страдая от невыносимых болей, Петр остается в этом месте: несчастный случай заставил его очень сильно захворать. 13. Император, гневаясь на медлительность военачальника и удивляясь его бездеятельности в военных делах, пишет ему письма, полные упреков. 14. Тогда Петр, не вынеся этих порицаний, высказанных ему императором в письмах, еще мучимый резкими болями своей болезнью, снимается из укрепленного лагеря и четырьмя переходами достигает тех мест, где находились с л а в я н е. 15. На десятый день после этого император Маврикий послал своему единоутробному брату свое царское письмо с приказанием оставаться во Фракии: Маврикий получил сведения, что большие толпы славян готовят нападение на Византию. 16. Поэтому главнокомандующий направляется к крепости Писту, а затем прибывает в Залдапы.

О т р ы в о к 60

VII, 4, 8. На четвертый день Петр с войском приходит к берегу соседней реки, и, выбрав 20 человек, он послал их, перейдя реку, выследить движение врагов. 9. Когда они переправились через реку, они все были взяты в плен. Это произошло следующим образом. Обычай у тех, которые назначены для разведки, совершать переходы ночью, а при свете дня они спят. 10. Так действовали и они, но, совершив накануне большой переход, они физически устали, и поэтому в предрассветных сумерках они решили отдохнуть в каких-то ближайших зарослях. 11. В третьем часу дня, когда они все спали и не поставили никого сторожить, к этой заросли явились варвары. Соскочив с коней, с л а в я н е решили немного передохнуть, а также дать некоторый отдых и своим коням. 12. В результате этого случайно были обнаружены римляне. Взятые живыми в плен, несчастные были подвергнуты допросу с требованием рассказать, что задумывают римляне. Отчаявшись в своем спасении, они рассказали все. 13. Тогда Пирагаст (так назывался глава этого племени варваров), взяв крупные силы, направляется к переходам через реку и скрывается в леса, как в какой-то совершенно незаметный кустарник.

5, 1. Главнокомандующий, брат императора, не веря, чтобы тут могли быть неприятели, велит войску переходить через реку. Когда реку перешли 1000 человек, варвары всех их уничтожают. 2. Узнав об этом, полководец велит войску переходить реку, не разделившись на маленькие отряды (а дружно), чтобы, переходя реку понемногу, не быть ненужной и легкой жертвой врагов. Когда, таким образом, римское войско выстроило свои ряды, варвары в свою очередь выстроились на берегу реки. 3. И вот римляне стали поражать варваров со своих судов стрелами и копьями. Варвары не смогли выдержать массы посылаемых стрел и покинули осиротевший берег.

4. Тут был убит и их вождь, Пирагаст, о котором я раньше упоминал в своем рассказе. Он был поражен стрелою в пах, и так как эта рана была смертельной, он и скончался. Когда пал Пирагаст, все неприятельское войско обратилось в бегство. 5. Римляне завладели берегом реки. Затем, напав на большие толпы врагов и произведя избиение, они принудили их к бегству. Не имея возможности преследовать их на большом расстоянии из-за неимения лошадей, римляне вернулись в свой лагерь. 6. На другой день проводники, ведущие войска, сильно заблудились, в результате чего отсутствие воды тяжело отозвалось на войске. Это бедствие продолжалось и на следующий день. Не имея сил выносить недостаток воды, войско утоляло жажду вином¹. Такое же тяжелое положение продолжалось и на третий день. И все бы войско погибло, если бы какой-то варвар, взятый в плен, не сказал, что на расстоянии четырех парасангов от них находится река Геликабия. 7. Таким образом римляне утром достигают воды. И вот одни, преклонив колена, прямо губами жадно пьют воду, другие, выгнув ладони, черпают воду горстями, а иные, пользуясь сосудами, берут влагу. 8. На другом берегу реки был густой лес; там скрылись варвары, и римляне подверглись опять большому бедствию: варвары поражали копьями тех, кто пил воду, и, поражая сверху, произвели среди них большое избиение. 9. Приходилось выбирать одно из двух: отказаться от воды и окончить дни своей жизни от жажды, или же вместе с водой испытать и смерть. И вот римляне, выстроив суда, переправились через реку, чтобы схватиться с врагами в открытом бою. 10. Когда же войско оказалось на противоположном берегу, варвары всей массой тотчас напали на римлян и их одолели. Побежденные римляне бросились бежать. Так как Петр был наголову разбит варварами, то главнокомандующим назначается Приск, а Петр, отрешенный от командования, вернулся в Византию.

О т р ы в о к 61

VII, 15, 12. Каган не раз буквально говорил следующее: «пусть бог будет судьей между Маврикием и каганом, между аvaraми и римлянами». 13. Он обвинял императора, что он разрушил мир. И эти слова не были совсем неправильными. Действительно, римляне, будучи нарушителями мира и создателями войны, подверглись вышеуказанным несчастьям: плохое начало имеет всегда в конце концов тяжелые последствия. 14. Римляне и авары договорились, что Истр является их пограничной рекой, но против с л а в я н дается право переходить эту реку. В силу договора вносятся еще другие 20 000 золотых. На этом была окончена война между римлянами и аvaraми.

О т р ы в о к 62

VIII, 3, 13. На двадцатый день варвар (вождь аваров) вновь собирает силы у этой реки (Тиссы). Поэтому Приск вновь вернулся к этой реке. И в этом месте происходит самая большая и замечательная битва. 14. Варвары, разбитые, так сказать, вдребезги, в этот день были потоплены в волнах реки. Вместе с ними погиб и очень большой отряд с л а в я н. 15. После поражения варварское войско было взято в плен, из них было захвачено 3 000 аваров, остальных варваров—6 200 чел. и с л а в я н—8 000. Таким образом, на этих пленных были надеты оковы, и полководец послал варваров, захваченных в качестве добычи, в город Томи.

¹ По обычному чтению других рукописей: «мочой».

О т р ы в о к 63

VIII, 5—8. С наступлением лета до императора Маврикия дошел слух, что каган сознательно затягивает войну, чтобы, когда разойдутся римские войска, каким-либо быстрым движением напасть на Византию. 9. Поэтому он приказывает главнокомандующему оставить Адрианополь и велит ему перейти через Истр. 10. Тогда Петр стал готовить поход против славян и написал Бонозу. Это был один из телохранителей императора, человек очень видный, которого обычно в народе называют Скрибоном; 11. он в это время должен был помогать Петру в его командовании. В этом письме было требование, чтобы он приготовил суда для перевозки римских войск через реку. 12. Своим заместителем в командовании боевыми силами Петр назначил Гудуина. Гудуин, переправившись через реку, острием меча погубил большое количество врагов и захватил большое количество пленных, чем приобрел великую славу. Римляне старались вновь переправиться через реку на свою сторону, но Гудуин некоторое время препятствовал им в этом. 13. Тем временем каган, получив известие о набегах римлян, направил сюда Апсиха с войском, с приказанием истребить племя антов, которые были союзниками римлян.

6, 1. При таких обстоятельствах большое число аваров отпало (от кагана) и спешно, как перебежчики, перешло на сторону императора. При слухах об этом каган пришел в замешательство, его охватил страх: он и упрасивал их и придумывал много различных средств, чтобы вернуть себе назад отпавшие силы.

2. Когда наступила осень, император Маврикий настойчиво требовал от Петра, чтобы римские войска провели зиму в пределах славян. Но сами римские войска были очень недовольны таким планом императора как из-за недостатка добычи, так и из-за недостатка лошадей. Кроме того, их пугало бесчисленное количество варваров, заливавших, как волнами, всю страну на той стороне Истра.

ФЕОФАНОВА ЛЕТОПИСЬ ОТ ДИОКЛЕТИАНА ДО МИХАИЛА И СЫНА ЕГО—ФЕОФИЛАКТА

[Феофан написал «хронографию» (Θεοφάνους χρονογραφία ἐτῶν ΦΚΗ') от эпохи Диоклетиана, которая была продолжением труда его друга, Георгия Синкелла. Вероятно, Феофан использовал литературные источники, имевшиеся главным образом у Синкелла, по просьбе которого он и стал писать свое произведение.

Принцип написания «Летописи» у Феофана, как и в других хрониках,—хронологический. Многие факты столкновений аваров и славян с Восточно-Римской империей являются у Феофана повторением сведений Феофилакта и других ранних историков.

Извлечения из Феофана, приводимые ниже, мы берем из перевода этого автора В. И. Оболенским и Ф. А. Терновским в 1890 г., изданного под редакцией О. М. Бодянского. Ввиду некоторой устарелости перевода сверка его была сделана С. П. Кондратьевым. Следует заметить, что Феофан часто путает славян с гуннами или не называет их собственным именем, но, рассказывая о «булгарах», гуннах и аварах, подразумевает здесь и славян. Поэтому в извлечения из Феофана пришлось включить не только те места, где прямо называются славяне, но и те, где только упоминаются гунны, авары и одновременно подразумеваются здесь и славяне.

Лучшее издание данного автора дано De-Boor'ом. Leipzig, 1883—1885.

Из новейших работ важнейшие: D. T a b a c h o w i t z, Sprachliche und Textkritische Studien zur Chronik des Theophanes Confessor. Uppsala, 1926; G. O s t r o g o r-

s k y, Die Chronologie d. Theophanes, «Byz. Jahrb.», VII, 1—57; е г о ж е статья в RE, zweiter Teil, 10. Halbb., стр. 2127—2132.]

О т р ы в о к 64

Г о д 494 по Р. Х. В том же году так наз. болгары вторгались в Иллирию и Фракию, о которых никто до того ничего не знал.

О т р ы в о к 65

Г о д 532 по Р. Х. В этом году появился в римских пределах Мунд, происходящий из племени гепидов, сын Гисма. История Мунда такова. По смерти отца Мунд пришел к Ригу, своему деду по матери, владельцу Сирмийскому. Узнав об этом, владелец Рима Теодорик послал Мунду приглашение, вследствие которого Мунд отправился к Теодорику и жил при нем в качестве его воинского сподвижника. После смерти Теодорика Мунд пришел к реке Дунаю и просил императора Юстиниана принять его под свое покровительство. Пришел и в Константинополь, где император оказал очень любезный и почетный прием ему и сыну его и отпустил их, назначив Мунда военачальником Иллирика. И в то время, когда Мунд находился в Иллирике, пришли туда болгары в великом множестве; и, напав на них, Мунд всех их разбил. Из числа пленных послал в Константинополь их вождей и многих других болгар, и показывали их с торжеством на ипподроме. Настал глубокий мир во Фракии, ибо гунны не дерзали уже переходить через Дунай. А пленников болгарских царь послал в Армению и в Лазику, и они были включены в число рядовых воинов.

О т р ы в о к 66

Г о д 551 по Р. Х. В том же году появилось во Фракии великое множество гуннов и с л а в я н, и завоевали они Фракию и многих убили и взяли в плен. Взяли в числе других военачальника Сергея, сына Варха старшего, и вождя Едерма, сына Калоподия, славнейшего кубиккулария и препозита. Найдя, что стена Анастасия в некоторых местах развалилась от землетрясений, проникли за нее и захватили в плен жителей до Дрипия, Нимф и Хитукомея; все обитатели предместий Константинополя бежали в город со своим имуществом. Узнав об этом, император собрал ополчение и послал к «Длинной стене». Вступив в битву, многие из римлян и схоляриев там погибли. Потом, по приказанию императора, были увезены находившиеся в предместиях вне города серебряные кивории и святые серебряные алтари. Стражу держали во всех воротах феодосиевой стены схолы (отряд гвардии.—А. М.), протекторы, родовые воины и весь сенат. Император, видя, что варвары сильно наступают, приказал выйти против них патрицию Велизарию вместе с другими членами сената. Велизарий забрал коней из дворца, с ипподрома, из богоугодных домов, и у всякого человека, где только был конь, и, вооружив народ, направился к Хитукомею, устроил ров и начал ловить кое-кого из варваров и убивать. Он приказал рубить деревья и тащить позади ополчения, от ветра поднялась большая пыль, которая летела на варваров. Варвары, думая, что против них стоит большое войско, побежали и переместились на сторону св. Стратоника в Декатон. Затем, узнав от соглядатаев, что на стенах константинопольских стоит большая стража, перешли на сторону Курулла, Аркадиополя и св. Александра Кипрского и стояли там до святой пасхи. После пасхи вышел император и с ним все граждане столицы в Силивию для возобновления «Длинной

стены». Император стоял в Силиврии до августа месяца, равно и варвары блуждали вне города до августа. Между тем император приказал устроить двурусные корабли, чтобы встретить варваров при обратной переправе их через Дунай и сражаться с ними. Узнав об этом, варвары через посла просили о позволении им безопасно переправиться через Дунай. Император послал Юстина, своего племянника и курополата, обеспечить варварам свободный пропуск.

О т р ы в о к 67

Г о д 575 по Р. Х. Между тем, каган не замедлил обманом нарушить мир. Он вооружил против Фракии славянские народы, которые доходили до «Длинных стен», производя великий грабеж. Император, выведя из столицы дворцовую гвардию и ополченцев, приказал им охранять «Длинные стены». А Коментиола назначал военачальником. И, вручив ему войско, отправил его против варваров. Коментиол нечаянно напал на варваров, множество их перебил, остальных прогнал. Дойдя до Адрианополя, он встретился с Андрагастом, который вел множество славян с добычей, и, напав на него, добычу отнял и одержал великую победу.

О т р ы в о к 68

Г о д 579 по Р. Х. В этом году каган Аварский, нарушив мирные договоры, страшно опустошил Мезию и Скифию, опустошил города Ратиаргу, Конопию, Акис, Доростол, Зарпаду и Маркианополь. Между тем, Коментиол прибыл в Анхиал и, сделав смотр войску, отделил испытанных воинов от неопытных и плохому войску, бывшему в числе 40 000, приказал стеречь окопы, и с 6 000 избранных пошел против варваров, поручив 2 000 Касту, 2 000—Мартину, а 2 000 оставив при себе. Каст направился к Зарпаде и Гемусу и, найдя варваров без охраны, многих перебил и, отбив много добычи, поручил беречь ее своему копьеносцу. Мартин, направившись к городу Томи, неожиданно напал на кагана и умертвил многих из его дружины, так что сам каган искал себе спасения в бегстве. Одержав знаменитую победу, Мартин возвратился к военачальнику в то место, где он обещался ожидать своих сподвижников. Между тем, Коментиол, объятый робостью, отступил к Маркианополю. Каст и Мартин, не найдя вождя, соединили свои отряды и пошли в ущелья Гемуса. Мартин, видя, что каган перешел на ту сторону реки, возвратился к Коментиолу. А Каст, переправившись через реку, разбил ближайший к нему отряд аваров и затем не стал думать уже ни о мерах предосторожности, ни об отступлении к главному войску. На следующий день каган, заняв переправы (через реку), отрезал Касту отступление. Тогда войско пошло вразброд, и каждый, сколько было силы, искал спасения в бегстве через лес. Некоторые были пойманы варварами и показали, где скрывался Каст; авары живым взяли в плен и Каста, ликовали и веселились. Каган после этого направился к югу, прошел через Фракию и подошел к «Длинным стенам». Коментиол, скрывавшийся в лесах Гемуса, вышел оттуда вместе с Мартином и застал кагана совершенно не готовым к битве, так как множество варваров рассеялось по Фракии. Коментиол подступил к кагану в первую стражу ночи и имел в своих руках отличное средство поправить дела, если бы только какая-то злая судьба не испортила его предприятия. С одного лошака упал вьюк: погонщик, поправляя вьюк, закричал хозяину лошака на родном наречии: торна, торна, фратре! Хозяин лошака не слышал этого крика, но солдаты слышали и, думая, что на них напали враги, обратились в бегство, крича множеством голосов: торна, торна! (т. е. воротись, воротись!). Каган, с своей стороны, объятый великим страхом, также бежал, как конь без узды.

И можно было видеть, что авары и римляне бежали друг от друга, и никто не преследовал. Каган, впрочем, собрав силы, снова осадил Апирию. Случайно взяв в плен Бусу, механика осадных машин, каган собирался убить его. Но Буса обещал уплатить немало денег, если каган подарит ему жизнь. Связав Бусу, авары поставили его перед городом. И Буса просил горожан выкупить его, рассказывая, сколько он пострадал из-за города. Но один гражданин убеждал толпу не делать этого; говорили, что этот гражданин сожительствовал с женою Бусы. Как бы то ни было, но просьба Бусы была отвергнута с пренебрежением; тогда он обещал кагану предать ему город и, построив осадную машину, которую называют бараном, овладел городом. Варвары, узнав благодаря этому осадное искусство, поработили множество и других городов и возвратились с большою добычею. Византийцы, узнав, что Каст взят в плен варварами, начали сильно поносить Маврикия и открыто злословили.

О т р ы в о к 69

Г о д 583 по Р. Х. В этом году, в начале весны, когда войска вступили во Фракию, вышел с ними и Маврикий посмотреть на следы опустошений, произведенных варварами. Аугуста, патриарх и сенат убеждали императора не вести войну лично, а поручить ее какому-либо главнокомандующему. Но император не соглашался. Когда же он двинулся в поход, произошло затмение солнца. Во время пути его встретили противные ветры: именно сильный северный ветер. Достигнув Региума, император обрадовал многих бедняков раздачею серебряных монет. Когда самодержец вышел на охоту, громадный кабан бросился на кесаря. Испуганный страшным зрелищем, конь старался сбросить кесаря; но сколько он ни становился на дыбы, он не мог сбросить седока; между тем кабан ушел целым и невредимым. Император продолжал путь в Перинф по морю, при дожде и противных ветрах; пловцы потеряли присутствие духа, и императорский корабль носился туда и сюда, пока, наконец, чудесным образом не спасся в так наз. Даоние. В ту же ночь какая-то женщина, страдая родами, жалобно стонала: утром император послал справиться о ней, и посланные увидели новорожденное дитя без глаз, без ресниц, без рук, без ног. Вместо ног у него плотно прирос рыбий хвост. В ту же ночь конь императора, украшенный золотою сбруею, нечаянно упал и расшибся. Император, смущенный всеми этими знамениями, был печален. На другой день захвачены были римлянами три славянина без всяких железных доспехов, с одними только гуслями. Император спрашивал, откуда они и где живут. Они отвечали, что они родом славяне, а живут у края западного океана. Каган прислал к ним послов и дары их родоначальникам, чтобы они вместе с ним воевали против римлян. Но начальники славян послали их ответить кагану, что по причине дальности пути не могут прислать ему вспомогательный отряд. Эти славяне говорили, что они шли 18 месяцев, пока, наконец, попали в руки римлян. Они говорили, что носят гусли и не умеют облекаться в доспехи, потому что страна их не знает железа. Маврикий, подивившись их росту и похвалив их величавую наружность, отослал их в Гераклею. Прибыв в Анхиал и узнав, что в Византию пришли послы персов и франков, император возвратился в свой дворец.

О т р ы в о к 70

Г о д 585 по Р. Х. В этом году император Маврикий послал Приска со всеми римскими силами к реке Истру, чтобы воспрепятствовать славянским племенам переправляться через реку. Когда Приск

пришел в Доростол, то каган, узнав об этом, отправил к нему послов, обвиняя римлян, что они первые подают повод к войне. Но Приск возражал: «я пришел, говорил он, не с аварами воевать, но послан императором против с л а в я н с к и х народов».

Затем Приск, услышав, что Ардагаст распустил толпы с л а в я н для грабежа, среди ночи переправился через Истр и неожиданно напал на Ардагаста. Ардагаст, почуяв беду, вскочил на неоседланного коня и едва мог спастись. Римляне, перебив множество с л а в я н, опустошив всю страну Ардагаста и забрав множество пленных, послали их в Византию при посредстве Татимера. Татимер, предаваясь пьянству и удовольствиям, совершал свой путь небрежно и без предосторожности. И вот на третий день пути нападают на него толпы с л а в я н. Объятый робостью, сам Татимер бежал в Византию. Но бывшие с Татимером римляне мужественно сражались со с л а в я н а м и, сверх ожидания разбили варваров и сохранили для императора всю добычу, которую и доставили в Византию. Государь, обрадовавшись, вместе со всею столицею принес богу благодарственные молебствия.

Между тем Приск, сделавшись крайне самоуверенным, проник далеко во внутренние области с л а в я н. Проводником для римлян был некий Гипес, муж христианской веры, предавшийся на сторону римлян, которые и одолели варваров. Гипес говорил, что Мусокий, властитель (ῥήξ, гех) варваров, находится только за 30 парасанг (30 000 шагов). Воспользовавшись предательством Гипеса, Приск среди ночи перешел реку и нашел Мусокия, отягченного вином; ибо он справлял тризну по своему брате. Схватив Мусокия живым, Приск произвел огромное избиение варваров. Захватив множество пленных, победители предались пьянству и удовольствиям. Тогда варвары, собравшись, напали на победителей и отплатили бы римлянам с лихвою за их прежнюю доблестную удачу, если бы не подоспел Гентзон с римской пехотой и в жестокой битве не отразил нападавших варваров. А тех, кому вверены были охрана войска и стража, Приск посадил на кол.

Около того же времени умер в Константинополе отец императора Павел и был погребен в царской усыпальнице. Умерла и Анастасия Аугуста, теща Маврикия, жена Тиверия, и погребена вместе с Тиверием, своим мужем.

О т р ы в о к 71

Г о д 586 по Р. Х. В этом году Приск опять овладел Истром, забрал добычу со с л а в я н с к и х народов и послал императору много пленных. Император, послав Татимера к Приску, приказывает ему, чтобы римляне там же (т. е. за Дунаем) и зимовали. Римляне, узнав об этом, возражали, что это неудобно по причине множества варваров и невыносимых морозов. Приск кроткими словами убеждал воинов перезимовать здесь и исполнить волю императора.

О т р ы в о к 72

Г о д 589 по Р. Х. В этом году, когда Петр, бывший главнокомандующим, охотился, напал на него дикий кабан и придавил его ногу к дереву, отчего Петр болел долго и невыносимо мучительно. Маврикий же непрерывно посылал ему укоризненные письма и упрекал за бездействие, так как получил известие, что с л а в я н с к и е народы двигаются против Византии. В силу императорских понуждений Петр перешел в Новы. Храбрые городские воины вместе с епископом явились к военачальнику. И, увидев их, удивившись их вооружению и мужеству, Петр приказывает им оставить город и соединиться с римской армией. Воины, составлявшие местную

милицию для охраны города, не хотели этого сделать. Петр рассердился и послал против них Гентзона со множеством солдат. Городские милиционеры убежали в церковь, заперли двери храма и засели внутри его. Гентзон из благоговения к храму не приступал ни к каким действиям. Петр, разгневавшись, отрешает Гентзона от начальства над войском и посылает Скрибона, приказывая ему с бесчестием привести к себе городского епископа. Но горожане, собравшись поголовно, с позором выгнали Скрибона из города и, заперев городские ворота, возглашали хвалу императору Маврикию и ругали военачальника. Так Петр и ушел оттуда со стыдом.

Для разведок военачальник послал 1 000 воинов вперед. Они встретились с толпой болгар также в 1 000 человек. Болгары ходили беспечно, надеясь на мирный договор, заключенный каганом, и когда римляне стали нападать на них, болгары посылают от себя семь человек с увещанием не нарушать мир. Услышав это, воины передового отряда доложили об этом Петру. Но он отвечал: «если и сам государь придет сюда, не дам им пощады». Произошла битва, и римляне были обращены в бегство. Впрочем, варвары не преследовали их, опасаясь, как бы после победы им не подвергнуться поражению.

Петр наказал жестоким бичеванием начальника передового отряда. Узнав об этом, каган отправил послов к Петру, обвиняя его в том, что он первый начал неприязненные действия, и в том, что римляне без законной причины нарушили мир. Петр льстивыми словами настойчиво уверял, будто эта стычка совершилась без его ведома и он вознаградит потерпевших вдвое за все убытки. Таким образом, варвары получили все, отнятое у них, в двойном количестве и сохранили мир. После этого Петр двинулся в поход против славянского вождя Пирагаста. Варвары, встретив римлян на берегу реки, препятствовали их переправе. Римляне, поражая их стрелами с лодок, отогнали варваров; и во время бегства Пирагаст получает рану ниже спины и умирает. Переправившись, римляне захватили много добычи и возвратились назад. Но так как проводники сбились с дороги, то войско попало в безводные места и очень страдало. Блуждая ночью, римляне достигают реки Илвакия. Противоположный берег реки зарос кустарником, и варвары, скрываясь в нем, поражали стрелами черпающих воду. Потерпев большой урон, римское войско обратилось в бегство, не устояв перед варварами. Услышав об этом, Маврикий низложил Петра и опять назначил Приска военачальником во Фракии.

Отрывок 73

Год 590 по Р. Х. В этом году главнокомандующий Приск прибыл во Фракию и, произведя смотр войску, нашел, что великое множество его погибло. Собрав наличные войска, Приск идет с ними к реке Истру в Новы. Каган, узнав об этом, отправил послов, спрашивая о причине похода. Приск отвечал, что он якобы вышел поохотиться. «Не следует, — возражал каган, — охотиться на чужой земле». Но Приск утверждал, что эта земля — не чужая, напротив того, презрительно обозвал кагана беглецом с востока. Тогда варвар разрушил стену Сингидона и напал на землю римлян. Узнав об этом, Приск переправляется на остров Истра и на быстроходных лодках плывет в Констанцию, к кагану, желая с ним вести переговоры. Каган прибыл на берег реки, а Приск говорил с корабля. «Какое тебе, Приск, дело, — говорил каган, — до моей земли? Или ты хочешь обманом отнять ее из моих рук? Будет бог судить между мною и императором Маврикием. Взыщет с него кровь римских воинов и воинов моих!» Приск отвечал: «не один римский город покушался ты отнять у нас». Каган возразил: «Подо-

жди немного и увидишь полсотни римских городов в рабстве у варваров».

Приск, прибыв по реке на судах и пристав к Сингидону, осадил город, выгнал оттуда болгар и начал строить стену. Каган послал гонцов к Приску и, призывая в свидетельство своих ложных богов, слагал на Приска вину за совершившиеся события. С наступлением зимы оба врага разошлись по своим областям.

О т р ы в о к 74

Г о д 592 по Р. Х. Маврикий послал на соединение с Приском Коментиола с пешим войском. Узнав об этом, каган ставит лагерь против Коментиола за 30 стадий от его войска. Коментиол, поставленный в затруднение, послал к кагану гонца. А некоторые говорят, будто бы Маврикий поручил Коментиолу предать римское войско врагам за его беспорядки.

В полночь приказал он войску вооружаться, не открыв воинам, что должно произойти сражение; воины, думая, что он приказал им вооружиться для военных упражнений, не вооружились, как надлежало. На рассвете варвары наступали, и великий страх и смятение овладели римлянами. Коментиол производил только беспорядки в рядах и был виновником их расстройств; итак, римляне обратились в бегство. Варвары, найдя войско без полководца, без пощады убивали всех. Коментиол в постыдном бегстве прибыл в Дризиперы; но граждане бранили его, бросали камнями и так прогнали от города. Варвары, подступив к Дризиперам, взяли город и сожгли храм святого Александра: его гроб, сереброкованный, нечестиво ограбили, над самым телом мученика ругались и, собрав великую добычу во Фракии, считая себя великим народом, презирали римлян. Когда Коментиол прибыл в Византию, в городе произошло величайшее смятение. Уже в страхе хотели оставить Европу и переселиться в Халкидон, в Азию. Император, взяв телохранителей и вооруженный простой народ, охранял «Длинные стены», партии народа (демы) охраняли город; сенат советовал императору отправить посольство к кагану. Но бог, в отмщение за мученика Александра, наслал на варваров мор и в один день погубил семерых сыновей кагана горячкою и опухолью в пахах, а равно и множество простого народа; вместо победоносного торжества, пеанов и песней варвар проливал слезы и терзался неутешной печалью. Сенат просил императора отправить к варвару посольство в Дризиперы, которое смягчило бы его ласковыми словами. Варвар не хотел принять даров, хотя и проливал неутешные слезы о потере сыновей, но сказал послам: «Суди бог между мною и императором Маврикием; он сам нарушил мир; я отдаю пленных и желаю получить от него за каждого человека по одной золотой монете». Маврикий не согласился дать. Каган просил половину за каждого; и этого дать Маврикий не согласился, не хотел даже выкупить их за четыре кератия; и каган, разгневанный, всех убил и возвратился в свои пределы, наложив на римлян дань, сверх прежней, другие 50 000. При этом варвары обещались, что они не будут переходить за реку Истр. Из-за этого возникла великая ненависть к Маврикию, и начали осыпать его бранью; во Фракии народ также проклинал Маврикия, войско отправило к царю выборных с обвинением против Коментиола, как совершившего предательство по отношению к войску; в числе этих депутатов находился Фока, который, разговаривая с императором в тайном совете, грубо противоречил ему, так что один из патрициев дал Фоке пощечину и выщипал ему бороду. Маврикий не принял обвинения против Коментиола, но отпустил депутатов без успеха. Из-за этого начались недовольство и заговоры против императора.

О т р ы в о к 75

Г о д 593 по Р. Х. В этом году 26 марта, индиктиона 4, в день святой пасхи, София, жена Юстина, с Константиною, женою Маврикия, поднесли императору драгоценный венец, который сами сработали. Государь с удивлением рассматривал его, потом отправился в церковь и принес его в дар богу, повесив его над алтарем на золотых с драгоценными камнями цепях. Императрица София очень огорчилась, услышав это, а императрица Константина провела весь праздник в ссоре с императором. Между тем, император не принимал обвинений от фракийского войска против Коментиола, и этот Коментиол с войском отправился к реке Истру и в Сингидоне соединился с Приском. Мир с варварами был опять нарушен. Нарушив его, пришли они на Виминакий, большой остров на Истре. Каган, услышав об этом, немедленно собрал свои силы и пошел к римским пределам. Четырех своих сыновей с отборным войском он оставил охранять переправы через реку Истр. Но римляне, устроив лодки, переплыли через реку и под предводительством Приска начали войну с сыном кагана, между тем Коментиол заболел и остался на острове Виминакии. Сражение продолжалось уже несколько часов, и при захождении солнца со стороны римлян оказалось убитыми 300 человек, а варваров погибло 4 000. На утро с зарею опять выстроили войска, вступили в сражение, и опять истреблено было 8 000 варваров. То же самое произошло и на третий день; римляне с высоты напали на варваров и обратили их в бегство, сталкивали с берегов в воду озера и многих потопили; в том числе утонули и дети кагана. Славная победа увенчала римлян, но каган, собрав великие силы, пошел против римлян; завязалось сражение, и римляне обратили в бегство и этих варваров: эта победа их была самой знаменитой. Приск, отделив 4 000 человек, велел им переправиться через реку Тиссу и осмотреть жилища варваров, которые, не зная ничего о происшедшем, праздновали праздник и пили. Римляне, напав на них из засады, произвели великое кровопролитие: они убили 30 000 гепидов и других варваров и с огромной добычей возвратились к Приску. Каган, опять собрав войска, пошел к Истру; вступив в сражение, варвары были разбиты и потонули в глубинах реки, с ними погибло много с л а в я н. В плен взято 3 200 аваров и 200 варваров. Каган отправил к Маврикию послов с просьбой возвратить ему пленных. Маврикий, еще не узнав о новых римских победах, написал Приску, приказывая отдать кагану только варваров.

Коментиол, едва оправившись от болезни, прибыл в Нбвы и искал проводников, которые вывели бы его на Траянову дорогу. Один старик, знавший эту дорогу, сказал, что она трудна и непроходима и от проливных дождей и от зимы, потому что пролегает среди гор и снегов. Коментиол не послушался старика и пошел этой дорогой, но так как наступили чрезвычайные холода, то многие из римлян и из вьючных животных погибли, и сам он едва спасся в Филиппополь. Здесь войска провели зиму, а Коментиол возвратился в Византию.

О т р ы в о к 76

Г о д 594 по Р. Х. Император опять назначил брата своего Петра военачальником во Фракии: он услышал, что при водопадах опять собираются многочисленные силы варваров под предводительством Апсиха. Петр послал к Апсиху посла для переговоров о мире. Но Апсих требовал от римлян уступки водопадов. Каган же пошел против Константинополя. Римляне пошли во Фракию и остановились в Адрианополе. Император, узнав, что каган идет на Константинополь, писал, чтобы Петр направился к Истру;

между тем, он послал Вокоса Скрибона с флотом для перевозки войска. Петр отправил своего помощника Гундою на другой берег Истра; и римляне захватили большую добычу. Каган немедленно послал Апсиха с большим войском истребить перевозчиков, как римских союзников; по этой причине перевозчики, принадлежавшие к варварам, перешли на сторону римлян.

О т р ы в о к 77

Г о д 594 по Р. Х. При наступлении осеннего времени Маврикий приказал Петру провести зиму в земле славян; но воины восстали и не хотели исполнить этого. Ввиду небольшого количества лошадей и полного опустошения той страны, а также потому, что варвары в огромном количестве наводняли ту землю, они готовы были произвести всеобщее восстание. Военачальник, негодуя на воинов, подвергал их великим трудам; пошли проливные дожди, и сделалась жестокая стужа. Петр имел свое местопребывание в 20 милях от войска. Маврикий беспрестанно беспокоил Петра, требуя, чтобы они перешли за Истр и приготовили себе на зиму съестные припасы, захватив их из земли славян, чтобы не иметь необходимости посылать им общественное продовольствие. Военачальник, призвав Гундою, говорил: «Слишком тяжелы для меня царские приказы отвести на зиму римлян в чужую страну: и не послушаться трудно, а еще опаснее послушаться; скупость ничего доброго не производит, но всегда была матерью всех зол. Зараженный ею, император сам подвергает римлян величайшим бедствиям». Потом, созвав таксиархов (начальников отрядов), объявил им императорскую волю. Они сказали, что войско не принимает этого; и действительно, войско, узнав об этом, тотчас возмутилось: высшие начальники, покинув войско, бежали к своему военачальнику. Мятежные толпы, собравшись, провозгласили сотника Фоку вождем и, подняв на щиты, поздравляли его. При этом известии Петр бежал и донес обо всем императору. Но Маврикий в таком затруднительном положении старался скрыть все эти известия от народа.

О т р ы в о к 78

Г о д 610 по Р. Х. В этом году авары вторглись во Фракию, и Ираклий посылал к ним просить мира. Каган согласился. Император вышел к нему навстречу, взяв с него честное слово, за великую стену со всей царской свитой, со многими и великими дарами для заключения мирного договора. Но этот варвар, нарушив и условия и клятву, вдруг с яростию устремился на императора, который, устранившись столь неожиданного нападения, бежал и возвратился в город. Варвар, овладев царскими сокровищами и захватив некоторых из свиты, возвратился назад и опустошил многие места, обманув надежды всех на мир.

О т р ы в о к 79

Г о д 617 по Р. Х. В этом году персидский царь Хозрой организовал новое войско, набрав иноземцев, граждан, рабов и всякого рода сброд, и отдал их под предводительство Сайта, присоединив к нему 9 000 чел., оставшихся из армии Сарвара; их он назвал носителями золотых копий. Это новое войско он послал против императора, а Сарвара с остальным войском послал против Константинополя, чтобы присоединить к себе запасных гуннов, называемых также аварами, склавинами и гепидами, и с ними итти для осады Константинополя.

Сарвар между тем подступил к Халкидону; авары из Фракии, подойдя к городу, хотели его взять и придвинули к нему множество машин; они приплыли с Истра на бесчисленном множестве выдолбленных ладей и наполнили ими весь залив «Рога».

Отрывок 80

Год 649 по Р. Х. В этом году император совершил поход в страну славян, взял многих в плен и покорил под свою власть.

Отрывок 81

Год 671 по Р. Х. В это время болгарский народ вступил во Фракию. Здесь необходимо сказать о древности унновундов, болгар и котрагов. По ту сторону, на северных берегах Евксинского Понта, за озером, называемым Меотийским, со стороны океана, через землю сарматскую течет величайшая река Ател; к этой реке приближается река Танаис, идущая от ворот Иверийских в Кавказских горах; от слияния Танаиса и Атела, которые выше Меотийского озера расходятся в разные стороны, выходит река Куфис и впадает в Понтийское море близ Мертвых ворот, против мыса Бараньего Лба. Из означенного озера море, подобно реке, соединяется с Евксинским Понтом у Боспора Киммерийского, где ловят мурзулию и другую рыбу. На восточных берегах Меотийского озера за Фанагорию, кроме евреев, живут многие народы. За тем озером, выше реки Куфиса, в которой ловят болгарскую рыбу ксист, находится древняя великая Болгария и живут соплеменные болгарам котраги. Во времена Константина на западе... Кроват, властитель Болгарии и котрагов, скончался, оставив пятерых сыновей, которым завещал никогда не расходиться: ибо таким только образом могли они всегда владычествовать и остаться не поработенными другим народом. Но прошло немного времени по его кончине, и пять его сыновей нарушили согласие и разошлись все, каждый с подвластным ему народом. Старший сын, по имени Батваиан, соблюдая завещание отца, поныне остался в земле своих предков; второй сын, его брат, по имени Котраг, перешедший за Танаис, поселился напротив своего старшего брата; четвертый и пятый, перейдя за Истр, или Дунай,—один, покорясь кагану Аварскому, остался с народом своим в Паннонии Аварской, другой, прийдя в Пентаполис при Равенне, покорился государям христианским. Потом третий по старшинству, перейдя Данапр и Данастр и остановившись у реки Ольги, текущей севернее Дуная, поселился между первыми реками и этой последней, находя данную страну со всех сторон безопасной и непреодолимой: впереди она болотиста, с других сторон защищена реками; поэтому народу, ослабленному разделением, представляла великую безопасность от врагов. Когда они таким образом разделились на пять частей и стали малочисленны, то хазары, великий народ, вышедший из Верзитии, самой дальней страны первой Сарматии, овладел всей Запонтийской Болгарией до самого Понта и, сделав данником старшего брата Батваиана, владыку первой Болгарии, и поныне получает от него дань. Царь Константин, услышав, что по ту сторону Дуная у реки Ольги вдруг поселился какой-то народ, грязный, нечистый, и делает набеги и опустошения во всех прилежащих к Дунаю странах, т. е. тех, которыми они овладели, где прежде жили христиане, крайне обеспокоился. Он приказал всем легионам во Фракии перейти за Дунай и двинуться на них с сухопутными и морскими силами, чтобы силой оружия выгнать их из занятых ими стран. Он расположил пехоту между реками Ольгою и Дунаем, корабли поставил у берегов реки. Болгары, увидев внезапно столь многочисленное войско

и отчаявшись в спасении, убежали в прежде упомянутое укрепление и здесь искали безопасности. В продолжение трех или четырех дней они не смели выходить из этого убежища, а римляне по причине болот не начинали сражения; тогда скверный народ, полагая со стороны римлян трусость, сделался смелее. Император страдал от жестокой подагры и принужден был возвратиться на юг для обычного пользования банями; при нем было пять быстроходных кораблей, и домашние сопровождали его. Оставляя военачальников и войско, он приказал обходить и вызывать болгар из их убежищ и сразиться с ними, когда они выйдут; иначе, стоять в своих лагерях и наблюдать за ними. Всадники подумали, что император бежит, и, объятые страхом, обратились в бегство, хотя никто не гнался за ними. Болгары, уже заметив это, преследовали их, весьма многих истребили мечом, многих ранили, гнались за ними до самого Дуная, переправились через эту реку и, прийдя к так наз. Варне, близ Одиссы, увидели здесь ровную землю, со всех сторон огражденную: с тылу—рекою Дунаем, с боков—горными теснинами и Понтийским морем; они овладели живущими здесь семью племенами славян и поселили северян на восточной стороне в береговых теснинах, а прочих, обложив данью, поселили к югу и западу до самой Аварии.

О т р ы в о к 82

Г о д 679 по Р. Х. Он (Юстиниан Младший) нарушил также мир, утвержденный с болгарами, и возмутил весь порядок, установленный отцом его; он приказал коннице перейти во Фракию, желая сделать пленниками и болгар и славян.

О т р ы в о к 83

Г о д 680 по Р. Х. В этом году Юстиниан (Младший) совершил поход против славян и болгар; встретившись с болгарами, он на данное время прогнал их. Пройдя до Фессалоник, он захватил великое множество славян силою оружия, а некоторые отдавались ему добровольно, и переселил их в страны Опсикия за Абидосом, но на возвратном пути, захваченный болгарами в тесных проходах, с великой потерей войска, со множеством раненых едва мог сам уйти.

О т р ы в о к 84

Г о д 683 по Р. Х. В этом году Юстиниан набрал войско из переселенных им славян, всего 30 000 чел., вооружил их и назвал войском запасным, дополнительным, поставив над ним начальником Небулона. Полагаясь на это войско, он писал к аравитянам, что более не хочет сохранять письменно заключенный мир, и с запасными своими воинами со всеми конными отрядами пошел к приморскому Севастополю. Аравитяне, скрывая свои намерения и не принимая на себя вины, что они нарушили мир, но утверждая, что принуждены это делать по вине опрометчивости императора, с оружием сами пришли к Севастополю, указывая императору, чтобы он не преступал условий, с клятвою положенных между обоими народами; бог будет мздовоздаятелем и судьей виновному. Император не хотел и слушать их, но еще более спешил начать войну. Тогда аравитяне, взяв мирную грамоту, привесив ее к длинному копыю в виде орифламмы, или хоругви, устремились против римлян под предводительством Муамеда и сразились; в первый раз аравитяне были разбиты, но Муамед, тайно снесясь с вождем славян, союзником римским, послал к нему колчан, набитый деньгами, и, обманув его многими обещаниями, уговорил перебежать к ним с 20 000 славян; вот какая цена была его измене. Тогда Юстиниан

истребил всех оставшихся славян с женами, с детьми при Левкати, месте утесистом и приморском, у Никомидийского залива.

Отрывок 85

Год 696 по Р. Х. В этом году Азив, сын Хуния, совершил поход в Киликию, осадил и разрушил крепость Симион; настигнув его, брат императора Ираклий вступил с ним в сражение и убил у него 12 000 аравитян. Между тем, Юстиниан жил в Херсонесе и объявлял, что он опять будет царствовать. Жители тех стран, боясь подвергнуться опасности со стороны императора, совещались: или убить его или отослать к императору. Юстиниан, заметив это, как только мог скорее убежал и, прибыв в Дарас, просил свидания с каганом Хазарским, который принял его с великой честью и выдал за него сестру свою Феодору. Вскоре потом, по своей просьбе и с позволения кагана Хазарского, он переселился в Фанагорию и там жил с Феодорой. Услышав это, Ансимар послал к кагану послов и обещал дать ему великие дары, если он пришлет к нему Юстиниана живым; если не живым, то по крайней мере его голову. Каган согласился на эту просьбу. (На Юстиниана готовилось покушение, о котором он узнал.—А. М.) Сам Юстиниан тайно бежал в Фанагорию, пришел к устью реки и, найдя здесь готовую лодку, сел в нее, и, проплыв Асаду, дошел до Симбулона близ Херсонеса; тайно послав в Херсонес, вызвал Басвакурия и брата его, и Сальвана, и Стефана, и Моропавла с Феофилом и вместе с ними проплыл мимо Фароса Херсонесского. Когда уже проплыли, таким образом, Мертвые Ворота и устья Днепра и Днестра, то началась буря, и все отчаялись в своем спасении. Но Миакес, его домашний слуга, говорит ему: «Вот мы умираем, государь; обещайся богу за спасение свое, если он возвратит тебе твое царство, не мстить никому из врагов твоих». Тот с гневом отвечал ему: «Если я пощажу кого-либо из них, то потопа меня бог в этом море». Без опасности избавился он от этой бури и вошел в реку Дунай. Здесь послал он Стефана к Тервелию, владельцу Болгарии, просить содействия, чтобы возвратить ему наследственный престол, и за то обещал ему великие дары, обещая выдать за него свою дочь. Тервель обещался во всем повиноваться ему и содействовать; с честью принял он Стефана и двинул все подвластные ему народы болгар и славян. В следующем году они с полным вооружением прибыли в столицу.

Отрывок 86

Год 746 по Р. Х. В этом году было побито больше славян и антиохийцев.

Отрывок 87

Год 750 по Р. Х. В этом году Константин поработил славян македонских, а других отвел в плен.

Отрывок 88

Год 754 по Р. Х. Болгары возмутились против своих господ, преемственно происходивших от одного поколения, убили их и поставили в правители мужа злонравного, по имени Телетзина, которому было около тридцати лет. Многие из бежавших славян обратились к императору, и он поселил их на Артанане. 17 июня император отправился во Фракию и послал туда флот по Евксинскому морю до 10 000 судов, из которых каждое тащило 12 лошадей. Телетзин, услышав об этом движении против него на суше и на море, принял в союзники 20 000 чел. из окружных народов и, поставив их в укрепленных местах, оградился, стараясь обезопасить себя.

О т р ы в о к 89

Г о д 756 по Р. Х. В том же году каган, владетель Болгарии, отправил посольство к императору и просил с ним свидания. Он получил от него обещание личной безопасности и прибыл к нему с своими боиладами. Царь принял его в заседании и в присутствии Савина укорял их за беспорядки их, за ненависть к Савину. Впрочем, по внешности мир был сохранен. Но тайно царь послал в Болгарию и велел схватить Севера, правителя славянского, который прежде причинил много бедствий во Фракии.

О т р ы в о к 90

Г о д 758 по Р. Х. 16 ноября месяца, 5 индиктиона, по указу императора рукоположен в патриархи Константинопольские незаконно Никита, евнух из славян, и случилось такое бездождие, что и роса с неба не падала, и в городе совершенно не стало воды, опустели водоемы и купальни, даже и самые водные источники, беспрестанно прежде текшие.

О т р ы в о к 91

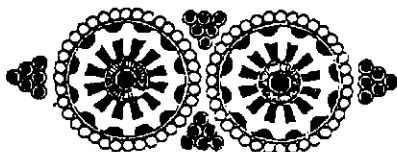
Г о д 765 по Р. Х. В этом году, в мае индиктиона 12, Константин двинул флот, состоящий из 2 000 судов, против Болгарии и сам, сев на русские суда, намеревался плыть к реке Дунаю, оставив при теснинах военачальников конных войск, чтобы они, пользуясь оплошностью болгар, вторглись в их землю. Уже он дошел до Варны, но его охватил страх, и он хотел возвратиться назад. Между тем, и болгары, видя его приготовления, и сами испугались и послали Вула и Цигана просить мира. Император, увидев их, обрадовался и заключил мир, и они взаимно клялись: ни болгарам не делать нападения на римские земли, ни императору не вступать в Болгарию, ни под каким предлогом. Обе стороны дали друг другу письменные на это обязательства.

О т р ы в о к 92

Г о д 775 по Р. Х. В этом году Ирина, заключив мир с аравитянами и пользуясь безопасностью, послала Ставракия, патриция и логофета гипподрома, с великой силой против славянских народов; он прошел Фессалонику, Элладу, покорил всех и сделал данниками царства; он проник и в Пелопоннес и возвратился со множеством пленных и с великой добычей в Римское государство.

О т р ы в о к 93

Г о д 791 по Р. Х. В марте 7 индиктиона Акамир, начальник славян в Верзитии, подстрекаемый жителями Эллады, хотел увести сыновей Константина и одного из них провозгласить императором. Царица Ирина, узнав это, послала Феофилакта, оруженосца племянника своего, к патрицию Константину, отцу его, и приказала лишить их зрения. Таким образом она рассеяла злоумышленников своих.



УКАЗАТЕЛЬ

СОБСТВЕННЫХ ИМЕН, ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ В «МАТЕРИАЛАХ К ИСТОРИИ ДРЕВНИХ СЛАВЯН»

[Условные сокращения: Пл.—Плиний Старший; Тац.—Тацит; Пт.—Птолемей; Ав.—Альцим Экидий Авит; Иорд.—Иордан; Прок.—Прокопий Кесарийский; Аг.—Агафий; Мен.—Менандр Византиец; Ев.—Евагрий; ИЭ—Иоанн Эфесский; Мавр.—Маврикий; Пасх.—«Пасхальная хроника»; Ис.—Исидор Севильский; Фл.—Феофилакт Симокатт; Фн.—Феофанова летопись.

Этн.—названия племен и народов. Геогр.—географические названия. Цифры обозначают номер отрывка в тексте.]

- | | |
|---|---|
| Абидос (геогр.)—Фн. 83. | Асада (геогр.)—Фн. 85. |
| Авария (геогр.)—Фн. 81. | Асбад—Прок. 19, 20. |
| Авары (эти.)—Мен. 34, 36, 37, 38; Ев. 41, 42; Пасх. 47; Фл. 49, 52, 55, 61, 62, 63; Фн. 68, 70, 75, 78, 79. | Астика (геогр.)—Прок. 22; Фл. 49. |
| Авдуин—Прок. 18. | Ател (геогр.)—Фн. 81. |
| Адина (крепость)—Прок. 29. | Ахайя (геогр.) Ев. 40. |
| Адрианополь (геогр.)—Прок. 22; Фл. 49, 63; Фн. 67, 76. | Баламбер (вождь гуннов)—Иорд. 9. |
| Азив—Фн. 85. | Бараний Лоб (мыс)—Фн. 81. |
| Азия (геогр.)—Прок. 27; Фн. 74. | Басвакурий—Фн. 85. |
| Акамир (начальник славян)—Фн. 93. | Бастарны (эти.)—Пт. 3; Иорд. 6. |
| Акис (геогр.)—Фл. 58; Фн. 68. | Батваиан—Фн. 81. |
| Аламанн (эти.)—Ав. 4. | Беотия (геогр.)—Ев. 40. |
| Алан (эти.)—Ав. 4. | Бож (вождь антов)—Иорд. 9. |
| Аланы-скифы (эти.)—Пт. 3. | Болгария—Фн. 81, 85, 89, 91. |
| Александр (начальник отряда)—Фл. 55, 58. | Болгары (булгары, эти.)—Фн. 64, 65, 72, 73, 81, 82, 83, 85, 88, 91. |
| Александр Кипрский (св.)—Фн. 66. | Боноз (телохранитель римского императора)—Фл. 63. |
| Алута (геогр.)—Иорд. 6. | Бонония (геогр.)—Фл. 51. |
| Альмирис (укрепление)—Прок. 29. | Боспор Киммерийский—Фн. 81. |
| Амаксобии (эти.)—Пт. 3. | Босфор—Ев. 41. |
| Амал Винитар—Иорд. 9. | Британия—Прок. 11. |
| Амми—Иорд. 8. | Бургундион (эти.)—Ав. 4. |
| Анастасия Аугуста—Фн. 69, 70. | Бурценций—Прок. 12. |
| Анастасия стена—Фн. 66. | Буса—Фн. 68. |
| Андрегаст—Фн. 67. | Валериан—Прок. 10, 12. |
| Ансин (укрепление)—Фл. 49. | Вальдар (сын Вацеса)—Прок. 18. |
| Ансимар—Фн. 85. | Варвары (эти.)—Прок. 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30; Аг. 31, 33; Мен. 36, 37, 38; Ев. 39, 41; Мавр. 44, 46; Фл. 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 60, 62, 63; Фн. 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78. |
| Антиохийцы (эти.)—Фн. 86. | Варна (геогр.)—Фн. 81, 91. |
| Анты (эти.)—Иорд. 5, 7, 9; Прок. 10, 13, 14, 15, 16, 21, 23, 25, 26, 27; Аг. 31, 32; Мен. 34; Мавр. 44, 45, 46; Фл. 63. | Варны (эти.)—Прок. 11, 18. |
| Анхиял (геогр.)—Ев. 42; Фн. 68, 69. | Варх—Фн. 66. |
| Апирия (геогр.)—Фн. 68. | Вацес (король лангобардов)—Прок. 18. |
| Апсих (военачальник аваров)—Фл. 63; Фн. 76. | Ваян (князь аваров)—Мен. 36, 37. |
| Апулия (геогр.)—Прок. 16. | Везеготы (эти.)—Иорд. 9. |
| Аравитяне (эти.)—Фн. 84, 85, 92. | Велизарий—Прок. 10, 12, 13; Фн. 66. |
| Аратий—Прок. 22. | Венеды (венеты, эти.)—Пл. 1; Тац. 2; Пт. 3; Иорд. 5, 7; Прок. 26. |
| Ардагаст (вождь славян)—Фл. 49, 53, 55; Фн. 70. | Венедский залив—Пт. 3. |
| Аркадиополь (геогр.)—Фн. 66. | Венецианская область—Прок. 13. |
| Армения (геогр.)—Мен. 38; Фн. 65. | |
| Армяне (эти.)—Пасх. 47. | |
| Артанана (геогр.)—Фн. 88. | |

- В е р з и т и я—Фн. 81, 93.
 В и з а н т и я—Прок. 15, 16, 20, 22, 24, 26; Мен. 38; Фл. 52, 53, 54, 59, 60, 63; Фн. 69, 70, 72, 74, 75.
 В и м и н а к и й (остров на Истре)—Фн. 75.
 В и с т у л а (Висла, река)—Пл. 1; Иорд. 5.
 В о к о с С к р и б о н (византийский военачальник)—Фн. 76.
 В у л—Фн. 91.
 В у л ь т у л ь ф—Иорд. 9.
 Г а л л ы (этно.)—Прок. 26.
 Г а н н и б а л—Прок. 16.
 Г а р г а н а (геогр.)—Прок. 16.
 Г е в р (геогр.)—Прок. 19.
 Г е з и м у н д—Иорд. 9.
 Г е л и к а б и я (геогр.)—Фл. 55, 60.
 Г е м у с (ущелье)—Фн. 68.
 Г е н т з о н (византийский военачальник)—Фл. 52, 55; Фн. 70, 72.
 Г е п и д и я (геогр.)—Иорд. 6.
 Г е п и д ы (этно.)—Прок. 18, 24, 26; Фл. 55; Фн. 65, 75, 79.
 Г е р а к л е я (геогр.)—Фл. 50, 52; Фн. 69.
 Г е р м а н (племянник Юстиниана)—Прок. 21, 22, 24; Ев. 42.
 Г е р м а н а р и х (вождь готов)—Иорд. 7, 8, 9.
 Г е р м а н ц ы—Тац. 2; Прок. 26.
 Г е р у л ы (этно.)—Иорд. 7; Прок. 11, 13.
 Г е т ы (этно.)—Фл. 52, 58.
 Г и д р у н т (геогр.)—Прок. 16.
 Г и п е с—Фн. 70.
 Г и р р ы (этно.)—Пл. 1; Тац. 2.
 Г и с м—Фн. 65.
 Г о т и я (геогр.)—Иорд. 6.
 Г о т ы (этно.)—Прок. 10, 12, 16, 18, 21, 22, 23, 28; Ев. 40; Ис. 48.
 Г р е ц и я—Ев. 40, 42; Ис. 48.
 Г у д у и н (военачальник)—Фл. 63.
 Г у н д о й—Фн. 76, 77.
 Г у н и м у н д—Иорд. 9.
 Г у н н ы (этно.)—Иорд. 8, 9; Прок. 10, 12, 13, 14, 15, 23, 26, 27, 28; Аг. 32; Фн. 65, 66, 79.
 Д а б р а г а с т (вождь славян)—Аг. 31, 32.
 Д а в р и т—Мен. 36.
 Д а к (этно.)—Ав. 4.
 Д а к и я (геогр.)—Пт. 3; Иорд. 6.
 Д а л м а ц и я (геогр.)—Прок. 21, 22.
 Д а н а п р (река)—Иорд. 5; Фн. 81.
 Д а н а с т р (река)—Иорд. 5; Фн. 81.
 Д а н ы (этно.)—Ав. 4; Прок. 11.
 Д а о н и я (геогр.)—Фн. 69.
 Д а р а с—Фн. 85.
 Д е к а т о н (геогр.)—Фл. 66.
 Д н е п р (река)—Фн. 85.
 Д н е с т р (река)—Фн. 85.
 Д о р о с т о л (укрепление)—Прок. 29; Фл. 52; Фн. 68, 70.
 Д р и з и п е р ы (геогр.)—Фл. 52; Фн. 74.
 Д р и п и й (геогр.)—Фл. 66.
 Д у н а й (река)—Иорд. 6; Прок. 10; Мавр. 46; Фн. 65, 66, 71, 81, 85, 91.
 Е в к с и н с к и й П о н т (Черное море)—Мен. 36, 37, 38; Фн. 81, 88.
 Е в р о п а—Прок. 22, 26, 27; Ев. 39; Фл. 51; Фн. 74.
 Е г и п е т—Прок. 26; Ис. 48.
 Е д е р м (греческий вождь)—Фн. 66.
 З а л д а п ы (геогр.)—Фл. 58, 59.
 З а р п а д а (геогр.)—Фн. 68.
 И б и д а (геогр.)—Прок. 29.
 И в е р и й с к и е в о р о т а—Фн. 81.
 И д а р и з и й—Мен. 34.
 И л в а к и й (геогр.)—Фн. 72.
 И л л и р и к (геогр.)—Фн. 65.
 И л л и р и я (геогр.)—Прок. 11, 17, 19, 20, 21, 24, 26; Мен. 36, 38; Фн. 64.
 И л ь д и г е с—Прок. 18.
 И о а н н—Мен. 36.
 И о а н н (Фаг—«поглотитель», обжора)—Прок. 13, 16, 22.
 И о н и й с к и й з а л и в—Прок. 16, 26.
 И р а к л и й (визант. император)—Ис. 48; Фн. 78, 85.
 И р и н а (визант. императрица)—Фн. 92, 93.
 И с п а н и я (геогр.)—Ис. 48.
 И с т р (река)—Прок. 11, 12, 13, 14, 15, 17, 18, 19, 21, 22, 24, 28, 29; Мен. 36, 37, 38; Ев. 41; Фл. 51, 52, 57, 61, 63; Фн. 70, 71, 73, 74, 75, 76, 77, 79, 81.
 И т а л и я—Прок. 16, 21, 26.
 И у д е и (этно.)—Ис. 48.
 К а в к а з—Ев. 39, 41.
 К а в к а з с к и е г о р ы—Фн. 81.
 К а л о п о д и й—Фн. 66.
 К а м п а н и я (геогр.)—Прок. 16.
 К а с т—Фн. 68.
 К в е с т р и с (укрепление)—Прок. 29.
 К е л а г а с т—Мен. 34.
 К и л и к и я (геогр.)—Фн. 85.
 К и м м е р и й ц ы (этно.)—Прок. 23.
 К о л о п о д и й—Фн. 66.
 К о л х и д а (геогр.)—Прок. 26; Ев. 39.
 К о м е н т и о л (римский военачальник)—Фл. 49; Фн. 67, 68, 74, 75.
 К о н о п и я (геогр.)—Фн. 68.
 К о н с т а н т и а н (визант. военачальник)—Прок. 22.
 К о н с т а н т и н (визант. император)—Фн. 81, 87, 91, 93.
 К о н с т а н т и н а (жена Маврикия)—Фн. 75.
 К о н с т а н т и н о п о л ь—Ев. 39; Фн. 65, 66, 70, 76, 79.
 К о н с т а н ц и о л а (геогр.)—Фн. 73.
 К о т р а г—Фн. 81.
 К о т р а г и (этно.)—Фн. 81.
 К о т р а г и г—Мен. 34.
 К о х—Фл. 52.
 К р и с а й с к и й з а л и в—Ев. 40.
 К р о в а т (властитель Болгарии)—Фн. 81.
 К у р у л л (геогр.)—Фн. 66.
 К у ф и с (геогр.)—Фн. 81.
 Л а з а р ь (римский военачальник)—Прок. 18.

Л а з и к а (геогр.)—Фн. 65.
Л а з ы (этно.)—Прок. 26.
Л а н г о б а р д ы (этно.)—Прок. 11, 18, 24.
Л е в к а т и я (геогр.)—Фн. 84.
Л и в и я (геогр.)—Прок. 26.
Л у к а н и я (геогр.)—Прок. 16.
Л у к а н ы (этно.)—Прок. 16.

М а в р и к и й (визант. император)—Ев. 42; Фл. 59, 61, 63; Фн. 68, 69, 70, 72, 73, 74, 75, 77.
М а р к и а н о п о л ь (геогр.)—Фл. 58; Фн. 68.
М а р т и н—Ав. 4; Прок. 10; Фн. 68.
М а с с а г е т ы (этно.)—Прок. 14.
М е а м е д—Фн. 84.
М е з а м и р (посланник)—Мен. 34.
М е з и я (геогр.)—Прок. 29; Фн. 68.
М е н а н д р (писатель)—Аг. 33.
М е о т и д а (геогр.)—Ев. 40.
М е о т и й с к о е о з е р о (Меотийское болото)—Пт. 3; Прок. 23; Ев. 39, 40; Фн. 81.
М е р т в ы е в о р о т а—Фн. 81, 85.
М е с о п о т а м и я (геогр.)—Мен. 38.
М и а к е с—Фн. 85.
М и д я н е (этно.)—Прок. 25, 27.
М о р о п а в л—Фн. 85.
М у а м е д—Фн. 84.
М у н д—Фн. 65.
М у р с и а н с к о е (озеро)—Иорд. 5.
М у с о к и й (вождь варваров)—Фл. 55; Фн. 70.
М у х и р и з и д (геогр.)—Аг. 31.

Н а з а р е с—Прок. 22.
Н а и с (геогр.)—Прок. 21.
Н а р а (этно.)—Ав. 4.
Н а р з е с—Прок. 13, 15.
Н е б у л о н—Фн. 84.
Н и к и т а (Константинопольский патриарх)—Фн. 90.
Н и к о м и д и й с к и й з а л и в—Фн. 84.
Н и м ф ы (геогр.)—Фн. 66.
Н о в и е т у н (геогр.)—Иорд. 5.
Н о в ы (геогр.)—Фн. 72, 73, 75.

О д е с с (геогр.)—Фл. 58.
О д и с с а (геогр.)—Фн. 81.
О к е а н (западный)—Фл. 50.
О л ь г а (геогр.)—Фн. 81.
О п с и к и й—Фн. 83.
О с т г о т ы (этно.)—Иорд. 9.
О с т р о г о т (этно.)—Ав. 4.

П а в е л (отец Маврикия)—Фн. 70.
П а л ь м а т и с (укрепление)—Прок. 29.
П а н н о н е ц (этно.)—Ав. 4.
П а н н о н и я (геогр.)—Мен. 37; Фн. 81.
П а с п и р и й (геогр.)—Фл. 55.
П е в к и н ы (этно.)—Тац. 2; Пт. 3.
П е л о п о н н е с (геогр.)—Фн. 92.
П е н т а п о л и с п р и Р а в е н н е (геогр.)—Фн. 81.
П е о н и я (геогр.)—Мен. 36.
П е р и н ф (геогр.)—Фн. 69.
П е р с ы (этно.)—Прок. 26; Аг. 31; Мен. 38; Пасх. 47; Ис. 48; Фн. 69.

П е т р (римский военачальник)—Фл. 58, 59, 60, 63; Фн. 72, 76, 77.
П и р а г а с т (вождь славян)—Фл. 60; Фн. 72.
П и с т (крепость)—Фл. 59.
П о н т Е в к с и н с к и й (см. *Евксинский Понт*)—Иорд. 5; Прок. 23; Ев. 39, 40, 41; Фн. 81.
П р и с к (римский главнокомандующий)—Фл. 51, 52, 53, 54, 55, 57, 60, 62; Фн. 70, 71, 72, 73, 74, 75.
П р о к л и а н а (геогр.)—Фл. 51.
П р о к о п и й (писатель)—Ев. 40.
П р о п о н т и д а (геогр.)—Ев. 39.

Р а в е н н а (геогр.)—Прок. 21, 22.
Р а т и а р г а (геогр.)—Фн. 68.
Р е г и у м (геогр.)—Фн. 69.
Р и г (владелец Сирмийский)—Фн. 65.
Р и з н у л ь ф—Прок. 18.
Р и м—Прок. 10, 15; Фн. 65.
Р и м л я н е—Прок. 12, 13, 15, 18, 19, 20, 21, 22, 24, 26; Аг. 31, 32, 33; Мен. 36, 37, 38; Ев. 41; ИЭ. 43; Мавр. 46; Ис. 48; Фл. 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 60, 61, 63; Фн. 66, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 81, 84, 91.
Р и м с к а я и м п е р и я—Прок. 15, 24, 26; Мен. 36, 38; Ев. 40; ИЭ. 43; Фл. 50, 57; Фн. 65, 92.
Р о д о п а (геогр.)—Прок. 30.
Р о з о м а н ы (этно.)—Иорд. 8.
Р о к с о л а н ы (этно.)—Пт. 3; Иорд. 6, 8.
Р у г (из ругиев, этно.)—Ав. 4.

С а в и н—Фн. 89.
С а в р о м а т ы - к о ч е в н и к и (этно.)—Прок. 28.
С а г и н ы (этно.)—Прок. 23.
С а и т (персидский военачальник)—Фн. 79.
С а к с о н е ц (этно.)—Ав. 4.
С а л о н (геогр.)—Прок. 21, 22.
С а л ь в а н—Фн. 85.
С а л ь в и а н—Фл. 51.
С а л ь т у п и р г (укрепление)—Прок. 29.
С а л я р и й с к и е в о р о т а—Прок. 10.
С а м у р (военачальник варваров)—Фл. 51.
С а о н (геогр.)—Фл. 51.
С а р—Иорд. 8.
С а р а ц и н ы (этно.)—Прок. 25, 26, 27.
С а р в а р (персидский военачальник)—Фн. 79.

С а р д и к а (геогр.)—Прок. 21.
С а р м а т и я (геогр.)—Пт. 3; Фн. 81.
С а р м а т ы (этно.)—Пл. 1; Тац. 2; Ав. 4; Иорд. 6; Мен. 36; Фн. 81.
С а й (Сава, река)—Мен. 37, 38.
С в а р у н а—Аг. 33.
С в е в ы (этно.)—Тац. 2.
С е в а с т о п о л ь (геогр.)—Фн. 84.
С е в е р—Фн. 89.
С е р г е й (римский военачальник)—Фн. 66.
С и к и д а б а (укрепление)—Прок. 29.

- Силиврия (геогр.)—Фн. 66.
 Симбулон—Фн. 85.
 Симион (крепость)—Фн. 85.
 Сингидон (геогр.)—Мен. 37; Ев. 42; Фл. 51, Фн. 73, 75.
 Сирия (геогр.)—Ис. 48.
 Сирмий (геогр.)—Прок. 26; Мен. 37, 38; Фл. 51.
 Сирмийский остров—Мен. 37.
 Сисебут (вождь готов)—Ис. 48.
 Сиф (римский полководец)—Мен. 37.
 Скифия (геогр.)—Прок. 28, 29; Фн. 68.
 Скифская область—Мен. 36.
 Скифы—Пл. 1; Прок. 29; Мавр. 46.
 Слав (из славян, этн.)—Ав. 4.
 Славинны (этно.)—Иорд. 5, 7; Мен. 36, 37, 38; Фн. 79.
 Скопис (геогр.)—Фл. 58.
 Скрибон (см. *Боноз*)—Фл. 63; Фн. 72.
 Славяне—*passim*.
 София (жена Юстина)—Фн. 75.
 Споры («рассеянные», этн.)—Прок. 14.
 Ставракий—Фн. 92.
 Стефан—Фн. 85.
 Стратоник (св.)—Фн. 66.
 Сунильда—Иорд. 8.
 Схоластик (римский военачальник)—Прок. 22.

 Таврида (геогр.)—Прок. 28.
 Танаис (геогр.)—Прок. 23; Ев. 40; Феоф. 81.
 Таргитий (посол аварский)—Мен. 37; Фл. 57.
 Татимер (римский военачальник)—Фл. 54, 56; Фн. 70, 71.
 Телетзин—Фн. 88.
 Теодорик (готский военачальник)—Фн. 65.
 Тервелий—Фн. 85.
 Тзурула (фракийская крепость)—Прок. 19.
 Тиверий (римский император)—Мен. 35, 36, 37; ИЭ 43; Фн. 70.
 Тиликион (крепость)—Прок. 29.
 Тисса (геогр.)—Фл. 62; Фн. 75.
 Томи (геогр.)—Фл. 62; Фн. 68.
 То пер (геогр.)—Прок. 19, 20, 30.
 Торинг (этно.)—Ав. 4.
 Тотила (готский король)—Прок. 16, 18, 21, 22.
 Траян (римский император)—Прок. 10, 15.
 Туллиан (визант. военачальник)—Прок. 16.
 Турки (этно.)—Мен. 38; Ев. 41.
 Туррис (геогр.)—Прок. 15.

 Узигајрд—Аг. 31.
 Ульмитон (укрепление)—Прок. 29.
 Унновунды (этно.)—Фн. 81.
 Утигуры (этно.)—Прок. 23.

 Фанагория (геогр.)—Фн. 81, 85.
 Фарос—Фн. 85.
 Феодора (жена Юстиниана)—Фн. 85.
 Феодосий (визант. император)—Ев. 39.
 Феофил—Фн. 85.
 Феофилакт (визант. писатель)—Фл. 93.
 Фессалоника (геогр.)—Прок. 21; ИЭ 43; Фн. 83, 92.
 Филиппополь (геогр.)—Фн. 75.
 Финны (этно.)—Тац. 2.
 Фока—Фн. 74, 77.
 Фракия (геогр.)—Прок. 13, 19, 20, 21, 22, 26; Мен. 35; Ев. 39; ИЭ 43; Фл. 49, 50, 52, 59; Фн. 64, 65, 66, 67, 68, 69, 72, 73, 74, 76, 78, 79, 81, 82, 88, 89.
 Фракийское море—Ев. 39.
 Франк (из франков, этн.)—Ав. 4; Фн. 69.
 Фуле (геогр.)—Прок. 11.

 Хазары (этно.)—Фн. 81.
 Халкидон (геогр.)—Фн. 74, 79.
 Херсонес (геогр.)—Прок. 26; Мен. 38; Ев. 39; Фн. 85.
 Хильбудий (римский военачальник)—Прок. 13, 15.
 Хитукомей (геогр.)—Фн. 66.
 Хозрой (персидский царь)—Прок. 26; Фн. 79.
 Хуний—Фн. 85.

 Царьград (геогр.)—Мен. 37.
 Циган—Фн. 91.

 Юстин (визант. император)—Прок. 22; Ев. 41; ИЭ 43; Фн. 66, 75.
 Юстиниан (визант. император)—Прок. 15, 19, 21, 24, 26, 28, 29, 30; Ев. 40, 41; Фн. 65.
 Юстиниан Младший—Фн. 82, 83, 84, 85.

 Эвлисия (геогр.)—Прок. 23.
 Эгисс (укрепление)—Прок. 29.
 Эллада (геогр.)—Прок. 26; Мен. 36; ИЭ 43; Фн. 92, 93.
 Эльмингейр—Аг. 32.
 Эпидамн (геогр.)—Прок. 17.
 Эргинина (геогр.)—Фл. 49.

 Языги (этно.)—Пт. 3; Иорд. 6.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ, ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ В № 1(14) «ВДИ»

- ABAW**—Abhandlungen der Bayerischen Akademie der Wissenschaften
AM—Athenische Mitteilungen
AO—Der alte Orient
APAW—Abhandlungen der preussischen Akademie der Wissenschaften
AZ—Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde
BGA—Bibliotheca geographorum arabicorum
BIFAO—Bulletin de l'Institut français de l'Archéologie orientale au Caire
BzA—Beiträge zur Assyriologie
САН—Cambridge Ancient History
СIE—Corpus Inscriptionum Etruscarum
СIL—Corpus Inscriptionum Latinarum
ДАН—Доклады Академии наук
EI—Enzyclopaedie des Islām
FF—Forschungen und Fortschritte
ИАК—Известия Археологической комиссии
ИАН—Известия Академии наук
IG—Inscriptiones Graecae
ИГАИМК—Известия Гос. академии истории материальной культуры
ILS—H. Dessau, Inscriptiones Latinae Selectae
IPE (IosPE)—Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini
ИЗ—Исторические записки
ИЯИМК—Институт языка и истории материальной культуры ГрузФАН
JEA—Journal of Egyptian Archaeology
JKPh—Jahrbuch für klassische Philologie
ЖМНП—Журнал министерства народного просвещения
JPEK—Jahrbuch für prähistorische und ethnographische Kunst
JRS—Journal of Roman Studies
КВ—Keilinschriftliche Bibliothek
КСИИМК—Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР
МАЗ—Музей антропологии и этнографии
МИТТ—Материалы по истории Туркмени и туркмен
MLI—Hübner, Monumenta Linguae Ibericae
MVAG—Mitteilungen der Vorderasiatisch-ägyptischen Gesellschaft
ОАК—Отчеты Археологической комиссии
OLZ—Orientalistische Literaturzeitung
PG—Patrologia Graeca
ПИДО—Проблемы истории докапиталистических обществ, ГАИМК
RA—Revue archéologique
RAA—Revue d'Assyriologie
RE—Pauly-Wissowa-Kroll, Real-Encyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft
RH—Revue historique
RHA—Revue hittite et asianique
REL—Revue des études latines
SAWW—Sitzungsberichte d. Akademie d. Wissenschaften in Wien.
SBAW—Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften
SEG—Supplementum Epigraphicum Graecum
СМОМПК—Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа
ZDMG—Zeitschrift der deutschen Morgenländischen Gesellschaft
ZAs—Zeitschrift für Assyriologie
ЗИВ—Записки Института востоковедения АН СССР
ЗКВ—Заметки коллегии востоковедов
ЗНО—Записки классического отделения Русского археологического общества
ВДИ—Вестник древней истории

СОДЕРЖАНИЕ

Критику и библиографию на службу исторической науке СССР (передовая) . . .	3
А. Шультен—Тирсены в Испании (новые данные об иберийском языке) . . .	8
М. А. Коростовцев—Из истории V династии в древнем Египте	31
Акад. Н. М. Никольский—Рабство в древнем Двуречье.	45
Проф. Р. Ю. Виппер—Возникновение христианства	64
Проф. В. Н. Дьяков—Оккупация Таврики Римом в I в. н. э	87

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

К. Зельин—«История дипломатии», т. I	98
А. Ранович—«История философии», т. I	102
Акад. И. Мещанинов—Урартские памятники музея Грузии	107
И. Дьяконов—Гос. Эрмитаж. Труды Отдела истории культуры и искусства Востока, т. I	117
С. Киселев—«Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры»	121
С. Киселев—А. Я. Брюсов, История древней Карелии	126
К. Зельин—F. Cumont, L'Egypte des astrologues	129
С. Волин—Julius Junge, Saka-Studien. Der Ferne Nordosten im Weltbild der Antike	132
Проф. Л. Тарасов—«Хрестоматия по античной литературе»	136
И. Лурье—«Mélanges Maspéro»	138
Список новых иностранных книг, поступивших в библиотеки Москвы и Ленинграда	143

ХРОНИКА

С. Толстов—Древности Верхнего Хорезма	155
С. Ершов—Археологические памятники левого берега Аму-Дарьи	184
С. Волин—К истории древнего Хорезма.	192
И. Лурье—К проблеме домашнего рабства в древнем Египте	196
Ю. Марти—Неопубликованные археологические памятники Керченского Историко-археологического музея им. А. С. Пушкина	198
Т. Пассек—Трипольское поселение у Владимировки.	212
В. Блаватский—Раскопки в Фанагории в 1940 г.	220

ПРИЛОЖЕНИЕ

Проф. А. В. Мишулин—Материалы к истории древних славян	225
Проф. А. В. Мишулин—Древние славяне в отрывках греко-римских и византийских писателей по VII в. н. э.	230

EP_1941_AKS_99

S O M M A I R E

La critique et la bibliographie au service de la science historique de l'URSS (éditorial)	3
A. Schulten — Les tyrsènes en Espagne (données nouvelles sur la langue ibérique)	8
M. A. Korostovcev — Contributions à l'histoire de la V dynastie en ancienne Egypte	31
N. M. Nikolsky, de l'Académie des sciences — L'esclavage en ancienne Assyro-Babylonie	45
Prof. R. J. Vipper — L'origine du christianisme	64
Prof. V. N. Diakov — L'occupation romaine de la Taurica au I-er siècle de notre ère.	87

C R I T I Q U E E T B I B L I O G R A P H I E

K. Zél'ine — «L'histoire de la diplomatie», v. 1	98
A. Ranovič — «L'histoire de la philosophie», v. I	102
I. Mesčaninov, de l'Académie des sciences de l'URSS — Les monuments d'Ourartou au Musée de Géorgie	107
I. Diakonov — Les oeuvres de l'Ermitage, Section d'histoire, de la culture et d'art de l'Orient	117
S. Kissélev — «Bulletins de l'Institut de l'histoire de la culture matérielle sur des rapports et des recherches archéologiques»	121
S. Kissélev — A. J. Brjussov, L'histoire de la Carélie ancienne	126
K. Zél'ine — F. Cumont, L'Egypte des astrologues	129
S. Voline — Julius Junge, Saka-Studien. Der Ferne Nordosten im Weltbild der Antike	132
Prof. L. Tarassov — «Chrestomathie de la littérature antique»	136
I. Lourié — «Mélanges Maspéro»	138
Table des nouveaux livres étrangers, reçus par les bibliothèques de Moscou et de Léninegrad	143

C H R O N I Q U E

S. Tolstov — Les antiquités de Khorézme Supérieur	155
S. Iérchov — Les monuments archéologiques de la rive gauche de l'Amou-Daria	184
S. Voline — De l'histoire du Khorézme ancien	192
I. Lourié — Le problème de l'esclavage domestique en ancienne Egypte	196
J. Marti — Monuments archéologiques inédits au Musée de Kerč	198
T. Passek — Une habitation tripolienne près de Vladimirovka	212
V. Blavatsky — Fouilles à Phanagorie en 1940.	220

S U P P L É M E N T

Prof. A. V. Michouline — Documents pour l'histoire des slaves anciens.	225
Prof. A. V. Michouline — Fragments d'auteurs antiques et byzantins jusqu'au VII siècle relatifs aux slaves	230

5-й год издания
Объем 18 печ.л.; авт. 25, 3л.;
61540 зн. в 1 печатном л.
Подписано в печать 9/IV
1941 г. Тираж 15800 экз.
А37821. Заказ 84.
Цена 12 руб.
16-я типография треста
«Полиграфкнига», Москва,
Трехпрудный, 9.

Редакционная коллегия

Акад. Ю. В. ГОТЬЕ
Акад. С. А. ЖЕБЕЛЕВ
Проф. А. В. МИШУЛИН (отв. редактор)
Проф. А. Б. РАНОВИЧ (зам. отв. редактора)

Адрес редакции: Москва, Красная площадь, зд. СНК СССР. Тел. К 0 91 01.

12 руб.

8681

Ак.

548.

8

52-53г.